

Изданіе
Великаго Князя
Николая Михайловича

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ

XVIII и XIX столѣтій

Edition du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch

PORTRAITS RUSSES

des XVIIIe et XIXe siècles

II томъ
1 выпускъ

TOME II
FASCICULE 1

1906

С. ПЕТЕРБУРГЪ
ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ
ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ

ST. PÉTERSBOURG
MANUFACTURE DES
PAPIERS DE L'ÉTAT

Изданіе Великаго Князя Николая Михайловича

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ

ХVIII и ХІХ столѣтій

ТОМЪ II

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ

1906

Нѣкоторыя поправки и дополненія.

Текстъ.

- № 13.—Наталія И. Нарышкина—нужно—Екатерина И. Нарышкина.
№ 23.—Княжна Щербатова — „ — княгиня Щербатова.
№ 32.—Кн. В. Н. Гагарина родилась 25 Юля 1802 года (а не 4 Юля).
№ 35.—Нужно исправить: „переписка между нимъ и его Биби продолжалась цѣ-
лыхъ 12 лѣтъ; въ этихъ“....
№ 51. { Орывковъ — нужно — отзывовъ,
каменьевъ — „ — камей.
№ 63.—Анна Григорьевна—нужно—Анна Кирилловна.
№ 68 и № 77.—И. А. и М. А. Фонъ-Визины погребены около собора въ городѣ
Бронницахъ, Московской губерніи.
№ 78.—Ялутуровскъ—нужно—Ялуторовскъ.
№ 78.—Наталія Дмитріевна Пуцина, въ 1-мъ бракѣ Фонъ-Визинъ, рожд. Апухтина,
погребена въ Московскомъ Покровскомъ монастырѣ; на памятникъ ея надпись:
„Блаженни милостивіи, яко ти помиловани будутъ“, и слѣдующія даты:
р. 7 Апрѣля 1805 г., † 10 Октября 1869 года.
№ 89.—Люцинъ — нужно — Люценъ.
№ 106.—Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ былъ женатъ съ 8 Февраля 1748 г. на
Аннѣ Александровнѣ Татищевой († 1764 г.). Сынъ его былъ Никита, а
не Николай.
№ 120.—Вмѣсто—Ломоносова — нужно — Державина.
№ 139.—Княжна Е. Хованская — „ — княгиня.
№ 143.—Портретъ С. И. Муравьева-Апостола принадлежалъ не П. О. Созоновичъ,
а недавно умершему князю А. В. Шаховскому, с. Бѣлая Колпь, Москов-
ской губерніи.
№ 144.—Основывальъ—вмѣсто—основальъ.
№ 155.—Елена Степановна—нужно—Елена Леонтьевна.

Таблицы.

- XVII—№ 17.—П. И. Лопухина: годъ рожденія 175 . (а не 1753).
XX—№ 20.—Б. В. Умскій: годъ смерти 1780 (а не 179.).
XXX—№ 30.—Графиня Е. П. Шувалова: годъ смерти 1817 (а не 1816).
LXXII—№ 112.—М. С. Талызина: годъ рожденія 1742 (а не 1759).
LXXV—№ 125.—И. Л. Голенищевъ-Кутузовъ: годъ смерти 1802 (а не 1801).
LXXVII—№ 131.—Гр. М. Р. Панина: годъ рожденія 1746 (а не 174.).
LXXVIII—№ 135.—Гр. А. А. Чернышева родилась въ 1740 году.
LXXX—№ 139.—И. М. Муравьевъ-Апостоль: годъ рожденія 1768 (а не 1765).
LXXXV—№ 159.—С. Н. Раевская родилась въ 1806 году.
XCII—№ 180.—Е. Н. Бекетова: годъ смерти 1812.
XCV—№ 189.—М. Ф. Соймоновъ: годъ рожденія 1730 (а не 1753).

Во II томѣ изданія „РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ“, въ составленіи текста біографическихъ очерковъ, участвовали слѣдующіе сотрудники: К. А. Военскій, А. А. Голомбіевскій, С. Н. Казнаковъ, Б. Л. Модзалевскій, В. И. Саитовъ, Н. П. Чулковъ, В. В. Шереметевскій, Е. С. Шумигорскій.

Ont collaboré à la rédaction des esquisses biographiques du Tome II des PORTRAITS RUSSES: V. Chéremétewsky, E. Choumigorsky, A. Golombiewsky, S. Kaznakoff, B. Modzalewsky, V. Saïtoff, N. Tchoulkoff, C. Voïensky.

ВЪ 1907 ГОДУ ВЫЙДЕТЪ III-Й ТОМЪ

ХУДОЖЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКАГО ИЗДАНІЯ

Великаго Князя Николая Михайловича

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ

XVIII и XIX столѣтій.

Собраніе портретовъ русскихъ людей эпохи царствованій

Императрицы Екатерины II, Императоровъ Павла I и Александра I

(1762—1825),

исполненныхъ геліографіей и фототипіей въ Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ.

Программа изданія остается прежняя.

Изданіе, формата in-4° (27×35 сант.), будетъ выходить ежегодно по одному тому, въ 4 выпуска, заключающихъ въ себѣ всего сто таблицъ, изъ которыхъ 50 геліографіей и 50 фототипій. Общее число изображеній въ каждомъ томѣ будетъ около 200.

Къ каждому портрету будетъ приложена краткая біографія даннаго лица на русскомъ и французскомъ языкахъ.

Съ послѣднимъ выпускомъ подписчики получаютъ коленкорovou папку для всего тома.

Второй томъ изданія законченъ въ Декабрѣ 1906 года.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на III томъ; ПОДПИСКА на I и II томы ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

Подписная цѣна за томъ въ 4 выпуска 50 рублей. При подпискѣ на I, II и III томы (и отдѣльно на каждый томъ) допускается слѣдующая разсрочка: одновременно, при полученіи 1-го выпуска каждаго тома, вносится по 26 руб. за выпускъ, и при каждомъ изъ остальныхъ 3-хъ выпусковъ—по 8 руб. за выпускъ. Подписка принимается въ Конторѣ Великаго Князя Николая Михайловича (Милліонная, 19), и въ книжныхъ магазинахъ: въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ—Т-ва М. О. Вольфъ и „Новое Время“; въ С.-Петербургѣ—К. Л. Риккеръ (Невскій, 14), А. Ф. Цинзерлинга (б. Мелье, Невскій, 20), А. Ф. Фельтень (Невскій, 20) и въ Экспедиціи Загот. Госуд. Бумагъ (Фонтанка, 144); въ Москвѣ—Гросманъ и Кнебель (Петровскія линіи), П. П. Шибановъ (Никольская), Веркемейстеръ (Леонтьевскій пер.) и въ фотографіи К. А. Фишеръ (Кузнецкій мостъ); въ Ригѣ—у Киммельъ. Подписавшіеся въ Конторѣ Великаго Князя за пересылку не платятъ.

РУССКИЕ ПОРТРЕТЫ

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

	№№		№№
АЛЕКСАНДРОВЪ, Павелъ Константиновичъ	41	ВОРОНЦОВА, княгиня Елизавета Ксаверіевна	171
АЛЫМОВА, Глафира Ивановна	185	ВОРОНЦОВА, графиня Елизавета Романовна	54
АННА ПАВЛОВНА, Великая Княгиня	126	ВОРОНЦОВЪ, графъ Александръ Романовичъ	50
АННА ФЕОДОРОВНА, Великая Княгиня	128	ВОРОНЦОВЪ, графъ Михаилъ Иларіоновичъ	205
АПРАКСИНА, графиня Софія Осиповна	66	ВОРОНЦОВЪ, князь Михаилъ Семеновичъ	44
АПРАКСИНЪ, Степанъ Федоровичъ	105	ВОРОНЦОВЪ, графъ Семень Романовичъ	42
АРСЕНЬЕВЪ, Дмитрій Васильевичъ	200	ВСЕВОЛОЖСКАЯ, Елизавета Никитична	180
БАЛАШОВА, Елена Петровна	174	ВСЕВОЛОЖСКІЙ, Всеволодъ Андреевичъ	184
БАЛАШОВЪ, Александръ Дмитріевичъ	175	ВЯЗМИТИНОВЪ, графъ Сергій Козьмичъ	187
БАЙКОВЪ, Илья Ивановичъ	121	ГАГАРИНА, княгиня Варвара Николаевна	52
БЕЗБОРОДКО, князь Александръ Андреевичъ	9	ГАГАРИНЪ, князь Сергій Сергѣевичъ	53
БЕЗБОРОДКО, графиня Анна Ивановна	12	ГАГАРИНЪ, князь Федоръ Федоровичъ	57
БЕЗБОРОДКО, графъ Илья Андреевичъ	11	ГОЛЕНИЩЕВЪ-КУТУЗОВЪ, Иванъ Логино-	
БЕКЕТОВЪ, Никита Аѳанасьевичъ	182	вичъ	125
БЕКЛЕШОВЪ, Александръ Андреевичъ	72	ГОЛИЦЫНА, княгиня Александра Петровна	24
БЕНКЕНДОРФЪ, графъ Александръ Христо-		ГОЛИЦЫНА, княгиня Варвара Васильевна	7
форовичъ	46	ГОЛИЦЫНА, княгиня Евдокія Ивановна	49
БОБРИНСКІЙ, графъ Алексѣй Григорьевичъ	4	ГОЛИЦЫНА, княгиня Екатерина Дмитріевна	27
БОДЕ, баронъ Левъ Карловичъ	81	ГОЛИЦЫНА, княгиня Надежда Ивановна	95
БОДЕ, баронесса Наталія Федоровна	82	ГОЛИЦЫНЪ, князь Александръ Михайловичъ	179
БРАНИЦКАЯ, графиня Александра Васильевна	5	ГОЛИЦЫНЪ, князь Александръ Николаевичъ	48
БУДБЕРГЪ, фонъ, Андрей Яковлевичъ	164	ГОЛИЦЫНЪ, князь Дмитрій Михайловичъ	26
ВАСИЛЬЧИКОВЪ, Александръ Семеновичъ	63	ГОЛИЦЫНЪ, князь Иванъ Федоровичъ	94
ВИЛЛЕ, баронетъ Яковъ Васильевичъ	186	ГОЛИЦЫНЪ, князь Михаилъ Николаевичъ	176
ВИНЦИНГЕРОДЕ, баронъ Фердинандъ Федо-		ГОЛИЦЫНЪ, князь Сергій Михайловичъ	177
ровичъ	197	ГОЛИЦЫНЪ, князь Сергій Николаевичъ	178
ВИСЛЕНЕВА, Марія Гавриловна	86	ГОЛИЦЫНЪ, князь Сергій Федоровичъ	58
ВОЛКОНСКАЯ, кн. Зинаида Александровна	97	ГОЛУБЦОВЪ, Федоръ Александровичъ	166
ВОЛКОНСКАЯ, княгиня Софія Григорьевна	96	ГРИБОѢДОВЪ, Александръ Сергѣевичъ	118
ВОЛКОНСКІЙ, князь Никита Григорьевичъ	98	ДАШКОВА, княгиня Екатерина Романовна	203
ВОЛКОНСКІЙ, князь Петръ Михайловичъ	99	ДАШКОВЪ, князь Михаилъ Ивановичъ	204
ВОРОНЦОВА, графиня Анна Карловна	202	ДИВОВА, Елизавета Петровна	62
ВОРОНЦОВА, графиня Екатерина Алексѣевна	170	ДИДРО, Денисъ	21
ВОРОНЦОВА, графиня Екатерина Семеновна,		ДОЛГОРУКІЙ, князь Юрій Владиміровичъ	130
см. ПЕМБРОКЪ.		ДОХТУРОВЪ, Дмитрій Сергѣевичъ	196

	№№
ЕКАТЕРИНА II, Императрица	1
ЕЛИСАВЕТА АЛЕКСѢВНА, Императрица	127
ЗАВАДОВСКАЯ, графиня Вѣра Николаевна	85
ЗАВАДОВСКІЙ, графъ Петръ Васильевичъ	52
ЗЛОБИНЪ, Василій Алексѣевичъ	122
ЗОРИЧЪ, Семень Гавриловичъ	92
ИПСИЛАНТИ, князь Александръ Константиновичъ	70
КАПОДИСТРИА, графъ Иванъ Антоновичъ	163
КАРАБАНОВЪ, Павелъ Федоровичъ	123
КИСЕЛЕВА, графиня Софія Станиславовна	169
КИСЕЛЕВЪ, графъ Павелъ Дмитріевичъ	167
КРАСИНСКІЙ, графъ Викентій Ивановичъ	151
КРЫЛОВЪ, Иванъ Андреевичъ	37
КУРАКИНА, княгиня Елена Степановна	55
КУРАКИНА, княгиня Наталія Петровна	181
КУРАКИНЪ, князь Степанъ Борисовичъ	14
КУШНИКОВЪ, Сергій Сергѣевичъ	45
ЛАВАЛЬ, графиня Александра Григорьевна	88
ЛАВАЛЬ, графъ Иванъ Степановичъ	87
ЛАПЖЕРОНЪ, графъ Александръ Федоровичъ	168
ЛАНСКОЙ, Александръ Дмитріевичъ	51
ЛЕБЦЕЛЬТЕРНЪ, графъ Людвигъ	90
ЛОНГИНОВЪ, Николай Михайловичъ	201
ЛОПУХИНА, княгиня Екатерина Николаевна	18
ЛОПУХИНА, Прасковья Ивановна	17
ЛОПУХИНЪ, князь Петръ Васильевичъ	16
МАРИНЪ, Сергій Никифоровичъ	120
МАЙКОВЪ, Василій Ивановичъ	116
де-МЕСТРЪ, графъ Ксаверій	47
МИХАИЛЪ (Десницкій), митрополитъ	39
МУРАВЬЕВА-АПОСТОЛЪ, Анна Семеновна	140
МУРАВЬЕВЪ-АПОСТОЛЪ, Иванъ Матвѣевичъ	139
МУРАВЬЕВЪ-АПОСТОЛЪ, Матвѣй Ивановичъ	142
МУРАВЬЕВЪ-АПОСТОЛЪ, Сергій Ивановичъ	143
МУРАВЬЕВА, Александра Михайловна	146
МУРАВЬЕВА, Прасковья Михайловна	147
МУРАВЬЕВЪ, Александръ Николаевичъ	145
МУРАВЬЕВЪ, Михаилъ Никитичъ	141
МУРАВЬЕВЪ, Николай Николаевичъ	144
МУСИНА-ПУШКИНА, графиня Екатерина Алексѣевна	76
МУСИНА-ПУШКИНА, графиня Прасковья Васильевна	190
МУСИНЪ-ПУШКИНЪ, графъ Алексѣй Ивановичъ	75

	№№
МУСИНЪ-ПУШКИНЪ, графъ Аполлосъ Аполлосовичъ	193
МУСИНЪ-ПУШКИНЪ, графъ Валентинъ Платоновичъ	191
НАРЫШКИНА, Елизавета Петровна	69
НАССАУ-ЗИГЕНЪ, принцъ Карлъ	93
НАТАЛІЯ АЛЕКСѢВНА, Великая Княгиня	3
НОВОСИЛЬЦОВА, Екатерина Владиміровна	83
НОВОСИЛЬЦОВЪ, Владиміръ Дмитріевичъ	84
ОЖАРОВСКІЙ, графъ Адамъ Петровичъ	194
ОРЛОВА, графиня Анна Ивановна	138
ОРЛОВА, Екатерина Николаевна	157
ОРЛОВЪ, графъ Владиміръ Григорьевичъ	135
ОРЛОВЪ, графъ Григорій Владиміровичъ	137
ОРЛОВЪ, графъ Иванъ Григорьевичъ	129
ОРЛОВЪ, Михаилъ Федоровичъ	156
ОРЛОВЪ, графъ Федоръ Григорьевичъ	136
ОРЛОВА-ЧЕСМЕНСКАЯ, графиня Анна Алексѣевна	173
ПАНИНА, графиня Марія Родіоновна	131
ПАНИНЪ, графъ Петръ Ивановичъ	106
ПАУЛУЧЧИ, маркизь Филиппъ Осиповичъ	195
ПЕМБРОКЪ, лэди, Екатерина Семеновна	43
ПЕРЕКУСИХИНА, Марія Саввишна	101
ПЕРОВСКІЙ, графъ Василій Алексѣевичъ	40
ПЕТРЪ III, Императоръ	2
ПОПОВЪ, Василій Степановичъ	19
ПОТЕМКИНЪ, кн. Григорій Александровичъ	8
ПОТОЦКАЯ, графиня Анна Александровна	148
ПОТОЦКАЯ, графиня Софія Константиновна	28
ПОТОЦКІЙ, графъ Северинъ Осиповичъ	130
ПОЦЦО-ди-БОРГО, графъ Карлъ Андреевичъ	162
ПУШКИНЪ, Александръ Сергѣевичъ	29
РАЕВСКАЯ, Софья Алексѣевна	160
РАЕВСКАЯ, Софья Николаевна	159
РАЕВСКІЙ, Николай Николаевичъ (отецъ)	158
РАЕВСКІЙ, Николай Николаевичъ	161
РАЗУМОВСКАЯ, графиня Екатерина Ивановна	65
РАЗУМОВСКІЙ, графъ Алексѣй Григорьевичъ	53
РАЗУМОВСКІЙ, графъ Кириллъ Григорьевичъ	13
РЕННИ, Марія Ивановна	80
РЕННИ, Романъ Егоровичъ	79
РЖЕВСКІЙ, Алексѣй Андреевичъ	192
де-РИБАСЪ, Анастасія Ивановна	35
де-РИБАСЪ, Осипъ Михайловичъ	34
РОДЖЕРСОНЪ, Иванъ Самойловичъ	64
РОЖНЕЦКІЙ, Александръ Александровичъ	149

	№№
РОСТОПЧИНА, графиня Евдокія Петровна	119
РТИЩЕВЪ, Николай Федоровичъ	71
САЛТЫКОВА, княгиня Екатерина Васильевна.	111
САЛТЫКОВА, графиня Наталія Владиміровна.	108
САЛТЫКОВА-ГОЛОВКИНА, свѣтл. княгиня Наталія Юрьевна	22
САЛТЫКОВЪ, кн. Александръ Николаевичъ.	109
САЛТЫКОВЪ, князь Николай Ивановичъ.	107
САЛТЫКОВЪ, графъ Петръ Семеновичъ	104
САЛТЫКОВЪ, князь Сергѣй Николаевичъ.	110
САМОЙЛОВА, графиня Екатерина Сергѣевна.	63
САМОЙЛОВЪ, графъ Александръ Николаевичъ	25
СЕРРА-КАПРИОЛА, дюкъ	102
СЕРРА-КАПРИОЛА, Анна Александровна.	103
СИПЯГИНЪ, Николай Мартыановичъ	183
СКАВРОНСКАЯ, гр. Екатерина Васильевна.	6
СОЙМОНОВЪ, Михаилъ Федоровичъ	189
ТАЛЫЗИНА, Марія Степановна	112
ТАЛЫЗИНЪ, Александръ Федоровичъ	113
ТАЛЫЗИНЪ, Иванъ Лукьяновичъ	100
ТАЛЫЗИНЪ, Петръ Александровичъ.	115
ТАЛЫЗИНЪ, Степанъ Александровичъ	114
ТАТИЩЕВА, Юлія Александровна	124
ТРОЩИНСКІЙ, Дмитрій Прокофьевичъ.	10
ТРУБЕЦКОЙ, князь Сергѣй Петровичъ	89
УМСКІЙ, Богданъ Васильевичъ	20
ФИЛОСОФОВЪ, Михаилъ Михайловичъ	188
ФОНЪ-ВИЗИНЪ, Иванъ Александровичъ	68
ФОНЪ-ВИЗИНЪ, Михаилъ Александровичъ	77

	№№
ФОНЪ-ВИЗИНЪ, Наталія Дмитріевна	78
ФОТІЙ, архимандритъ.	172
ФРИДРИХСЪ, Жозефина	41
ХЕРАСКОВЪ, Михаилъ Матвѣевичъ	117
ХИТРОВО, Алексѣй Захаровичъ	74
ХИТРОВО, Марія Алексѣевна.	73
ЦИЦАНОВЪ, князь Михаилъ Дмитріевичъ	199
ЦИЦАНОВЪ, князь Павелъ Дмитріевичъ	198
ЧЕРНЫШЕВА, графиня Анна Александровна.	153
ЧЕРНЫШЕВА, графиня Екатерина Андреевна.	155
ЧЕРНЫШЕВА, Елизавета Александровна	60
ЧЕРНЫШЕВА, княгиня Елизавета Николаевна.	61
ЧЕРНЫШЕВА, графиня Елизавета Петровна.	154
ЧЕРНЫШЕВА, Теофила Игнатъевна.	59
ЧЕРНЫШЕВЪ, князь Александръ Ивановичъ.	56
ЧЕРНЫШЕВЪ, графъ Григорій Ивановичъ	153
ЧЕРНЫШЕВЪ, графъ Захаръ Григорьевичъ	15
ЧЕРНЫШЕВЪ, графъ Иванъ Григорьевичъ	152
ЧЕРНЫШЕВЪ, графъ Петръ Григорьевичъ	134
ШАХОВСКОЙ, князь Иванъ Леонтьевичъ.	38
ШЕРЕМЕТЕВА, графиня Анна Петровна	132
ШЕШКОВСКІЙ, Степанъ Ивановичъ	91
ШУВАЛОВА, графиня Екатерина Петровна	30
ШУВАЛОВЪ, графъ Андрей Петровичъ.	31
ЩЕРБАТОВЪ, князь Михаилъ Михайловичъ.	23
ЯКУШКИНА, Анастасія Васильевна	67

Алфавитный указатель художниковъ,

произведенія которыхъ помѣщены во II томѣ изданія „РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ“ *).

-
Антроповъ — 2.	Левицкій — 1, 11, 20, 21, 55, 170, 185, 191.
Аргуновъ, Н. — 144.	Лидеръ — 56.
Баттони — 13.	Ванъ-Лоо — 27.
Беннеръ — 201.	Лоренсъ — 44.
Боровиковскій — 10, 12, 16, 17, 18, 39, 45, 160, 166.	Ляшъ — 177.
Бромптовь — 5.	Мартень — 119.
Брюлловъ, Карлъ — 37, 40, 48.	Маттесъ — 90.
Вивьень — 121.	Молнари — 86.
Виже-Лебрень — 24.	Монье — 139, 140, 141.
Волковъ — 57.	Пеллегрини — 199.
Гейтеръ — 169.	Пеншонъ — 127.
Герень, П. — 88.	Ребернь — 43.
Грѣзь — 30, 31, 32, 33.	Рейтернь — 171.
Дау, Г. — 126, 168, 174, 175, 184, 194, 195, 196,
197.	Ризенеръ — 41.
Дафингеръ — 124.	Рокотовъ — 136, 182.
Дезарно — 185.	Ромней — 42.
Друэ Младшій — 26.	Рослень — 3, 15, 134, 155.
Дюнь (Дюнемъ) — 137, 138.	Ротари, гр. — 104.
Егоровъ — 49.	Рустемъ — 120.
Жигалевъ — 118.	Селлио — 156.
Изабэ — 68, 97, 162.	Сень — 179.
Каплинскій — 151.	Соколовъ, Петръ — 46, 158.
Кауфманъ, Анжелика — 133.	Тончи — 123.
Квадаль — 107, 108.	Торелли — 35.
Кипренскій — 165.	Тропининъ — 29, 38, 161.
Колла — 178.	Фогель — 135.
Крюгеръ — 167.	Фюгеръ — 148.
Де-Куртейль — 23.	Христинекъ — 4.
Лагрене — 157.	Шмидтъ — 50, 66.
Лампи-отець — 7, 8, 9, 19, 22, 25, 28, 34, 36, 85.	Штейбенъ — 47.
	Шукинъ — 150.
-

*) Цифры указываютъ №№ изображеній.

ЕКАТЕРИНА II, 1729—1796, Софія-Августа-Фредерика, дочь принца Цербст-Дорнбургскаго Христиана-Августа и Юанны-Елизаветы, принцессы Голштейн-Готторпской, родилась 21 Апрѣля 1729 года. Названная еще при жизни „Великой“, Императрица Екатерина, дѣйствительно, была одной изъ замѣчательнѣйшихъ государынь всѣхъ вѣковъ и народовъ. Екатерина готовилась провести свою жизнь при одномъ изъ мелкихъ германскихъ дворовъ и, сообразно этому, получила домашнее воспитаніе въ лютеранскомъ духѣ. Но въ 1742 г. Императрица Елисавета избрала ее въ супруги Великому Князю Петру Ѳеодоровичу; поселившись въ Россіи, молодая Великая Княгиня обнаружила въ новой обстановкѣ блестящій умъ и сильную волю. Жизнь съ дурно воспитаннымъ, ничтожнымъ по характеру мужемъ, побудила ее замкнуться въ себѣ и заняться самообразованіемъ: она познакомилась съ лучшими произведеніями европейской литературы и изучила политическія и философскія произведенія современныхъ ей мыслителей. Въ то же время она старательно изучала Россію, русскій языкъ и, отдавшись новому, великому отечеству со всѣмъ пыломъ гениальной души, заставила русскихъ забыть, что по рожденію она была нѣмкой. Отношенія къ ней супруга были постоянно холодны, и Екатерина окружала себя людьми, которые могли отнестись къ ней сочувственно: таковы Сергій Салтыковъ и Станиславъ Понятовскій, впоследствии король Польскій. Восшествіе на престолъ Петра Ѳеодоровича не улучшило положенія Екатерины: новый Императоръ подвергалъ свою супругу оскорбленіямъ и даже думалъ заключить ее въ монастырь. Но это только увеличило симпатіи русскихъ къ Екатеринѣ, и братьямъ Орловымъ, изъ которыхъ старшій, Григорій, былъ фаворитомъ Екатерины, удалось составить заговоръ въ ея пользу, приведшій 28 Іюня 1762 г. къ низверженію Петра III и провозглашенію Екатерины самодержавицей.

Во внѣшней политикѣ Екатерина II имѣла цѣлью огражденіе русскихъ историческихъ интересовъ, во внутренней—возвышеніе культурнаго уровня русскаго общества, развитіе его на началахъ законности и гуманности. Дѣятельность Екатерины въ этомъ направленіи встрѣчала множество препятствій вслѣдствіе условій времени, но при этомъ она обнаружила глубокой политической тактъ: не вступая въ упорную борьбу съ этими препятствіями, она умѣла подорвать ихъ значеніе, предоставляя естественную побѣду лишь времени; таковы были образъ ея дѣйствій и въ Польскомъ вопросѣ, и въ вопросѣ объ освобожденіи крестьянъ. Во внѣшнихъ дѣлахъ главное вниманіе Императрицы обращено было на югъ, въ сторону разлагающейся Турціи. Двѣ упорныя войны съ нею, ознаменовавшіяся побѣдами Румянцева и Суворова, привели Россію къ господству надъ сѣвернымъ побережьемъ Чернаго моря и къ присоединенію Крыма. Въ Польскомъ вопросѣ Екатерина вынуждена была основную свою цѣль—подчиненіе Польши въ цѣломъ ея составѣ русскому господству—замѣнить соглашеніемъ на раздѣлъ ея. При всемъ томъ, однако, Россія приобрѣла старыя русскія земли. Екатерина съ гордостью говорила, что всѣ эти приобретенія составляютъ для Россіи то „приданое“, котораго она не привезла съ собою бѣдной Ангальт-Цербстской принцессой. Въ дѣлахъ внутреннихъ Екатерина должна была считаться съ грубостью и патріархальностью отношеній, сложившихся вѣками. Мечты ея объ освобожденіи крестьянъ встрѣтили полное противодѣйствіе даже въ средѣ знаменитой Большой Комиссіи, для которой Екатерина сама составила „Наказъ“ по идеямъ Беккариа и Монтескье, поэтому Императрица отдалась любимой своей мысли, заимствованной у Монтеня и отвѣчавшей ея характеру, готовить реформы политическимъ воспитаніемъ народа. Для развитія русской литературы и рѣчи основана была Россійская Академія, цѣлямъ которой Императрица лично содѣйствовала драматическими своими сочиненіями, имѣвшими цѣлью осмѣяніе дурной стороны современныхъ русскихъ нравовъ, при этомъ литературной своей дѣятельностью она возвысила литературу въ глазахъ общества.

Фаворитизмъ, господствовавшій при Екатеринѣ, составляетъ слабую сторону ея царствованія, но и онъ выдвинулъ такого крупнаго государственнаго челоѣка, какимъ былъ Потемкинъ. Наслѣдникъ престола, Великій Князь Павелъ Петровичъ, получившій воспитаніе внѣ надзора Екатерины, не сочувствовалъ политикѣ матери и предпочиталъ править „железной лозою“, обнаруживая при этомъ страсть къ военнымъ „забавамъ и экзерциціямъ“; сумрачный и непостоянный правъ его заставлялъ Екатерину бояться за будущее Россіи, почему она думала при жизни своей „короновать“ своего старшаго внука. Но, прежде чѣмъ эта мысль приведена была въ исполненіе, Екатерина скончалась отъ удара 6 Ноября 1796 года.

(Съ портрета Левицкаго; собственность князя А. В. Барятинскаго, с. Ивановское, Курской губ.)

Пис. Левицкий

Peint par Lévitky

*Императрица Екатерина II,
1729-1796*

*L'Impératrice Catherine II,
1729-1796*

Императоръ ПЕТРЪ III, 1728—1762, сынъ Цесаревны Анны Петровны, дочери Петра Великаго и Голштинскаго герцога Карла-Фридриха, родился 10 Февраля 1728 года. Лишившись въ раннемъ дѣтствѣ матери и отца, Петръ Θεодоровичъ воспитанъ былъ подъ руководствомъ гофмаршала Брюммера, мало считавшагося съ физической и духовной слабостью своего воспитанника и внушавшаго ему казарменный образъ мыслей. Какъ внукъ сестры Карла XII, Петръ предназначался быть наслѣдникомъ Шведской короны, и потому его воспитывали въ лютеранствѣ и шведскихъ симпатіяхъ. Когда же, въ 1741 г., на русскій престолъ вступила Императрица Елисавета Петровна, она немедленно вызвала племянника въ Россію и объявила его своимъ наслѣдникомъ: Петру пришлось переучиваться и перевоспитываться, что оказалось не только невозможнымъ, но даже вреднымъ для нравственнаго развитія молодого Великаго Князя. Выказывая призерніе къ православію и ко всему русскому, Петръ почти исключительно занимался обученіемъ своихъ голштинскихъ солдатъ; при русскомъ дворѣ онъ сдѣлался ярымъ защитникомъ интересовъ прусскаго короля Фридриха II, который былъ кумиромъ Великаго Князя вслѣдствіе громкихъ своихъ побѣдъ. Бракъ Петра съ Ангальт-Цербстской принцессой, нареченной въ православіи Екатериной Алексѣевной, не принесъ Петру ожидаемой пользы: онъ не только не обращалъ вниманія на свою образованную, богато одаренную отъ природы супругу, но явно предпочиталъ ей женщинъ, удовлетворявшихъ его грубымъ вкусамъ и привычкамъ. Всѣ эти качества отталкивали отъ Петра русское общество и гвардію; недовольна была своимъ наслѣдникомъ и сама Императрица Елисавета, незадолго до смерти своей думавшая отстранить его отъ престола въ пользу сына его Павла Петровича. Кончина Елисаветы въ 1761 г. помѣшала ей осуществить этотъ планъ, но Петръ, сдѣлавшись Императоромъ, не только не измѣнилъ своего поведенія, но какъ бы поставилъ своею задачей возбудить противъ себя своихъ подданныхъ. Тотчасъ по восшествіи на престолъ, онъ отказался въ пользу Фридриха II отъ завоеваній, сдѣланныхъ Россіей во время Семилѣтней войны, и даже началъ помогать ему противъ прежнихъ союзниковъ Россіи; вмѣстѣ съ тѣмъ, ради голштинскихъ интересовъ, началъ готовиться къ войнѣ съ Даніей. Во внутренней политикѣ Петръ былъ также недалковиденъ. Уничтоженіе Тайной канцеляріи и дарованіе жалованной грамоты дворянству сначала вызвали признательность къ Императору, но вслѣдъ затѣмъ Петръ III издалъ оскорбительные указы, касавшіеся церковнаго быта и духовенства, а гвардію, помнившую завѣты Петра Великаго, началъ передѣлывать на прусскій ладъ. Недостойныя отношенія Петра къ Екатеринѣ, успѣвшей возбудить къ себѣ симпатіи русскаго общества, разгульная жизнь его въ обществѣ новой его фаворитки графини Елизаветы Воронцовой довершали негодованіе общества. Возстаніе гвардейскихъ полковъ, провозгласившихъ 28 Юня 1762 г. Екатерину Самодержавной Императрицей, низвергло Императора съ престола: послѣ отреченія онъ заключенъ былъ въ загородный дворецъ въ Рошѣ, и тамъ, 7 Юля того же года, безъ вѣдома Екатерины, случайно въ дракѣ лишенъ былъ жизни караулившими его княземъ Ф. С. Барятинскимъ, Алексѣемъ Орловымъ и другими.

(Съ портрета А. Антропова, находящагося въ зданіи Сената, въ С.-Петербурѣ.)

Пис. А. Мухоморовъ

Peint par Antropoff

*Императоръ Пётръ III,
1728-1762*

*L'Empereur Pierre III,
1728-1762*

Великая Княгиня НАТАЛІЯ АЛЕКСѢВНА, 1755 — 1776, принцесса Вильгельмина Гессенъ-Дармштадтская, родилась 14 Юня 1755 года. Намѣтивъ одну изъ трехъ незамужнихъ дочерей ландграфа Людвигъ Гессенъ-Дармштадтскаго въ супруги Великому Князю Павлу Петровичу, Екатерина II пригласила въ 1773 году ландграфиню прѣхать съ дочерьми въ Петербургъ, чтобы Великій Князь могъ самъ выбрать себѣ изъ нихъ невѣсту. Выборъ его остановился на второй изъ принцессъ, Вильгельминѣ, и былъ одобренъ Екатериною. „Вторая принцесса обладаетъ всѣмъ тѣмъ, что намъ подходитъ“, писала она; „ея фizioномія прелестна, черты лица правильны, она ласкова, умна; я ею очень довольна, а мой сынъ влюбленъ“. Обрученіе состоялось 16 Августа, а бракосочетаніе 29 Сентября 1773 года, въ Казанскомъ соборѣ. Первое время послѣ свадьбы настроеніе царственной семьи было самое радостное. Павелъ Петровичъ былъ совершенно увлеченъ своей молодой супругой, счастливъ и доволенъ и, казалось, отрѣшился отъ присущей ему подозрительности. „Я обязана Великой Княгинѣ возвращеніемъ мнѣ сына“, говорила Екатерина, называя свою невѣстку „золотой женщиной“.

Но скоро картина мѣняется, и отзывы Екатерины о Наталіи Алексѣевнѣ уже гораздо менѣе восторженны. Въ 1774 г. Императрица пишетъ Гримму: „Великая Княгиня постоянно больна, и какъ же ей не быть больной! Все у этой дамы доведено до крайности: если она гуляетъ пѣшкомъ, то двадцать верстъ, если танцуетъ, то двадцать контрдансовъ и столько же менуэтовъ, не считая аллемандовъ; чтобы избѣгнуть жары въ комнатахъ, ихъ вовсе не топятъ; если кто-нибудь третъ себѣ лицо льдомъ, то у насъ все тѣло становится лицомъ, однимъ словомъ, середина во всемъ далека отъ насъ. Опасаясь злыхъ, мы не доверяемъ цѣлой землѣ и не слушаемся ни хорошихъ, ни дурныхъ совѣтовъ, нѣтъ и добродушія, ни осторожности, ни благоразумія во всемъ этомъ, во всемъ одно вертопрахство. Долговъ у насъ вдвое, чѣмъ состоянія, а едва ли кто въ Европѣ столько получаетъ“

Этотъ строгій отзывъ Екатерины объясняется столкновеніемъ двухъ честолюбій — ея и Великой Княгини. А Наталія Алексѣевна была честолюбива. „Она всѣхъ честолюбивѣ“, говорила Екатерина, — „кто не интересуется и не веселится ничѣмъ, того зашло честолюбіе, это неизмѣнная аксіома!“ Характеръ Великой Княгини вѣрно былъ обрисованъ и Ассбургомъ, и иностранными резидентами при русскомъ дворѣ: серьезная и сосредоточенная, равнодушная къ свѣту, „съ сердцемъ гордымъ, холоднымъ и нервнымъ“, съ „большою неровностью и крутостью нрава“, она съ любопытствомъ присматривалась ко двору Екатерины, мало видѣла тамъ назидательнаго для себя и не сумѣла снискать популярности ни въ обществѣ, ни въ народѣ. Не чувствуя любви къ мужу, но пользуясь своимъ вліяніемъ на него, она обращалась съ нимъ деспотически, держала его въ отдаленіи отъ всѣхъ, кромѣ избраннаго круга собственныхъ ея друзей, и не думала слѣдовать пунктамъ знаменитой „инструкціи“ Екатерины. Въ свою очередь, сама она поддавалась вліянію графа Андрея Разумовскаго, лучшаго друга Великаго Князя, человѣка обворожительнаго, но безъ всякихъ принциповъ, не задумавшагося злоупотребить безпредѣльнымъ довѣріемъ Павла Петровича и къ тому же сдѣлавшагося орудіемъ политическихъ интригъ при „маломъ дворѣ“. Подозрительность Екатерины была возбуждена; ей не стоило труда вызвать ее и въ Великому Князь. Семейное счастье его было нарушено, отношенія Великой Княгини къ супругу и его матери грозили обостреніемъ. Всему положили конецъ роковой исходъ беременности Великой Княгини, вызванный физическимъ недостаткомъ ея сложенія и неудачно произведенною въ дѣтствѣ операціей. Наталія Алексѣевна скончалась въ страшныхъ мученіяхъ, 15 Апрѣля 1776 г., отъ несчастныхъ родовъ, продолжавшихся пять сутокъ, и похоронена 26 Апрѣля въ Благовѣщенской церкви Александро-Невской лавры. Чтобы исцѣлить глубокую печаль Великаго Князя, Екатеринѣ пришлось прибѣгнуть къ жестокому средству: Императрица предъявила сыну найденныя ею въ бумагахъ покойной Великой Княгини неопровержимыя доказательства, компрометировавшія поведеніе его супруги. Послѣ этого онъ не въ силахъ былъ присутствовать на ея погребеніи, и менѣе чѣмъ черезъ пять мѣсяцевъ, по словамъ Екатерины, эта „потеря была вознаграждена“: 26 Сентября 1776 г. состоялось бракосочетаніе Павла Петровича съ принцессой Виртембергской.

(Съ портрета Рослена 1776 г.; находится въ Романовской галлерей, въ С.-Петербурѣ.)

Пис. Воинов, 1776

*Великая Княгиня Наталья Алексеевна
1755-1776*

Peint par Roslin, 1776

*La Grande-Duchesse Natalie Alexéewna
1755-1776*

Графъ АЛЕКСѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ БОБРИНСКІЙ, 1762—1813, родился 11 Апрѣля 1762 г., въ четвергъ на Пасхальной недѣлѣ, и тотчасъ былъ взятъ на воспитаніе камердинеромъ Императрицы Екатерины Алексѣевны, Василиемъ Шкуринымъ. Рассказываютъ, что когда наступилъ моментъ появленія на свѣтъ ребенка, тотъ же Шкуринъ поджегъ на окраинѣ Петербурга свой собственный домъ, а когда Петръ III вернулся съ пожара, Екатерина имѣла столько силы воли, что встрѣтила его сама. Двадцать лѣтъ спустя, Екатерина II писала Бобринскому: „Мать ваша, бывъ угнетаема разными непріязнями и непріятелями, спасая себя и старшаго сына, принуждена нашлась скрыть ваше рожденіе“. Поэтому въ дѣтствѣ Бобринскій считался сыномъ Шкурина, щедро награжденнаго Императрицей за „незабвенной памяти“ преданность, воспитывался съ его сыновьями и вмѣстѣ съ ними былъ отправленъ въ Лейпцигъ. Сынъ Г. Г. Орлова, Алексѣй Григорьевичъ, не сразу получилъ фамилію „Бобринскаго“, происшедшую отъ пожалованнаго ему въ 1765 г. села „Бобрики“, Тульской губерніи, первоначально же онъ былъ названъ „княземъ Сицкимъ“. По возвращеніи, въ 1774 г., изъ-за границы, онъ жилъ у П. П. Бецкаго, затѣмъ окончилъ въ 1782 г. кадетскій корпусъ и пожалованъ поручикомъ въ Конную гвардію, съ увольненіемъ на 2 года въ чужіе края. Съ тремя товарищами, чрезъ Кіевъ и Варшаву, онъ отправился въ Вѣну въ сопровожденіи полковника Бушуева. Уже изъ Варшавы послѣдній писалъ о Бобринскомъ: „Нѣтъ случая, гдѣ бы онъ не оказалъ самолюбія неумѣреннаго, нѣтъ разговора между сотоварищами, гдѣ бы онъ не желалъ взять надъ ними поверхности. Онъ столь надмененъ и столь щекотливъ, что все пріемлетъ онъ съ оскорбленіемъ. Изъ главныхъ слабостей есть въ немъ еще безпечность и нерадѣніе видѣть или узнать что ни есть полезное. Его ничто не трогаетъ, ничто не заманиваетъ“. Изъ Вѣны онъ жаловался на распущенность молодого человѣка, а въ 1785 г. въ Парижѣ совсѣмъ покинулъ Бобринскаго послѣ того, какъ тотъ ослушался приказанія Императрицы вернуться въ Россію. Мать давала ему много денегъ, которыя не удерживались, однако, въ его рукахъ. Онъ удивлялъ иностранцевъ своей расточительностью; игроки и всякіе проходимцы окружали его и вслѣдствіи обирали, вовлекая въ разные легкомысленные поступки. Въ Апрѣлѣ 1788 г. Бобринскій пріѣхалъ въ Россію, но получилъ приказаніе не являться въ Петербургъ, а жить въ Ревелѣ; 18 Юніа 1790 г. онъ былъ уволенъ отъ службы бригадиромъ, такъ какъ Императрица была очень раздражена противъ него. Въ Ревелѣ Бобринскій, 16 Января 1796 г., женился на дочери коменданта баронессѣ Аннѣ Владиміровнѣ Унгернъ-Штернбергъ; послѣ женитьбы онъ остепенился, а его имущественныя дѣла были приведены въ порядокъ опекуномъ П. В. Завадовскимъ. Молодые въ это время жили около Дерпта въ замкѣ Оберъ-Паленъ, но вскорѣ получили разрѣшеніе явиться ко двору. Павелъ I благоволилъ къ Бобринскому, называлъ его „братомъ“ и возвелъ, 20 Ноября 1796 г., въ графское достоинство, затѣмъ пожаловалъ въ генераль-майоры и назначилъ управляющимъ Петербургскимъ воспитательнымъ домомъ. Выйдя въ отставку въ Сентябрѣ 1798 г., Бобринскій уже до конца дней оставался частнымъ человѣкомъ, дѣла время между Тульской губерніей, Оберъ-Паленомъ и Петербургомъ.

Не интересуясь ничѣмъ въ молодости, впослѣдствіи Бобринскій сдѣлался хорошимъ сельскимъ хозяиномъ; отъ отца онъ наслѣдовалъ его пристрастіе ко всякимъ физическимъ опытамъ и астрономіи, занимался также минералогіей. Подъ конецъ жизни онъ пересталъ заботиться о своей внѣшности; только изрѣдка, при гостяхъ, онъ надѣвалъ на свою большую, рано облысѣвшую голову, спѣшно, нерѣдко на бокъ, какой-нибудь парикъ. Носилъ засаленную одежду, ходилъ гулять въ старомодномъ сѣромъ сюртукѣ, карманы котораго наполнялись монетами, отдѣльно золотыми, серебряными и мѣдными, которыми онъ одѣлывалъ бѣдныхъ, по своему усмотрѣнію. Онъ любилъ заниматься также мастерствомъ и прямо изъ лабораторіи и мастерской шель, не переодѣваясь и не вымывши рукъ, обѣдать. Умеръ въ Тульской губ., въ г. Богородицкѣ, 20 Юніа 1813 г., и погребенъ въ селѣ Бобрикахъ.

(Съ портрета Л. Христипнека; собственность графа Ал. А. Бобринскаго, С.-Петербургъ.)

Пис. Кристинекъ

*Графъ Алексѣй Григорьевичъ
Бобринскій, 1762-1813*

Peint par Cristineck

*Le Comte Alexis Grigorievitch
Bobrinsky, 1762-1813*

Графиня АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВНА БРАНИЦКАЯ, 1754—1858, вторая дочь сестры свѣтлѣйшаго князя Потемкина, Марѣи Александровны Энгельгардтъ, появилась въ Петербургѣ 18 лѣтъ, когда, по словамъ Вигеля, уже „неспособна была къ блестящей образованности Екатерининскаго двора, но, имѣя умъ, характеръ, бывши въ самыхъ тѣсныхъ связяхъ съ всемогущимъ дядею, она облеклась въ какую-то величественность и ею прикрывала недостатки своего воспитанія“. Не будучи такъ красива, какъ другія ея сестры, но стройная и высокаго роста, „съ лицомъ свѣжимъ, отменно пріятнымъ и серьезно улыбающимся“, съ совершенно царственною осанкой, она очень полюбилась Екатеринѣ и оставалась лучшимъ другомъ Императрицы всю ея жизнь. Пожалованная во фрейлины 10 Юля 1775 г., въ камеръ-фрейлины „съ пребогатымъ портретомъ“ 24 Ноября 1777 г., она играла большую роль въ жизни Потемкина, котораго сама не переставала страстно любить, покинутая имъ. Выйдя замужъ 12 Ноября 1781 г. за графа Ксаверія Петровича Браницкаго и въ тотъ же день назначенная статсъ-дамою, она сохранила свое помѣщеніе во дворцѣ, гдѣ одинъ столъ ея обходился Придворной конторѣ до 400 руб. въ день. Сопровождая Екатерину на галерѣ Потемкина „Бутъ“ въ ея путешествіи по Днѣпру, она присутствовала, вдвоемъ съ княземъ де-Линь, при первомъ свиданіи Императрицы съ Юсіфомъ II и во время пребыванія Екатерины въ Кіевѣ получила орденъ св. Екатерины I ст. Императрица пользовалась ею и въ политическихъ цѣляхъ, рассчитывая какъ на ея умъ, такъ и на положеніе мужа ея, короннаго гетмана Польскаго и русскаго генераль-аншефа; графиня сопровождала мужа на Варшавскій сеймъ 1791 г. и должна была своимъ очарованіемъ содѣйствовать привлеченію короля Станислава-Августа на сторону Россіи. Узнавъ о болѣзни Потемкина, Браницкая, осенью 1791 г., выѣхала изъ Кіева въ Яссы, чтобы ухаживать за нимъ, и онъ скончался въ дорогѣ, на ея рукахъ. На мѣстѣ кончины его она поставила памятникъ въ видѣ каменной колонны и заказала художнику Казанова картину, изображающую смерть Потемкина, извѣстную въ гравюрѣ Скородумова. Унаслѣдовавъ большую часть громаднхъ маестностей князя Таврическаго, она учредила въ память его Григорьевскую больницу въ одномъ изъ своихъ имѣній и пожертвовала 200/т. руб. на выкупъ должниковъ изъ тюрьмы. Въ то же время она бережливостію и скопидомствомъ много увеличила громадное состояніе своего мужа, челоѣка вдвое старше ея по годамъ и не игравшаго въ домѣ никакой роли, и нѣсколько разъ спасала его отъ разоренія. Впослѣдствіи она сама не знала цифры своего состоянія: „Навѣрное не могу сказать, а кажется у меня 28 милліоновъ“, говорила она. По смерти Екатерины II, гр. Браницкая большею частью проживала въ своихъ помѣстьяхъ, зимой въ Бѣлой Церквѣ, находившейся въ то время еще за границей, а лѣтомъ въ отстоявшей въ трехъ верстахъ оттуда, подаренной ей мужемъ усадьбѣ Александріи. Въ провинціи она пользовалась необычайнымъ почетомъ: „Почтеннѣйшія дамы подходили къ ея рукѣ, а она, умная, добрая и совсѣмъ не гордая женщина, безъ всякаго затрудненія и преспокойно се подавала имъ“. Въ нарядѣ своемъ она подражала своеобразному русскому костюму Екатерины, а дѣтей и внуковъ своихъ воспитывала по системѣ, примененной впервые Екатериной къ Великому Князю Александру Павловичу. Любимымъ ея занятіемъ въ Александріи, обращенной ея стараніями въ громадный паркъ, было лѣсоводство; страсть ея къ деревьямъ и забота о нихъ доходили до того, что стволы многихъ изъ нихъ обмывались водою съ мыломъ. „Меня всѣ бранятъ за то, что я не строю дворца“, часто повторяла она; „я люблю садить, а не строить: одно труднѣе другого; послѣ меня, если сыну моему вздумается взгромоздить хотя мраморныя палаты, будетъ ему изъ чего“. Деревянный домъ ея, дѣйствительно, отличался самой незатѣливой простотою, хотя внутри былъ полонъ дорогими произведеніями искусства, подаренными ей или унаслѣдованными отъ Потемкина. Любимая и уважаемая при дворѣ, графиня Браницкая, овдовѣвшая въ 1819 г., была два раза посѣщаемая въ Александріи Императоромъ Александромъ, состояла въ перепискѣ съ Императрицей Маріей Феодоровной и 1 Января 1824 г. была пожалована въ оберъ-гофмейстерины. Скончалась она 15 Августа 1858 г., оставивъ двоихъ сыновей, Владислава, женатаго на вдовѣ Потоцкой, и Александра, умершаго холостымъ, и трехъ дочерей, изъ нихъ двѣ старшія, Екатерина и Софія, были замужемъ за графами Потоцкими, а младшая, Елисавета,—за княземъ М. С. Воронцовымъ.

(Съ портрета Бромптона 1781 г.; собственность графини М. Е. Браницкой, Бѣлая Церковь, Кіевск. губ.)

Пис. Бромптонъ, 1781

*Графиня Александра Васильевна
Браницкая, 1754-1838*

Peint par Brompton, 1781

*La Comtesse Alexandrine Vassilievna
Branitzky, 1754-1838*

Графиня ЕКАТЕРИНА ВАСИЛЬЕВНА СКАВРОНСКАЯ, 1761—1829, младшая дочь смоленского помещика Василия Андреевича Энгельгардта от брака с сестрой князя Потемкина, Марсией Александровной, в 1776 г., когда дядя-фаворит достиг верха почестей, была привезена вместе с сестрами в Петербург и сделана фрейлиной. Здесь ее постигла та же судьба, что и ее сестер, Александру и Варвару. „Она всех сестер была пригоже, и дядюшка в нее влюбился; влюбиться, на языкъ Потемкина, значило наслаждаться плотью; любовныя его интриги оплачивались от казны милостью и разными наградами, кои потом обольщали богатых женихов и доставляли каждой племянницѣ, сошедшей съ ложа сатрапа, прочную фортуна“, такъ пишетъ князь И. М. Долгорукой, двоюродный братъ графа Скавронскаго. Безъ всякаго образованія, не отличаясь блестящими умственными способностями, Екатерина Энгельгардтъ, кроткая, вѣчно скучающая, съ флегматическимъ характеромъ, не создана была для бурныхъ страстей; своимъ добрымъ и мягкимъ сердцемъ она повѣрила пылкой, какъ ей казалось, любви дяди и отдалась ему, не любя, чтобы не причинить ему огорченія. Самъ Потемкинъ, впрочемъ, далеко не такъ увлекался ею, какъ ее сестрами, несмотря на то, что она была обворожительно хороша, но зато связь его съ ней была продолжительнѣе. Е. В. Энгельгардтъ пользовалась также расположеніемъ Императрицы, бывала на Эрмитажныхъ собраніяхъ и в 1780 г., въ числѣ 4 фрейлинъ, сопровождала Екатерину въ поѣздкѣ ея въ Бѣлоруссію. Въ это время въ нее влюбился графъ П. М. Скавронскій, и, несмотря на то, что связь ея съ Потемкинскимъ была ему известна, 10 Ноября 1781 г. состоялась ихъ свадьба. Жена выпросила мужу нѣсколько чиновъ и орденовъ, но, когда, в 1784 г., Скавронскій былъ назначенъ министромъ въ Неаполь, графиня, къ огорченію мужа, осталась в Петербургѣ: Потемкинъ не желалъ отпустить отъ себя этого „ангела во плоти“. 17 Августа 1786 г., въ спальнѣ дяди, кокетничая передъ зеркаломъ, она приколола себѣ на грудь портретъ Императрицы. „Катенька, поди благодарить Государыню, ты—статсъ-дама“, и, несмотря на сопротивленіе племянницы, Потемкинъ послалъ ее съ запиской къ Екатеринѣ, которая, хотя и съ неудовольствіемъ, но исполнила желаніе своего бывшего фаворита. Послѣ отъѣзда князя Тавриды на войну, больной мужъ упросилъ жену пріѣхать в Италію. Болезнь графа Скавронскаго мѣшала ему вести открытый образъ жизни, но графиня и не искала развлеченій, она проводила дни въ праздности, вечеръ за картами, а, ложась спать, слушала сказки крѣпостной дѣвушки, не заботясь о сюжетѣ. Она совершенно распустилась. Виже-Лебренъ, писавшая портретъ графини въ это время и восхищавшаяся ея красотой, говоритъ, что „высшимъ счастьемъ ея было лежать на кушеткѣ, безъ корсета, закутавшись въ огромную черную шубу“. Брильянтовъ, подаренныхъ ей Потемкинскимъ, она почти не надѣвала; смотря на сундуки изысканныхъ нарядовъ изъ Парижа, она только говорила: „Для чего, для кого, зачѣмъ?!“ 23 Ноября 1793 г. графъ Скавронскій (р. 1757 г.) умеръ, и вдова, никогда не любившая мужа, вскорѣ вернулась в Петербургъ, гдѣ Павелъ I, въ день коронаціи, пожаловалъ ее кавалерственной дамой. Ей было уже 37 лѣтъ, когда она впервые сама безумно влюбилась въ итальянца графа Ю. П. Литту; 31 Октября 1798 г. отпразднована была ихъ свадьба. Бракъ оказался самымъ счастливымъ. 14 Декабря 1798 г. графинѣ былъ пожалованъ орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго большаго креста, 18 Апрѣля 1809 г. орденъ Екатерины 1-й ст., а 1 Января 1824 г. она получила званіе гофмейстерины.

Графиня Литта умерла 7 Февраля 1829 г. и погребена в церкви Св. Духа Александро-Невской лавры. Отъ перваго брака у нея были 2 дочери: Екатерина (за княземъ П. И. Багратиономъ) и Марія (за графомъ Паленомъ и во 2-мъ бракѣ—за графомъ Ожаровскимъ).

Графиня Е. В. Литта, обладая прекрасной фигурой и прелестнымъ лицомъ, была чудно хороша и безконечно симпатична. Сегюръ увѣряетъ, что „ея головка—это головка амура“; князь П. Д. Циціановъ, немного влюбленный въ нее, писалъ, что она „ангелъ во плоти, хороша, молода, прекрасна“; Державинъ называлъ ее „магнитомъ очей“ и, воспѣвая подъ именемъ „Пирры“, расточалъ ей, „зарѣ безъ тучъ“, цѣлый рядъ лестныхъ эпитетовъ.

На прилагаемомъ портретѣ, работы Анжелики Кауфманъ, графиня Скавронская изображена съ одной изъ своихъ дочерей.

(Съ портрета, принадлежащаго графинѣ М. Е. Браницкой, Бѣлая Церковь, Кіевской губ.)

Пис. Анжелика Клауфманъ

*Графиня Екатерина Васильевна
Скавронская, 1761-1829*

Peint par Angélique Kauffmann

*La Comtesse Catherine Vassilievna
Skavronskiy, 1761-1829*

Княгиня **ВАРВАРА ВАСИЛЬЕВНА ГОЛИЦЫНА**, 1757—1815, рожденная Энгельгардт, фрейлина (съ 1777 г.), кавалерственная дама ордена св. Екатерины (съ 1801 г.), вторая из племянниц Потемкина, родилась 12 Марта 1757 года. Заботами дяди деревенскія барышни Энгельгардт получили блестящее образование и сдѣлались украшеніемъ двора Екатерины. Изъ нихъ третья, Варвара Васильевна, по красотѣ уступала лишь младшей сестрѣ своей, графинѣ Скавронской, и была воспитана Державнымъ подъ именемъ „златовласой Пльниры“. До замужества она играла большую роль въ жизни избалованнаго и пресыщеннаго любовными успѣхами Потемкина, „тронутого дѣтской, полу-идеальной, полу-страстной любовью этой молодой дѣвушки“ и, въ свою очередь, соединявшаго „въ своихъ чувствахъ къ ней чистую нѣжность отца, страстность влюбленнаго и покорность слабохарактернаго мужа“. Чувства эти ярко выступаютъ въ перепискѣ „свѣтлѣйшаго“ съ Варварой Энгельгардт въ 1777 и 1778 годахъ: „Я никакъ не думала“, пишетъ она ему, „что вы, осердясь, ушли вчера отъ меня. Хорошо, батюшка, положимъ, что я вамъ досадила: да вѣдь вы знаете, когда я разосплюсь, то сама себя не помню; къ тому же прежде я получила письмо отъ бабушки, которое меня взбѣсило, то можно-ль уйти. Душка злая моя, ангель мой, не взыщи, сокровище мое безцѣнное“. — „Цѣлую ножки твои, дочка твоя, кошечка Гришинькина“, кончаетъ она другое письмо свое.

— „Моя жизнь милая, улыбочка моя милая, Варенька любезная, ты живешь въ моемъ сердцѣ и будешь тамъ вѣчно“, писалъ Потемкинъ; „Государыня сама изволила приказать, чтобъ ты была завтра на ужинѣ у Льва Александровича. Сударка, одѣнься хорошенько и будь хороша, и мила, посылаю тебѣ мое благословеніе, не смѣй занемочь, я за это выську“.

Отъѣздъ свѣтлѣйшаго князя въ Новороссійскій край положилъ конецъ этому романическому эпизоду. Варвара Васильевна казалась очень опечаленной, и Екатерина писала Потемкину: „Слушай, голубчикъ, Варенька очень неможетъ; si c'est Votre départ qui en est cause, Vous avez tort: уморилъ ее, а она очень мнѣ мила становится; ей хотять кровь пустить“.

На самомъ же дѣлѣ это была обыкновенная женская хитрость: Варвара Васильевна въ это время влюбилась въ молодого красавца, князя Сергѣя Федоровича Голицына (1749—1810). Выйдя за него замужъ въ Январѣ 1779 г., она сдѣлалась примѣрною женою и матерью и сохранила расположение Потемкина, одѣлившаго ее такъ же щедро, какъ и ея сестеръ. Отличная хозяйка, она проводила большую часть жизни въ любимомъ своемъ имѣніи, Зубриловкѣ, Саратовской губерніи, окруженная многочисленной семьей. Вотъ какъ описываетъ княгиню В. В. Голицыну Вигель, знавшій ее въ началѣ 1800-хъ годовъ. „Черты ея были безподобны, и въ 40 лѣтъ она сохраняла свѣжесть двадцатилѣтней дѣвы. Но сильныя страсти, копихъ вслѣдствіе дурнаго воспитанія она никогда не умѣла обуздывать, дали ея лицу весьма непріятное выраженіе. Она чрезвычайно любила власть и деньги, любила безъ памяти мужа и сына Михаила и терпѣть не могла противорѣчій“. Взбалмошная и вспыльчивая до крайности, она въ минуты гнѣва не знала удержа: у себя дома таскала при всѣхъ за волосы свою сосѣдку, помѣщицу Швелеву, и при себѣ велѣла высѣчь сопровождавшаго ее въ путешествіи засѣдателя за неисправность дорогъ; крестьянъ ея въ Сѣвскомъ уѣздѣ пришлось усмирять войсками. Сердитый нравъ ея смягчался, однако, добротою сердца. Рѣдко посѣщала Москву и Петербургъ и мало показывалась въ обществѣ, гдѣ она была извѣстна своею надменностью, она была любезна лишь съ близкими людьми, собирала у себя артистовъ и литераторовъ, покровительствовала Рылѣву и Крылову, и сама извѣстна, какъ писательница, переводомъ французскаго романа: „Заблужденія отъ любви или письма Фанелин и Мильфорта“ (2 части, Тамбовъ, 1790 г.).

Княгиня В. В. Голицына лишь на пять лѣтъ пережила мужа и скончалась 2 Мая 1815 г. въ Бѣлой Церквѣ, въ имѣніи сестры, графини Браницкой, и похоронена рядомъ съ мужемъ въ селѣ Зубриловкѣ, въ сооруженномъ ими храмѣ Преображенія.

(Съ портрета Лампи; собственность баронессы В. Г. Врангель, с. Казацкое, Кіевской губ.)

Пис. Лампи

Peint par Lampi

*Княгиня Варвара Васильевна
Голыцина, 1757-1815*

*La Princesse Varvara Vassiliievna
Golitzyne, 1757-1815*

Свѣтлѣйшій князь ГРИГОРІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ПОТЕМКИНЪ-ТАВРИЧЕСКІЙ, 1739—1791, мелкопомѣстный смоленскій дворянинъ, сынъ майора Александра Васильевича отъ брака съ Дарьей Васильевной Кондыревой, въ 1-мъ бракѣ Скуратовой, родился 13 Сентября 1739 г. въ с. Чижевѣ, Духовщинскаго уѣзда, и получилъ хорошее по тому времени образованіе, учился въ Московскомъ университетѣ, откуда, въ 1760 г., былъ исключенъ за лѣность. Въ 1761 г. онъ поступилъ вахмистромъ въ Конную гвардію, и вскорѣ сталъ въ ряды сторонниковъ Екатерины II, много содѣйствуя пропагандѣ въ ея пользу среди солдатъ полка. За участіе въ переворотѣ 28 Іюня Потемкинъ получилъ чинъ подпоручика, званіе камеръ-юнкера, 400 душъ и серебряный сервизъ. Дальнѣйшая его дѣятельность была разнообразная: кромѣ военной службы, онъ былъ помощникомъ оберъ-прокурора Св. Синода, опекуномъ депутатовъ-инновѣрцевъ въ Комиссіи уложенія и членомъ духовно-гражданской комиссіи. Участвуя въ первой Турецкой войнѣ, онъ быстро изъ поручиковъ гвардіи дослужился до чина генераль-поручика и обратилъ на себя вниманіе Государыни, съ которой завязалъ переписку. Въ 1774 г. онъ былъ вызванъ въ Петербургъ, и здѣсь началось его возвышеніе. Въ короткое время онъ сдѣлался генераль-адъютантомъ, генераль-аншефомъ, вице-президентомъ Военной коллегіи (1774), графомъ (1775) и княземъ Священной Римской имперіи, съ титуломъ свѣтлости (1776). Существуетъ даже преданіе, что Екатерина тайно вступила въ бракъ съ Потемкинымъ, и до сего времени въ церкви Большаго Вознесенія, на Никитской улицѣ въ Москвѣ, можно видѣть вѣнцы, въ которыхъ совершалось вѣнчаніе Императрицы съ фаворитомъ. Съ тѣхъ поръ, въ теченіе 17-и лѣтъ, на внутренней и внѣшней политикѣ Россіи сказывалось вліяніе государственнаго ума Потемкина. Положеніе, занятое имъ при дворѣ, было совершенно особое, оно коренилось не на его фаворѣ, а на согласіи государственныхъ идей и политическихъ цѣлей Екатерины и Потемкина, раздѣлявшаго съ Императрицей, по ея собственному признанію, „тяжесть правленія“. Послѣдніе годы жизни Потемкина ушли на осуществленіе мысли о присоединеніи къ Россіи Крыма и на устройство Новороссіи, всецѣло обязанной Потемкину своимъ процвѣтаніемъ. По присоединеніи Крыма, въ 1783 г., Потемкинъ былъ назначенъ шефомъ Кавалергардскаго корпуса, Екатеринославскимъ и Таврическимъ генераль-губернаторомъ, фельдмаршаломъ и президентомъ Военной коллегіи. Послѣ путешествія Екатерины II по ея новымъ владѣніямъ, онъ получилъ титулъ Таврическаго. Во вторую Турецкую войну Потемкинъ принялъ командованіе надъ всѣми войсками, хотя лично онъ и не имѣлъ талантовъ полководца. Въ 1791 г. Потемкинъ пріѣхалъ въ Петербургъ; значеніе его было прежнее, но ему непріятно было видѣть увлеченіе Государыни новымъ ея фаворитомъ, такимъ ничтожествомъ, какъ Зубовъ. Между Екатериной II и Потемкинымъ въ это время происходили нерѣдко ссоры. Устроивъ свой знаменитый праздникъ въ Таврическомъ дворцѣ, Потемкинъ, совсѣмъ больной, 1 Августа вернулся къ арміи, а 5 Октября скончался въ дорогѣ, въ степи, въ 40 в. отъ Яссы. „Теперь не на кого опереться“, сказала Екатерина II, узнавъ о смерти своего „сердечнаго друга“. Тѣло Потемкина поставлено было въ склепѣ церкви Св. Екатерины въ Херсонѣ. Въ 1798 г. Павелъ I приказалъ похоронить его прахъ и уничтожить въ церкви памятникъ, воздвигнутый Екатериной II.

Колоссальнаго роста, могучаго сложенія, Потемкинъ отличался красивой наружностью, но въ 1763 г. окривѣлъ на одинъ глазъ, по винѣ лѣчившаго его знахаря. Человѣкъ крупнаго государственнаго ума, широкихъ взглядовъ, онъ, по своимъ нравственнымъ свойствамъ, былъ олицетвореніемъ чисто русской природы со всѣми ея недостатками, даже пороками, и со всѣми ея достоинствами. Способный къ труду и выносливый, онъ работалъ иногда безъ усталы, но и недѣлями могъ лежать, грызть ногти или кусать морковь, и ничего не дѣлать; онъ былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, но вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ безпечный, капризный, развратный, самодуръ, въ душѣ добрый и отзывчивый. По отношенію къ окружающимъ онъ являлся „то гордымъ сатрапомъ Востока, то любезнѣйшимъ изъ придворныхъ Людовика XIV“. Потемкинъ легко постигалъ самыя сложныя политическія комбинаціи, и его прозорливость часто граничила съ гениальностью. Прямой, смѣлый, онъ не понималъ препятствій и всегда смотрѣлъ опасности въ глаза. Екатерина II искренно любила Потемкина и вполне довѣряла ему, а онъ боготворилъ Екатерину и старался угодить ей. Потемкинъ былъ не только „баловнемъ счастья“, но и достойнымъ сотрудникомъ Екатерины II, оставившимъ по себѣ замѣтный слѣдъ въ исторіи.

(Съ портрета Лампи; собственность графа Ал. А. Бобринскаго, С.-Петербургъ.)

Пис. Лампи

*Свѣтл. Князь Григорій Александровичъ
Потемкинъ, 1739-1791*

Peint par Lamps

*Le Prince Gregoire Alexandrowitch
Potemkine, 1739-1791*

Свѣтлѣйшій князь АЛЕКСАНДРЪ АНДРЕЕВИЧЪ БЕЗБОРОДКО, 1747—1799, сынъ генеральнаго судьи Андрея Яковлевича Безбородко отъ брака съ Евдокіей Михайловной Забѣлло, родился въ Глуховѣ 14 Марта 1747 года. По окончаніи курса въ Кіевской духовной академіи, гдѣ онъ выдавался среди товарищей замѣчательной „памятью и острымъ умомъ“, Безбородко поступилъ въ канцелярію графа Румянцева, генераль-губернатора Малороссіи, а когда Румянцевъ назначенъ былъ командовать арміей въ войнѣ противъ турокъ, онъ послѣдовалъ за нимъ на театръ военныхъ дѣйствій. Блестящій умъ Безбородко былъ замѣченъ фельдмаршаломъ, который ввѣрилъ ему вскорѣ управление одной изъ экспедицій своей канцеляріи и за заслуги произвелъ въ полковники Малороссійскаго Кіевскаго полка. По заключеніи мира, Румянцевъ рекомендовалъ Безбородко Императрицѣ Екатеринѣ, дорожившей талантливыми людьми, и въ 1775 г. онъ назначенъ былъ секретаремъ у принятія челобитенъ. Екатерина оцѣнила его крупный государственный умъ и рѣдкія способности, и вскорѣ Безбородко сдѣлался любимымъ ея докладчикомъ. Въ 1780 г. Безбородко произведенъ былъ въ генераль-майоры и причисленъ къ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ съ званіемъ „полномочнаго для всѣхъ негоціацій“. Подъ руководствомъ Безбородко заключенъ былъ союзъ съ Австріей, и совершилось присоединеніе Крыма къ Россіи; онъ же сопровождалъ Государыню, какъ ея докладчикъ, во всѣхъ ея поѣздкахъ. Императрица осыпала его богатыми подарками и пожалованіями, а Іосифъ II въ 1785 г. возвелъ въ графское Римской имперіи достоинство; въ слѣдующемъ году Безбородко вѣлно было присутствовать въ Совѣтѣ, оставаясь главнымъ директоромъ почтъ. Успѣхи Безбородко основывались главнымъ образомъ на томъ, что, усвоивъ себѣ мысли и намѣренія Государыни, онъ умѣлъ наилучшими способами приводить ихъ къ желанному исполненію или примѣнять къ государственной жизни. Заключеніе Яскаго мира съ турками въ 1791 г. было апогеемъ дѣятельности Безбородко въ царствованіе Екатерины II; за эту заслугу Императрица пожаловала Безбородко, уже произведеннаго въ дѣйствительные тайные совѣтники, звѣздой св. Андрея, и богатыми помѣстьями. Значеніе Безбородко, однако, поколебалось, потому что фаворитъ Екатерины, Зубовъ, пожелалъ самъ руководить внѣшними сношеніями и старался подорвать расположеніе къ нему Государыни. Безбородко началъ искать себѣ утѣшенія въ обогащеніи картинной галлерей своего роскошнаго дома (теперь почтагть) художественными сокровищами, въ разгульной жизни и въ легкомысленныхъ похожденияхъ съ женщинами, поклонникомъ которыхъ, страстнымъ и неразборчивымъ, онъ былъ, впрочемъ, всегда.

Императоръ Павелъ приблизилъ къ себѣ Безбородко и осыпалъ его милостями: существуетъ преданіе, что Безбородко передалъ Государю завѣщаніе Екатерины объ устраниеніи его отъ наслѣдованія престола въ пользу Великаго Князя Александра Павловича. Въ день коронаціи Павелъ пожаловалъ Безбородко княжеское достоинство, съ титуломъ свѣтлѣйшаго, званіе балыи орд. св. Іоанна Іерусалимскаго, назначилъ его оберъ-гофмейстеромъ и членомъ своего Совѣта, подарилъ ему 16 тысячъ душъ крестьянъ, 30 тысячъ десятинъ земли; тогда же купленъ былъ въ казну московскій его домъ. Безбородко, получившему званіе государственнаго канцлера, попрежнему поручены были внѣшнія сношенія: на этотъ разъ онъ долженъ былъ заботиться о дѣлахъ мальтійскаго ордена, покровителемъ котораго объявилъ себя Павелъ, и о созданіи коалиціи противъ „мятежной и развратной“ Франціи. Но бурный, непостоянный нравъ Императора Павла заставлялъ Безбородко бояться его немилости: старый государственный дѣлецъ сталъ заносчивать расположенія фаворита Государя, извѣстнаго Кутайсова. Тревоги и нездоровье побудили Безбородко въ концѣ 1798 г. ходатайствовать объ увольненіи отъ службы, но, вмѣстѣ того, онъ получилъ лишь отпускъ за границу. Отпускомъ этимъ, однако, ему воспользоваться не пришлось: разбитый параличемъ, Безбородко умеръ 6 Апрѣля 1799 г. и погребенъ въ палаткѣ Благовѣщенской церкви Александро-Невской лавры.

Князь Безбородко женатъ не былъ, но отъ актрисы О. Д. Каратыгиной („Ленушка“), съ 1790 г. жившей въ его домѣ, а потомъ вышедшей замужъ за правителя канцеляріи Безбородко Н. Е. Ефремова, имѣлъ дочь Наталію Александровну Верецкую (р. 1790, † 1826 г.; похоронена въ Толшевскомъ монастырѣ, Воронежской губ.), бывшую замужемъ съ 21 Мая 1806 г. за гв. полковникомъ Я. П. Савельевымъ. Ей Безбородко далъ прекрасное воспитаніе, большое приданое, и она всегда съ теплымъ чувствомъ вспоминала „священнѣйшее имя своего благодѣтеля“.

(Съ портрета Лампи; собственность князя В. С. Кочубея, с. Диканька, Полтавской губ.)

Тис. Паули

Peint, par Lampi

*Свѣтл. Князь Александръ Андреевичъ
Безбородко, 1747 - 1799*

*Le Prince Alexandre Andréewitch
Bezborodko, 1747 - 1799*

ДМИТРИЙ ПРОКОФЬЕВИЧЪ ТРОЩИНСКІЙ, 1754—1829, малороссъ, сынъ войскового писаря Прокофія Ивановича, племянникъ епископа Переяславскаго Амфилохіа, родился въ Глуховѣ и учился грамотѣ у приходскаго дячка; началъ службу малкимъ чиновникомъ Малороссійской коллегіи, впоследствии сдѣлался однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ государственныхъ людей трехъ царствованій, всѣмъ обязанный своему неутомимому трудолюбію и свѣтлому уму. Въ 1775 г. поступилъ секретаремъ къ князю Н. В. Репнину во время его посольства въ Константинополь и на Тешенскій конгрессъ; позднѣе завѣдывалъ канцеляріей Репнина во время его генераль-губернаторства въ разныхъ губерніяхъ и командованія въ Польшѣ корпусомъ. Затѣмъ Трощинскій нашелъ себѣ покровителя въ своемъ землякѣ, знаменитомъ дипломатѣ А. А. Безбородкѣ, и опредѣленъ былъ имъ въ совѣтники Почтоваго управленія; скоро, заслуживъ полное довѣріе Безбородки, онъ сдѣлался его правой рукой въ управленіи почтами. Въ 1784 г. назначенъ правителемъ дипломатической канцеляріи графа, который отзывался о немъ Императрицѣ, какъ о „сущемъ и полезномъ помощникѣ“. Въ 1791 г., уѣзжая въ Яссы, Безбородко испросилъ разрѣшеніе, чтобы въ его отсутствіе дѣла его канцеляріи докладывались Трощинскимъ. Въ качествѣ докладчика Трощинскій остался и по возвращеніи Безбородки; говорятъ, Императрица избавила послѣдняго отъ „понедѣльничныхъ“ докладовъ, такъ какъ послѣ весело проведеннаго среди оргій праздника „бремя дѣлъ“ было ему „не по лѣтамъ“. Въ 1793 г. Трощинскій пожалованъ въ статсъ-секретари и получилъ орд. св. Владиміра 2 ст.; въ этомъ званіи онъ оставался и при Павлѣ I, который пожаловалъ ему 1000 душъ, Аннинскую и Александровскую ленты, Мальтійскій командорскій крестъ и назначилъ его сенаторомъ. Александръ I, въ 1801 г., назначилъ его главнымъ директоромъ почтъ, членомъ Государственнаго Совѣта, пожаловалъ въ дѣйств. тайные совѣтники и затѣмъ поручилъ ему Минпстерство Удѣловъ. Однако, опытный дѣлецъ, „воспитанный въ старыхъ идеяхъ“, приверженецъ прежнихъ порядковъ, Трощинскій не пользовался симпатіей и довѣріемъ Александра I и былъ отстраненъ отъ реформъ первыхъ лѣтъ его царствованія. Трощинскій былъ яркимъ противникомъ учрежденія министерствъ; 9 Юня 1806 г. онъ оставилъ службу и былъ избранъ въ Полтавѣ въ „губернскіе маршалы“. Въ 1814 г. Государь вызвалъ Трощинскаго и назначилъ министромъ Юстиціи, при чемъ ему поручалось, чтобы „законы исполнялись неизмѣнно, правосудіе не было помрачено ни пристрастіемъ къ лицамъ, ни мерзкимъ лихоимствомъ“. Въ 1817 г. Трощинскій былъ уволенъ отъ службы, а въ 1822 г. удалился въ свое любимое село Кибинцы, въ Миргородскомъ повѣтѣ, Полтавской губерніи, гдѣ и умеръ 26 Февраля 1829 г., на 76 году отъ рожденія. Женатъ не былъ, но имѣлъ дочь Надежду († 1816; за княземъ И. А. Хилковымъ).

Біографу Трощинскаго предстоитъ нелегкій трудъ собрать множество написанныхъ имъ указовъ и проектовъ; всѣ они по слогу, ясности мысли и лаконизму могутъ считаться лучшими произведеніями дѣлового слога того времени и не уступаютъ въ этомъ отношеніи произведеніямъ самого Безбородки.

„Съ умомъ обширнымъ и образованнымъ, съ сердцемъ чувствительнымъ и твердостью духа Трощинскій соединялъ особенную любезность; бѣдныя оплакивали въ немъ своего благодѣтеля“. Грибовскій говоритъ, что онъ „казался старѣе, роста былъ средняго, имѣлъ видъ нѣсколько угрюмый. Друзьямъ былъ другъ, а врагамъ врагъ. Никогда не измѣнилъ прежнему своему начальнику и имѣлъ вмѣстѣ съ нимъ въ комнатахъ Государыни сильную партію, состоявшую изъ М. С. Перекусихиной и ея племянницы Торсуковой, камердинера Зотова и др.“. По отзыву сенатора масона И. В. Лопухина, Трощинскій былъ министромъ, „отличною твердостью и рѣдкимъ въ дѣлахъ государственныхъ искусствомъ одареннымъ“.

(Съ портрета Боровиковскаго; собственность Л. А. Зубалова, въ Москвѣ.)

Пис. Боровиковскій

Peint. par Borovikowsky

*Дмитрій Прокофьевичъ
Троцунскій, 1754-1829*

*Dmitri Prokofiewitch
Trochtchinsky, 1754-1829*

Графъ ИЛЯ АНДРЕЕВИЧЪ БЕЗБОРОДКО, 1756—1815, дѣйствительный тайный совѣтникъ, сенаторъ, младшій братъ знаменитаго канцлера князя Александра Андреевича Безбородко, родился 16 Февраля 1756 г.; съ юныхъ лѣтъ посвятилъ себя военной службѣ и, въ качествѣ ординарца графа Руминцева, участвовалъ въ первой Турецкой войнѣ. Въ 1784 г., уже въ чинѣ полковника, Безбородко, вмѣстѣ съ братомъ своимъ, пожалованъ былъ Юсифомъ II въ графы Священной Римской имперіи. Въ 1787 г., также стараніями брата, Илья Андреевичъ былъ уже генераль-майоромъ и членомъ Военной коллегіи. Съ началомъ второй Турецкой войны Безбородко вновь пожелалъ принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Назначенный подъ начальство Суворова, Безбородко командовалъ двумя колоннами при штурмѣ Измаила, выказалъ при этомъ блестящую храбрость и былъ тяжело раненъ въ руку; за штурмъ этотъ онъ получилъ ордена св. Георгія 3-й ст. и св. Анны 1-й ст., а въ день празднованія мира съ Турціей въ 1793 г. награжденъ былъ, кромѣ того, золотой шпагою съ брилліантами. Безбородко участвовалъ и въ польскомъ походѣ Суворова и за отличіе въ бояхъ былъ произведенъ въ 1795 г. въ генераль-поручики, а затѣмъ исполнялъ обязанности пристава при низложенномъ Польскомъ королѣ Станиславѣ-Августѣ до тѣхъ поръ, пока, въ 1797 г., Императоръ Павелъ не вызвалъ его въ Петербургъ. Благоволя къ канцлеру князю А. А. Безбородко, Павелъ I осыпалъ милостіями и его брата. Въ 1797 г. Илья Андреевичъ пожалованъ былъ въ графы Россійской имперіи, получилъ орденъ св. Александра Невскаго и 1350 душъ крестьянъ въ Литвѣ; въ 1798 г. онъ произведенъ былъ въ дѣйствительные тайные совѣтники и назначенъ присутствовать въ Сенатѣ. Послѣ кончины брата, Илья Андреевичъ наследовалъ все его состояніе, но уже 4 Сентября 1800 г. уволенъ былъ отъ службы. Храбрый солдатъ, прекрасный семьянинъ, благожелательный ко всѣмъ окружающимъ, Безбородко не обладалъ государственными способностями, но пользовался всеобщимъ уваженіемъ за свою честность и отчужденность отъ всѣхъ придворныхъ интригъ. Желая почтить память брата, своего благодѣтеля, Илья Андреевичъ основалъ въ 1805 г. въ Нѣжинѣ гимназію высшихъ наукъ имени князя Безбородко, обезпечивъ ея существованіе на вѣчныя времена (въ 1834 г. гимназія эта переименована была въ лицей).

Графъ Илья Андреевичъ скончался 3 Юня 1815 г. и погребенъ въ церкви Св. Духа Александроневской лавры; на наружной стѣнѣ алтаря слѣдующая надпись: „Графу И. А. Безбородко, погребенному въ семь храмѣ, за лѣвымъ клиросомъ, до построенія еще онаго, противъ гроба брата его, канцлера, свѣтлѣйшаго князя А. А. Безбородко, коего прахъ покоится тамъ же за стѣною“. Былъ женатъ на Аннѣ Ивановнѣ Ширай.

(Съ портрета Левицкаго; собственность графини Л. А. Мусиной-Пушкиной, С.-Петербургъ.)

Пис. Лобушкин

*Графъ Нилья Андреевичъ
Безбородко, 1756-1815*

Peint par Lévitaky

*Le Comte Elie Andréewitch
Bezborodko, 1756-1815*

Графиня АННА ИВАНОВНА БЕЗБОРОДКО, 1766—1824, супруга графа Ильи Андреевича Безбородко, рожденная Ширай, родилась 9 Сентября 1766 года; графиня Анна Ивановна пользовалась большим влиянием на мужа, громадное состояніе котораго давало ей большой вѣсъ въ высшемъ петербургскомъ обществѣ. Впрочемъ, не принадлежа по происхожденію и воспитанію къ высшему кругу, графиня не искала успѣховъ при дворѣ и предпочитала имъ тихую домашнюю жизнь, особенно въ родной ей Малороссіи. Тѣмъ не менѣе она пожалована была Императоромъ Павломъ въ кавалерственныя дамы ордена св. Екатерины меньшаго креста. Графиня Безбородко скончалась 27 Юля 1827 года и погребена въ церкви Св. Духа Александро-Невской лавры.

Старшій сынъ ея, графъ Андрей Ильичъ, камергеръ Высочайшаго двора, скончался въ молодыхъ годахъ; кромѣ него, у нея были двѣ дочери, изъ которыхъ старшая, графиня Любовь Ильинична († 14 Юля 1809 г.), вышла замужъ за адмирала графа Григорія Григорьевича Кушелева, при чемъ ея старшему сыну, Александру († 6 Апрѣля 1855 г.), 6 Апрѣля 1816 г. разрѣшено именоваться графомъ Кушелевымъ-Безбородко. Младшая, графиня Клеопатра Ильинична († 21 Декабря 1840 г.), была замужемъ за княземъ А. Я. Лобановымъ-Ростовскимъ.

Боровиковскій изобразилъ на прилагаемомъ портретѣ (1803 г.) графиню А. И. Безбородко съ обѣими ея дочерьми.

(Съ портрета Боровиковскаго; собственность графини Л. А. Мусиной-Пушкиной, въ С.-Петербургѣ.)

Пис. Боровиковский

*Графиня Анна Ивановна
Безбородко, 1766-1824*

Peint par Borovikovskiy

*La Comtesse Anna Ivanowna
Bezborodko, 1766-1824*

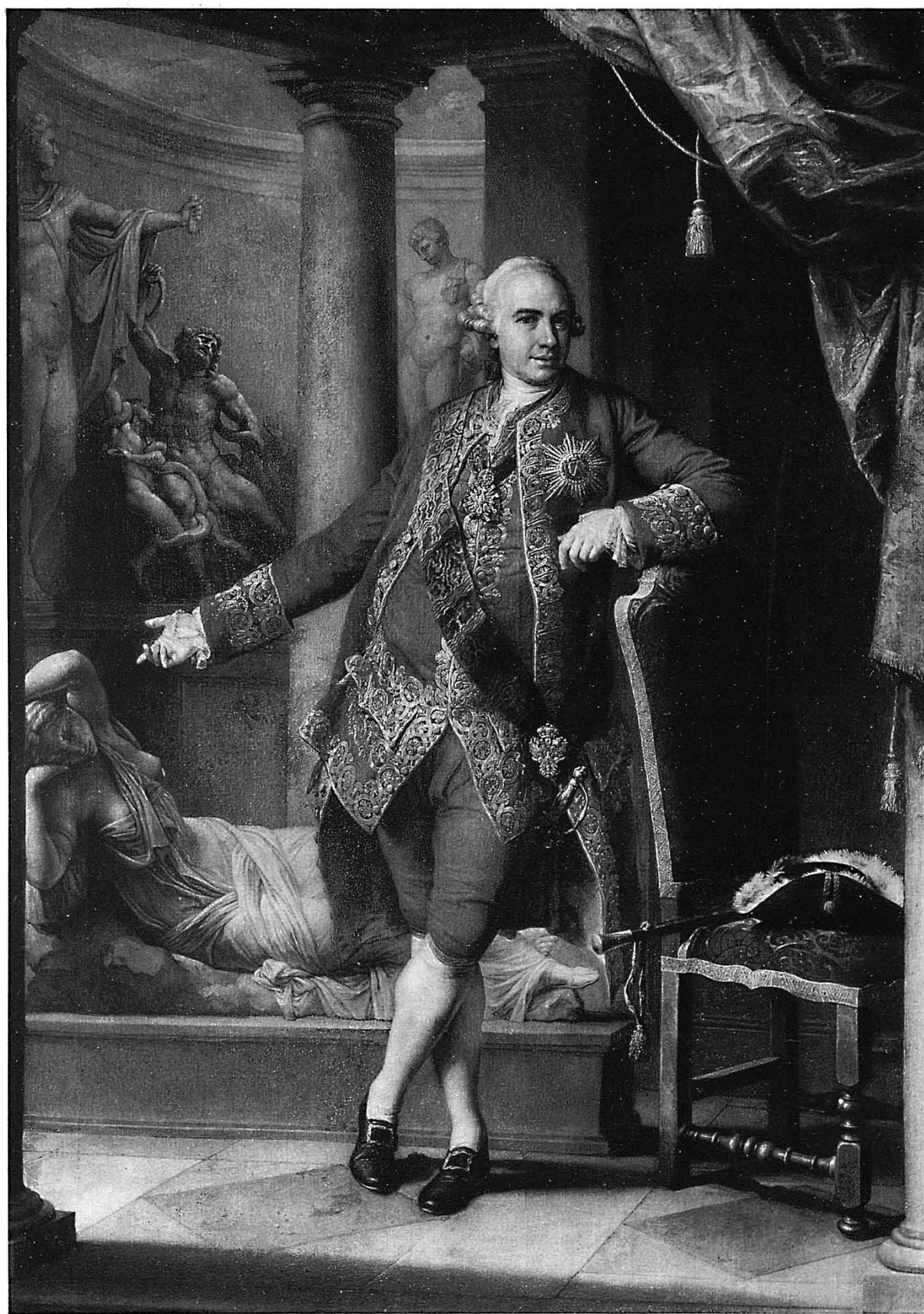

Графъ КИРИЛЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ РАЗУМОВСКІЙ, 1724—1803, младшій братъ гр. Алексѣя, родился въ Лёмешахъ, 18 Марта 1724 года. Возвышеніе брата, сдѣлавшагося изъ простаго казака супругомъ Императрицы, повлекло возвышеніе всего рода. Кирилль въ 1742 г., вмѣстѣ съ матерью Наталіей „Розумихой“ и сестрами, былъ вызванъ въ Петербургъ и здѣсь порученъ воспитанію Г. Н. Теплова, сына жены истопника Псковскаго архіерейскаго дома, воспитанника знаменитаго Теофана Прокоповича, котораго напоминалъ умомъ и гибкостью характера; въ сопровожденіи его, въ 1743 г., Разумовскій отправленъ за границу, „дабы ученіемъ вознаградить пренебреженное понынѣ время“. Черезъ 2 года, проучившись въ Кенигсбергѣ у Эйлера и въ Страсбургѣ, пожалованный въ это время въ графы (15 Юня 1744 г.), возвратился въ Россію вполне европейцемъ: отлично танцовалъ, говорилъ по-французски и по-нѣмецки; онъ съ увлеченіемъ бросился въ вихрь развлеченій и празднествъ при дворѣ, и „всѣ красавицы были отъ него безъ ума“. Въ 1746 г., 21 Мая, Разумовскій былъ назначенъ президентомъ Академіи Наукъ, „въ разсужденіи усмотрѣнной въ немъ особливою способности и пріобрѣтеннаго въ наукахъ искусства“; будучи не хуже своихъ нѣмецкихъ предшественниковъ, онъ велъ дѣла также плохо, зато сумѣлъ подать руку помощи Ломоносову... 27 Октября 1746 г., уже камергеръ и Александровскій кавалеръ, Разумовскій женился на Наталіи Ивановнѣ Нарышкиной. Въ Февралѣ 1750 г. онъ былъ избранъ въ Глуховѣ въ гетманы Малороссіи, хотя самъ впоследствии не придавалъ большого значенія этой „элекціи“ и Мазепу считалъ послѣднимъ гетманомъ... Съ необыкновенной помпой прибылъ гетманъ въ Малороссію и зажилъ царькомъ въ Глуховѣ и Батуринѣ; бразды же правленія взялъ въ свои руки Тепловъ. Въ началѣ 1752 г. Разумовскій получилъ Андреевскую ленту. При возвышеніи новаго фаворита, онъ сохранилъ прежнее положеніе, такъ какъ былъ близкимъ другомъ И. И. Шувалова. По мысли ихъ обоихъ была учреждена Академія Художествъ, а когда Шуваловъ задумалъ создать Московскій университетъ, гетманъ не хотѣлъ разстаться съ мечтой устроить университетъ въ Батуринѣ и вообще старался о поднятіи школъ въ Малороссіи. Краткое царствованіе Петра III причинило не мало огорченій Разумовскому, хотя Государь относился къ нему благосклонно и даже назначилъ его главнокомандующимъ арміей, которая должна была дѣйствовать противъ Дани: гетману казалось и это назначеніе, и маршировка на плацу предъ Измайловскимъ полкомъ насмѣшкой, а роль шута была ему не по душѣ. Онъ сдѣлался ревностнымъ сторонникомъ Екатерины, въ которую при томъ, по ея собственному признанію, былъ раньше влюбленъ. Разумовскій остался и навсегда ея преданнымъ другомъ. Временное охлажденіе внесла неосторожная просьба Разумовскаго о преемственности гетманскаго достоинства, на что побудилъ его двуличный Тепловъ. Когда 10 Ноября 1764 г. гетманъ былъ переименованъ въ фельдмаршала, какъ бы по его просьбѣ, а гетманство уничтожено, благоволеніе Государыни было ему возвращено. Проведя 1765—1767 гг. за границей, Разумовскій возвратился въ Петербургъ и здѣсь 22 Юня 1771 г. овдовѣлъ. Переѣхавъ въ Батуринъ, Разумовскій привезъ туда свою любимую племянницу, графиню С. О. Апраксину, прожившую съ нимъ до конца его дней. Графъ К. Г. Разумовскій умеръ 9 Января 1803 г. и похороненъ въ Батуринской церкви.

О Разумовскомъ существуетъ множество разсказовъ, характеризующихъ его доброту и доступность, его щедрость и роскошную жизнь, его грубоватую прямоту, съ отбѣнкомъ чисто малороссійскаго добродушнаго юмора. Несмотря на воспитаніе, путешествія и придворную жизнь, онъ все-таки оставался хохломъ и признавался, что, какъ заиграютъ на бандурѣ, онъ долженъ поскорѣе вспомнить кто онъ, чтобы не пуститься въ гопакъ. Говорятъ, что онъ хранилъ костюмъ своей юности, когда еще пасъ воловъ, и любилъ показывать его своимъ не въ мѣру кичливымъ сыновьямъ; впрочемъ, отъ одного изъ нихъ долженъ былъ выслушать вполне резонный отвѣтъ: „Между нами громадная разница: вы сынъ простаго казака, а я сынъ русскаго фельдмаршала“. По словамъ Екатерины II, „онъ былъ хорошъ собой, оригинальнаго ума, очень пріятенъ въ обращеніи и умомъ несравненно превосходилъ своего брата, который также былъ красавецъ“.

Прилагаемый портретъ писанъ Помпео Баттони въ Римѣ, въ 1766 году. 2 Апрель 1791 г. Разумовскій писалъ сыну Андрею: „Портретъ Батоніевъ взять можешь, тогда онъ поселится у васъ, а со временемъ, буде здоровье мое дозволитъ, то и оригиналь можетъ пріѣхать къ вамъ повидаться“. Но графу К. Г. такъ и не удалось побывать у сына, а портретъ навсегда остался за границей.

(Съ портрета Баттони 1766 г.; собственность графа Камилла Разумовскаго, Троппау, въ Силезіи.)

Грав. Саммоуш, 1766

*Графъ Кирилъ Григорьевичъ
Лазуновскій, 1724-1803*

Peint par Battoni, 1766

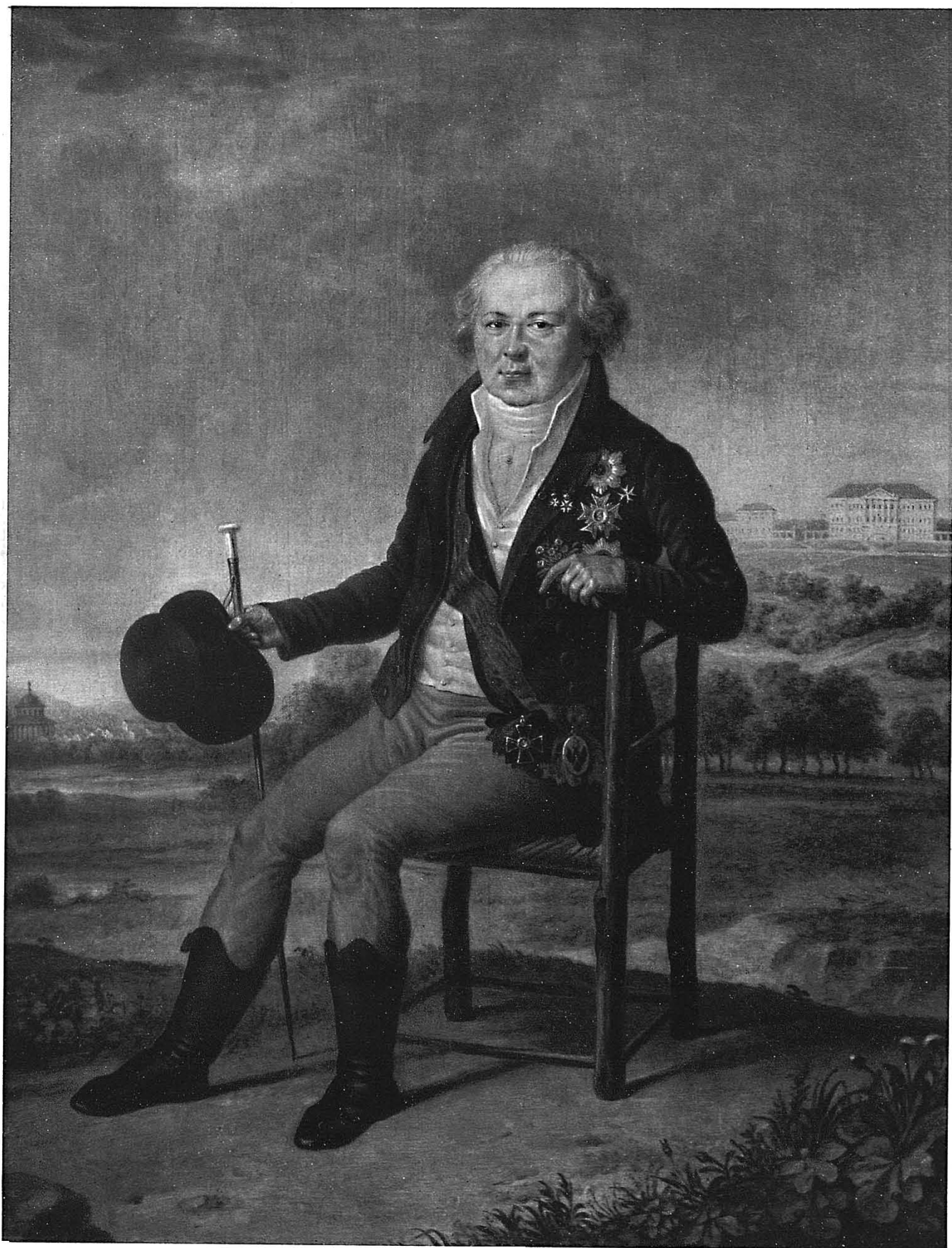
*Le Comte Cyrille Grigorievitch
Razoumowsky, 1724-1803*

Князь СТЕПАНЪ БОРИСОВИЧЪ КУРАКИНЪ, 1754—1805, сынъ князя Бориса Александровича отъ брака съ Еленой Степановной Апраксиной, родился 9 Юля 1754 г.; оставшись мальчикомъ послѣ родителей, жилъ нѣкоторое время въ домѣ бабки, княгини А. И. Куракиной, рожденной Паниной, а затѣмъ, по желанію дѣда и опекуна графа Н. И. Панина, отправленъ былъ для продолженія образованія въ Швецію. Пробывъ тутъ недолго, волонтеромъ поѣхалъ въ дѣйствующую противъ Турокъ армію къ другому дѣду, графу Н. И. Панину. Его тетка, княжна Агр. Ал. Куракина была недовольна этимъ: „Я бы очень желала, чтобы по окончаніи кампаніи подумали нѣсколько объ его воспитаніи: кажется героемъ сдѣлаться ему время не ушло бы, а къ наукамъ привыкать не всегда равно способно, особливо ему, который жестоко неглижированъ“. Князь Александръ Борисовичъ свысока относился къ младшему брату, и Степанъ Борисовичъ жаловался, что первый „поставляетъ его хуже самаго малаго ребенка, который до десяти перечесть не можетъ“, и приписываетъ ему понятія „самаго безразсуднаго и безграмотнаго офицера“. Послѣ взятія Бендеръ онъ былъ присланъ Панинымъ въ Петербургъ со взятыми знаменами и булавами, но Екатерина, не любившая графа Н. Панина, „своего персональнаго оскорбителя“, ничѣмъ не наградила его внука. Въ 1770 г. Куракинъ былъ пожалованъ въ капитаны въ армію, служилъ подъ начальствомъ Репнина въ Польшѣ, а въ 1773 г., адъютантомъ А. И. Бибикова, отправился съ нимъ на усмиреніе Пугачевского бунта, надо сказать, къ великому своему неудовольствію: въ письмахъ къ брату онъ горько жаловался на „жестокую комиссію“ и „премерзкую зимнюю кампанію“, при чемъ высказывалъ опасеніе, что если попадетъ въ плѣнь къ Пугачеву, то, „безъ сомнѣнія, будетъ повѣшенъ“. По смерти Бибикова, Куракинъ служилъ сначала въ Ново-троицкомъ кирасирскомъ полку, а съ 1775—80 г. въ кирасирскомъ Наслѣдника Цесаревича, гдѣ ему не мало пришлось перенести отъ раздражительности Павла Петровича. Съ Изюмскимъ гусарскимъ полкомъ онъ участвовалъ въ походѣ на Крымъ въ 1783 г., затѣмъ командовалъ Ахтырскимъ гусарскимъ полкомъ, а въ 1789 г. произведенъ былъ въ бригадиры и съ чиномъ генераль-майора вышелъ въ отставку. При Павлѣ I Куракинъ былъ назначенъ начальникомъ Экспедиціи Кремлевскаго строенія, съ чиномъ тайнаго совѣтника; въ концѣ 1804 г. вышелъ въ отставку дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, и послѣ тяжелой болѣзни 8 Юля 1805 г. умеръ; похороненъ въ Москвѣ, въ Новоспасскомъ монастырѣ.

Князь С. Б. Куракинъ велъ роскошный образъ жизни, любилъ радушно принимать у себя гостей, и высшее московское общество охотно посѣщало его великолѣпный домъ, у Красныхъ воротъ, наполненный толпой дворовыхъ и всякихъ прихлебателей. Будучи однимъ изъ основателей, „матадоровъ“ Англійскаго клуба въ Москвѣ, Куракинъ славился своими тощими гастрономическими обѣдами и ужинами. Однако, это все не разоряло Куракина: онъ умѣлъ хорошо вести свои дѣла, былъ расчетливый и опытный хозяинъ, такъ что, умѣя извлекать большіе доходы изъ своихъ имѣній, онъ не разорилъ крестьянъ. Въ своемъ с. Степановскомъ (раньше „Волосово“), Зубцовскаго уѣзда, Тверской губ., князь устроилъ роскошную усадьбу и завелъ большую полотняную фабрику. Какъ начальникъ, онъ пользовался расположеніемъ подчиненныхъ, такъ какъ заботился объ ихъ интересахъ.

Князь С. Б. Куракинъ былъ женатъ 2 раза: въ 1775 г. женился на Наталіи Петровнѣ Нарышкиной (р. 1758, † 1825), которая чрезъ 11 лѣтъ супружества оставила мужа, влюбившись въ его родного дядю, извѣстнаго московскаго красавца С. С. Апраксина. Такъ какъ княгиня показала, что оставила мужа вслѣдствіе своей неизлѣчимой болѣзни, князю Куракину было разрѣшено вступить во второй бракъ, и онъ женился на Екатеринѣ Дмитріевнѣ Измайловой (р. 1761, † 1841). Отъ второго брака, какъ и отъ перваго, дѣтей не было.

(Съ портрета, принадлежащаго князю А. А. Куракину, въ С.-Петербургѣ.)

*Князь Степанъ Борисовичъ
Куракинъ, 1754-1805*

*Le Prince Stéphane Borissowitch
Kourakine, 1754-1805*

Графъ ЗАХАРЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ЧЕРНЫШЕВЪ, 1722—1784, генераль-фельдмаршалъ, сынъ графа Григорія Петровича (р. 1670 г., † 1745) отъ брака съ близкой къ Петру Великому особой, Евдокіей Ивановной Ржевской („Авдотья— бой-баба“; р. 1695 г., † 1747 г.), родился 18 Марта 1722 г.; началъ свое служебное поприще въ гвардіи, а въ 1742 г., въ чинѣ капитана, причисленъ былъ къ русскому посольству въ Вѣнѣ, но былъ тамъ недолго, и, спустя два года, назначенъ былъ камеръ-юнкеромъ ко двору Наслѣдника престола Великаго Князя Петра Теодоровича. Здѣсь онъ имѣлъ возможность обратить на себя вниманіе Великой Княгини Екатерины Алексѣевны, будущей Императрицы, и приобрѣсти ея особое расположеніе. Но придворная жизнь Чернышева продолжалась недолго, до 1748 г.; вновь отдавшись военной службѣ, Чернышевъ принималъ участіе въ Семилѣтней войнѣ, при чемъ командовалъ корпусомъ въ чинѣ генераль-поручика въ битвѣ при Цорндорфѣ; въ 1761 г. умному, распорядительному Чернышеву удалось взять Берлинъ и наложить на него контрибуцію. По кончинѣ Императрицы Елисаветы, Петръ III задумалъ помочь Фридриху II противъ Австріи и назначенные для этой цѣли корпуса поручилъ въ командованіе Чернышеву. Екатерина, вступивъ на престолъ, возвела давняго своего любимца въ генераль-аншефы и наградила орденомъ св. Андрея, а въ 1763 г. назначила его вице-президентомъ Военной коллегіи. На этомъ поприщѣ Чернышевъ приложилъ много труда, такъ какъ въ періодъ его управленія коллегіей Россія вела непрерывныя войны съ Польшей и Турціей, и, кромѣ того, внутри государства свирѣпствовалъ Пугачевскій бунтъ. Въ 1773 году Чернышевъ назначенъ былъ президентомъ Военной коллегіи, съ возведеніемъ въ званіе генераль-фельдмаршала, но, вслѣдствіе ссоры съ Потемкинымъ, уже въ слѣдующемъ году назначенъ былъ генераль-губернаторомъ Бѣлоруссіи, только-что присоединенной отъ Польши по первому раздѣлу. Чернышевъ и здѣсь много поработалъ на пользу края, связавъ Бѣлоруссію крѣпкими узами съ Россіей и поднявъ въ ней промышленность и торговлю. Уже въ 1780 г. Екатерина, проѣзжая по Бѣлоруссіи, сказала графу: „Если бы я сама не видѣла такого устройства въ Бѣлоруссіи, то никому бы не повѣрила, а дороги ваши, какъ сады“. Такую заботливость объ упорядоченіи жизни и быта населенія проявилъ Чернышевъ и въ Москвѣ, куда назначенъ былъ главнокомандующимъ 5 Февраля 1782 года.

О Чернышевѣ сохранилась слава, какъ о твердомъ и безкорыстномъ русскомъ вельможѣ. Одинъ изъ самыхъ умныхъ и самыхъ образованныхъ людей своего времени, „горячая голова“, какъ называла его Екатерина II, онъ, по отзыву знаменитаго современника, князя Н. В. Репнина, „пользовался отличнымъ уваженіемъ и былъ разумнымъ администраторомъ, по военной и гражданской части“.

Женатъ былъ на фрейлинѣ (съ 1762 г.) Аннѣ Родіоновнѣ Вейдель (р. 1744 г., † 9 Юля 1830 г.), позднѣ (съ 15 Авг. 1773 г.) статсъ-дамѣ, женщинѣ гордой и высококомѣрной; дѣтей у нихъ не было.

Графъ З. Г. Чернышевъ умеръ 29 Августа 1784 года.

(Съ портрета Рослена; собственность Г. Г. Черткова, въ С.-Петербургѣ.)

Пис. Рослинъ

Peint par Roslin

*Графъ Захаръ Григорьевичъ
Чернышевъ, 1722-1784*

*Le Comte Zakhare Grigoriowitch
Tchernysheff, 1722-1784*

Свѣтлѣйшій князь ПЕТРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ЛОПУХИНЪ, 1753—1827, сынъ майора Василя Алексѣевича отъ брака его съ Хоненевой, началъ службу въ 1769 г. прапорщикомъ въ Преображенскомъ полку; въ 1775 г. былъ уже капитанъ-поручикомъ, а 25-и лѣтъ, 2 года спустя, полковникомъ и „опредѣленъ къ статскимъ дѣламъ“, при чемъ въ 1779 г. назначенъ С.-Петербургскимъ оберъ-полицеймейстеромъ. Заслуживъ расположеніе Императрицы, въ чинѣ бригадира, онъ былъ переведенъ въ 1783 г. губернаторомъ сначала въ Тверь, а затѣмъ, пожалованный въ генераль-майоры, назначенъ въ 1784 г. губернаторомъ въ Москву, отсюда въ 1793 г. перемѣщенъ генераль-губернаторомъ въ Ярославль, будучи уже генераль-поручикомъ. До сихъ поръ, по словамъ современника, онъ „продолжалъ службу мѣрнымъ шагомъ“. Но со вступленіемъ на престолъ Павла I „счастье улыбнулось“ ему: „слѣпой случай—и второстепенный сановникъ сдѣлался первымъ въ государствѣ“. Императоръ влюбился въ старшую дочь Лопухина, Анну, и почести и награды посыпались на отца, поощрявшаго это увлеченіе. Пожалованный въ тайные совѣтники и сенаторы, въ 1798 г. Лопухинъ былъ назначенъ генераль-прокуроромъ; 7 Ноября 1798 г. получилъ Андреевскую ленту, затѣмъ Анну 1-й ст. и Мальтійскій орденъ большаго креста съ брильянтами, чинъ дѣйств. тайнаго совѣтника; 19 Января 1799 г. возведенъ въ княжеское достоинство, 22 Февраля получилъ титулъ „свѣтлости“ и княжескій гербъ съ девизомъ „Благодать“. 11 Марта получилъ придворную ливрею и староство Корсунь, Кіевской губерніи. Хитрый царедворецъ, зная причудливый нравъ и перемѣнчивость расположенія Государя, не желалъ долѣе искушать судьбу, и 7 Юня 1799 г. испросилъ увольненіе отъ всѣхъ дѣлъ, при чемъ памятью его генераль-прокурорства остался указъ (19 Ноября 1798 г.) объ освобожденіи отъ тѣлеснаго наказанія людей, имѣющихъ болѣе 70 лѣтъ. Въ царствованіе Александра I, въ 1801 г., Лопухинъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, затѣмъ въ 1803 г. министромъ Юстиціи, въ 1810 г. предсѣдателемъ департамента, а съ 25 Мая 1816 г. и до конца жизни состоялъ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ, при чемъ съ 30 Августа 1814 г. состоялъ въ I классѣ.

Князь Лопухинъ скончался 6 Апрѣля 1827 г. и похороненъ въ родовомъ своемъ имѣніи близъ г. Порхова. Былъ женатъ на Прасковіи Ивановнѣ Левшиной, отъ которой имѣлъ 3 дочерей, а 2-мъ бракомъ—на Екатеринѣ Николаевнѣ Шетневои (1 сынъ и 3 дочери).

Высокаго роста, красивый, Лопухинъ имѣлъ большой успѣхъ у женщинъ и до старости не оставялъ волокитства: дамы всегда могли сдѣлать черезъ него многое, зато некрасивая, вѣчно судившаяся княгиня Е. Р. Дашкова изображаетъ его челоѡкомъ „фальшивымъ, скрытнымъ и мстительнымъ“; другіе говорятъ, что онъ имѣлъ „нравъ пылкій, но сердце доброе, быстрое соображеніе и навѣкъ въ дѣлахъ“. Онъ былъ другомъ Аракчеева и не ладилъ съ Кутайсовымъ, которому всецѣло былъ обязанъ, ибо Кутайсовъ первый указалъ Государю на А. П. Лопухину. Хитрый эгоистъ, онъ умѣлъ показать свое великодушіе; когда однажды, по его же жалобѣ, Кутайсова вѣрно было сослать въ Сибирь, онъ на колѣняхъ вымолилъ ему прощеніе, хорошо зная, конечно, что сіятельный брадобрей, безъ котораго Павелъ не могъ жить, такъ далеко все равно не уѣдетъ, а, вернувшись, можетъ ему повредить. Чтобы заставить Государя въ хорошемъ расположеніи духа, Лопухинъ ѣздилъ во дворецъ съ докладами въ 6-мъ часу утра. Чуждый мелочнаго высокомерія, всегда болѣе интересовавшійся матеріальными выгодами, онъ говорилъ, что „природа всѣхъ на свѣтъ равно производитъ, и титулъ свѣтлости не просвѣщаетъ ума, не грѣетъ на морозѣ, не дѣлаетъ свѣтлѣ темную комнату, а только даетъ поводъ думать о немъ хуже“. Князь И. М. Долгорукій дѣлаетъ мѣткую ему характеристику: „Эгоистъ по характеру и чувству, равнодушный къ родинѣ, престолу и ближнему, онъ и добро и зло дѣлалъ только по встрѣчѣ, безъ умысла и намѣренія; кромѣ себя, ничего не любитъ, кромѣ своего удовольствія, ничѣмъ не дорожить, покупая оное всѣми средствами, безъ разбора ихъ качества“.

(Съ портрета Боровиковскаго; собственность свѣтлѣйшаго князя Н. П. Лопухина-Демидова, м. Корсунь, Кіевской губ.)

Пис. Боровиковский

*Свѣтл. Нязь Пётръ Васильевичъ
Лопухинъ, 1755-1827*

Peint par Borovikowsky

*Le Prince Pierre Vassiliévitch
Lopoukhine, 1755-1827*

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА ЛОПУХИНА, 175.—178., первая жена генераль-майора, впоследствии действительного тайного советника I класса и светлейшего князя Петра Васильевича Лопухина, была дочерью полковника Ивана Фомича Левшина. Мать ее, Анна Ивановна Левшина, рожденная княжна Львова, пользовалась большим уважением в обществе и при дворе Павла I. О самой Прасковье Ивановне Лопухиной, матери известной любимицы Императора Павла, княгини Анны Петровны Гагариной, сохранилось очень мало сведений. Выйдя замуж за П. В. Лопухина, она имела от него трех дочерей: Анну (род. 8 Ноября 1777 г.), Екатерину (замужем за Г. П. Демидовым) и Прасковью (р. 1784 г., † 25 Апрѣля 1870 г.; за графом П. И. Кутайсовым). Умерла она рано и не была свидетельницей возвышения своей семьи, благодаря чувству Павла I к ее старшей дочери.

По свидетельству князя И. М. Долгорукова, автора „Капища моего сердца“, Прасковья Ивановна Лопухина „была милая и пригожая женщина“. Познакомившись с нею в Твери, где муж ее был губернатором в 1785 г., Долгоруков влюбился в хозяйку, которой было „с небольшим 20 лѣтъ“, просрочил отпуск, забыл про дѣла и хотя послѣ никогда уже не встрѣчался с нею, но, узнавъ о ее смерти, „искренно тужил о ней и вспоминалъ пріятные тѣ часы и слишкомъ краткіе, кои проводилъ съ нею“.

(Съ портрета Боровиковскаго; собственность светлейшаго князя Н. П. Лопухина-Демидова; м. Корсунь, Кіевской губ.)

Пис. Боровиковский, 1801

*Прасковія Ивановна
Лопухина, 1753-178.*

Peint. par Borovikowsky, 1801

*Prascovie Ivanowna
Lopoukbine, 1753-178.*

Свѣтлѣйшая княгиня **ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВНА ЛОПУХИНА**, 1765—1839, вторая жена князя П. В. Лопухина, была дочь генераль-поручика Николая Лаврентьевича Шетнева. Мать ея, Екатерина Николаевна Матюшкина, вышла за Шетнева безъ согласія родителей, и отецъ лишилъ ее наслѣдства, отдавъ свое имѣніе въ 3000 душъ свосму другу, графу П. И. Панину. По смерти Матюшкина, Панинъ объявилъ себя опекуномъ его малолѣтней внуки, и при выходѣ ея, въ концѣ 1780-хъ годовъ, замужъ за Лопухина возвратилъ ей все дѣдовское наслѣдство. Еще до замужества, Е. Н. Шетнева пользовалась, какъ говорятъ, расположеніемъ графа Безбородки. Совершенно необразованная, извѣстная своимъ ханжествомъ и суевѣріемъ, Лопухина пользовалась въ свѣтѣ самой незавидной репутаціей. „C'est une femme galante de mauvais ton“, писалъ про нее графъ Ростопчинъ. „Вмѣстѣ съ своей благоговѣйной набожностью“, говоритъ хорошо знавшій ее современникъ, Тургеневъ, „она усерднѣе служила богинѣ любви; у нея, по пословицѣ, былъ мужъ наружу и пять въ сундукѣ; постоянно, всегда готовый къ услугамъ, былъ Федоръ Петровичъ Уваровъ, подполковникъ Екатеринославскаго гусарскаго полка. Онъ получалъ отъ нея по 100 руб. ассигн. въ мѣсяцъ, да, кромѣ того, она ему нанимала карету съ четырьмя лошадьми за 35 руб. въ мѣсяцъ ассигнаціями“. На коронаціонныхъ торжествахъ въ Москвѣ, въ 1797 г., Лопухина вывозила въ свѣтѣ двухъ старшихъ дочерей мужа и пожалована была въ кавалерственныя дамы. Старшая ея падчерица, Анна Петровна, тутъ же обратила на себя вниманіе Павла I, и „Кутайсовъ былъ посланъ негоціаторомъ и полномочнымъ министромъ трактовать иниціативно съ мачехою Анны Петровны о приглашеніи Лопухина съ его фамиліею въ Петербургъ“. „Негоція“ удалась вполнѣ, и въ 1798 г., одновременно съ назначеніемъ Анны Петровны въ камеръ-фрейлины, Лопухина была пожалована въ статсъ-дамы, а мужъ ея назначенъ генераль-прокуроромъ; при этомъ Екатерина Николаевна не забыла и Уварова, заручившись обѣщаніемъ о переводѣ его въ Петербургъ. Отъѣздъ Лопухиныхъ поднялъ на ноги всю Москву переполохомъ, произведеннымъ г-жей Лопухиной. „Къ ней“, повѣствуетъ Тургеневъ, „возили со всѣхъ сторонъ чудотворныя иконы: Иверскую, Всѣхъ Скорбящихъ, Утоленія Печали, Взысканія Погибшихъ; да, прости Господи, всѣхъ не перечесть; служили напутственные молебны, святтили воду, окропляли Анну Петровну, заставляли ее ложиться на полъ и черезъ нее переносили св. иконы“. Въ послѣднюю минуту Лопухина, узнавъ, что переводъ Уварова еще не состоялся, отказалась ѣхать безъ него, и только рѣшительное заявленіе Анны Петровны, что она поѣдетъ одна, заставило ее пуститься въ путь. Не стѣсняясь пользоваться вліяніемъ падчерицы на Императора, Лопухина, по переѣздѣ въ Петербургъ Уварова, рѣшила добиться пожалованія ему Аннинской ленты, которая давалась Павломъ съ большимъ разборомъ. Это стоило ей не мало затрудненій; поссорившись съ падчерицей, она не побрезгала даже очернить ее передъ Императоромъ, справлявшимся у нея о поведеніи Анны Петровны; затѣмъ послѣдовала ссора и съ Уваровымъ, и Лопухина рѣшила отравиться. Заѣхавъ въ аптеку у Полцейскаго моста, она потребовала мышьяку „для мышь Ея Свѣтлости“, какъ показывалъ нѣмецъ аптекаръ. Вернувшись домой и принявъ ядъ, она начала кричать и звать на помощь, и ее съ большимъ трудомъ удалось спасти. Когда это происшествіе дошло до Павла, и онъ узналъ отъ Анны Петровны причину, Уваровъ получилъ желаемую ленту. Возвеличивъ семейство Лопухиныхъ, Павелъ I требовалъ, чтобы съ такимъ же вниманіемъ относились къ нимъ и въ свѣтѣ, и при дворѣ. Замѣтивъ, что Н. К. Загрлжская „проходить мимо статсъ-дамы княгини Лопухиной, не кланяясь ей“, онъ далъ ей знать, что долѣе такого „невѣжества“ допускать не намѣренъ. Въ тотъ же вечеръ Наталья Кирилловна отправилась на многлюдный балъ и, подойдя къ княгинѣ Лопухиной, отвѣсила ей низкій поклонъ и громко отчеканила: „По именному Его Величества приказанію, мною сегодня полученному, честь имѣю поклониться Вашей Свѣтлости“.

Послѣ смерти Павла, Лопухины возвратились въ Москву. Въ коронацію Николая I, 26 Августа 1826 г., Лопухина получила орденъ св. Екатерины I класса. Овдовѣвъ въ 1827 г., она скончалась въ Петербургѣ 16 Сентября 1839 г. и похоронена въ селѣ Красный Яръ, Псковской губ., Порховскаго уѣзда. Имѣла одного сына, князя Павла Петровича, женатаго на вдовѣ гр. Ж. И. Алопеусъ, и трехъ дочерей: Елисавету, Александру (въ первомъ бракѣ за А. А. Жеребцовымъ, во второмъ за ген.-адъютантомъ графомъ А. А. Ржевускимъ) и Софію (за княземъ А. Я. Лобановымъ-Ростовскимъ).

(Съ портрета Боровиковскаго; собственность свѣтлѣйшаго князя П. П. Лопухина-Демидова, м. Корсунь, Кіевской губ.)

ВАСИЛІЙ СТЕПАНОВИЧЪ ПОПОВЪ, 1743—1822, изъ духовнаго званія, родился въ Казанской губ. 17 Декабря 1743 г., здѣсь же учился въ гимназїи, затѣмъ поступилъ въ военную службу 11 Августа 1767 г. подпрапорщикомъ. Во время 1-й Турецкой войны, въ качествѣ аудитора, участвовалъ въ осадѣ Бендеръ, а затѣмъ сдѣлался, съ 1771 г., секретаремъ князя В. М. Долгорукова-Крымскаго, съ которымъ больше никогда не разлучался, и который, будучи самъ неискуснымъ администраторомъ и врагомъ канцелярщины, цѣнилъ умъ и искусное перо Попова. Состоя правителемъ, сначала походной, а затѣмъ генераль-губернаторской канцелярїи въ Москвѣ, 1 Мая 1782 г. былъ произведенъ въ подполковники, но зато лишился своего покровителя. Впрочемъ, его скоро оцѣнили и приблизили къ себѣ Потемкинъ; произведенный 8 Апрѣля 1784 г. въ полковники, Поповъ съ этого времени неотлучно состоялъ при свѣтлѣйшемъ князѣ и сумѣлъ сдѣлаться ему необходимымъ. Онъ велъ всю переписку Потемкина, который ему вполне довѣрялъ. Благодаря своимъ способностямъ и могучему покровительству, Поповъ достигъ высокаго положенія и получилъ извѣстность, какъ самый близкій человѣкъ къ „великолѣпному князю Тавриды“. Екатерина поручила Попову заботы о похоронахъ Потемкина и собственноручнымъ письмомъ старалась утѣшить Попова. Въ то время, въ концѣ 1791 г., онъ былъ уже генераль-майоромъ, имѣлъ орденъ св. Владиміра 1 степ. и былъ богатымъ землевладѣльцемъ въ Новороссїи. Безбородко объяснялъ его вліяніе на дѣла тѣмъ, что „боятся нарушать тестаменты Потемкина, которые Поповъ выдаетъ; когда дѣло коснется прежней администраціи, онъ идетъ прямо докладывать, что хотять трогать память княжю“... Въ Январѣ Екатерина поручила ему завѣдываніе своей комнатной суммой, наградивъ Александровской лентой, при этомъ Государыня иногда бывала недовольна имъ „по причинѣ усилій его входить во многіе комнатные расчеты“; въ томъ же году Поповъ назначенъ начальникомъ Кабинета, а въ слѣдующемъ—завѣдующимъ Кольванскими и Черчинскими заводами. Среди придворныхъ интригъ и зависти, онъ ловко умѣлъ сохранять не только свое положеніе, но и довѣренность Императрицы, которая продолжала награждать его деревнями и своимъ расположеніемъ. Тотчасъ послѣ смерти Екатерины II, 15 Ноября 1796 г., Поповъ былъ произведенъ въ генераль-поручики, затѣмъ переименованъ въ тайные совѣтники. Онъ сумѣлъ не впасть въ немилость Павла и былъ назначенъ въ 1797 г. президентомъ Камеръ-коллегіи, а 23 Ноября 1798 г.—сенаторомъ. Тѣмъ не менѣе Поповъ не избѣжалъ опалы и въ 1799 г. сосланъ былъ въ свои помѣстья, гдѣ и занялся сельскимъ хозяйствомъ. Только въ началѣ 1807 г. Александръ I вызвалъ его въ Петербургъ и поручилъ ему устройство интендантства въ арміи Беннигсена, изъ чего видны не только увѣренность Государя въ его практическихъ способностяхъ, но и вѣра въ его безкорыстіе. Послѣ Тильзита Поповъ пожалованъ былъ въ дѣйствительные тайные совѣтники (22 Юня 1807 г.), 1 Января 1810 г. назначенъ членомъ Государственного Совѣта, 19 Апрѣля 1812 г.—предсѣдателемъ Комиссіи Прошеній, 21 Сентября 1818 г. сдѣланъ почетнымъ членомъ Академіи Наукъ, а 4 Ноября 1819 г.—предсѣдателемъ департамента Государственного Совѣта. Между тѣмъ ослабѣвшее зрѣніе требовало постоянного лѣченія за границей, гдѣ онъ больше и жилъ, тѣмъ не менѣе въ 1820 г. онъ ослѣпъ, а 5 Ноября 1822 г. скончался въ Петербургѣ и похороненъ на Лазаревомъ кладбищѣ Александровской лавры. Поповъ оставилъ обширную переписку и интересныя, еще не напечатанныя, воспоминанія.

Любопытенъ отзывъ о Поповѣ Суворова, который говоритъ, что „онъ былъ славный, честный человѣкъ, въ дѣлахъ ловкій и опытный; легко доступный, безъ всякой гордости, охотно принимавшій участіе въ несчастныхъ; онъ умѣлъ снискать общія уваженіе и любовь“. Екатерина II всегда цѣнила Попова и говорила Храповицкому, что онъ „человѣкъ довольно дальновидный, съ открытою головою и ей самой нуженъ“. Завистниковъ у Попова было много, и даже Безбородко, называвшій его „лучшимъ своимъ помощникомъ“ въ Яссахъ, не прочь былъ злословить на его счетъ. Всѣ современники, однако, съ похвалою отзывались о его простотѣ и добротѣ, такъ что, „докладывая о несчастныхъ, проливалъ онъ слезы непритворныя и склонялъ къ милости монархиню“.

Достигшій высшихъ степеней служебной іерархіи и нажившій громадное состояніе, Поповъ былъ человѣкъ недюжиннаго ума и блестящихъ способностей, и если ему не чуждъ былъ эгоизмъ въ преслѣдованіи личныхъ интересовъ, то онъ подверженъ былъ этой болѣзни своего вѣка едва ли не меньше, чѣмъ кто-либо другой изъ его современниковъ.

Пис. Лампи

Peint. par Lampi

*Васи́й Степа́нович
Поповъ, 1743-1822*

*Basile Stépanowitch
Popoff, 1743-1822*

БОГДАНЪ (Иванъ) ВАСИЛЬЕВИЧЪ УМСКІЙ, 17...—1780, по довольно распространенному, по хронологически совершенно неправдоподобному преданію, считается побочнымъ сыномъ Разумовскаго (и Императрицы Елисаветы). Ни года его рожденія, ни какихъ-либо свѣдѣній о его дѣтствѣ намъ неизвѣстно. Только 15 Февраля 1758 г. Умскій подалъ въ Сенатъ прошеніе, въ которомъ писалъ: „отецъ мой былъ природою польской націи, гор. Хвастова шляхтичъ и умре въ давнихъ годахъ, а послѣ его остался я въ малыхъ лѣтѣхъ и обучился грамотѣ и писать при родственникахъ моихъ, а нынѣ я обрѣтаюсь празденъ и ни къ какимъ дѣламъ не опредѣленъ. И желаю быть въ Сенатѣ копистомъ, а о состояніи моемъ свѣдомъ фельдмаршала князя И. Ю. Трубецкого секретаря М. П. Воейкова“. Послѣ этого онъ былъ опредѣленъ писаремъ къ князю Трубецкому (отецъ И. И. Бецкаго). Позднѣе Умскій перешелъ въ военную службу, и въ 1749 г. былъ поручикомъ Ингерманландскаго пѣх. полка; 14 Декабря 1753 г. произведенъ въ капитаны въ Эстляндскомъ полку, а въ 1754 г. переведенъ въ Рязанскій пѣхотный полкъ. Въ 1763 г. онъ былъ надворнымъ совѣтникомъ и 25 Октября этого года, при назначеніи опекуномъ въ Московскій Опекунскій совѣтъ (открытый 21 Апрѣля 1764 г.), произведенъ въ коллежскіе совѣтники. Въ Москвѣ онъ жилъ въ своемъ домѣ, въ приходѣ церкви Ильи Пророка, на Воронцовомъ полѣ. Умскій прослужилъ опекуномъ до 2 Апрѣля 1775 г., когда оставилъ службу, къ великому огорченію Бецкаго, съ которымъ былъ въ дружбѣ и въ постоянной перепискѣ. При этомъ Умскій имѣлъ полное право сказать про свои „старанія и труды“ по Воспитательному дому, что „въ томъ его усердіе и горячность чрезъ десятилѣтнее время не погасли“. Въ то время, какъ другіе опекуны уѣзжали въ отпускъ, не являлись въ засѣданія, Умскій неустанно работалъ, привлекалъ жертвователей. Чрезъ него дѣвица Марѣя Дмитріевна Кашкадамова жертвовала деньги, а въ 1771 г. домъ; благодаря ему, былъ „пріобрѣтенъ извѣстный благотворитель“ Прокофій Акинѣевичъ Демидовъ, который былъ близкимъ пріятелемъ Умскаго и заѣзжалъ къ нему въ Декабрѣ 1772 г. поздравить съ рожденіемъ дочери. Демидовъ жертвовалъ не только деньгами, но постоянно что-нибудь строилъ или ремонтировалъ, самъ ходилъ по работамъ, и Умскій любовался, что „работа у него течетъ, какъ вода“. Демидовъ пожертвовалъ Воспитательному дому „кабинетъ курьезныхъ вещей“, а Умскій старался поскорѣе открыть его для публики, чтобы кабинетъ приносилъ доходъ и чтобы „не огорчить“ Демидова; въ то же время онъ хлопоталъ о портретѣ щедрого жертвователя: „Пр. Ак. Демидова патреть имѣть въ Совѣтѣ должны, какъ то сдѣлать—не знаемъ, да къ тому жъ и писать некому. Рокотовъ одинъ, за славою сталъ спѣсивъ и важенъ. Ежели бы изволили (т.-е. Бецкій) прислать, многіе могли бы свое удовольствіе имѣть, да и тотъ могъ быть авантажень“. Умскій усердно заботился о порученныхъ ему питомцахъ, старался улучшить помѣщенія и ихъ содержаніе, указывалъ на „великую духоту“ отъ нечистотъ въ зданіи и любовался воспитанниками, замѣчал, что „безъ пристрастія—имѣемъ такихъ дѣтей въ ихъ поступкахъ, ласкъ и во всѣхъ обхожденіяхъ завидныхъ и прилежныхъ, а при томъ изъ себя видныхъ, что и желать больше не можно“... Онъ трудился не за отличія, которыхъ не получалъ, а изъ любви къ дѣлу. „Писать изволите“, говоритъ онъ въ письмѣ къ Бецкому, „опекунамъ жалованье будетъ, то остается въ соизволеніи, и только ежели изъ суммы Воспитательнаго дома, о другихъ не знаю, а о себѣ отвѣчаю, что оно не получать изъ спрочкой суммы не прилично“.

Умскій скончался 11 Сентября 1780 г.; онъ былъ женатъ два раза: первымъ бракомъ на Екатериинѣ Дмитріевнѣ Плавильщиковой († до 1762 г.), богатой Рязанской помѣщицѣ, отъ которой онъ имѣлъ 2 сыновей: Николая и Ивана († до 1781 г.) и 4 дочерей: Авдотью (за прапорщикомъ Ив. Вас. Шокуровымъ), Александру (за надв. сов. Я. О. Кафтыревымъ; бабка поэта Полонскаго), Екатерину (дѣвицу) и Анну (за М. М. Тургеневымъ). Николай Богдановичъ, премьеръ-майоръ († 14 Марта 1809 г.), похороненъ въ Московскомъ Покровскомъ монастырѣ; рядомъ съ нимъ погребена его сестра, надворная совѣтница Анна Богдановна Тургенева (р. 10 Апрѣля 1759 г., въ замужествѣ съ 20 Сентября 1775 г., † 8 Ноября 1798 г.). Вторая жена Умскаго, Марія Ивановна (фамилія неизвѣстна), овдовѣвъ, вышла за надв. сов. Вас. Андр. Евреннова. Отъ Умскаго у ней было 4 дочери: Марія (въ 1796 г. за ст. сов. кн. П. А. Волконскимъ), Елизавета (съ 1787 г. за тит. сов. Дм. Вл. Дружининымъ), Софья и Варвара.

На прилагаемомъ портретѣ Умскаго, на рамѣ, надпись: „P. Levicki anno 1770“, а на оборотѣ написано: „1770 году, въ Мартѣ мѣсяцѣ, писанъ въ С.-Петербурѣ“.

(Съ портрета Левицкаго, находящагося въ Воспитательномъ домѣ, въ Москвѣ.)

Пис.: Левинский, 1774

*Богданъ Василевичъ
Умскій, 17.-179.*

Peint. par Lévitky, 1774

*Bogdan Vassilievitch
Oumsky, 17.-179.*

ДЕНИСЪ ДИДРО, 1715—1784, уроженецъ г. Лангра, сынъ ножевщика. Отецъ сначала отдалъ его въ іезуитскую школу, но потомъ перевелъ въ одну изъ Парижскихъ коллегій. Дидро не хотѣлъ избрать опредѣленной специальности и, оставленный за это отцомъ безъ поддержки, долженъ былъ заниматься уроками, переводами и писаніемъ проповѣдей для малограмотныхъ аббатовъ. Въ то же время онъ рано занялся изученіемъ науки и философіи. Общеніе съ философами, Руссо, д'Аламберомъ и др., довершило его воспитаніе и образованіе, и вскорѣ онъ сталъ въ ряды представителей философіи XVIII вѣка. Дидро былъ выдающимся мыслителемъ. Онъ училъ, что человѣческая природа сама по себѣ хороша, и что зло есть послѣдствіе дурного образованія и дурныхъ учреждений. Это возбуждало интересъ къ государству, законодательству и общественной жизни. Въ сочиненіяхъ его по естествовѣднiю есть намеки и предчувствія, впоследствии оправдавшіеся и вошедшіе въ науку. Но главная заслуга Дидро — изданіе „Энциклопедіи“, давшей имя цѣлому періоду въ развитіи человѣческой мысли. Убѣжденный, что всѣ человѣческія знанія представляютъ нѣчто органически цѣлое, Дидро задумалъ собрать ихъ въ одномъ изданіи. Для осуществленія этого предпріятія были приглашены выдающіеся книгопродавцы Парижа и многіе мыслители, ученые и художники Франціи. Обладая разнообразными знаніями, Дидро былъ самымъ подходящимъ человекомъ для центральной, объединяющей роли и былъ душою изданія. Первый томъ вышелъ въ 1750 г. и, съ послѣдующими шестью, вызвалъ злобу реакціонеровъ и суетворовъ. Продажа ихъ и дальнѣйшее печатаніе были воспрещены. Тѣмъ не менѣе, изданіе закончилось 28-мъ томомъ въ 1772 году. „Энциклопедія“ произвела большое впечатлѣніе на Екатерину II. Она читала ее, постоянно держала подъ рукою, то выбирая изъ нея сюжеты для театральныхъ пьесъ, то отыскивая смыслъ словъ. По „Энциклопедіи“ императрица составила себѣ понятіе о Дидро. Желая помочь философу, она купила у него въ 1765 г. библіотеку, причемъ оставила ее ему въ пожизненное владѣніе, пригласила его библіотекаремъ этой же библіотеки, съ ежегоднымъ содержаніемъ въ 1000 франковъ, и выплатила жалованье за 50 лѣтъ впередъ. Дидро посланными услугами старался выразить Екатеринѣ II свою благодарность: рекомендовалъ ей художниковъ (Фальконета), прибрѣталъ картины и гравюры для Эрмитажа, расточалъ ей похвалы въ печати. Онъ близко сошелся съ нѣкоторыми русскими: княгиней Дашковой, княземъ Д. М. Голицынымъ, и въ 1773 г. совершилъ путешествіе въ Россію. Уже черезъ 9 дней послѣ своего восшествія на престолъ Екатерина пригласила Дидро переѣхать въ Петербургъ для окончанія Энциклопедіи. Дидро отказался. Въ 1767 г. приглашеніе было повторено. Наконецъ, въ 1773 г. онъ собрался въ Петербургъ, чтобы лично поблагодарить Екатерину за ея щедрія милости и поближе познакомиться съ русской жизнью. Екатерина приняла Дидро, какъ дорогого гостя, и взяла на себя всѣ расходы по его содержанію. Во время своихъ частыхъ и продолжительныхъ бесѣдъ они касались самыхъ разнообразныхъ предметовъ: и внѣшней политики, и крѣпостного права, и земледѣлія, и воспитанія и обученія дѣтей. Дидро, однако, опоздалъ съ своимъ пріѣздомъ въ Россію: Екатерина удивлялась его глубокимъ познаніямъ, смѣлому уму, увлекалась его бесѣдой, даже уговаривала его остаться при ней, но мало была расположена слѣдовать указаніямъ философовъ и находила, что у Дидро „нѣтъ политической опытности“. Дидро же искренно восторгался Екатериной и писалъ про нее: „Какая государыня! Что за необыкновенная женщина! Это душа Брута въ образѣ Клеопатры—мужество одного и прелести другой; невѣроятная твердость въ мысляхъ со всею обольстительностью и возможною легкостью въ выраженіи; любовь къ истинѣ, доведенная до высшей степени; полное знаніе дѣлъ своего государства“. На русскую жизнь онъ сталъ смотрѣть глазами Екатерины и искренно говорилъ, что „имѣлъ душу раба въ странѣ людей, которыхъ называютъ свободными, и обрѣлъ душу человека свободнаго въ странѣ людей, которыхъ называютъ рабами“, хотя и находилъ, что „подъ 60° широты блекнуть идеи, цвѣтуція подъ 48°“. Пребываніе въ Петербургѣ продолжалось 5 мѣсяцевъ. Осенью 1774 г. онъ вернулся въ Парижъ.

Несравненный, блестящій собесѣдникъ, Дидро былъ человекъ въ высшей степени гуманный, отличавшійся добротой, незлобивостью и великодушіемъ. Удивительная талантливость и многосторонность доставили ему первенствующее мѣсто въ Парижскихъ салонахъ. Дидро умеръ въ Парижѣ 20 іюля 1784 года.

(Съ портрета Левицкаго 1774 г.; собственность Общественной библіотеки въ Женевѣ.)

Пис: Левицкий

*Денис Дидро,
1713 - 1784*

Peint par Lévisky

*Denis Diderot
1713 - 1784*

Свѣтлѣйшая княгиня **НАТАЛІЯ ЮРЬЕВНА САЛТЫКОВА-ГОЛОВКИНА**, 1781—1860, дочь оберъ-камергера и Андреевскаго кавалера графа Юрія Александровича Головкина (1762—1846) отъ брака съ Екатериной Львовной Нарышкиной († 5 Ноября 1820 г.), родилась 17 Августа 1781 г.; въ Апрѣлѣ 1801 г. вышла замужъ за графа (съ 1814 г. свѣтлѣйшій князь) Александра Николаевича Салтыкова. По смерти отца († 21 Января 1846 г.), 6 Апрѣля 1846 г., будучи послѣднею въ родѣ Головкиныхъ, получила разрѣшеніе именоваться съ потомствомъ Салтыковой-Головкиной. Овдовѣвъ въ 1837 г., она пережила мужа на 23 года и умерла въ Москвѣ 6 Апрѣля 1860 г.; похоронена въ Донскомъ монастырѣ.

Отъ брака съ А. Н. Салтыковымъ имѣла 2 сыновей: Юрія († 1841 г.) и Алексѣя (р. 1824 г., † 1874 г.; именовался свѣтл. кн. Салтыковымъ-Головкинымъ, былъ женатъ на В. И. Лужиной), и 4 дочерей: Елену (р. 1802 г., † 1828 г.; за княземъ Николаемъ Борисовичемъ Голицынымъ), Екатерину (р. 1803 г., † 1852 г.; за княземъ Ильей Андреевичемъ Долгорукинымъ), Софію (р. 1806 г., † 1849 г.; за графомъ Григоріемъ Петровичемъ Шуваловымъ) и Марію († 1845 г.; за графомъ Болеславомъ Потоцкимъ).

Правнучка княгини Н. Ю. Салтыковой, Е. Ю. Хвоцинская, говоритъ, что ея прабабушка была „замѣчательно красива и до старости сохранила свою красоту. Одѣвалась всегда великолѣпно и, несмотря на свои преклонные годы, любила розовый цвѣтъ, который не казался слишкомъ молодымъ для нея, такъ она сама была хороша и свѣжа“. А. Я. Булгаковъ, видѣвшій Салтыкову въ самый расцвѣтъ ея красоты, когда ей было около 30 лѣтъ, находилъ ее очень красивой, очень кокетливой, но далеко не умной. То же въ сущности подтверждаетъ и отзывъ Вигеля: „Если бы у Н. Ю. не были слишкомъ крупныя черты, она могла бы почитаться совершенной красавицей. Молодость, свѣжесть, кокетство многихъ сводило съ ума. Безъ большого ума, она была очаровательна до невозможности. Грустно подумать, что она, какъ и ея мать, такъ печально кончили свое поприще: „Горе тѣмъ, кои, разрывая со свѣтомъ связи, удаляются отъ нѣмыхъ его приговоровъ для того, чтобы свободнѣе предаваться осуждаемымъ имъ наслажденіямъ!“ Встрѣтивъ княгиню позднѣе, Вигель нашелъ ее „столь же доброю, столь же милою, какъ и прежде, даже не много состарившеюся, и душевно пожалѣлъ о ней, увидавъ, до какой степени она сдѣлалась нечувствительна къ общему неуваженію“.

(Съ портрета Лампи; собственность князя С. М. Голицына, с. Кузьминки, Московской губ.)

Пис. Лампи?

Peint par Lampi?

*Свѣтл. Княгиня Наталья Федоровна
Салтыкова-Головкина, 1781-1860*

*La Princesse Natalie Youriewna
Saltykoff-Golowkine, 1781-1860*

Князь **МИХАИЛЬ МИХАЙЛОВИЧЪ ЩЕРБАТОВЪ**, 1753—1790, сынъ генераль-майора князя Михаила Юрьевича отъ брака съ княжной Ириной Семеновной Сонцовой-Засѣкиной, родился въ Москвѣ 22 Юля 1753 г.; 10 Февраля 1756 г. былъ произведенъ въ прапорщики въ Семеновскомъ полку, но вышелъ въ отставку тотчасъ послѣ манифеста „о вольности дворянства“ и въ 1767 г. засѣдалъ въ Большой Комиссіи депутатомъ отъ Ярославскаго дворянства; въ 1768 г. поступилъ въ гражданскую службу въ Комиссію о Коммерціи, въ 1771 г. сдѣланъ былъ герольдмейстеромъ и въ эти годы разбиралъ, по порученію Екатерины II, бумаги Петра Великаго. Пожалованный въ камергеры въ 1773 г., въ 1778 г. назначенъ президентомъ Камеръ-Коллегіи, съ чиномъ тайнаго совѣтника; въ слѣдующемъ году сдѣланъ сенаторомъ. Отъ брака съ дальней своей родственницей, княжной Наталіей Ивановной Щербатовой († 1798 г.), имѣлъ 2 сыновей, Ивана и Дмитрія, и 4 дочерей: Ирину (Спиридова), Прасковію (княжна Щербатова), Анну, Наталію (Чаадаева). Князь Щербатовъ умеръ 12 Декабря 1790 г. и похороненъ въ селѣ Михайловскомъ, Ярославской губерніи.

Историкъ и публицистъ, экономистъ и политикъ, философъ и моралистъ, Щербатовъ, благодаря серіозному чтенію, сдѣлался дѣйствительно энциклопедистомъ; его интересовали естественныя и медицинскія науки, онъ собралъ библіотеку въ 15/т. томовъ и богатѣйшій физическій кабинетъ. Но наиболѣе онъ извѣстенъ, какъ авторъ „Исторіи Россіи“ (15 тт., доведена до 1610 г.) и желчнаго памфлета „О поврежденіи нравовъ въ Россіи“, а между тѣмъ онъ много писалъ: „О пользѣ законовъ“, о географіи, о мѣрахъ противъ голода, о земледѣліи и о торговлѣ, о смертной казни, и т. п. Смотрия пессимистически на современное ему чело-вѣчество, бичуя пороки, онъ любилъ размышлять и писалъ философскія разсужденія „о смертномъ часѣ“, „объ утѣшеніи слезящаго отца о смерти любезнаго сына“... Щербатовъ мечталъ объ идеальномъ государ-ственномъ устройствѣ, въ то же время отвергая всѣ существующія его формы: и монархію, гдѣ при дворахъ господствуетъ „адское чудовище“ — лезть, и народовластія съ „происками партій“, и республику, „рѣдко не достигающую до мучительства“... Однако князь Щербатовъ былъ убѣжденнымъ сторонникомъ аристо-кратической олигархіи и потому усердно восхвалялъ даже такое явленіе, какъ мѣстничество. Провоз-глашая, что „нѣсть ничего совершеннаго въ дѣлахъ чело-вѣческихъ“, онъ, какъ и Руссо, утверждалъ, что существуютъ „добродѣтели, вліяныя природою въ сердце чело-вѣческое“, но „нынѣшній чело-вѣкъ не таковъ уже, какъ онъ отъ естества сотворенъ“. Тѣмъ не менѣе, несмотря на пессимизмъ, его идеалъ общественнаго устройства не былъ особенно далекъ: это была до-Петровская Русь, которую онъ надѣлялъ, вопреки исторіи, всевозможными „благими правами“; реформы Петра онъ приписывалъ все зло и все то „сластолюбіе“, которое замѣнило первобытную „простоту“, и которое онъ желчно обличалъ, въ то же время восхваляя и „зѣло вредительное“, по всеобщему мнѣнію, мѣстничество и обычай „почтенія къ родамъ“, когда „не по чинамъ, но и по рожденію почитали“. Какъ историкъ, Щербатовъ стоялъ на голову выше предшественниковъ; онъ былъ не писатель, „переводившій“, какъ Ломоносовъ, „лѣтопись на языкъ похвальнаго слова“, но изслѣдователь, критически относившійся даже къ такимъ источникамъ, какъ „Исторія кн. Курбскаго“, и избѣгавшій любимыхъ старыми историками своеобразныхъ филологическихъ объясненій. Щербатовымъ было найдено и издано нѣсколько цѣнныхъ памятниковъ, каковы—„Царственная книга“, „Лѣтопись о многихъ мятежахъ“, „Журналъ Петра Великаго“ и т. п. По мнѣнію С. М. Соловьева, недостатки трудовъ Щербатова были результатомъ того, что „онъ сталъ изучать русскую исторію, когда началъ писать ее“, а писать ее онъ очень торопился. „Исторія Россіи“ его, написанная тяжелымъ языкомъ, чуждая „краснописанія“, не имѣла успѣха у современныхъ читателей, но она имѣла важное значеніе для послѣ-дующихъ историковъ, особенно для Карамзина, который часто пользовался изысканіями своего трудолюбиваго предшественника.

(Съ портрета Де-Куртейля; собственность князя С. А. Щербатова, с. Наро-Фоминское, Московской губ.)

Пис: Де-Гуптейнс

*Князь Михаил Михайлович
Щербатовъ, 1733-1790*

Peint par de-Courteille

*Le Prince Michel Mikhaïlowitch
Schcherbatoff, 1733-1790*

Княгиня АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА ГОЛИЦЫНА, 1774—1842, дочь сенатора, генераль-поручика Петра Степановича Протасова отъ брака съ Александрой Ивановной Протасовой, родилась 20 Марта 1774 года. Рано лишившись матери, она вмѣстѣ съ сестрами воспитывалась у тетки по отцу, любимой камеръ-фрейлины Екатерины II, Анны Степановны Протасовой (позднѣ графини), и получила образованіе хорошее, но вполнѣ французское. Пожалованная фрейлиной, въ 1791 г. она вышла замужъ за тайнаго совѣтника, шталмейстера, князя Алексѣя Андреевича Голицына (р. 29 Юля 1767 г., † 30 Марта 1800 г.), и черезъ 9 лѣтъ овдовѣла. Отъ этого брака у нея было 4 сына: Петръ (р. 1792 г., † 1842 г.; женатъ на Е. А. Злотницкой), Павель (р. 1796 г., † 1864 г.; женатъ на гр. Н. Н. Зотовой), Александръ (р. 1798 г., † 1854 г.) и Алексѣй (р. 7 Апрѣля 1800 г.; женатъ на гр. А. И. Кутайсовой), и дочь, Елизавета (р. 22 Февраля 1797 г., † 26 Ноября 1844 г.; монахиня ордена du Sacré-cœur съ 15 Декабря 1826 г.).

Почувствовавъ въ себѣ стремленіе къ уясненію религіозныхъ вопросовъ и сомнѣній, она, повидимому, нашла разрѣшеніе своимъ исканіямъ въ лонѣ римской церкви и, подъ вліяніемъ католическаго духовенства, въ 1818 г., 14 Мая, окончательно измѣнила православію, сдѣлавшись потомъ ревностной католичкой. Двое изъ ея сыновей также приняли католичество, а дочь, Декабря 1826 г., поступила даже въ монахини ордена „du Sacré-cœur“ и сдѣлалась позднѣ извѣстна своей миссіонерской дѣятельностью въ Луизианѣ, въ Америкѣ. Княгиня была писательницей: она вела дневникъ на французскомъ языкѣ и издала сборникъ католическихъ молитвъ. Умерла 11 Октября 1842 г. въ С.-Петербургѣ.

На прилагаемомъ портретѣ, писанномъ г-жей Виже Лебрень въ Петербургѣ, въ 1796 г., княгиня А. П. Голицына изображена съ своимъ сыномъ.

(Съ портрета, принадлежавшаго (въ 1902 г.) князю П. А. Голицыну, въ Москвѣ.)

Пис. В. Лебрун

*Княгиня Александра Петровна
Голыцина, 1774-1842*

Peint par Vigée Lebrun

*La Princesse Alexandra Pétrowna
Golitzyne, 1774-1842*

Графъ АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ САМОЙЛОВЪ, 1744—1814, сынъ сенатора Николая Борисовича, женатаго на родной сестрѣ князя Потемкина, Маріи Александровнѣ, родился 10 Марта 1744 г.; службу началъ въ Семеновскомъ полку, гдѣ въ 1772 г. произведенъ въ поручики. Участвовалъ въ первой Турецкой войнѣ и за взятіе Силистріи въ 1773 г. получилъ орденъ св. Георгія 4-го класса за то, что „при атакѣ непріятельскаго ретраншаментъ подавалъ собою примѣръ гренадерамъ“. Въ 1775 г. былъ членомъ суда надъ Пугачевцами и 10 Юня, въ день празднованія Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры. Съ 1776 по 1787 г. былъ правителемъ дѣлъ, а потомъ членомъ Императорскаго Совѣта, при чемъ въ 1779 г. получилъ чинъ генераль-майора. Во время покоренія Крыма (1783 г.) командовалъ Таврическимъ егерскимъ корпусомъ. Въ 1786 г. произведенъ въ генераль-поручики и затѣмъ принялъ участіе во второй Турецкой войнѣ, при чемъ отличился: 6 Декабря 1788 г. на штурмѣ Очакова, за что получилъ орденъ св. Георгія 2-го класса, въ 1789 г.—при взятіи Бендеръ, за что награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго и, наконецъ, пожалованъ орденомъ св. Владиміра 1-й ст. за взятіе приступомъ Измаила. При заключеніи Яскаго мира былъ назначенъ уполномоченнымъ, вмѣстѣ съ Рибасомъ и Лошкаревымъ, въ помощь А. А. Безбородкѣ. Онъ привезъ извѣстіе о мирѣ въ Петербургъ и получилъ изъ рукъ Императрицы, раньше своего принципала, Андреевскую ленту и 50/т. рублей. Послѣ отставки князя Вяземскаго, 17 Сентября 1792 г. назначенъ генераль-прокуроромъ и государственнымъ казначеемъ, къ чему онъ уже заранѣе, еще во время болѣзни Вяземскаго, предназначался покойнымъ княземъ Таврическимъ; впрочемъ, вопреки всѣмъ отрицательнымъ отзывамъ современниковъ, Императрица вскорѣ стала находить, что Самойловъ „часъ отъ часу становится больше по рукѣ“, и говорила Храповицкому: „Съ прежнимъ у него равное усердіе, но нынѣшній умнѣе“. 7 Февраля 1793 г. Самойловъ получилъ титулъ графа Римской имперіи, а 1 Января 1795 г. сдѣланъ російскимъ графомъ. Въ день вступленія на престолъ Павла I Самойлову, вмѣстѣ съ Ростопчинымъ, поручено было опечатать кабинетъ покойной Императрицы, а 4 Декабря 1796 г. на должность генераль-прокурора былъ назначенъ князь Алексѣй Куракинъ; впрочемъ, Самойловъ остался членомъ Совѣта. Изъ дѣлъ времени его генераль-прокурорства извѣстно только преслѣдованіе имъ трагедіи Я. Княжнина „Вадимъ Новгородскій“. По предложенію Самойлова, въ концѣ 1795 г., эта трагедія, какъ заключающая „нѣкоторыя слова, не токмо соблазнъ подающія къ нарушенію благосостоянія общества, но даже выраженія противу цѣлости законной власти царей“, была Сенатомъ изъята изъ обращенія въ отдѣльномъ изданіи и вырвана изъ 39 ч. „Російскаго Театра“.

Графъ Самойловъ умеръ 1 Ноября 1814 года, будучи членомъ Государственнаго Совѣта. Онъ былъ женатъ на княжнѣ Екатеринѣ Сергѣевнѣ Трубецкой (р. 22 Октября 1763 г., † 24 Февраля 1830 г.), отъ которой имѣлъ трехъ сыновей: Григорія († 14 Октября 1811 г.), Николая († 23 Юня 1842 г.; послѣдній представитель рода, женатъ былъ на графинѣ Ю. П. Паленѣ) и Михаила (р. 1800 г., † 24 Сентября 1820 г.), и 2 дочерей: Елену († 23 Августа 1843 г.; Донецъ-Захаржевская) и Софію (р. 4 Октября 1799 г., † 11 Ноября 1866 г.; графиня Бобринская).

Современники не любили Самойлова за его „гордость и тщеславіе“ и были невысокаго мнѣнія о его способностяхъ: онъ дѣла не зналъ и „метался въ разныя стороны“; будучи „преважнымъ“ человекомъ, всегда находился подъ чьимъ-нибудь вліяніемъ. Князь И. М. Долгорукій не скупится на бранныя слова по адресу Самойлова, называя его „титолованнымъ скаредомъ и дуракомъ“; онъ пишетъ, что Самойловъ былъ „глупъ, слѣсивъ, грубъ, безтолковъ, дурень“, и только утѣшаетъ себя тѣмъ, что при Екатеринѣ „дураки были не страшны, а плуты не опасны“.

(Съ портрета Лампи; собственность графа А. А. Бобринскаго, С.-Петербургъ.)

Пис. Лампи

*Графъ Александръ Николаевичъ
Самойловъ, 1744-1814*

Peint. par Lampi

*Le Comte Alexandre Nicolaewitch
Samoiloff, 1744-1814*

Ударию
Великаго Князя
Николая Михайловича

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ

XVIII и XIX столѣтій

Edition du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch

PORTRAITS RUSSSES

des XVIIIe et XIXe siècles

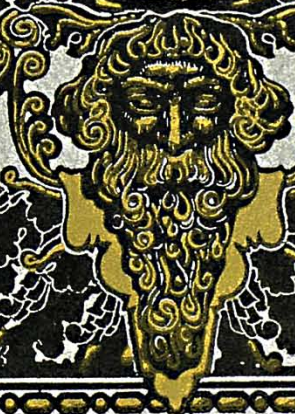
II томъ
2 выпускъ

TOME II
FASCICULE 2

1906

С. ПЕТЕРБУРГЪ
ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ
ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ

ST. PÉTERSBOURG
MANUFACTURE DES
PAPIERS DE L'ÉTAT

Князь ДМИТРИЙ МИХАЙЛОВИЧЪ ГОЛИЦЫНЪ, 1721—1793, сынъ фельдмаршала князя Михаила Михайловича старшаго (1674—1750) отъ 2-го его брака съ княжной Татьяной Борисовной Куракиной (1697—1757), родился въ Або 15 Мая 1721 г.; до капитанскаго чина служилъ въ гвардіи, въ Измайловскомъ полку, въ 1751 г., 5 Сентября, былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры, послѣ того какъ 28 Января 1751 г. женился на камеръ-фрейлинѣ княжнѣ Екатеринѣ-Смарагдѣ Кантемірь (р. 4 Ноября 1720, † 2 Ноября 1761), въ 1755 г. былъ пожалованъ въ камергеры, затѣмъ произведенъ въ генераль-майоры и въ 1759 г. получилъ Александровскую звѣзду. Послѣ смерти графа М. П. Бестужева-Рюмина († 26 Февраля 1760 г.) завѣдывалъ посольствомъ въ Парижѣ до прибытія графа П. Г. Чернышева, затѣмъ 28 Мая 1761 г. назначенъ чрезвычайнымъ посломъ въ Вѣну, гдѣ и оставался въ теченіе 30 лѣтъ. Въ 1762 г. былъ пожалованъ въ генераль-поручики, въ 1772 г.—въ дѣйствительные тайные совѣтники и получилъ орденъ св. Андрея Первозваннаго. Въ половинѣ 1790 г., 70-лѣтнему дряхлѣющему князю былъ назначенъ въ помощники молодой, блестящій интриганъ графъ Андрей Разумовскій. Старый дипломатъ былъ глубоко огорченъ и скоро оставилъ службу. Проживъ послѣ этого недолго, Голицынъ скончался въ Вѣнѣ 19 Сентября 1793 г. и похороненъ былъ на своей виллѣ Предигштуль, близъ Вѣны. Дѣтей у него не было.

Въ Вѣнѣ князь Голицынъ стяжалъ всеобщую любовь своей широкой благотворительностью. Любитель просвѣщенія, онъ покровительствовалъ ученымъ и художникамъ, которымъ доставлялъ способы сбывать ихъ произведенія, при чемъ самъ собралъ цѣлый музей рѣдкостей бронзы, скульптуры и большую картинную галерею. „Другъ человѣчества“, онъ завѣщалъ на устройство и содержаніе больницы въ Москвѣ 850/т. рублей, доходы съ 2-хъ вотчинъ въ 2/т. душъ и свою картинную галерею. Воля его прекрасно осуществлена его братомъ, княземъ А. М. Голицынымъ, открытіемъ въ 1801 г. Голицынской больницы, а затѣмъ нарушена послѣдующими наследниками—распродажей его галереи, отъ которой уцѣлѣло въ больницѣ только нѣсколько превосходныхъ портретовъ.

Тѣло князя Д. М. Голицына, съ Высочайшаго соизволенія, въ 1802 г. перевезено въ Москву, гдѣ и похоронено въ склепѣ подъ церковью Голицынской больницы; на гробницѣ слѣдующая латинская надпись: „Demetrius Mich. fil. Princeps a Galitzin Cath. II Russ. Imp. apud aul. Caes.-Reg. olim orator. Nat. Aboae 1721, mort. Vindob. 1793 ibique in villa propria Predigtstuhl dicta sepult. Inde ex voto suorum et clementi jussu Alexandri Imp. Moscoviam translata. Cal. Feb. 1802, ut in aedibus paupertati aegrotae ab ipsius erga patriam amore dicatis ossa pii digne requiescant“.

(Съ портрета, писаннаго Друэ младшимъ въ 1762 г.; Голицынская больница, въ Москвѣ.)

Пис: Друзь младший, 1762

*Князь Дмитрий Михайлович
Голлицын, 1721-1795*

Peint par Drouet j^{ne}, 1762

*Le Prince Dmitri Mikhaïlowitch
Golitzyne, 1721-1795*

Княгиня **ЕКАТЕРИНА** (Смарагда) **ДМИТРИЕВНА ГОЛИЦЫНА**, 1720—1761, дочь Молдавскаго господаря князя Дмитрія Константиновича Кантемира, родилась 20 (или 4-го) Ноября 1720 года. Отець ея въ 1711 г. принялъ русское подданство, переселился въ Россію и, получивъ отъ Петра I титулъ свѣтлѣйшаго князя, женился въ 1717 г. на княжнѣ Анастасіи Ивановнѣ Трубецкой (1700—1755; во второмъ бракѣ бывшей за ландграфомъ Гессенъ-Гомбургскимъ) и имѣлъ отъ нея двухъ сыновей, умершихъ въ младенчествѣ, и дочь Смарагду-Екатерину. Потерявъ отца на 4-мъ году, княжна Кантемиръ получила воспитаніе въ домѣ матери, подъ наблюденіемъ побочнаго ея брата, Ивана Ивановича Бецкаго, и, благодаря этому, по справедливости считалась одною изъ образованнѣйшихъ русскихъ женщинъ своего времени. Пожалованная въ камеръ-фрейлины въ 1744 г., она обвѣчалась 28 Января 1751 г. съ капитаномъ Измайловскаго полка княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ Голицынымъ (1721—1793), впоследствии посломъ въ Вѣнѣ. Свадьба состоялась при дворѣ, съ большимъ великолѣпіемъ, въ присутствіи Императрицы Елисаветы, чужестранныхъ министровъ и знатныхъ обоего пола особъ, а на другой день, при дворѣ же, былъ ужинъ и балъ на 200 персонъ. Въ тотъ же день молодая княгиня Голицына была назначена дѣйствительной статсъ-дамой. Въ 1757 г. Голицыны, въ виду слабости здоровья княгини, получили позволеніе Императрицы Елисаветы отправиться въ чужіе края и пріѣхали въ Парижъ. Княгиня Голицына произвела въ Парижѣ большое впечатлѣніе, держала открытый домъ и заинтересовала собой и свѣтъ, и дворъ, гдѣ нашла самый ласковый пріемъ. „Королева приняла княгиню Голицыну безъ всякой церемоніи, въ шлафрокѣ, послѣ обѣда, въ своей спальнѣ, послѣ чего она была введена къ мадамъ Аделандъ, куда другія медамъ де-Франсъ изволили нарочно изъ своихъ покоевъ прійти, а оттуда прошла къ дофиншѣ. Въ тотъ же день была она и у госпожи маркизы Помпадурши, которая съ несказанною ласкою ее приняла... Нельзя лучше и отличнѣе учинить пріема знатной чужестранной дамъ: видѣла она королеву и королевскую фамилію приватно и въ шлафрокѣ, хотя всѣ здѣшнія дамы не могутъ при Дворѣ иначе явиться какъ въ робахъ; казалось для нея весь этикетъ отставленъ былъ“. Такъ не безъ удовольствія отмѣчаетъ **Θ. Д. Бехтѣевъ** въ письмѣ къ Воронцову успѣхъ своей соотечественницы при Версальскомъ дворѣ. Много толковъ породила въ Парижѣ и тѣсная дружба Голицыной съ извѣстной трагической актрисой **Кларонъ** (Clairon). Княгиня Голицына страстно привязалась къ ней, осыпала ее подарками и „не могла двухъ часовъ безъ нея провести“. Она заказала живописцу **Ванъ-Лоо** портретъ **Кларонъ** въ роли **Меден** и усиленно хлопотала о приглашеніи ея на Петербургскую сцену. Эта дружба богатой Московской княгини съ французской актрисой подала поводъ къ прозрачнымъ намекамъ въ Парижской прессѣ, описывавшей отчаяніе г-жи **Кларонъ**, заболѣвшей отъ горя послѣ смерти княгини. „Можетъ-быть, она потомстѣтъ, когда придетъ въ себя“, говорили эпиграммисты, увѣряя, что со смертью Голицыной она „овдовѣла“. Въ то же время **Фаваръ** въ своихъ мемуарахъ является защитникомъ памяти княгини Голицыной. „Я хорошо ее зналъ“, пишетъ онъ, „это была почтенная женщина, ея нравственность была такъ же чиста, какъ ея жизнь“. Княгиня Голицына скончалась бездѣтною, въ молодыхъ еще лѣтахъ, 2 Ноября 1761 г., въ Парижѣ; въ слѣдующемъ году прахъ ея былъ перевезенъ въ Петербургъ и преданъ землѣ въ Благовѣщенской церкви Александро-Невской лавры.

Страдая неизлѣчимой болѣзнию, отъ которой не помогали ни теплый климатъ, ни воды **Пломбьера** и **Барежа**, княгиня Голицына интересовалась медициной и по духовному завѣщанію оставила крупное пожертвованіе въ пользу акушерскаго дѣла въ Россіи. На проценты съ завѣщаннаго ею капитала въ 20.000 руб. должны были отправляться черезъ каждыя 6 лѣтъ трое изъ питомцевъ Московскаго университета, природные русскіе, въ **Страсбургскій университетъ**, славившійся въ то время лучшимъ преподаваніемъ повивальнаго искусства. На эти средства получили свое образованіе извѣстные докторъ **Н. М. Максимовичъ-Амбодикъ**, авторъ многихъ научныхъ трудовъ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, **А. М. Шумлянскій** и другіе первые представители акушерства въ русскихъ школахъ.

(Съ портрета **Ш. Ванъ-Лоо**, 1759 г.; находится въ Голицынской больницѣ, въ Москвѣ.)

Пис: Ванъ-Лоо, 1759

*Княгиня Екатерина Дмитриевна
Голлицына, 1720-1761*

Peint, par Van Loo, 1759

*La Princesse Catherine Dmitriewna
Golitzyne, 1720-1761*

Графиня СОФІЯ КОНСТАНТИНОВНА ПОТОЦКАЯ, 1766—1822, „la belle Fanariote“, красавица-гречанка изъ Константинополя, темнаго происхожденія, на 15-мъ году была продана матерью польскому послу Боскампю Лясопольскому, доставлявшему между прочимъ въ Варшаву королю красивыхъ женщинъ. Софія де'Челиче или Глявоне и Маврокордато (она сама различно называетъ свою дѣвичью фамилію) не доѣхала до Варшавы, на дорогѣ ее купилъ за 1000 червонцевъ сынъ Каменецъ-Подольскаго коменданта майоръ Іосифъ Виттъ и женился на ней въ 1779 году. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ жизни въ Парижѣ, гдѣ красавица-гречанка, отличавшаяся, кромѣ того, природнымъ умомъ, вскружила головы многимъ, Виттъ долженъ былъ въ 1785 г. вернуться на родину, такъ какъ послѣ смерти отца сдѣлался Каменецкимъ комендантомъ. Но Софіи скоро наскучила жизнь въ захолустной крѣпости, и она явилась въ Крымъ, гдѣ представлена была (въ 1787 г.) Екатеринѣ II. Затѣмъ, не возвращаясь къ мужу, она поселилась (во время 2-й Турецкой войны) въ русскомъ лагерѣ: сначала подъ Хотинымъ у графа И. П. Салтыкова, а позднѣе подъ Очаковымъ, гдѣ царила среди красавицъ, окружавшихъ великолѣпнаго князя Тавриды. Виттъ, послѣдовавшій за женой, лишился мѣста въ Польшѣ и назначенъ былъ Потемкинскимъ комендантомъ въ Херсонъ, но жена не поѣхала за мужемъ, а осталась съ Потемкинскимъ, который, цѣня ея умъ, сталъ давать ей тайныя порученія политическаго характера; такъ, она должна была заставить графа Феликса-Станислава Щенскаго-Потоцкаго (р. 1752) примкнуть къ Торговицкой конфедерации. Это порученіе имѣло и другія послѣдствія: отношенія Софіи къ Потоцкому оказались болѣе прочными, и графъ сталъ хлопотать о разводѣ. Виттъ уступилъ жену за большое вознагражденіе, но жена Потоцкаго не согласилась на разводъ, и бракъ могъ состояться только въ 1798 г., послѣ ея смерти. Старикъ Потоцкій любилъ свою красавицу жену и, поселившись въ Умани, развелъ тутъ роскошный паркъ, названный Софіевкой. Однако, мужъ, спустя нѣсколько времени, убѣдился въ невѣрности жены: она увлеклась своимъ молодымъ и красивымъ пасынкомъ графомъ Юріемъ Потоцкимъ. Въ 1805 г., 14 Марта, Потоцкій умеръ, не простившись съ женой, связь которой съ Юріемъ продолжалась еще 4 года. Жизнь ихъ въ это время была сплошной вакханаліей, но когда Юрій проигралъ почти все свое состояніе, она заплатила его долги, подъ условіемъ прекращенія всякихъ отношеній и отъѣзда его изъ Россіи. Послѣ разрыва съ пасынкомъ, Потоцкая измѣнилась: жизнь утомляла ее; все еще красивая, но уже 40-лѣтняя женщина, она изъ вакханки обратилась въ образцовую семьянишку и дѣятельно занялась устройствомъ своего разстроеннаго состоянія. Благодаря Сперанскому, она получила одинаковую долю съ дѣтьми изъ имѣнія своего мужа. Ей не чужда была и благотворительность, и она оставила по себѣ добрую память.

Отъ брака съ Виттомъ она имѣла 2 сыновей (старшій изъ нихъ—былъ извѣстный графъ Иванъ Осиповичъ Виттъ), а отъ Потоцкаго—3 сыновей: Александра (р. 1798 г.), Мечислава (р. 1800 г.) и Болеслава (р. 1805 г.; послѣ смерти отца остался 2 недѣль), и 2 дочерей: графиню Софію Киселеву (р. 1801 г.) и Ольгу Нарышкину (р. 1802 г.).

Графиня С. Потоцкая умерла въ 1822 г., 56 лѣтъ, и была погребена въ Уманскомъ соборѣ, откуда потомъ, послѣ землетрясенія, повредившаго соборъ, прахъ ея былъ перенесенъ въ село Тальное.

(Съ портрета Лампи; собственность графини Е. В. Шуваловой, С.-Петербургъ.)

Пис. Лампи

Peint par Lampi

*Графиня Софія Константиновна
Потоцкая, 1766-1822*

*La Comtesse Sophie Konstantinowna
Potocki, 1766-1822*

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢВИЧЪ ПУШКИНЪ, 1799—1857,—„явленіе чрезвычайное“, „солнце русской поэзіи“, родился въ Москвѣ 26 Мая 1799 г. отъ брака Сергѣя Львовича Пушкина съ Надеждой Осиповной Ганнибалъ, внучкой „арапа Петра Великаго“; съ 1811 по 1817 г. онъ воспитывался въ Царскосельскомъ лицѣ; въ 1820 г. юный поэтъ за нѣкоторыя вольныя стихотворенія былъ сосланъ на югъ и до середины 1824 г. прожилъ въ Кишиневѣ и Одессѣ, побывалъ также въ Крыму и на Кавказѣ. Высланный изъ Одессы графомъ М. С. Воронцовымъ, Пушкинъ получилъ приказаніе жить въ Псковскомъ имѣніи, селѣ Михайловскомъ, гдѣ и „провелъ отшельникомъ два года незамѣтныхъ“. Въ Сентябрѣ 1826 г. поэтъ былъ вызванъ въ Москву Николаемъ I и получилъ свободу, отданный подъ надзоръ шефа жандармовъ Бенкендорфа. Годы съ 1827 по 1850 прошли въ разъѣздахъ Пушкина съ мѣста на мѣсто—въ Москвѣ, Петербургѣ, на Кавказѣ, въ Нижегородскомъ имѣніи Болдинѣ. Въ 1831 г. онъ женился на Наталіи Николаевнѣ Гончаровой. Послѣдній Петербургскій періодъ жизни поэта завершился дуэлью его съ барономъ Дантесомъ-Геккереномъ. Пушкинъ скончался 29 Января 1857 г. въ полномъ расцвѣтѣ творческихъ силъ, въ разгаръ своей поэтической и литературной дѣятельности. Прахъ его покоится въ Святогорскомъ монастырѣ, въ Псковской губерніи.

Изъ портретовъ великаго поэта—исполненный Тропининымъ представляетъ особенный интересъ, какъ по мастерству исполненія, такъ и по тому, что долгое время шли споры о мѣстонахожденіи подлинника. Тропининъ писалъ свой портретъ съ натуры въ 1827 г., въ Москвѣ, по заказу Соболевскаго, недовольнаго „приглаженными и припомаженными портретами“ и желавшаго „сохранить изображеніе поэта, какъ онъ есть, какъ онъ бывалъ чаще, въ домашнемъ его халатѣ, растрепаннаго, съ завѣтнымъ мистическимъ перстнемъ“. Когда портретъ былъ готовъ, Соболевскаго уже не было въ Москвѣ, и „Тропининъ велѣлъ портретъ отправить къ заказчику. Укупоркою занялся одинъ бѣдный живописецъ, Смирновъ, надъ которымъ Соболевскій позволилъ себѣ нѣсколько неосторожно подтрунивать... Смирновъ сыгралъ надъ Соболевскимъ такую шутку: скопировалъ портретъ довольно недурно и, спрятавъ оригиналъ, уложилъ копію, и она полетѣла отыскивать хозяина, который, получивъ портретъ, кажется, не вдругъ узналъ подлогъ. Вѣрно только то, что эта копія очутилась опять въ Москвѣ, гдѣ впоследствии пріобрѣтена за ничтожную цѣну Н. И. Ш-вымъ. А подлинникъ лежалъ себѣ да лежалъ у Смирнова, подвергался разнымъ приключеніямъ во время скитаній хозяина по недорогимъ квартирамъ“. Когда Смирновъ умеръ, портретъ былъ купленъ мѣнялою Волковымъ, у котораго увидѣлъ его князь М. А. Оболенскій и, справившись предварительно о подлинности его у старика Тропинина, купилъ его. По разсказу Погодина, Соболевскій передъ отъѣздомъ за границу оставилъ портретъ одному своему пріятелю, а тотъ передалъ его другому. „У котораго-то изъ нихъ“, говоритъ Погодинъ, крѣпостной живописецъ выпросилъ портретъ для снятія копіи и возвратилъ не портретъ, а копію“; Соболевскій, вернувшійся въ Москву черезъ 5 лѣтъ, это замѣтилъ: „копію онъ бросилъ, а подлинникъ очутился у князя М. А. Оболенскаго“. Наконецъ, въ 1899 г. на Пушкинскую выставку въ Академіи Наукъ М. В. Беэръ прислала портретъ Пушкина, который считала за подлинникъ. По словамъ г-жи Беэръ, Соболевскій, передъ отъѣздомъ за границу въ 1836 г., просилъ ея бабушку, Елагицу, взять портретъ на сохраненіе, вернувшись, обнаружилъ подлогъ и не хотѣлъ брать копіи; куда дѣвалась эта копія, г-жа Беэръ не говоритъ, но сообщаетъ, что въ 1873 г. „портретъ“ былъ присланъ Елагиной однимъ лицомъ. Сопоставляя слова г-жи Беэръ съ замѣчаніемъ П. И. Бартенева, что копія съ портрета была подарена Соболевскому Елагиными, и что Соболевскій многократно выражалъ желаніе, чтобы этотъ экземпляръ (т.-е. копія) былъ возвращенъ Елагинымъ,—можно сказать, что экземпляръ г-жи Беэръ (пожертвованъ ею въ Музей Александра III) есть именно копія. При сличеніи портретовъ не можетъ быть сомнѣнія, что подлинникъ принадлежитъ нынѣ князю Н. Н. Оболенскому. О сходствѣ портрета сохранилось авторитетное свидѣтельство современника—Н. А. Полевого, который видѣлъ его тотчасъ послѣ его окончанія. „Русскій живописецъ Тропининъ“, писалъ онъ въ „Московскомъ Телеграфѣ“, „недавно окончилъ портретъ Пушкина. Пушкинъ изображенъ en trois quarts, въ халатѣ, сидящій подлѣ столика. Сходство портрета съ подлинникомъ поразительно, хотя намъ кажется, что художникъ не могъ совершенно схватить быстроты взгляда и живого выраженія лица поэта. Впрочемъ, физиономія Пушкина, столь опредѣленная, выразительная, что всякій хорошій живописецъ можетъ схватить ее, вмѣстѣ съ тѣмъ и такъ измѣчива, зыбка, что трудно предположить, чтобы одинъ портретъ Пушкина могъ дать о ней истинное понятіе“.

(Съ портрета Тропинина 1827 г.; собственность князя Н. Н. Оболенскаго, въ Москвѣ.)

Тис. Грѣвъ - Peint. par J. Greuze

*Графиня Екатерина Петровна
Шувалова, 1745-1816*

*La Comtesse Catherine Pétrowna
Chouvaloff, 1745-1816*

Графъ АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧЪ ШУВАЛОВЪ, 1744—1789, сынъ фельдмаршала гр. П. И. Шувалова отъ брака съ извѣстной подругой дочерей Петра Великаго „Маврушкой“, Маврой Егоровной Шепелевой, племянникъ фаворита И. И. Шувалова, родился 25 Юня 1744 г. и выросъ при дворѣ Елисаветы. Онъ получилъ воспитаніе въ чисто французскомъ духѣ подъ руководствомъ академика Le Roy. Записанный въ 1748 г. вахмистромъ въ Конную Гвардію, достигъ въ ней чина поручика. Въ 1757 г. онъ былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры и совершилъ путешествіе въ Парижъ въ качествѣ дворянина при посольствѣ. Въ 1758 г. былъ избранъ въ почетные члены Академіи Художествъ, 26 Декабря 1761 г. пожалованъ въ камергеры, а 8 Декабря 1763 г. назначенъ членомъ въ Комиссію для разсмотрѣнія коммерціи Россійскаго Государства. Женясь на дочери фельдмаршала гр. П. С. Салтыкова, онъ въ 1764 г. снова ѣздилъ за границу, гдѣ завязалъ близкое знакомство съ Вольтеромъ. Екатерина обратила вниманіе на молодого придворнаго, писавшаго изящные французскіе стихи. Онъ сталъ членомъ интимнаго кружка Императрицы: исправлялъ французскій стиль въ ея письмахъ, помогалъ ей при составленіи „Антидота“, наблюдалъ за изданіемъ переводовъ лучшихъ произведеній иностранной литературы и занимался изысканіями въ области русской исторіи. Въ 1767 г. ему было поручено наблюденіе за составленіемъ журналовъ Екатерининской комиссіи. Въ 1776 г. онъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1-й ст., а 22 Сентября 1768 г. чиномъ тайнаго совѣтника. 31 Декабря 1768 г. Шуваловъ былъ назначенъ директоромъ С.-Петербургскаго и Московскаго Ассигнаціонныхъ банковъ. Послѣ неудачной миссіи въ Швецію въ 1775 г., онъ жилъ за границей до 1781 г., предаваясь удовольствіямъ свѣтской жизни и поддерживая живыя связи съ корифеями французской литературы. Назначенный въ 1782 г. сенаторомъ, Шуваловъ принималъ участіе во многихъ комиссіяхъ, управлялъ шпалерной фабрикой, былъ предводителемъ дворянства С.-Петербургской губерніи. Въ 1786 г., по его проекту, Ассигнаціонные банки были соединены въ одинъ Заемный банкъ. Въ 1787 г. графъ Шуваловъ сопровождалъ Императрицу въ ея путешествіи по Россіи и ревизовалъ губернскія учрежденія въ попутныхъ городахъ. Награды сыпались на него: съ 1782 по 1787 г. онъ получилъ ордена св. Александра Невскаго, Владимира 1-й ст., Андрея Первозваннаго, и чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника.

Графъ Шуваловъ умеръ 24 Апрѣля 1789 г. и погребенъ въ Лазаревой церкви Александро-Невской лавры. Отъ брака съ графиней Екатериной Петровной Салтыковой онъ имѣлъ двоихъ сыновей: Петра и Павла, и двухъ дочерей: Прасковію (1767—1828) и Александру (1775—1847).

Современники, даже враждебные Шувалову, признаютъ его „несомнѣнно чловѣкомъ умнымъ, одареннымъ замѣчательною быстротою возраженія съ прибавкою громадной памяти“, но въ то же время „полнымъ самодовольства и гордости, жестокимъ и надменнымъ съ низшими, низкимъ и прислужливымъ передъ сильными и высшими“. „Уваженіе къ случаю, желаніе быть всегда хорошо поставленнымъ при дворѣ“ руководили всѣми его дѣйствіями. Выдавая себя за философа, гр. Шуваловъ послѣ полученія Андреевской ленты отъ радости „бѣгалъ изъ угла въ уголь, примѣривая всю свою гардеробу, чтобы видѣть, къ какому цвѣту изъ его кафтановъ лучше пристанетъ голубая лента“. По необычайно быстрымъ переходамъ отъ одного занятія къ другому онъ былъ истымъ сыномъ извѣстнаго своей „устремительностью“ графа Петра Ивановича. Въ силу своихъ талантовъ, Шуваловъ былъ незамѣнимъ въ сферѣ придворной учености и литературы, процвѣтавшихъ при Екатеринѣ II: онъ очищалъ французскія письма Императрицы отъ германизмовъ, могъ составить „выписъ“ хронологическую изъ русской исторіи или „записку о древностяхъ славянскихъ“, былъ душой придворнаго общества, отъ скуки занимавшагося переводомъ „Велизарія“ Мармонтеля. Но главнымъ его талантомъ было составленіе „очень милыхъ французскихъ стиховъ“. Его „*Épître à Ninon de Lenclos*“ считали принадлежащей перу самого Вольтера. Сынъ богомольной графини Мавры Егоровны, Шуваловъ „не вѣрилъ въ божество Иисуса Христа“ и въ христіанствѣ видѣлъ „прекрасный курсъ нравственности, составленный для обузданія пороковъ народа“. Какъ передовой чловѣкъ своего времени, гр. Шуваловъ интересовался месмеризмомъ и принадлежалъ къ масонамъ, хотя велъ распущенную свѣтскую жизнь. Ученый и философъ въ Россіи, несмотря на свои свѣтскіе таланты, французамъ онъ казался „самой скучной и несносной личностью“, такимъ образомъ являясь только довольно удачной русской фальсификаціей французскаго „*bel esprit*“ предреволюціонной эпохи.

(Съ портрета Грѣза; собственность графини Е. В. Шуваловой, въ С.-Петербургѣ.)

Писанъ Грессъ — Peint par J. Greuze

*Графъ Андрей Петровичъ
Шуваловъ, 1744-1789*

*Le Comte André Delrowitch
Chouvaloff, 1744-1789*

Княгиня **ВАРВАРА НИКОЛАЕВНА ГАГАРИНА**, 1762—1802, дочь князя Николая Михайловича Голицына, оберъ-гофмаршала и тайнаго совѣтника (р. 1727 г., † 1787 г.), женатаго на Екатерину Александровну Головиной (р. 1728 г., † 1769 г.); старшая изъ трехъ дочерей, замѣчательная красавица, родилась 4 Юля 1762 года.

Замужемъ за дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, гофмейстеромъ и кавалеромъ св. Александра-Невскаго, княземъ Сергѣемъ Сергѣевичемъ Гагаринымъ (р. 1745 г., † 1798 г.). Скончалась 4 Января 1802 года.

Имѣла трехъ сыновей: Александра, умершаго въ молодыхъ лѣтахъ, Николая (р. 1785 г., † 1842 г.; женатъ на графинѣ М. А. Бобринской), Сергѣя († 1852 г.; женатъ на Изабеллѣ Адамовнѣ Валевской), и дочь Варвару (р. 1793 г., † 1855 г.; за оберъ-штабмейстеромъ княземъ Вас. Вас. Долгорукимъ).

(Съ портрета Грѣза; принадлежитъ князю В. Н. Гагарину въ Москвѣ.)

Князь СЕРГѢЙ СЕРГѢЕВИЧЪ ГАГАРИНЪ, 1745 — 1798, сынъ шталмейстера, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князи Сергѣя Васильевича Гагарина († 1782 г.), женатаго на графинѣ Прасковіи Павловнѣ Ягулинской († 1775 г.), родился 11 Сентября 1745 года; 1 Января 1772 г. былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры, 10 Юля 1775 г. — въ камергеры, наконецъ, 25 Ноября 1796 г. сдѣланъ гофмейстеромъ и кавалеромъ ордена св. Александра Невскаго.

Былъ женатъ на красавицѣ княжнѣ Варварѣ Николаевнѣ Голицыной (р. 25 Юля 1762 г., † 4 Января 1802 г.), отъ которой имѣлъ 5 сыновей: Александра († въ молодости), Николая (р. 19 Юля 1785 г., † 25 Юля 1842 г.) и Сергѣя († 5 Сентября 1852 г.), и дочь княжну Варвару (р. 1795 г., † 1855 г.; за княземъ В. В. Долгорукимъ).

(Съ портрета, писаннаго Грезомъ; принадлежитъ князю В. Н. Гагарину, въ Москвѣ.)

Пис: Трёвз - Peint par J. Greuze

*Князь Сергѣй Сергѣевичъ
Загаринъ, 1745-1798*

*Le Prince Serge Serguéewitch
Zagarine, 1745-1798*

ОСИПЪ МИХАЙЛОВИЧЪ де-РИБАСЪ, 1749—1800, старшій сынъ испанца дона Микэле Рибасъ-и-Байонсъ, находившагося на неаполитанской службѣ, и французенки изъ Пармы Маргариты-Юанны де Планкэ, родился 6 Юня 1749 г. въ Неаполѣ; 17-и лѣтъ началъ службу офицеромъ, а въ 1769 г. поступилъ волонтеромъ во флотъ. Во время пребыванія гр. А. Г. Орлова съ эскадрой въ Ливорно ему удалось приобрести расположеніе графа. Онъ принималъ участіе въ поимкѣ Таракановой, послѣ чего посланъ былъ Орловымъ въ Петербургъ. Ловкій испанецъ, по дорогѣ въ Россію, разузналъ отъ своего спутника, русскаго офицера, о положеніи дѣлъ при дворѣ и характерѣ вліятельныхъ лицъ и по пріѣздѣ въ Петербургъ быстро нашель себя покровителя въ лицѣ Бецкаго и сдѣлался извѣстенъ самой Императрицѣ. Онъ получилъ чинъ капитана, причисленъ къ Сухопутному Шляхетному корпусу и назначенъ состоять при А. Г. Бобринскомъ. 27 Мая 1776 г. произошла въ присутствіи Государыни его свадьба съ ея любимой камеръ-юнгферой и „воспитанницей“ Бецкаго Анастасіей Ивановной Соколовой. Затѣмъ де-Рибасъ приобрѣлъ новаго покровителя въ лицѣ Потемкина, которому онъ сумѣлъ угодить проектомъ объ улучшеніи флота. Дальнѣйшая его служба продолжалась подъ начальствомъ Потемкина на югѣ, гдѣ онъ дослужился до чина генераль-майора и въ 1791 г. былъ переименованъ въ контръ-адмиралы. Во время 2-й Турецкой войны де-Рибасъ обнаружилъ выдающуюся храбрость и награжденъ былъ орд. св. Владиміра 3 и 2 ст., Георгія 3 и 2 ст., брильянтовой шпагой и 800 душъ крестьянъ. Въ 1789 г. онъ взялъ Турецкую крѣпость Хаджибей и, обративъ вниманіе на ея выгодное мѣстоположеніе, представилъ проектъ основанія на ея мѣстѣ порта—Одессы, къ постройкѣ котораго и было приступлено подъ его наблюденіемъ. Будущее показало, что де-Рибасъ не ошибся. Въ честь основателя Одессы одна изъ главныхъ ея улицъ носить названіе „Дерибасовской“. Во время Ясской конференціи Рибасъ былъ однимъ изъ уполномоченныхъ. Въ 1793 г. онъ былъ награжденъ орд. св. Александра Невскаго, произведенъ въ вице-адмиралы и назначенъ командиромъ Черноморскаго гребного флота. Онъ сумѣлъ удержаться и во время владычества Зубова и при новомъ Императорѣ. Павелъ I назначилъ его сначала генераль-крюгъ-комиссаромъ, а въ 1798 г. членомъ Адмиралтействъ-коллегіи. Произведенный въ 1799 г. въ адмиралы, онъ былъ назначенъ управляющимъ Лѣснымъ департаментомъ. Въ 1800 г. за злоупотребленія по лѣсной части онъ былъ отставленъ, но за представленный проектъ укрѣпленія Кронштадта опять принятъ на службу и опредѣленъ къ исправленію Кронштадтскихъ укрѣпленій. 12 Ноября того же года ему повелѣно присутствовать въ Адмиралтействъ-коллегіи въ помощь вице-президенту.

Рибасъ прославился своей хитростью, которую могутъ характеризовать слова Суворова о Кутузовѣ: „его и Рибасъ не обманеть“. Нравственный его уровень былъ невысокъ, и онъ ни передъ чѣмъ не останавливался для достиженія своей цѣли. Въ казнокрадствѣ, какъ тогда утверждали, онъ не зналъ предѣловъ: по словамъ Ростопчина, Рибасъ кралъ ежегодно свыше полумилліона рублей. Несмотря на это, Рибасъ былъ полезнымъ дѣятелемъ. Безбородко такъ о немъ отзывался: „При полной своей фурберіи—человѣкъ отличныхъ способностей и понятій въ дѣлахъ“. Онъ отличался гибкимъ умомъ, быстрымъ соображеніемъ, обширной памятью, незаурядными способностями и пронырствомъ, „хитрецъ, бродяга и факторъ, онъ, на подобіе польскихъ жидовъ, наживъ большое состояніе, не переставалъ факторить“. Его страстью было составлять проекты, изъ-за которыхъ онъ проводилъ ночи безъ сна; въ молодости онъ занимался изобрѣтеніями по части механики и даже представилъ проектъ моста черезъ Неву, въ зрѣлые годы его занимали вопросы государственной важности, до заговора противъ Государа включительно. Въ исходѣ 1799 г. графъ Н. П. Панинъ, англійскій посланникъ Уитвортъ и Рибасъ составили заговоръ противъ Павла I. „По общему мнѣнію“, говоритъ Шишковъ, „онъ первый умышлялъ противъ него, и остается еще подъ сомнѣніемъ, кого бы онъ предалъ: его—заговорщикамъ, или заговорщиковъ—ему“. Смерть Рибаса 2 Декабря 1800 г. не позволила разрѣшиться этому сомнѣнію.

(Съ портрета Лампи, находящагося въ Одесской городской думѣ.)

Грав. Пауну

*Сеунъ Михайловичъ
де Рибасъ, 1749-1800*

Peint par Lampi

*Joseph Mikhaïlowitch
de Ribas, 1749-1800*

АНАСТАСІЯ ИВАНОВНА де-РИБАСЬ, 1741—1822, дочь Ивана Ивановича Бецкаго отъ жены полковника Екатерины Николаевны Ломанъ, рожденной Хрущовой, родилась 27 Октября 1741 года. Ребенкомъ она была привезена въ Парижъ сестрою Бецкаго, ландграфиней А. И. Гессенъ-Гомбургской, подъ именемъ Анастасіи Соколовой, и помѣщена въ домъ ея дочери, княгини Голицыной, поручившей ея образованіе актрисѣ Клэронъ. Послѣ смерти княгини Голицыной въ 1762 г., Соколова, сходявшая въ Парижъ за „черкешенку, рожденную въ Астраханскомъ царствѣ“, была привезена Бецкимъ обратно въ Россію и представлена Екатеринѣ, тотчасъ же взявшей ее въ число своихъ камеръ-юнгферъ. Въ этой должности она пребыла до свадьбы своей, 7 Юня 1776 г., съ красивымъ и ловкимъ авантюристомъ Осипомъ Михайловичемъ де-Рибасомъ. Щедро одаренная Императрицей и Бецкимъ, „еще при жизни завѣщавшимъ все свое имѣніе воспитанницѣ, которую любилъ, какъ дочь“, Анастасія Ивановна осталась жить съ мужемъ въ домъ Бецкаго и сохранила расположеніе Императрицы. При первыхъ ея родахъ Екатерина поспѣшила къ ней, не дожидаясь экипажа, въ чужой каретѣ, и „исправляла обязанности повивальной бабки“. Она же была воспріемницей ея двухъ дочерей, Анны и Софіи, бывшихъ впоследствии замужемъ: первая за Петербургскимъ полицеймейстеромъ И. С. Горголи, а вторая за княземъ М. М. Долгорукимъ. Переживъ почти на четверть вѣка мужа, котораго она любила и сильно ревновала, А. И. де-Рибась скончалась въ Петербургѣ 19 Сентября 1822 года.

„Будучи“, какъ сказано въ ея „Некрологіи“, „строгой добродѣтели, самаго строгаго православія и самой лучшей христіанкой“, эта, по словамъ Гельбига, „умнѣйшая, образованнѣйшая и прекраснѣйшая женщина всего двора“ пользовалась всеобщимъ уваженіемъ и въ 80 лѣтъ „ходила съ легкостью молодой дѣвушки и не имѣла ни одного сѣдого волоса на головѣ“. Несмотря на свою скромную должность, Анастасія Соколова создала себѣ совершенно особенное положеніе при дворѣ. Забавляясь ея веселой французской болтовней, Екатерина часто поручала ей занимать ожидавшихъ ея выхода во внутреннихъ комнатахъ иностранныхъ особъ и вельможъ. „Elle a pris chez Mlle Clairon“, пишетъ Корберонъ, „un ton tranchant, décidé, roissard même qu'on a trouvé être le ton d'esprit et que je trouve fort mauvais“. Сама она нисколько не стѣснялась своимъ подчиненнымъ положеніемъ и такъ описываетъ свою жизнь при дворѣ: „Mon premier soin en entrant dans la chambre de toilette de S. M. est de dire tout ce qui me vient à la tête, sans m'embarrasser si on m'écoute—vrai moyen à occuper l'oreille du courtisan, toujours avide de nouvelles. J'ai l'art de les amuser en disant la vérité toute nue qu'ils prennent pour des finesses; j'annonce à S. M. tous ceux qui viennent après les avoir bien étourdis. Je cours les comédies et les mascarades, bride abattue et chapeau sur la tête, en domino d'homme—je ressemble, sans me vanter, à ces prétendus blondins bien frisés, à la différence près que je suis mal peignée; malgré cela je fais passablement ma cour aux dames: j'ai beau dire, je reviens toujours à mes moutons!“ Окончивъ дворцовую службу, „Настасья“ по вечерамъ у Бецкаго принимала тѣхъ же знатныхъ иностранцевъ и вельможъ на правахъ хозяйки дома. Отличительными чертами ея откровеннаго и пылкаго характера были чрезвычайная веселость и живость, которыя мѣшали Фальконету работать надъ ея бюстомъ и позволяли Дидро, по собственному его признанію, цѣловать ее „dans le sou, près de l'oreille“. Въ своемъ дневникѣ Бобринскій не разъ упоминаетъ о „припадкахъ бѣшенства Рибасши, доброй женщины, но не способной себя умѣрять“, о ея скорыхъ расправахъ съ малолѣтними дочерьми, о сценахъ за столомъ у Бецкаго, гдѣ она то „такъ много толковала, что почувствовала себя дурно“, то „хотела до того, что боялись, что она задохнется отъ смѣха“. Проѣздомъ черезъ Вѣну въ 1762 г., Соколова познакомилась съ хранителемъ Вѣнскаго музея, старикомъ французомъ Дювалемъ, который былъ очарованъ своей собесѣдницей: „la belle Anastasie qui joignait à l'agrément de sa personne les avantages de l'esprit et un caractère aussi vrai qu'ingénu, une humeur charmante et la plus séillante vivacité“. Переписка между ними и его „Биби“; продолжалась цѣлыхъ 12 лѣтъ въ этихъ письмахъ, часто довольно игривыхъ и всегда остроумныхъ, обнаруживаются ея преданность Бецкому, котораго она называетъ не иначе, какъ „le Général, mon bienfaiteur“, а также ея обширная начитанность и любовь къ литературѣ. Интересенъ ея отзывъ о знаменитомъ „Антидотѣ“: „J'ai lu l'Antidote et l'Abbé Chappe“, говоритъ она, „dans tous les deux la vérité manque et ils ne me plaisent pas“, и остроумное замѣчаніе о рекомендованной Дювалемъ книгѣ „Tableau des révolutions“: „J'espère qu'il m'instruira en peu de temps des folies humaines“.

(Съ портрета С. Торелли; собственность А. М. де-Рибаса, въ Кіевѣ.)

Пис. Торелли

Peint par Torelli

*Настасія Ивановна
де Рибасъ, 1741-1822*

*Nastasia Ivanowna
de Ribas, 1741-1822*

Графиня **ЕКАТЕРИНА СЕРГЬЕВНА САМОЙЛОВА**, 1765—1850, старшая из двух дочерей полковника князя Сергия Алексеевича Трубецкого († 1831), женатого на княжне Елене Васильевне Несвицкой, родилась 2 Октября 1765 года. Во фрейлины пожалована в 1782 году; была сначала сговорена за Голландского посланника в Петербург, но брак этот не состоялся, и она вышла замуж за известного Екатерининского дьяка, генерал-прокурора графа Александра Николаевича Самойлова. От брака с ним имела трех сыновей: Григория (командор Мальтийского ордена, убит в Турецкую войну в 1811 г.); Николая († 1842 г.; женат был на графине Юлии Павловне Пален; с ним пресекся род графов Самойловых) и Михаила (умер холостым в 1820 году). Из двух дочерей ее, старшая, Елена († 1842 г.), была замужем за действительным статским советником Дмитрием Андреевичем Захаржевским, а младшая, София († 1866 г.)— за графом А. А. Бобринским.

Графиня Е. С. Самойлова скончалась в Петербург 21 Февраля 1850 г. и похоронена в церкви Св. Духа, в Александро-Невской лавре.

Известная красавица своего времени, графиня Самойлова пользовалась в Петербург очень незавидной репутацией. Как и другие племянницы Потемкина, она была одно время предметом его особой благосклонности и во время Турецкой войны состояла с мужем при главной квартире „светлейшего“ в Бендерах. Холодные отношения супругов Самойловых были известны всему городу и двору. В 1792 г. Екатерина II писала Валериану Зубову из Царского Села: „У насъ обѣдало много людей и между прочими Анна Никитишна Нарышкина и Катерина Сергѣевна Самойлова. И отъ мужа отстунаетъ: желаніе его, чтобы она здѣсь жила“. В 1796 г. Ростовчинъ сообщалъ Воронцову: „La femme du comte S... vient d'accoucher d'un fils que l'on prétend être venu avant terme. Le procureur général n'y trouve pas son compte, car il ne vit pas avec sa femme qui malgré cela donne des preuves de sa fécondité“. Большая щеголиха, она имела в модныхъ магазинахъ много долговъ, которые тщательно скрывала отъ мужа, несмотря на его богатство. На балу, данномъ графиней Самойловой въ честь Шведскаго короля, въ присутствіи всего двора Великій князь Константинъ Павловичъ въ разговорѣ съ королемъ выразился, по разсказу Массона, такимъ невозможнымъ образомъ о хозяйкѣ дома, что былъ посаженъ Екатериной подъ арестъ.

(Съ портрета Лампи; собственность графа А. А. Бобринскаго, С.-Петербургъ.)

Тис: Пашини

*Графиня Екатерина Сергеевна
Самойлова, 1763-1830*

Peint par Lampi

*La Comtesse Catherine Serguéeowna
Samoïloff, 1763-1830*

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ КРЫЛОВЪ, 1768—1844, сынъ капитана Андрея Прохоровича и жены его Марьи Алексѣевны, родился въ Москвѣ 2 Февраля 1768 г.; четырехлѣтнимъ ребенкомъ онъ едва не погибъ во время Пугачевщины, когда отецъ его защищалъ Яицкій городокъ отъ полчищъ самозванца. Дѣтство баснописца прошло затѣмъ въ Твери, гдѣ его отецъ позднѣе былъ предсѣдателемъ Магистрата. Получивъ скудные начатки образованія, подъ руководствомъ своей неграмотной матери, женщины съ природнымъ умомъ, Крыловъ въ 1778 г. лишился отца; зачисленный въ 1777 г. въ службу подканцеляристомъ, онъ съ матерью и младшимъ братомъ остался почти безъ всякихъ средствъ и терпѣлъ нужду. Въ 1782 г. Крыловъ переселился въ Петербургъ, служилъ въ Казенной палатѣ и въ Горной экспедиціи Кабинета Ея Величества, но въ 1788 г. вышелъ въ отставку. Съ переездомъ въ Петербургъ у Крылова обнаруживаются литературные интересы: онъ пишетъ комическую оперу „Кофейница“, затѣмъ пробуетъ силы въ области трагедіи и комедіи, ведетъ сатирической журналъ „Почта Духовъ“. Въ 1792 и 1795 гг. Крыловъ участвуетъ въ изданіи журнала „Зритель“ и „С.-Петербургскій Меркурій“. Вскорѣ, однако, столкновенія съ властями охладили въ Крыловѣ любовь къ литературнымъ занятіямъ; онъ увлекается картежной игрой, изъ которой дѣлаетъ средство для существованія, переезжая съ мѣста на мѣсто. Въ 1805 г., въ Москвѣ, онъ познакомился съ И. И. Дмитріевымъ и, при его посредничествѣ, напечаталъ въ „Московскомъ Зрителѣ“ три переводныхъ басни, за которыми послѣдовалъ рядъ другихъ. Въ 1806 г. онъ переселяется въ Петербургъ и выпускаетъ отдѣльнымъ изданіемъ сборникъ басенъ (1809 г.), сближается съ театральными и литературными кругами и входитъ въ салонъ Оленина; черезъ послѣдняго онъ поступаетъ на Монетный дворъ и служитъ здѣсь до 1810 г.; черезъ Оленина же, съ семьей котораго связана вся послѣдующая жизнь баснописца, онъ въ 1812 г. опредѣляется въ Публичную библіотеку. Въ 1838 г. отпразднованъ былъ 50-лѣтній юбилей литературной дѣятельности Крылова, а въ 1841 г. онъ вышелъ въ отставку. Скончался 8 Ноября 1844 г., сдѣлавшись жертвою обычной неумѣренности въ ѣдѣ; погребенъ на Тихвинскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

Все историческое значеніе Крылова, какъ писателя, въ его басняхъ; въ области басни ему принадлежитъ первое мѣсто. Развивъ этотъ родъ литературы, сдѣлавъ его популярнымъ, Крыловъ облекъ басню во вполне литературную, художественную форму, ввелъ въ нее народный элементъ, придавъ ей черты самобытности; его тонкая наблюдательность, природный умъ и смѣтливость натолкнули его на этотъ, по выраженію Дмитріева, его „настоящій родъ“, а литературное дарованіе придало баснямъ его легкую, часто изящную и художественную форму. Въ нѣкоторыхъ басняхъ Крылова отразились современныя ему историческія событія, а также его собственныя сужденія, взгляды и пожеланія, въ общемъ весьма умѣренные. Какъ человѣкъ, Крыловъ представляетъ мало симпатичную, но несомнѣнно оригинальную фигуру. Пользуясь у современниковъ громкою славою перваго баснописца, окруженный со всѣхъ сторонъ почетомъ и уваженіемъ, онъ подъ личиною лѣни и безразличія скрывалъ глубокой эгоизмъ, и былъ человѣкомъ „себѣ на умъ“; испытывъ въ молодости всѣ превратности судьбы, онъ съ годами сдѣлался апатиченъ, неподвиженъ и безразличенъ ко всему окружающему. „Крыловъ никого не любилъ, какъ человѣкъ общественный и образованный, какъ писатель гениальный“, говоритъ Плетневъ, „не увлекаясь никакими замыслами, онъ отсторонился отъ людей, можетъ-быть, не чувствуя въ себѣ столько свѣжести силъ, чтобы съ вѣрнымъ успѣхомъ раздвигать дорогу между ними“. Вигель оставилъ въ своихъ запискахъ рѣзкую, но справедливую его характеристику, которую заключаетъ словами: „Двѣ трети столѣтія прошелъ онъ одинъ сквозъ нѣсколько поколѣній, одинаково равнодушный какъ къ отцѣвѣтшимъ, такъ и къ зрѣющимъ“. Тургеневъ, издавшій Крылова уже на закатѣ дней его, такъ описываетъ свое впечатлѣніе: „Онъ просидѣлъ часа три слишкомъ, неподвижно, между двумя окнами,—и хоть бы слово промолвилъ! На немъ былъ просторный поношенный фракъ, бѣлый шейный платокъ; сапоги съ кисточками облекали его тучныя ноги. Онъ опирался обѣими руками на колѣни—и даже не поворачивалъ своей колоссальной, тяжелой и величавой головы; только глаза его изрѣдка двигались подъ нависшими бровями. Нельзя было понять: чтó онъ, слушаетъ ли и на усъ себѣ мотаетъ, или просто такъ сидитъ и „существуетъ“. Ни сопливости, ни вниманія на этомъ обширномъ, прямо-русскомъ лицѣ,—а только ума палата, да заматерѣлая лѣнь, да по временамъ что-то лукавое словно хочетъ выступить наружу и не можетъ—или не хочетъ пробиться сквозъ весь этотъ старческій жиръ“...

(Съ портрета К. Брюллова; Московскій Румянцевскій музей.)

Le prince IVAN LÉONTIEWITCH CHAKHOWSKOÏ, 1777—1860, fils du prince Léonce Vassiliewitch, naquit le 25 mars 1777. Entré d'abord aux régiments Izmailowsky et Sémenowsky, il passa le 1er janvier 1794 à l'Armée comme capitaine aux grenadiers de Kherson. Il prit part la même année aux opérations militaires en Pologne: l'assaut de Praga lui valut le grade de second major et St-Georges de 4e classe. Major en 1796, colonel en 1799, général major le 18 novembre 1804, il joua un rôle marquant dans les guerres napoléoniennes. En 1805, il fit partie de l'expédition de Poméranie, de Hanovre et de Mecklenbourg; le 11 décembre 1806, il reçut au combat de Tchernaiïa une balle dans le bras gauche et fut décoré de St-Vladimir de 3e classe. En 1809, il fut mis à la tête du 20e chasseurs. Pendant la Guerre Patriotique et les campagnes de 1813 et 1814, il prit part à nombre de batailles: Vitebsk, Smolensk, Borodino, Taroutino, Malo-Yaroslavetz et Krasnoïé, et à l'étranger, Lutzen, Bautzen, Kulm, Leipzig, Bar-sur-Aube, Arcis, La Fère-Champenoise, la prise de Paris, et une foule d'autres affaires, qui lui valurent toute une série de distinctions: Vitebsk Ste-Anne de 1re classe, Borodino une épée d'or, Kalisch St-Georges de 5e classe, Taroutino St-Vladimir de 2e classe et la prise de Paris le cordon de St-Alexandre. Général lieutenant en 1813, il fut nommé chef de la 28e division d'infanterie, en 1817, de la 2e division de grenadiers, et le 8 septembre 1823, commandant du corps des Grenadiers. A la suite des revues de Moscou en 1826, il fut promu le 22 août général d'infanterie. En 1831, il entra à la tête de son corps dans le royaume de Pologne pour réprimer l'insurrection, et, après diverses affaires et rencontres, entre autres les batailles de Grokhovo et d'Ostrolenka, la prise des retranchements avancés de Varsovie lui valut St-Georges de 2e classe. En récompense de la part qu'il avait prise à la répression de l'insurrection, il reçut encore l'étoile de St-Vladimir de 1re classe, le Mérite Militaire de 1re classe et, le 6 octobre 1831, fut nommé chef du régiment de grenadiers d'Ekaterinoslav. L'année suivante, il fut, sur sa demande, fait membre de l'Auditoriat Général, et en 1836 président. Membre du Conseil de l'Empire le 1er juin 1839, il devint le 6 novembre 1848 président du département des affaires militaires. Après avoir reçu, le 1er janvier 1850, le chiffre, et, le 26 août 1856, le cordon de St-André, le prince Chakhowskoï, relevé de ses fonctions militaires, mais toujours attaché à la personne de l'Empereur et membre du Conseil de l'Empire, fut, le 19 avril 1858, envoyé en congé à l'étranger pour sa santé. Il mourut à St-Pétersbourg, dans une vieillesse avancée, le 20 mars 1860.

Le prince Chakhowskoï avait épousé la fille Sophie du célèbre amateur de science le comte Alexis Ivanowitch Moussine-Pouchkine, dont il eut trois fils, Alexis (1821—1900), Alexandre né en 1823, mort à Koréiz en 1892, et Nicolas né en 1824, mort à Moscou le 4 août 1890, et une fille Sophie (1825—1905).

(D'après l'original de Tropinine, appartenant au prince L. Chakhowskoï, St-Pétersbourg.)

Пис. Тропининъ - Peint par Tropinine

*Князь Иванъ Леонтьевичъ
Шаховскоï, 1777-1860*

*Le Prince Ivan Léontiewitch
Chakhowskoï, 1777-1860*

МИХАИЛЪ (Десницкій), митрополитъ С.-Петербургскій, 1761—1821, сынъ сельскаго пономаря Московской епархіи, родился 8 Ноября 1761 года. Изъ Троице-лаврской семинаріи въ 1782 г. поступилъ въ Переводческую Филологическую семинарію, устроенную Московскими масонами подъ руководствомъ профессора Шварца. Обучаясь въ семинаріи философіи и новымъ языкамъ, Десницкій слушалъ богословіе въ Московской Духовной академіи и лекціи въ Московскомъ университетѣ. Въ 1785 г. Матвѣй Десницкій былъ посвященъ въ священники къ церкви Іоанна Воина, на Якиманкѣ. Здѣсь онъ прославился своими проповѣдями, проникнутыми христіанскимъ чувствомъ и понятными для простаго народа, и широкою благотворительностью. Павелъ I тотчасъ по вступленіи на престолъ вызвалъ Десницкаго въ Петербургъ и въ Декабрѣ 1796 г. назначилъ придворнымъ пресвитеромъ. Послѣ смерти жены, Десницкій въ 1799 г. былъ постриженъ въ монашество, съ именемъ Михаила, въ придворной Гатчинской церкви, въ присутствіи Императора и всего Августѣйшаго семейства. Вслѣдъ затѣмъ онъ былъ возведенъ, въ Высочайшемъ же присутствіи, въ санъ архимандрита, назначенъ настоятелемъ Новгородскаго Юрьева монастыря и присутствующимъ въ Синодѣ и пожалованъ капелланскимъ крестомъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго. 20 Іюля 1802 г. Михаилъ былъ посвященъ въ епископа Старорусскаго, викарія Новгородской епархіи, а 18 Декабря 1803 г. былъ переведенъ на самостоятельную кафедру въ Черниговъ, гдѣ и оставался болѣе 14 лѣтъ, будучи въ 1806 г. возведенъ въ санъ архіепископа. Послѣ увольненія митрополита Амвросія отъ управленія С.-Петербургской епархіей, Михаилъ 26 Марта 1818 г. былъ назначенъ митрополитомъ С.-Петербургскимъ, за „примѣрное благочестіе и украшающія душу его качества“, какъ говорилось въ рескриптѣ. Назначенный послѣ смерти Амвросія и митрополитомъ Новгородскимъ, 25 Іюля 1818 г., Михаилъ недолго управлялъ обѣими епархіями и скончался 24 Марта 1821 г. послѣ трехмѣсячной болѣзни, не мѣшавшей ему, впрочемъ, иногда посѣщать засѣданія Св. Синода.

Воспитанный подъ вліяніемъ Шварца, Михаилъ имѣлъ нѣкоторыя черты, сближавшія его съ мистиками конца XVIII и начала XIX вѣка. Но здравый, уравновѣшенный умъ и искреннее православное настроеніе предохранили Михаила отъ увлеченія большинства мистиковъ того времени, враждебныхъ православію и возстававшихъ вообще противъ всякой видимой Церкви. Михаилъ былъ не только христіанскимъ, но и православнымъ мистикомъ. Мистицизмъ Михаила состоялъ лишь въ томъ, что въ своихъ многочисленныхъ, занимающихъ въ разныхъ изданіяхъ отъ 9 до 16 томовъ, сочиненіяхъ и проповѣдяхъ онъ обращалъ главное вниманіе на внутреннее совершенствованіе человѣческой души черезъ совлеченіе „ветхаго, внѣшняго и плотскаго человѣка“, сѣтовалъ о „духовномъ плѣненіи“ современниковъ и побуждалъ ихъ къ „истинному покаянію“ и обновленію путемъ дѣятельной христіанской любви. Но онъ всегда оставался вѣренъ духу и уставамъ Православной Церкви. Между тѣмъ время, когда Михаилъ былъ митрополитомъ, было весьма тяжелое... Полновластный вершитель судебъ Русской Церкви, министръ духовныхъ дѣлъ князь А. Н. Голицынъ впалъ въ крайній мистицизмъ и покровительствовалъ всѣмъ ученіямъ, подрывавшимъ въ корнѣ православіе. Назначая Михаила митрополитомъ на мѣсто прогнаннаго имъ неговорчиваго Амвросія, Голицынъ, несомнѣнно, надѣялся найти въ благочестиво и даже, повидимому, мистически настроенномъ и кроткомъ Михаилѣ единомышленника и помощника во всѣхъ своихъ мистическихъ затѣяхъ. Не обладая ни фанатизмомъ Фотія, ни спокойной рѣшимостью Иннокентія Смирнова пострадать за православіе, ни дипломатической изворотливостью Филарета Дроздова, Михаилъ, по мѣрѣ силъ, отставалъ, однако, православіе отъ нападеній сектантовъ-мистиковъ, но лишь чувствуя приближеніе смерти, Михаилъ рѣшился написать Государю прямо и откровенно о всѣхъ опасностяхъ, грозившихъ Церкви.

Неспособный къ открытой рѣшительной борьбѣ, Михаилъ не былъ человѣкомъ двоедушнымъ и справедливо писалъ въ своемъ предсмертномъ письмѣ: „Ничего, кромѣ истины, не вѣщала я людямъ“.

(Съ портрета Боровиковскаго, находящагося въ Московскомъ Румянцевскомъ музеѣ.)

Пис. Боровиковский

Peint par Borovikowsky

*Митрополитъ Михаилъ
(Десницкій), 1761-1818*

*Le Métropolitel Michel
(Desnitsky), 1761-1818*

Графъ **ВАСИЛІЙ АЛЕКСѢВИЧЪ ПЕРОВСКІЙ**, 1795—1857, четвертый изъ побочныхъ сыновей графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго отъ дочери берейтора Маріи Михайловны Соболевской (позднѣ вышла за генераль-майора Денисьева), родился въ Почепѣ 9 Февраля 1795 г.; послѣ обученія въ Школѣ Колонновожатыхъ, Перовскій участвовалъ въ Отечественнѣй войнѣ и подъ Бородинымъ лишился пальца на лѣвой рукѣ. При занятіи Москвы французами попался въ плѣнъ; въ 1814 г. онъ былъ причисленъ къ Гвардейскому Главному штабу, состоя сначала въ лейбъ-гвардіи Егерскомъ, а затѣмъ въ Пзмайловскомъ полку. Въ 1818 г. онъ былъ назначенъ адъютантомъ къ Великому Князю Николаю Павловичу и сдѣлался его любимцемъ. Тотчасъ по воцареніи, Николай I назначилъ Перовскаго флигель-адъютантомъ; 14 Декабря онъ находился при Государѣ и на Сенатской площади получилъ ударъ полѣномъ въ спину. Во время Турецкой войны Перовскій взялъ крѣпость Анапу, а подъ Варной получилъ тяжелую рану въ грудь. За отличіе былъ произведенъ въ генераль-майоры, съ назначеніемъ въ свиту Его Величества, и награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й и Анны 1-й степени. Въ 1829 г. Перовскій назначенъ директоромъ канцеляріи Главнаго Морского штаба, а въ 1853 г. — Оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ, съ чиномъ генераль-лейтенанта и пожалованіемъ въ генераль-адъютанты.

Главной задачей своей Перовскій признавалъ защиту русскихъ предѣловъ отъ разбойническихъ нападений киргизовъ, поддерживаемыхъ Хивинскимъ и Кокандскимъ ханами. Онъ устроилъ новыя укрѣпленія и рядомъ умѣло организованныхъ экспедицій устранилъ киргизовъ, освободивъ при этомъ русскихъ плѣнныхъ, томившихся въ Хивѣ. Зимой 1839 г. Перовскій предпринялъ походъ на самую Хиву; но, неудачно выбравъ время и плохо организовавъ провіантскую часть и средства передвиженія, безъ успѣха возвратился въ Оренбургъ лѣтомъ 1840 года. Потрясенный физически и нравственно, Перовскій въ 1842 г. оставилъ Оренбургъ. Въ 1843 г. онъ былъ произведенъ въ генералы-отъ-кавалеріи, въ 1845 г. назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, а въ 1847 г. — членомъ Адмиралтействъ-Совѣта. Поправившись, Перовскій, въ Мартѣ 1851 г., былъ назначенъ генераль-губернаторомъ Оренбургской и Самарской губерній. Вторичное управленіе Перовскаго этимъ краемъ было ознаменовано упорной борьбою съ азіатами; 23 Юля 1853 г. была взята Кокандская крѣпость Акъ-Мечеть (теперь фортъ Перовскій); затѣмъ онъ устроилъ укрѣпленную Сыръ-Дарьинскую линію, изслѣдовалъ Аральское море и завелъ на немъ военную флотилію. Императоръ Александръ II, въ первый же день своего царствованія, собственноручнымъ письмомъ благодарилъ друга своего отца „за долговременную, вѣрную и усердную службу“; 17 Апрѣля 1855 г. онъ возвелъ его въ графское достоинство, а въ день коронаціи наградилъ брилліантовыми знаками ордена св. Андрея. 7 Апрѣля 1857 г. Перовскій былъ уволенъ въ отставку и умеръ въ Алушкѣ 8 Декабря того же года.

Графъ В. А. Перовскій женатъ не былъ. Человѣкъ, „по-европейски образованный“, онъ былъ другомъ Жуковскаго и братьевъ Брюлловыхъ, близкимъ человѣкомъ къ Карамзину, Пушкину и князю Вяземскому; въ Оренбургѣ онъ умѣлъ окружить себя такими незаурядными людьми, какъ Даль, Вельямновъ-Зерновъ, Ильминскій. „Прекраснѣйшій человѣкъ во всемъ свѣтѣ“, по отзыву А. Брюллова, Перовскій „любилъ тихую жизнь и художества“. Прямой и энергичный, безстрашный лично, онъ чуждъ былъ сентиментальности, какъ администраторъ, и умѣлъ „выбивать дурь“ изъ ослушниковъ, а также говорить съ азіатами понятнымъ для нихъ языкомъ. Онъ во всякомъ случаѣ много сдѣлалъ для Восточной окраины Россіи, въ смыслѣ культурнаго развитія, и значительно способствовалъ совершившемуся послѣ него завоеванію Средней Азіи.

(Съ портрета К. Брюллова; находится въ Московскомъ Румянцевскомъ музеѣ.)

ЖОЗЕФИНА ФРИДРИХСЪ, 178. — 1824, и сынъ ея ПАВЕЛЪ КОНСТАНТИНОВИЧЪ АЛЕКСАНДРОВЪ, 1808—1857. Жизнь этой женщины, французки неизвѣстнаго происхожденія, полна романическихъ приключеній. Дочь ремесленнаго Парижа, она служила въ модномъ магазинѣ г-жи Бюде-де-Терей, бабушки Колзакова: смѣтливая и ловкая „Fifine“ въ 14 лѣтъ прельстила пожилого англичанина, который рѣшилъ дать ей воспитаніе, сообразно своимъ взглядамъ, и потомъ жениться на ней. Пробывъ 4 года въ одномъ изъ Лондонскихъ пансіоновъ, она затѣмъ прожила 2 года среди богатства у своего покровителя, который затѣмъ скоропостижно умеръ безъ завѣщанія; въ 20 лѣтъ она очутилась на улицѣ, отвыкшая отъ труда, привыкшая къ роскоши, избалованная. Она страстно желала найти мужа, когда встрѣтила въ Лондонѣ пріѣхавшаго изъ Россіи пѣмца, назвавшагося офицеромъ фонъ-Фридрихсомъ, богатымъ помѣщикомъ изъ Прибалтійскаго края. Повѣнчавшись, молодые прожили недолго вмѣстѣ; супругъ спѣшилъ въ Россію, оставивъ временно жену въ Лондонѣ. Не получая, однако, долго извѣстій отъ мужа, г-жа Фридрихсъ пріѣхала въ Петербургъ и тутъ узнала, что мужъ ея не имѣетъ никакихъ средствъ, простой фельдшеръ, вѣдвшій въ Англію съ депешами Министерства Иностранныхъ дѣлъ. Фридрихсъ не нашла семейнаго счастья и въ маскарадѣ подошла съ жалобой на жестокое обращеніе мужа къ Великому Князю Константину Павловичу. Въ Цесаревичѣ она нашла себѣ покровителя: въ 1807 г. она развелась съ мужемъ, поселилась въ Стрѣльнѣ и въ 1808 году у ней родился сынъ, названный Павломъ Константиновичемъ Александровымъ. Въ 1815 г. она послѣдовала за Цесаревичемъ въ Варшаву. Великій Князь былъ очень привязанъ и къ матери, и къ сыну: онъ скучалъ безъ нихъ и писалъ изъ похода 1813 г. графу В. Васильеву: „Dites-lui (à mon petit) que je l'aime beaucoup“... „Que je serais heureux d'avoir toute ma famille avec moi à Strelna!“... Сама г-жа Фридрихсъ пріѣзжала къ Цесаревичу въ армію, и онъ сообщалъ: „Mme Friderichs est avec moi, et je suis très heureux chez moi“. 27 Апрѣля 1812 г. Александровъ былъ возведенъ въ дворянское достоинство и получилъ гербъ, а его мать, Ульяна Михайловна, какъ называлъ ее Великій Князь, получила и дворянство, и ту же фамилію „Александровой“ 9 Сентября 1816 года. Незадолго до женитьбы (12 Мая 1820 г.) Цесаревича на Жанеттѣ Грузинской (позднѣ княгиня Ловичъ; р. 1795 г., † 1831 г.), 7 Марта 1820 г., Александрова вышла замужъ за адъютанта Великаго Князя, полковника лб.-гв. Уланскаго полка Александра Сергѣевича Вейсса. Князь Вяземскій въ тотъ же день писалъ Булгакову: „Mlle Alexandroff идетъ замужъ за Вейсса, брата княгини Трубецкой, и, какъ говорятъ, все остается по старому, т.-е. въ старомъ положеніи, ибо состоянія давно не было. Признаться, долго этому никто вѣрить не хотѣлъ: Вейсса мы знали за добраго малаго, но никто не угадывалъ въ немъ такой отваги и рѣшительности. Со всѣхъ сторонъ онъ въ дуракахъ: если сдѣлалъ это по расчетамъ денежнымъ, то и тутъ ошибка. Она баба себѣ на умѣ и скупа, какъ чертъ. Когда умѣла прибрать въ руки NN, то этого сожметъ, какъ клюкву“. По свидѣтельству графини А. Потоцкой въ ея мемуарахъ, Константинъ Павловичъ имѣлъ безтактность представить молодой женѣ свою старую привязанность; мало того, г-жа Вейссъ продолжала свои утренніе визиты къ Цесаревичу, оскорбляла его супругу, которая страшно страдала, пока Императоръ Александръ не выслалъ г-жу Вейссъ изъ Варшавы. Колзаковъ, напротивъ, говоритъ, что всякій „могъ оцѣнить ея достоинства“, восхваляетъ ея доброту, сострадательность къ несчастнымъ, ея „прекрасную душу“ и вліяніе, которымъ она „укрощала порывы бурныхъ страстей“. Все это, вѣроятно, такъ и есть—она во всякомъ случаѣ не была злой женщиной: „роста средняго, съ темнорусыми, почти черными волосами, зачесанными маленькими кудрями на лбу, она не была что называется красавицей; она имѣла лицо неправильное, маленькій носикъ, нѣсколько вздернутый, губы тонкія, всегда улыбающіяся, цвѣтъ лица чистый, слегка румяный, но главную прелесть ея составляли глаза, большіе, каріе, съ выраженіемъ необыкновенной доброты и осѣненные длинными, черными рѣсницами; она говорила скороговоркой, слегка картавя, и въ дружеской бесѣдѣ была очень веселаго нрава“.

Г-жа Вейссъ умерла въ Ниццѣ 5 Апрѣля 1824 г.; ея сынъ П. К. Александровъ, генералъ-адъютантъ, женатъ былъ на княжнѣ А. А. Щербатовой.

(Съ портрета Ризенера; собственность князя П. Д. Львова, въ С.-Петербургѣ.)

Графъ СЕМЕНЪ РОМАНОВИЧЪ ВОРОНЦОВЪ, 1744—1832, второй сынъ Романа Иларіоновича, родился въ Москвѣ 15 Іюня 1744 года. Онъ воспитывался въ домѣ дяди, канцлера графа Воронцова, и 16-и лѣтъ совершилъ путешествіе по Россіи и Сибири. Изъ камеръ-пажей графъ С. Р. Воронцовъ въ 1762 г. пожалованъ въ камеръ-юнкеры, но, по его желанію, тогда же былъ произведенъ въ поручики Преображенскаго полка. Переворотъ 28 Іюня 1762 г. привелъ его въ „невыразимую ярость“; за вѣрность Петру III онъ былъ подвергнутъ аресту. Служба въ гвардіи „опротивѣла“ ему, и, по ходатайству дяди, онъ былъ назначенъ совѣтникомъ посольства въ Вѣну. Въ 1766 г. графъ Воронцовъ былъ назначенъ въ 4-й Гренадерскій полкъ премьеръ-майоромъ, вмѣсто чина подполковника. Послѣ этого онъ вышелъ въ отставку. Когда началась война съ турками, графъ Воронцовъ вновь поступилъ на службу и отличился при Ларгѣ, Кагулѣ и подъ Силистріей; онъ былъ награжденъ чиномъ полковника и орд. св. Георгія 4 и 3 степеней. По заключеніи мира, графъ Воронцовъ, по недоброжелательству Потемкина, былъ произведенъ лишь въ бригадиръ. Вслѣдствіе такой несправедливости, въ 1776 г. онъ опять вышелъ въ отставку, съ чиномъ генералъ-майора. Слѣдующія 6 лѣтъ Воронцовъ прожилъ частью въ Петербургѣ, частью въ Италіи (въ Пизѣ); въ 1780 г. онъ женился на Екатериѣ Алексѣевнѣ Сенявиной и въ 1782 г. былъ назначенъ посланникомъ въ Венецію, а черезъ 2 года переведенъ въ Лондонъ; сюда онъ прибылъ, похоронивъ нѣжно любимую жену. Въ Англии онъ оставался болѣе 20 лѣтъ, заслужилъ расположеніе англійскаго общества и оказалъ немалыя услуги Россіи, благодаря своей твердости и дальновидности. Въ 1791 г. графъ Воронцовъ получилъ орденъ Владиміра 1-й ст., но вскорѣ едва не вышелъ въ отставку, навлекши на себя непріязнь князя Зубова. Императоръ Павелъ I сначала показалъ себя чрезвычайно милостивымъ къ Воронцову: въ 1796 г. онъ пожаловалъ ему чинъ генерала-отъ-инфантеріи и званіе чрезвычайнаго и полномочнаго посла, въ день коронаціи (5 Апрѣля 1798 г.) возвелъ его въ графское достоинство Россійской имперіи и наградилъ Андреевскою звѣздой, 21 Февраля 1799 г. пожаловалъ ему большой крестъ Мальтійскаго ордена, хотѣлъ назначить его воспитателемъ Великаго Князя Николая Павловича и предлагалъ ему мѣсто канцлера. Но скоро онъ навлекъ на себя гнѣвъ Павла „различными представленіями, вопреки волѣ его“. Отставленный 22 Мая 1800 г., съ дозволеніемъ „жить, гдѣ захочетъ“, графъ Воронцовъ остался въ Англии. Александръ I возвратилъ ему постъ посла въ Лондонъ, и въ 1802 г. Воронцовъ провелъ 4 мѣсяца въ Россіи, гдѣ былъ обласканъ Государемъ. Вскорѣ, однако, Семенъ Романовичъ сталъ просить увольненія отъ службы, но, по волѣ Александра I, остался, чтобы окончить переговоры о коалиціи противъ Франціи. Онъ вышелъ въ отставку 15 Мая 1806 г., остался навсегда въ Англии и умеръ въ Лондонѣ 9 Іюня 1832 г.; отъ брака съ Е. А. Сенявиной онъ имѣлъ сына Михаила, впослѣдствіи свѣтлѣйшаго князя, и дочь Екатерину (леди Пемброкъ).

Современники находили въ Воронцовѣ много „блестательныхъ свойствъ ума и любезныхъ качествъ, увѣнчанныхъ скромностью, благородною наружностью, учтивое и ласковое обращеніе, горячее сердце, возвышенное умомъ и рѣдкимъ благодушіемъ“. Пѣнный отецъ и братъ, онъ не былъ человѣкомъ слабымъ. „Твердость“, писалъ онъ, „есть наипервѣйшее качество человѣка; разумъ и знаніе безъ твердости ничего не значать“.... Какъ дипломатъ, онъ признавалъ необходимой политику, чуждую какихъ-либо уступокъ: „Plus nous nous avilissons et plus on nous avilira“. По традиціи, Воронцовъ былъ яримъ пруссофобомъ и поборникомъ дружбы съ Англійей, которую онъ признавалъ естественной союзницей Россіи. Предубѣжденіе противъ французозовъ, „заражающихъ ядомъ своихъ нравовъ весь родъ человѣчскій“, усилилось въ немъ подъ вліяніемъ ужасовъ революціи. Хорошо знавшій духъ англичанъ и высоко цѣнившій ихъ культуру, графъ Воронцовъ, дорожа интересами Россіи по отношенію къ Англии, находилъ недопустимымъ „complaître à tous leurs caprices, souffrir basement leurs impertinences et les encourager par là à en faire de nouvelles“.

Отдавая должное утвердившемуся въ нами строю Англии, онъ былъ противъ перенесенія англійскихъ учрежденій на некультурную русскую почву и опасался „широкихъ скачковъ отъ деспотизма къ анархіи“. Девизомъ его, какъ поборника родовой чести, было: „Point de noblesse, point de monarchie“. Живо интересовавшійся внутренними дѣлами Россіи, соблюдавшій въ Англии православные посты и желавшій въ старости жить поближе къ русской церкви, графъ Воронцовъ, несмотря на все свое внѣшнее англоманство, имѣлъ полное право говорить: „Я русскій и только русскій!“

(Съ портрета Ромеля; Императорскій Эрмитажъ, въ С.-Петербургѣ.)

Графиня ЕКАТЕРИНА СЕМЕНОВНА ВОРОНЦОВА, лэди ПЕМБРОКЪ, 1783—1856, дочь графа Семена Романовича Воронцова отъ брака съ Екатериной Алексѣвной Сенявиной, уже носившей въ себѣ при рожденіи дочери зачатки грудной болѣзни, въ молодости была болѣзненной и слабой, что очень тревожило ея отца, любившаго ее до обожанія. Всю свою жизнь графиня Екатерина Семеновна почти безвыѣздно провела въ Англии, гдѣ отецъ ея состоялъ посломъ съ 1784 по 1806 годъ, и получила блестящее образованіе, подъ руководствомъ отца и наставницы, дѣвицы Жардинъ, учившейся въ Смольномъ монастырѣ и не покидавшей ея до замужества. Она знала отлично языки, классиковъ, музыку и пѣніе, и 12 лѣтъ отъ роду перевела съ французскаго на русскій языкъ трагедію „Смерть Адама“. Постоянно находясь при отцѣ, она помогала ему въ его обширной перепискѣ съ русскими друзьями и писала подъ его диктовку. Стараясь вселить въ дочери любовь къ Россіи и всему русскому, графъ Воронцовъ признавалъ, однако, что „*élevée dans d'autres principes et mœurs qu'on suit chez nous, elle serait la plus infortunée des créatures si elle avait le malheur d'avoir un établissement chez nous*“. Опасаясь къ тому же, что ея слабое здоровье не перенесетъ русскаго климата, онъ даже условился съ братомъ, чтобы, въ случаѣ его смерти, она навсегда осталась въ Англии со своей наставницей и жила на пенсію, которую ей долженъ былъ выплачивать графъ А. Р. Воронцовъ. Въ то же время отецъ хлопоталъ черезъ друзей о пожалованіи ей фрейлинскаго шифра. Это стоило ему не малаго труда, такъ какъ Императоръ Павелъ не давалъ шифра „*à aucuns absente*“, но, благодаря заступничеству Императрицы, графиня Екатерина Семеновна была пожалована фрейлиной въ 1797 году. Интересно, что, испрашивая шифръ для дочери, графъ Семень Романовичъ писалъ: „*Si cette grâce lui avait été offerte sous le règne passé, je l'aurais déclinée et j'aurais aimé savoir ma fille partout ailleurs que dans une Cour où les nièces du prince Potemkine accouchaient de temps en temps sans cesser d'être appelées demoiselles d'honneur*“. Достигнувъ своего желанія, Воронцовъ повезъ дочь съ собою въ Россію, гдѣ она и провела съ нимъ лѣто 1802 г., очень понравилась при Дворѣ и несла придворную службу въ Павловскѣ при вдовствующей Императрицѣ. Вернувшись въ Англию уже частнымъ лицомъ, графъ Воронцовъ началъ подумывать о замужествѣ дочери и прискидывать ей жениха „съ положеніемъ и состояніемъ“, такъ какъ собственныя дѣла его были очень запутаны, и одно время, когда ему грозила при Павлѣ I конфискація его имѣній въ Россіи, онъ предвидѣлъ полное разореніе и необходимость для дочери пойти въ гувернантки въ какое-либо англійское семейство. Поэтому онъ былъ очень обрадованъ, когда дочь его приняла предложеніе сына его давнишней пріятельницы, статсъ-дамы королевы, лорда Георгія-Августа 11-го графа Пемброкъ, сорокалѣтняго вдовца съ двумя дѣтьми, два раза отказавшагося отъ посольства въ Россіи и отъ намѣстничества въ Ирландіи, но представлявшаго изъ себя выгодную и блестящую партію. Свадьба состоялась 25 Января 1808 г.; испрашивая разрѣшеніе Императрицъ на бракъ дочери, графъ Воронцовъ всячески старался, чтобы замужество ея съ иностранцемъ не повредило ей при Дворѣ.

Благодаря своему браку съ однимъ изъ лучшихъ представителей англійской аристократіи, графиня Екатерина Семеновна заняла видное положеніе въ Лондонскомъ обществѣ, съ дѣтства ей близко знакомомъ. Семейная жизнь ея съ положительнымъ и уравновѣшеннымъ мужемъ, предпочитавшимъ, какъ и она, домашній кругъ и сельскую жизнь карьерѣ и свѣтскимъ удовольствіямъ, протекла тихо и счастливо; большую часть времени они проводили въ помѣстьѣ Пемброка Вильтонѣ, въ Вилтшерскомъ графствѣ, гдѣ по сосѣдству поселился и графъ Семень Романовичъ. Въ 1817 г. они принимали у себя въ „*Wilton House*“ Великаго Князя Николая Павловича и по этому случаю лэди Пемброкъ вышила русскіе костюмы для дѣтей. Овдовѣвъ въ 1827 г., она посвятила себя всецѣло воспитанію дѣтей и уходу за престарѣлымъ отцомъ, скончавшимся на ея рукахъ въ 1852 году. Графиня Пемброкъ имѣла сына Сиднея, лорда Гербертъ, для котораго выхлопотала у русскаго правительства право на владѣніе доставшимся ей послѣ отца имѣніемъ въ Финляндіи, и трехъ дочерей: лэди Клэнвилльямсъ, лэди Брюсъ и лэди Дэнморъ.

Скончалась она 27 Марта 1856 г. и похоронена въ склепѣ Вильтонской церкви.

(Съ портрета Реберна; Воронцовскій дворецъ въ Одессѣ.)

Пис: Лебернъ

Peint, par Raeburn

*Графиня Екатерина Семеновна
Вороницова, леди Пемброкъ, 1785-1856*

*La Comtesse Catherine Séménowna
Vorontzoff, Lady Pembroke, 1785-1856*

Свѣтлѣйшій князь **МИХАИЛЬ СЕМЕНОВИЧЪ ВОРОНЦОВЪ**, 1782—1856, сынъ графа Семена Романовича Воронцова отъ брака съ Екатериной Алексѣевной Сенявиной, родился 19 Мая 1782 г.; юность свою прожилъ въ Англии; 4-хъ лѣтъ отъ роду Воронцовъ получилъ чинъ прапорщика гвардіи, но служба его началась лишь въ 1803 г., когда онъ откомандированъ былъ на Кавказъ въ распоряженіе знаменитаго Циціанова. Храбрость и распорядительность Воронцова проявились въ Прусскомъ походѣ, въ битвахъ при Пултускѣ и Фридландѣ, гдѣ Воронцовъ командовалъ 1-мъ баталіономъ Преображенскаго полка, а затѣмъ въ войнѣ съ Турціей и въ кампаніи 12-го года; при Бородинѣ дивизія Воронцова была почти вся уничтожена при отраженіи французскихъ атакъ, а самъ Воронцовъ раненъ. Онъ отправился для лѣченія ранъ во Владимірское помѣстье Воронцовыхъ, с. Андреевское. Войска обожали своего молодого начальника, мягкій характеръ котораго и просвѣщенный, европейскій взглядъ на дѣло мало гармонировали съ суровымъ служебнымъ режимомъ того времени. Человѣколюбіе Воронцова послѣ битвы при Бородинѣ выразилось между прочимъ въ томъ, что онъ взялъ съ собою въ Андреевское на излѣченіе до 150 раненыхъ офицеровъ и солдатъ своей дивизіи. Оправившись, Воронцовъ принялъ участіе въ кампаніи 1813 и 1814 гг. и въ сраженіи при Краонѣ, командуя отдѣльнымъ отрядомъ, съ успѣхомъ отразилъ нападеніе самого Наполеона. Послѣ заключенія мира, Воронцовъ назначенъ былъ командовать русскимъ корпусомъ во Франціи, при чемъ на смотре при Вертю этотъ корпусъ представился союзнымъ монархамъ въ поразительномъ порядкѣ, а при уходѣ оккупационнаго корпуса на родину въ 1818 г., Воронцовъ заплатилъ долги, сдѣланные русскими офицерами во Франціи. По возвращеніи въ Россію, Воронцовъ сначала командовалъ 3-мъ пѣх. корпусомъ, а затѣмъ назначенъ былъ Новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ и намѣстникомъ Бессарабской области. Административная дѣятельность Воронцова по устроению Новороссійскаго края создала ему имя въ исторіи русской культуры: имъ приняты были разумныя мѣры къ заселенію еще пустынныхъ земель, получила широкое развитіе внѣшняя торговля въ портахъ Азовскаго моря, на южномъ берегу Крыма Воронцовъ устроилъ для себя поэтическую Алупку, а Одесса сдѣлалась южной столицей Россіи по своему промышленному значенію. „Полу-милордъ, полу-купецъ“, какъ называлъ Воронцова Пушкинъ, высланный имъ изъ Одессы, обнаружилъ истинно англійскій размахъ и пониманіе торговаго и промышленнаго значенія Новороссійскаго края. Въ войнѣ съ Турціей 1828 и 1829 гг. Воронцовъ оказалъ огромныя услуги арміи въ дѣлѣ снабженія ея провіантомъ и въ мѣрахъ борьбы съ чумой. Кромѣ того, имъ была взята лично крѣпость Варна. Замѣчательно, что въ самый разгаръ военныхъ событій, Воронцовъ не упустилъ случая впервые завести въ 1828 г. торговое пароходство. Въ 1844 г. ему ввѣрена была, съ неограниченными полномочіями, должность намѣстника Кавказа, по внутреннимъ неурядицамъ и постоянной войнѣ съ горцами бывшаго въ то время поистинѣ больнымъ мѣстомъ Россіи. Въ 1845 г., по плану, выработанному въ Петербургѣ, Воронцовъ совершилъ знаменитый Даргинскій походъ. Походъ этотъ, прославленный героизмомъ русскихъ войскъ и главнаго ихъ начальника, не могъ увѣнчаться успѣхомъ, и войска Воронцова вышли изъ разставленной имъ горцами западни, лишь благодаря распорядительности Воронцова, награжденнаго за этотъ подвигъ княжескимъ достоинствомъ. Зато разумными мѣрами Воронцова въ 1848 г. покоренъ былъ Дагестанъ, и русскія войска медленно, но постепенно, устройствомъ лѣсныхъ просѣкъ, приближались къ гнѣздамъ власти Шамля. Воронцовъ, однако, не былъ сторонникомъ системы приведенія Кавказа въ покорность Россіи одной лишь военной силой; мирная гражданская дѣятельность Воронцова на Кавказѣ была гораздо важнѣе. Воронцовъ умѣлъ привлечь симпатіи кавказскихъ народностей, дать имъ почувствовать выгоды культурнаго единенія съ Россіей, устранить племенную вражду; въ то же время Воронцовъ обратилъ особое вниманіе на развитіе торговли Кавказа и разработку его естественныхъ богатствъ. Это мирное завоеваніе Кавказа было болѣе прочнымъ, чѣмъ военное, совершившееся уже при преемникѣ Воронцова. Кипучая дѣятельность надорвала его силы, и въ 1853 г. Воронцовъ просилъ о своемъ увольненіи. Награжденный званіемъ свѣтлѣйшаго князя и чиномъ генералъ-фельдмаршала, Воронцовъ удалился для лѣченія за границу, а 7 Ноября 1856 г. скончался и похороненъ въ Одесскомъ соборѣ.

Отъ брака съ графиней Елизаветой Ксаверіевной Браницкой Воронцовъ оставилъ лишь одного сына, князя Семена Михайловича, умершаго бѣздѣтнымъ.

(Съ портрета Лоренса; находится въ Воронцовскомъ дворцѣ, въ Одессѣ.)

Пис. Лоренс

*Князь Михаил Семенович
Воронцовъ, 1782-1856*

Peint. par Lawrence

*Le Prince Michel Semenovitch
Vorontzoff, 1782-1856*

СЕРГѢЙ СЕРГѢВИЧЪ КУШНИКОВЪ, 1767—1839, сынъ Сергѣя Александровича Кушникова, женатаго на старшей сестрѣ историка Н. М. Карамзина, Екатеринѣ Михайловнѣ, по рожденію принадлежалъ къ старинному русскому дворянству. По окончаніи курса въ Сухопутномъ Шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ, Кушниковъ выпущенъ былъ поручикомъ въ 1787 г. въ южную армию Потемкина и съ отличіемъ участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ турокъ. Во время похода въ Италію, въ 1799 г., Суворовъ избралъ Кушникова, бывшаго уже въ чинѣ подполковника, къ себѣ въ адъютанты, и Кушниковъ сопровождалъ фельдмаршала въ теченіе Итальянскаго и Швейцарскаго походовъ; по окончаніи кампаніи онъ назначенъ былъ командиромъ гренадерскаго Розенберга полка. Въ самомъ началѣ царствованія Императора Александра I Кушниковъ, по болѣзни, перешелъ въ гражданскую службу, сначала прокуроромъ Бергъ-коллегіи, затѣмъ Московскимъ вице-губернаторомъ, а съ 1802 по 1804 г. былъ С.-Петербургскимъ гражданскимъ губернаторомъ. Въ 1806 г. Кушникову повелѣно было присутствовать въ Сенатѣ, съ производствомъ въ тайные совѣтники, и послѣдовательно исполнять должности дежурнаго генерала при Главномъ командующемъ VI областью ополченія, а съ 17 Февраля 1808 г. по 25 Февраля 1810 г. быть предсѣдательствующимъ въ диванахъ Молдавіи и Валахіи, въ Яссахъ. Въ 1810 г. Кушниковъ поселился въ Москвѣ, присутствуя въ Московскихъ департаментахъ Сената. Въ 1823 г. на Кушникова обратила вниманіе Императрица Марія Ѳеодоровна и назначила его почетнымъ опекуномъ Московскаго Опекунскаго совѣта, съ управленіемъ Инвалиднымъ домомъ и Павловской больницей, а съ 17 Іюня того же года онъ состоялъ первенствующимъ членомъ Комиссіи для строенія въ Москвѣ Храма Спасителя. По рекомендаціи Императрицы, Николай Павловичъ вызвалъ Кушникова для участія въ Верховномъ судѣ надъ декабристами въ 1826 г. и пожаловалъ въ дѣйствительные тайные совѣтники, затѣмъ въ слѣдующемъ году назначилъ его членомъ Государственнаго Совѣта и почетнымъ опекуномъ С.-Петербургскаго Опекунскаго совѣта. Въ 1832 г. Кушникову повелѣно было быть предсѣдателемъ Комиссіи прошеній. Незадолго до смерти ему пожалованъ былъ, 17 Апрѣля 1837 г., орденъ св. Андрея Первозваннаго. Кушниковъ оставилъ по себѣ память храбраго солдата и честнаго труженика. Какъ первый членъ Комиссіи по постройкѣ Храма Спасителя въ Москвѣ, онъ сильно повредилъ Витбергу и былъ однимъ изъ виновниковъ перенесенія постройки Храма на теперешнее его мѣсто, гдѣ былъ древній Алексѣевскій монастырь. Карамзинъ былъ высокаго мнѣнія о Кушниковѣ и говорилъ: „С. С. есть для меня герой благородства душевнаго и выше всѣхъ отличій, которыя имѣть можетъ. Россія можетъ гордиться такимъ сенаторомъ, а челоѣчество—такимъ челоѣкомъ“.

Кушниковъ былъ женатъ на Екатеринѣ Петровнѣ Бекетовой (р. 1772 г.), двоюродной сестрѣ И. И. Дмитриева, мать которой, Ирина Ивановна, рожденная Мясникова, была одной изъ наслѣдницъ колоссальнаго состоянія купцовъ Твердышевыхъ и Мясниковыхъ, родоначальниковъ многихъ современныхъ дворянскихъ богатствъ. Выходя замужъ за полковника Бекетова, Мясникова получила въ приданое, кромѣ движимости и горныхъ заводовъ, 19/т. душъ крестьянъ. У Кушникова было 2 дочери: Софья, въ замужествѣ за Д. Г. Бибиковымъ, и Елизавета (р. 13 Іюля 1800 г., † 31 Октября 1828 г.), за Н. М. Сипягинимъ.

С. С. Кушниковъ погребенъ (18 Февраля 1839 г.) на Тихвинскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры. На памятникъ его эпитафія, сочиненная княземъ П. А. Вяземскимъ:

„Земная жизнь—борьба; сопутствуютъ молитвы
Тому, кто подвигъ свой здѣсь совершилъ вполне,
И бодрый съ честью палъ среди кипящей битвы,
Какъ воинъ доблестный на боевой стѣнѣ.

Онъ и въ младыя лѣта,
И въ поздніе года, подъ холодомъ сѣдинъ,
Былъ чистъ передъ судомъ и совѣсти, и свѣта,—
Братъ вѣрный ближняго, отчизны вѣрный сынъ.

Таковъ былъ Кушниковъ“!

(Съ портрета Боровиковскаго; собственность графа М. П. Кассини, въ С.-Петербургѣ).

Графъ АЛЕКСАНДРЪ ХРИСТОФОРОВИЧЪ БЕНКЕНДОРФЪ, 1783—1844, сынъ генерала-отъ-инфантеріи Христофора Ивановича и Юліаны Шиллингъ-фонъ-Канштадтъ, въ 1798 г. вступилъ унтеръ-офицеромъ въ Семеновскій полкъ; въ томъ же году былъ произведенъ въ прапорщики и назначенъ флигель-адъютантомъ. Свою боевую карьеру онъ началъ въ 1803 г. на Кавказѣ. Затѣмъ участвовалъ во всѣхъ войнахъ Александрова царствованія и отличился личною храбростью и талантами военного администратора. За сраженіе при Прейсишъ-Эйлау онъ былъ награжденъ орденомъ Анны 2-й ст. и чиномъ капитана, а черезъ 2 недѣли чиномъ полковника; за отличіе подъ Руссукомъ былъ награжденъ орд. Георгія 4-й ст., а за атаку въ сраженіи подъ Велижемъ въ 1812 г. произведенъ въ генераль-майоры. Въ 1813 и 1814 гг. Бенкендорфъ, командуя отдѣльнымъ отрядомъ, очистилъ отъ французовъ Голландію и получилъ ордена Владиміра 2 ст. и Георгія 3 ст.; 9 Апрѣля 1816 г. онъ былъ назначенъ начальникомъ 2-й Драгунской дивизіи, въ 1819 г.—начальникомъ штаба гвардейскаго корпуса и 22 Іюля пожалованъ въ генераль-адъютанты. Находясь 14 Декабря 1825 г. при Императорѣ Николаѣ, Бенкендорфъ оказалъ важныя услуги Государю и 25 Декабря былъ награжденъ Александровской лентой. Назначенный членомъ суда надъ декабристами, Бенкендорфъ исполнял свои обязанности „съ усердіемъ и жаромъ“. Когда явилась мысль учредить особую „высшую полицію“, подававшей еще въ 1821 г. Александру I записку о дѣятельности тайныхъ обществъ, Бенкендорфъ 25 Іюня 1826 г. былъ назначенъ начальникомъ III отдѣленія и шефомъ жандармовъ, а также командующимъ Главной квартирой. Будучи однимъ изъ самыхъ близкихъ совѣтниковъ Николая I и его постояннымъ спутникомъ во всѣхъ путешествіяхъ по Россіи и за границей, Бенкендорфъ неизмѣнно пользовался милостью Государя: 6 Декабря 1826 г. онъ былъ назначенъ сенаторомъ, въ 1829 г. произведенъ въ генералы-отъ-кавалеріи и награжденъ орденомъ Владиміра 1-й ст., 8 Февраля 1830 г. назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, 8 Ноября 1832 г. возведенъ въ графское достоинство, а 22 Апрѣля 1834 г. награжденъ орденомъ св. Андрея. Скончался графъ Бенкендорфъ 23 Сентября 1844 года. Онъ былъ женатъ на Елизаветѣ Андреевнѣ Донецъ-Захаржевской, по первому мужу Бибиковой, отъ которой имѣлъ 3 дочерей: Анну (гр. Аппони), Марію (кн. Волконская) и Софью (Демидова).

Бенкендорфъ несочувственно относился къ развитію русской литературы. Онъ предпочиталъ „нравственность, прилежное служеніе и усердіе просвѣщенію неопытному, безнравственному и бесполезному“, откровенно сознавался, что „не должно слишкомъ торопиться просвѣщеніемъ Россіи, чтобы народъ не сталъ по кругу своихъ понятій въ уровень съ монархами и не посягнулъ бы тогда на ослабленіе ихъ власти“. Онъ склонялся вообще къ „отеческому правленію“, при которомъ, по его убѣжденію, въ Россіи „все совершенствовалось, и народныя сословія скрѣплялись общею любовью къ престолу“. Если „чистая монархія“ являлась для Бенкендорфа идеаломъ государственнаго устройства, то Императоръ Николай I являлся для него идеаломъ государя; онъ считалъ его „indispensable non seulement pour notre bonheur, mais pour notre existence“. Преданность его Государю не имѣла границъ. Какъ шефъ жандармовъ, Бенкендорфъ несомнѣнно руководился „благородными и благодѣтельными побужденіями“: было вмѣнено въ обязанность „наблюдать, чтобы права гражданъ не могли быть нарушены преобладаніемъ сильныхъ лицъ“ и „проложить невиннымъ жертвамъ прямой и кратчайшій путь къ покровительству Е. И. Величества“, и Бенкендорфъ наивно не хотѣлъ вѣрить, чтобы кто-либо изъ его агентовъ могъ „произвести противныя сей благотворительности дѣйствія, и нѣтъ мѣры наказанію, какому подвергнется чиновникъ, который употребитъ во зло свое званіе“. Самъ Бенкендорфъ обладалъ значительной долей благодушія, и сохранились рассказы о томъ, какъ онъ своимъ „отеческимъ“ вмѣшательствомъ спасалъ невинныхъ людей среди опасныхъ обстоятельствъ. Онъ считалъ „слезы и сожалѣнія бѣдныхъ и сирыхъ“, которыя онъ видѣлъ во время своей болѣзни въ 1837 г., „самымъ блестящимъ отчетомъ за 11-лѣтнее свое управленіе“.

(Съ акварельнаго портрета П. Соколова, 1835 г.; Третьяковская галлерей, въ Москвѣ.)

Пис. Соколов

Peint par Sokoloff

*Графъ Александръ Христофоровичъ
Бенкендорфъ, 1785-1844*

*Le Comte Alexandre Christophorowitch
Benkendorff, 1785-1844*

Графъ КСАВЕРІЙ де-МЕСТРЪ, 1764—1852, сынъ президента Савойскаго Сената графа Франциска Ксаверія де-Местра, братъ извѣстнаго графа Іосифа (р. 1754 г., † 1821 г.), яраго пропагандиста католицизма въ Россіи, родился въ Шамбери, главномъ городѣ Савойскаго герцогства, составлявшаго уже тогда съ Сардиніей одну общую Сардинскую монархію. По окончаніи образованія, де-Местръ сначала увлекся научными занятіями, затѣмъ живописью и въ концѣ концовъ поступилъ въ Сардинскія войска пѣхотнымъ офицеромъ. Въ 1792 г. Савойя была занята французскими республиканскими войсками, а въ 1798 г., послѣ ряда побѣдъ Бонапарта, Карль-Амедей Сардинскій уступилъ всю территорію Савойи Франціи. Графъ Ксаверій мужественно боролся за цѣлость родины, но, видя ея уничтоженіе, не захотѣлъ служить Франціи и переѣхалъ, вмѣстѣ съ братомъ, въ Петербургъ, гдѣ и поступилъ 5 Января 1800 г. на службу капитаномъ; 22 Января 1802 г. вышелъ въ отставку майоромъ, а 4 Апрѣля 1805 г. опредѣленъ „почетнымъ членомъ Адмиралтейскаго департамента и директоромъ музеума“. Въ этой должности, въ 1807 г., произведенъ въ подполковники и въ 1809 г. въ полковники; 8 Юля 1810 г. переведенъ въ свиту Е. И. В. по Квартирмейстерской части. Вслѣдъ затѣмъ онъ принялъ участіе въ войнахъ Россіи съ Персіей на Кавказѣ, что дало ему богатый матеріалъ для его будущихъ литературныхъ произведеній. За осаду и штурмъ Ахалциха, подъ которымъ онъ былъ раненъ пулею въ руку, получилъ ордена св. Анны 2-й ст. и Владиміра 3-й. Въ Январѣ 1812 г. де-Местръ возвратился въ Петербургъ и былъ назначенъ состоять при 3-й Западной арміи, при чемъ за участіе въ бою при Кобринѣ былъ награжденъ золотой шпагой, а за сраженіе подъ Краснымъ произведенъ въ генераль-майоры. Въ Мартѣ 1816 г. назначенъ былъ состоять при командирѣ 21-й пѣхотной дивизіи, а 29 Юня того же года уволенъ въ отставку. Поселившись навсегда въ Петербургъ, графъ де-Местръ только изрѣдка покидалъ Россію, чтобы побывать въ Парижѣ и на родинѣ послѣ реставраціи 1814 года. Умеръ онъ въ Петербургѣ въ 1852 г.; былъ женатъ съ 1815 г. на фрейлинѣ Софіи Ивановнѣ Загряжской, дочери генераль-лейтенанта Ивана Александровича и родной племянницѣ извѣстной Наталіи Кирилловны Загряжской (рожденной графини Разумовской). Отъ этого брака (въ 1816 г.) было 2 дочери: Александра (р. 1814 г.) и Екатерина (р. 1815 г.).

Извѣстность графъ де-Местръ пріобрѣлъ своими литературными трудами. Человѣкъ веселый, мягкій, общительный, онъ случайно выступилъ на литературное поприще и писалъ на французскомъ языкѣ; стиль его отличался необыкновеннымъ изяществомъ и простотой, чему, въ значительной степени, его произведенія обязаны были своимъ успѣхомъ въ Россіи и въ особенности во Франціи. Философія графа де-Местра, всегда веселая, всегда пріятная, лишена была горечи или скорбнаго чувства; его юморъ отличался благодушіемъ: онъ осмѣивалъ пороки мягко и сердечно, онъ чуждъ былъ чего-либо ядовитаго и желчнаго, любовь къ человѣку и всему человѣческому, а не ненависть, руководила имъ. Первое его произведеніе—„Voyage autour de ma chambre“—не предназначалось имъ для печати; онъ его писалъ не торопясь, главу за главой; издано оно было его братомъ Іосифомъ въ 1794 году. Подъ вліяніемъ послѣдняго написано (и съ его предисловіемъ вышло въ 1812 г.) второе произведеніе графа Ксаверія—„Le lépreux de la cité d'Aoste“, исторгавшее обильныя слезы умиленія и жалости у современниковъ. Такой же громадный успѣхъ имѣла и его трогательная повѣсть о безграничной дочерней любви Параша Сибирячки—„La jeune Sibérienne“. Полное собраніе сочиненій де-Местра вышло въ 3 тт. въ Парижѣ въ 1825 году. Кромѣ того, какъ членъ Туринской Академіи наукъ, де-Местръ помѣстилъ въ ея трудахъ нѣсколько научныхъ трудовъ по химіи.

Вигель, встрѣчавшій братьевъ де-Местръ на вечерахъ у извѣстной Анны Петровны Хвостовой, женщины высокаго ума, просвѣщенной, собиравшей у себя людей образованныхъ, преимущественно „отборныхъ иностранцевъ“, говоритъ о Ксаверіи де-Местрѣ, что онъ „былъ менѣ пылокъ (чѣмъ старшій братъ) и хотя столь же серіозенъ и разсѣянъ, но болѣе пріятенъ въ обществѣ“.

(Съ портрета Штейбена; собственность графа П. С. Строганова, въ С.-Петербургѣ.)

Пис. Улмејденс

Peint par Steuben

*Графъ Хавериу
de - Местрѣ, 1764-1852*

*Le Comte Xavier
de Maistre, 1764-1852*

Князь АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ГОЛИЦЫНЪ, 1773—1844, сынъ капитана князя Николая Сергѣевича отъ третьяго брака съ Александрой Александровной Хитрово, родился въ Москвѣ 8 Декабря 1773 г.; княгиня, овдовѣвшая черезъ 2 недѣли послѣ рожденія сына, вскорѣ вышла замужъ за Кологривова и относилась къ сыну строго и холодно. М. С. Перекусихина, полюбившая „веселенькаго и остренькаго“ мальчика, доставила ему доступъ ко Двору; онъ былъ товарищемъ дѣтскихъ игръ Великихъ Князей и подружился съ Александромъ I. Въ 1794 г. изъ камеръ-пажей былъ произведенъ въ поручики Преображенскаго полка, но въ томъ же году переименованъ въ камеръ-юнкеры. 5 Апрѣля 1797 г. онъ былъ пожалованъ въ камергеры, 8 Января 1799 г. награжденъ комендорскимъ крестомъ Мальтійскаго ордена, но 6 Мая того же года, „отставленъ“ и высланъ въ Москву. Александръ I назначилъ своего друга (21 Сентября 1802 г.) оберъ-прокуроромъ 1 Департамента Сената. Желая имѣть и въ Синодѣ „своего человека“, Государь назначилъ Голицына 21 Октября 1803 г. оберъ-прокуроромъ Синода; въ то же время онъ былъ назначенъ статсъ-секретаремъ, чтобы дать ему возможность имѣть личные доклады у Императора. Въ 1810 г. онъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта и главноуправляющимъ дѣлами иностранныхъ исповѣданій, въ 1816 г. министромъ Народнаго Просвѣщенія и въ 1820 г. главноуправляющимъ надъ Почтовымъ департаментомъ. Объединеніе Министерства Народнаго Просвѣщенія съ вѣдомствами православнаго и иностранныхъ исповѣданій было довершено учрежденіемъ 24 Ноября 1817 г. Министерства Духовныхъ дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, во главѣ котораго стоялъ кн. Голицынъ. Управление его духовнымъ вѣдомствомъ было ознаменовано реформой духовныхъ школъ, и учрежденіемъ въ 1810—12 гг. Русскаго Библейскаго Общества, которое, подъ президентствомъ князя, перевело Библию на русскій языкъ и распространило болѣе 400/т. экз. священныхъ книгъ. Во время управленія имъ учебнымъ вѣдомствомъ были учреждены Ришельевскій лицей и С.-Петербургскій университетъ. Александръ I сохранялъ неизмѣнное расположеніе къ кн. Голицыну и повѣрилъ ему, въ числѣ немногихъ, тайну отреченія Цесаревича Константина, но враждебный Голицыну Аракчеевъ выдвинулъ противъ него митрополита Серафима и архимандрита Фотія, которые убѣдили Александра I, что управленіе князя Голицына вредно для церкви и государства. 15 Мая 1824 г. князь Голицынъ былъ уволенъ отъ всѣхъ должностей, кромѣ должности начальника Почтоваго департамента. Впрочемъ, самъ Государь продолжалъ дорожить „близостью и совѣтами“ отставленнаго министра; Николай I смотрѣлъ на него также, какъ на „вѣрнѣйшаго друга своего семейства“. Князь А. Н. Голицынъ въ 1826 г. получилъ орденъ св. Андрея, въ 1830 г. былъ пожалованъ въ канцлеры всѣхъ російскихъ орденовъ, въ 1834 г. получилъ портретъ Государя, а въ 1841 г.—чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника 1-го класса. Старость и слабость зрѣнія заставили Голицына выйти въ отставку, и въ Іюнь 1843 г. онъ уѣхалъ на житье въ Крымъ, гдѣ и умеръ въ своемъ имѣніи „Гаспра“ 22 Ноября 1844 г.; погребенъ въ Балаклавскомъ Георгіевскомъ монастырѣ.

Вольтерьянецъ и эпикуреецъ въ молодости, князь Голицынъ въ зрѣлые годы обратился къ благочестію съ рѣзко выраженной сентиментальной и мистической окраской. Этому способствовало и общественное настроеніе эпохи, и примѣръ его державнаго друга. Получивъ поверхностное образованіе, Голицынъ въ сущности никогда не зналъ „ни православія, ни кривославія“; съ большимъ легкомысліемъ онъ брался объяснять самые сложные богословскіе вопросы и создалъ себѣ своеобразный пантеонъ, въ которомъ уживались вѣрованія самыхъ непримиримыхъ религій и сектъ. Этого „младенца“ въ дѣлѣ вѣры постоянно мочили разные ханжи и изувѣры; онъ постоянно искалъ „изліянія Св. Духа“ и откровеній, вѣчно гонялся за пророками и пророчицами, за знаменіями и чудесами: то „слушалъ пророческое слово“ у хлыстовки Татариновой, то жаждалъ возложенія руки новаго „Златоуста“— Фотія, то исцѣлялъ бѣсноватыхъ, то удостоивался въ мистическомъ экстазѣ испытать подобіе страданій Спасителя отъ иглъ тернового вѣнца. Поставивъ себѣ задачей искорененіе „вольнодумства, безбожія и своеволія революціонной необузданности“, Голицынъ разгромилъ, при помощи Магницкаго и Рунича, университеты, поддерживалъ въ школахъ рутину и лицемеріе; при немъ Церковь впервые почувствовала всю силу гнета свѣтской власти: при немъ, по выраженію современника, „все утихло, и духъ монарха водворился въ Синодѣ“.

(Съ портрета К. Брюллова; Румянцевскій музей, въ Москвѣ.)

Княгиня **ЕВДОКІЯ ИВАНОВНА ГОЛИЦЫНА**, 1780—1850, извѣстная подъ прозваніями „Princesse postigne“, „princesse Minuit“, родилась въ Москвѣ 4 Августа 1780 года. Отецъ ея, И. М. Измайловъ, женатый на княжнѣ Аннѣ Борисовнѣ Юсуповой, въ день воцаренія Екатерины исключень былъ изъ службы за преданность Петру III. Рано осиротѣвъ, Евдокія Ивановна, съ сестрою Анной Ивановной, воспитывалась въ домѣ бездѣтнаго дяди своего и получила самое разностороннее образованіе. Желая устроить ея судьбу, Павелъ I приказалъ ей выйти замужъ за князя С. М. Голицына, челоуѣка, отличавшагося при огромномъ богатствѣ ограниченнымъ умомъ и некрасивой наружностью. Свадьба состоялась 12 Юня 1799 г., но уже въ слѣдующемъ году князь С. М. Голицынъ подвергся за что-то гнѣву Павла и уѣхалъ съ женою въ Дрезденъ; когда же, съ воцареніемъ Александра I, онъ вернулся въ Россію, княгиня Евдокія Ивановна, оставшись въ Дрезденѣ, написала мужу письмо, гдѣ объявила, что такъ какъ бракъ ея былъ вынужденный, то она больше не согласна на совмѣстное житье. Влюбившись затѣмъ въ князя М. П. Долгорукаго, убитаго потомъ при Иденсальми, она просила у мужа развода, но получила отказъ. Много лѣтъ спустя, она отплатила мужу, отказавъ ему въ разводѣ, когда онъ задумалъ жениться на А. О. Россетъ.

Вотъ какъ отзывается о княгинѣ Е. И. Голицыной князь Вяземскій: „Княгиня Голицына была въ свое время замѣчательная и своеобразная личность въ Петербургскомъ обществѣ. Она была очень красива, и въ красотѣ ея выражалась своя особенность. Не знаю, какова она была въ своей первой молодости, но и вторая, и третья молодости ея плѣняли какою-то свѣжестью и цѣломудріемъ дѣвственности. Черные выразительные глаза, густые темные волосы, падающіе на плечи, южный матовый колоритъ лица, улыбка добродушная и граціозная... вообще красота ея отзывалась чѣмъ-то пластическимъ, напоминавшимъ древнее греческое изваяніе. Въ ней ничто не обнаруживало обдуманной озабоченности, житейской женской изворотливости и суетливости. Напротивъ, въ ней было что-то ясное, спокойное, скорѣе лѣнивое, безстрастное. По обезпеченному состоянію своему, по обоюдному согласному разрыву брачныхъ отношеній, она была совершенно независимой. Но эта независимость, это свѣтское отщепенство держалось въ строгихъ границахъ чистѣйшей нравственности и благоприличія. Никогда ни малѣйшая тѣнь подозрѣнія, даже злословія, не отемняли чистой и свѣтлой свободы ея“....

Въ Петербургѣ Голицына была извѣстна своей эксцентричностью и оригинальнымъ образомъ жизни. Говорятъ, что въ молодости какая-то цыганка предрекла ей смерть ночью, и съ этого времени страхъ заставлялъ ее бодрствовать по ночамъ. Днемъ она спала, а къ полуночи въ домѣ ея на Б. Милліонной, а лѣтомъ на дачѣ ея, на Невѣ, собирался избранный кружокъ ея друзей, большею частью литераторовъ и ученыхъ. На этихъ собраніяхъ, продолжавшихся до утра, она любила вести долгія бесѣды о предметахъ, самыхъ отвлеченныхъ, разнообразя ихъ развлеченіями въ видѣ физическихъ и химическихъ опытовъ. Карамзинъ называлъ ее Пнеіей, а Пушкинъ воспѣлъ ее въ одномъ изъ своихъ стихотвореній.

Особенно увлекалась княгиня Голицына математикой и въ 1835/37 гг. издала весьма оригинальное сочиненіе на французскомъ языкѣ подъ названіемъ: „De l'analyse de la force“, со страннымъ эпиграфомъ: „Ангель Господень ополчится окрестъ боящихся его и избавитъ ихъ“. По словамъ математика Остроградскаго, въ этомъ трудѣ она проявила „такой, собственно ей принадлежащій, взглядъ на вещи, который не можетъ не показаться крайне новымъ и вмѣстѣ справедливымъ по глубокомысленнымъ выводамъ ея. Природа, говоритъ княгиня, основана на силахъ. Все въ природѣ жизнь и сила, ничтожества нѣтъ“.

Княгиня Е. И. Голицына извѣстна была искренней любовью къ Россіи и ко всему русскому: въ 1812 г., по окончаніи войны, она явилась въ Москвѣ на балу въ Благородномъ собраніи въ сарафанѣ и кокошникѣ, оплетенномъ лаврами, а въ 1814 г. предложила Петербургскому дворянству воздвигнуть въ Москвѣ памятникъ въ память избавленія Россіи отъ иноземнаго нашествія. Въ завѣщаніи своемъ она назначила 50/т. р. на денежныя награды, для выдачи лучшимъ воспитанникамъ кадетскихъ корпусовъ „въ поощреніе и воздаяніе отличной службы на военномъ поприщѣ“. Скончалась княгиня Е. И. Голицына 18 Января 1850 г. въ С.-Петербургѣ. Замѣчательна надпись на могилѣ ея въ церкви Св. Духа, въ Александрово-Невской лаврѣ: „Прошу православныхъ Русскихъ и проходящихъ здѣсь помолиться за рабу Божию, дабы услышалъ Господь мои теплыя молитвы у Престола Всевышняго для сохраненія духа Русскаго“.

(Съ портрета Егорова; Московская Третьяковская галлерей.)

Графъ АЛЕКСАНДРЪ РОМАНОВИЧЪ ВОРОНЦОВЪ, 1741—1805, сынъ графа Романа Иларионовича Воронцова и Марѣы Ивановны Сурминой, пріятельницы Императрицы Елисаветы, родился 4 Сентября 1741 г.; рано лишившійся матери и заброшенный своимъ суровымъ отцомъ, онъ воспитывался въ домѣ дяди — канцлера; записанный капраломъ въ Измайловскій полкъ и произведенный въ 1755 г. въ прапорщики, по ходатайству дяди, въ 1758 г. былъ помѣщенъ въ Парижскую аристократическую военную школу „Chevaux-légers“, гдѣ обучался полтора года. Произведенный въ 1759 г. въ подпоручики, Воронцовъ въ 1761 г. былъ назначенъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Вѣну, а въ концѣ года посланникомъ въ Голландію. Петръ III, благоволившій къ нему, какъ къ брату своей фаворитки, пожаловалъ его въ камергеры и перевелъ въ Лондонъ. Воцареніе Екатерины было встрѣчено Воронцовыми несочувственно: графъ Воронцовъ продолжалъ службу, но между нимъ и Екатериной всегда были натянутыя, холодныя отношенія. Въ 1767 г. графъ Воронцовъ былъ переведенъ опять въ Голландію и въ 1768 г. оставилъ дипломатическую службу. Пробывъ 5 лѣтъ не у дѣлъ, Воронцовъ въ 1773 г. былъ назначенъ президентомъ Коммерцъ-коллегии и членомъ Комиссіи о коммерціи, гдѣ составилъ таможенный тарифъ. Екатерина щедро награждала его: въ 1779 г. онъ былъ назначенъ сенаторомъ, въ 1787 г. — членомъ Совѣта, получилъ ордена св. Александра Невскаго съ брилліантами и св. Владиміра 1-й ст., чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника (въ 1784 г.). Несмотря на всѣ эти видимыя знаки милости, Воронцовъ въ 1794 г. просилъ объ увольненіи отъ службы, и Екатерина не удерживала его, сказавъ: „Всегда знала, а теперь наипаче вѣдаю, что его таланты не суть для службы моей; сердце принудить нельзя; права не имѣю принудить быть усерднымъ ко мнѣ“. Лишь съ воцареніемъ Александра I, графъ Воронцовъ вернулся къ государственнымъ дѣламъ. Назначенный 28 Апрѣля 1801 г. въ Сенатъ, 2 Мая онъ получилъ Андреевскую ленту, а въ день коронаціи чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника I класса. Вслѣдъ за этимъ ему было поручено управленіе всей дипломатической частью, и 8 Сентября 1802 г. онъ былъ пожалованъ въ канцлеры. Но, по выраженію графа Завадовскаго, „плугъ худо пахалъ въ запряжкѣ стараго быка съ юнымъ“: скоро обнаружился разладъ между „неспособнымъ къ новымъ привычкамъ старикомъ“ и близкой къ Александру „молодой партіей“. Канцлеръ предпочелъ „не пріобщиться заблужденіямъ и отойти, чтобы издали смотрѣть, опираясь на свой посохъ“. Въ Февраль 1804 г. графъ Воронцовъ получилъ отпускъ, „на сколько ему угодно“, и удалился въ свое Владимірское помѣстье, с. Андреевское, сохраняя за собою номинально управленіе дипломатическимъ вѣдомствомъ. Онъ умеръ 2 Декабря 1805 г. и погребенъ въ церкви с. Андреевскаго.

Отличительною чертою характера графа А. Воронцова была твердость. Это былъ, по выраженію Радищева, человекъ „душесильный“, настойчивый въ работѣ и смѣлый въ защитѣ своихъ убѣжденій; онъ обладалъ феноменальной работоспособностью. „Бумаги — пища, его не насыщающая“, говорилъ Завадовскій. Не любившій рисковать безъ надобности и совѣтовавшій другимъ „не всѣ политическія мнѣнія высказывать“, Воронцовъ не зналъ страха и угодливости, когда ему приходилось отстаивать то, что онъ считалъ полезнымъ для государства или дорогимъ лично для себя, во имя того или другого нравственнаго принципа. Не страшась гнѣва Павла, онъ далъ у себя убѣжище своему опальному другу Лафермьеру. Онъ былъ не изъ числа людей, способныхъ быть „чучелами или пѣшками“ въ рукахъ временщиковъ: своей оппозиціей графъ Воронцовъ доставилъ много непріятныхъ минутъ Потемкину; сама Екатерина часто встрѣчала въ немъ строгаго критика; при Дворѣ его называли „медвѣдемъ“ и намекали на то, что онъ дѣйствуетъ „для своихъ прибытковъ“ и ничѣмъ не отличается отъ своего отца, извѣстнаго „Романа Большаго кармана“.

Получивъ французское, не слишкомъ широкое образованіе, графъ Воронцовъ дополнилъ его серьезнымъ чтеніемъ, но до конца жизни писалъ по-французски гораздо лучше, чѣмъ по-русски. Не чуждый либеральныхъ тенденцій, Воронцовъ велъ переписку съ Вольтеромъ и Даламберомъ, покровительствовалъ Радищеву, но былъ ожесточеннымъ противникомъ революціи и ненавидѣлъ „жакобинтовъ“. Человекъ неподатливый, тяжелый и методичный, графъ Воронцовъ, угрюмый и сухой, былъ способенъ на дѣла къ нѣжной родственной любви и дружбѣ; женатъ не былъ.

(Съ портрета Шмидта, 1784 г.; собств. гр. Е. А. Воронцовой-Дашковой, с. Андреевское, Владимірск. губ.)

Пис. Улуугмъ, 1784 г. — Paint. par Schmidt, 1784

*Графъ Александръ Романовичъ
Воронцовъ, 1741-1805*

*Le Comte Alexandre Romanowitch
Vorontzoff, 1741-1805*

Ударице
Великаго Князя
Николая Михаиловича

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ

XVIII и XIX столѣтій

Edition du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch

PORTRAITS RUSSES

des XVIIIe et XIXe siècles

II томъ
3 выпускъ

TOME II
FASCICULE 3

1906

С. ПЕТЕРБУРГЪ
ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ
ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ

ST. PÉTERSBOURG
MANUFACTURE DES
PAPIERS DE L'ÉTAT

АЛЕКСАНДРЪ ДМИТРИЕВИЧЪ ЛАНСКОЙ, 1758—1784, фаворитъ Екатерины II, сынъ бѣднаго смоленскаго помѣщика Дмитрія Артемьевича, родился 8 Марта 1758 и въ 1772 г. началъ службу въ Измайловскомъ полку солдатомъ. Въ 1776 г. онъ былъ пожалованъ въ кавалергарды, съ производствомъ въ армейскіе поручики. Судьба не дала Ланскому богатства, но зато наградила его прекрасной наружностью: по отзывамъ современниковъ, онъ имѣлъ правильныя и красивыя черты лица и былъ большого роста, здороваго и мужественнаго тѣлосложенія. Императрица во время пребыванія своего въ Царскомъ Селѣ въ 1779 г. обратила вниманіе на красавца кавалергарда, часто появлявшагося въ караулѣ. Въ Октябрѣ этого же года Ланской былъ назначенъ адъютантомъ Потемкина. Какъ разъ въ то время произошло удаленіе И. Н. Корсакова, и въ Ноябрѣ Ланской, представленный Императрицѣ Потемкинскимъ, былъ пожалованъ во флигель-адъютанты, получилъ 100.000 р. на гардеробъ и переѣхалъ на жительство во дворецъ. Уживчивость и полное невмѣшательство въ государственныя и политическія дѣла поставили его внѣ всякихъ интригъ. Безбородко называлъ его „сущимъ ангеломъ, потому что онъ не слишкомъ старался вредить другимъ“. Только разъ положеніе Ланского пошатнулось нѣсколько на короткое время: въ Мартѣ 1781 г. придворные стали замѣчать охлажденіе къ нему Государыни и расположеніе къ Мордвинову; Ланской, по словамъ одного современника, жаловался на немилость такимъ трогательнымъ образомъ, что Государыня и ея довѣренныя лица были озадачены насчетъ того, какъ отъ него отдѣлаться безъ жестокости. Но уже въ Іюнѣ положеніе Ланского вновь упрочилось. Онъ отличался такой преданностью Императрицѣ, какой она, по собственному признанію, „въ жизни своей не встрѣчала“. И сама Екатерина искренно къ нему привязалась. Переписка ея съ Гриммомъ полна самыхъ лестныхъ отрывковъ о Ланскомъ; между прочимъ Екатерина II писала о немъ, что онъ „est non seulement d'un bon et doux esprit, mais il a un sentiment exquis, et la grande raison et la justice ne lui échappent jamais“. Ланской, не получившій образованія, но смысленный и не глупый отъ природы, уже при дворѣ, подъ руководствомъ самой Императрицы, сталъ пополнять свои знанія изученіемъ литературы и исторіи. Кромѣ того, у него явилась страсть къ собиранію произведеній искусства, каменьевъ и драгоценныхъ камней, и Екатерина II не жалѣла средствъ для удовлетворенія этой его страсти. Въ 1780 г. Ланской былъ пожалованъ въ дѣйствительные камергеры, а въ 1784 г.—въ генераль-адъютанты, поручики Кавалергардскаго корпуса и произведенъ въ генераль-поручики. 19 Іюня 1784 г. Ланской почувствовалъ боль въ горлѣ, болѣзнь быстро усилилась, и въ ночь на 25 Іюня онъ скончался. Его похоронили въ Царскомъ Селѣ, на Софійскомъ кладбищѣ, гдѣ надъ его могилой Императрица воздвигла церковь Казанской Божіей Матери.

Екатерина II была крайне огорчена смертью молодого фаворита, и долго еще придворные замѣчали, какъ она плакала у его памятника въ Царскосельскомъ паркѣ. По этому поводу даже сложилась легенда, что Императрица не хотѣла разставаться съ тѣломъ любимаго человѣка и похоронила его въ паркѣ. Неожиданная смерть Ланского вызвала много толковъ и предположеній. Приписывали смертельный исходъ болѣзни тому, что ослабленный излишествами организмъ Ланского былъ распатанъ сильными возбуждающими средствами, прописанными ему его другомъ-докторомъ, говорили также, что онъ отравленъ Потемкинскимъ, опасавшимся его вліянія... Ланской, совершенно бѣдный въ началѣ своего „случая“, къ концу жизни имѣлъ громадное состояніе, которое современники оцѣнивали въ 6 или 7 милліоновъ. Всѣмъ обязанный Екатеринѣ II, онъ передъ смертью передалъ обратно въ казну все свое недвижимое имущество, а остальное предоставилъ въ распоряженіе Императрицы, которая и раздѣлила наслѣдство между его матерью, братомъ и сестрами.

(Съ портрета, принадлежащаго графинѣ Е. А. Воронцовой-Дашковой, с. Андреевское, Владимірской губ.)

Графъ ПЕТРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ЗАВАДОВСКІЙ, 1759—1812, дѣйствительный тайный совѣтникъ, членъ Государственнаго Совѣта, сынъ бунчуковаго товарища Василя Петровича отъ брака съ дочерью подкоморія Михаила Ширая, родился въ Черниговской губ., въ д. Красновичахъ и воспитывался въ домѣ дяди Ширая, потомъ въ Оршѣ, въ іезуитскомъ училищѣ. Окончивъ образованіе въ Кіевской духовной академіи, Завадовскій поступилъ на службу въ канцелярію Малороссійскаго генераль-губернатора, графа П. А. Румянцева, и находился при немъ въ теченіе 1-й Турецкой войны. Затѣмъ, въ 1775 г., Румянцевъ рекомендовалъ его, вмѣстѣ съ Безбородко, вниманію Императрицы Екатерины II. Обладая красивой внѣшностью и уживчивымъ характеромъ, Завадовскій сдѣлался фаворитомъ Императрицы, но не надолго. Уже въ 1777 г., отчасти вслѣдствіе интригъ Потемкина, Императрица охладѣла къ Завадовскому, хотя и не удалила его отъ двора. Пользуясь поддержкой друга своего Безбородко, Завадовскій занималъ видные посты въ администраціи, получилъ званіе сенатора и члена Совѣта, а въ концѣ царствованія Екатерины управлялъ Дворянскимъ и Государственнымъ Заемнымъ банками. Все это не могло, однако, заставить Завадовскаго забыть объ утраченномъ имъ положеніи фаворита. Екатерина наградила его обширными помѣстьями въ Черниговской и Могилевской губерніяхъ, но Завадовскій истинно любилъ Императрицу, какъ женщину, ревновалъ ее, что особенно повредило его положенію при ней, и милости ея къ нему по службѣ государственной вовсе не утѣшали его. Императоръ Павелъ, по восшествіи своемъ на престолъ, сначала возвелъ Завадовскаго, 5 Апрѣля 1797 г., въ графское Россійской имперіи достоинство (графъ Римской имперіи съ 27 Юня 1794 г.) и наградилъ Андреевской лентой. При Павлѣ I Завадовскій былъ главнымъ директоромъ банковъ, завѣдывалъ медицинской частью, женскими учебными заведеніями и былъ сенаторомъ, но потомъ подвергся опалѣ: въ 1800 г. онъ долженъ былъ удалиться на житье въ пожалованное ему Екатериной помѣстье Ляличи (одно время называлось Екатеринодаръ), гдѣ Императрица построила ему, по проекту Гваренги, роскошный домъ-дворецъ. Императоръ Александръ, въ день воцаренія, вызвалъ Завадовскаго ко двору и назначилъ его сначала, 5 Юля 1801 г., предсѣдателемъ комиссіи составленія законовъ, а затѣмъ, въ 1802 г., первымъ министромъ народнаго просвѣщенія. Въ этой должности, уже на склонѣ лѣтъ, Завадовскій проявилъ живую дѣятельность: при немъ открыто было много среднихъ и низшихъ училищъ, а также Казанскій, Харьковскій и Дерптскій университеты и Главный Педагогическій институтъ; тогда же изданъ былъ либеральный для того времени цензурный уставъ. Въ 1810 г. Завадовскій оставилъ постъ министра и назначенъ былъ предсѣдателемъ департамента законовъ Государственнаго Совѣта. Графъ Завадовскій умеръ 10 Января 1810 г. въ С.-Петербургѣ и похороненъ на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

Былъ женатъ съ 30 Апрѣля 1787 г. на графинѣ Вѣрѣ Николаевнѣ Апраксиной († 1845), дочери жившей у гр. К. Г. Разумовскаго его племянницы и „метрессы“, гр. С. О. Апраксиной. Отъ этого брака онъ имѣлъ двоихъ сыновей, Александра и Василя, и дочь Татьяну (въ замужествѣ за тайн. сов. В. И. Каблуковымъ), кромѣ того, были еще дочь и сынъ, умершіе въ младенчествѣ.

Хитрый болѣе чѣмъ умный, Завадовскій не проявлялъ особенныхъ способностей въ государственныхъ дѣлахъ; красивая наружность, обаятельное обращеніе и случай выдвинули его на видное мѣсто и сдѣлали обладателемъ колоссальнаго богатства. Большинство современниковъ благосклонно отзывалось о Завадовскомъ, а Суворовъ причислялъ его къ числу придворныхъ старыхъ любезниковъ, отъ которыхъ предостерегалъ свою дочь. Только Державинъ весьма не лестно говоритъ о нравственныхъ свойствахъ Завадовскаго, подробно сообщая о злоупотребленіяхъ его по должности директора Государственнаго Заемнаго банка и о его неразборчивости въ способахъ наживы; алчность Завадовскаго не имѣла предѣловъ: наживъ легко свои богатства, онъ дешево скупалъ, и даже отнималъ, земли у своихъ небогатыхъ сосѣдей въ Малороссіи.

(Съ миниатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михайловича.)

Графъ АЛЕКСѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ РАЗУМОВСКІЙ, 1709—1771, сынъ простаго казака Григорія Яковлевича Розума и Натальи Демьяновны Дѣмешки, родился въ д. Лемешахъ, близъ г. Козельца, 17 Марта 1709 года. Своимъ возвышеніемъ обязанъ всецѣло слѣпому случаю: въ дѣтствѣ пастухъ, кое-какъ научившись грамотѣ противъ воли пьянаго отца, онъ бѣжалъ изъ дому и нашель пристанище у дьячка сосѣдняго села; обладая чуднымъ голосомъ, онъ пѣлъ на клиросѣ сельской церкви, когда полковникъ Вишневскій объѣзжалъ Украину, набиралъ пѣвчихъ для придворнаго хора. Пробывъ нѣсколько лѣтъ въ придворной пѣвческой, онъ однажды былъ замѣченъ Великой Княжной Елисаветой Петровной: ее поразила его красота болѣе, чѣмъ его голосъ, и Розумъ, вскорѣ ставшій называться Разумовскимъ, сдѣлался сначала пѣвчимъ Царевны, а потомъ ея „бандуристомъ“. Между тѣмъ, въ 1731 г., Шубинъ, бывшій лицомъ особенно близкимъ къ Елисаветѣ, былъ сосланъ въ Сибирь, и Разумовскій тотчасъ занялъ мѣсто Шубина. Сдѣланный управляющимъ сначала имѣніями Царевны, затѣмъ ея дворомъ, пожалованный въ камеръ-юнкеры, онъ сумѣлъ привязать къ себѣ легкомысленную красавицу и, благодаря своей скромности, не нажить себѣ враговъ среди окружающихъ Елисавету. Воцареніе Елисаветы Петровны упрочило его положеніе, какъ близкаго человѣка къ Государынѣ, но не расширило круга его дѣятельности—по прямотѣ характера и скромности онъ никогда не считалъ себя способнымъ къ государственной дѣятельности, не вмѣшивался въ политику и въ борьбу придворныхъ партій, но зато иногда дѣлался орудіемъ ловкихъ царедворцевъ и лицъ, прикрытыхъ клобуками. Милости Елисаветы сыпались на него: въ 1742 г. онъ былъ уже оберъ-егермейстеромъ и кавалеромъ орд. св. Андрея, позднѣе подполковникомъ л.-гв. Коннаго полка, капитанъ-поручикомъ лейбъ-кампаніи и фельдмаршаломъ; ему пожалованъ былъ цѣлый рядъ вотчинъ, въ томъ числѣ знаменитое Порѣчье, нѣсколько домовъ въ Петербургѣ и Москвѣ, въ томъ числѣ Аничковскій дворецъ и собственный дворецъ Цесаревны (гдѣ теперь Павловскія казармы), а также домъ въ Москвѣ, на Покровкѣ, построенный Растрелли (4-я гимназія). По преданію, 24 Ноября 1742 г. Государыня въ с. Перовѣ, подъ Москвой, была повѣнчана съ Разумовскимъ; съ этого времени всѣ почитали его, какъ супруга Императрицы, которая сама публично оказывала ему знаки нѣжности; 15 Юня 1744 г. онъ сдѣланъ былъ графомъ. Разумовскій обогатилъ всѣхъ своихъ родичей; его соотечественники-малороссы находилъ у него радушный пріютъ и сильное покровительство. Свое положеніе около Елисаветы онъ сохранилъ до ея кончины; переставъ быть фаворитомъ, съ появленіемъ Бекетова, Шувалова и др., Разумовскій оставался попрежнему самымъ довѣреннымъ ея человѣкомъ, ея другомъ, котораго она продолжала любить, и желанія и вкусы котораго попрежнему угадывать и исполнять. Со смерти Елисаветы Петровны, утративъ все значеніе, не имѣя никакого служебнаго дѣла, Разумовскій удался въ Москву и тутъ жилъ въ своемъ домѣ, на Покровкѣ. Здѣсь, по преданію, произошла та сцена, когда, въ присутствіи графа М. И. Воронцова, Разумовскій сжегъ всѣ документы и отрекся отъ брака съ Елисаветой. Орловы ссылались на этотъ бракъ, и Екатерина оцѣнила вполне поступокъ Разумовскаго.

Графъ Разумовскій умеръ въ Петербургѣ 6 Юня 1771 г. и погребенъ въ Благовѣщенской церкви Александро-Невской лавры. Біографъ Разумовскихъ отвергаетъ достовѣрность многочисленныхъ преданій и извѣстій иностранцевъ о дѣтяхъ Елисаветы и Разумовскаго: по его мнѣнію, ихъ совсѣмъ не было.

„Другъ неліцемерный“ Елисаветы, Разумовскій былъ человѣкъ добрый и прямой, и, по словамъ Петцоляда, „всѣ считали его безвреднымъ“. Высокій, стройный, нѣсколько смуглый, съ черными глазами и черными же дугообразными бровями, Разумовскій могъ считаться однимъ изъ первыхъ красавцевъ своего времени, но придворный лоскъ плохо къ нему приставалъ: онъ былъ все тѣмъ же простымъ, наивнымъ, нѣсколько хитрымъ, насмѣшливымъ, но крайне добродушнымъ хохломъ, безъ памяти любившимъ и свою Украину, и своихъ родственниковъ. Онъ не могъ даже отстать отъ страсти малороссіянь къ вину, „кули-каль“ съ пріѣзжими хохлами и „весьма неспокоенъ былъ пьяный“, такъ что любимица Елисаветы, Мавра Шувалова, пѣвала молебны, когда ея мужъ возвращался съ охоты не избитый Разумовскимъ.

(Съ миниатюры, принадлежащей П. П. Дурново, въ С.-Петербургѣ.)

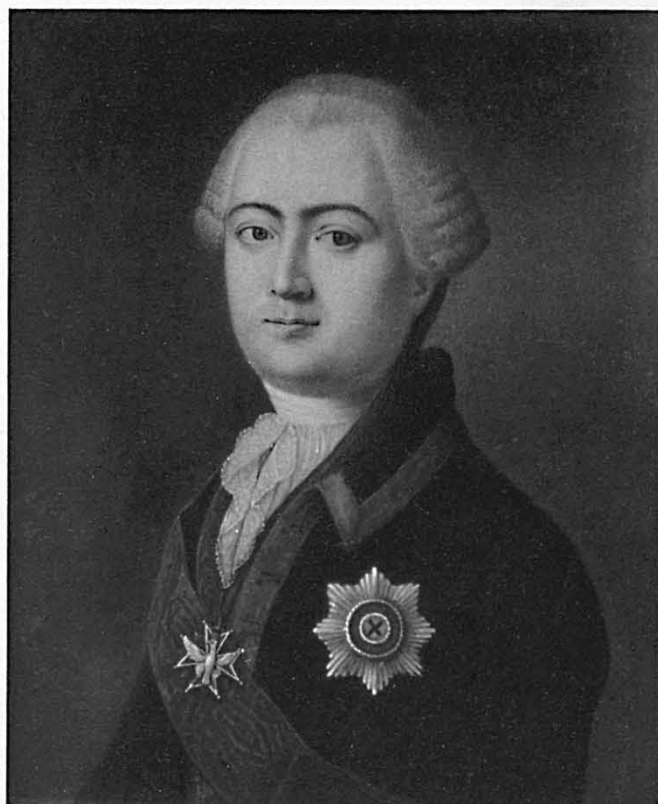
*Александръ Дмитріевичъ
Ланской,
1758 — 1784*

*Alexandre Dmitriewitch
Lanskoï,
1758 — 1784*

*Графъ Петръ Васильевичъ
Завадовскій,
1739 — 1812*

*Le comte Pierre Vassiliewitch
Zavadowsky,
1739 — 1812*

*Графъ Алексѣй Григорьевичъ
Разумовскій,
1709 — 1771*

*Le comte Alexis Grigoriewitch
Razoumowsky,
1709 — 1771*

Графиня ЕЛИЗАВЕТА РОМАНОВНА ВОРОНЦОВА, 1739—1792, вторая дочь графа Романа Иларионовича Воронцова от брака с Марсией Ивановной Сурминой, родилась 13 Августа 1739 года. По смерти матери, в 1750 г., была взята Императрицей Елисаветой ко двору и помещена с фрейлинами Великой Княгини Екатерины Алексеевны, которая ее назвала „очень некрасивымъ, крайне нечистоплотнымъ ребенкомъ, с оливковымъ цветомъ кожи“. Черезъ нѣсколько лѣтъ явное предпочтеніе, оказанное Великимъ Княземъ Петромъ Ѳеодоровичемъ „толстой и нескладной“, „с обрюзглымъ лицомъ“, „широкорожей“ фрейлинѣ Воронцовой, которую онъ попросту называлъ „Романовной“, вызвало всеобщее недоумѣніе. Это увлеченіе Великаго Князя, удивлявшее придворныхъ, забавлявшее Елисавету Петровну, прозвавшую Воронцову „г-жей Помпадуръ“, со вступленіемъ его на престолъ перешло всякія границы. Немедленно по воцареніи, пожаловавъ ее въ камеръ-фрейлины, онъ отвелъ ей при переѣздѣ въ Зимній дворецъ комнаты рядомъ со своими, а 9 Іюня 1762 г. торжественно возложилъ на нее Екатерининскую ленту. Постоянная участница его ночныхъ попойекъ и кутежей с голыштинскими солдатами, Е. Р. Воронцова открыто выступаетъ въ роли „официальной фаворитки“. Не лишенная ума, но безхарактерная и безалаберная, по природному добродушію и безопасности она мало пользовалась своимъ положеніемъ. Не стѣсняясь прибѣгать къ посредничеству Екатерины въ своихъ ссорахъ съ Петромъ Ѳеодоровичемъ, она въ то же время предостерегала его отъ этой „дурной женщины“, но въ сущности сама Воронцова была совершенно безвредной. Петръ III „не скрывалъ ни передъ кѣмъ непомерной своей любви къ ней“, и съ этимъ скоро пришлось считаться: иностранные резиденты въ Петербургѣ доносятъ своимъ дворамъ о намѣреніи Императора заточить супругу въ монастырь и жениться на фрейлинѣ Воронцовой; Императрица это знаетъ, а народная молва приурочиваетъ это всѣмъ ожидаемое событіе къ 29 Іюня 1762 г., дню переворота, возведшаго Екатерину на престолъ.

Арестованная вмѣстѣ съ Петромъ III въ Ораніенбаумѣ, графиня Воронцова, несмотря на просьбы свои на колѣняхъ предъ Панинымъ, о дозволеніи ей послѣдовать за Петромъ въ Гольштинію, была отправлена въ подмосковную деревню отца, при чемъ лишилась камерфрейлинскаго портрета и ордена св. Екатерины. Но тотчасъ послѣ этого Императрица занялась устройствомъ положенія и имущественныхъ дѣлъ своей бывшей соперницы, думала о покупкѣ для нея дома въ Москвѣ и приказала графу Р. И. Воронцову выдѣлать дочь, „чтобъ она уже ни съ кѣмъ дѣла не имѣла и жила въ тишинѣ, не подавая людямъ много причинъ о себѣ говорить“. „Перфильичъ“, пишетъ Екатерина Елагину передъ своей коронаціей, „сказывалъ ли ты кому изъ Лисаветинныхъ родственниковъ, чтобъ она въ дворецъ не размахнулась, а то, боюсь, къ общему соблазну завтра прилетитъ“.

Выйдя въ 1765 г. замужъ за полковника, потомъ статскаго совѣтника, Александра Ивановича Полянскаго (1721—1818), Елизавета Романовна переѣхала въ Петербургъ, гдѣ и жила до своей смерти. Не появляясь при дворѣ, она показывалась въ свѣтѣ и видалась даже съ близкимъ другомъ Екатерины, графиней А. С. Протасовой. Письма ея къ брату, графу С. Р. Воронцову, мало уступаютъ французскому слогу ея ученой сестры, княгини Е. Р. Дашковой, и полны подробностями о свѣтскихъ и придворныхъ происшествіяхъ. Въ 1781 г. она обратилась съ письмомъ къ Императрицѣ съ просьбою о шифрѣ для дочери Анны, родившейся въ 1766 г. и впоследствии вышедшей за барона д'Отгеръ. Просьба ея была удовлетворена. Екатерина была даже, какъ говорятъ, воспріемницей сына ея, Александра, родившагося въ 1774 г. (женатъ на гр. Е. И. Рибопьеръ). Оба брата ея, графы Семень и Александръ Романовичи Воронцовы, очень ее любили и отдавали ей большое предпочтеніе передъ княгиней Дашковой, которую не безъ основанія упрекали за недружелюбное отношеніе къ сестрѣ, сильно ее поблававшейся, не только во время своего фавора, но и послѣ своей опалы.

Елизавета Романовна Полянская скончалась 2 Февраля 1792 г. и похоронена на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

(Съ портрета, принадлежащаго графинѣ Е. А. Воронцовой-Дашковой, с. Андреевское, Владимірской губ.)

Княгиня ЕЛЕНА СТЕПАНОВНА КУРАКИНА, 1735 — 1768, дочь фельдмаршала Степана Федоровича Апраксина (1702 — 1760) от брака его съ Аграфеною Леонтьевною Соймоновой (1719 — 1771), родилась 5 Сентября 1735 г.; на шестнадцатомъ году, 6 Февраля 1751 г., вышла замужъ за гофмейстера, сенатора князя Бориса-Леонтія Александровича Куракина (род. 1733), умершаго 22 Ноября 1764 г., на 31 году жизни. Сама она пережила его только четырьмя годами и скончалась всего 33 лѣтъ, 29 Октября 1768 года; похоронена въ Александро-Невской лаврѣ, на Лазаревомъ кладбищѣ, оставивъ послѣ себя „любезныхъ дѣтей, четырехъ сыновей“, какъ значилось въ первой надписи на мраморной гробницѣ, воздвигнутой ей знаменитѣйшими изъ сыновей, князьями Александромъ и Алексѣемъ Борисовичами Куракиными. Кромѣ этихъ четырехъ (Александра, Степана, Алексѣя и Ивана), она имѣла еще трехъ сыновей, умершихъ въ младенчествѣ, изъ которыхъ послѣдній, Дмитрій, родился въ 1763 году.

За свою короткую жизнь княгиня Елена Степановна Куракина, будучи одною изъ самыхъ блестящихъ придворныхъ красавицъ, много заставила о себѣ говорить, и легкость ея нравовъ давала обильную пищу злословію. За свой живой и веселый характеръ, остроуміе и любезность она была очень любима въ обществѣ, въ которомъ являла собою примѣръ самаго беззащитнаго цинизма во всеоружіи необычайной внѣшней привлекательности.

Екатерина II, въ „Запискахъ“ своихъ, уже подъ 1756 г. отмѣчаетъ открытую связь ея съ генералъ-фельдцейхмейстеромъ графомъ Петромъ Ивановичемъ Шуваловымъ, благодаря которой поддерживался при дворѣ кредитъ отца ея, фельдмаршала Апраксина. Близкія отношенія княгини Куракиной къ Шувалову сослужили между прочимъ нѣкоторую службу и Великой Княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ въ столкновеніяхъ ея съ партією Императрицы, и по восшествіи своемъ на престолъ Екатерина всегда благосклонно относилась къ княгинѣ Еленѣ Степановнѣ, которую мы постоянно встрѣчаемъ на маленькихъ собраніяхъ въ Эрмитажѣ. Какъ справедливо замѣчаетъ Екатерина, главную роль въ отношеніяхъ Куракиной къ графу Шувалову играла съ ея стороны не любовь, а расчетъ. Одновременно она ведетъ любовную интригу и съ адъютантомъ Шувалова, красавцемъ Григоріемъ Орловымъ, случайно обнаруженную его грознымъ начальникомъ, застигнувшимъ влюбленныхъ врасплохъ. Исторія эта, полная романическихъ подробностей, надѣлала много шума въ городѣ и впервые обратила вниманіе Великой Княгини Екатерины Алексѣевны на Орлова. „Княгиня Куракина довольно извѣстна“, говоритъ Рюльеръ, упоминая про этотъ случай, „чтобы можно было слѣпо довѣряться ея вкусу“. Сама она не замедлила привлечь на себя взоры Петра III вскорѣ по восшествіи его на престолъ. Поведеніе ея въ этомъ случаѣ ѣдко очерчено откровеннымъ языкомъ того времени желчнымъ княземъ М. М. Щербатовымъ въ его памфлетѣ „О поврежденіи нравовъ въ Россіи“: „Безстыдство ея было таково, что когда онъ (Л. А. Нарышкинъ) ее отвозилъ домой рано поутру, хотѣлъ для сохраненія чести ея и болѣе, чтобы не учинилось извѣстно сіе графинѣ Е. Р. (Воронцовой), закрывши гардины ѣхать, она, напротивъ того, открывая гардины, хотѣла всѣмъ показать“, что она была у Государя Если вѣрить Щербатову, княгиня Куракина явилась невольной виновницей появленія манифеста о вольности дворянства, на скорую руку сочиненнаго секретаремъ Петра III, Волковымъ, во время ихъ свиданія; чтобы скрыть этотъ инцидентъ отъ „официальной“ фаворитки Императора, графини Елизаветы Романовны Воронцовой, ей было объявлено, что Государь занятъ съ Волковымъ „разсужденіемъ благоустройства государства“. Въ ходившемъ въ 1765 г. по рукамъ „Сатирическомъ каталогѣ“ на дворѣ Екатерины II княгинѣ Куракиной была приписана книга подъ заглавіемъ: „Mille et une faveurs“.

(Съ портрета Левицкаго; собственность князя А. А. Куракина, С.-Петербургъ.)

Графиня Елизавета Романовна Воронцова, 1739 — 1792
 La comtesse Elisabeth Romanowna Worontzoff, 1739 — 1792

Пис. Левицкий
 Княгиня Елена Степановна Куракина, 1735 — 1768
 Peint par Lévitky
 La princesse Hélène Stépanowna Kourakine, 1735 — 1768

Свѣтлѣйшій князь АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ЧЕРНЫШЕВЪ, 1785 — 1857, сынъ сенатора Ивана Львовича отъ брака съ Евдокіей Дмитріевной Ланской, сестрой фаворита, родился 30 Декабря 1785 г. Будучи записанъ вахмистромъ въ Конную гвардію, 15-и лѣтъ, обратилъ на себя вниманіе Александра I, благосклонность котораго къ нему съ тѣхъ поръ не прекращалась. Въ 1801 г. Чернышевъ былъ пожалованъ въ камеръ-пажи, а черезъ годъ произведенъ въ корнеты въ Кавалергардскій полкъ, шефъ котораго, Ф. П. Уваровъ, взялъ его въ адъютанты. Участвовалъ въ войнахъ 1805 — 1807 гг. и заслужилъ Георгія 4 степени. Въ 1808 г. дважды ѣздилъ курьеромъ въ Парижъ; своими смѣлыми и удачными отвѣтами очень понравился Наполеону и въ 1809 г., во время войны съ Австріей, состоялъ при немъ; въ этомъ же году получилъ званіе флигель-адъютанта. Съ 1810 по 1812 г. Чернышевъ, „*P'éternel postillon*“, безпрестанно ѣздилъ съ письмами Александра I и Наполеона. Роль его, однако, не ограничивалась этимъ, онъ былъ настоящимъ представителемъ Александра I въ Парижѣ, при чемъ обнаружилъ недюжинныя дипломатическія способности и пониманіе положенія дѣлъ. Чернышевъ пользовался своимъ пребываніемъ въ Парижѣ, чтобы, не брезгая никакими путями, раздобыть цѣнныя свѣдѣнія, такъ что Наполеонъ счелъ нужнымъ удалить изъ Парижа, подъ благовиднымъ предлогомъ, опаснаго соглядатая. Чернышевъ участвовалъ въ войнахъ 1812—1815 гг., командуя казачьими партизанскими отрядами; особенно кичился онъ всю свою жизнь взятіемъ города Касселя, не имѣвшимъ особеннаго вліянія на ходъ кампаніи. Наградой за его подвиги, въ свое время прославленные официальными историками, были чинъ генераль-майора, званіе генераль-адъютанта и орденъ Георгія 3 степени. Съ 1814 по 1825 г. Чернышевъ почти безотлучно находился при Государѣ и сопровождалъ его въ путешествіяхъ, принимая въ то же время дѣятельное участіе въ устройствѣ войска Донскаго и команду гвардейской легкой кавалерійской дивизіей. Въ 1826 г. онъ былъ членомъ слѣдственной комиссіи о декабристахъ, и во все царствованіе Николая I продолжалъ пользоваться монаршимъ благоволеніемъ. Въ 1826 г. былъ назначенъ сенаторомъ и съ этого же года сталъ во главѣ Военнаго министерства, которымъ управлялъ въ теченіе 26 лѣтъ (до 1852 г.), сначала въ качествѣ товарища начальника главнаго штаба и управляющаго министерствомъ, а съ 1852 г. какъ министръ. Въ 1828 г. Чернышевъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, а въ 1848 г. предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ. Наградой за его труды были: графское достоинство и чинъ генерала-отъ-кавалеріи (1826 г.), Андреевская лента (1831 г.), княжеское достоинство (1841 г.) и титулъ свѣтлости (1849 г.). Въ 1856 г. Чернышевъ оставилъ службу, сохранивъ только званіе генераль-адъютанта, и скончался 8 Юня 1857 г. въ Кастелламаре.

Чернышевъ былъ, что называется, „баловень судьбы“ и „любимецъ счастья“. Красивый и ловкій, прекрасный танцоръ, „*grand mangeur de coeurs*“, онъ пользовался большимъ успѣхомъ въ обществѣ и въ особенности у дамъ. И въ преклонномъ возрастѣ сохранилъ онъ представительную наружность. Съ лѣтами, однако, исчезли привлекательныя стороны его характера и сильнѣе выдвинулись несимпатичныя: надменность, тщеславіе, хвастливость. Многіе сомнѣвались въ знаніи дѣла и военныхъ подвигахъ Чернышева, находя, что онъ „обязанъ нѣкоторою частью своей славы пространнымъ донесеніямъ своимъ“. Съ окружающими Чернышевъ былъ высокомеренъ, но никогда не позволялъ себѣ въ сношеніяхъ съ подчиненными такихъ грубыхъ пріемовъ, какъ многіе другіе дѣятели Николаевского времени. Несмотря на свои крупныя недостатки, Чернышевъ, обладавшій несомнѣннымъ умомъ и способностями, по занимаемому имъ положенію долженъ быть признанъ однимъ изъ замѣтныхъ дѣятелей царствованій Александра I и Николая I, хотя и трудно назвать его крупнымъ государственнымъ человекомъ. Онъ былъ женатъ 3 раза: на графинѣ Теофилѣ Игнатьевнѣ Моравской († 1828), на княжнѣ Елизаветѣ Александровнѣ Бѣлосельской-Бѣлозерской († 1824) и на графинѣ Елизаветѣ Николаевнѣ Зотовой († 1879).

(Съ миниатюры Ф. Лидера 1822 г.; собраніе Великаго Князя Николая Михайловича.)

Князь ФЕДОРЪ ФЕДОРОВИЧЪ ГАГАРИНЪ, 1786—1863, сынъ генераль-майора князя Федора Сергѣевича, убитаго поляками въ Варшавѣ въ 1794 г., отъ брака съ знаменитой своей красотой и эксцентричностью княжной Прасковьей Юрьевной Трубецкой (во 2-мъ бракѣ Кологривова); 18 лѣтъ началъ службу прапорщикомъ въ Семеновскомъ полку; въ 1806 г. переведень корнетомъ въ Кавалергардскій полкъ, участвовалъ въ бояхъ при Аустерлицѣ, Прейсишъ-Эйлау, Гейльсбергѣ и Фридландѣ. Война, гдѣ бы она ни была, всегда влекла его къ себѣ. Въ мирное время адъютантъ разныхъ видныхъ генераловъ (графа Остерманъ-Толстого, графа Гудовича, князя Багратиона и др.), онъ быстро являлся на поляхъ битвъ, какъ только возникала война: въ 1808 г. онъ участвовалъ въ войнѣ съ Персіей и на штурмѣ Эривани, въ 1811 г.—волонтеромъ въ Турецкой войнѣ и отличился при взятіи Ловчи. Въ Отечественную войну и въ кампаніи 1813 и 1814 гг. онъ участвовалъ во многихъ дѣлахъ, при чемъ 25 Января 1813 г. переведень майоромъ въ Павлоградскій гусарскій полкъ. За взятіе, съ одними казаками и башкирами, крѣпости Девентера, въ Голландіи, получилъ орденъ св. Георгія 4-й ст.; затѣмъ онъ командовалъ 1-мъ Башкирскимъ полкомъ, Тираспольскимъ конно-егерскимъ, Оренбургскимъ уланскимъ, наконецъ, Гродненскимъ гусарскимъ, которымъ командовалъ 8 лѣтъ, пока, 6 Декабря 1827 г., не былъ произведенъ въ генераль-майоры. Командуя бригадой 2-й гусарской дивизіи, участвовалъ въ усмиреніи Польскаго мятежа и за штурмъ Варшавы награжденъ орденомъ св. Анны 1-й степени. 30 Декабря 1835 г. совсѣмъ уволенъ отъ службы. Въ концѣ 1825 г. былъ арестованъ по подозрѣнію въ принадлежности къ тайному обществу. Но участіе его было столь незначительно, что 2 Февраля 1826 г. его повелѣно было „выпустить“: онъ не столько участвовалъ въ тайномъ обществѣ, сколько былъ знакомъ только съ нѣкоторыми изъ членовъ общества, зналъ о его существованіи, но, повидному, не былъ посвященъ въ его намѣренія. Гагаринъ имѣлъ репутацію лихого кавалериста, игрока и дуэлиста. Съ юныхъ лѣтъ онъ старался отличиться разными выходками, о которыхъ ходило не мало рассказовъ. Ему ничего не стоило вызвать кого-нибудь на поединокъ, подставить, шутя, свою грудь подъ выстрѣлъ, или заставить на почтовой станціи какого-то проѣзжаго, подъ пистолетомъ, съѣсть дюжину рябчиковъ, что, какъ говорятъ, дало сюжетъ Загоскину для одной сцены въ его „Юріи Милославскомъ“. Его слабостью въ молодости было желаніе быть вездѣ на первомъ мѣстѣ, въ пожилые годы—стремленіе казаться молодымъ. Въ юности онъ извѣстенъ былъ подъ именемъ „Феденьки“, впоследствии, благодаря полуголой, черепообразной головѣ, рано облысѣвшей—„la tête de mort“. Съ подчиненными офицерами онъ обращался, какъ съ товарищами, и его всегда любили и были ему преданы. Въ молодости масонъ, онъ въ пожилыхъ годахъ показывался на общественныхъ гуляньяхъ въ Варшавѣ съ такими дамами, общество которыхъ признавалось неприличнымъ для русскаго генерала. Выйдя въ отставку, поселился въ Москвѣ, сначала игралъ видную роль въ обществѣ, но съ годами опустился; мало доступный, онъ обратился въ раздражительнаго стараго холостяка, все ругалъ, всѣмъ былъ недоволенъ, сидѣлъ въ халатѣ, единственнымъ удовольствіемъ для него сдѣлалось куреніе трубки. Онъ часто и подолгу живалъ у своей сестры, княгини В. Ф. Вяземской, жены поэта, въ с. Остафьевѣ, близъ Москвы, гдѣ имѣется нѣсколько его портретовъ.

Князь Гагаринъ умеръ 6 Сентября 1863 года, 77 лѣтъ отъ роду.

(Съ миниатюры Волкова 1833 г.; собственность княгини Н. Б. Трубецкой, въ Москвѣ.)

Князь СЕРГѢЙ ФЕДОРОВИЧЪ ГОЛИЦЫНЪ, 1749—1810, сынъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника князя Федора Сергѣевича отъ брака съ графиней Анной Григорьевной Чернышевой, родился 5 Ноября 1749 г.; учился въ кадетскомъ корпусѣ, при чемъ особенно любилъ математику и хорошо зналъ нѣмецкій и французскій языки. Родной племянникъ графа З. Г. Чернышева, женившійся 25 Января 1779 г. на любимой племянницѣ Потемкина, Варварѣ Васильевнѣ Энгельгардт (1757—1815; см. № 7), Голицынъ въ своей служебной карьерѣ имѣлъ сильныхъ покровителей, хотя свѣтлѣйшій и не долюбливалъ князя, отбившаго у него его „улыбочку Вареньку“, влюбившуюся въ Голицына. Начавъ службу въ 1756 г., онъ участвовалъ въ 1-й Турецкой войнѣ и 26 Ноября 1774 г. получилъ орденъ св. Георгія 4 кл., а 22 Сентября 1775 г., будучи подполковникомъ Смоленскаго драгунскаго полка, пожалованъ во флигель-адъютанты; въ 1779 г. произведенъ въ генераль-майоры и принялъ участіе во 2-й Турецкой войнѣ, во время которой особенно отличился въ битвѣ при Мачинѣ, въ 1791 г., при чемъ, 30 Апрѣля этого года, награжденъ орденомъ св. Георгія 2 степени. Произведенный въ 1788 г. въ генераль-поручики, въ 1792 г. получилъ орденъ св. Станислава 1 ст., Бѣлаго орла и св. Александра Невскаго и въ 1794 г.—св. Владиміра 1 ст. Въ царствованіе Павла былъ уволенъ въ отставку и жилъ въ селѣ Козацкомъ, доставшемся ему отъ Потемкина, а затѣмъ поселился въ купленномъ имъ самимъ селѣ Зубриловкѣ, Балашовскаго уѣзда, на Хопрѣ. Зубриловка сдѣлалась любимымъ мѣстомъ пребыванія и его, и его жены; они не щадили средствъ на устройство усадьбы и украшеніе дома-дворца, собрали здѣсь большую бібліотеку и рѣдкія произведенія искусства. Въ настоящее время и роскошная усадьба, и всѣ драгоцѣнности, кромѣ нѣсколькихъ портретовъ, бывшихъ на выставкѣ въ Таврическомъ дворцѣ, погибли во время погрома въ Октябрѣ 1905 года. Со вступленіемъ на престолъ Александра I Голицынъ былъ назначенъ 5 Юня 1801 г. генераль-губернаторомъ въ Ригу и инспекторомъ по инфантеріи въ Лифляндіи, съ производствомъ въ генералы-отъ-инфантеріи; 27 Мая 1802 г. получилъ Андреевскую ленту, а 4 Сентября 1804 г. вышелъ въ отставку; 27 Марта 1809 г. вновь принятъ на службу и назначенъ командиромъ корпуса, двинутаго въ Галицію. 1 Января 1810 г. пожалованъ въ члены Государственнаго Совѣта, извѣстіе о чемъ было получено на другой день послѣ его смерти, послѣдовавшей скоропостижно въ Тарнополь, въ Галиціи, 7 Января; 20 Января тѣло было погребено въ Зубриловкѣ.

Отъ брака съ В. В. Энгельгардт князь С. Ф. Голицынъ имѣлъ 10 сыновей: Григорія (1779—1848), Федора (1781—1826), Сергѣя (1783—1838), Михаила (1784—1807), Захара (1785—1792), Николая (1787—1807), Павла (1788—1837), Александра (1789—1858), Василя (1792—1856) и Владиміра (1794—1861); кромѣ того, онъ имѣлъ еще воспитанника, капитана Таманскаго.

Воспитателемъ сыновей былъ знаменитый Крыловъ, но князь „больше всего заботился о физическомъ образованіи сыновей и желалъ ихъ видѣть молодцами; развитіе же ихъ умственныхъ способностей оставлено было на произволъ судьбы“. Вигель, воспитывавшійся въ домѣ Голицына, такъ характеризуетъ князя: „Небольшого роста, онъ былъ сложенія плотнаго, чрезвычайно полнокровный; одинъ глазъ былъ косою, и онъ имѣлъ обыкновеніе его прищуривать, что придавало ему видъ нѣсколько насмѣшливый; улыбка выражала всегда добродушіе. Кажется, кромѣ военной исторіи и стратегическихъ книгъ, другого чтенія не было; въ хозяйственныя дѣла не мѣшался. Игралъ въ шахматы и всегда побѣждалъ; осень и начало зимы было для него лучшее время: по цѣлымъ онъ днямъ гонялся за зайцами. Склонности его были молодецкія. Смолоду былъ отчаянный игрокъ и часто проигрывался до послѣдней копейки; выигравъ нѣсколько сотъ тысячъ, онъ побѣдилъ свою страсть и пересталъ играть; страсть къ женщинамъ превратилась въ постоянную любовь къ одной. Благородство души неимовѣрное, оно не дозволяло зависти ея коснуться; несправедливость Царя не измѣнила его чувства къ Россіи, и онъ сердечно радовался вѣстямъ изъ Италіи и горевалъ о Цюрихѣ“... Слабости вѣка, однако, не чужды были и князю Голицыну, онъ не прочь былъ приумножить свои богатства средствами въ духѣ того времени: въ 1786 г., когда у вельможъ явилась „мода просить земель“ въ Саратовскомъ намѣстничествѣ, и онъ просилъ П. С. Потемкина, „яко благодѣтеля, всѣхъ оною награждающаго, пошарить по планамъ“ и „побольше и получше ему отвести, коли можно съ рыбными ловлями, ибо, по болѣзни своей, сдѣлалъ обѣщаніе по постамъ не ѣсть мяса, то, слѣдственно, только долженъ буду ѣсть, коли своей не будетъ рыбы, одинъ хлѣбъ“.

(Съ миниатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михайловича.)

Пис. Ф. Лидеръ, 1822 — Peint par F. Lieder, 1822

Александръ Ивановичъ Alexandre Ivanowitch
Чернышевъ, Tchernysheff,
1785 — 1857 1785 — 1857

57

Пис. Волковъ, 1833 — Peint par Volkoff, 1833

Князь Федоръ Федоровичъ Le prince Théodor Féodorowitch
Гагаринъ, Gagarine,
1786 — 1863 1786 — 1863

58

Князь Сергій Федоровичъ Le prince Serge Féodorowitch
Голицынъ, Golitzyne,
1749 — 1810 1749 — 1810

ТЕОФИЛА ИГНАТЪБЕНА ЧЕРНЫШЕВА, 1791—1828, первая жена генераль-адъютанта, впоследствии свѣтлѣйшаго князя, **А. И. Чернышева** (1785—1857), дочь графа Игнатія-Карла Моравскаго, генераль-майора и камергера, 14 лѣтъ отъ роду, 15 Сентября 1805 г., противъ своей воли была выдана родителями замужъ за графа Осипа Старженскаго, но уже въ Юнѣ 1807 г. оставила мужа и вернулась въ семью отца. Причиною развѣзда ея съ мужемъ былъ романъ ея съ княземъ Доминикомъ Радзивилломъ, герцогомъ Олукскимъ, отъ котораго она имѣла сына Александра, родившагося 27 Февраля 1807 г. и непризнаннаго Старженскимъ. О признаніи этого сына, по второму мужу, Радзивилломъ она тщетно хлопотала позднѣе. Разведясь съ Старженскимъ 5 Сентября 1808 г., она повѣнчалась 15 Марта 1809 г. съ княземъ Радзивилломъ (1786—1813), отъ котораго имѣла еще дочь Стефанію (1809—1832), вышедшую замужъ за князя Льва Петровича Витгенштейна. Овдовѣвъ въ 1813 г., княгиня Т. И. Радзивиллъ вступила въ третій бракъ съ А. И. Чернышевымъ, тогда еще молодымъ генераломъ, страстно въ нее влюбившимся. Но и этотъ бракъ былъ недолговѣченъ и окончился разводомъ. Уже въ 1818 г. князь Вяземскій писалъ А. Я. Булгакову изъ Варшавы: „Слухи о разводѣ Чернышевой, вѣроятно, перешли къ вамъ отъ насъ... Ревность и дурачество Чернышева подали поводъ къ этимъ сказкамъ. Онъ отъ Орлова (Алексѣя Федоровича) блѣднѣлъ и краснѣлъ, какъ мѣсяцъ въ небесахъ, и таялъ, какъ свѣча отъ огня. Константинъ Павловичъ (Великій Князь) говорилъ, что онъ видѣлъ вмѣстѣ *le présent, le passé et le futur*, т.-е. Артура Потоцкаго, Чернышева и Орлова. Впрочемъ, будущее это не сдѣлалось еще настоящимъ“. — „Сказки“, однако, скоро оказались дѣйствительностью: въ 1819 г. Чернышева оставила мужа и уѣхала въ Парижъ. Тогда же, вѣроятно, началось и дѣло о ея разводѣ, тянувшееся, впрочемъ, очень долго, какъ видно изъ письма Булгакова по поводу вторичной женитьбы Чернышева. „Бѣдный Чернышевъ“, пишетъ онъ въ 1822 г., „вознаградить себя за все то, что претерпѣлъ отъ сатаны, первой своей жены. Здѣсь уже говорятъ, что она хочетъ свадьбу помѣшати и пріѣхать съ мужемъ мириться“.

Т. И. Чернышева скончалась въ Варшавѣ 14 Сентября 1828 года. Не лишена интереса характеристика ея, которую дѣлаетъ князь Вяземскій въ письмѣ къ Тургеневу: „Нѣтъ на свѣтѣ женщины ея страннѣе, и, узнавши ее покорооче, увѣришься, что она не столько развратна, какъ превратна. Жизнь для нея, какъ кусокъ, котораго никакъ проглотить не можетъ; оттого-то она такъ и морщится, и кривляется. Должно признаться, что приторный Чернышевъ совсѣмъ не по вкусу ей былъ. Здѣшнія женщины не терпятъ петербургскаго умничанья. Имъ нужны сильныя ощущенія, и онѣ скорѣе влюбятся въ палача, чѣмъ мирлифлора или генераль-адъютанта“.

(Съ миниатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михайловича.)

ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСАНДРОВНА ЧЕРНЫШЕВА, 1803—1824, вторая жена генераль-адъютанта, позднее графа и светлейшего князя, А. И. Чернышева, дочь оберъ-шенка князя Александра Михайловича Блосельскаго-Блозерскаго (1752—1809) от второго его брака с Анной Григорьевной Козицкой (1767—1842), родилась 23 Сентября 1803 года. Въ 1822 г. она стала невестой Чернышева, но свадьба состоялась лишь въ слѣдующемъ году, подъ предлогомъ „молодости невесты“, но въ сущности, когда окончательно прекратились юридическія отношенія жениха къ первой его женѣ. 12 Января 1824 г. Е. А. Чернышева скончалась отъ несчастныхъ родовъ. Погребена вмѣстѣ съ мертворожденнымъ ребенкомъ на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

Смерть этой молодой женщины, отличавшейся умомъ, скромностью и добротою, вызвала всеобщее сожалѣніе въ петербургскомъ свѣтѣ. „Il est malheureux, Tchernycheff, en femmes“, писалъ о немъ Булгаковъ по поводу кончины его второй жены, „L'une a fait son malheur en vivant, l'autre en mourant“.

(Съ миниатюры, принадлежащей князю К. Э. Блосельскому-Блозерскому, С.-Петербургъ.)

Княгиня ЕЛИЗАВЕТА НИКОЛАЕВНА ЧЕРНЫШЕВА, 1809—1879, дочь действительнаго статскаго совѣтника графа Николая Ивановича Зотова, женатаго на княжнѣ Еленѣ Алексѣевнѣ Куракиной, была третьей женой А. И. Чернышева, овдовѣвшаго 12 Января 1824 года. Тотчасъ послѣ свадьбы, состоявшейся 16 Сентября 1825 г., Чернышевъ увезъ молодую жену въ Таганрогъ, гдѣ лежалъ уже на смертномъ одрѣ Императоръ Александръ I. Третьей женѣ Чернышева суждено было раздѣлить съ нимъ величіе и почести, выпавшія на его долю при Императорѣ Николаѣ Павловичѣ, возведемъ его въ 1826 г. въ графское, а въ 1841 г. въ княжеское достоинство и пожаловавшемъ ему титулъ свѣтлости въ 1849 году. Пожалованная въ статсъ-дамы 5 Декабря 1837 г., свѣтлѣйшая княгиня Чернышева получила 5 Декабря 1850 г. орденъ св. Екатерины I класса. Будучи женщиной хорошо образованной и высокиихъ достоинствъ, она занимала первенствующее положеніе въ столичномъ обществѣ, такъ строго относившемся къ ея мужу въ началѣ его служебной карьеры. Гостиная ея, въ домѣ нынѣ Балашева, на Малой Морской, считалась одной изъ самыхъ неприступныхъ въ Петербургѣ, а дочерей своихъ она воспитывала и держала, какъ великихъ княжнъ.

Княгиня Е. Н. Чернышева скончалась въ 1879 г., оставивъ сына, князя Льва Александровича (1837—1864), женатаго на Титовой, и трехъ дочерей, изъ коихъ старшая, княжна Елизавета Александровна (1826—1902), была замужемъ за княземъ В. И. Барятинскимъ, вторая, княжна Александра Александровна († 1892 г.), — за княземъ Д. А. Лобановымъ-Ростовскимъ, и третья, княжна Марія (р. 1849 г.), не была замужемъ, фрейлина.

(Съ миниатюры, принадлежащей князю А. А. Куракину, въ С.-Петербургѣ.)

60

Елизавета Александровна
Чернышева,
1803 — 1824

Elisabeth Alexandrowna
Tchernycheff,
1803 — 1824

59

Теофила Игнатъевна
Чернышева,
1791 — 1828

Theophilie Ignatiiewna
Tchernycheff,
1791 — 1828

61

Княгиня Елизавета Николаевна
Чернышева,
1809 — 1879

La Princesse Elisabeth Nikolaevna
Tchernycheff,
1809 — 1879

ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА ДИВОВА, 1762—1813, была дочь гр. Петра-Ионы Александровича Бутурлина; мать ея, гр. Марія Романовна, рожденная графиня Воронцова, старшая сестра кн. Дашковой, известная своими заграничными похождениями красавица. Отъ нея, вѣроятно, и унаслѣдовала Е. П. Дивова, если не внѣшность свою, не отличавшуюся красотой, то свою восторженную, увлекающуюся натуру, легкость нравовъ и любовь къ авантюристической жизни. Будучи фрейлиной Екатерины II, она въ 1784 г. вышла за много ея старшаго по лѣтамъ, бывшаго корнета Конной гвардіи, впоследствии тайнаго совѣтника Адриана Ивановича Дивова († 1814). Въ томъ же году Дивова, вмѣстѣ съ своимъ братомъ и нѣкоторыми другими лицами, была заподозрена въ составленіи сатиры съ карикатурами на многихъ придворныхъ, гдѣ не пощажена была и Императрица. За это Дивовы и Бутурлины были на время удалены изъ столицы, а фрейлина Эльмптъ даже высѣчена. Въ 1792 г. Дивова отправилась съ мужемъ въ Стокгольмъ, куда онъ былъ посланъ для поздравленія Густава IV съ восшествіемъ на престолъ, и въ Петербургѣ ходило много слуховъ объ ея интригахъ при шведскомъ дворѣ, гдѣ, пользуясь своимъ вліяніемъ на очарованнаго ею регента, герцога Зюдерманландскаго, она старалась добиться назначенія мужа посланникомъ. Вернувшись въ Петербургъ, Дивова широко открыла двери своего гостепріимнаго дома на Милліонной стекавшимся въ Петербургъ французскимъ эмигрантамъ, и гостиная ея получила прозваніе: „le petit Coblenze“; въ то же время она сильно увлекалась знаменитымъ теноромъ Мандини и съ другими его великосвѣтскими почитательницами бывала на вечерахъ у его жены, отставной кокетки, на которыхъ Мандини не стѣснялся появляться въ халатѣ. Въ 1798 г. Дивовы, „подъ предлогомъ болѣзни жены“, уѣхали за границу и, проживъ въ Вѣнѣ, Берлинѣ и на водахъ, поселились, въ 1801 г., въ Парижѣ, на Елисейскихъ поляхъ. Очарованная заграничной жизнью и проживая большія деньги, Дивова играла видную роль въ смѣшанномъ Парижскомъ обществѣ первой Имперіи, перезнакомилась съ г-жами Таллейранъ, Жюно и Рекамье и безъ труда проникла ко двору Перваго Консула; подружившись съ Жозефиной Бонапартъ, она была постоянной гостьей въ Мальмезонѣ. Въ Парижѣ ходили странные слухи о Дивовыхъ; говорили, что ими взяты на откупъ у полиціи игорный домъ, приносящій имъ до 500 франковъ дохода въ день, и что они занимались пересылкой контрабанды въ Россію.

Передъ началомъ Отечественной войны Дивовы возвратились въ Россію и поселились въ своемъ домѣ въ Москвѣ, на Б. Дмитровкѣ, рядомъ съ Университетской типографіей, а лѣто проводили въ своемъ имѣніи Соколовѣ (въ 2 в. отъ ст. Химки). Они перенесли съ собой въ Россію всѣ модныя парижскія привычки и, между прочимъ, принимали утреннихъ посѣтителей, лежа на двуспальной кровати, оба, мужъ и жена, въ высокихъ ночныхъ чепцахъ съ розовыми бантами. Передъ сдачей Москвы французамъ Дивовы бѣжали въ Нижній Новгородъ; тамъ Елизавета Петровна заболѣла и впала въ умопомѣшательство, отчасти отъ долгой неизвѣстности о любимомъ своемъ сынѣ „Коко“, находившемся въ дѣйствующей арміи. Перевезенная въ Москву въ сопровожденіи доктора Мудрова, котораго преданные разореннымъ Дивовымъ крѣпостные на свой счетъ выписали къ больной, Дивова скончалась весной 1813 г. и похоронена, какъ и мужъ ея, въ с. Соколовѣ, оставивъ послѣ себя трехъ сыновей: Петра, Николая и Александра.

Данный Дивовой теноромъ Мандини девизъ „Sempre razza“ (всегда сумасшедшая), которымъ она очень гордилась, какъ нельзя болѣе подходилъ къ ея оригинальной личности. Взбалмошная и сумасбродная, свѣтская женщина и большая интригантка, она была эксцентрична и вспыльчива до крайности, въ припадкѣ гнѣва доходила до того, что разъ бросила своему младшему сыну, котораго ненавидѣла, упрекъ въ незаконности его рожденія, что такъ подѣйствовало на него, что онъ отказался отъ свѣта и перешелъ въ католичество. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще не напечатанъ интересный „Дневникъ“, веденный Дивовой во время пребыванія за границей, въ которомъ, въ нѣсколькихъ строкахъ, ею ярко очерчено ея собственное міросозерцаніе. „Много денегъ“, откровенно говоритъ она, „хорошее здоровье, холодный разсудокъ, сердце, менѣе чувствительное, чѣмъ то, которое дано намъ, бѣднымъ смертнымъ, немного эгоизма и французскаго легкомыслія, при всемъ этомъ никогда не покидать Парижа—вотъ что нужно, по-моему, для полнаго счастья на землѣ“.

(Съ миниатюры, принадлежащей князю А. А. Куракину, въ С.-Петербургѣ.)

АЛЕКСАНДРЪ СЕМЕНОВИЧЪ ВАСИЛЬЧИКОВЪ, 174. — 1803, сынъ Семена Григорьевича и Маріи Богдановны, рожденной Жадовской, происходилъ изъ древней Московской дворянской фамиліи, гордившейся тѣмъ, что изъ нея вышла одна изъ супругъ царя Ивана Васильевича Грознаго, Анна Григорьевна Васильчикова (монахиня Дарія, † 7 Января 1626 г.). А. С. Васильчиковъ, корнетъ (съ 19 Апрѣля 1765 г., изъ вахмистровъ) Конной гвардіи, весной и лѣтомъ 1772 г. часто бывалъ въ караулахъ въ Царскомъ Селѣ. Екатерина замѣчала уже давно охлажденіе къ себѣ графа Г. Г. Орлова, находившагося въ это время на Фокшанскомъ конгрессѣ; оскорбленная въ своихъ лучшихъ чувствахъ, Императрица обратила благосклонное вниманіе на молодого, красиваго корнета, котораго взяли подъ свое покровительство Панины, Чернышевъ и князь Барятинскій. Васильчиковъ и самъ старался заслужить милость Екатерины, и скоро получилъ золотую табакерку „за содержаніе карауловъ“; послѣдовалъ еще рядъ подарковъ и повышеній. Васильчиковъ пожалованъ былъ въ камеръ-юнкеры (1 Августа 1772 г.), затѣмъ въ камергеры (2 Сентября), получилъ Александровскую ленту и занялъ во дворцѣ комнаты, въ которыхъ жилъ Орловъ, при чемъ изъ опасенія возможности возвращенія бывшаго фаворита, извѣстнаго своей силой и смѣлостью, къ дверямъ его помѣщенія былъ поставленъ караулъ. Перемена эта, въ то время еще совсѣмъ необычная, взволновала всѣ сферы, начиная съ высшихъ круговъ и дипломатическаго корпуса и кончая штатомъ низшей придворной прислуги: „лакеи и горничныя Императрицы были озабочены и недовольны, ибо любили Орлова, и онъ имъ покровительствовалъ“, писалъ германскій посоль, а Фридрихъ II рекомендовалъ ему самому „заикивать дружбу у новаго любимца“. Сравнительно безкорыстный, скромный и любезный, Васильчиковъ мало пользовался своимъ положеніемъ и вліяніемъ, многимъ помогалъ, но никому не вредилъ. Екатерина хвалила его умѣренность и сама награждала его: ему подарено было 100/т. руб., на 50/т. драгоценностей, серебряный сервизъ, 7/т. душъ крестьянъ; наконецъ, для него купленъ былъ домъ Глазатова, на Дворцовой площади, и великолѣпно отдѣлывался, но не былъ еще готовъ, когда Васильчиковъ уже удалился отъ двора (домъ купленъ у него въ казну за 100/т. руб.). Хорошее воспитаніе, добрый характеръ, совѣты руководителей, которымъ слѣдовалъ Васильчиковъ, не могли, однако, возмѣстить недостатокъ ума и природныхъ дарованій. Императрица чувствовала около себя пустоту, и „скуднѣйшій гражданинъ въ мірѣ“, какъ она называла Васильчикова, съ трудомъ удержался въ милости въ теченіе 22-хъ мѣсяцевъ.

1 Марта 1774 г. генераль-адъютантомъ назначенъ былъ Потемкинъ. 20 Марта Фонъ-Визинъ писалъ Обрѣзкову: „Здѣсь у двора примѣчательно только то, что камергеръ Васильчиковъ высланъ изъ дворца, и генераль-поручикъ Потемкинъ пожалованъ генераль-адъютантомъ“, а сэръ Р. Гунингъ 4 Марта пророчески доносилъ: „Васильчиковъ, способности котораго были слишкомъ ограничены для пріобрѣтенія вліянія въ дѣлахъ и довѣрія Государыни, теперь замѣненъ челоукомъ, обладающимъ всеми задатками, чтобы овладѣть тѣмъ и другимъ“. Получивъ при удаленіи пенсію въ 20/т. руб., 50/т. на устройство дома въ Москвѣ, сервизъ, бѣлье и посуду, Васильчиковъ писалъ Императрицѣ: „Всемиловѣйшая Государыня! Переѣзжая сегодняшній день къ брату моему жить, позвольте мнѣ принести всеподданнѣйшую мою благодарность“. Васильчиковъ съ того времени поселился въ Москвѣ (на Моховой, близъ Румянцевскаго музея), гдѣ жилъ братъ его В. С. Васильчиковъ († 1801); женатый на графинѣ Аннѣ Григорьевнѣ Разумовской (въ монашествѣ Агніа). 14 Юля 1774 г. Екатерина II писала Гримму: „Je me suis éloignée de certain excellent, mais très ennuieux citoyen“. По словамъ Н. Г. Левшина, въ годъ его смерти, въ 1803 г., Васильчиковъ казался уже очень дряхлымъ: „небольшой челоучекъ, сухощавый и слабый, все сидѣть бывало въ большомъ креслѣ, не двигаясь съ мѣста“; надо было пройти цѣлый рядъ роскошныхъ комнатъ, и „въ самой отдаленной, небольшой комнатѣ, сидѣлъ самъ хозяинъ въ бархатномъ халатѣ, темнозеленомъ, на манеръ старинной боярской шубы, опушенномъ соболями, при двухъ звѣздахъ непременно“.

(Съ миниатюры, принадлежащей М. А. Васильчиковой, с. Кораллово, Московской губ.)

ЮГАННЪ-САМУИЛЪ (Иванъ Самойловичъ) РОДЖЕРСОНЪ, 1741—1843, шотландецъ, получилъ дипломъ въ Единбургскомъ университетѣ въ 1765 г. Въ слѣдующемъ году держалъ экзамень въ Петербургской медицинскій коллегіи и, проэкзаменованный такими же иностранцами, барономъ Ашемъ, Пеккеномъ и Линдеманомъ, получилъ, 5 Сентября 1766 г., дипломъ на право практики въ Россіи. Началомъ своей извѣстности при дворѣ Роджерсонъ обязанъ княгинѣ Дашковой: онъ вылѣчилъ ея сына отъ дифтерита. 18 Февраля 1769 г. онъ былъ пожалованъ придворнымъ докторомъ. Екатерина II не вѣрила докторамъ, „такъ какъ читала Мольера“. Шутила она и надъ Роджерсономъ и часто ему говорила: „Лѣкарство помѣшаетъ моимъ занятіямъ; довольно и того, что я посмотрю на тебя“. Пользуясь желѣзнымъ здоровьемъ, она смотрѣла на него скорѣе, какъ на преданнаго ей человѣка, забавляясь его безцеремонными выходками. Убѣдивъ Императрицу принять какое-то лѣкарство, онъ хлопнулъ ее по плечу, вскричавъ: „Bravo, bravo, Madame!“ Этотъ длинный, въ парикѣ съ кошелькомъ, сухощавый шотландецъ, съ краснымъ лицомъ, вспыльчивый и раздражительный, съ неловкими манерами, но тонкій въ обращеніи, былъ всею душою преданъ Екатеринѣ. Это подало поводъ многимъ современникамъ утверждать, что онъ примѣнялъ свои медицинскія познанія не только при пусканіи крови Императрицѣ, но и въ дѣлѣ выбора фаворитовъ. Благосклонность Императрицы и предполагаемое, больше чѣмъ дѣйствительное, искусство его открыли ему всѣ двери, и онъ лѣчилъ весь городъ. Екатерина писала по поводу смерти фельдмаршала князя Голицына: „Мнѣ кажется, кто Роджерсону ни попадетъ въ руки, тотъ уже мертвый человѣкъ“. Екатерининскіе вельможи любили потѣшаться надъ чудачкомъ англичаниномъ: страстно любя крупную игру въ вистъ, онъ игралъ плохо, ссорился съ партнерами, упрекая ихъ, что они портятъ ему пищевареніе. Безбородко однажды приказалъ стрѣлять изъ пушекъ всякій разъ, какъ только Роджерсонъ сдѣлаетъ ренонсъ, что его очень разсердило. Главной слабостью Роджерсона было пристрастіе къ политикѣ; также любилъ онъ всякія новости, сплетни и пересуды, зналъ все, что происходило въ каждомъ домѣ, и сама Екатерина говорила про него, что онъ ходитъ въ Эрмитажъ „собирать вѣсти“. Все это не мѣшало Роджерсону имѣть много искреннихъ друзей, каковы Завадовскій, Ростовчинъ, Кочубей и графъ С. Р. Воронцовъ. Служа посредникомъ въ перепискѣ Воронцова съ его петербургскими друзьями, Роджерсонъ самъ въ своихъ письмахъ даетъ замѣчательную по вѣрности картину современнаго положенія Россіи, которую любилъ не менѣе своего отечества.

Съ пріѣздомъ въ Петербургъ доктора Вейкарта, пущеннаго въ ходъ Григоріемъ Орловымъ, положеніе Роджерсона чуть было не поколебалось; узнавъ, что Вейкартъ получилъ небывалый еще въ Россіи титулъ камеръ-медика, Роджерсонъ отпросился въ отпускъ и уѣхалъ изъ Царскаго. Въ это время заболѣлъ Ланской; врачи, съ Вейкартомъ во главѣ, не могли его спасти, и Екатерина послала за Роджерсономъ, чтобы дать больному „Джемсовы порошки, которыхъ нѣмецкіе доктора не умѣли давать“. Въ ту же ночь, съ 24 на 25 Юня 1784 г., Ланской скончался, и Роджерсонъ отложилъ свой отъѣздъ, такъ какъ заболѣвшая съ горя Императрица не желала видѣть другихъ врачей. Въ слѣдующемъ году онъ посѣтилъ Англію, Парижъ и Вѣну. 5 Ноября 1796 г. Роджерсонъ первымъ изъ врачей пріѣхалъ во дворецъ къ умиравшей Екатеринѣ, пустилъ ей кровь, но тутъ же сказалъ, что „ударъ былъ въ голову и смертельный“. На коронацію Павла I Роджерсонъ получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и оставался въ Россіи все царствованіе Павла и первую половину царствованія Александра I. Продолжая пользоваться членовъ Царской семьи, онъ лѣчилъ только друзей, часто ѣздивъ въ свои Бѣлорусскія деревни, гдѣ ему было пожаловано 1600 душъ, и самъ управлялъ своими имѣніями. Послѣ 1816 г., пустивъ въ ходъ своего соотечественника Виллье, Роджерсонъ покинулъ Россію и поселился въ своемъ помѣстьѣ на границѣ Шотландіи, гдѣ и скончался, въ глубокой старости, въ 1843 году. Извѣстно, что сынъ его былъ военнымъ врачомъ въ Плимутѣ и пользовался хорошей репутаціей.

(Съ миниатюры, принадлежащей князю А. А. Куракину, С.-Петербургъ.)

62

Елизавета Петровна
Дивова,
1762 — 1813

Elisabeth Pétrowna
Divoff,
1762 — 1813

63

Александръ Семеновичъ
Васильчиковъ,
174. — 1803

Alexandre Sémenowitch
Vassiltchikoff,
174. — 1803

64

Юаннъ-Самуилъ
Роджерсонъ,
1741 — 1843

John-Samuel
Rogerson,
1741 — 1843

Графиня ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА РАЗУМОВСКАЯ, 1729—1771, родилась 11 Мая 1729 года. По отцу своему, флота капитану Ивану Львовичу Нарышкину (1700—1734), родному племяннику Царицы Натальи Кирилловны, она приходилась троюродною сестрою Императрицъ Елисаветъ Петровнѣ. Мать ея, Дарья Кирилловна, рожденная Нарышкина же (р. 1709), скончалась, когда ей едва минулъ годъ, а четыре года спустя, скончался и отецъ, поручивъ свою единственную дочь брату своему Александру Львовичу, въ семьѣ котораго она и воспитывалась, пока Елисавета Петровна, будучи еще Царевною, не взяла ее къ себѣ во фрейлины. Вступивъ на престолъ и всячески стараясь возвеличить Разумовскихъ, Императрица Елисавета рада была случаю сосватать свою близкую родственницу и притомъ богатѣйшую невѣсту въ Россіи за графа Разумовскаго, брата своего любимца. Обрученіе состоялось 29 Іюня 1746 г., а свадьба была отпразднована три мѣсяца спустя, 27 Октября, во дворцѣ, въ присутствіи Императрицы, „знатнѣйшихъ обоюга пола особъ“ и чужестранныхъ пословъ, съ величайшею торжественностью и почти царскими почестями для молодыхъ. На другой день послѣ свадьбы графиня Екатерина Ивановна объявлена была статсъ-дамою, съ пожалованіемъ „пребогатаго портрета“.

Графиня Е. И. Разумовская принесла своему мужу половину громаднаго нарышкинскаго состоянія, до 44.000 душъ крестьянъ, съ огромными Пензенскими вотчинами, подмосковными Петровскимъ-Разумовскимъ и Троицкимъ-Лыковымъ, а въ самой Москвѣ—цѣлый кварталъ, извѣстный Романовъ Дворъ. Рядная запись ея перечисляетъ до 50 сундуковъ и ларцевъ, окованныхъ желѣзомъ, обитыхъ перстью, бархатомъ и штофомъ, съ драгоценностями, серебромъ, мѣхами, полотномъ и парчею, книгами и гравюрами, обоями, серебряными и мѣдными деньгами, конскимъ уборомъ, сѣдлами и „паперстями“ и самыми разнообразными и куріозными предметами, какъ-то: „мѣдный рогъ для глухого человѣка“, „три камня морскіе и палочка каменная“ и „лента бѣлая, на которой надписана мѣра Господа нашего Іисуса Христа“.

По восшествіи своемъ на престолъ, Екатерина II, удостоивъ Разумовскихъ своимъ посѣщеніемъ, 25 Іюля 1762 г., „передъ ужиномъ“ возложила на графиню Екатерининскую ленту. Но скоро произошло охлажденіе; будучи недовольна гетманствомъ Разумовскаго, Императрица стала недовѣрчиво относиться не только къ нему, но и къ его женѣ. Узнавъ, что гетманша собирается изъ Глухова въ Петербургъ, Императрица чрезъ курьеровъ справляется, „народный ли это слухъ, или отъ вѣрныхъ людей слышано“, и придирается къ путешествію графини. Она пишетъ А. В. Олсуфьеву: „Сказываютъ, что лошадей по ста на станціяхъ безденежно брала, и будто два гренадера и сержантъ, которые вездѣ предъ ней шествовали, чуть не до смерти въ Яжелбцахъ ямщика избили, и если то такъ, то велѣть курьеру, чтобы совѣтовалъ обиженнымъ мнѣ подать челобитенъ“...

Хотя, по свидѣтельству „Записокъ“ Екатерины, графъ Разумовскій и не по своей охотѣ женился, „но, казалось, они хорошо жили“, добавляетъ она. Однако, согласіе это часто, особенно въ послѣдніе годы жизни графини, нарушалось изъ-за любовныхъ похожденій фельдмаршала и разногласій въ дѣлѣ воспитанія дѣтей, которыхъ она очень баловала. Оставаясь всегда „вѣрною супругой, попечительной матерью, доброй родственницей и кроткой госпожей въ домѣ“, графиня Разумовская скончалась въ Петербургѣ 22 Іюля 1771 г. и похоронена въ Благовѣщенской церкви Александро-Невской лавры, рядомъ съ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Разумовскимъ. По семейному преданію, у гроба ея, какъ родственницы покойной Императрицы, дежурили камергеры и придворныя дамы.

Кромѣ 6 сыновей, графовъ Алексѣя, Петра, Андрея, Ивана, Льва и Григорія, графиня Разумовская имѣла 5 дочерей, изъ коихъ одна лишь, Дарья, умерла въ младенчествѣ, а остальные были въ замужествѣ: Наталія—за Н. А. Загряжскимъ, Елисавета—за графомъ П. Апраксинымъ, Анна (въ монашествѣ Агніа)—за В. С. Васильчиковымъ, и Прасковья—за графомъ И. В. Гудовичемъ.

(Съ портрета, принадлежащаго князьямъ Голицынымъ, с. Никольское, Московской губ.)

Графиня СОФІЯ ОСИПОВНА АПРАКСИНА, 174.—18., дочь простого казака, позднѣ генеральнаго обознаго, Осипа Лукьяновича Закревскаго, женатаго съ 1739 г. на Аннѣ Григорьевнѣ Разумовской († 1758), была родной племянницей графовъ А. и К. Разумовскихъ. Императрица Елисавета Петровна пожаловала ее во фрейлины и въ 1759 г. выдала замужъ за поручика Конной гвардіи графа Николая Федоровича Апраксина. На дядю, графа Кирилла Григорьевича, она приобрѣла большое вліяніе и, по смерти его жены, переѣхала къ нему въ домъ, гдѣ и прожила болѣе 30 лѣтъ. Красивая, умная и хитрая, въ то же время властолюбивая, скупая и жадная, она, пользуясь добродушіемъ и безхарактерностью старика гетмана, скоро стала полною хозяйкою въ его домъ и не покидала графа К. Г. Разумовскаго до самой смерти, слѣдуя за нимъ изъ Петербурга въ Москву и изъ Москвы въ Батуринь.

Хотя и прикрываемое близкимъ родствомъ, положеніе графини Апраксиной въ домъ фельдмаршала было крайне двусмысленно и отдалило отъ него его дѣтей, особенно взрослыхъ дочерей, съ которыми она стала открыто во враждебныя отношенія, возбуждая противъ нихъ отца. Бѣгство съ дежурства изъ дворца его любимой дочери, фрейлины графини Елизаветы Кирилловны, къ графу П. Ф. Апраксину, свояку графини Софін Осиповны, послѣдствія этой связи и затѣмъ, по приказанію Императрицы, ея бракъ съ Апраксинимъ, человекомъ женатымъ и весьма плохой репутаціи, еще болѣе обострили эти отношенія. Младшая дочь фельдмаршала, Прасковья, противъ ея воли выдана была замужъ за графа И. В. Гудовича, къ брату котораго, Михаилу Васильевичу, Софія Осиповна особенно благоволила. Одинъ лишь любимецъ отца, графъ Андрей Кирилловичъ Разумовскій, вѣчно нуждавшійся въ деньгахъ, иногда занкивалъ, хотя и безуспѣшно, у своей всемогущей двоюродной сестры. „Сколько я папеньку ни просила“, писала Апраксина ему въ 1777 г., „но онъ вовсе отказался,—говорить, что онъ не въ состояніи никакой помочи дать, что самъ въ нуждѣ, и долги надо платить. Не повѣришь, какъ мнѣ досадно! Я ему напоминала, что онъ прежде тебѣ общалъ, а теперь отказывается. Онъ и на меня сердится, и Михайла Васильевичъ былъ тому свидѣтелемъ, сколько я его мучила, но никакого успѣха не получила“.... Графиня и ея пріятель Гудовичъ вообще очень заботились о сокращеніи расходовъ не въ мѣру щедрого и расточительнаго старика, привыкшаго жить по-царски, хлопотали о надзорѣ за управителями, о сокращеніи громадной батуринской дворни. Въ 1796 г. Разумовскаго посѣтилъ въ Яготинѣ старый его другъ графъ Сиверсъ, и принять былъ тамъ „съ истинной сердечностью“. „Удовольствіе мое съ нимъ свидѣться“, писалъ Сиверсъ дочери, „было сильно помрачено жалкимъ состояніемъ его здоровья. Онъ страдаетъ одышкою и очень ослабѣлъ. При немъ не было никого изъ его сыновей и дочерей, но находилась старая его подруга, вдовствующая графиня Апраксина, и генераль-майоръ Гудовичъ“....

М. В. Гудовичъ находился при Софін Осиповнѣ въ Батуринѣ и 9 Января 1803 г., когда скончался графъ К. Г. Разумовскій. Они, кажется, по-своему распорядились оставшимся послѣ него наличнымъ имуществомъ; по крайней мѣрѣ графъ Андрей Кирилловичъ открыто подозрѣвалъ ихъ въ неблаговидныхъ поступкахъ. Свѣдѣній о позднѣйшей жизни Апраксиной, равно датъ ея рожденія и смерти, намъ найти не удалось.

Крайне неелестно отзываясь о графинѣ С. О. Апраксиной прямодушная и самостоятельная въ своихъ сужденіяхъ Наталія Кирилловна Загряжская. „Изъ всѣхъ семейныхъ исторій“, пишетъ она брату, „самая крупная—это исторія Софьи. Она до того возмутительна, что у меня едва хватаетъ духа говорить о ней. Никогда женщина эта не была наглѣе, безстыднѣе и въ болѣе открытыхъ отношеніяхъ кое къ кому, и никогда ее лучше не принимали, болѣе не ласкали, усерднѣе за нею не ухаживали. Потемкинъ ей другъ; Корсаковъ приглашаетъ ее на свои концерты, куда обыкновенно зовутъ самыхъ приближенныхъ. Она бываетъ на маленькихъ балахъ у Государыни и вскорѣ, я въ этомъ убѣждена, будетъ постоянно приглашаема ко двору. Напрасно ищешь всему этому причины—развѣ аналогія вкусовъ.... Каждый разъ, когда подумаю объ этой женщинѣ, мнѣ приходятъ на умъ стихи изъ Федры:

„Dieux, qui la connaissez,

„Est-ce donc la vertu que vous récompensez?“

Графиня С. О. Апраксина имѣла двоихъ сыновей: Иполита (р. 23 Ноября 1771 г., † 21 Февраля 1774 г.) и Ореста (р. 13 Января 1774 г.; жилъ 18 дней)—погребены въ Александро-Невской лаврѣ, и дочь, графиню Вѣру Николаевну († 1845 г.), бывшую въ замужествѣ за графомъ П. В. Завадовскимъ.

(Съ пастели Шмидта; собственность П. И. Щукина, въ Москвѣ.)

Графиня Екатерина Ивановна
Разумовская,
1729 — 1771

La comtesse Catherine Ivanovna
Razoumowsky,
1729 — 1771

Пис. Шмидтъ — Peint par Schmidt

Графиня Софія Осиповна
Апраксина,
174. — 18 ..

La comtesse Sophie Ossipowna
Apraxine,
174. — 18 ..

АНАСТАСІЯ ВАСИЛЬЕВНА ЯКУШКИНА, 1806—1846, дочь Василя Петровича Шереметева (1765—1808) отъ брака съ Надеждой Николаевной Тютчевой (1775—1850), родилась 1 Сентября 1806 года; 16-и лѣтъ, въ концѣ 1822 г., она вышла замужъ за отставного капитана Ивана Дмитриевича Якушкина (р. 1793, † 1857), дѣятельнаго члена тайнаго общества. Черезъ годъ, который молодые прожили въ подмосковной Н. Н. Шереметевой, у нихъ родился сынъ Вячеславъ, а въ началѣ 1826 г., когда Якушкинъ былъ арестованъ и сидѣлъ въ крѣпости, — второй сынъ, Евгений. Признанный виновнымъ въ томъ, что „умышлялъ на цареубійство собственнымъ вызовомъ и участвовалъ въ умыслѣ бунта“, Якушкинъ былъ приговоренъ къ ссылке въ каторжныя работы. Во время заключенія его въ крѣпости, жена, съ матерью и дѣтьми, пріѣхала въ Петербургъ и сначала нашла возможнымъ доставить мужу письмо, извѣщавшее его о рожденіи второго сына, а затѣмъ имъ были разрѣшены свиданія, что очень поддерживало духъ заключеннаго. Когда, послѣ приговора, Якушкина отправили въ Финляндію, теща и жена встрѣтили его на станціи въ Парголовѣ, и тутъ, пишетъ Якушкинъ, „было положено, что жена съ дѣтьми послѣдуетъ за мной въ Сибирь, и матушка собиралась проводить ее; послѣ всѣхъ тревогъ, нами пережитыхъ, такая будущность намъ улыбалась“. Въ концѣ 1827 г. Якушкина отправили въ Сибирь, и въ Ярославлѣ онъ свидѣлся съ женой; такъ какъ ей не позволяли взять съ собой въ Сибирь дѣтей, Якушкинъ взялъ съ жены слово „ни въ какомъ случаѣ не разлучаться съ сыновьями“, ибо, говоритъ онъ, „для малолѣтнихъ нашихъ дѣтей попеченіе матери было необходимо; къ тому же я былъ убѣжденъ, что, несмотря на молодость жены моей, только она одна могла дать истинное направленіе воспитанію нашихъ сыновей, какъ я понималъ его“. На первой станціи за Ярославлемъ А. В. Якушкина простилась съ мужемъ навѣки. Черезъ годъ, послѣ усиленныхъ просьбъ, удалось добиться разрѣшенія ѣхать въ Сибирь. Мать Якушкиной обратилась за помощію къ В. А. Жуковскому, и онъ, 22 Января 1828 г., посылая письмо Н. Н. Шереметевой князю А. Н. Голицыну, просилъ его „прочитать это письмо: оно писано тещею несчастнаго Якушкина, которая желаетъ знать, можетъ ли ея дочь вмѣстѣ съ дѣтьми поѣхать къ мужу изгнаннику. Благоволите взять на себя трудъ сказать мнѣ, можно ли надѣяться получить позволеніе, и какое для этого средство?хлопочу за другихъ, и знаю, что такого рода хлопоты Вамъ не могутъ быть неприятными“. 3 Февраля графъ Дибичъ сообщилъ Жуковскому, что „Государь Императоръ отозваться соизволилъ, что исполненіе сего желанія ей не возбраняется, но Его Величеству благоугодно было, дабы ей поставлено было на видъ, что въ мѣстѣ пребыванія мужа своего не найдетъ она никакихъ способовъ къ воспитанію дѣтей, и нужно ей предварительно размыслить о всѣхъ послѣдствіяхъ своего предпріятія, дабы избѣгнуть поздняго и бесполезнаго раскаянія“. Тѣмъ не менѣе, Якушкина хотѣла воспользоваться разрѣшеніемъ, но не могла выѣхать тотчасъ „по нездоровью маленькаго“, когда же лѣтомъ собралась ѣхать, разрѣшеніе было взято обратно, при чемъ графъ Бенкендорфъ откровенно сознавался, что, если бы она выѣхала въ свое время, то „ее, конечно, не вернули бы назадъ“. Въ 1832 г. Якушкина сдѣлала послѣднюю попытку добиться позволенія ѣхать въ Сибирь къ мужу, но разрѣшенія не послѣдовало, а мужъ, узнавъ о ея хлопотахъ, вновь „убѣдительно просилъ ее ни подъ какимъ предлогомъ не разлучаться съ дѣтьми своими“. А. В. Якушкина скончалась въ Мартѣ 1846 г., больше чѣмъ за 10 лѣтъ до возвращенія мужа изъ ссылки.

„Записки“ И. Д. Якушкина, впервые напечатанныя въ Россіи въ 1905 г., быстро разошлись въ трехъ изданіяхъ; къ книгѣ приложено 5 портрета автора, поэтому появленіе изображенія его супруги является не лишнимъ.

(Съ миниатюры, принадлежащей В. Е. Якушкину, въ Москвѣ.)

ИВАНЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ФОНЪ-ВИЗИНЪ, 1790 — 1855, племянникъ писателя Д. И. Фонъ-Визина, автора „Недоросля“, сынъ его младшаго брата Александра, женатаго на своей двоюродной сестрѣ Екатеринѣ Михайловнѣ, родился 28 Августа 1790 г.; такъ какъ бракъ могъ быть признанъ незаконнымъ, отецъ поспѣшилъ помѣстить сыновей на службу, и уже въ 1801 г. Фонъ-Визинъ былъ подпрапорщикомъ въ Преображенскомъ полку; въ 1806 г. произведенъ въ прапорщики и участвовалъ въ 1807 г. въ сраженіи при Гейльсбергѣ. Въ началѣ 1810 г. по болѣзни вышелъ въ отставку, а въ Мартѣ 1812 г. вновь принять на службу и 5 Апрѣля назначенъ въ свиту Его Величества по квартирмейстерской части. Въ Отечественную войну участвовалъ во многихъ дѣлахъ: при Красномъ, подъ Смоленскомъ, при Бородинѣ, Тарутинѣ и Маломъ-Ярославцѣ, при чемъ награжденъ орд. св. Анны 2 ст. и произведенъ въ штабъ-капитаны. Въ кампанію 1813 г. былъ въ бояхъ при Бауценѣ, Кацбахѣ и за Лейпцигъ получилъ орд. св. Владиміра 4 ст. и прусскій — „*pour le mérite*“, въ 1814 г. участвовалъ въ дѣлахъ при С.-Дизье, Шато-Бриеннѣ и др.; 14 Августа 1813 г. произведенъ въ капитаны, въ 1814 г. — въ подполковники и 1 Января 1817 г. — въ полковники. По возвращеніи изъ Франціи служилъ во Владимірѣ оберъ-квартирмейстеромъ 2-й арміи. 21 Января 1821 г. вышелъ въ отставку и, женившись 17 Апрѣля на Евдокіи Федоровнѣ Пущиной, поселился въ деревнѣ, „всею душою посвятивъ себя единственно семейственной и домашней жизни“. Даже въ Москву онъ пріѣзжалъ только разъ за всѣ 5 лѣтъ для родовъ жены. Привлеченный къ дѣлу декабристовъ, онъ былъ арестованъ 20 Января 1826 г., при чемъ его вѣрно было „посадить и содержать строго, по усмотрѣнію“. По показанію И. А. Фонъ-Визина, онъ принять былъ въ 1818 г. въ Союзъ Благоденствія, будучи убѣжденъ, что „общество сіе могло принести великую пользу отечеству“, при чемъ цѣлью своей дѣятельности ставилъ „распространеніе просвѣщенія, учрежденіе новыхъ школъ и замѣну прежнихъ методовъ обученія новыми и лучшими“; „сокровенныя цѣли“ общества ему не были извѣстны, притомъ съ 1821 г., рѣшившись жениться, онъ порвалъ всѣ связи съ тайнымъ обществомъ и даже не зналъ о его существованіи. Черезъ 2 мѣсяца послѣ ареста Фонъ-Визинъ былъ выпущенъ, по приказанію Государя, и отданъ подъ надзоръ полиціи. Самъ человекъ богатый, владѣлецъ 1000 душъ, послѣ ссылки въ Сибирь старшаго брата Михаила, онъ наследовалъ юридически и все имѣніе послѣдняго, до 2/3 душъ, но этого имѣнія онъ не считалъ своимъ. Въ Іюнѣ 1852 г. И. А. Фонъ-Визину было разрѣшено свиданіе съ братомъ, и онъ, въ сопровожденіи жившей у него сестры покойной жены, Екатерины Федоровны Пущиной, пріѣхалъ въ Tobольскъ, гдѣ и пробылъ 6 недѣль. Вернувшись изъ путешествія, онъ сталъ хворать и сдѣлалъ завѣщаніе, которымъ все имѣніе, за смертью племянниковъ, передавалъ женѣ брата, Наталіи Дмитріевнѣ, выдѣливъ только около 300 душъ въ пожизненное владѣніе Е. Ф. Пущиной. Весной 1853 г. декабристъ М. А. Фонъ-Визинъ пріѣхалъ въ Москву для свиданія съ больнымъ братомъ, но не засталъ уже его въ живыхъ. И. А. Фонъ-Визинъ умеръ въ Москвѣ 6 Апрѣля 1853 г. и похороненъ въ своемъ с. Марьинѣ, Бронницкаго уѣзда, въ 50 верстахъ отъ Москвы, гдѣ постоянно жилъ.

Былъ женатъ (съ 17 Апрѣля 1821 г.) на Евдокіи Федоровнѣ Пущиной, отъ которой имѣлъ одного сына Александра (р. 1824 г., † 1859 г.). вмѣстѣ съ нимъ онъ воспитывалъ и сыновей старшаго брата, Дмитрія и Михаила, избалованныхъ въ дѣтствѣ сентиментальной и экзальтированной бабушкой Маріей Павловной Апухтиной, вышедшихъ неособенно удачными людьми и рано умершихъ (въ 1850 и 1851 гг.).

(Съ миниатюры Изабѣ 1818 г., находящейся въ Историческомъ музеѣ, въ Москвѣ.)

ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА НАРЫШКИНА, 1801—1867, дочь героя Отечественной войны графа П. П. Коновницына отъ брака съ Анной Ивановной Римской-Корсаковой, родилась 1 Апрѣля 1801 г.; старшая изъ дѣтей и единственная дочь, любимица отца, получила заботливое воспитаніе, знала музыку и имѣла прекрасный голосъ. Выросшая въ деревенской тиши, въ с. Кіаровѣ, Гдовскаго уѣзда, „Лиза“ уже въ дѣтствѣ была симпатична, въ 12 лѣтъ ее находили „хорошенькой и граціозной и *qu'elle a une jolie tournure*, не хуже городскихъ“. Въ 1823 г. графиня Е. П. Коновницына вышла замужъ за полковника Тарутинскаго полка Михаила Михайловича Нарышкина (р. 4 Февр. 1798 г.), родного брата М. М. Тучковой, впоследствии основательницы Бородинскаго монастыря. Нарышкинъ былъ членомъ тайнаго общества, въ которомъ участвовали и двое изъ братьевъ Коновницыныхъ. Признанный виновнымъ „въ знаніи объ умыслѣ на цареубійство и въ участіи въ умыслѣ бунта“, Нарышкинъ былъ сосланъ въ каторжныя работы, и жена, только-что лишившаяся единственнаго ребенка-дочери († 1826), рѣшилась слѣдовать за мужемъ въ Сибирь. Энергичная мать, графиня А. П. Коновницына, добилась разрѣшенія Государя, который писалъ: „*L'op me tourmente de tous côtés—ce matin Mme Kopovnitzyne est presque entrée dans ma chambre*“. Въ Маѣ 1827 г. Нарышкина уже была въ Читѣ; увидѣвъ мужа въ оковахъ, она упала въ обморокъ. Ей не легко было переносить лишенія ссылки: хрупкая, нервная, Нарышкина часто хворала, и мужъ, человекъ въ высокой степени симпатичный, мягкій и добрый, трогательно ухаживалъ за своей болѣзненной женой. Въ Петровскомъ заводѣ она заболѣла „простудной горячкой“ и, только благодаря заботамъ мужа и извѣстнаго доктора Вольфа, оправилась. Однообразная жизнь въ Читѣ тяготила ее; благодаря необщительному характеру, она чувствовала себя особенно одинокой, трудно сближалась съ людьми и только благоговѣла предъ „глубокой религіозностью“ Н. Д. Фонъ-Визиной. Въ 1833 г. мужъ былъ освобожденъ отъ каторги, и Нарышкины поселились въ Курганѣ, климатъ котораго благотворно подѣйствовалъ на здоровье Е. П.; благодаря хорошимъ средствамъ, они здѣсь удобно устроились, имѣли изъ Россіи обстановку, дворовыхъ людей и даже заводскихъ лошадей, такъ что Нарышкинъ занялся улучшеніемъ породы сибирскихъ лошадей. Жуковскій въ 1837 г. писалъ Императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ: „Въ Курганѣ я видѣлъ Нарышкину: она глубоко меня тронула своей тихостью и благородной простотой въ несчастіи. Но она больна и, можно сказать, таетъ отъ горя по матери, которую хотя разъ еще въ жизни желала бы видѣть“. Въ томъ же году они покинули Курганъ, Нарышкинъ былъ опредѣленъ рядовымъ на Кавказъ. Е. П. заѣхала въ Москву навѣстить мать и братьевъ, а оттуда пріѣхала на Кавказъ, въ крѣпость „Прочный окопъ“. Жизнь здѣсь была болѣе живой: у Нарышкиныхъ собиралось общество, они получали книги и журналы, она часто пѣла, но зато и часто беспокоилась, когда мужъ уходилъ въ экспедиціи противъ горцевъ. Послѣ помилованія, Нарышкины поселились въ Москвѣ, и тутъ Е. П. овдовѣла 2 Января 1863 г.; сама она скончалась 11 Декабря 1867 г. и похоронена, рядомъ съ мужемъ, въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ. Дѣтей у нея не было, но въ Читѣ, въ 1830 г., Нарышкиной была взята на воспитаніе маленькая дѣвочка Ульяна Чупятова.

По словамъ князя Е. Оболенскаго, Нарышкинъ въ женѣ „нашелъ ту полноту сочувствія, которая въ жизни выражается полной гармоніей и стремленій, и цѣлей жизненныхъ, и надеждъ, и желаній; въ этомъ сердечномъ союзѣ протекли многіе годы, вездѣ они были вмѣстѣ, и вездѣ ихъ сердечная жизнь выражалась въ любви чистой, отражаемой во всемъ строѣ жизни“. Францева говоритъ, что Нарышкина „была некрасива, но удивительно умное выраженіе лица заставляло не замѣчать этого; умъ у нея былъ острый, игривый, восторженный, она все подмѣтитъ и ничего не пропуститъ безъ замѣчанія, съ ней было всегда весело и пріятно“, а княгиня М. Н. Волконская такъ описываетъ Нарышкину: „Маленькая, очень полная, нѣсколько аффектированная, она была въ сущности вполне достойная женщина; надо было привыкнуть къ ея гордому виду, и тогда нельзя было ее не полюбить“.

(Съ рисунка, принадлежащаго графинѣ Е. П. Коновницыной, въ Москвѣ.)

67

Анастасія Васильевна Anastasie Vassilievna
Якушкина, Yakouchkine,
1806 — 1846 1806 — 1846

68

Пис. Изаба, 1818 г. — Peint par Izabeu, 1818

Иванъ Александровичъ Ivan Alexandrowitch
Фонъ-Визинъ, Von Vizine,
1790 — 1853 1790 — 1853

69

Елизавета Петровна Elisabeth Pétrowna
Нарышкина, Narychkine,
1801 — 1867 1801 — 1867

Князь АЛЕКСАНДРЪ КОНСТАНТИНОВИЧЪ ИПСИЛАНТИ, 1792—1828, изъ знатной греческой фамилии, сынъ господаря Молдавіи Константина отъ второго его брака съ Елизаветой Вакареско, при блестящихъ способностяхъ получилъ поверхностное образованіе, ибо отличался „легкомысліемъ и лѣнностью къ умственнымъ занятіямъ, помѣшавшими ему въ развитіи драгоцѣнныхъ задатковъ, данныхъ ему природою“. Въ 1808 г. поступилъ корнетомъ въ Кавалергардскій полкъ, въ 1810 г. произведенъ въ поручики, въ 1812 г.—въ шт.-ротмистры, въ слѣдующемъ—въ ротмистры, съ переводомъ подполковникомъ въ Гродненскій гусарскій полкъ. Состоя въ корпусѣ Витгенштейна, Ипсиланти участвовалъ во многихъ сраженіяхъ кампаній 1812 и 1813 гг. и выказалъ „храбрость, доходившую иногда до безразсудства“, за что получилъ ордена Владимира 4 ст., Анны 2 ст., золотое оружіе и произведенъ въ полковники, послѣ того, какъ подъ Дрезденомъ лишился правой руки, оторванной ядромъ. Онъ долго страдалъ отъ раны и лѣчился за границей; въ то время Александръ I очень милостиво относился къ молодому инвалиду: 1 Января 1816 г. онъ былъ пожалованъ въ флигель-адъютанты, въ 1817 г.—въ генераль-майоры, съ назначеніемъ бригаднымъ командиромъ 1-й гусарской дивизіи. Позднѣе Ипсиланти лишился расположенія Государя: пылкій и увлекающійся, онъ сначала сдѣлался масономъ, а потомъ вступилъ въ общество „Этерія“, имѣвшее цѣлью освобожденіе Греціи, при чемъ свобода родины казалась ему „радужнымъ сномъ“. Крайне легкомысленный и честолюбивый, Ипсиланти былъ увѣренъ въ поддержкѣ Россіи въ дѣлѣ освобожденія грековъ и принялъ на себя званіе „генераль-эфора“ и „благодѣтеля“ Этеріи, не желая считаться съ комбинаціей политическихъ отношеній въ Европѣ того времени, что такъ хорошо понималъ другой талантливый грекъ, графъ Капподистрія. Ожиданіе было не въ характерѣ Ипсиланти; онъ отправился на югъ и въ началѣ 1821 г. поднялъ возстаніе въ Дунайскихъ княжествахъ, обнаруживъ высокопарное воззваніе съ неосторожными намеками на поддержку какой-то „державной силы“, скомпрометировавшими русское правительство, принужденное послѣ этого отречься отъ дѣла Ипсиланти. Несмотря на личные симпатіи, Александръ I былъ въ то же время членомъ Священнаго союза. Зато Пушкинъ, игнорируя практическія соображенія, писалъ: „Первый шагъ Ипсиланти прекрасенъ и блистателенъ! Онъ счастливо началъ! 28 лѣтъ, оторванная рука, цѣль великодушная. Отнынѣ онъ принадлежитъ исторіи“. На конгрессѣ въ Лайбахѣ вопросъ о помощи со стороны Россіи былъ рѣшенъ отрицательно, и 9 Марта 1821 г. Ипсиланти съ братьями былъ исключенъ изъ службы, съ запрещеніемъ возвращенія въ Россію. Практическое осуществленіе намѣреній Ипсиланти было далеко отъ идеала: онъ окружалъ себя родственниками и льстецами, самъ отталкивалъ всѣхъ надменностью, съ боярами обращался униженно, въ войскахъ его царилъ бездарность и дезорганизация, всѣ дѣйствія отличались нерѣшительностью. Наконецъ, проклятіе Ипсиланти патриархомъ оттолкнуло отъ него народъ, уже и раньше недовольный такими его поступками, какъ, напримѣръ, помѣщеніе театра въ одномъ изъ разоренныхъ монастырей. Турки одерживали побѣды, а „этеристы“ вели переговоры относительно выдачи самого Ипсиланти. Послѣ окончательнаго пораженія грековъ близъ Драгачана Ипсиланти рѣшилъ уѣхать въ Америку, покинувъ остатки своихъ войскъ; подъ именемъ Дмитрія Палаогенида онъ вступилъ, съ разрѣшенія пограничныхъ властей, въ предѣлы Австріи; затѣмъ былъ арестованъ, вмѣстѣ съ братьями, и заключенъ въ крѣпость Мункачъ, „какъ политическій преступникъ“. Среди всевозможныхъ стѣсненій проболѣвъ зиму 1822/3 гг., Ипсиланти лѣтомъ 1823 г. былъ переведенъ въ Чехію, въ крѣпость Терезіенштадтъ, при чемъ ему было отказано даже въ разрѣшеніи съѣздить для лѣченія въ Теплицъ или Мариенбадъ. Только въ 1827 г., въ Ноябрь, послѣ просьбы Ипсиланти, обращенной къ Императору Николаю Павловичу, онъ былъ выпущенъ на свободу. А. К. Ипсиланти предполагалъ жить въ Венеціи, но болѣзнь позволила ему доѣхать только до Вѣны, гдѣ онъ и умеръ отъ разрыва сердца 19 Января 1828 года.

(Съ миниатюры изъ собраній Московскаго Историческаго музея.)

НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧЪ РТИЩЕВЪ, 1754—1835, сынъ капитана Федора Алексѣевича (+ 1756) и Маріи Васильевны Лихаревой (1728—1793), началъ службу въ 1773 г., послѣ окончанія Сухопутнаго кадетскаго корпуса, поручикомъ и адъютантомъ графа З. Г. Чернышева; въ 1784 г. былъ полковникомъ въ Навагинскомъ полку и въ 1789 г.—бригадиромъ. Въ этомъ году участвовалъ въ Шведской войнѣ, состоялъ подъ командой вице-адмирала принца Нассау-Зигена, при чемъ участвовалъ во многихъ дѣлахъ съ непріятелемъ, какъ на сухомъ пути, такъ и на канонерскихъ лодкахъ гребной флотиліи; за отличіе въ бояхъ пожалованъ золотымъ оружіемъ. Въ 1791 г. былъ командированъ въ Ригу для командованія гребной флотиліей, затѣмъ въ 1793 г. участвовалъ въ Польской кампаніи и произведенъ въ генераль-майоры. Въ слѣдующихъ годахъ присутствовалъ въ Военной конторѣ, пока 25 Марта 1798 г. не былъ назначенъ командиромъ въ Астрахань и шефомъ тамошняго гарнизоннаго полка, съ производствомъ въ генераль-лейтенанты. Въ томъ же году, 22 Сентября, по болѣзни уволенъ въ отставку. Въ 1806 г. опять поступилъ на службу и назначенъ командиромъ 16-й пѣхотной дивизіи, затѣмъ 25-й и 19-й дивизій. Въ 1808 г. награжденъ орд. св. Анны 1 ст., а въ 1809 и 1810 гг. участвовалъ въ войнѣ съ Турціей и въ экспедиціи въ Галицію. Въ 1811 г. назначенъ начальникомъ войскъ на Кавказской линіи и всего края, т.-е. Астраханской и Кавказской губерній, а 16 Февраля 1812 г. главнокомандующимъ въ Грузіи и главноуправляющимъ по гражданской и пограничной частямъ въ тѣхъ же губерніяхъ и въ Грузіи. Здѣсь Ртищеву пришлось бороться съ турками и персіянами и разными горскими племенами, войскъ было недостаточно, тѣмъ не менѣе ему удалось одержать нѣсколько побѣдъ надъ персіянами и 12 Октября 1813 г. заключить выгодный Гюлистанскій миръ; за побѣду при Асландузѣ, гдѣ была взята вся артиллерія и лагерь непріятеля, онъ получилъ Александровскую звѣзду, а за заключеніе мира чинъ генерала-отъ-инфантеріи. Державинъ привѣтствовалъ его дѣятельность такими стихами:

„Какіе ужасы Персида ни являла,
Но предъ оружіемъ вмигъ Александра пала
Отъ Ртищева меча“...

Но, кромѣ дѣйствія мечомъ, онъ занятъ былъ и гражданскимъ устройствомъ края, и первое время довольно успѣшно: при немъ вошли въ употребленіе русскія ассигнаціи, учреждена была Грузино-Имеретинская Синодальная контора, при немъ были сдѣланы первыя попытки введенія на Кавказѣ горныхъ промысловъ. Но скоро въ Петербургѣ стали получаться неблагопріятные слухи объ управленіи Ртищева, „помрачавшіе его добрую славу“. Ермоловъ писалъ Воронцову о взяточничествѣ жены Ртищева и крайне дурномъ составѣ его подчиненныхъ. По словамъ Ермолова, Ртищевъ былъ „человѣкъ добрыхъ весьма свойствъ и намѣреній“, но „созданіе, совершенствомъ неспособности отличное, слабая и, можетъ-быть, и не совсѣмъ невинная тварь“. Въ самой Имеретіи онъ возбудилъ волненія намѣреніемъ передать въ казну церковныя имѣнія, противъ чего возсталъ и Синодъ. 9 Апрѣля 1816 г. онъ былъ уволенъ отъ должности, съ зачисленіемъ по арміи и назначеніемъ присутствовать въ 6-мъ Департаментѣ Правительствующаго Сената, находившемся въ Москвѣ. Здѣсь онъ жилъ на Шабаловкѣ, обремененный долгами, которыхъ послѣ его смерти осталось, кромѣ долга Опекунскому Совѣту, до 200/т. рублей.

Умеръ Н. Ф. Ртищевъ 8 Января 1835 г. и погребенъ въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ. Женатъ былъ съ 23 Октября 1799 г. на вдовѣ Екатеринѣ Николаевнѣ (Генріета-Фредерика) Мильствъ (+ около 1828 г.); дѣтей у нихъ не было.

(Съ миниатюры 1822 г., принадлежащей Н. Н. Путиной, въ Москвѣ.)

АЛЕКСАНДРЪ АНДРЕЕВИЧЪ БЕКЛЕШОВЪ, 1745—1808, изъ псковскихъ дворянъ, сынъ флота капитанъ-лейтенанта Андрея Богдановича отъ брака съ Анной Юрьевной Голенищевой-Кутузовой, родился 1 Марта 1743 г.; воспитывался въ Сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ и служилъ потомъ до чина капитана. Въ 1769 г. переведенъ въ Преображенскій полкъ и участвовалъ въ Архипелажской экспедиціи графа А. Г. Орлова, послѣ чего, въ 1773 г., назначенъ командиромъ Шлиссельбургскаго пѣх. полка, а въ 1782 г.— губернаторомъ въ Ригу, гдѣ пробылъ 6 лѣтъ, и, произведенный въ генераль-поручики, переведенъ генераль-губернаторомъ Орловскаго и Курскаго намѣстничества. Въ царствованіе Павла I Беклешовъ былъ произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи и назначенъ сначала Каменецъ-Подольскимъ военнымъ губернаторомъ, а затѣмъ Малороссійскимъ и Кіевскимъ губернаторомъ. Въ 1799 г., 25 Іюня, онъ былъ пожалованъ въ сенаторы, Мальтійскимъ орденомъ большого креста и 7 Іюля назначенъ генераль-прокуроромъ. „Ты да я, я да ты, впередъ мы одни будемъ дѣла дѣлать“, сказалъ Павелъ при его назначеніи. Но уже 2 Февраля 1800 г. Беклешовъ былъ уволенъ отъ службы; говорятъ, что его прямой характеръ пришелся не по вкусу придворнымъ случайнымъ людямъ, подъ вліяніе которыхъ часто, незамѣтно для себя, поддадалъ самовластный Императоръ. По вступленіи на престолъ Александра I, 16 Марта 1801 г., Беклешовъ былъ снова призванъ на службу и занялъ прежній свой постъ генераль-прокурора. При немъ, 8 Сентября 1802 г., былъ утвержденъ докладъ о должности Сената, какъ „верховнаго мѣста въ Имперіи“, охраняющаго законы и правосудіе, ревизующаго отчеты министровъ, учрежденія, власть котораго ограничивается единственно властью Государя. Въ этотъ знаменательный день Беклешовъ, по болѣзни, оставилъ службу, но въ 1804 г. былъ назначенъ главнокомандующимъ въ Москву, гдѣ и оставался до 3 Апрѣля 1806 года. Награжденный Андреевской лентой, онъ опять вышелъ въ отставку, но въ 1807 г. былъ избранъ главнокомандующимъ 2-й областью земскаго войска и получилъ звѣзду св. Владиміра 1-й степени. Беклешовъ умеръ въ Ригѣ, 24 Іюля 1808 г.; женатъ не былъ, но имѣлъ „воспитанника“ Алексѣя Александровича Беклешова, усыновленнаго имъ (р. 1792 г.; убитъ 17 Августа 1813 г. подъ Кульмомъ).

По словамъ Булгакова, А. А. Беклешовъ „умеръ, оплакиваемый всѣми“, такъ какъ, по отзыву современника, „пользовался общею любовью и уваженіемъ, имѣлъ нравъ веселый, открытый, сердце доброе“, хотя и былъ строгъ. Одинъ Державинъ не хвалилъ Беклешова, который, по его словамъ, „съ одной стороны былъ человекъ самовластный, наглый и дерзкій крикунъ, а съ другой — подлый ласкатель политическихъ видовъ, коими желалъ помрачить передъ тѣмъ бывшее правленіе“, тогда какъ Вигель, напротивъ, говоритъ, что „при Александрѣ нѣсколько такихъ людей, какъ Беклешовъ, были драгоцѣннѣйшее наследство, оставленное Екатериной, и нѣкоторое время ими только и жила Россія“. По отзыву Сперанскаго, „Беклешовъ былъ ихъ всѣхъ (ген.-прокуроровъ Павла I) умнѣе, но и всѣхъ несчастнѣе, ему ничего не удавалось; всѣхъ ихъ менѣе имѣлъ способностей Оболяниновъ, и ему все съ рукъ сходило“.

(Съ миниатюры, принадлежащей М. А. Васильчиковой, с. Кораллово, Московск. губ.)

70

Князь Александръ Константиновичъ
Ипсиланти,
1792—1828

Le prince Alexandre Konstantinowitch
Ypsilanti,
1792—1828

71

Николай Федоровичъ
Ртищевъ,
1754—1835

Nicolas Féodorowitch
Rtichtcheff,
1754—1835

72

Александръ Андреевичъ
Беклешовъ,
1743—1808

Alexandre Andréewitch
Békléhoff,
1743—1808

МАРІЯ АЛЕКСѢВНА ХИТРОВО, 1782—1863, дочь дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Алексѣя Ивановича Мусина-Пушкина отъ брака съ княжной Екатериной Алексѣвной Волконской, родилась 7 Юня 1782 года; 20-и лѣтъ вышла замужъ за Алексѣя Захаровича Хитрово, позднѣе дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и государственнаго контролера. Сама была кавалерственной дамой ордена св. Екатерины.

М. А. Хитрово умерла въ Мартѣ 1863 г.; отъ брака съ А. З. Хитрово имѣла двоихъ сыновей: Захара (8 Января 1807—1876; оберъ-церемоніймейстеръ) и Алексѣя († 1837), и 4 дочерей: Наталію (р. 16 Февраля 1804 г.; за тайн. сов. П. М. Донауровымъ), Екатерину (31 Юня 1805—1853; за ген.-отъ-инф. Н. М. Толстымъ), Александру (р. 14 Апрелья 1816 г.; за шталмейстеромъ Ф. Г. Головинымъ) и Елизавету (р. 17 Февраля 1822 г.; за свѣтл. княземъ К. А. Суворовымъ).

По отзыву А. Я. Булгакова, который былъ принятъ, какъ родной, въ домъ ея родителей, въ Москвѣ, М. А. Хитрово отличалась красотой и мягкимъ, общительнымъ характеромъ.

(Съ миниатюры, принадлежащей А. З. Хитрово, С.-Петербургъ.)

АЛЕКСѢЙ ЗАХАРОВИЧЪ ХИТРОВО, 1776—1854, сынъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Захара Алексѣевича Хитрово (1734—1798) отъ брака съ Александрой Николаевной Масловой († 1829), родился 9 Ноября 1776 г.; 8 лѣтъ зачисленъ сержантомъ въ Измайловскій полкъ, а въ 1789 г. переведенъ вахмистромъ въ Конную гвардію и въ 1795 г. произведенъ въ корнеты. Со вступленіемъ на престолъ Павла I сталъ быстро повышаться въ чинахъ. Въ Апрѣль 1798 г. былъ уже шт.-ротмистромъ, а въ Декабрѣ неожиданно пожалованъ въ дѣйствительные камергеры, званіе, дававшее чинъ IV класса. Причина этой необычайной милости къ 22-лѣтнему Хитрово, какъ видно изъ „Записокъ“ его однополчанина, Н. А. Саблукова, заключалась въ удачно исполненномъ минуэтѣ, въ которомъ принимала участіе тогдашняя любимица Императора, Е. И. Нелдова. Обстоятельство это, повидимому, имѣло вліяніе на его послѣдующую служебную дѣятельность. Въ 1800 г. онъ перешелъ на гражданскую службу и назначенъ членомъ Мануфактуръ Коллегіи, а въ 1803 г. ея президентомъ. Въ 1804 г. Хитрово причисленъ къ оберъ-прокурорскому столу 1-го департамента Сената, а въ 1808 г. назначенъ оберъ-прокуроромъ 5-го департамента. Въ 1811 г. Хитрово получилъ орд. св. Анны 1 степени, а въ Отечественную войну 1812 года былъ избранъ дворянствомъ въ члены комитета С.-Петербургскаго ополченія, за каковыя труды въ 1813 г. произведенъ въ тайные совѣтники. Дѣятельность его въ качествѣ сенатора продолжалась съ 20 Мая 1814 г. до 1827 г., и въ это время на него возлагался цѣлый рядъ порученій. Такъ имъ обревизованы были: Бессарабская, Вологодская, Вольнская, Воронежская, Вятская, Пензенская и Подольская губерніи, Казначейство и Герольдія. Во время ревизіи Вологодской губерніи, онъ предалъ суду губернатора и вице-губернатора, при чемъ 5-й департаментъ Сената опорочилъ его дѣйствія и оправдалъ обвиненныхъ, но затѣмъ, когда дѣло передано было въ Государственный Совѣтъ, Высочайшимъ Указомъ 26 Апрѣля 1817 г. рѣшеніе 5-го департамента признано неправильнымъ, а ревизія Хитрово—вполнѣ основательною, о чемъ объявлено повсемѣстно публикаціей въ вѣдомостяхъ. Исполненіе цѣлаго ряда другихъ, не менѣе важныхъ порученій, въ качествѣ члена комиссіи по постройкѣ Исакиевскаго собора и разныхъ слѣдственныхъ комиссій (по дѣлу объ убійствѣ Алтуховой, о фальшивомъ клейменіи товаровъ и т. п.), доставили Хитрово нѣсколько наградъ (въ 1818 г. орд. св. Владимира 2 ст.) и, 6 Апрѣля 1827 г., званіе члена Государственнаго Совѣта; въ 1829 г. онъ получилъ Александровскую звѣзду, а 6 Декабря 1830 г. назначенъ государственнымъ контролеромъ; въ этой должности, въ 1832 г., онъ произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники и получилъ звѣзду св. Владимира 1 ст., 15 Апрѣля 1845 г. пожалованъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго, а 8 Апрѣля 1851 г. получилъ алмазные знаки этого ордена.

А. З. Хитрово умеръ 21 Февраля 1854 г. и похороненъ въ Сергіевской пустыни, близъ С.-Петербурга. Женаъ былъ на графинѣ Маріи Алексѣевнѣ Мусиной-Пушкиной (1782—1863), отъ которой имѣлъ 2 сыновей и 4 дочерей.

(Съ миниатюры, принадлежащей А. З. Хитрово, въ С.-Петербургѣ.)

Графъ АЛЕКСѢЙ ИВАНОВИЧЪ МУСИНЪ - ПУШКИНЪ, 1744 — 1817, сынъ гвардіи капитана Ивана Яковлевича, женатаго на Наталіи Михайловнѣ Приклонской, родился 16 Марта 1744 г.; по выходѣ изъ Артиллерійскаго училища служилъ до 1772 г. адъютантомъ при князѣ Г. Г. Орловѣ, благодаря чему рано сдѣлался извѣстенъ Екатеринѣ II. Служба въ артиллеріи не мѣшала ему съ любовью заниматься наукой и литературой. Въ 1775 г., по возвращеніи изъ путешествія по Европѣ, во время котораго онъ велъ „Записки“ и особенно интересовался искусствомъ, Мусинъ-Пушкинъ сдѣланъ церемоніймейстеромъ; въ 1789 г. назначенъ начальникомъ „гимназіи чужестранныхъ единовѣрцевъ“, а въ 1790 г. избранъ въ члены Россійской академіи за объясненіе терминовъ: „думный дьякъ“ и „думный дворянинъ“. Покупка имъ книгъ и бумагъ извѣстнаго Крекшина положила начало его знаменитой библіотекѣ рукописей. Собирая всякія древности, записывая историческія извѣстія и анекдоты, Мусинъ-Пушкинъ скоро сдѣлался владѣльцемъ такихъ рѣдкостей, какъ монеты князей св. Владиміра и Ярослава, Тмутораканскій камень съ надписью 1068 г. (хранится въ Эрмитажѣ), исчезнувшая лѣтопись князя Кривоборскаго и единственная рукопись „Слова о полку Игоревѣ“. Болтинъ писалъ, что Мусинъ-Пушкинъ, „будучи крайній древностей нашихъ любитель, великимъ трудомъ и иждивеніемъ, а больше по счастью, по пословицѣ: на ловца и звѣрь бѣжитъ, собралъ много книгъ, весьма рѣдкихъ и достойныхъ уваженія отъ знающихъ въ такихъ вещахъ цѣну“. Сама Екатерина II знакома была съ его собраніемъ и подарила ему нѣсколько харатейныхъ книгъ и лѣтописей, „кои самой ей читать было трудно“. Однако, расположеніе Императрицы, прямой характеръ и обличеніе „вредной галломаніи“, причинили ему не мало непріятностей со стороны придворныхъ завистниковъ и интригановъ. Въ 1791 г. Мусинъ-Пушкинъ былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода, что еще болѣе способствовало увеличенію его книгохранилища, такъ какъ онъ вошелъ „въ короткое обращеніе и знакомство съ духовными особами“. Со вступленіемъ на престолъ Павла I онъ оставилъ Синодъ, гдѣ снискалъ общее уваженіе и любовь за свое, по выраженію митрополита Гавріила (Петрова), „благорасположеніе къ наблюденію истины“. Въ 1797 г. Государь пожаловалъ ему 1000 душъ, но онъ просилъ раздѣлить ихъ между его подчиненными; тогда Павелъ возвелъ Мусина-Пушкина 5 Апрѣля 1797 г. въ графское достоинство. Въ 1799 г., выйдя въ отставку, графъ Пушкинъ поселился въ Москвѣ, среди своихъ любимыхъ древностей и рукописей, въ своемъ громадномъ домѣ на Разгуляѣ. Здѣсь онъ издалъ въ 1800 г. „Слово о полку Игоревѣ“ (1-е изданіе, замѣняющее теперь рукопись) и въ 1810 г. — изслѣдованіе о „Холопьемъ городкѣ“ на р. Мологѣ. (Раньше имъ изданы были, вмѣстѣ съ „пріятелями“ Елагинымъ и Болтинымъ, въ 1792 г. „Русская правда“ и въ 1793 г. — „Поученіе Владиміра Мономаха“.) Наканунѣ 1812 г. другъ графа, Н. Н. Бантышъ-Каменскій, убѣдилъ его пожертвовать свое собраніе въ библіотеку Архива Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ. Однако, трудно было ему сразу разстаться съ своимъ сокровищемъ, и онъ, по собственному его выраженію, „похвальнаго намѣренія своего исполнить не успѣлъ“. Рѣдкостная библіотека вся погибла въ 1812 г. въ пламени Московскаго пожара. Только драгоценный Лаврентьевскій списокъ Несторовой лѣтописи, поднесенный графомъ Александру I, уцѣлѣлъ въ Публичной библіотекѣ. Старикъ графъ былъ страшно потрясенъ; къ довершенію удара, 21 Марта 1813 г., подъ Люнебургомъ былъ убитъ 24-лѣтній его сынъ, Александръ, котораго онъ „готовилъ“ къ занятіямъ исторіей. Послѣ этого, по свидѣтельству Калайдовича, до конца дней „пасмурный взоръ его одушевлялся только въ бесѣдѣ любителей Отечественннй исторіи“... Графъ Мусинъ-Пушкинъ скончался 1 Февраля 1817 г. въ Москвѣ; отпѣваніе въ церкви Богоявленія въ Елоховѣ совершалъ архіепископъ Московскій Августинъ; погребенъ онъ въ своемъ имѣніи, въ селѣ Иломны, Моложскаго уѣзда. „Пріязнью его пользовались“: Карамзинъ, Болтинъ, Бантышъ-Каменскій..., „умъ, доблести и знаменитыя услуги его просвѣщенію чтитъ великая Екатерина“.

(Съ миниатюры, принадлежащей Л. Г. Лукутиной, въ Москвѣ.)

Графиня **ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢВНА МУСИНА-ПУШКИНА**, 1754—1829, дочь генераль-майора князя **Алексѣя Никитича Волконскаго** отъ брака съ **Маргаритой Родіоновной Кошелевой**, родилась 6 Октября 1754 года; 27 лѣтъ, 6 Мая 1781 г., она вышла замужъ за богатаго челоѣка, **Алексѣя Ивановича Мусина-Пушкина** (р. 16 Марта 1744 г.), позднѣе дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, графа (съ 1797 г.), извѣстнаго любителя русской старины, такъ сказать, перваго русскаго ученаго археолога. 1 Февраля 1817 г. графиня Мусина-Пушкина овдовѣла, имѣя многочисленную семью, состоящую изъ 8 челоѣкъ дѣтей; сыновья, графы: **Иванъ** (р. 31 Октября 1783, † 12 Юня 1836; гофмейстеръ), **Александръ** (р. 1788, † 23 Марта 1813 г.; любимецъ отца, который хотѣлъ видѣть въ немъ своего преемника по занятіямъ русской исторіей, былъ смертельно раненъ при Люнебургѣ), **Владиміръ** (р. 31 Марта 1798, † 1854; былъ арестованъ по дѣлу декабристовъ), и дочери, графини: **Марія** (р. 7 Юня 1782; за **А. З. Хитрово**), **Наталія** (р. 1784, † 1829; за княземъ **Д. М. Волконскимъ**), **Екатерина** (р. 4 Октября 1786; за княземъ **В. П. Оболенскимъ**), **Софья** (р. 1792; за княземъ **И. Л. Шаховскимъ**) и **Варвара** (р. 1796, † 1829; за княземъ **Н. П. Трубецкимъ**).

Графиня **Е. А. Мусина-Пушкина** скончалась въ Москвѣ 17 Ноября 1829 года; отпѣвали ее въ приходской церкви Богоявленія въ Елоховѣ, а погребена рядомъ съ мужемъ въ своемъ Моложскомъ имѣніи, селѣ Иломны, Ярославской губерніи.

По словамъ **Булгакова**, считавшаго графиню **Мусину-Пушкину** „одной изъ первѣйшихъ знакомыхъ своей молодости“, она была женщиной расчетливой, склонной къ различнымъ финансовымъ операціямъ, умѣвшей пользоваться нужными ей людьми, отличалась обходительностью и страстно любила поиграть въ карты. По поводу ея кончины **А. Я. Булгаковъ** писалъ брату, возвратившись съ ея похоронъ, гдѣ былъ „весь городъ“, начиналъ съ генераль-губернатора князя **Д. В. Голицына**: „Грусть была непритворная: Царство ей небесное! Пожила довольно для женщины, была любима, уважаема въ семьѣ; несмотря на ударъ, могла говорить, была покойна, и сказываютъ, что послѣднія ея слова были, когда лили ей лѣкарство въ ротъ: „Меня кормятъ, какъ галчонка!“ Стало, духъ ея былъ покоенъ, ежели шутила... Да и ежели правду говорить, такъ въ чемъ можно упрекнуть покойницу? Въ одной скупости, но и эта не мѣшала ей принимать весь городъ, жить домомъ, дѣлать добро... Она насъ любила, какъ ближнихъ своихъ; пережила всѣхъ своихъ сверстницъ и скончалась 77 (sic) лѣтъ“.

(Съ миниатюры, принадлежащей **А. З. Хитрово**, въ С.-Петербургѣ.)

73

Марія Алексѣевна
Хитрово,
1782 — 1863

Marie Alexéevna
Khitrovo,
1782 — 1863

74

Алексѣй Захаровичъ
Хитрово,
1776 — 1854

Alexis Zakharowitch
Khitrovo,
1776 — 1854

75

Графъ Алексѣй Ивановичъ
Мусинъ-Пушкинъ,
1744 — 1817

Le comte Alexis Ivanowitch
Moussine-Pouchkine,
1744 — 1817

76

Графиня Екатерина Алексѣевна
Мусина-Пушкина,
1754 — 1829

La comtesse Catherine Alexéevna
Moussine-Pouchkine,
1754 — 1829

МИХАИЛЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ФОНЪ-ВИЗИНЪ, 1788—1854, декабристъ, братъ Ивана Александровича, родился 20 Августа 1788 г.; въ 1801 г. былъ подпрапорщикомъ въ Преображенскомъ полку, въ 1803 переведенъ въ Измайловскій, въ 1804 г. произведенъ въ прапорщики, въ 1806 г.—въ подпоручики, въ 1808 г.—въ поручики, въ 1813 г. въ капитаны, съ переводомъ въ армию, гдѣ 1 Юня 1815 г. назначенъ командиромъ 57-го Егерскаго полка. Фонъ-Визинъ участвовалъ въ походахъ съ 1805 по 1807 г. и въ кампаніяхъ 1812—1814 годовъ. Въ Отечественную войну былъ адъютантомъ у Ермолова, который „особенно любилъ и уважалъ его“, въ 1814 г. былъ взятъ въ плѣнъ, потомъ оставался во Франціи, въ корпусѣ графа М. С. Воронцова. За военные подвиги онъ имѣлъ золотое оружіе, ордена св. Владиміра 4 ст. и св. Анны 2, 3 и 4 ст. и прусскіе—жельзнаго креста и „pour le mérite“. Въ 1817 г. назначенъ командиромъ Перновскаго гренадерскаго полка, а 24 Января 1818 г.—38-го Егерскаго. Въ 1820 г. произведенъ въ генераль-майоры и назначенъ бригаднымъ командиромъ 12-й пѣх. дивизіи, а потомъ—22-й пѣх. дивизіи и, наконецъ,—состоять по арміи (южной). Въ 1822 г., 25 Декабря, женившись передъ тѣмъ въ Сентябрѣ на Н. Д. Апухтиной, вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ имѣніи Крюковѣ, въ 40 верстахъ отъ Москвы. Фонъ-Визинъ былъ однимъ изъ лучшихъ и любимыхъ полковыхъ командировъ: онъ требовалъ мягкаго и челоѣколюбиваго отношенія къ солдату и не жалѣлъ своихъ личныхъ средствъ на улучшеніе быта нижнихъ чиновъ, палка при немъ была изгнана изъ полка. „Прилежное чтеніе Монтескье, Рейналя и Руссо“, изученіе исторіи, семейныя преданія о Денисѣ Фонъ-Визинѣ, сторонникъ политическихъ воззрѣній графа Н. И. Панина, сдѣлали его горячимъ сторонникомъ реформъ. Сначала масонъ, позднѣе онъ сдѣлался членомъ тайнаго общества, желая мирнаго осуществленія „любимыхъ идей: конституціи, представительства народнаго, свободы книгопечатанія“ и, главное, освобожденія крестьянъ. Крайнія и нечистыя мѣры ему были противны, и онъ, „величайшій карбонарій“, какъ называлъ его Ермоловъ, когда узналъ объ умыслѣ своего близкаго друга Якушкина, сказалъ Муравьеву: „Знаете, что если бы я былъ удостовѣренъ въ томъ, то я былъ бы въ состояніи написать“. Женитьба отдала его отъ тайнаго общества. Въ концѣ 1825 г. онъ былъ арестованъ; оставивъ дома малютку сына и беременную жену, Фонъ-Визинъ въ крѣпости тяжело страдалъ. На допросѣ онъ „чистосердечно раскаялся въ своихъ безразсудныхъ дѣйствіяхъ: время, опытъ и зрѣлое разсужденіе убѣдили его въ истинѣ, что въ отечествѣ нашемъ приведеніе въ дѣйствіе теорій, его восхищавшихъ, по многимъ причинамъ невозможно, и что всякая въ ономъ перемѣна, не отъ престола истекшая, можетъ быть пагубна“; при этомъ онъ прибавлялъ, что „цѣль ни въ какомъ случаѣ не освящаетъ средства“. Признанный виновнымъ въ умыслѣ „на царевубійство согласіемъ“ и въ „участіи въ умыслѣ бунта“, Фонъ-Визинъ былъ сосланъ въ каторжныя работы въ Читу, куда въ Мартѣ 1828 г. пріѣхала и его жена, что значительно „оживило“ его. Въ 1834 г. выпущенный на поселеніе, онъ жилъ сначала въ Енисейскѣ, затѣмъ въ Красноярскѣ и, наконецъ, съ 1838 г. въ Тобольскѣ; здѣсь онъ написалъ свои „Записки“, недавно изданныя въ Россіи, и другія историческія свои произведенія, занимался нѣмецкой философіей и переводами. Въ 1853 г. ему разрѣшено было вернуться, и въ Маѣ онъ уже былъ въ своемъ Марьинѣ, Бронницкаго уѣзда, гдѣ, не заставъ въ живыхъ брата, и самъ скончался меньше чѣмъ чрезъ годъ, 30 Апрѣля 1854 года.

Добрый и религіозный, Фонъ-Визинъ отличался живымъ, общительнымъ характеромъ. Баронъ Розень называетъ его „благороднѣйшимъ челоѣкомъ“, И. Д. Якушкинъ посвящаетъ ему не мало теплыхъ словъ въ своихъ „Запискахъ“, а Н. И. Тургеневъ говоритъ: „Я его зналъ и питалъ къ нему величайшее уваженіе: это челоѣкъ честный, чистый, челоѣкъ добродѣтельный во всей силѣ этого слова. Онъ любилъ повторять, что „цѣль не оправдываетъ средствъ“, и это вполне подходило къ его открытому характеру“.

(Съ портрета, находящагося въ Московскомъ Историческомъ музеѣ.)

НАТАЛІЯ ДМИТРІЕВНА ФОНЬ-ВИЗИНЬ, 1803—1869, единственная дочь крупного, но разорившагося Орловскаго помѣщика, Дмитрія Акимовича Апухтина, отъ брака съ Маріей Павловной Фонь-Визиной, родилась 13 Августа 1803 г. Съ дѣтства она была балованнымъ ребенкомъ въ семьѣ. Въ альбомѣ ея матери какой-то поэтъ предсказывалъ ей, что „жизненный путь ея будетъ усыпанъ цвѣтами“, а Жуковскій, 5 Августа 1811 г., собственноручно вписалъ туда же слѣдующіе неизвѣстные стихи:

„Тебѣ вмѣняютъ въ преступленіе, что ты милѣе всѣхъ дѣтей!

Ужасный грѣхъ! И вотъ мое опредѣленіе:

Пройдетъ 5 лѣтъ и 10 дней! Не будешь ты тогда милѣе всѣхъ дѣтей!

Ты будешь страхъ сердець и взоровъ восхищеніе!“

Мать, женщина сентиментальная и набожная, увлекавшаяся странниками и монахами, передала свою религіозную экзальтированность дочери; послѣдняя съ дѣтства зачитывалась житіями святыхъ, въ 14 лѣтъ жаждала аскетическихъ подвиговъ и, изнуря себя, носила на тѣлѣ жесткій поясъ, вываренный въ соли, и часами стояла на солнцѣ, чтобы испортить на лицѣ кожу. Затѣмъ, ночью, переодѣвшись мальчикомъ, съ именемъ Назарія, бѣжала изъ дома въ монастырь, но съ дороги была возвращена; въ 16 лѣтъ она отказывала женихамъ, а въ Сентябрѣ 1822 г., влюбленная въ другого, согласилась стать женой своего двоюроднаго дяди, генерала М. А. Фонь-Визина, такъ какъ этой „свадьбою квитался долгъ“ ея отца. Въ ея жизни было что-то, напоминавшее романъ Пушкинской „Татьяны“, и ее увѣрили, что она изображена поэтомъ въ „Евгеніи Онѣгинѣ“, такъ что позднѣе она сама часто называла себя „Таней“. Въ 1824 г., 26 Августа, у ней родился сынъ Дмитрій, 4 Февраля 1826 г.—другой, Михаилъ. Въ это время мужъ сидѣлъ въ крѣпости, больной, близкій къ „душевному разстройству“, но онъ „сразу ожилъ“, когда жена нашла возможность съ нимъ видѣться. Оставивъ сыновей на рукахъ своей матери, она послѣдовала за мужемъ въ Сибирь и въ 1828 г. была уже въ Читѣ. Религіозная до экстаза, Н. Д. Фонь-Визинь любила людей, природу, жизнь, цвѣты и тяжело страдала въ одиночествѣ ссылкой: ея „бессонницы сопровождались видѣніями, она кричала по ночамъ, на нее находили порывы непреодолимаго страха, при нервныхъ припадкахъ ей угрожала мгновенная смерть“; многимъ казалось, что она „лишилась разсудка“. Дѣти въ Сибири или рождались у нея преждевременно, или недолго жили. Только выходъ на поселеніе мужа немного поправилъ ея здоровье: она посвятила себя благотворительности, воспитанію нѣсколькихъ пріемныхъ дѣтей, занятіямъ садоводствомъ и дѣломъ религіознаго возрожденія мужа и нѣкоторыхъ его друзей. Особенно близки ей были П. С. Бобринцевъ-Пушкинъ и И. И. Пущинъ, чувства къ которымъ она называла „святымъ чувствомъ сестры къ братьямъ“, хотя первымъ была недовольна за то, что онъ считалъ ее „праведной“, а ко второму ѣздила въ Ялуторовскъ. Въ то же время она признавалась, что „для усмиренія бунтующей плоти, въ самыя страшныя минуты соблазна, она ставила предъ собой ихъ портреты, чтобы они пристыдили ее“. Особенное пристрастіе имѣла она къ бесѣдѣ и перепискѣ съ духовными лицами, и тутъ, на ряду съ отвлеченными религіозными вопросами, съ аскетическими мыслями, она подробно каялась въ пылкихъ страстяхъ, въ чувственныхъ поступкахъ.... „Назарій“ и „Таня“ постоянно переплетались въ ея письмахъ. „Я вся соткана изъ крайностей и противоположностей: все или ничего—былъ девизъ мой съ младенчества“. 45-и лѣтъ она отреклась отъ внѣшняго благочестія, увлеклась танцами и стала „притчею во языцѣхъ, благодаря своему поведенію, не согласному съ жизнью въ духѣ“. 30 Апрѣля 1854 г. она овдовѣла, а въ концѣ 1856 г. вышла за Пущина († 3 Апрѣля 1859 г.), которому признавалась, что, хотя „Мишель былъ ангель, но не подходилъ къ ея бурному темпераменту“. Всегда витая гдѣ-то внѣ условій времени, она въ 50 лѣтъ писала Пущину: „Не хочу я твоей теплой дружбы, дай мнѣ любви горячей, огненной, юношеской, и Таня не останется у тебя въ долгу: она заискрится, засверкаетъ, засвѣтитъ этимъ радужнымъ свѣтомъ“. Пущинъ не нашелъ счастья въ этомъ позднемъ бракѣ и подъ вѣнцомъ „походилъ на отжившаго старика“, хотя жена находила его „молодцомъ“.

О внѣшности Фонь-Визиной княгиня М. Н. Волконская говоритъ: „У нея было совершенно русское лицо, бѣлое, свѣжее, съ выпуклыми глазами; она была маленькая, полненькая“, а Лореръ находилъ ее „одной изъ прелестнѣйшихъ женщинъ своего времени; особенно хороши были ея голубые, свѣтлые глаза“....

(Съ портрета, находящагося въ Историческомъ музеѣ, въ Москвѣ.)

77

Михаилъ Александровичъ
Фонъ-Визинъ,
1788 — 1854

Michel Alexandrowitch
Von Vizine,
1788 — 1854

78

Наталиа Дмитріевна
Фонъ-Визинъ,
1803 — 1869

Natalie Dmitriewna
Von Vizine,
1803 — 1869

РОМАНЪ (Робертъ) ЕГОРОВИЧЪ РЕННИ, 1768—1852, изъ „шотландскихъ дворянъ“, родился 12 Апрѣля 1768 г. въ Ригѣ, гдѣ отецъ его занимался торговлей; мать его, рожденная Эссенъ, была дочь офицера, раненаго въ Семилѣтнюю войну. Въ домѣ отца онъ получилъ хорошее образованіе и зналъ французскій и англійскій языки. Въ дѣтствѣ былъ записанъ въ военную службу и въ 1783 г. былъ уже поручикомъ въ Селенгинскомъ пѣх. полку. Получивъ двухгодичный отпускъ, отправился съ отцомъ, который желалъ его привлечь къ своимъ коммерческимъ предпріятіямъ, въ Шотландію, въ г. Монтрозъ, гдѣ заболѣлъ, и вслѣдствіе неявки къ полку 15 Февраля 1788 г. былъ исключенъ изъ службы. Послѣ смерти отца Ренни былъ вновь принятъ на службу въ 1794 г., капитаномъ въ Елецкій пѣх. полкъ и участвовалъ въ походахъ противъ польскихъ конфедератовъ въ Курляндіи и Самогитіи; здѣсь былъ посланъ для снятія плановъ Литвы и Самогитіи и затѣмъ для проведенія границъ между Россіей и Пруссіей и составленія карты отъ Полангена до Юрбурга. Вслѣдствіе этого, въ 1797 г., былъ въ чинѣ майора прикомандированъ къ свитѣ Его Величества по квартирмейстерской части и назначенъ оберъ-квартирмейстеромъ въ Москву. Въ 1799 г. участвовалъ въ неудачной экспедиціи въ Голландію, а въ 1805 г., состоя при графѣ П. А. Толстомъ, оперировалъ въ Помераніи и Мекленбургѣ. 20 Октября 1806 г. былъ командированъ въ армію Беннингсена и участвовалъ въ сраженіи при Прейсишъ-Эйлау, а подъ Гейльсбергомъ занятъ былъ укрѣпленіемъ русскихъ позицій. Послѣ Тильзитскаго мира составлялъ карты границъ Россіи, Саксоніи и Варшавскаго герцогства и въ 1808 г. произведенъ въ полковники, послѣ чего командированъ состоять въ Берлинѣ при русской миссіи въ качествѣ военного агента, доставлявшаго князю П. М. Волконскому, управлявшему квартирмейстерской частью, карты и планы. Не разъ по разстроенному здоровью Ренни просился въ отставку, но былъ удерживаемъ, по приказанію Государя. Въ 1812 г. онъ былъ генераль-квартирмейстеромъ въ арміи Торماسова и 31 Юля, за сраженіе при Городечнѣ, произведенъ въ генераль-майоры. Участвовалъ въ кампаніяхъ 1813 и 1814 гг. до взятія Парижа включительно и за Калишъ, 1 Февраля 1813 г., получилъ орд. св. Георгія 3 ст., за Люцинъ и Бауценъ—орденъ св. Анны 1 ст., за Суассонъ—орд. св. Владиміра 2 ст., а за Лаонъ—золотое оружіе. 1 Января 1816 г. вышелъ въ отставку и посвятилъ себя воспитанію дѣтей, поселившись въ имѣніи жены въ селѣ Руссинѣ, Лугскаго уѣзда, гдѣ съ увлеченіемъ предавался сельскому хозяйству и особенно садоводству. Ревматизмъ и другія болѣзни окончательно разстроили его здоровье; одна операція не удалась, и готовились сдѣлать ему вторую, но онъ не беретъся, ѣздилъ верхомъ, и, какъ говорятъ, послѣ одной изъ такихъ поѣздокъ къ другу и сосѣду своему графу Толю, онъ почувствовалъ себя особенно плохо и умеръ 26 Октября 1852 года. Похороненъ въ саду с. Руссина, гдѣ на могилѣ его стоитъ скромная каменная часовня. Былъ женатъ на дочери тайнаго совѣтника Маріи Ивановнѣ Бекѣ, отъ которой имѣлъ сына и 2 дочерей.

По отзыву современника, Ренни „былъ средняго роста, права вспылчиваго, но добраго, веселаго и откровеннаго; любилъ общество, особенно бывшихъ своихъ сослуживцевъ, и находилъ большое удовольствіе въ воспомнаніяхъ о своей походной жизни“.

(Съ миниатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михайловича.)

МАРІЯ ИВАНОВНА РЕННИ, 1781—1810, дочь тайнаго совѣтника, лейбъ-медика Ивана Филипповича Бека, доктора медицины и хирургіи, придворнаго врача при дворѣ Великаго Князя Александра Павловича, родилась 19 Марта 1781 года; была замужемъ за генераль-майоромъ Романомъ (Робертомъ) Егоровичемъ Ренни. Смерть молодой жены сильно потрясла Р. Е., и онъ хотѣлъ тотчасъ же оставить службу. М. И. Ренни скончалась 7 Января 1810 года, не доживъ до 30 лѣтъ, и погребена на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры; на памятникѣ ея надпись: „Незабвенной супругѣ и матери“.

Она оставила троихъ малолѣтнихъ дѣтей: сына Егора и дочерей Александру († 1873 г.; съ 1829 г. за графомъ Николаемъ Матвѣевичемъ Ламздорфомъ, позднѣе генераль-адъютантомъ, род. 1804, † 1877) и Юлію (за генераль-майоромъ Трофимовичемъ).

(Съ миниатюры, принадлежащей графу В. Н. Ламздорфу, въ С.-Петербургѣ.)

Баронъ ЛЕВЪ (Карль-Людвигъ) КАРЛОВИЧЪ БОДЕ, 1787—1859, изъ древней нѣмецкой дворянской фамиліи, сынъ полковника французской службы, женатаго на англичанкѣ Маріи Киннерслей, родился въ Эльзасѣ, въ замкѣ отца Бергцабернѣ 20 Января 1787 г.; въ 1795 г., пользуясь покровительствомъ матери Великой Княгини Елизаветы Алексѣевны, родители его переселились изъ Франціи въ Новороссію, въ имѣніе, пожалованное Екатериной II. Въ 1798 г. Боде поступилъ въ Шкловскій кадетскій корпусъ, а въ 1801 г. уѣхалъ за границу съ матерью, которая отправилась хлопотать о возвращеніи ей имѣнія Сульць (unter Walden), отобраннаго во время революціи. За границей сначала онъ сдѣлался пажомъ, а въ 16 лѣтъ офицеромъ въ пѣх. войскахъ курфюрста Гессенъ-Кассельскаго. Послѣ Аустерлицкаго погрома, „слыша возмущавшія его сужденія, онъ почувствовалъ стыдъ находиться въ бездѣйствіи, на службѣ чужого государя“. Въ 1806 г. онъ вернулся въ Россію и поступилъ юнкеромъ въ Лейбъ-Егерскій полкъ, которымъ командовалъ графъ Эммануиль Сень-При и въ числѣ офицеровъ котораго было много эмигрантовъ. Догнавъ полкъ на походѣ, Боде при Гутштадтѣ спасъ жизнь графа Сень-При и получилъ солдатскій Георгій. Съ 1812 по 1814 г. онъ состоялъ адъютантомъ при гр. Штейнгелѣ, а затѣмъ при Витгенштейнѣ, въ 1813 г. получилъ орденъ св. Георгія 3 ст., а въ Парижѣ былъ произведенъ въ полковники. Въ Январѣ 1815 г. онъ женился на Н. Ф. Колычевой, пріятельницѣ его сестеръ, и скоро вышелъ въ отставку. Проживъ нѣсколько лѣтъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, онъ переѣхалъ съ семьей, для поправленія дѣла, въ с. Колычево, Балашовскаго уѣзда, откуда въ 1830 г. холера снова заставила его вернуться въ Москву. Здѣсь, благодаря родству съ княземъ П. М. Волконскимъ, онъ получилъ мѣсто сначала совѣтника дворцоваго управленія, а затѣмъ мѣсто его начальника, съ большой квартирой въ кавалерскихъ корпусахъ, гдѣ семья его прожила 25 лѣтъ. Онъ имѣлъ придворныя званія камергера, гофмаршала и оберъ-гофмейстера. При немъ поднятъ Царь-колоколь; ему поручено было возстановленіе теремовъ и постройка большого Кремлевскаго дворца. Крайне аккуратный и щепетильный въ денежныхъ дѣлахъ, онъ лично любилъ и умѣлъ строить; чрезъ его руки прошли громадныя суммы, такъ какъ Государь Николай Павловичъ вполне довѣрялъ барону Боде, что создало ему въ Москвѣ много завистниковъ. Онъ получилъ звѣзду св. Александра Невскаго, особую медаль съ брильянтами и надписью „благодарю“ за постройку дворца и 40/т. рублей на уплату долговъ; отъ Александра II звѣзду св. Владимира 1-й степени.

Въ семьѣ онъ былъ главой, и жизнь шла патриархально, нѣсколько на нѣмецкій ладъ; жили широко, но просто; огромная квартира была наполнена чадами и домочадцами, прислуги было множество; при этомъ щепетильный баронъ самъ ѣздилъ съ лакеемъ въ придворной ливреѣ, но это не разрѣшалось ни женѣ, ни дочерямъ. Власть его въ семьѣ признавалась сама собой, не выражалась ни въ чемъ, она чувствовалась, тѣмъ не менѣе дѣти и внуки обожали добраго и сердечнаго, хотя и вспыльчиваго старика. Онъ хорошо говорилъ по-русски, а дѣти должны были быть русскими, т.-е. не говорить по-нѣмецки, что по тогдашнимъ правамъ значило говорить по-французски. Только шутка и ласка выходили у него удачно всегда на родномъ нѣмецкомъ языкѣ. Внучатамъ онъ давалъ шутливыя нѣмецкія прозвища и любилъ иногда поболтать съ дамами Московской нѣмецкой колоніи.

Обладая изящнымъ лоскомъ XVIII в., соединеннымъ съ военной выправкой, невысокій, плотный старикъ, съ красивымъ лицомъ и густой щетиной бѣлыхъ волосъ на головѣ, которую внучата сравнивали съ „одуванчикомъ“, баронъ Боде до старости сохранилъ живой умъ, бодрость и веселый нравъ. Онъ оставилъ записки на англійскомъ языкѣ (не изданы) о своей жизни до женитьбы.

Скончался, 29 Апрѣля 1859 г., въ Москвѣ и погребенъ былъ сначала въ селѣ Мещерскомъ, Московской губерніи, Подольскаго уѣзда, откуда въ 1867 г. прахъ его перенесенъ въ склепъ подъ церковью села Лукина, близъ Москвы.

(Съ миниатюры 1812 г.; собственность графини Н. М. Соллогубъ, въ Москвѣ.)

Баронесса **НАТАЛІЯ ФЕДОРОВНА БОДЕ**, 1790—1860, дочь капитана Федора Петровича Колычева отъ брака съ Анной Никитичной Локисовой, послѣдняя представительница стариннаго дворянскаго рода Колычевыхъ, давшаго Россіи Святителя Московскаго Филиппа, родилась 7 Іюня 1790 г. въ г. Рязскѣ, гдѣ провела дѣтство въ домѣ матери, овдовѣвшей вскорѣ послѣ рожденія дочери; позднѣе она жила у тетки Маріи Петровны Колычевой, рожденной княжны Волконской, въ Петербургѣ, гдѣ въ Январѣ 1815 г. и вышла замужъ за полковника барона Льва Карловича Бодѣ. Смерть нѣсколькихъ бездѣтныхъ дядей и брата, убитаго въ 1812 г., сдѣлала ее богатой невѣстой, но дѣла ея были запутаны. Отъ природы горячая и властная, она сумѣла передѣлать себя, и сама, только по чувству долга, всецѣло подчинилась волѣ мужа. Прожили супруги вмѣстѣ 45 лѣтъ въ полномъ согласіи, среди патриархальной обстановки большой семьи, состоявшей изъ 11 человекъ дѣтей, а потомъ и многочисленныхъ внуковъ. Отличаясь глубокой религіозностью, она воспитывала дѣтей въ строго православномъ духѣ, хотя мужъ ея былъ лютеранинъ, а ея собственная библіотека состояла изъ духовно-нравственныхъ книгъ на французскомъ языкѣ. Высокаго роста, прямая и сухая, съ большимъ носомъ и сжатыми губами, очень благообразная, подъ старость она сдѣлалась еще богомольнѣе и ежедневно посѣщала службу въ домовой церкви въ селѣ Мещерскомъ.

Баронесса Бодѣ имѣла 4 сыновей и 7 дочерей, а именно: Льва (1820, † 1855; предводитель дворянства Подольскаго у., Моск. губ.), Александра и Дмитрія (умерли въ младенчествѣ), Михаила (р. 1824, † 22 Мая 1888; оберъ-гофмейстеръ, 13 Мая 1875 г. получилъ гербъ и фамилію Колычевыхъ), Анну (р. 1815, † 1897; за княземъ А. М. Долгорукимъ), Наталію (р. 1817, † 1845; фрейлина), Марію (р. 1818, † 1864; дѣвица, съ 1862 г. монахиня Паисія), Екатерину (р. 1819, † 1867; за П. А. Олсуфьевымъ и во 2 бракѣ за княземъ А. С. Вяземскимъ), Софію (р. и † 1821 г.), Елену (р. 1826, † 1862; за А. И. Баратынскимъ) и Александру (р. 1828, † 1890; за княземъ Н. А. Оболенскимъ).

Баронесса Н. Ф. Бодѣ умерла въ селѣ Мещерскомъ отъ нервнаго удара, чрезъ годъ послѣ кончины мужа, 21 Апрѣля 1860 г., и похоронена была тамъ же, около церкви; въ 1867 г. прахъ ея перевезенъ въ село Лукино, въ 17 верстахъ отъ Москвы, и положенъ тамъ въ усыпальницѣ подъ церковью Св. Филиппа, соединяющейся переходомъ со старымъ, въ русскомъ стилѣ, домомъ Колычевской усадьбы. Здѣсь находится цѣлая галлерей фамильныхъ портретовъ и архивъ рода Колычевыхъ; тамъ собрано такъ же многое, что напоминаетъ о св. Филиппѣ. Лукино въ настоящее время принадлежит дочери барона М. Л. Бодѣ-Колычева (опять-таки послѣдняго носившаго эту фамилію), графинѣ Н. М. Соллогубъ.

(Съ миниатюры 1815 г. изъ собранія графини Н. М. Соллогубъ, Москва.)

79

Романъ Егоровичъ
Ренни,
1768 — 1832

Romain Egorowitch
Renni,
1768 — 1832

80

Марія Ивановна
Ренни,
1781 — 1810

Marie Ivanowna
Renni,
1781 — 1810

81

Баронъ Левъ Карловичъ
Бодѣ,
1787 — 1859

Baron Léon Karlowitch
Bode,
1787 — 1859

82

Баронесса Наталія Федоровна
Бодѣ,
1790 — 1860

Baronne Natalie Féodorowna
Bode,
1790 — 1860

ЕКАТЕРИНА ВЛАДИМИРОВНА НОВОСИЛЬЦОВА, 1770—1849, дочь младшаго изъ пяти братьевъ Орловыхъ, графа Владиміра Григорьевича (1743—1851), отъ брака его съ Елизаветой Ивановной Стакельбергъ (1741—1817), родилась 7 Ноября 1770 года. Выйдя въ 1799 г. замужъ за бригадира Дмитрія Александровича Новосильцова (1758—1835), она не была счастлива въ своей семейной жизни и всего годъ жила съ мужемъ, имѣвшимъ постороннюю привязанность, человѣкомъ заносчивымъ и запальчивымъ, съ которымъ „невозможно ужитья никакому существу, хотя бы съ ангельскимъ характеромъ“. Во всѣхъ отношеніяхъ достойная, благочестивая и добрыйшая женщина, она всецѣло отдалась заботамъ о воспитаніи своего единственнаго сына, Владиміра, мало показываясь въ свѣтъ и принимая у себя только нѣсколькихъ католическихъ патеровъ и графа де-Мэстръ. Новосильцовъ подавалъ, дѣйствительно, большія надежды: онъ хорошо учился, „блисталъ въ обществѣ, игралъ хорошо на гобоѣ, изящно танцевалъ и ловко бился на рапирахъ; будучи очень высокаго роста, какъ всѣ внуки Орловыхъ, онъ превосходилъ ихъ всѣхъ красотою. Съ ранняго дѣтства онъ почти не видѣлъ своихъ родителей вмѣстѣ, они изрѣдко сходились и то для бурныхъ совѣщаній, похожихъ на перебранку. Сынъ умѣлъ, однакоже, сохранить въ отношеніяхъ къ родителямъ столько такта, что исполнялъ до конца сыновнія обязанности одинаково къ отцу и матери. Послѣдняя обожала его“. Въ своей материнской гордости, не чуждой, впрочемъ, и „Орловской“ спѣси, она мечтала о знатной и блестящей невѣстѣ для него, и это заставило ее всѣми силами вооружиться противъ брака сына съ бѣдной и неизвѣстной дѣвицей Черновой и привела къ роковой катастрофѣ, сдѣлавшей ее невольной убійцей сына. Употребляя всѣ усилія къ тому, чтобы помѣшать этому браку, она всячески старалась тянуть дѣло, притворно изъявляя свое согласіе, ласкала семейство Черновыхъ и говоря въ то же время: „Могу ли я согласиться, чтобы мой сынъ, Новосильцовъ, женился на какой-нибудь Черновой, да еще вдобавокъ на Пахомовѣ. Никогда этому не бывать!“ Своимъ упорнымъ сопротивленіемъ ей удалось достигнуть того, что сынъ отказался отъ своего обѣщанія жениться, но не въ ея власти оказалось помѣшать состоявшемуся вслѣдствіе этого поединку его съ оскорбленнымъ братомъ невѣсты. Узнавъ о посланномъ сыну вызовѣ, она извѣстила объ этомъ главнокомандующаго въ Москвѣ, графа Сакена, приказавшаго отцу Чернова, своему подчиненному, прекратить дѣло. Но было уже поздно: дуэль состоялась, и смертельно раненый Новосильцовъ скончался 14 Сентября 1825 года. Несчастливая мать, пріѣхавъ въ Петербургъ, застала его еще въ живыхъ, но всѣ усилія врачей, во главѣ съ тогдашнею знаменитостью, докторомъ Арендтомъ, которому она обѣщала 1000 рублей за выздоровленіе сына, не могли его спасти. Тѣло его было набальзамировано и отправлено въ Москву; туда же вернулась и мать, увозя съ собой въ каретѣ сердце сына, закупоренное въ серебряномъ сосудѣ. Похоронивъ его въ Новоспасскомъ монастырѣ и построивъ церковь въ Лѣсномъ, на мѣстѣ, гдѣ онъ былъ раненъ, Е. В. Новосильцова съ того времени всецѣло предалась молитвѣ и дѣламъ благотворенія и до конца жизни не снимала траура. Кромѣ церкви и бѣдныхъ, она никого не посѣщала, сначала поселившись около Новоспасскаго монастыря, а затѣмъ запершись въ своемъ домѣ на Страстномъ бульварѣ. „Я убійца моего сына, помолитесь, владыко, чтобы я скорѣе умерла“, говорила она митрополиту Филарету, котораго очень уважала и къ которому часто ѣздила на Троицкое подворье. Позднѣе она поселилась въ Отрадѣ у отца и ухаживала за нимъ до конца его долгой жизни. Графъ В. Г. Орловъ скончался 28 Февраля 1851 г. въ Москвѣ, въ своемъ Никитскомъ домѣ, въ присутствіи Е. В. Новосильцовой, „не отходившей отъ одра отца“. Десять лѣтъ спустя послѣ смерти сына, она овдовѣла и въ память его перенесла свою благотворительность даже на побочныхъ дѣтей мужа. До конца своей долгой и одинокой жизни она оставалась другомъ и покровительницей бѣдныхъ, сирыхъ и несчастныхъ, принимала дѣятельное участіе въ трудахъ дамскаго благотворительнаго комитета, объѣзжая бѣдныхъ и устраивая для нихъ бесплатныя квартиры.

Е. В. Новосильцова, послѣдняя изъ рода Орловыхъ, скончалась 31 Октября 1849 года. Огромное ея состояніе перешло къ ея племяннику, сыну сестры ея, Владиміру Петровичу Давыдову, вмѣстѣ съ фамиліей и графскимъ титуломъ Орловыхъ.

(Съ портрета, находящагося въ склепѣ подъ соборомъ Новоспасскаго монастыря, въ Москвѣ.)

ВЛАДИМИРЪ ДМИТРИЕВИЧЪ НОВОСИЛЬЦОВЪ, 1800—1825, сынъ бригадира Дмитрія Александровича Новосильцова, получилъ воспитаніе подъ руководствомъ своей матери, рожденной графини Орловой, жившей отдѣльно отъ мужа, учился въ Іезуитской коллегіи. Богато одаренный отъ природы, красавецъ, умный и воспитанный, къ тому же наслѣдникъ громаднаго Орловскаго состоянія, Новосильцовъ съ юности подавалъ уже большія надежды, и все предвѣщало ему блестящее будущее. Коротокъ и краснорѣчивъ его формулярный списокъ: „Будучи произведенъ въ 1818 г. изъ портупей-юнкеровъ л.-гв. Гусарскаго полка въ корнеты, онъ въ томъ же году былъ назначенъ въ должность адъютанта къ главнокомандующему 1-й арміей генералу-отъ-инфантеріи графу Сакену; въ 1822 г. произведенъ въ поручики, 5 Іюня того же года назначенъ флигель-адъютантомъ, а 21 Октября 1825 г. исключенъ изъ списковъ умершимъ“.

Трагическая смерть этого молодого и блестящаго офицера грустно отозвалась въ обществѣ того времени, заинтересовавшемся ея романической подкладкой. Познакомившись въ семьѣ небогатой помѣщицы, жены генераль-майора Черновой, съ ея красавицей дочерью, Екатериной Пахомовной, Новосильцовъ настолько увлекся ея красотой, что сдѣлалъ ей предложеніе, забывъ заручиться согласіемъ матери. Считался на правахъ жениха и показываясь въ публикѣ вдвоемъ съ невѣстой, Новосильцовъ, наконецъ, написалъ матери, но получилъ, какъ и слѣдовало ожидать, рѣшительный отказъ и приказаніе немедленно прекратить всѣ сношенія съ невѣстой и ея семьей. Простившись съ Черновыми, съ обѣщаніемъ скоро вернуться, Новосильцовъ уѣхалъ къ матери въ Москву. Боялся ли онъ гнѣва матери, произошла ли подъ вліяніемъ разлуки перемѣна въ его собственныхъ чувствахъ, но Новосильцовъ, по пріѣздѣ въ Москву, оставилъ семейство Черновыхъ въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ безъ всякихъ вѣстей о себѣ и, будучи въ это время проездомъ въ Петербургъ, даже не заѣхалъ къ невѣстѣ. Пріѣздъ въ Москву за объясненіями брата ея, подпоручика л.-гв. Семеновскаго полка С. П. Чернова, написавшаго Новосильцову оскорбительное письмо, чуть было не повелъ къ дуэли, но при свиданіи съ Черновымъ, въ присутствіи Московскаго генераль-губернатора, Новосильцовъ объяснилъ, что никогда не оставлялъ намѣренія жениться и обѣщалъ обвѣнчаться въ теченіе шести мѣсяцевъ. Мать его тутъ же изъявила письменно родителямъ Чернова свое согласіе на бракъ сына съ ихъ дочерью. Однако, вернувшись въ Петербургъ, Новосильцовъ снова послалъ вызовъ Чернову за приглашенными будто бы имъ слухи, что онъ принудилъ его силою жениться на сестрѣ. Хотя послѣ заявленія Чернова, что онъ никогда такихъ слуховъ не распускалъ, Новосильцовъ и взялъ свой вызовъ обратно, но, видя, что дѣло не подвигается впередъ, Черновъ, „чтобы дать сему дѣлу приличный конецъ“, какъ сказано въ запискѣ его секунданта, поэта и декабриста Рылѣва, самъ вызвалъ его на дуэль. „Желательно, чтобы Новосильцовъ былъ нашъ зять, но ежели сего нельзя, то надо дѣлать, чтобы онъ умеръ холостымъ, хотя сіе прелестное твореніе заслуживаетъ и лучшей участи“, писалъ С. П. Черновъ брату въ Ноябрь 1824 года. Странія Е. В. Новосильцовой и вмѣшательство графа Сакена уже не могли помѣшать поединку: дуэль на пистолетахъ состоялась 10 Сентября 1825 г., въ 6 ч. утра, въ Лѣсномъ, за Выборгской заставой. Противники стрѣлялись на барьеръ, дистанція восемь шаговъ съ расходомъ по пяти, и оба были смертельно ранены. Перенесенный въ ближайшую гостиницу, Новосильцовъ, несмотря на усилія врачей, скончался черезъ четверо сутокъ на рукахъ прискакавшей изъ Москвы матери. Почти въ тотъ же часъ скончался и Черновъ: близость смерти сблизила противниковъ, и каждый изъ нихъ справлялся о состояніи другого. Тѣло было перевезено въ Москву и предано землѣ въ склепѣ Новоспасскаго монастыря; на памятникѣ надгробная надпись: „Новосильцовъ, Владиміръ Дмитріевичъ, флигель-адъютантъ Императора Александра I, единственный сынъ, надежда родителей и отечества, 1825 г., Сентября 10 числа, безъ враждебнаго намѣренія, защищая честь, смертельно раненъ, а 14-го дня, 25 лѣтъ отъ роду, на одрѣ великодушнаго страданія, въ мирѣ съ Богомъ, съ церковью и врагами, скончался въ предмѣстіи С.-Петербурга, во 2-мъ часу пополудни; здѣсь земные останки его преданы землѣ попеченіемъ сѣтующей матери, Ек. Влад. Новосильцовой, рожденной гр. Орловой, полагающей единственное утѣшеніе въ молитвѣ о немъ и въ надеждѣ, на непоколебимой вѣрѣ основанной, обрѣсти его въ жизни безмятежной, а земной для себя покой здѣсь-же“.

(Съ портрета, находящагося въ склепѣ подъ соборомъ Новоспасскаго монастыря, въ Москвѣ.)

83

Владимѣръ Дмитріевичъ
Новосильцовъ,
1800 — 1825

Vladimir Dmitriewitch
Novossiltzoff,
1800 — 1825

84

Екатерина Владиміровна
Новосильцова,
1770 — 1849

Catherine Vladimirovna
Novossiltzoff,
1770 — 1849

Графиня ВѢРА НИКОЛАЕВНА ЗАВАДОВСКАЯ, 1768—1845, дочь графа Николая Федоровича Апраксина, женатаго на Софїи Осиповнѣ Закревской, родилась 2 Ноября 1768 г.; воспитывалась въ домѣ графа К. Г. Разумовскаго. Графинѣ Вѣрѣ Николаевнѣ не было еще 15 лѣтъ, когда ея красота обратила на себя вниманіе 45-лѣтняго, бывшаго фаворита, графа П. В. Завадовскаго. Мать всѣми силами старалась устроить эту выгодную партію для своей дочери. Но сватовство шло туго. „Добраго и столь хорошаго поведенія дѣвицу нельзя не любить; но это не есть обязательство жениться“, писалъ Завадовскій Воронцову; тѣмъ болѣе, что въ началѣ 1786 г. графиня В. Н. Апраксина была помолвлена съ Петромъ Петровичемъ Нарышкинымъ (р. 1764, † 1825), незадолго передъ тѣмъ овдовѣвшимъ, но бракъ этотъ разстроился. Въ 1787 г. самъ Разумовскій жаловался, что „Завадовскій годъ все обходился съ Вѣрой Николаевной, какъ женихъ съ невѣстой, откладывая публичное оглашеніе сего акта съ мѣсяца на мѣсяць, къ крайнему безпокойству матери и дочери“. Наконецъ, въ дѣло, кажется, вмѣшалась сама Екатерина, преподававшая Завадовскому „матернія наставленія“ и въ день сговора пожаловавшая его невѣсту во фрейлины. Наканунѣ свадьбы Завадовскій „приватно“ писалъ Екатеринѣ: „Не бывши женихомъ, явлюся завтра женатымъ. Предаюся неизвѣстной судьбѣ, вспомогаемый вашимъ къ тому ободреніемъ. Хотя беру овечку изъ паршиваго стада, но на свой духъ надѣюсь твердо, что проказа ко мнѣ никакъ не пристанетъ, на подобіе того, какъ вынутае изъ грязи и очищенное отъ оной ничьихъ рукъ не мараеетъ“..... Свадьба состоялась въ Гостилицахъ, имѣніи Разумовскаго, 50 Апрѣля 1787 г., „безъ всякихъ пустыхъ церемоній“. „Грызла меня тоска и скука“, продолжаетъ онъ въ письмѣ къ другу своему, графу С. Р. Воронцову, „а пустота въ домѣ отвращала отъ онаго. Жена меня любить, и страстно, уже долгое время, и подвигъ мой не иначе, чтобъ сдѣлать ее благополучною“.

Но семейная жизнь графини Завадовской сложилась несчастливо. Дѣти ея умирали въ младенчествѣ, и въ короткое время она похоронила шестерыхъ. При ея молодости, красотѣ и жаждѣ свѣтскихъ успѣховъ, домашняя жизнь съ старѣющимъ мужемъ, угрюмо погруженнымъ въ воспоминанія о прошломъ счастьи и величїи, представлялась ей безотрадною. Уже съ 90-хъ годовъ въ перепискѣ современниковъ появляются намеки на отношенія графини Завадовской къ какому-то таинственному „Абелару“ и на происходящія вслѣдствіе этого бурныя сцены. Супруги то расходятся, то сходятся опять, но до открытаго разрыва дѣло не доходитъ никогда, „изъ-за уваженія стараго графа къ своей свекрови и фельдмаршалу Разумовскому“. Вообще семейныя отношенія Завадовскихъ представлялись загадкою для его друзей и знакомыхъ. „При всей его подозрительности и явномъ неудовольствїи противъ жены“, пишетъ князь А. Б. Куракинъ, „онъ кажется въ хорошихъ отношенїяхъ съ ней, потому лишь, что мы никогда не видали, чтобъ онъ былъ ласковъ къ ней“.

Графиня Завадовская особенно тиготилась и скучала деревенскою жизнью мужа, когда хандра и служебныя неспрїятности годами удерживали его въ Ляличахъ. Не разъ обращалась она къ графу С. Р. Воронцову, прося его повліять на мужа, напримѣръ, въ дѣлѣ выбора учителя для сына, на мѣсто „какого-то малоросса, который скорѣе испортитъ ребенка, чѣмъ научитъ чему-либо“. „Никогда въ жизни“, писала она ему въ 1800 г., „я не чувствовала себя болѣе одинокой, и мнѣ было бы трудно привыкнуть къ такого рода жизни, не имѣя даже подруги при себѣ. Я дѣлаю все, что могу, чтобы казаться веселой при мужѣ, чтобъ его не раздражать, но не знаю долго ли я это вынесу“. Но графъ С. Р. Воронцовъ уже составилъ себѣ такое понятіе о женѣ своего друга, что при отправленїи своего сына въ Россію писалъ Ростовчину: „Я былъ бы радъ, чтобы мой сынъ остановился у графа П. В., если бы, къ несчастію, мой другъ не былъ женатъ на совершенно распущенной женщинѣ. Молодость имѣетъ много прелести для такой особы: она способна была бы его обольстить“.

Графиня Завадовская, пожалованная въ 1806 г. кавалерственной дамой ордена св. Екатерины 2-го класса, скончалась, 22 Ноября 1845 г., въ г. Нарвѣ; похоронена въ селѣ Межникахъ, Порховскаго уѣзда. Изъ 12 дѣтей ея остались въ живыхъ два сына: Александръ († 1856) и Василій (1798—1855), и четыре дочери: Софїя (вышедшая за князя В. Н. Козловскаго), Варвара, Аглада (за камеръ-юнкеромъ Мержіевскимъ) и Татьяна (за тайнымъ совѣтникомъ В. И. Кабуковымъ).

(Съ портрета Лампи; собственность С. И. Скворцовой, въ Москвѣ.)

МАРІЯ ГАВРИЛОВНА ВИСЛЕНЕВА, 1778—1835, старшая дочь дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Гавріила Петровича Гагарина отъ брака съ Прасковіей Федоровной Воейковой, родилась 18 Сентября 1778 г.; была замужемъ за кавалергардомъ, позднѣе, съ 1797 г., директоромъ Государственнаго Заемнаго банка и бригадиромъ, Новгородскимъ помѣщикомъ Александромъ Никитичемъ Висленевымъ (р. 1767 г.). М. Г. Висленева умерла 14 Марта 1835 года.

Въ I томѣ настоящаго изданія помѣщены были изображенія брата Висленевой, извѣстнаго князя Павла Гавриловича Гагарина, мужа А. П. Лопухиной, фаворитки Павла I, и ея трехъ сестеръ, Анны, Екатерины и Варвары.

Прилагаемый портретъ, писанный въ 1802 г. Моллиари, купленъ въ 60-хъ гг. барономъ М. Л. Боден-Колычевымъ.

(Съ портрета Моллиари, принадлежащаго М. С. Сухотину, с. Кочеты, Тульской губ.)

Пис. Ланни

Peint par Lantini

Графиня Вѣра Николаевна
Завадовская,
1768 — 1845

La Comtesse Véra Nikolaevna
Zavadowsky,
1768 — 1845

Пис. Моллиари

Peint par Mollinari

Марія Гавриловна
Висленева,
1778 — 1835

Marie Gavrilovna
Vislénoff,
1778 — 1835

Графъ ИВАНЪ СТЕПАНОВИЧЪ ЛАВАЛЬ, 1761—1846, французъ, эмигрантъ, отецъ котораго носилъ фамилію Лубрери (Loubregie), пріѣхавъ въ Россію, сначала служилъ учителемъ въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ, позднѣе перешелъ въ Министерство Иностранныхъ дѣлъ. 26 Февраля 1800 г. пожалованъ былъ въ камергеры двора Великой Княжны Елены Павловны, а 10 Октября того же года переведенъ къ Высочайшему двору. Женившись на Александрѣ Григорьевнѣ Козицкой, одной изъ наслѣдницъ „Мясниковскихъ“ милліоновъ, онъ сдѣлался богатымъ человѣкомъ. Во время пребыванія Людовика XVIII въ Митавѣ, Лаваль ссудилъ его деньгами и за это получилъ титулъ графа. Въ Министерствѣ Иностранныхъ дѣлъ онъ въ теченіе 30 лѣтъ управлялъ, на правахъ директора департамента, 5-й экспедиціей особой канцеляріи, состоявшей въ непосредственномъ вѣдѣніи самого канцлера, кромѣ того, руководительству графа Лавала поручена была редакція „Journal de St-Petersbourg“. Въ Апрѣль 1819 г. онъ получилъ чинъ тайнаго совѣтника.

Графъ Лаваль былъ человѣкъ вліятельный въ министерствѣ и оставилъ по себѣ память, какъ добрый начальникъ и человѣкъ. Онъ имѣлъ великолѣпный домъ на Англійской набережной, около Сената, гдѣ устраивались иногда пышныя празднества для царской фамиліи, и постоянно, по средамъ, собиралось высшее общество и весь дипломатическій корпусъ.

Высокій, необыкновенно худой, „хилаго здоровья“, графъ Лаваль былъ остроумнымъ собесѣдникомъ и начитаннымъ человѣкомъ; какъ членъ главнаго управленія училищъ, онъ считалъ долгомъ интересоваться наукой и литературой, но это не мѣшало ему быть, въ дѣлѣ гоненія просвѣщенія, дѣятельнымъ союзникомъ Магницкаго и Рунича.

Графъ И. С. Лаваль скончался 19 Апрѣля 1846 г., въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и кавалеромъ ордена св. Александра Невскаго.

(Съ портрета, принадлежащаго князю Н. Д. Крапоткину, имѣніе „Зегевольдъ“, Лифляндской губ.)

Графиня АЛЕКСАНДРА ГРИГОРЬЕВНА ЛАВАЛЬ, 1772—1850, дочь статсъ-секретаря Екатерины II Григорія Васильевича Козицкаго, женатаго на дочери извѣстнаго богача Ивана Семеновича Мясникова, Екатеринѣ, родилась 18 Марта 1772 года; она выросла среди роскоши, въ семьѣ, кичившейся своимъ богатствомъ: Козицкому его жена, одна изъ 4 дочерей Мясникова, принесла въ приданое на свою долю 19 тысячъ душъ крестьянъ, не считая денегъ, драгоценностей и заводовъ на Уралѣ. Въ то время, какъ младшая Козицкая, Анна (р. 20 Мая 1775 г., † 14 Февраля 1846 г.), вышла замужъ за князя А. М. Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго, старшей, Александрѣ, которой шель уже 26-й годъ, сумѣлъ понравиться французскій эмигрантъ Лаваль. Мать ея была противъ этого брака; тогда влюбленная дочь написала всеподданнѣйшую просьбу и опустила ее въ ящикъ, поставленный у дворца по приказанію Императора Павла. По требованію Государя, мать должна была представить объясненіе и причиною отказа въ согласіи на бракъ дочери выставила, что Лаваль „не нашей вѣры, неизвѣстно откуда взялся и имѣеть небольшой чинъ“. Резолюція Павла I была лаконична: „Онъ христіанинъ, я его знаю, для Козицкой чинъ весьма достаточный, а потому обвинять“. Несмотря на то, что повелѣніе Государя послѣдовало наканунѣ постнаго дня, Лаваль и А. Г. Козицкая немедленно были повѣнчаны въ приходской церкви, безъ всякихъ приготовленій. Это было въ 1799 году. За женой графъ Лаваль получилъ большое приданое и въ томъ числѣ Воскресенскій заводъ на Уралѣ. Передъ смертью старуха Козицкая († 1853 г.) „очень одарила Лавалей, *vu qu'ils sont moins riches que la princesse Bélosselsky*“.

Отъ этого брака у графини А. Г. Лаваль былъ сынъ Владиміръ (корнетъ Конной гвардіи, р. 1804 г., † 20 Апрѣля 1825 г.) и 4 дочери: Екатерина—„Каташа“ († 14 Октября 1854 г.; съ 1825 г. за декабристомъ княземъ С. П. Трубецкимъ), Зинаида (съ 1825 г. за графомъ Людвигомъ Лебцельтернъ), Софія († 8 Сентября 1871 г.; за дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ графомъ А. М. Борхомъ) и Александра (за дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ С. О. Коссаковскимъ).

Графиня Лаваль умерла 17 Ноября 1850 г. и погребена на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

Князь П. В. Долгорукій съ большою похвалою отзывается о графинѣ Лаваль, которая наследовала отъ матери Е. И. Козицкой, женщины совсѣмъ простой и необразованной, но пользовавшейся уваженіемъ среди высшаго общества, ея природный умъ, здравый смыслъ, твердый характеръ и тактъ. Все это она соединяла съ прекраснымъ воспитаніемъ, и, въ противоположность младшей сестрѣ Аннѣ, которая „avait toujours l'air d'une femme de chambre“, графиня Лаваль „ne cessa jamais de tenir grande maison“. Въ ея домѣ, на Англійской набережной, собиралось не только высшее общество, но и поэты, писатели, любители и знатоки искусствъ, здѣсь велись литературныя бесѣды и читались новыя произведенія: князь Вяземскій, Тургеневъ были частыми гостями въ ихъ домѣ; хозяйка была пріятельницей извѣстной г-жи Сталь.

(Съ портрета П. Геренъ 1821 г.; собств. князя Н. Д. Крапоткина, имѣніе „Зегевольдъ“, Лифляндской губ.)

Князь СЕРГѢЙ ПЕТРОВИЧЪ ТРУБЕЦКОЙ, 1790—1860, сынъ дѣйств. ст. сов. князя Петра Сергѣевича (1760—1817) отъ перваго его брака съ княжной Даріей Александровной Грузинской († 1796 г.), родился 29 Августа 1790 года; началъ службу въ Семеновскомъ полку и въ 1810 г. произведенъ въ прапорщики, въ 1812 г.—въ подпоручики и въ 1813 г.—въ поручики. Трубецкой отличался неустрашимостью и хладнокровіемъ въ бояхъ, которыя выказалъ при Бородинѣ и Люцинѣ; при Кульмѣ, командуя батальономъ Семеновскаго полка, онъ выбилъ штыками французовъ, засѣвшихъ въ лѣсу. Въ 1816 г. онъ былъ шт.-капитаномъ, въ 1819 г.—капитаномъ и старшимъ адъютантомъ Главнаго штаба; 24 Января 1821 г. переведенъ въ Преображенскій полкъ и произведенъ 1 Января 1822 г. въ полковники; 22 Декабря 1824 г. Трубецкой былъ назначенъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ 4-го пѣхотнаго корпуса, стоявшаго въ Кіевѣ.

Трубецкой былъ однимъ изъ основателей тайнаго общества „Союза спасенія“ (1817 г.), превратившагося въ 1818 г. въ „Союзъ благоденствія“. вмѣстѣ съ Ал. Ник., Мих. Ник. (Виленскимъ) и Никитой Муравьевыми и П. И. Колошинымъ онъ составлялъ уставъ этого союза („Зеленую книгу“). На Московскомъ съѣздѣ (1820 и 1821 гг.) не участвовалъ, такъ какъ находился въ продолжительномъ заграничномъ отпуску. Въ 1823 г. Трубецкой вернулся въ Петербургъ и былъ избранъ однимъ изъ трехъ директоровъ Сѣвернаго общества. Вопреки мнѣнію Н. Муравьева, и въ особенности Рыльева, соглашался на уступку Польшѣ губерній съ кореннымъ русскимъ населеніемъ. Пріѣхавъ въ отпускъ въ Петербургъ въ концѣ 1825 г. и, по настоянію Рыльева, былъ избранъ „диктаторомъ“. Н. А. Боровковъ такъ характеризуетъ Трубецкого: „Надменный, тщеславный, малодушный, желавшій дѣйствовать, но, по робости и нерѣшительности, ужасавшійся собственныхъ предначертаній—вотъ Трубецкой... Онъ самъ признаетъ себя виновникомъ возстанія и несчастной участи тѣхъ, кого вовлекъ въ преступленія своими поощреніями“.... Характеристика эта вполнѣ подтверждается документами (Гос. арх., I, В, д. 333 и друг.). Трубецкой попался навстрѣчу Николаю I, когда послѣдній повелъ 1-й батальонъ преображенцевъ къ Исакію. „Я“, пишетъ Трубецкой, „вошелъ въ канцелярію дежурнаго генерала, не зная, куда дѣваться... Меня убивала мысль, что я, можетъ-быть, могъ бы предупредить кровопролитіе“. Однако, несмотря на указаніе служащихъ въ Главномъ штабѣ, что всѣмъ военнымъ слѣдуетъ быть на площади, Трубецкой, хотя и вышелъ изъ Главнаго штаба, но самъ говоритъ: „Я не хотѣлъ идти на площадь и прошелъ дворомъ Главнаго штаба въ Милліонную, не зная, куда идти“. Затѣмъ Трубецкой опять вернулся въ Главный штабъ, гдѣ ему другой чиновникъ предложилъ идти на площадь. „Мы вышли“, продолжаетъ Трубецкой, „но я, идучи, сказалъ, что я чувствую себя очень нездоровымъ“, и Трубецкой опять скрылся въ Главномъ штабѣ. Ему въ третій разъ тамъ предложили идти на площадь, „но я сказалъ, что я очень нездоровъ“... И „диктаторъ“ вышелъ „въ курьерскую, гдѣ сидѣлъ одинъ въ большомъ уныніи и страхѣ“. Ночью 14 Декабря Трубецкой былъ арестованъ на квартирѣ своего зятя, Австрійскаго повѣреннаго въ дѣлахъ Лебцельтерна и доставленъ въ Зимній дворецъ. „Когда Великій Князь“, пишетъ о себѣ В. К. Михаилъ Павловичъ, „вошелъ къ Государю, была уже поздняя ночь, и здѣсь представилось ему неожиданное зрѣлище: передъ Государемъ стоялъ и въ ту минуту упалъ на колѣни, моля о своей жизни, извѣстный князь Трубецкой“. Верховный уголовный судъ отнесъ Трубецкого къ преступникамъ 1-го разряда и приговорилъ къ смертной казни, замѣненной Государемъ пожизненной каторгой.

Трубецкой былъ женатъ, съ 1825 г., на графинѣ Екатеринѣ Ивановнѣ Лаваль (р. 1802 г.), которая послѣдовала за мужемъ въ ссылку на другой день послѣ его отправки; „она первая проложила путь далекій, неизвѣстный, сопряженный съ такими трудностями, предъ которыми остановилась бы женщина съ меньшимъ запасомъ душевныхъ силъ, съ меньшей любовью“... Княгиня Трубецкая 27 лѣтъ прожила въ Сибири, неотступно слѣдуя за мужемъ въ каторгу и ссылку и облегчая страданія его и его товарищей. Княгиня не дождалась освобожденія и умерла, на 52 г. жизни 14 Октября 1854 г., въ Сибири, гдѣ родился всѣ ея дѣти: сынъ Иванъ († 1875) и 3 дочери—Александра (за сенаторомъ Н. Р. Ребиндеромъ), Зинаида (за Н. Д. Свербѣевымъ) и Елизавета (за П. В. Давыдовымъ).

Князь С. П. Трубецкой въ 1856 г. былъ прощенъ и возвратился въ Россію; умеръ въ Москвѣ 22 Ноября 1860 года.

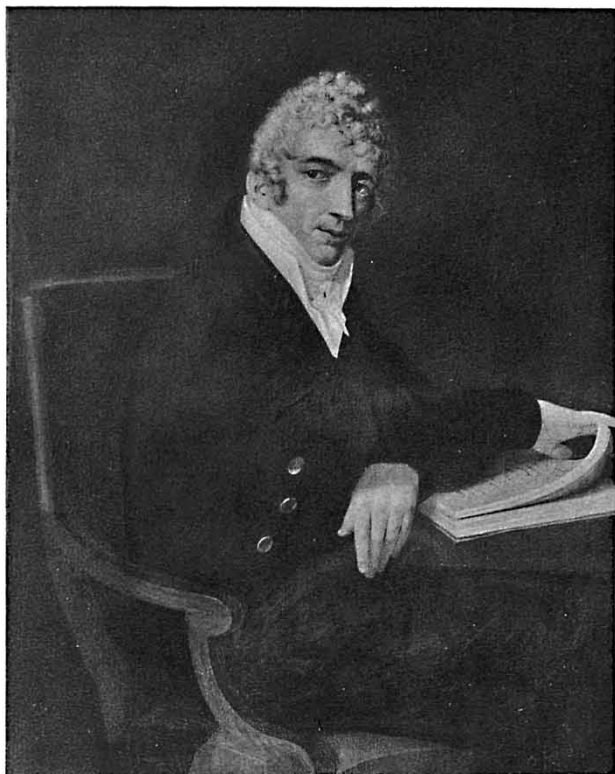
(Съ акварельнаго портрета, находящагося у В. Е. Якушкина, въ Москвѣ.)

Графъ ЛЮДВИГЪ ЛЕБЦЕЛЬТЕРНЪ, 1774—1854, сынъ барона Адама Лебцельтерна, съ 1790 по 1797 г. служилъ причисленнымъ къ Австрійскому посольству въ Лиссабонъ, состоя при своемъ отцѣ; затѣмъ по 1800 г. былъ секретаремъ посольства въ Мадридъ, а съ 1800 по 1805 г. первымъ секретаремъ въ Римъ; позднѣе, состоя тамъ же повѣреннымъ въ дѣлахъ, въ Іюнь 1809 г. былъ высланъ изъ Рима, по приказанію Наполеона. Между 1810 и 1813 гг. онъ былъ при Меттернихѣ въ Парижѣ, въ 1814 г. былъ посланъ союзниками во главѣ миссіи въ Швейцарію, а затѣмъ избранъ сопровождать Пія VII въ Римъ.

Въ 1815 г. графъ Лебцельтернъ назначенъ полномочнымъ министромъ въ С.-Петербургъ, и здѣсь 23 Февраля 1823 г. женился на старшей дочери графа Ивана Степановича Лаваль, графинѣ Зинаидѣ Ивановнѣ, на сестрѣ которой, Екатеринѣ, былъ женатъ декабристъ князь С. П. Трубецкой. Уклонившись лично отъ участія въ бунтѣ 14 Декабря, послѣдній ожидалъ результатовъ событія въ домѣ своего зятя, графа Лебцельтерна. Въ своихъ „Запискахъ“ Трубецкой между прочимъ говоритъ: „Многіе бѣжавшіе съ площади нижніе чины и офицеры скрывались въ домѣ моей тещи (графини А. Г. Лаваль, на Англійской набережной), и онъ былъ окруженъ съ обѣихъ сторонъ. Сестра тещи моей, княгиня Бѣлосельская, предложила ей ночлегъ въ своемъ домѣ, а сестра жены моей, графиня Л., предложила въ своемъ женѣ и мнѣ. Это послѣ причислено мнѣ было въ намѣреніе укрыться въ домѣ иностраннаго посланника“. Въ 1826 г. графъ Лебцельтернъ былъ отозванъ изъ Петербурга и затѣмъ исполнялъ различныя временныя дипломатическія порученія, пока въ 1830 г. не былъ назначенъ Австрійскимъ полномочнымъ министромъ въ Неаполь. Въ 1844 г. онъ вышелъ въ отставку и умеръ въ Неаполѣ въ 1854 году.

Единственная дочь графа Лебцельтерна, Александра (1827—1852), была замужемъ за виконтомъ Иваномъ-Августинномъ де-Карсъ (р. 1821, † 7 Ноября 1860 г.).

(Съ миниатюры А. Маттесъ 1822 г., принадлежавшей въ 1902 г. князю П. А. Голицыну, въ Москвѣ.)

Графъ Иванъ Степановичъ Лаваль, 1761 — 1846
Le Comte Ivan Stépanowitch Laval, 1761 — 1846

Пис. П. Геренъ, 1821
Графиня Александра Григорьевна Лаваль, 1772 — 1850
Peint par P. Guérin, 1821
La Comtesse Alexandrine Grigorievna Laval, 1772 — 1850

Князь Сергій Петровичъ Трубецкой, 1790 — 1860
Le Prince Serge Pétrowitch Troubetzkoi, 1790 — 1860

Пис. А. Маттесъ, 1822 — Peint par A. Matthes, 1822
Графъ Людвигъ Лебцелтернъ, 1774 — 1854
Le Comte Louis Lebzelttern, 1774 — 1854

СТЕПАНЪ ИВАНОВИЧЪ ШЕШКОВСКІЙ, 1719—1794, былъ внукъ плѣннаго поляка и сынъ подъячяго, родился 20 Декабря 1719 года. Въ Греко-латинской школѣ онъ обучался всего нѣсколько мѣсяцевъ, и все его образованіе ограничивалось „письменной наукой“. Поступивъ въ 1738 г. въ Сибирскій приказъ копіистомъ, онъ въ 1743 г. перешелъ въ Московскую Контору Тайныхъ Розыскныхъ дѣлъ, затѣмъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ—въ Тайную Канцелярію, гдѣ былъ архивариусомъ и протоколистомъ; въ 1757 г. „за добропорядочные поступки и примѣрные труды“ былъ назначенъ секретаремъ, а при учрежденіи Екатериной II при Сенатѣ Тайной Экспедиціи поступилъ туда и въ 1767 г. былъ сдѣланъ оберъ-секретаремъ. Въ теченіе 30 лѣтъ Шешковскій въ Экспедиціи производилъ розыски по важнѣйшимъ дѣламъ, особенно политическаго характера. Въ 1774 г. былъ командированъ въ Москву для слѣдствія по дѣлу о бунтѣ Пугачева, „дабы досконально узнать всѣ кроющіяся плутни“, и велъ розыскъ чрезвычайно энергично, „писалъ день и ночь злодѣевъ гисторію“. Черезъ его руки прошли дѣла о Радищевѣ и Новиковѣ. Труды Шешковского были щедро награждаемы: онъ имѣлъ чинъ тайнаго совѣтника (въ 1791 г.) и орденъ св. Владиміра 2-й степени. Умеръ 12 Мая 1794 г. и погребенъ на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

Отъ брака съ Еленой Петровной († 7 Августа 1805 г.; фамилія неизвѣстна) онъ оставилъ сына Ивана (бригадиръ, р. 1763, † 31 Октября 1818 г.) и дочь Марію (за сенаторомъ Митусовымъ).

По отзыву Екатерины, Шешковскій „всегда до точности доводилъ трудныя разбирательства“. Онъ располагалъ для того богатыми средствами. Отъ внушительнаго „увѣщанія и убѣжденія о показаніи истинны“ онъ переходилъ къ „пристрастію“, заключавшемуся въ примѣненіи плетей и кнута. Самъ Шешковскій былъ виртуозомъ въ этомъ искусствѣ: самъ стегалъ допрашиваемыхъ кнутомъ и умѣлъ такъ искусно ударить палкой въ подбородокъ, что зубы выскакивали вонъ. Шешковскій, по выраженію Екатерины, не только имѣлъ „особливый даръ говорить съ простыми людьми“, но умѣлъ обходиться и съ людьми высшихъ ранговъ и подвергалъ сѣченію болтавшихъ лишнее придворныхъ дамъ. Ханжество Шешковского дѣлало еще болѣе возмутительной его жестокость. Комната для допросовъ была заставлена иконами, и онъ часто увѣщевалъ преступниковъ текстами изъ Св. Писанія и во время пытокъ способенъ былъ читать вслухъ акаѳисты. По мѣрѣ служебныхъ успѣховъ Шешковскій пріобрѣталъ богатство не только отъ монаршихъ милостей, но и способами, какія доставляла ему его профессія. Неудивительно, что онъ пользовался общей ненавистью; вельможи, сильные при Дворѣ, третировали его, какъ „кнутобойничающаго“ палача; зато люди, нуждавшіеся въ Шешковскомъ или боявшіеся его, даже такіе, какъ князь Прозоровскій, унижались, „надѣясь на его дружбу“ и прося „любить ихъ, не оставлять и въ случаѣ остерегать“.

Справедливость требуетъ значительную долю вины сложить съ невѣжественнаго, выросшаго среди приказной ябеды Шешковского на его просвѣщенную повелительницу. Одописцы утверждали, что Екатерина „о себѣ не запрещала и былъ, и небылъ говорить, и даже самымъ крокодиламъ, ея всѣхъ милостей знаямъ, всегда склонялася простить“. Въ дѣйствительности, однако, Императрица всегда слѣдила подозрительно за всѣмъ, что, по ея мнѣнію, оскорбляло ея непомѣрное самолюбіе. Говорившихъ „былъ и небылъ“ она часто причисляла къ ненавистнымъ ей „вралямъ“; въ число же „крокодиловъ“ нерѣдко попадали невинные болтуны. Правилomъ Екатерины было „не пропускать вракъ безъ изслѣдованія“ и „отъ человѣка до человѣка, и кто отъ кого слышалъ, добратся до выдумщика, и того по мѣрѣ вины его наказать“. Въ такихъ дѣлахъ Шешковскій дѣйствовалъ подъ руководствомъ Екатерины, „подъ ея глазами“. Поклонница Беккарія безъ всякаго колебанія приказывала „вралей“ съчь „публично черезъ полицію“, а болѣе знатныхъ келейно. Рассказываютъ, что Императрица приказала Шешковскому взять изъ маскарада не въ мѣру болтливую генеральшу Кожину, „слегка тѣлесно наказать и обратно туда же доставить со всякою благопристойностью“. Точный исполнитель приказаній Екатерины, онъ былъ ея „вѣрнымъ псомъ“, охранявшимъ ея власть, честь и ея покой. Естественно, что вся отвѣтственность за жестокость и кнутобойство слагалась съ ученицы Монтескье на грубаго хама Шешковского. Шешковского мѣшали съ грязью, а объ его вдохновительницѣ говорили, что она „ангелъ кроткій, ангелъ мирный, сокрытый въ свѣтлости порфирной“. Въ этомъ смыслѣ эпитафія на его могилѣ принадлежитъ ему по праву: онъ „служилъ отечеству 56 лѣтъ“, исключительно защищая собой отъ нареканій славу самой „премилосердой матери отечества“.

(Съ портрета, принадлежащаго С. Н. Митусову, въ С.-Петербургѣ.)

СЕМЕНЪ ГАВРИЛОВИЧЪ ЗОРИЧЪ, 1745—1799, собственно Неранчичъ, племянникъ усыновившаго его сербскаго выходца премьерь-майора Максима Зорича, въ 1754 г. былъ зачисленъ въ гусары и въ 1758 г. былъ уже вахмистромъ. Участвовалъ 16-и лѣтъ въ Семилѣтней войнѣ, былъ въ плѣну, раненъ саблей и произведенъ въ подпоручики „за смѣлость въ бою“. Въ 1767 г. произведенъ въ ротмистры и во время 1-й Турецкой войны командовалъ уже самостоятельно, въ чинѣ секундъ-майора, значительными передовыми отрядами: поразилъ татаръ въ Бессарабѣи, разорилъ ихъ селенія и воспрепятствовалъ туркамъ переправиться черезъ Прутъ. 3 Юля 1770 г., получивъ 5 раны копьемъ и саблей, Зоричъ былъ взятъ въ плѣнъ, отвезенъ въ Константинополь и до заключенія Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, почти 5 лѣтъ, просидѣлъ въ Семибашенномъ замкѣ. 30-и лѣтъ, „писанный красавецъ“, громаднаго роста, „настоящій дикарь“, по его собственному признанію, но украшенный Георгіемъ 4-й степени, съ ореоломъ необыкновеннаго храбреца, Зоричъ вернулся въ Петербургъ и былъ сдѣланъ адъютантомъ Потемкина, мечтавшаго въ это время низвергнуть Завадовскаго, проявлявшаго самостоятельность. „Ограниченный, безъ всякаго воспитанія, но добрый изъ смертныхъ“, Зоричъ казался пригоднымъ для замѣщенія зазнавшагося малоросса. 30 Мая 1777 г. онъ былъ назначенъ командиромъ лейбъ-гусаръ и лейбъ-казацкихъ командъ, а вслѣдъ затѣмъ произведенъ въ полковники и пожалованъ флигель-адъютантомъ. „Почести, награды, богатство посылались на Зорича“: сдѣланный корнетомъ кавалергардовъ, съ чиномъ генераль-майора, онъ получилъ рядъ высшихъ орденовъ, имѣнія и домъ около Зимняго дворца, 50/т. рублей и мѣстечко Шкловъ. Зоричъ получилъ большое вліяніе при дворѣ, но употреблялъ его на добро; у него не было враговъ, и такіе люди, какъ Н. К. Загряжская, графъ Разумовскій, ея братъ, восхваляютъ его достоинства; достигнувъ высокаго положенія, онъ „ласково обходился со всѣми“. Впрочемъ, въ немъ не успѣли разочароваться: успѣхи Зорича при дворѣ продолжались всего 11 мѣсяцевъ, и его удаленіе состоялось въ Маѣ 1778 г.: невоспитанный, необузданный и вспыльчивый, Зоричъ, заподозривъ Потемкина въ охлажденіи къ нему Императрицы, наговорилъ князю кучу дерзостей и былъ отпущенъ Государыней путешествовать за границу, получивъ пенсіонъ и 7/т. душъ крестьянъ. Вернувшись въ Шкловъ и поселившись здѣсь, Зоричъ основалъ, 24 Ноября 1778 г., „Шкловское благородное училище“ (нынѣ 1-й Московскій кадетскій корпусъ). Добрый, непрактичный въ хозяйственныхъ дѣлахъ, радушный и расточительный, вѣчно окруженный многочисленной родней и всякими искателями приключеній, Зоричъ, ведшій, кромѣ того, постоянно крупную карточную игру, скоро запутался въ долгахъ, имѣлъ постоянныя дѣла съ кредиторами, евреями и даже былъ заподозрѣнъ въ дѣланіи фальшивыхъ ассигнацій, въ чемъ попался жившіе у него въ Шкловѣ темные авантюристы графы Зановичи. Зоричъ упалъ въ глазахъ Императрицы, вѣрившей, что онъ „виноватъ“ въ этомъ дѣлѣ; онъ былъ уволенъ въ отставку 15 Юля 1784 г., хотя за 4 года до этого Екатерина дважды заѣзжала въ Шкловъ во время путешествія въ Могилевъ и благосклонно относилась къ хозяину. Въ царствованіе Павла I Зоричъ былъ назначенъ 20 Января 1797 г. шефомъ Изюмскаго полка, но и тутъ запутался въ денежныхъ дѣлахъ, послѣ чего отъ имени Государя ему передано было, что „ему не дурно бы жить въ Шкловѣ“; еврей также подали жалобу на него Павлу. Зоричъ женатъ не былъ, но оставилъ 7 человекъ „непризнанныхъ“ дѣтей.

Онъ умеръ 6 Ноября 1799 г. и похороненъ въ Шкловѣ, около Успенской церкви.

Екатерина II, всегда ожидавшая, что Зоричъ „что-нибудь напакоститъ“, вѣрно понимала своего бывшаго любимца и мѣтко его характеризовала: „Можно сказать, что двѣ души имѣлъ: любилъ доброе, но дѣлалъ худое, былъ храбръ въ дѣлѣ съ непріателемъ, но лично трусь“.

(Съ портрета, принадлежащаго А. С. Тапѣву, въ С.-Петербургѣ.)

Степанъ Ивановичъ
Шешковскій,
1719 — 1794

Stéphane Ivanowitch
Shechkowsky,
1719 — 1794

Семенъ Гавриловичъ
Зоричъ,
1745 — 1799

Simon Gavrilowitch
Zoritch,
1745 — 1799

Принцъ КАРЛЪ (Николай-Оттонъ) НАССАУ-ЗИГЕНЪ, 1745—1808, родился во Франціи, въ замкѣ своей бабки Шарлотты де-Мальи, разведенной жены принца Эммануила Нассау-Зигенъ; ея побочный сынъ, Максимилианъ, былъ отцомъ Карла, получившаго въ 1756 г. титулъ принца. Покровительствуемый Версальскимъ дворомъ, 15-и лѣтъ онъ участвовалъ въ Семилѣтней войнѣ, 20-и лѣтъ сопровождалъ Бугенвиля въ его кругосвѣтномъ путешествіи. Когда въ 1769 г. онъ возвратился, Парижъ наполнился слухами о его подвигахъ: дамъ особенно интересовало, какъ владѣтельница о-ва Таити влюбилась въ принца и предлагала свою корону; мужчины удивлялись его единоборству въ Африкѣ съ тигромъ, павшимъ отъ руки Нассау-Зигена. Разказы рисовали его храбрымъ до дерзости, смѣлымъ до наглости; принцъ былъ молодъ, красивъ, богатъ, безпутенъ, имѣлъ успѣхъ у женщинъ и сдѣлался задолго до женитьбы отцомъ дочери, руку которой позднѣе предлагалъ извѣстному Ростовчину. Онъ стрѣлялъ безъ промаха птицъ въ Версальскомъ паркѣ, не былъ раненъ ни на одной изъ многочисленныхъ дуелей и забрасывалъ короля проектами, одинъ другого фантастичнѣе и несбыточнѣе... Огорченный скептицизмомъ французскаго министерства, весь въ долгахъ, онъ женится на богатой полькѣ, вдовѣ княгинѣ Сангушко, рожденной Шарлоттѣ Горзской; красавица жена, однако, не могла привязать принца къ семейному очагу: онъ постоянно въ перепискѣ съ ней, но она рѣдко его видитъ; онъ попрежнему строить воздушные замки, ищетъ опасностей и, беззавѣтно рискуя жизнью, едва не погибаетъ при осадѣ Гибралтара. Задумавъ привести въ порядокъ дѣла жены, принцъ является въ Польшу и получаетъ всѣ права магната, отсюда ѣдетъ къ Потемкину, и они въ нѣсколько дней дѣлаются друзьями. Екатерина удивляется и пишетъ: „Странно, какъ тебѣ князь Нассау понравился, тогда какъ повсюду имѣетъ репутацію d'un sergveu brulé“. Однако, во время поѣздки Императрицы въ Крымъ, принцъ успѣлъ понравиться и Екатеринѣ. Въ 1788 г. Нассау-Зигенъ былъ принятъ въ службу и назначенъ начальникомъ гребной флотиліи на Черномъ морѣ, съ чиномъ контръ-адмирала. Вслѣдъ за этимъ онъ одерживаетъ 4 блестящія, „небывалыя“ побѣды надъ Турецкимъ флотомъ. „Eh!n, ma princesse“, пишетъ онъ женѣ, „je suis content“; довольна и Екатерина: она пожаловала ему орд. св. Георгія 2 кл., золотую шпагу и флагъ вице-адмирала, зато и принцъ разгласилъ на всю Европу, что „il n'y a rien de plus brave qu'un Russe“, что списало ему еще большее расположеніе тщеславной Императрицы. Во время Шведской войны Нассау-Зигенъ командовалъ Балтійской гребной флотиліей и 13 Августа 1789 г. разбилъ шведскую эскадру при Роченсальмѣ, за что получилъ Андреевскую звѣзду, зато въ слѣдующемъ году, 28 Іюня, самъ потерпѣлъ пораженіе: въ отчаяніи, въ бѣломъ мундирѣ съ Андреевской лентой, напрасно искалъ онъ себѣ смерти въ бою. Императрица старалась его ободрить, говоря, что „не король шведскій, а сильный вѣтеръ нанесъ ему пораженіе“, и произвела его въ адмиралы. Огорченный заключеніемъ мира, принцъ просился въ отставку, но получилъ заграничный отпускъ; по отзыву Воронцова, онъ „рѣшилъ растратить въ Кобленцѣ все, что нажилъ въ Россіи“; этому помогли французскіе эмигранты, которыхъ онъ кормилъ, поилъ и роздалъ все, что имѣлъ, такъ что долженъ былъ распродать подарки Екатерины, сервизы и свои золотыя шпаги. Въ концѣ 1793 г. Нассау-Зигенъ былъ посланъ къ Прусскому королю съ секретнымъ дипломатическимъ порученіемъ относительно Польши, а потомъ очутился въ арміи, осаждавшей Варшаву. Потерпѣвъ и тутъ неудачу, онъ 30 Октября 1794 г. вышелъ въ отставку и поселился въ Венеціи, сомнѣваясь, чтобы онъ „могъ быть еще чѣмъ-нибудь въ этомъ мірѣ“. Екатерина II была недовольна тѣмъ, что онъ покинулъ службу и въ 1795 г. холодно приняла его въ Петербургѣ, куда, годъ спустя, онъ опять пріѣхалъ, чтобы поклониться праху „великой женщины“. Поселившись затѣмъ въ имѣніи Тышнѣ, близъ Немирова, Нассау-Зигенъ занялся сельскимъ хозяйствомъ; здѣсь онъ и умеръ въ 1808 г.; тамъ же похороненъ.

Адмиралъ русскаго флота и маршалъ французской арміи, испанскій грандъ и Андреевскій кавалеръ, русскій помѣщикъ и польскій магнатъ, авантюристъ и благородный рыцарь, Нассау-Зигенъ, по словамъ современника (duc de-Levis), „былъ высокаго роста и хорошо сложенъ, но лицо его мало выразительно, его пріемы холодны, манеры заурядны, его разговоры плоски; онъ имѣлъ много качествъ, которыя создаютъ героя: предприимчивый характеръ, поразительную энергію и величайшее презрѣніе къ смерти; его таланты, впрочемъ, были столь же ничтожны, сколь велика была его неустрашимость“. Другой современникъ писалъ: „Принцъ Нассау благородно мыслить и честно поступаетъ—прямо и твердо. Онъ говоритъ, какъ думаетъ, а думаетъ онъ рыцарски благородно“.

(Съ миниатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михайловича.)

Князь ИВАНЪ ФЕДОРОВИЧЪ ГОЛИЦЫНЪ, 1731—1798, сынъ генераль-майора князя Федора Ивановича (1700—1759) и второй его жены Анны Петровны Измайловой (1712—1749), родился 4 Января 1731 г.; началъ службу въ Преображенскомъ полку солдатомъ въ 1743 г., въ 1749 г. былъ прапорщикомъ, въ 1751 г.—капитанъ-поручикомъ и въ 1761 г.—капитаномъ Преображенскаго полка. Родственникъ Измайловыхъ, сторонниковъ Петра III, изъ коихъ одинъ служилъ въ Преображенскомъ полку, а другой былъ гофмаршаломъ двора Императора, князь Голицынъ, вмѣстѣ съ ними, сдѣлался любимцемъ Государя и 28 Декабря 1761 г. пожалованъ былъ въ генераль-адъютанты, съ чиномъ бригадира. Въ послѣдній день царствованія Петра III, во время бѣгства въ Кронштадтъ, онъ находился при Императорѣ на галерѣ, а 31 Юля 1762 г. былъ назначенъ въ армию тѣмъ же чиномъ, но съ лишеніемъ званія генераль-адъютанта. 28 Августа 1763 г. онъ былъ совсѣмъ уволенъ отъ службы, по его просьбѣ, съ производствомъ въ генераль-майоры. Поселившись въ своемъ селѣ Даниловкѣ, Дмитровскаго уѣзда, Московской губерніи, князь Голицынъ былъ первымъ Дмитровскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства. 33 года пробылъ онъ въ отставкѣ, зато Павелъ I, тотчасъ по вступленіи на престолъ, вспомнилъ лицъ свиты своего отца, и 12 Ноября 1796 г. князь Голицынъ былъ принятъ на службу генераль-аншефомъ. Два года спустя, въ 1798 г., онъ умеръ. Былъ женатъ два раза: первымъ бракомъ, съ 28 Юля 1751 г., на Анастасіи Андреевнѣ Сабуровой (р. 22 Октября 1734, † 10 Марта 1754), вторымъ, съ 1787 г., на вдовѣ Надеждѣ Ивановнѣ Грушецкой. Дѣтей у него не было.

(Съ миниатюры, принадлежащей Великому Князю Николаю Михайловичу.)

Княгиня НАДЕЖДА ИВАНОВНА ГОЛИЦЫНА, 1727—1803, рожденная Вихляева, въ первомъ бракѣ была за Васи́лемъ Никитичемъ Грушецкимъ, происходившимъ изъ того рода, къ которому принадлежала первая супруга Царя Ѳеодора Алексѣевича, Агафія Семеновна Грушецкая († 14 Юля 1681 г.). Овдовѣвъ, уже почти 60-и лѣтъ она вышла вторично замужъ, въ 1787 г., за генераль-майора князя Ивана Федоровича Голицына (1731—1798).

Отъ перваго мужа у ней было 3 сына: Александръ (р. 1746 г.), Павелъ (р. 1755 г.) и Михайлъ, и 3 дочери: Екатерина (р. 1748 г.; за Бестужевымъ-Рюминымъ), Елизавета (за М. В. Матюшкинымъ) и Марія (за Н. П. Поливановымъ).

(Съ миниатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михайловича.)

93

Принцъ Карлъ Нассау-Зиенъ,
1745 — 1808

Le Prince Charles de-Nassau-Siegen,
1745 — 1808

94

Князь Иванъ Федоровичъ
Голицынъ,
1731 — 1798

*Le Prince Ivan Féodorowitch
Golitzyne,*
1731 — 1798

95

Княгиня Надежда Ивановна
Голицына,
1727 — 1803

*La Princesse Nadejda Ivanowna
Golitzyne,*
1727 — 1803

Свѣтлѣйшая княгиня СОФІЯ ГРИГОРЬЕВНА ВОЛКОНСКАЯ, 178. — 1868, была дочь члена Государственнаго Совѣта князя Григорія Семеновича Волконскаго и княгини Александры Николаевны, рожд. княжны Репниной. Выйдя въ началѣ 1800 годовъ замужъ за неразлучнаго друга Императора Александра I, князя Петра Михайловича Волконскаго, она сопровождала мужа въ свитѣ Государя въ заграничномъ походѣ 1813 и 1814 гг. Къ этому времени относятся ея знакомство и дружба съ королевой Гортензіей и ея лектрисой, г-жей Кошеле, съ которой она состояла въ политической перепискѣ, возбудившей подозрѣнія Наполеоновской полиціи. Будучи пожалована 30 Августа 1814 г. въ кавалерственныя дамы, княгиня Волконская пользовалась расположеніемъ обѣихъ Императрицъ и находилась въ Таганрогѣ въ послѣдніе дни жизни Императора Александра, поручившаго передъ смертью свою супругу князю П. М. Волконскому и его женѣ. Письма ея къ Императрицѣ Маріи Феодоровнѣ изъ Таганрога содержатъ много подробностей о дняхъ, послѣдовавшихъ за кончиною Александра Павловича. Княгиня Волконская сопутствовала Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ при ея возвращеніи изъ Таганрога, присутствовала при ея кончинѣ въ Бѣлевѣ и сопровождала ея тѣло въ Петербургъ. Но уже въ письмахъ княгини Волконской изъ Таганрога проглядываютъ утомленіе придворной жизнью и желаніе уединиться въ скромную обстановку, чтобы заняться приведеніемъ въ порядокъ своего запутаннаго состоянія. Событія 14 Декабря и ссылка въ Сибирь ея любимаго брата, князя Сергѣя Григорьевича Волконскаго, еще болѣе укрѣпили въ ней намѣреніе удалиться отъ двора; сочувствуя брату, твердая и независимая въ своихъ сужденіяхъ, она не могла примириться со строгостью Императора Николая къ декабристамъ. Несмотря на состоявшееся въ 1852 г. назначеніе своею статсъ-дамой, княгиня Волконская рѣдко показывалась при дворѣ, хотя и жила въ Зимнемъ дворцѣ, и часто принимала заграничныя поѣздки. Похоронивъ мужа въ 1852 г., она, несмотря на преклонные годы, поѣхала въ 1854 г. въ Сибирь для свиданія съ братомъ. Поѣздка эта, невзирая на общественное положеніе княгини, была обставлена особыми требованіями и наблюденіемъ, и отъ нея была отобрана подписка въ томъ, что она не будетъ входить ни съ кѣмъ въ переписку, а при возвращеніи не приметъ ни отъ кого писемъ. Даже по возвращеніи С. Г. Волконскаго изъ ссылки, въ 1856 г., ходатайство его о разрѣшеніи пріѣхать въ Петербургъ для свиданія съ сестрою было отклонено, „такъ какъ вдова фельдмаршала кн. Волконская въ 1854 г. для свиданія съ братомъ совершила поѣздку въ Иркутскъ, то теперь она найдетъ полную возможность отправиться туда, гдѣ будетъ находиться ея братъ, и здоровье ея этому, вѣроятно, не воспрепятствуетъ“. Вскорѣ затѣмъ княгиня опасно занемогла, и лишь тогда ея брату разрѣшено было на нѣсколько дней пріѣхать въ столицу. Княгиня Волконская, едва оправившись отъ болѣзни, уѣхала за границу и, кажется, больше не возвращалась въ Россію. Она скончалась въ Женевѣ 26 Марта 1868 г.; тѣло ея было перевезено въ с. Сеймены, Бессарабской губерніи, и предано землѣ въ соборной церкви г. Аккермана, гдѣ похороненъ въ 1882 г. и сынъ ея, князь Григорій Петровичъ.

Княгиня С. Г. Волконская принадлежала къ числу тѣхъ почтенныхъ личностей, которыя извѣстны въ старости большими странностями и оригинальностью. Отличительною чертою ея была неимовѣрная скупость, несмотря на ея большое состояніе (ей между прочимъ принадлежалъ домъ на Мойкѣ, гдѣ умеръ Пушкинъ). Маленькаго роста, худая и черная, она одѣвалась настолько бѣдно и небрежно, что разъ за границей была арестована на станціи по подозрѣнію въ непринадлежности ей находившагося у нея въ рукахъ мѣшка съ драгоценностями, и лишь найденный между ними статсъ-дамскій портретъ установилъ ея личность. Изъ экономіи она не держала горничной, обязанности коей исправлялъ при ней старый лакей; рассказывали, что, находясь въ гостяхъ, она прятала въ карманы сахаръ и сухари, а на улицѣ разъ подобрала полѣно и принесла его подъ ротондой домой, чтобъ затопить свою печку. При всемъ этомъ она не была, однако, глуха къ бѣднымъ и благотворила истинно нуждающимся щедрою рукою.

Сыновья княгини С. Г. Волконской, Дмитрій (р. 1805 г., † 1859 г.) и Григорій (р. 1808 г., † 1882 г.), были женаты: первый на Маріи Петровнѣ Кикиной (р. 1816 г., † 1856 г.), а второй на гр. Маріи Александровнѣ Бенкендорфѣ (р. 1820 г., † 188. г.), а дочь, княжна Александра (р. 1804 г., † 1869 г.), была замужемъ за шталмейстеромъ П. Д. Дурново.

(Съ миниатюры, принадлежащей П. П. Дурново, въ С.-Петербургѣ.)

Княгиня **ЗИНАИДА АЛЕКСАНДРОВНА ВОЛКОНСКАЯ**, 1792—1862, родилась в Туринѣ, гдѣ отецъ ея, князь Александръ Михайловичъ Бѣлосельскій (1752—1809), былъ въ то время посланникомъ. Матери своей, княгини Варвары Яковлевны, рожд. Татищевой († 25 Ноября 1792 г.), она лишилась при рожденіи и была воспитана отцомъ, человѣкомъ образованнымъ, извѣстнымъ меценатомъ, отъ котораго она унаслѣдовала любовь къ наукѣ и искусствамъ. Въ 1808 г., будучи фрейлиной, она состояла при королевѣ Луизѣ Прусской, о которой вспоминала, 50 лѣтъ спустя, въ одномъ изъ своихъ стихотвореній (Шѣсны Невская): „Въ жемчугахъ и слезахъ она помнится мнѣ...“. Выйдя въ 1810 г. замужъ за егермейстера князя Никиту Григорьевича Волконскаго (1781—1844), она, съ мужемъ и родившимся въ 1811 г. сыномъ Александромъ († 1878), сопровождала Александра I во время его заграничныхъ походовъ, побывала въ Лондонѣ и Парижѣ, гдѣ стала извѣстна своимъ сценическимъ и музыкальнымъ дарованіемъ, исполняя на сценѣ частныхъ театровъ оперы Россіи, блистала на Вѣнскомъ конгрессѣ, позднѣе—на Веронскомъ. Съ этого времени установились между нею и Александромъ I дружескія отношенія и началась переписка, продолжавшаяся до его смерти. Вернувшись въ 1817 г. въ Петербургъ, княгиня Волконская провела три года въ Россіи, пользуясь шумнымъ свѣтскимъ успѣхомъ, подавшимъ пищу и для злословія, напримѣръ, по поводу поѣздки ея въ Одессу, кто говорилъ для моря, а кто—для итальянскаго пѣвца Барбери. Наскучивъ свѣтскою жизнью, княгиня Волконская, удалившись отъ свѣта и двора, послѣ короткой поѣздки въ 1822 г. въ Италію, занялась воспитаніемъ сына и изученіемъ русскаго языка, исторіи, этнографіи и археологіи Россіи, результатомъ котораго явились изданныя въ Парижѣ въ 1824 г. повѣсть ея „Tableau slave du V-ème siècle“ и поэма въ прозѣ изъ русской исторіи „Olga“, одно изъ лучшихъ ея литературныхъ произведеній. Въ 1824 г. княгиня Волконская переѣхала въ Москву, въ домъ своей мачехи, княгини А. Г. Бѣлосельской, рожд. Козицкой, на Тверской, и домъ этотъ скоро сдѣлался центромъ умственной и артистической жизни „Грибоѣдовской Москвы“. Красота, умъ и образованіе княгини, ея чудный контральтовый голосъ и особый, присущій ей даръ привлекать къ себѣ сердца, собирали на ея музыкально-литературные вечера и театральныя представленія не только московскую знать, но и профессоровъ, художниковъ и музыкантовъ. Она была избрана въ почетные члены „Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ“; восторженными поклонниками ея были Пушкинъ, приславшій ей свою поэму „Цыгане“ съ извѣстнымъ стихотвореніемъ „Среди разсѣянной Москвы“, и Мицкевичъ, посвятившій „Сѣверной Коринѣ“ одно изъ лучшихъ своихъ стихотвореній „Греческая комната“. Страстно влюбленъ былъ въ нее молодой, рано умершій поэтъ Д. В. Веневитиновъ. Кончина Императора Александра и событія 14 Декабря 1825 г. сильно подѣйствовали на княгиню Волконскую, имѣвшую много родныхъ и друзей среди декабристовъ. Она открыто выражала свое сочувствіе имъ и за это попала подъ тайный надзоръ полиціи. Въ то же время, при всегдашней склонности къ пѣтизму, она поддавалась вліянію іезуитовъ, перешла въ католичество и вслѣдъ за этимъ получила отъ Императора Николая Павловича „разрѣшеніе“ отправиться за границу; имѣніе ея было переведено на имя сына. Взявъ съ собою сына и пригласивъ воспитателемъ къ нему профессора Московскаго университета С. П. Шевырева, княгиня Волконская поселилась въ Римѣ, въ купленной ею виллѣ, близъ площади Іоанна Латеранскаго, съ видомъ на Римскую Кампанью. Съ этой поры она лишь два раза побывала на родинѣ (въ 1836 и 1840 гг.) для свиданія съ сыномъ и мужемъ. Римская вилла княгини Волконской привлекала художниковъ и писателей, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ; наиболѣе частыми ея посѣтителями были Каммучини, О. Верне, Торвальдсонъ; изъ русскихъ: Бруни, Брюловы, Гоголь, Погодинъ, Ивановъ. Въ послѣдніе годы жизни княгини Зинаиды, ея овладѣло мрачное мистическое настроеніе. Скончалась она 24 Января 1862 г. и похоронена въ Римѣ, въ церкви свв. Викентія и Анастасіи, въ первомъ придѣлѣ съ правой стороны. Католическая церковь причислила княгиню Волконскую къ лику блаженныхъ („beata“).

Литературныя произведенія княгини Зинаиды Волконской далеко не оставили такого воспоминанія о ней въ потомствѣ, какъ обаяніе ея красоты, талантности и высокихъ душевныхъ качествъ. Впечатлительная и увлекающаяся, она легко поддавалась всѣмъ моднымъ теченіямъ русской умственной жизни своего времени, легко дѣлалась ихъ центромъ, но сама не оставила въ ней замѣтнаго слѣда.

(Съ миниатюры Изабе 1815 г.; собственность П. П. Дурново, въ С.-Петербургѣ.)

Князь НИКИТА ГРИГОРЬЕВИЧЪ ВОЛКОНСКІЙ, 1781—1844, сынъ члена Государственнаго Совѣта князя Григорія Семеновича (1742—1824) отъ брака съ княжной Александрой Николаевной Репниной (1756—1834), былъ роднымъ внукомъ фельдмаршала князя Николая Васильевича Репнина; началъ службу прапорщикомъ въ 1792 г. въ гвардіи; 1 Января 1796 г. произведенъ былъ въ подпоручики, 12 Декабря—въ поручики, 16 Апрѣля слѣдующаго года—въ штабсъ-капитаны и 11 Октября 1799 г.—въ капитаны. Всѣ эти чины заслужилъ Волконскій въ лейбъ-гвардіи Е. И. В. Государя и Великаго Князя Николая Павловича (Измайловскій) полку. 16 Ноября 1800 г. онъ былъ уволенъ отъ службы, а 15 Сентября 1801 г. пожалованъ въ камеръ-юнкеры; въ 1805 г. былъ камергеромъ. Въ началѣ 1807 г., 15 Января, Волконскій былъ вновь принятъ въ военную службу подполковникомъ по арміи и назначенъ адъютантомъ къ генералу Михельсону; 15 Сентября того же года произведенъ въ полковники и назначенъ флигель-адъютантомъ. Въ слѣдующемъ году Волконскій возилъ письмо Александра I къ Наполеону, которымъ былъ хорошо принятъ и позванъ къ обѣду въ замкѣ de Marras, около Байонны. Императоръ французовъ хвалилъ русскаго солдата, съ которымъ онъ завоевалъ бы весь міръ: „Имъ скажи только—иди, и идти, а нашимъ надо еще толковать, куда ихъ ведутъ“. При этомъ Наполеонъ произнесъ извѣстныя слова: „Dites à votre Empereur que je suis son ami; qu'il se tienne en garde contre ceux qui cherchent à nous brouiller. Si nous sommes unis, le monde est à nous. Le monde est comme cette pomme que je tiens en main. Nous pouvons le couper en deux, et chacun de nous en aura la moitié. Il faut absolument nous entendre, et la chose est faite“. Когда Волконскій доложилъ объ этомъ Александру, Государь замѣтилъ: „Сначала онъ удовольствуется одной половиной яблока, а тамъ придетъ охота взять и другую“. При отъѣздѣ Волконскаго Дюрокъ вручилъ ему подарокъ „на память“ отъ императора. Подарокъ, перстень съ небольшимъ брилльянтомъ, показался князю обиднымъ и ничтожнымъ, и онъ отдалъ его французскому жандарму со словами: „Возьми на память отъ русскаго офицера“. Это дошло до Наполеона и неуваженіе къ подарку императора не прошло для Волконскаго даромъ. Государь сдѣлалъ ему замѣчаніе и сказалъ: „Il paraît que vous avez manqué me brouiller avec Napoléon. C'est une imprudence de votre part. Après tout, vous n'avez pas eu tout à fait tort dans cette affaire. N'en parlons plus“. Волконскій сопровождалъ Александра I въ походахъ и участвовалъ въ нѣсколькихъ дѣлахъ въ кампаніяхъ 1812—1814 годовъ. 20 Октября 1812 г. онъ вышелъ въ отставку „по болѣзни“, но вскорѣ, 19 Декабря того же года, опять принятъ на службу и 15 Сентября 1813 г. произведенъ въ генералъ-майоры. 1 Декабря 1827 г. онъ былъ пожалованъ въ егермейстеры.

Съ 1810 г. князь Волконскій былъ женатъ на княжнѣ Зинаидѣ Александровнѣ Бѣлосельской-Бѣлозерской (см. ея біографію), отъ которой имѣлъ единственнаго сына Александра (р. 1811 г., † 1878 г.). Послѣ удаленія „княгини Зинаиды“ за границу и затѣмъ перехода ея въ католичество, она рѣдко бывала въ Россіи; супруги жили отдѣльно, но не прерывали сношеній, и князь часто самъ навѣщалъ жену въ Римѣ. Въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ Италію князь Н. Г. Волконскій скончался въ городѣ Ассизѣ въ 1844 г. и похороненъ въ Римѣ, въ церкви свв. Викентія и Анастасіи, въ особомъ склепѣ, гдѣ потомъ положена была и его жена.

(Съ миниатюры изъ собранія П. П. Дурново, въ С.-Петербургѣ.)

Свѣтлѣйшій князь ПЕТРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ ВОЛКОНСКІЙ, 1776—1852, генераль-фельдмаршалъ, членъ Государственнаго Совѣта, министръ двора и удѣловъ, канцлеръ всѣхъ руссійскихъ орденовъ, сынъ бригадира князя Михаила Петровича и княгини Елизаветы Петровны, рожд. княжны Макуловой, родился въ Петербургѣ 26 Апрѣля 1776 г.; службу началъ въ Конной Гвардіи, откуда переведенъ въ Семеновскій полкъ, гдѣ въ 1793 г. произведенъ въ первый офицерскій чинъ. Павломъ I, въ 1797 г., былъ назначенъ адъютантомъ при Великомъ Князѣ Александрѣ Павловичѣ, принималъ дѣятельное участіе въ событіи 11 Марта 1801 г. и въ день коронаціи Александра I сдѣланъ генераль-адъютантомъ. Въ кампанію 1805 г. князь Волконскій состоялъ дежурнымъ генераломъ и генераль-квартирмейстеромъ при командующемъ русскимъ вспомогательнымъ корпусомъ графъ Буксгевденъ, а послѣ соединенія этого корпуса съ главными силами Кутузова, былъ назначенъ дежурнымъ генераломъ соединенныхъ русскихъ армій. Подъ Аустерлицемъ онъ особенно отличился, выказавъ необычайное мужество и присутствіе духа: когда бригада Каменскаго, атакующая Праценскія высоты, была отброшена превосходными силами французовъ, Волконскій, схвативъ знамя Фанагорійскаго полка, ударилъ на непріятеля, привелъ его въ разстройство и отбилъ 2 пушки, за каковой подвигъ былъ награжденъ Георгіемъ 3 степени. Въ 1807 г., послѣ заключенія Тильзитскаго мира, Императоръ Александръ командировалъ князя Волконскаго во Францію для ознакомленія съ организаціей французской арміи и ея генеральнаго штаба. Результатомъ этой командировки, длившейся 2 года, былъ блестящій отчетъ, представленный имъ Государю, послѣ чего, въ 1810 г., онъ былъ назначенъ управлять квартирмейстерской частью. Въ Отечественную войну, находясь почти безотлучно при Государѣ, Волконскій былъ въ числѣ лицъ военнаго совѣта, подавшихъ свой голосъ за оставленіе пресловутаго Дрисскаго лагеря, едва не погубившаго всей арміи. Въ началѣ 1813 г. онъ назначенъ начальникомъ штаба при Кутузовѣ, а послѣ его смерти начальникомъ штаба Императора Александра. Присутствуя при обсужденіи всѣхъ плановъ союзниковъ, Волконскій первый указалъ на Лейпцигъ, какъ на стратегическій пунктъ, гдѣ должна рѣшиться судьба Наполеона, при чемъ наканунѣ сраженія убѣдилъ Государя въ невыгодности избранной княземъ Шварценбергомъ позиціи, которая была измѣнена Государемъ къ выгодѣ союзниковъ. По возвращеніи изъ похода, князь Волконскій представилъ проектъ учрежденія „Главнаго Штаба Е. И. Величества“, долженствовавшего соединить въ себѣ всѣ отрасли военнаго управленія Имперіи. Проектъ былъ одобренъ, и авторъ назначенъ начальникомъ этого штаба, которымъ онъ и управлялъ до 1823 года. Въ этой своей дѣятельности генераль-квартирмейстера князь Волконскій, по справедливости, можетъ считаться основателемъ русскаго Генеральнаго штаба, который организованъ былъ имъ послѣ основательнаго теоретическаго изученія и военной боевой практики. Съ самаго начала своей дѣятельности по устройству Генеральнаго штаба, онъ приступилъ къ составленію военной карты Россіи и положилъ основаніе Депо картъ квартирмейстерской части; онъ же основалъ бібліотеку Генеральнаго штаба, пожертвовавъ въ нее множество книгъ изъ своего собственнаго собранія. Въ 1824 г. присутствовалъ на коронаціи Карла X, въ качествѣ чрезвычайнаго посла. Императоръ Николай, въ день своего коронованія, назначилъ его министромъ двора. 30 Августа 1834 г., въ день открытія Александровской колонны, князю Волконскому пожалованъ титулъ „Свѣтлости“, при рескриптѣ, въ которомъ Императоръ Николай вспоминалъ о заслугахъ князя, какъ ближайшаго сотрудника почившаго Монарха и безотлучнаго его спутника во всѣхъ походахъ.

Князь Волконскій, какъ самый близкій человекъ къ Александру I, не покидавшій его съ юныхъ лѣтъ до самой его кончины, никогда не злоупотреблялъ своимъ положеніемъ Государева любимца. По отзывамъ современниковъ, онъ всегда отличался безпристрастіемъ, не зналъ ни друзей, ни родныхъ, не выпрашивалъ имъ ни милостей, ни наградъ, и былъ извѣстенъ своею ненавистью къ nepотизму... Благородный и великодушный по природѣ, но суровый въ исполненіи долга, онъ въ послѣдніе годы жизни Александра являлся противовѣсомъ вліянію Аракчеева, котораго презиралъ и называлъ „змѣемъ“, считая его самымъ вреднымъ для Россіи и Государя человекомъ.

Онъ скончался 26 Августа 1852 г., на 77 году, и похороненъ въ С.-Петербургѣ, въ Введенской церкви Семеновскаго полка. Женатъ былъ на княжнѣ Софіи Григорьевнѣ Волконской.

(Съ миниатюры, принадлежащей П. П. Дурново, въ С.-Петербургѣ.)

96

Святл. княгиня Софія Григорьевна *La Princesse Sophie Grigorievna*
Волконская, *Wolkonsky,*
178 . — 1868 178 . — 1868

Пис. Изабъ, 1815 — Peint par Isabey, 1815
Княгиня Зинаида Александровна *La Princesse Zénaïde Alexandrovna*
Волконская, *Wolkonsky,*
1792 — 1862 1792 — 1862

98

Князь Никита Григорьевич *Le Prince Nikita Grigorievitch*
Волконскій, *Wolkonsky,*
1781 — 1844 1781 — 1844

99

Святл. князь Петръ Михайловичъ *Le Prince Pierre Mikhaïlowitch*
Волконскій, *Wolkonsky,*
1776 — 1852 1776 — 1852

ИВАНЪ ЛУКЪЯНОВИЧЪ ТАЛЫЗИНЪ, 170.—1777, сынъ стольника, въ концѣ XVII в. воеводы въ Березовѣ, Лукьяна Ивановича, былъ двоюродный братъ знаменитаго канцлера графа А. П. Бестужева-Рюмина, мать котораго была Евдокія Ивановна Талызина; въ 1715 г. поступилъ ученикомъ въ Морскую Академію, а въ слѣдующемъ году былъ отправленъ за границу для изученія „экипажмейстерскаго дѣла“. Пробывъ 12 лѣтъ въ Голландіи, Талызинъ вернулся въ Москву, а затѣмъ, 2 Апрѣля 1733 г., произведенный въ лейтенанты флота, назначенъ помощникомъ экипажмейстера Петербургскаго флота; черезъ годъ назначенъ совѣтникомъ „экипажеской экспедиціи“ въ „полковничьемъ рангѣ“ и 30 Октября 1740 г.—совѣтникомъ Адмиралтействъ-Коллегіи въ чинѣ контръ-адмирала. Императрица Елисавета Петровна благоволила къ Талыzinу: въ 1748 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и сдѣланъ членомъ Коллегіи, въ 1752 г. назначенъ присутствовать въ Сенатской канторѣ въ Петербургѣ, наконецъ, въ 1757 г. получилъ орд. св. Александра Невскаго и чинъ вице-адмирала.

Не своей служебной дѣятельности, а исключительно видному участию въ переворотѣ, возведшемъ Екатерину II на престоль, обязанъ адмиралъ Талызинъ своей извѣстностью. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ преданныхъ сторонниковъ Императрицы, и на него палъ ея выборъ въ день 28 Юня. Выступивъ съ гвардіей противъ Петра III, Екатерина должна была обезопасить себя со стороны Кронштадта: переходъ туда изъ Ораніенбаума былъ открытъ и легокъ, тамъ было много войска, въ Кронштадтѣ стояли суда, готовые къ отплытію, наконецъ, устье Невы было не защищено.... Въ Ораніенбаумѣ правильно поняли значеніе Кронштадта, и туда, по совѣту Миниха, отправлены были князь Барятинскій и графъ Дивіеръ, чтобы приготовить встрѣчу Петру III. Но Екатерина, не зная объ этомъ, конечно, сама спѣшила: она отправила Талызина въ Кронштадтъ, давъ ему собственноручную записку: „Господинъ адмиралъ Талызинъ отъ насъ уполномоченъ въ Кронштадтъ, и что онъ прикажетъ, то исполнять“. Въ 9 ч. вечера Талызинъ былъ уже въ Кронштадтѣ: комендантъ Нуммерсъ сталъ на сторону Императрицы, войска были приведены къ присягѣ, а когда Петръ III подплылъ къ входу въ гавань, съ крѣпости потребовали, чтобы онъ удалился. Дивіера удалось арестовать, и Талызинъ будто бы сказалъ ему при этомъ: „Puisque vous n'avez eu le courage de me faire arrêter au nom de l'empereur, je vous fais prisonnier au nom de l'impératrice“. Сама Императрица въ указѣ Сенату такъ изображаетъ роль Талызина: когда бывший Императоръ „ретировался“ въ Кронштадтъ, „входъ ему уже скоропоспѣшнымъ нашего адмирала Талызина предварительнымъ учрежденіемъ воспрещенъ былъ, такъ что, когда онъ изъ шляпки велѣлъ подать голосъ на берегъ, что онъ самъ пріѣхалъ, и чтобы въ городѣ вспомоществовали своего Государя, тогда имъ въ трубу отвѣтствовано было, что иного въ Кронштадтѣ Государя не знаютъ, кромѣ нашего Императорскаго Величества, яко своей истинной Государыни“. Талызинъ совершилъ во всякомъ случаѣ смѣлый, рискованный подвигъ и не мало пережилъ за это время, какъ это видно изъ письма его къ родственнику своему, извѣстному графу Н. И. Панину, когда Талызинъ еще не зналъ объ отреченіи Петра III: „Я уже по се время третью тревогу бью; изъ Аранинъ бома гость ко мнѣ пріѣзжалъ и просился въ Кронштадтъ; подлинно, ежели бы я не прибылъ въ Кронштадтъ, тобъ трудно его изъ него выживать. Прошу жену не оставить; я къ ней ничего не пишу, а можетъ-быть, къ ней худые слухи доходятъ“. 2 Юля 1762 г. Талызинъ получилъ Андреевскую звѣзду и въ Сентябрѣ сопровождалъ Екатерину въ Москву, въ качествѣ докладчика по морскимъ дѣламъ. Затѣмъ онъ участвовалъ въ верховномъ судѣ надъ Мировичемъ, а въ Мартѣ 1765 г. вышелъ въ отставку. Умеръ въ 1777 году.

Былъ женатъ на дочери Рижскаго коменданта Принцъ Ильиничнѣ Псаевой, отъ которой имѣлъ двухъ сыновей, Лукьяна и Александра, и дочь Александрю (р. 1745, † 1793 г.; за графомъ И. А. Остерманомъ).

(Съ миниатюры, принадлежащей Л. А. Талызиной, село Денежниково, Московской губ.)

Дюкъ АНТОНИНЪ-МАРЕСКА ДОННОРСО, дюкъ де-СЕРРА-КАПРИОЛА, 1750—1822, родился въ Неаполѣ 3 Февраля 1750 г.; началъ дипломатическую службу въ 1782 г., въ качествѣ полномочнаго министра и чрезвычайнаго посланника короля обѣихъ Сицилій при дворѣ Екатерины II. Благодаря своей ловкости и личнымъ качествамъ, онъ сумѣлъ Неаполитанской миссiи создать такое блестящее положеніе, какого она еще никогда не имѣла: онъ заключилъ нѣсколько выгодныхъ для своего отечества трактатовъ, заслуживъ въ то же время уваженіе Русскаго кабинета. Въ царствованіе Павла I онъ былъ не только единственнымъ дипломатомъ, удержавшимся при Русскомъ дворѣ, но и сумѣлъ заслужить милости Императора, который пожаловалъ ему орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго большаго креста и 11 Января 1800 г. Андреевскую ленту. Кочубей въ это время подозрѣвалъ его въ какихъ-то интригахъ вмѣстѣ съ графомъ Литтой и находилъ, что онъ имѣетъ при дворѣ больше значенія, чѣмъ вице-канцлеръ (т.-е. Кочубей), при чемъ послѣдняго особенно огорчало, что въ церемоніяхъ онъ, какъ командоръ Мальтійскаго ордена, долженъ былъ шествовать ниже дюка Серра-Каприола. Во время пребыванія въ Митавѣ Людовика XVIII, дюкъ заслужилъ благодарность Людовика своими заботами о королевской семьѣ. Занятіе Неаполя лишило Серра его владѣній, но тѣмъ не менѣе онъ никогда ничего не хотѣлъ принять отъ Наполеона, который старался привлечь его на свою сторону и дѣлалъ ему самыя блестящія предложенія, тѣмъ болѣе, что онъ сильно вредилъ Наполеону въ Петербургѣ своимъ вліяніемъ на общественное мнѣніе. „Quant à S.-C.“, писалъ С. Р. Воронцовъ, „je serais très étonné si j'apprends que ce bavard ait de l'influence chez nous“. Онъ протестовалъ противъ Тильзитскаго мира и писалъ Александру I письмо, требуя измѣненія § 14 трактата; когда Неаполитанскій тронъ былъ гарантированъ Мюрату, Серра-Каприола остался въ Петербургѣ въ качествѣ частнаго человѣка, но не переставалъ упорно дѣйствовать противъ Наполеона, сдѣлавшись центромъ оппозиціи и руководителемъ тайныхъ агентуръ во всей Европѣ и въ Англiи. Положеніе его сдѣлалось двусмысленнымъ, и Роджерсонъ въ 1808 г. писалъ: „La rupture à présent ouverte naturellement a rompu les relations du bon duc de S.-C. avec notre cour; nonobstant je crois qu'il restera comme particulier ici. Il est très généralement aimé et estimé même de ces personnes qui ont à adopter d'autres principes que lui. Il est pour le moins déjà deminational et par son long séjour et par son union avec une des anciennes familles dans le pays“. А самъ дюкъ говорилъ: „Si la France demandait qu'il fût chassé, on n'oserait pas le faire par ce que le public y serait tout à fait contraire“. На Вѣнскомъ конгрессѣ онъ защищалъ интересы короля Фердинанда IV, послѣ чего провелъ годъ на родинѣ, которой не видалъ 32 года. По возвращеніи въ Россію, въ 1820 г., по случаю смуты въ Неаполѣ, онъ преподалъ королю нѣсколько благихъ совѣтовъ, которые снискали ему много сторонниковъ, затѣмъ, по приглашенію короля, присягнувъ конституціи 1820 г. и кончилъ тѣмъ, что впалъ въ немилость, но остался на своемъ мѣстѣ. Обладая крѣпкимъ здоровьемъ, хотя и страдая временами подагрой, отъ которой имѣлъ обыкновеніе лѣчиться шампанскимъ, Серра-Каприола скончался послѣ трехдневной болѣзни 15 Ноября 1822 г. Александръ I написалъ его вдовѣ, Аннѣ Александровнѣ, рожденной княжнѣ Вяземской, трогательное письмо, а король Неаполитанскій выразилъ его сыну чувства любви и уваженія къ покойному.

К. Я. Булгаковъ, бывшій на похоронахъ его „вмѣстѣ со всѣмъ городомъ“, писалъ брату о его кончинѣ: „Умеръ почтенный дюкъ Серра, о коемъ всѣ генерально сожалеютъ. Кто говоритъ, что онъ повредилъ себѣ желудокъ, а кто—что подагра поднялась, и это, кажется, вѣроятнѣе; добрый былъ старикъ, любилъ Россію и русскихъ и ими былъ любимъ“. На это письмо А. Я. Булгаковъ отвѣчалъ изъ Москвы: „Соболезную искренно о смерти добраго дюка Серра-Каприола. Онъ имѣлъ нравъ твердый, возвышенныя чувства и привязчивость къ своему Государю, достойныя почтенія. Во время оно, когда все ползало передъ Наполеономъ, онъ одинъ почти его не признавалъ и остался твердъ въ своихъ правилахъ“. Какъ дипломатъ, онъ имѣлъ своимъ девизомъ извѣстное „предвидѣть, выждать и пользоваться“.

(Съ миниатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михайловича.)

МАРІЯ САВВИШНА ПЕРЕКУСИХИНА, 1739—1824, любимая камеръ-юнгфера Екатерины II, происходила изъ небогатаго дворянскаго рода Рязанской губерніи. О томъ, когда и какимъ путемъ она попала въ число комнатной прислуги Императрицы, свѣдѣній не сохранилось, но извѣстно, что въ 60-хъ годахъ Екатерина крестила уже ея племянницу Екатерину. Въ продолженіе почти сорока лѣтъ Перекусихина оставалась при Екатеринѣ. Марія Саввишна одна имѣла право являться въ спальню Государыни по первому звонку и помогала ей одѣваться. Затѣмъ она только присутствовала въ качествѣ главной распорядительницы при окончаніи туалета Императрицы, послѣ „волосочесанія“ и утреннихъ аудіенцій. Она же постоянно сопровождала ее во всѣхъ путешествіяхъ, на прогулкахъ, а иногда и на парадныхъ выѣздахъ, и всегда находилась у нея подъ рукой, занимая во всѣхъ дворцахъ комнаты рядомъ съ покоями Императрицы. Въ этихъ комнатахъ сидѣли и „высиживали“ и Храповицкій, котораго Екатерина хвалила „за то, что бывалъ у М. С.“, и А. Я. Протасовъ, искавшій позволенія жениться, и Державинъ, въ ожиданіи гнѣва Фелицы, и княгиня Дашкова: положеніе Перекусихиной дѣлало ее нужнымъ человѣкомъ для всѣхъ.

Хорошо знавшая людей, Екатерина высоко цѣнила сердечную, безхитростную преданность этой простой и малообразованной, но умной и покладистой русской женщины. Въ привязанности этой одинокой пожилой дѣвicy чуткая Императрица подмѣтила даже оттънокъ особой сентиментальной влюбленности, въ шутку называла себя ея женихомъ, и въ день свадьбы ея племянницы подарила Маріи Саввишнѣ дорогое кольцо съ своимъ портретомъ въ мужскомъ костюмѣ, сказавъ при этомъ: „Вотъ и тебѣ женихъ, которому, я увѣрена, ты никогда не измѣнишь“. Во всѣхъ своихъ отношеніяхъ къ ней Екатерина всегда проявляла самое трогательное вниманіе, ухаживала за ней во время болѣзни, утѣшала въ смерти брата. 2 Декабря 1788 г. Храповицкій отмѣчаетъ: „Говорили о горести М. С., лишившейся брата вчера въ ночь. Она все крѣпилась, а теперь въ отчаяніи. Приказано нужное для похоронъ взять отъ камерцалмейстера. Ходили къ ней. Плакали“.

Пользуясь особымъ довѣріемъ Императрицы, называвшей ее своимъ „другомъ“, Перекусихина любила Екатерину не только какъ могущественную Государыню, но и какъ немощную женщину. Марія Саввишна, конечно, знала больше всѣхъ о томъ, что называлось на придворномъ языкѣ „комнатными обстоятельствами“, и не могла не принимать въ нихъ участія. Но она умѣла держать языкъ за зубами: ни одинъ изъ многочисленныхъ ея рассказовъ, записанныхъ съ ея словъ современниками, не касается интимной стороны жизни Екатерины. Для себя лично Марія Саввишна вполне довольствовалась своимъ неофициальнымъ положеніемъ, но много хлопотала о семьѣ своего брата, ея единственной привязанности послѣ Императрицы; ей обязанъ былъ своей карьерой Вас. Савв. Перекусихинъ, умершій сенаторомъ, благодаря ей же, вышли въ люди*и разбогатѣли племянница ея Е. В. Торсукова и ея мужъ.

Въ роковой день 5 Ноября Перекусихина первая пришла въ себя, увидѣвъ Екатерину, пораженную ударомъ, и умоляла растерявшагося Зубова пустить кровь больной; этимъ она, можетъ-быть, спасла бы ей жизнь, такъ какъ, когда пріѣхалъ Роджерсонъ, кровь уже не пошла. „Твердость духа сей почтенной женщины“, писалъ тогда же Ростовчинъ, „привлекала многократно вниманіе всѣхъ бывшихъ въ спальнѣ; занятая единственно Императрицей, она служила ей такъ, какъ будто ежеминутно ожидала ея пробужденія, сама поминутно приносила платки, коими лѣкаря обтирали текущую изо рта матерію, поправляла ей то руки, то голову, то ноги“....

Павель I повелѣлъ „уволненной отъ двора дѣвицѣ Маріи Перекусихиной производить по смерти пенсію изъ Кабинета по 1200 руб. въ годъ“, затѣмъ пожаловалъ ей въ Рязанской губерніи 4517 дес., а въ Петербургѣ домъ, бывшій банкира Сутерланда. Въ этотъ домъ и переселилась Марія Саввишна. Окруженная портретами Екатерины и ея мебелью, Перекусихина мирно доживала свой вѣкъ. „Какъ теперь гляжу я на эту милую старушку, скромную, но всегда опрятно одѣтую, низенькую ростомъ, худенькую, въ бѣломъ, какъ снѣгъ, накрахмаленномъ чепчикѣ, изъ-подъ котораго виднѣлись слегка напудренные волосы, сидящую за своимъ столомъ съ книжкою или за грань-пасьянсомъ“, пишетъ Свербеевъ въ воспоминаніяхъ подъ 1818 годомъ. Перекусихина похоронена на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры, гдѣ на памятникѣ едва виднѣется скромная надпись: „Раба Божія Марія Саввишна Перекусихина. Преставилась 8 Августа 1824 г., на 85 г. отъ рожденія“.

(Съ миниатюры, принадлежащей И. А. Всеволожскому, въ С.-Петербургѣ.)

Дюшесса АННА АЛЕКСАНДРОВНА де-СЕРРА-КАПРИОЛА, 1770—1840, дочь генераль-прокурора князя Александра Алексѣевича Вяземскаго отъ брака съ княжной Еленой Никитичной Трубецкой, родилась 13 Августа 1770 г.; 12 Ноября 1788 г. она вышла замужъ за Неаполитанскаго полномочнаго министра и чрезвычайнаго посланника короля обѣихъ Сицилій при русскомъ дворѣ дюка де-Серра-Каприола, который такимъ образомъ породнился съ однимъ изъ древнѣйшихъ русскихъ княжескихъ родовъ, при томъ обладавшимъ большимъ состояніемъ, нажитымъ, впрочемъ, лично самимъ генераль-прокуроромъ. По поводу свадьбы ея младшей сестры, Прасковьи, съ графомъ Д. А. Зубовымъ, Императрица Екатерина II, по свидѣтельству Храповицкаго, отозвалась, что эта „лучше старшей qui est un sarajou“. Дюшесса, какъ ее называли въ Петербургѣ, пережила мужа на 18 лѣтъ и умерла 31 Августа 1840 г.; похоронена въ Благовѣщенской церкви Александро-Невской лавры. Она имѣла сына и дочь Елену Антоновну († 25 Ноября 1820 г.), бывшую замужемъ за графомъ С. Ф. Апраксинымъ.

(Съ миниатюры, принадлежащей Великому Князю Николаю Михайловичу.)

100

Иванъ Лукьяновичъ
Талызинъ,
170. — 1777

Ivan Loukianowitch
Talyzine,
170. — 1777

101

Марія Саввишна
Перекусихина,
1739 — 1824

Marie Savvichna
Pérékoussikhine,
1739 — 1824

102

Дюкъ Серра-Каприола,
1750 — 1822

Le Duc de Serra-Capriola,
1750 — 1822

103

Дюшеса Анна Александровна
Серра-Каприола,
1770 — 1840

La Duchesse Anna Alexandrowna
de Serra-Capriola,
1770 — 1840

Графъ ПЕТРЪ СЕМЕНОВИЧЪ САЛТЫКОВЪ, 1698—1772, сынъ генераль-аншефа Семена Андреевича отъ брака съ Ѳеклой Яковлевной Волинской, въ юности зачисленный въ Преображенскій полкъ, въ 1714 г. посланъ былъ Петромъ Великимъ за границу учиться морскому дѣлу. Царствованіе Анны Іоанновны, называвшей его „son cousin“, способствовало его возвышенію, тѣмъ болѣе, что его жена, Прасковья Юрьевна Трубецкая, принадлежала къ семьѣ, противодѣйствовавшей стремленіямъ „верховниковъ“. 19 Января 1732 г. Салтыковъ, вмѣстѣ съ отцомъ, получилъ графскій титулъ; въ 1734 г. участвовалъ въ Польскомъ походѣ въ чинѣ генераль-майора. Въ царствованіе Іоанна Антоновича онъ сдѣланъ генераль-поручикомъ, сенаторомъ и пожалованъ въ генераль-адъютанты, зато вступленіе на престолъ Елисаветы повлекло за собой его удаленіе изъ Петербурга: сначала онъ былъ назначенъ въ дѣйствующую армію въ Финляндіи, а затѣмъ, въ чинѣ генераль-аншефа, начальникомъ украинскихъ ландмилицкихъ полковъ. Въ 1759 г., Салтыковъ былъ назначенъ главнокомандующимъ арміей, находившейся въ Пруссіи во время Семилѣтней войны, замѣнивъ нѣмца Фермора. Армія была довольна назначеніемъ русскаго, вмѣсто непопулярнаго Фермора, и главнокомандующій, предпринявъ удачное обходное движеніе, разбилъ пруссаковъ при Пальцигѣ, послѣ чего, по словамъ Болотова, „войска, аки одолѣвшія непріятеля, ободрились и стали болѣе на старичка, своего предводителя, надежды полагать, который уже съ начала пріѣзда своего солдатамъ полюбился“. Наконецъ, Салтыковъ нанесъ пораженіе Прусской арміи при Куннерсдорфѣ: эта побѣда принесла ему славу побѣдителя непобѣдимаго Фридриха II и чинъ фельдмаршала. Тѣмъ не менѣе, Салтыковъ не воспользовался вполне результатами своихъ побѣдъ, и не столько по неспособности, сколько потому, что, плохой дипломатъ, онъ не могъ разобраться въ дипломатическихъ и придворныхъ отношеніяхъ: онъ встрѣчалъ постоянныя препятствія и со стороны конференціи въ Петербургѣ, и со стороны австрійцевъ союзниковъ. 1 Августа 1760 г. Салтыковъ, по болѣзни, сдалъ команду тому же Фермору. При Петрѣ III онъ пользовался благоволеніемъ, Екатерина же II относилась къ нему сухо и, награжденный шпагой съ брильянтами, въ 1764 г. онъ былъ назначенъ Московскимъ генераль-губернаторомъ. Чума, волненія въ народѣ, отсутствіе войска и неодобреніе Императрицей мѣръ, принимаемыхъ фельдмаршаломъ, удручающе подѣйствовали на Салтыкова, и онъ уѣхалъ въ свою подмосковную, с. Марѣино. На слѣдующій день разразился бунтъ, сопровождавшійся убійствомъ архіепископа Амвросія, и хотя Салтыковъ постыдился вернуться въ Москву, Императрица уволила его въ отставку, „похваляя его предкамъ Ея Величества учиненную знатную службу“. Поселившись въ своемъ Марѣинѣ, Салтыковъ скончался въ ночь на 26 Декабря 1772 г.; Московское начальство забыло даже оказать умершему должныя воинскія почести, пока графъ П. И. Панинъ не пріѣхалъ самъ въ Марѣино и не сталъ у гроба на дежурствѣ, съ обнаженнымъ палашомъ. У графа Салтыкова былъ сынъ Иванъ (впоследствии фельдмаршалъ) и 3 дочери: Анастасія (за П. Ф. Квашнинымъ-Самаринымъ), Екатерина (за графомъ А. П. Шуваловымъ) и Варвара (за княземъ В. Б. Голицынымъ).

Салтыковъ былъ обходительный, добрый и ласковый, простой русскій человекъ и страстный охотникъ; несмотря на невидную наружность, онъ обладалъ большою энергіей, любилъ вездѣ быть самъ и все видѣть; здравый смыслъ и осторожность замѣняли ему и недостатокъ военныхъ талантовъ, и незнакомство съ рутинными правилами тогдашняго военнаго искусства, благодаря чему его мѣропріятія были и непонятны, и неожиданны для непріятеля. Какъ бы то ни было, а Салтыковъ оказался достойнымъ противникомъ знаменитѣйшаго полководца своего времени. О Салтыковѣ Болотовъ пишетъ: „Старичокъ, сѣденькій, маленькій, простой, въ бѣломъ ландмилицкомъ кафтанѣ, безъ всякихъ украшеній и безъ всякихъ пышностей ходилъ онъ по улицамъ и не имѣлъ за собой болѣе 2-3 человекъ. Привыкши къ пышности и великолѣпію въ командирахъ, чудно намъ сіе и удивительно казалось, и мы не понимали какъ такому простому и, по всему видно, незначущему старику можно было быть главнокомандующимъ столь великой арміей и предводительствовать ею противъ такого короля, который удивлялъ всю Европу своимъ мужествомъ, прозорливостью и знаніемъ военнаго искусства. Онъ казался намъ сущюю курочкою, и никто и мыслить того не отважился, чтобы онъ могъ учинить что-нибудь важное“.

(Съ портрета Ротари 1760 г.; собственность Е. А. Балашовой, въ С.-Петербургѣ.)

СТЕПАНЪ ФЕДОРОВИЧЪ АПРАКСИНЪ, 1702 — 1758, сынъ стольника Федора Карповича, родился 30 Июля 1702 г.; мать его, Елена Леонтьевна Кокошкина, овдовѣвъ, вышла замужъ вторично за начальника Тайной канцеляріи А. И. Ушакова; получивъ хорошее воспитаніе въ домѣ графа Петра Матвѣевича Апраксина, отлично говоря по-нѣмецки, Апраксинъ поступилъ въ 1718 г. въ Преображенскій полкъ и сдѣлалъ быстрые успѣхи по службѣ: въ 1732 г. онъ былъ уже секундъ-майоромъ Семеновскаго полка, гдѣ Ушаковъ былъ подполковникомъ. Участникъ сраженія при Ставучанахъ и взятія Хотина, Апраксинъ былъ произведенъ въ генераль-майоры, сдѣланъ премьеръ-майоромъ Семеновскаго полка и получилъ Александровскую ленту. Правительница Анна Леопольдовна пожаловала ему с. Брасово, въ Сѣвскомъ у., и ввѣрила защиту границъ съ Персіей. Въ отсутствіе Апраксина случился переворотъ, возведшій на престолъ Елисавету Петровну. По свидѣтельству современника, Апраксинъ былъ „счастливъ своимъ умѣньемъ находить сильныхъ друзей для своего благополучія“. Теперь онъ сдѣлался другомъ Бестужева-Рюмина, заклятаго врага Миниха. Движеніе его по службѣ пошло еще быстрее: въ 1742 г. онъ былъ подполковникомъ гвардіи и генераль-поручикомъ, въ 1746 г. — генераль-аншефомъ, въ 1751 г. получилъ Андреевскую звѣзду. Съ началомъ Семилѣтней войны, 5 Сентября 1756 г., Апраксинъ, пожалованный въ фельдмаршалы, назначенъ главнокомандующимъ дѣйствующей арміей.

По рассказамъ англійскаго посла, при огромномъ ростѣ и тучности, Апраксинъ былъ великій любитель пышности и въ франтовствѣ не уступалъ извѣстному въ Европѣ щеголю Саксонскому министру гр. Брюлю; въ пылу приготовленій къ походу, онъ не забылъ послать адъютанта изъ Риги въ Петербургъ, чтобы заказать себѣ дюжину новыхъ кафтановъ. Остряки говорили, что фельдмаршалъ намѣревается въ 1757 г. открыть кампанію не противъ пруссаковъ, а противъ Рижскихъ дамъ. Однако, такіе слухи не подтвердились; въ Маѣ армія выступила, въ Июлѣ перешла границы Пруссіи, а въ Августѣ заняла позицію на рѣкѣ Прегель, близъ Эгерсдорфскаго поля, гдѣ 19 Августа произошла битва, окончившаяся пораженьемъ пруссаковъ. Вѣсть о побѣдѣ была принята съ восторгомъ въ Петербургѣ, а Апраксинъ получилъ въ свой гербъ двѣ пушки, накрестъ положенныя. Но вслѣдъ за этимъ фельдмаршалъ, не воспользовавшись плодами побѣды, началъ спѣшно отступать въ Россію; явились всякіе слухи и догадки, говорили о подкупѣ вѣчно нуждавшагося въ деньгахъ Апраксина Фридрихомъ, но это опровергается безусловно уже тѣмъ, что, отступая, онъ страшно опустошалъ все на своемъ пути. Были ли тому причиной слухи о безнадѣжномъ положеніи здоровья Императрицы и близкой ея кончины, или, дѣйствительно, армія, лишенная запасовъ и денегъ, умирала съ голоду, но несомнѣнно то, что Апраксинъ былъ запутанъ въ сѣть политическихъ и придворныхъ отношеній, сплетенную Бестужевымъ-Рюминымъ не безъ участія Великой Княгини Екатерины Алексѣевны, переписывавшейся съ Апраксинымъ и считавшей его въ числѣ своихъ друзей. Апраксинъ былъ арестованъ въ Нарвѣ и подвергнутъ допросу графа А. И. Шувалова, начальника Тайной канцеляріи послѣ Ушакова; но фельдмаршалъ былъ друженъ съ Бестужевымъ и близокъ съ его врагами Шуваловыми... Выяснилось, что „безславная ретирада“ была результатомъ совѣщанія всего генералитета, и Ферморъ свидѣтельствовалъ, что такой былъ „недостатокъ людямъ и лошадямъ субсистенціи“, что они „въ совершенную худобу пришли“. Переписка съ Великой Княгиней оказалась невинной, и судъ, тянувшійся уже годъ, долженъ былъ скоро окончиться, когда, 6 Августа 1758 г., во время допроса, Апраксинъ упалъ и скоропостижно умеръ; погребенъ на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

Князь М. М. Щербатовъ такъ отзывался объ Апраксинѣ: „Человѣкъ благодѣтельный и добраго расположенія сердца, но малознающъ въ вещахъ, пронырливъ, роскошенъ, честолюбивъ, всегда имѣлъ великій столъ, гардеробъ его изъ многихъ сотъ разныхъ богатыхъ кафтановъ состоялъ; въ походѣ всѣ спокойствія, всѣ удовольствія ему послѣдовали. Палатки его величиною городъ составляли, обозъ его болѣе нежели 500 лошадей отягчалъ, и для его собственнаго употребленія было съ нимъ 50 заводныхъ, богато убранныхъ лошадей“.

С. Ф. Апраксинъ былъ женатъ на Аграфенѣ Леонтьевнѣ Соймоновой, отъ которой имѣлъ сына Степана и двухъ дочерей: Елену (княгиня Куракина) и Марію (Талызина).

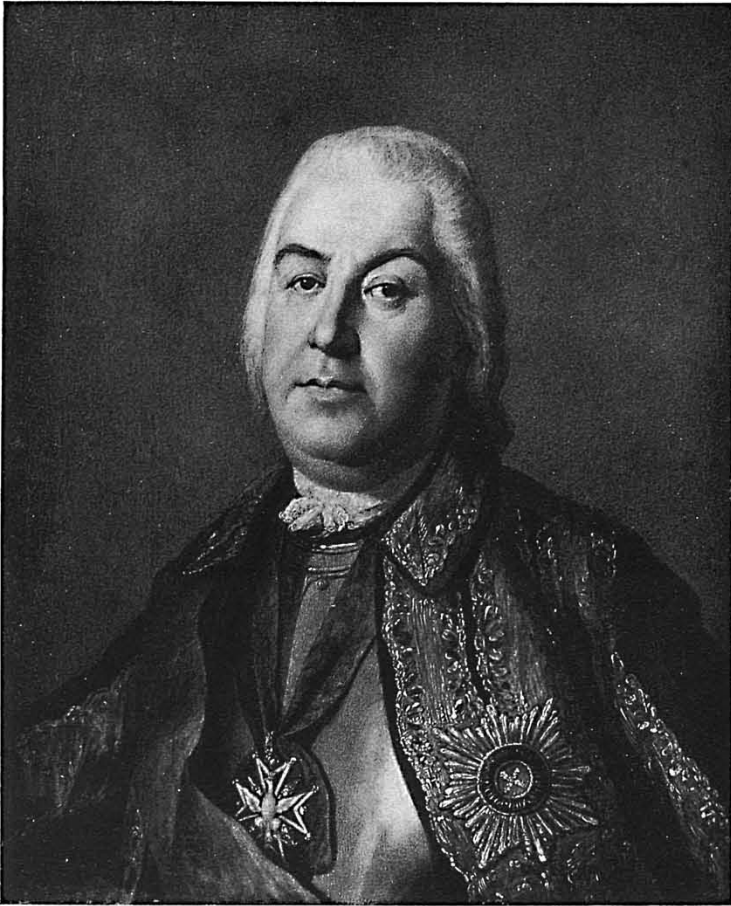
(Съ портрета, принадлежащаго А. М. Апраксиной, с. Ольгово, Московской губ.)

Графъ ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ ПАНИНЪ, 1721—1789, сынъ генераль-поручика Ивана Васильевича Панина отъ брака съ Аграфеной Васильевной Эверлаковой, племянницей кн. А. Д. Меншикова, въ 1735 г. былъ опредѣленъ въ Измайловскій полкъ капраломъ, въ 1736 г. переведенъ въ армию, дѣйствовавшую противъ турокъ, и участвовалъ во взятіи Перекопа и Бахчисарая. Въ 1740 г. переведенъ снова въ Измайловскій полкъ, и съ 1741 по 1743 г. участвовалъ въ Шведской кампаніи. Произведенный въ 1755 г. въ генераль-майоры, онъ отличился въ Семилѣтнюю войну умѣлыми и энергичными распоряженіями въ сраженіяхъ при Гросъ-Эгерсдорфѣ, Цорндорфѣ, Ландсбергѣ (гдѣ былъ контуженъ) и Кунерсдорфѣ и при взятіи Берлина. Въ 1762 г. онъ былъ генераль-губернаторомъ Восточной Пруссіи. Награжденный чиномъ генераль-поручика и орденомъ св. Александра Невскаго, Панинъ въ 1762 г. былъ произведенъ въ „полные генералы“ и получилъ шпагу съ брилліантами. Пожалованный въ сенаторы, въ 1767 г. былъ избранъ депутатомъ отъ Московскаго дворянства въ Екатерининскую комиссію, 22 Сентября 1767 г. былъ возведенъ въ графское достоинство, а въ 1768 г. назначенъ членомъ Совѣта. Во время Турецкой войны, въ Сентябрѣ 1769 г., былъ назначенъ командующимъ 2-й арміей, и 16 Сентября 1770 г., послѣ долгой осады, взялъ Бендеры, превративъ городъ въ развалины и потерявъ во время осады болѣе 6000 человекъ. При этомъ Панина не безъ основанія обвиняли въ недостаткѣ энергіи. 5 Октября 1770 г. Панинъ получилъ орденъ св. Георгія 1-й ст., но уже 19-го Октября былъ уволенъ въ отставку. Проживая не у дѣлъ въ Москвѣ и считая себя обиженнымъ, Панинъ „критиковалъ все и всѣхъ“ и этими „болтаніями“ возбудилъ къ себѣ ненависть самолюбивой Екатерины, которая стала называть его „первымъ вралемъ и себѣ персональнымъ оскорбителемъ“; надъ нимъ былъ даже учрежденъ „присмотръ надежныхъ людей“. Несмотря на это, когда послѣ смерти А. И. Бибикова явилась нужда въ энергичномъ главнокомандующемъ для подавленія Пугачевского бунта, Екатерина 29 Юля 1774 г. назначила Панина „съ полною мочью и властью“. Благодаря удачнымъ дѣйствіямъ Михельсона, Пугачевъ былъ разбитъ и выданъ правительству. Получивъ въ Пензѣ 18 Сентября вѣсть о выдачѣ самозванца, Панинъ занялся успокоеніемъ края, чего и достигъ, благодаря энергичнымъ мѣрамъ. 9 Августа 1775 г. онъ былъ уволенъ, получилъ похвальную грамоту, мечъ съ алмазами, алмазные знаки ордена св. Андрея Первозваннаго и 60.000 руб. „на поправленіе экономіи“.

Панинъ скончался скоропостижно 15 Апрѣля 1789 г. и похороненъ въ с. Дугинѣ, Смоленской губерніи. Отъ перваго брака съ Анной Александровной Татищевой онъ имѣлъ 17 человекъ дѣтей, умершихъ при его жизни; отъ втораго брака (въ 1767 г.) съ фрейлиной Марьей Родіоновной Вейдель имѣлъ пятерыхъ дѣтей, изъ которыхъ пережили отца только сынъ Николай и дочь Софья.

Современники превозносили въ Панинѣ „чуждое всякаго пристрастія сердце, непоколебимую твердость, примѣрную любовь, усердіе, ревность ко главѣ и всему составу отечества“; на иныхъ онъ производилъ впечатлѣніе одного изъ тѣхъ „мужей, коихъ великимъ и отменнымъ дарованіямъ, описаннымъ Плутархомъ, столь много дивимся“. Даже враги его признавали въ немъ „способныя качества, усердіе и бодрость“. Отличительнымъ свойствомъ Панина было чувство собственнаго достоинства. Никогда онъ не заискивалъ передъ фаворитами и единственный изъ сенаторовъ позволялъ себѣ открыто не соглашаться съ Екатериной. Такимъ онъ былъ 15-и лѣтъ, когда негодовалъ на назначеніе его капраломъ, хотя „онъ званья своего меньше еще знаетъ, чѣмъ они“, такимъ онъ остался и до смерти. Онъ былъ гуманнымъ по своему времени человекомъ: возмущался пыткой, произволомъ помѣщиковъ и притѣсненіемъ раскольниковъ, но при этомъ былъ чуждъ ложной сентиментальности и быстро успокоилъ терроризованный Пугачевцами край, хотя для этого понадобились жестокія мѣры... Зналъ, что Екатерина любила показывать „нѣжныя чувства своего материскаго и человеколюбиваго къ своимъ подданнымъ сердца“, Панинъ, принимая крутые мѣры, „заранѣе испрашивалъ“ у Императрицы „прощенія, пріемля съ радостью пролитіе проклятой крови такихъ государственныхъ злодѣевъ на себя и на чадъ своихъ“. Тѣмъ не менѣе онъ любилъ родину и гордился русскимъ народомъ, выставляя при всякомъ удобномъ случаѣ его способности и добродѣтели, „храбрость, терпѣніе и послушаніе“ русскаго солдата.

(Съ миниатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михайловича.)

Пис. Ротари, 1760

Графъ Петръ Семеновичъ
Салтыковъ,
1698 — 1772

Peint par Rotary, 1760

Le Comte Pierre Sémenowitch
Saltykoff,
1698 — 1772

Степанъ Федоровичъ
Апраксинъ,
1702 — 1758

Stéphane Féodorowitch
Apraxine,
1702 — 1758

Графъ Петръ Ивановичъ
Панинъ,
1721 — 1789

Le Comte Pierre Ivanowitch
Panine,
1721 — 1789

Свѣтлѣйшій князь НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ САЛТЫКОВЪ, 1736 — 1816, генераль-фельдмаршалъ, сынъ генераль-аншефа Ивана Алексѣевича Салтыкова († 1773 г.) отъ брака съ графиней Анастасіей Петровной Толстой, родился 31 Октября 1736 г.; началъ свою службу рядовымъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскомъ полку. Во время Семилѣтней войны Салтыковъ принималъ участіе во многихъ сраженіяхъ съ пруссаками и послѣ битвы при Куннерсдорфѣ былъ пожалованъ въ полковники. Въ 1763 г. Салтыковъ, уже въ чинѣ генераль-майора, командовалъ русскими войсками, расположенными въ Польшѣ, а при началѣ 1-й Турецкой войны участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ при осадѣ Хотина, за что получилъ чинъ генераль-поручика и орденъ св. Александра Невского. Тотчасъ послѣ этого Салтыковъ уѣхалъ для леченія за границу, гдѣ провелъ цѣлыхъ три года. По возвращеніи въ 1773 г. въ Россію Салтыкова ожидалъ цѣлый рядъ милостей: Императрица Екатерина назначила его вице-президентомъ Военной коллегіи, произвела въ генераль-аншефы и опредѣлила гофмейстеромъ при дворѣ Наслѣдника престола Великаго Князя Павла Петровича, чѣмъ выразила особое къ нему довѣріе. На этомъ мѣстѣ Салтыковъ проявилъ глубокаго тактъ и умѣніе приспособляться къ обстоятельствамъ: одинаково пользовался расположеніемъ какъ Императрицы, такъ и ея наслѣдника, и поддерживалъ между ними добрыя отношенія. вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ Павломъ Петровичемъ, Салтыковъ ѣздилъ въ 1776 г. въ Берлинъ на обрученіе Великаго Князя съ принцессой Виртембергской, впослѣдствіи Великой Княгиней Маріей Ѳеодоровной, а въ 1781 и 1782 гг. сопровождалъ велико-княжескую чету въ ея путешествіи за границу. вслѣдъ затѣмъ Императрица Екатерина возложила на Салтыкова новую величайшую обязанность: быть главнымъ воспитателемъ Великихъ Князей Александра и Константина Павловичей. На этомъ мѣстѣ Салтыковъ, отлично изучившій придворную науку, заботился главнымъ образомъ о томъ, чтобы приучить своихъ воспитанниковъ умѣть лавировать между противорѣчивыми требованіями ихъ родителей съ одной стороны, и царственной бабки, съ другой; въ другихъ отношеніяхъ Салтыковъ, по отзыву современниковъ, былъ самымъ неспособнымъ педагогомъ и воспитателемъ царскихъ дѣтей. Въ концѣ своего царствованія Екатерина II пожаловала Салтыкову графское достоинство и до 5000 душъ крестьянъ и поручила ему управленіе Военной коллегіей. Въ царствованіе Императора Павла Салтыковъ пожалованъ былъ въ генераль-фельдмаршалы, но не пользовался значеніемъ. Императоръ Александръ I, въ годъину Отечественной войны, назначилъ Салтыкова предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта и Комитета министровъ, во время нахожденія своего въ кампаніи 1813 и 1814 гг. поставилъ его въ положеніе регента государства и 30 Августа 1814 г. возвелъ въ княжеское достоинство съ титуломъ свѣтлости.

Уклончивость, хитрость, умѣніе жить и ладить съ людьми были преобладающими качествами въ характерѣ и умѣ Салтыкова. Эгоистъ и гибкаго царедворецъ, Салтыковъ, по словамъ князя И. М. Долгорукаго, близко его знавшаго, „внутренно любилъ только себя и неспособенъ былъ благодѣтельствовать, когда требовалась на то нѣкоторая упругость въ характерѣ, настойчивость въ поступкахъ и твердость въ правилахъ“. Въ домашнихъ дѣлахъ Салтыковъ подчинялся всецѣло вліянію жены своей, Наталіи Владиміровны, рожденной княжны Долгорукой (см. ея біографію). Свѣтлѣйшій князь Н. И. Салтыковъ умеръ 16 Мая 1816 года.

(Съ портрета Квадала; собственность свѣтлѣйшей княгини А. С. Салтыковой, С.-Петербургъ.)

Графиня НАТАЛІЯ ВЛАДИМІРОВНА САЛТЫКОВА, 1757—1812, супруга графа Николая Ивановича Салтыкова, дочь Рижскаго губернатора князя Владиміра Петровича Долгорукова отъ брака съ княжной Еленой Васильевной Хилковой, въ супружество вступила въ 1762 г., въ дѣйствительныя статсъ-дамы пожалована 2 Сентября 1793 г., Екатерининскую ленту получила 5 Августа 1797 года. Скончалась 7 Сентября 1812 г. и погребена въ селѣ Черкутинѣ, Владимірской губерніи.

Графиня Салтыкова, въ молодости отличавшаяся красотой, но слабая и болѣзненная, по словамъ Карабанова, „была умна, лукава и скупа“ и мало показывалась въ обществѣ. Научившись отъ матери всякимъ стариннымъ русскимъ примѣтамъ, она ихъ придерживалась до суевѣрія и пользовалась ими, какъ могла, чтобы избавиться отъ скучныхъ свѣтскихъ обязанностей. Екатерина II не любила ея и не обращала на нее никакого вниманія. Великій Князь Павелъ Петровичъ, при которомъ мужъ ея состоялъ съ 1773 г., также не былъ расположенъ къ гр. Салтыковой; не любили ея и при дворѣ Великаго Князя Александра Павловича. Тщательно избѣгая придворныхъ собраний, она рѣдко выходила изъ комнатъ, которыя мужъ ея занималъ во дворцѣ, и увѣряла всѣхъ и каждого, „что никогда ничего не знаетъ о томъ, что дѣлается“. Это не мѣшало ей, однако, всячески выдвигать мужа и интриговать противъ другихъ. Сопровождала мужа во время путешествія Великаго Князя Павла Петровича и Великой Княгини Маріи Ѳеодоровны по Европѣ въ 1781 г., графиня Салтыкова не занимала официальнаго положенія въ великокняжеской свѣтѣ, и въ парадныхъ случаяхъ фрейлины Борцова и Нелидова имѣли первенство надъ графиней Салтыковой, „которая болѣзненна и мало выѣзжаетъ“, какъ писалъ Іосифъ II своему брату, великому герцогу Тосканскому.

Близко знавшій Салтыковыхъ князь И. М. Долгоруковъ посвящаетъ ей слѣдующія строки въ „Капищѣ моего сердца“: „Графиня Салтыкова—прямо свѣтлѣйшая дама, не по титулу одному, но по качествамъ души. Оставимъ ей нѣкоторыя женскія странности и причуды, но она тверда въ правилахъ, постоянна въ отношеніяхъ и великодушна въ поступкахъ; основныя свойства ея благородны, чувства возвышенны, характеръ мужественъ“. Очевидно, авторъ не считалъ противнымъ въ то время „великодушію“ и благородству извѣстный случай съ крѣпостнымъ ея парикмахеромъ, котораго графиня изъ опасенія, чтобы онъ не разболталъ, что она носитъ парикъ, три года держала взаперти въ клѣткѣ у себя въ спальнѣ, выпуская его только для причесыванія. Когда несчастному удалось, наконецъ, бѣжать, Салтыкова, боясь, что ея тайна откроется, стала требовать его розыска и обратилась даже къ Императору Александру. Государь, уже предупрежденный черезъ полицію, приказалъ не разыскивать бѣглеца, а графиню успокоить официальнымъ извѣщеніемъ, что ея парикмахеръ утонулъ въ Невѣ. Салтыкова была извѣстна въ свѣтѣ своею оригинальностью, колкимъ языкомъ и смѣшными выходками. Прощаясь съ женою графа П. А. Толстого, назначеннаго посломъ во Францію, она сказала ей: „Маша, жаль мнѣ, что ты ѣдешь въ Парижъ: тебя французы одурачатъ. Поменьше съ ними говори: они тебѣ объ литературѣ, а ты имъ, почему рожь на Болотѣ“...

Графиня Салтыкова достигла того, что весь свѣтъ, не исключая и великихъ міра, подчинялся ея странностямъ. Несмотря на званіе статсъ-дамы, она почти никогда не ѣздила ко двору подъ предлогомъ, что „по слабости нервовъ не могла выносить запаха пудры и духовъ“. Дома она подпускала гостей лишь на извѣстное разстояніе, при чемъ отвратительные карлики жгли передъ нею перья или мочалу; одѣвалась всегда по модѣ своей молодости и была разукрашена драгоценностями, какъ чудотворная икона; она до жадности любила деньги и скопила мужу и дѣтямъ огромный капиталъ. При своемъ умѣ и слабохарактерности мужа, она имѣла большое вліяніе на государственныя дѣла; при дворѣ ея боялись, и она пользовалась правомъ „всѣхъ бранить за все, что было сдѣлано не по ней“. Если вѣрить князю Долгорукову, она и скончалась „отъ безпрестанныхъ волненій сердца, производимыхъ неудачами политическими и въ брани двора нашего съ Наполеономъ“.

Графиня Н. В. Салтыкова имѣла одну дочь, скончавшуюся въ младенчествѣ, и трехъ сыновей: Дмитрія (р. 1767, † 1826; слѣпой), Александра (1775—1857) и Сергѣя (1776—1828).

(Съ портрета Квадала; собственность свѣтлѣйшей княгини А. С. Салтыковой, въ С.-Петербургѣ.)

Пис. Квадаль — Peint par Quadal

*Свѣтл. князь Николай Иванович Le Prince Nicolas Ivanowitch
Салтыковъ, Saltykoff,
1736 — 1816 1736 — 1816*

Пис. Квадаль — Peint par Quadal

*Графиня Наталья Владиміровна La Comtesse Natalie Vladimirovna
Салтыкова, Saltykoff,
1737 — 1812 1737 — 1812*

Свѣтлѣйшій князь **АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ САЛТЫКОВЪ**, 1775—1837, сынъ фельдмаршала князя Николая Ивановича отъ брака съ княжной Наталіей Владиміровной Долгорукой, родился 27 Декабря 1775 г.; въ 1787 г. былъ уже подпоручикомъ Семеновскаго полка, а 25 Марта 1790 г. пожалованъ въ камеръ-юнкеры. Въ царствованіе Павла I, 12 Ноября 1796 г. пожалованъ въ камергеры, въ 1798 г. въ тайные совѣтники и командоромъ Мальтійскаго ордена, а въ слѣдующемъ году, 16 Марта,—гофмейстеромъ ко двору Великой Княжны Маріи Павловны. Со вступленіемъ на престолъ Императора Александра, съ которымъ онъ вмѣстѣ росъ, но который къ нему не благоволилъ, благодаря „какимъ-то дѣтскимъ ссорамъ“, Салтыковъ былъ переведенъ 7 Апрѣля 1801 г. членомъ въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ. Въ 1803 г., по случаю отпуска на 2 года за границу графа Ю. А. Головкина, на дочери котораго, Наталіи, онъ былъ женатъ съ Апрѣля 1801 г., исправлялъ должность оберъ-церемоніймейстера Высочайшаго двора. Въ слѣдующемъ году назначенъ сенаторомъ, а 2 Юля 1806 г. товарищемъ Министра Иностранныхъ дѣлъ, и управлялъ министерствомъ съ 16 Марта 1807 г. до возвращенія министра барона Будберга, ѣздившаго съ Государемъ за границу. 4 Февраля 1810 г. назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта и 12 Юля—директоромъ Комиссіи погашенія долговъ. 9 Апрѣля 1812 г. Салтыкову вновь поручено было управленіе Министерствомъ Иностранныхъ дѣлъ, за отсутствіемъ канцлера графа Румянцева, и присутствовать въ Комитетѣ министровъ. 12 Декабря того же года онъ былъ уволенъ отъ управленія министерствомъ, а 5 Марта 1817 г.— „отъ всѣхъ дѣлъ, по разстроенному здоровью“. Съ 30 Августа 1814 г. онъ сдѣлался свѣтлѣйшимъ княземъ по случаю пожалованія этого титула его отцу. Князь А. Н. Салтыковъ умеръ въ Москвѣ, 27 Января 1837 года и похороненъ въ Донскомъ монастырѣ.

Современники очень лестно отзывались о князѣ Салтыковѣ, одни называли его „милымъ человѣкомъ“, другіе восхваляли его „любовь къ справедливости и праведнымъ требованіямъ“; Карамзинъ считалъ его „человѣкомъ умнымъ и пріятнымъ“ и писалъ Дмитріеву, что „въ Петербургѣ не много такихъ людей“. Вообще по уму, благородству характера, по образованію, его признавали выдающимся человѣкомъ своего времени. Вигель такъ изображаетъ князя А. Н. Салтыкова: „Онъ былъ блѣденъ, сухъ и казался старѣе своихъ лѣтъ. Выросши съ Императоромъ Александромъ, онъ имѣлъ въ манерахъ что-то съ нимъ сходное: важность безъ спѣси и учтивость, удерживающую всякую короткость. Умственнымъ образованіемъ онъ мало отличался отъ другихъ вельможскихъ дѣтей того времени: напитанъ французской литературой, проникнуть духомъ французской аристократіи и исполненъ знанія французской исторіи. На французскомъ языкѣ изъяснялся лучше, чѣмъ на природномъ; на немъ, однакоже, не упускалъ случая искренно хвалить свое отечество. Общее мнѣніе сильно его поддерживало: предполагаемыя въ немъ познанія, видъ спокойствія, непоколебимости, любовь къ отчизнѣ заставляли въ немъ видѣть истинно-великаго государственнаго человѣка и сѣтовать, что онъ занимаетъ ничтожное мѣсто“... Однако, въ дѣлахъ, по мнѣнію Вигеля, онъ оказался „ниже своей репутаціи“. Современники приписываютъ Салтыкову эпиграмму на Козодавлева:

„Великій сей министръ въ исторіи—бѣ гремѣлъ
И съ Кѳлбертомъ его потомство бы сравнило,
Изъ внутреннихъ когда бы дѣлъ
Наружу ничего не выходило“...

(Съ портрета 1812 г.; собственность князя С. М. Голицына, с. Кузьминки, Московской губ.)

Свѣтлѣйшая княгиня **ЕКАТЕРИНА ВАСИЛЬЕВНА САЛТЫКОВА**, 1789—1862, дочь дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Василя Васильевича Долгорукаго, женатаго на прославленной современниками красавицѣ княжнѣ Екатеринѣ Федоровнѣ Бяратинской, 22 Юля 1808 г. была пожалована во фрейлины и затѣмъ вышла замужъ за графа (съ 1814 г. свѣтлѣйшій князь) Сергѣя Николаевича Салтыкова.

Овдовѣвъ 25 Апрѣля 1828 г., не имѣя дѣтей, княгиня Салтыкова всю свою жизнь прослужила при дворѣ, будучи однимъ изъ самыхъ близкихъ лицъ къ Царской фамилии. 30 Юня 1855 г. она была пожалована въ статсъ-дамы, а съ 1840 г. по 1855 г. исправляла должность гофмейстерины при дворѣ Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича. Она пользовалась большимъ значеніемъ и силой при дворѣ, и М. А. Паткуль, рожденная маркиза де-Траверсе, которую очень любила Великая Княгиня Марія Александровна, не разъ упоминаетъ въ своихъ запискахъ имя суровой свѣтлѣйшей княгини Салтыковой, которая неблагоклонно смотрѣла на всякое нарушеніе этикета, и которой она сильно побаивалась. Со вступленіемъ на престоль Императора Александра II, княгиня Салтыкова была гофмейстериной Императрицы и кавалерственной дамой ордена св. Екатерины большого креста. Она умерла въ Декабрѣ 1862 года, въ глубокой старости.

(Съ портрета, принадлежащаго свѣтлѣйшей княгинѣ А. С. Салтыковой, С.-Петербургъ.)

МАРІЯ СТЕПАНОВНА ТАЛЫЗИНА, 1742—1796, и СТЕПАНЪ СТЕПАНОВИЧЪ АПРАКСИНЪ, 1757—1827. Марія Степановна, вторая дочь фельдмаршала Степана Федоровича Апраксина (1702—1758) отъ брака съ Аграфеной Леонтьевной Соймоновой (1719—1771), родилась 20 Мая 1742 года. Воспитывалась она въ имѣніи отца своего, с. Ольговъ, Московской губерніи, перешедшемъ затѣмъ къ ея брату. 19 Января 1763 г. М. С. Апраксина вышла за поручика Семеновскаго полка Александра Федоровича Талызина, одного изъ участниковъ въ дѣлѣ возведенія на престолъ Екатерины II. Не такая красивая, какъ сестра ея, блестящая княгиня Елена Степановна Куракина, Марія Степановна Талызина въ молодости была „пребойкая и пребѣдовая“, охотница до ночныхъ катаній съ адъютантами отца; какъ говорятъ, за нею ухаживалъ даже покровитель ея старшей сестры, графъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ. Впослѣдствіи она близко сошлась съ извѣстнымъ графомъ Никитой Ивановичемъ Панинымъ, и отношенія эти прекратились лишь со смертью Панина. Сильно растолстѣвшая съ годами, она уже никого не могла плѣнить своею наружностью; это вызвало со стороны одного пріѣзжаго въ Петербургъ дипломата замѣчаніе, что вѣрность стараго графа дѣлаетъ ему честь, такъ какъ другой, на его мѣстѣ, не нашелъ бы въ себѣ достаточной для этого добродѣтели. Тяжеловѣсная фигура Маріи Степановны, сдѣлавшаяся пословицею въ семействѣ, не мѣшала, однако, ей любить свѣтскія развлеченія и танцы и удивлять своихъ молодыхъ племянниковъ легкостью, съ которою она танцевала „не только менуэты и польскіе, но и контрдансы“. Благодаря своей близости къ Панину, М. С. Талызина была очень извѣстна въ петербургскихъ дипломатическихъ кружкахъ и между иностранными дипломатами имѣла репутацію интригантки. Будучи родною теткою „великолѣпныхъ“ князей Александра и Алексѣя Борисовичей Куракиныхъ, опекуномъ коихъ состоялъ ея мужъ, Марія Степановна пользовалась съ ихъ стороны большою любовью и уваженіемъ и принимала большое участіе въ ихъ воспитаніи; у нея же воспитывался послѣ смерти матери и братъ ея, Степанъ Степановичъ Апраксинъ, извѣстный Московскій красавецъ и пожиратель сердець въ молодости, впослѣдствіи генераль-отъ-кавалеріи, богачъ, принимавшій всю Москву у себя въ Ольговѣ, любитель театра, всякихъ увеселеній и причудъ, человекъ пустой, но гостепріимный, простой и добрый, временами самодуръ, не знавшій предѣла своимъ выдумкамъ. Овдовѣвъ, Марія Степановна постоянно проживала въ домѣ брата до самой его женитьбы (въ Іюль 1793 г.), раздѣливъ 12 Октября 1790 г. между дѣтьми все свое имѣніе, по 500 душъ на cadaго, при чемъ дѣти обязаны были выплачивать матери по 1000 руб. въ годъ, а сыновья заплатить ея долги въ размѣрѣ 120/т. руб., на что имъ былъ данъ особо домъ въ Петербургѣ, на Новой Морской.

Талызина оставила двухъ сыновей: Степана и Петра, и двухъ дочерей: Екатерину (за дѣйств. тайнымъ совѣтникомъ М. А. Обресковымъ) и Татьяну (въ первомъ бракѣ за дѣйств. статскимъ совѣтникомъ М. Я. Геденовымъ, а во второмъ за дѣйств. статскимъ совѣтникомъ С. А. Шишкинымъ).

М. С. Талызина умерла 10 Декабря 1796 г. въ Москвѣ и похоронена въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, рядомъ съ братомъ.

На прилагаемой миниатюрѣ она изображена вмѣстѣ съ братомъ С. С. Апраксинымъ, котораго очень любила (Биографію его см. въ I т. изданія „Русскіе Портреты“, № 156).

(Съ миниатюры, принадлежащей Л. и В. А. Талызинымъ, с. Денежниково, Московской губ.)

АЛЕКСАНДРЪ ФЕДОРОВИЧЪ ТАЛЫЗИНЪ, 1734—1787, сынъ тайнаго совѣтника Федора Лукьяновича и его жены Татьяны Семеновны († послѣ 1793 г.), началъ службу солдатомъ въ Семеновскомъ полку въ 1749 г., въ 1753 г. былъ подпрапорщикомъ, въ 1755 г.—сержантомъ; произведенный Петромъ III 25 и 30 Декабря въ прапорщики и подпоручики, тѣмъ не менѣ сдѣлался ревностнымъ приверженцемъ Императрицы, и имъ было много сдѣлано для привлеченія Семеновскаго полка на ея сторону. Въ день переворота 28 Юня 1762 г. Талызинъ находился при Государынѣ, когда она выступила въ походъ противъ мужа съ гвардейскими полками, только-что провозгласившими ее Императрицей. Княгиня Дашкова такъ пишетъ въ своихъ мемуарахъ: „L'impératrice devait endosser l'uniforme de l'un des régiments des gardes, et moi en faire de même. Sa Majesté emprunta l'uniforme du capitaine Talyzine et moi celui du lieutenant Pouchkine, comme ces deux officiers étaient assez approchants de notre taille“. Однако, мундиръ не совсѣмъ пришелся впору къ бюсту Императрицы, его нельзя было застегнуть на пуговицы и пришлось наскоро сдѣлать къ верхнимъ петлямъ завязки; къ подпоручичьему мундиру Императрица сама приколола шитую Андреевскую звѣзду и возложила голубую ленту. Мундиръ изъ простого, довольно грубаго сукна хранился съ этими регалиями въ теченіе почти 150 лѣтъ, сначала у Апраксиныхъ въ с. Ольговѣ, Московской губ., а потомъ въ Денежниковѣ у послѣднихъ представительницъ рода Талызиныхъ, сестеръ Л. и В. А. Талызиныхъ, которыми 7 Февраля 1902 г. историческій мундиръ переданъ въ музей Лейбъ-Гвардіи Семеновскаго полка.

2 Августа 1762 г. Талызинъ былъ произведенъ въ поручики и 30 Ноября пожалованъ въ камеръ-юнкеры; онъ навсегда сохранилъ близость ко двору, чему способствовала еще и его женитьба 19 Января 1763 г. на дочери фельдмаршала Маріи Степановны Апраксиной, чрезъ которую онъ породнился съ Паниными и князьями Куракиными. Въ это время Талызинъ часто приглашался къ обѣденному столу къ Великому Князю Павлу Петровичу, участвовалъ въ его играхъ и сопровождалъ въ поѣздкахъ верхомъ по окрестностямъ Петербурга. 19 Апрѣля 1765 г. Талызинъ произведенъ въ капитанъ-поручики, въ 1769 г., 22 Сентября—въ капитаны, затѣмъ участвовалъ „волонтеромъ“ въ 1-й Турецкой войнѣ, а по возвращеніи отсюда пожалованъ 3 Октября 1770 г. въ камергеры, съ оставленіемъ „сверхъ комплекта“ въ спискахъ Семеновскаго полка. Въ 1779 г., 5 Мая, получилъ чинъ тайнаго совѣтника и назначенъ сенаторомъ. Съ 1777 г. по 1785 г. Талызинъ часто бывалъ при дворѣ на Эрмитажныхъ собраніяхъ, на придворныхъ свадьбахъ, „угощалъ отъ двора“ посольство Имеретинскаго царя Давида, постоянно участвовалъ на выходахъ Императрицы 30 Августа въ Александро-Невскую лавру и за оберъ-камергера несъ шлейфъ.

Талызинъ имѣлъ свое хорошее состояніе, да у жены его было 2000 душъ и домъ въ Петербургѣ, на Новой Морской. Въ Москвѣ Талызинъ жилъ въ собственномъ домѣ на Воздвиженкѣ (теперь казначейство). Заботясь о воспитаніи своихъ сыновей, въ воспитатели къ нимъ онъ пригласилъ француза де-Сальморана, бывшаго потомъ у Зорича директоромъ Шкловскаго училища и замѣшаннаго въ дѣлѣ о фальшивыхъ ассигнаціяхъ. Позднѣе его сыновья учились въ Штутгартѣ. А. Ф. Талызинъ былъ добрый человекъ и снисходительный помѣщикъ: когда его Шацкіе крестьяне не только примкнули къ Пугачевцамъ, но и сами, подъ предводительствомъ старосты, ходили въ лѣса ловить дворянъ и грабить, онъ не только самъ простилъ ихъ, но и ходатайствовалъ о смягченіи суровой кары и заслуженнаго ими возмездія.

А. Ф. Талызинъ умеръ въ 1787 г.; гдѣ онъ похороненъ—намъ неизвѣстно.

(Съ миниатюры изъ собранія Л. и В. А. Талызиныхъ, с. Денежниково, Московской губ.)

СТЕПАНЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ТАЛЫЗИНЪ, 1765 — 1815, учился въ Штутгартѣ. Вмѣстѣ съ младшимъ братомъ Петромъ онъ служилъ въ Измайловскомъ полку и въ одинъ и тотъ же день производился въ чины, пока, 5 Мая 1789 г., не былъ выпущенъ въ армію подполковникомъ; онъ былъ опредѣленъ во 2-й батальонъ Бѣлорусскаго егерскаго корпуса и участвовалъ во 2-й Турецкой войнѣ, служа подъ знаменами Суворова, который съ этого времени его полюбилъ. За храбрость и взятіе 11 Декабря 1790 г. батареи во время штурма Измаила награжденъ орд. св. Георгія 4 класса. Въ 1792 г. онъ былъ уже съ Суворовымъ въ Польшѣ и 3 Октября 1794 г. произведенъ въ полковники, съ назначеніемъ командиромъ Орловскаго пѣхотнаго полка. Въ Варшавѣ, 27 Юля 1793 г., онъ женился на полькѣ Магдалинѣ Петровнѣ (фамилія неизвѣстна), и отъ этого брака 22 Марта 1795 г. родился его единственный сынъ, Александръ, крестникъ Суворова. Послѣдній 13 Апрѣля 1795 г. писалъ отцу: „Имени моему утѣха, а Вамъ съ Магдалиной Петровной больше, со временемъ у Васъ будетъ полна изба солдатъ, мой долгъ при Васъ о нихъ пещись. Господь Богъ соблюди Васъ и любезнаго Александра Степановича. Желая Вамъ чести и славы. Пребуду по конецъ жизни моей съ дружбою и истиннымъ почтеніемъ“. Пожеланіе Суворова не осуществилось: чрезъ годъ жена его скончалась и погребена въ Луцкѣ, въ склепѣ каедральнаго костела. Бракъ былъ самый счастливый, и, 17 лѣтъ спустя, Талызинъ, посѣтивъ склепъ, по его словамъ, скорбѣлъ о своей потерѣ. Суворовъ также писалъ ему: „Я плачу“. Но самъ Талызинъ плакалъ недолго и 6 Января 1797 г. женился опять на полькѣ, Аннѣ Александровнѣ Витушинской. 1 Октября этого же года онъ былъ произведенъ въ генераль-майоры, но 14 Февраля 1798 г. „выкинутъ изъ службы“, затѣмъ снова принятъ и 22 Сентября 1798 г. назначенъ комендантомъ въ Астрахань. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, онъ лишился второй своей жены († 20 Февраля 1799 г.) и дочери Маріи (р. 17 Сентября 1798 г., † 5 Марта 1799 г.), умершихъ въ м. Сарептѣ, гдѣ онъ и похоронены. Въ день смерти жены, Талызинъ былъ отставленъ отъ службы „за неспособностью отправлять свою должность“, но со вступленіемъ на престолъ Александра I былъ принятъ 12 Марта 1801 г. на службу и 10 Апрѣля назначенъ шефомъ Павловскаго гренадерскаго полка; 2 Мая 1802 г. долженъ былъ выйти въ отставку. Только въ 1812 г. ему пришлось еще разъ участвовать въ бояхъ при Маломъ-Ярославцѣ, Тарутинѣ и Нѣмцовѣ въ качествѣ командира части Московской милиціи.

Талызинъ былъ женатъ 3 раза: въ 3-й бракъ онъ вступилъ 20 Января 1800 г. съ 38-лѣтней княжной Маріей Васильевной Голицыной (р. 5 Марта 1762 г., † 5 Января 1853 г.), отъ которой имѣлъ дочь Марію (р. 6 Мая 1808 г., † 29 Мая 1821 г.) и сына Василія, умершаго вскорѣ послѣ рожденія. Бракъ этотъ не былъ счастливымъ, супруги тяготились другъ другомъ и большею частью жили отдѣльно. Талызинъ жаловался сыну на „неуживчивый, строптивый характеръ и ревность“ мачехи, но жена имѣла полное къ тому основаніе: въ самое это время у мужа являются 3 „воспитанника“: Василій и Анна Гурьяновы († около 1833 г.) и Ив. Ст. Виттъ. Даже свою предсмертную болѣзнь Талызинъ приписывалъ „постоянному раздраженію“ на жену, на рукахъ которой скончался 19 Апрѣля 1815 г. въ Москвѣ; похороненъ въ г. Дмитровѣ, въ Борисоглѣбскомъ мужскомъ монастырѣ. Тамъ же погребены его дочь Марія и жена, прожившая послѣ него почти 40 лѣтъ въ Москвѣ, въ Денежномъ переулкѣ, и завѣщавшая все свое имѣніе и капиталъ въ 30/т. руб. на училище для дѣвицъ (теперь „Маріинскій Институтъ“ въ Москвѣ).

Человѣкъ очень богатый, владѣлецъ почти 4/т. душъ, Талызинъ былъ нерасчетливый и плохой хозяинъ; онъ построилъ заводы сахарный и винокуренный въ Денежниковѣ, но всѣ его коммерческія затѣи обыкновенно кончались полной неудачей. Онъ любилъ хорошо и широко жить, имѣлъ свой крѣпостной оркестръ музыки и въ результатъ оставилъ сыну крупныя долги. Талызинъ на всю жизнь сохранилъ память и почитаніе Суворова. Давая сыну совѣтъ (въ 1813 г.) „не забывать милостей начальниковъ“ и быть имъ преданнымъ, даже когда „фортуна обернется къ нимъ спиною“, онъ писалъ: „Суворовъ былъ мой благодѣтель, ты сіе знаешь; когда его сослали въ ссылку къ своимъ помѣстьямъ, при семъ положеніи всѣми былъ оставленъ и брошенъ, но я отъ него не отставалъ и сѣзидилъ въ его деревню переодѣтымъ слугою, рискуя, если бы сіе узнали, то не миновать бы мнѣ Сибири!“ Впослѣдствіи этотъ единственный сынъ, крестникъ Суворова, женился на внучкѣ Суворова, гр. Ольгѣ Николаевнѣ Зубовой, дочери извѣстной „Суворочки“.

(Съ миниатюры, принадлежащей Л. и В. А. Талызинымъ; с. Денежниково, Московской губ.)

ПЕТРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ТАЛЫЗИНЪ, 1767—1801, младшій сынъ Александра Федоровича Талызина отъ брака съ Маріей Степановной Апраксиной, родился 17 Января 1767 г.; воспитывался въ Штутгартѣ въ „Высшей герцога Карла школѣ“, гдѣ въ 1782 г., 22 Декабря, получилъ патентъ на награды за французскій языкъ и всеобщую исторію. Въмѣстѣ съ братомъ Степаномъ началъ службу въ Измайловскомъ полку и 1 Января 1784 г. произведенъ въ прапорщики, черезъ годъ—въ подпоручики, еще черезъ 2 года—въ поручики, 1 Января 1789 г.—въ капитанъ-поручики, въ 1791 г.—въ капитаны. Произведенный 11 Августа 1797 г. въ генераль-майоры, переведенъ въ Преображенскій полкъ и назначенъ „командовать баталіономъ, бывшимъ ген.-отъ-инфантеріи князя Голицына“. 15 Апрѣля 1799 г. Талызинъ былъ пожалованъ въ ген.-лейтенанты, съ назначеніемъ командиромъ Преображенскаго полка. Въ это время онъ имѣлъ орденъ св. Анны 1 ст. и былъ командоромъ Мальтійскаго ордена. Молодой генераль, богатый холостякъ, пользовался любовью въ полку. Человѣкъ, получившій по тому времени блестящее образованіе, въ душѣ мистикъ, масонъ, Талызинъ, по свидѣтельству современниковъ, сдѣлался дѣятельнымъ участникомъ заговора противъ Павла I. „Талызинъ былъ единственной надежной опорой заговорщиковъ и, вѣроятно, былъ умысленно рекомендованъ Павлу на это мѣсто, куда былъ указанъ графомъ Н. П. Панинымъ. Однажды Талызинъ, возвратившись поздно вечеромъ домой, нашель на столѣ въ своемъ кабинетѣ запечатанное письмо; распечатываетъ—оно отъ гр. Панина, который просить его содѣйствовать Палену въ заговорѣ противъ Императора, говоря, что онъ уже рекомендовалъ его, какъ надежнаго и вѣрнаго человѣка, военному губернатору“. Талызинъ не только самъ вступилъ въ число заговорщиковъ, но и завлекъ въ него своихъ офицеровъ Аргамасова и Марина. Талызинъ устраивалъ у себя „интимныя сборища и de petits soupers fins, длившіеся до поздней ночи“. Наконецъ, 11 Марта, около 11 ч. вечера, отъ П. Зубова заговорщики, до 40 человѣкъ, собрались на квартирѣ Талызина въ Лейбъ-компанскомъ корпусѣ Зимняго дворца, гдѣ стоялъ 1 батальонъ. Послѣ ужина съ шампанскимъ заговорщики, изъ которыхъ многіе были пьяны, отправились къ Михайловскому замку, гдѣ въ это время уже были Маринъ и Аргамасовъ: первый командовалъ внутреннимъ карауломъ, а второй долженъ былъ докладывать о пожарахъ въ городѣ. Самъ Талызинъ вывелъ батальонъ своего полка и повелъ его къ замку, внушивъ солдатамъ, что нужно спѣшить, ибо жизнь Государя въ опасности; въ замкѣ онъ занялъ наружные входы и приказалъ зарядить ружья... Вѣроятно событіе 11 Марта тяжело повліяло на Талызина, онъ прожилъ ровно 2 мѣсяца и скончался 11 Мая 1801 г.; похороненъ на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры; на памятникѣ его надпись: „Любезному, нѣжному и вѣрному брату и другу, въ вѣрѣ непоколебимому, въ счастіи и въ несчастіи равному, въ честности отличному и въ дружбѣ неизмѣнному. Воздвигнули сей прискорбія знакъ съ сердечнымъ сѣтованіемъ оставшіеся по немъ 2 сестры и братъ“. „Предъ самой кончиной, собственноручнымъ письмомъ“ на имя Государя, Талызинъ просилъ, чтобы его большое состояніе, болѣе 2000 душъ, вопреки закона, было раздѣлено на 3 равныя части между братомъ и сестрами; это завѣщаніе было представлено Государю и утверждено на другой же день послѣ его смерти, т.-е. 12 Мая. Смерть Талызина была неожиданной, и современники окружили ее таинственностью. Декабристъ Фонъ-Визинъ пишетъ, что Панинъ и Паленъ хотѣли „ограничить самодержавіе, заставя Александра въ первую минуту принять конституціонный актъ“, но Талызинъ, „человѣкъ искренне преданный Александру, убѣждалъ его ни подъ какимъ видомъ не давать согласія, обѣщая, что гвардія сохранитъ вѣрность Александру и поддержитъ его. Александръ послѣдовалъ внушеніямъ Талызина“... Паленъ догадался и „въ отмщеніе ему нашель способъ отравить его. Это происходило на 3-й или на 4-й день послѣ трагической кончины Павла. Талызинъ внезапно занемогъ со всѣми признаками отравленія и тотчасъ послалъ за Александромъ. Талызинъ успѣлъ открыть ему свое подозрѣніе и на рукахъ Императора испустилъ духъ“. Весь этотъ рассказъ интересенъ, конечно, только какъ отголосокъ циркулировавшихъ въ то время толковъ о его смерти, но не имѣетъ никакихъ признаковъ фактической достовѣрности: Талызинъ умеръ не 4 дня спустя послѣ 11 Марта, а 11 Мая, и Государь, очевидно, не видалъ его предъ смертью, ибо только на другой день узналъ о его завѣщаніи. Однако, таинственные слухи, 11-е число, неожиданность смерти, писаніе наканунѣ завѣщанія,—все это невольно наводитъ на мысль о томъ, не было ли тутъ самоубійства.

(Съ портрета пастелью; собственность Л. и В. А. Талызиныхъ; с. Денежниково, Московской губ.)

112

Марія Степановна
 Талызина,
 1739 — 1796,
 и Степанъ Степановичъ
 Апраксинъ,
 1757 — 1827

Marie Stépanovna
 Talyzine,
 1739 — 1796,
 et Stéphane Stépanowitch
 Apraxine,
 1757 — 1827

113

Александръ Федоровичъ
 Талызинъ,
 1734 — 1787

Alexandre Féodorowitch
 Talyzine,
 1734 — 1787

114

Степанъ Александровичъ
 Талызинъ,
 1765 — 1815

Stéphane Alexandrowitch
 Talyzine,
 1765 — 1815

115

Петръ Александровичъ
 Талызинъ,
 1767 — 1801

Pierre Alexandrowitch
 Talyzine,
 1767 — 1801

ВАСИЛІЙ ИВАНОВИЧЪ МАЙКОВЪ, 1728—1778, сынъ гвардіи капитана Ивана Семеновича отъ брака съ Маріей Аѳанасьевной Алябьевой, родился въ 1728 г. близъ Ярославля, въ имѣніи отца, извѣстнаго покровительствомъ, которое онъ оказывалъ первому русскому актеру Ѳ. Г. Волкову; воспитывался дома, затѣмъ въ Академической гимназій въ Петербургѣ; записанный въ 1742 г. въ Семеновскій полкъ, Майковъ явился на службу въ 1747 г. и, прослуживъ до 25 Декабря 1761 г., былъ уволенъ въ отставку гвардіи капитаномъ. Во время службы въ Петербургѣ онъ познакомился съ Сумароковымъ, Херасковымъ, И. П. Елагиннымъ, И. И. Мелиссино, по примѣру которыхъ обратился къ литературнымъ занятіямъ. По выходѣ въ отставку, Майковъ поселился въ Москвѣ, откуда ѣзжалъ въ свое родовое имѣніе и въ Ярославль, гдѣ въ 1763 г. имѣлъ случай лично поднести Императрицѣ свою оду. Въ Москвѣ онъ сблизился съ литературнымъ кружкомъ Хераскова, Фонвизина, Богдановича и др. и сталъ печатать свои стихотворенія въ журналахъ „Полезное Увеселеніе“ и „Свободные Часы“. Съ 1766 по 1768 г. онъ былъ товарищемъ губернатора Московской губерніи, состоя въ то же время однимъ изъ секретарей въ Комиссіи по составленію проекта Новаго Уложенія. Въ 1767 г. онъ издалъ поэмѣ Фридриха II „Военная Наука“, которую, не зная иностранныхъ языковъ, переложилъ въ стихи по переводу своего друга А. И. Бибикова, впоследствии извѣстнаго усмирителя Пугачева. Литературная дѣятельность Майкова все развивалась, онъ издалъ рядъ басенъ, нѣсколько одъ и шуточную поэмѣ „Игрокъ ломбера“, имѣвшую необыкновенный успѣхъ, выдержавшую три изданія и заслужившую автору извѣстность въ кругу тогдашнихъ читателей. Переселившись въ Петербургъ въ 1768 г., Майковъ провелъ здѣсь 6 лѣтъ, и время это было эпохой его наибольшихъ литературныхъ успѣховъ: его многочисленныя оды, въ которыхъ онъ воспѣвалъ Императрицу, В. К. Павла Петровича, графовъ А. Г. и Г. Г. Орловыхъ, графа З. Г. Чернышева (подъ начальство котораго онъ поступилъ въ 1770 г. прокуроромъ Военной Коллегіи), драматическія произведенія (трагедіи „Агріона“, „Ѳемистъ и Геронима“), шедшія на сценѣ, сотрудничество въ журналахъ, наконецъ его шуточная поэмѣ „Елисей или раздраженный Вакхъ“ (изд. 1771 г.) поставили его въ ряды виднѣйшихъ писателей; знакомство съ передовыми людьми ввело его въ среду Вольнаго Экономическаго Общества, а затѣмъ въ кругъ масоновъ, при чемъ онъ былъ хорошо знакомъ съ Новиковымъ. Переѣхавъ въ 1775 г. снова въ Москву, Майковъ былъ пожалованъ въ бригадиры и назначенъ (15 Сентября 1775 г.) главнымъ членомъ Мастерской и Оружейной Палаты. Не оставляя литературныхъ занятій, онъ вступилъ въ члены Вольнаго Россійскаго Собранія и близко сошелся съ кружкомъ Московскихъ масоновъ, къ идеямъ которыхъ питалъ явныя симпатіи. Будучи представленъ для получения мѣста герольдмейстера, Майковъ скончался въ Москвѣ 17 Іюня 1778 г. и погребенъ въ Донскомъ монастырѣ.

Какъ писатель, Майковъ принадлежитъ къ числу замѣтныхъ и популярныхъ литераторовъ „Екатеринина вѣка“ и хотя не создалъ своей „школы“, будучи лишь подражателемъ извѣстныхъ образцовъ, однако, произведенія его обнаруживаютъ въ немъ и несомнѣнное дарованіе и извѣстную самостоятельность: въ своихъ лирическихъ піесахъ, въ драматическихъ сочиненіяхъ, въ басняхъ, сказкахъ, сатирахъ и комическихъ поэмѣхъ—ездѣ старался онъ стать на почву дѣйствительности и ввести струю народности; эти черты произведеній Майкова ставятъ ихъ на рубежѣ между одами Ломоносова и поэзіей Державина, героическими трагедіями Сумарокова и „мѣщанской драмой“,—однимъ словомъ, онъ не былъ рутиннымъ подражателемъ своихъ учителей, но старался пойти далѣе ихъ, сказать нѣчто новое, свое. (Онъ былъ въ свое время очень популяренъ и любимъ, какъ писатель, и его произведенія читались не только высшимъ обществомъ, но и средними классами.) Какъ человекъ веселый, добродушный, общительный и любезный, Майковъ оставилъ по себѣ хорошую память въ кругу близкихъ ему людей.

Отъ брака съ Татьяной Васильевной Мельгуновой Майковъ имѣлъ 2 сыновей и 4 дочерей; изъ сыновей его—Степанъ былъ въ 1799 г. майоромъ и умеръ бездѣтнымъ, другой былъ убитъ въ Шведскую войну 1789 г., а изъ дочерей Вѣра и Варвара умерли незамужними, Наталья († 1859 г.) была за Мих. Ант. Хлюстинымъ и Александра († 1850 г.)—за подполковникомъ Андреемъ Суриннымъ.

(Съ миниатюры изъ собраній Императорскаго Эрмитажа.)

МИХАИЛЬ МАТВѢВИЧЪ ХЕРАСКОВЪ, 1733—1807, потомокъ валахскихъ бояръ Хереско, былъ младшій сынъ Переяславльскаго коменданта майора Матвѣя Андреевича Хераскова отъ брака его съ княжной Анной Даниловной Друцкой; родился въ г. Переяславль 23 Октября 1733 г.; рано лишился отца (1734), а мать его, славившаяся красою, вышла въ 1735 г. за князя Н. Ю. Трубецкого, впоследствии генераль-фельдмаршала. Дѣтство Хераскова прошло на Украинѣ, а съ 1740 г. въ Петербургѣ, куда переселился его вотчимъ, назначенный генераль-прокуроромъ. Въ 1743 г. мальчикъ былъ отданъ въ Шляхетный кадетскій корпусъ, гдѣ началъ заниматься стихотворствомъ, подъ руководствомъ Сумарокова; въ 1751 г. выпущенъ былъ поручикомъ въ Ингерманландскій полкъ, но въ 1754 г. перешелъ въ гражданскую службу (въ Коммерцъ-Коллегію), а въ слѣдующемъ—опредѣлился ассессоромъ Конференціи только-что открытаго Московскаго университета, въ которомъ съ 1761 по 1770 г. былъ директоромъ, а съ 1778 по 1802 г.—кураторомъ. Долголѣтняя дѣятельность его въ университетѣ была чрезвычайно плодотворна; искренно любя просвѣщеніе, Херасковъ сразу сумѣлъ окружить себя молодыми людьми съ литературными стремленіями (Богдановичъ, Фонвизинъ, Домашневъ, Санковскій, Рубанъ и мн. др.), руководилъ ихъ занятіями и всячески ихъ поддерживалъ. Женитьба (1760 г.) на Елизаветѣ Васильевнѣ Нероновой († 1809), женщиной доброй и съ любовью къ литературнымъ занятіямъ, заслужившей ей прозвище „Россійской де-ла-Сюзъ“, еще болѣе способствовала тому, что домъ Хераскова сдѣлался центромъ, въ которомъ собирались всѣ, имѣвшіе отношеніе къ литературѣ и просвѣщенію. Съ 1770 по 1775 г. Херасковъ былъ вице-президентомъ Бергъ-Коллегіи въ Петербургѣ; здѣсь познакомился онъ и вскорѣ сошелся съ Новиковымъ; оба они одновременно вступили въ масоны, переселились въ Москву и затѣмъ сошлись съ извѣстнымъ профессоромъ-масономъ Шварцемъ. Получивъ (1778 г.) кураторство въ университетѣ, Херасковъ дѣйствовалъ въ немъ подъ вліяніемъ и руководствомъ этихъ замѣчательныхъ людей, въ то же время содѣйствуя издательскимъ предпріятіямъ Новикова. Живя вмѣстѣ со своимъ братомъ, княземъ Н. Н. Трубецкимъ, главою московскихъ масоновъ, Херасковъ сочувствовалъ ихъ просвѣдательной и филантропической дѣятельности, но былъ далекъ отъ увлеченія ихъ теоретическими, отвлеченными ученіями; практическая дѣятельность и занятія литературой привлекали его больше; тѣмъ не менѣе Императрица, узнавшая Хераскова во время московскихъ коронаціонныхъ торжествъ, послѣ Новиковской исторіи стала подозрительно относиться къ Хераскову и держала его въ немилости до самой своей смерти. Павелъ I произвелъ Хераскова въ тайные совѣтники, пожаловалъ ему 600 душъ (1797 г.) и Аннинскую ленту (1799 г.); въ Февралѣ 1801 г. Херасковъ вышелъ въ отставку, съ чиномъ дѣйств. тайнаго совѣтника, но въ Маѣ былъ снова назначенъ кураторомъ университета. Окончательно покинувъ службу въ 1802 г., Херасковъ жилъ въ Москвѣ, гдѣ и скончался 27 Сентября 1807 г.; погребенъ въ Донскомъ монастырѣ.

Выступивъ въ печати въ 1756 г., Херасковъ продолжалъ литературную свою дѣятельность до послѣднихъ дней жизни, и количество имъ написаннаго чрезвычайно велико; послѣдователь ложно-классическихъ теорій, онъ пробовалъ свои силы во всѣхъ родахъ словесности: писалъ оды, басни, эпиграммы, пѣсни, поэмы, трагедіи, комедіи, драмы, оперы, эпопеи, а также сказки, повѣсти и даже „слезныя драмы“. Произведенія его доставили ему громкую славу, которой не пользовался до него ни одинъ изъ нашихъ писателей; но главнымъ образомъ прославили его двѣ эпическія поэмы: „Россиада“ (1779 г.) и „Владиміръ возрожденный“ (1785 г.). При жизни Хераскову расточались похвалы, ему былъ какъ бы официально присвоенъ титулъ Россійскаго Гомера и Виргилія; однако, онъ очень скоро сдѣлался достояніемъ исторіи, но, по справедливымъ словамъ Дмитріева, слѣдуетъ признать, что Херасковъ „честно и добросовѣстно поработалъ на писательскомъ поприщѣ, и исторія нашей литературы должна быть благодарна ему за многое“. Херасковъ былъ человекъ очень дѣятельный, трудолюбивый, благожелательный, веселый и общительный; не лишенный нѣкоторыхъ странностей характера, онъ былъ, по своему времени, очень образованъ и горячо преданъ интересамъ литературы и просвѣщенія, на ревностное служеніе которымъ и отдалъ всю свою долгую жизнь.

(Съ миниатюры, принадлежащей А. А. Львовой, въ Москвѣ.)

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢВИЧЪ ГРИБОѢДОВЪ, 1795—1829, сынъ секундъ-майора Сергѣя Ивановича отъ брака съ Настасьей Федоровной ГрибоѢдовой же, родился въ Москвѣ 4 Января 1795 г.; получилъ прекрасное домашнее образованіе, затѣмъ прослушалъ курсъ юридическихъ наукъ въ Московскомъ университетѣ и, выпущенный кандидатомъ въ 1812 году, поступилъ, съ чиномъ корнета, въ Московскій гусарскій полкъ гр. Салтыкова; позднѣе перешелъ въ Иркутскій гусарскій. Полкъ стоялъ въ Польшѣ, и здѣсь ГрибоѢдовъ сошелся съ адъютантомъ корпуснаго командира С. Н. Бѣгичевымъ; вліяніе послѣдняго облагораживающе подѣйствовало на ГрибоѢдова, который, освободившись отъ строгой ферылы матери, пустился было въ кутежи и шумныя развлечения: онъ снова принялся за литературныя занятія; знакомство съ драматургомъ кн. А. А. Шаховскимъ также благотворно отразилось на настроеніи ГрибоѢдова, „гусарская“ жизнь утратила въ его глазахъ прежнюю привлекательность, и онъ, взявъ въ 1815 г. отпускъ, отправился въ Петербургъ; 25 Марта 1816 г. онъ вышелъ изъ полка, опредѣлившись въ Юль 1817 г. въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ. Столичная обстановка какъ нельзя болѣе соответствовала характеру и тогдашнему настроенію поэта: съ одной стороны, была возможность удовлетворять духовнымъ потребностямъ въ кругу литераторовъ и артистовъ, съ которыми онъ быстро сошелся, съ другой—онъ могъ предаваться наблюденіямъ въ средѣ высшаго общества; широкое образованіе, остроуміе, любезность, рѣдкій даръ слова, привлекательная внѣшность, изящныя манеры, недюжинныя музыкальныя способности (онъ считался однимъ изъ лучшихъ піанистовъ любителей),— все это дѣлало ГрибоѢдова желаннымъ гостемъ въ свѣтскихъ салонахъ. Участіе въ дуэли В. В. Шереметева съ графомъ Завадовскимъ, окончившейся смертью перваго (13 Ноября 1817 г.), подѣйствовало на ГрибоѢдова уаручающимъ образомъ, и онъ съ радостью принялъ въ Юнь 1818 г. предложеніе отправиться въ Персію въ качествѣ секретаря посольства; въ Тифлисъ ГрибоѢдовъ долженъ былъ принять вызовъ пріятеля убитаго Шереметева—Якубовича, который прострѣлилъ ему ладонь лѣвой руки. Выѣхавъ изъ Тифлиса въ концѣ Января, онъ въ Мартѣ прибылъ въ Тегеранъ, затѣмъ переселился въ Тавризь, гдѣ и провелъ три года, основательно изучивъ персидскій и арабскій языки; однако, онъ очень тяготился жизнью въ дикомъ городѣ... Посланный въ концѣ 1821 г. въ Тифлисъ съ извѣстіемъ о войнѣ между Персіей и Турціей, ГрибоѢдовъ, по ходатайству Ермолова, былъ назначенъ къ нему секретаремъ по дипломатической части. Здѣсь онъ много занимался музыкой и обработкой своей, уже давно задуманной, безсмертной комедіи, для окончанія которой въ Мартѣ 1823 г. уѣхалъ въ отпускъ; время, проведенное въ Москвѣ, было самымъ плодотворнымъ періодомъ его творчества, но „Горе отъ ума“ было закончено не ранѣе Августа 1824 г., уже въ Петербургѣ; чтеніе его здѣсь было рядомъ триумфовъ для автора, но всѣ хлопоты о постановкѣ пьесы на сценѣ были тщетны, ибо она вызвала бурю негодованія: въ ней видѣли пасквиль на высшее общество Москвы. „Горе отъ ума“ было впервые играно въ 1831 г., а издано только въ 1833 г.; въ этомъ произведеніи вылился во всей колоссальной силѣ талантъ ГрибоѢдова, тогда какъ все остальное, имъ написанное, не выше посредственности.

Вернувшись на Кавказъ въ концѣ 1825 г., поэтъ въ Январѣ 1826 г. былъ вытребованъ въ Петербургъ, по подозрѣнію въ участіи въ дѣлѣ декабристовъ, и подвергнутъ допросу и аресту; оправданный комиссією, онъ вскорѣ былъ назначенъ состоять при Паскевичѣ (женатомъ на его кузинѣ) и участвовалъ въ заключеніи Туркманчайскаго договора; за доставленіе трактата въ Петербургъ былъ пожалованъ въ статскіе совѣтники. Мечтая предаться кабинетнымъ занятіямъ, онъ, однако, долженъ былъ принять постъ полномочнаго министра въ Персію (Апрѣль 1828 г.); по дорогѣ туда ГрибоѢдовъ женился (22 Августа) на красавицѣ княжнѣ Нинѣ Александровнѣ Чавчавадзе († 15 Юля 1857 г.), съ которой познакомился еще въ 1822 году. Оставивъ жену въ Тавризь, онъ поѣхалъ въ Декабрѣ въ Тегеранъ, гдѣ и погибъ отъ рукъ персидской черни 30 Января 1829 г.; погребенъ въ Тифлисъ, въ монастырѣ св. Давида.

Настоящій портретъ совершенно неизвѣстенъ; появленіе его, въ виду исполнившагося 75-лѣтняго юбилея великому произведенію ГрибоѢдова, можно считать своевременнымъ.

(Съ миниатюры Жигалева 1826 г.; собственность Великаго Князя Николая Михайловича.)

Графиня ЕВДОКІЯ ПЕТРОВНА РОСТОПЧИНА, 1811—1858, родилась 23 Декабря 1811 года. Отец ея, дѣйств. ст. сов. Петръ Васильевичъ Сушковъ, женатый на Дарьѣ Ивановнѣ Пашковой, рано овдовѣлъ, и дѣти его воспитывались въ Москвѣ, въ богатомъ домѣ родителей его жены, Ивана Александровича и Авдотьи Васильевны Пашковыхъ. Поэтическое дарованіе молодой Сушковой развилось рано; ея первые стихотворные опыты не встрѣтили, однако, сочувствія въ патриархальной семьѣ Пашковыхъ. 22-хъ лѣтъ, чтобы избавиться отъ домашняго гнета, она рѣшилась принять предложеніе молодого и богатаго графа Андрея Федоровича Ростопчина (р. 1813 г.). Свадьба состоялась въ Маѣ мѣсяцѣ 1833 г., и молодые зажили весело и открыто въ своемъ домѣ на Лубянкѣ, принимая всю Москву. По собственному признанію, Ростопчина была, однако, очень несчастна съ грубымъ и циничнымъ мужемъ и стала искать развлеченій въ свѣтѣ, была окружена толпою поклонниковъ, къ которымъ относилась далеко не жестоко. Разсѣянная свѣтская жизнь, прерываемая частыми и продолжительными путешествіями по Россіи и за границу, не мѣшала Ростопчиной съ увлеченіемъ предаваться литературнымъ занятіямъ: произведенія ея появлялись на страницахъ всѣхъ альманаховъ и журналовъ съ 1835 по 1856 г. Вернувшись въ 1847 г. въ Москву изъ заграничнаго путешествія, въ конецъ разорившаго ея мужа, гр. Ростопчина, увѣнчанная своими соотечественниками въ Римѣ лавровымъ вѣнкомъ въ саду Виллы д'Эсте, поселилась въ домѣ старой графини Екатерины Петровны Ростопчиной, ярой католички, и послѣдніе годы ея жизни прошли въ крайне тяжелой домашней обстановкѣ и постоянной глухой борьбѣ со свекровью, безпощадно осуждавшей ея свѣтскія увлеченія и православное воспитаніе, даваемое ею дѣтямъ. Графиня Ростопчина скончалась отъ рака, на 47-мъ году жизни, 3 Декабря 1858 г. и похоронена рядомъ съ знаменитымъ свекоромъ на Пятницкомъ кладбищѣ, куда гробъ ея на рукахъ несли студенты Московскаго университета.

Графиня Ростопчина столько же была извѣстна своей красотой, сколько умомъ и поэтическимъ талантомъ. Небольшого роста, изящно сложенная, она имѣла неправильныя, но выразительныя и красивыя черты лица. Большіе, темные и крайне близорукіе ея глаза „горѣли огнемъ и метали искры“. Рѣчь ея, страстная и увлекательная, лилась быстро и плавно; „разговоръ ея походилъ на блистательный фейерверкъ, и собесѣдники были очарованы блескомъ ея остроумія, который могъ соперничать лишь съ блескомъ ея задушевныхъ и томныхъ глазъ, когда она хотѣла кому-либо нравиться“. Въ свѣтѣ она была предметомъ многихъ сплетенъ и злословія, къ которымъ свѣтская жизнь ея нерѣдко подавала поводъ. Въ то же время, будучи необычайной доброты, она много помогала бѣднымъ и все, что получала отъ своихъ сочиненій, отдавала князю Одоевскому для основаннаго имъ благотворительнаго общества.

Несомнѣнное поэтическое дарованіе графини Ростопчиной скоро было признано первыми литературными силами ея времени. Князь Вяземскій называлъ ее „московской Сафо“; Жуковскій цѣнилъ въ ней „истинный талантъ“; Лермонтовъ писалъ ей: „Я вѣрю, подъ одной звѣздой мы были съ вами рождены!“ Въ благосклонной оцѣнкѣ ея таланта современниками большую роль играло обаяніе свѣтской, красивой и умной женщины, но съ переменной литературнаго направленія въ концѣ 1850-хъ гг., „мотыльковал“, „прикованная къ балу“ поэзія ея стала подвергаться ожесточеннымъ нападкамъ критики. Подражаніе ея французскимъ и англійскимъ поэтамъ стяжало ей упреки въ западничествѣ со стороны славянофиловъ; съ другой стороны, крайняя узкость ея міросозерцанія, туманность и неопредѣленность ея стремленій, подверглись безпощадному разбору такихъ представителей новаго теченія русской умственной жизни, какъ Бѣлинскій, Добролюбовъ, Некрасовъ и Чернышевскій. Въ то же время нѣкоторыя ея стихотворенія, какъ, напр., баллада „Насильственный бракъ“, написанная въ Римѣ въ 1847 г., въ которой усмотрѣны были намеки на отношенія Польши къ Россіи, и за которую Императоръ Николай I лишилъ Ростопчину права пріѣзда ко двору, считались въ Россіи чуть ли не подпольной литературой. Равнодушно относившаяся къ „заговору молчанія“, графиня Ростопчина страстно отвѣчала на нападки въ стихотвореніяхъ: „Простой обзоръ“ и „Моимъ критикамъ“, гдѣ она говоритъ:

„Я разошлася съ новымъ поколѣньемъ, Понятъями, душой и убѣжденъемъ
Прочь отъ него идетъ стезя моя. Принадлежу другому міру я!“

(Съ миниатюры работы Мартенъ; собраніе Е. А. Евренновой, С.-Петербургъ.)

116

Василій Ивановичъ *Vasile Ivanowitch*
 Майковъ, *Maïkoff,*
 1728 — 1778 1728 — 1778

117

Михаилъ Матвѣевичъ *Michel Matvéewitch*
 Херасковъ, *Khéraskoff,*
 1733 — 1807 1733 — 1807

118

Пис. Жинзель, 1826 — *Peint par Gigaleff, 1826*
 Александръ Сергѣевичъ *Alexandre Serguéewitch*
 Грибоѣдовъ, *Griboedoff,*
 1795 — 1829 1795 — 1829

119

Пис. Мартень — *Peint par Martin*
 Графиня Евдокія Петроуна *La Comtesse Eudoxie Pétrowna*
 Ростопчина, *Rostoptchine,*
 1811 — 1858 1811 — 1858

СЕРГѢЙ НИКИФОРОВИЧЪ МАРИНЪ, 1776—1813, сынъ Воронежскаго вице-губернатора Никитора Михайловича и первой его жены Маріи Ивановны Невѣжиной, родился 17 Февраля 1776 г.; 14-и лѣтъ началъ службу подпрапорщикомъ въ Преображенскомъ полку. Получивъ скудное образованіе, уже въ полку онъ пристрастился къ литературѣ и прочелъ много французскихъ сочиненій. Екатерина II знала въ лицо красиваго, высокаго офицера и, по его просьбѣ, приняла въ гвардію его младшихъ братьевъ, затѣ вступленіе на престолъ Павла I принесло ему огорченіе: на вахтъ-парадѣ онъ сбился съ ноги и былъ разжалованъ въ солдаты, и только 28 Декабря 1797 г. былъ вновь произведенъ въ португей-прапорщики, черезъ годъ—въ прапорщики, а 18 Апрѣля 1799 г.—въ подпоручики. Въ ночь на 12 Марта 1801 г. Маринъ командовалъ внутреннимъ карауломъ преображенцевъ въ Михайловскомъ замкѣ. 17 Декабря 1802 г. произведенъ въ поручики и участвовалъ въ походѣ 1805 г., при чемъ подъ Аустерлицемъ былъ тяжело раненъ въ грудь, въ лѣвую руку на вылетъ и картечью въ голову; за это получилъ золотое оружіе, произведенъ въ шт.-капитаны (16 Апрѣля 1806 г.) и пожалованъ флигель-адъютантомъ (20 Августа 1807 г.). Въ это же время ему поручено было формированіе баталіона милиціи Олонецкихъ стрѣлковъ, затѣмъ онъ былъ посланъ въ Парижъ съ депешами. Произведенный въ полковники (6 Іюня 1809 г.), состоялъ въ Твери при принцѣ Ольденбургскомъ, а въ 1812 г., въ качествѣ дежурнаго генерала, при Багратионѣ, къ которому былъ сильно привязанъ. Но не своей служебной дѣятельности, а блестящему уму, своему острому языку, своимъ сатирамъ, пародіямъ и эпиграммамъ обязанъ былъ Маринъ своей широкой извѣстностью среди современниковъ. Стихи его затрогивали „злобы дня“ и, какъ плодъ запретный, расходились во множествѣ списковъ; даже старикъ С. Р. Воронцовъ изъ Лондона требовалъ присылки себѣ всего, что написано Маринымъ; его переводъ „Меропы“ Вольтера игрался въ Эрмитажѣ, но славу Марину создала пародія на оду „Богъ“: „О ты, что въ горести напрасно на службу ропщешь офицеръ“... которую современники знали наизусть; даже Аксаковъ на экзаменѣ сбивался съ Ломоносова на Марина. Пародія эта создала ему не мало враговъ, но зато нѣкоторые его стихи заслужили одобреніе Александра I, какъ, на примѣръ, маршъ 1805 г.: „Пойдемте, братцы, за границу бить отечества враговъ“... Стрость къ стихотворству доставляла „тѣмъ неудовольствіевъ: всякіе бранные стихи клали на мой счетъ, добро бы умные, такъ куда бы ни шло, а глупые, мерзкіе, и всѣ говорятъ: это стихи Марина“. Онъ былъ своимъ человѣкомъ въ домѣ А. Л. Нарышкина и другомъ М. С. Воронцова, котораго называлъ „Костюмъ“. О послѣднемъ онъ скучалъ въ разлукѣ и жестоко ругался въ прозѣ и въ стихахъ, когда тотъ долго ему не писалъ: „Взбѣсился Воронцовъ, иль тѣшитъ сатану: Шестъ мѣсяцевъ прошло, ни строчки Марину“... Письма послѣдняго интересны, полны живого остроумія и тонкаго сарказма, хотя самъ онъ ставилъ выше свой талантъ стихотворца, въ то же время признаваясь, что часто у него „рѣшмы карячутся“. Прямой, временами рѣзкій, Маринъ былъ въ высокой степени добрый человѣкъ, „прожившій всю жизнь для другихъ“ и всю жизнь прособиравшійся завести свой уголь „съ лежанкой“: „Пора, братъ, право пора на покой: кости мои и службой, и любовью изломаны, и хотятъ отдохнуть въ объятіяхъ милой жены“. Тяготясь своимъ бездѣіемъ, онъ ядовито описывалъ Воронцову маневры и вахтъ-парады, говоря, что „простительно скучать ученьемъ тому, кто съ 1790 по 1804 г. безпрестанно въ шеренгѣ, безпрестанно учится ходить и имѣть надежду встрѣтить будущее столѣтіе въ той же шеренгѣ, держа эспантонъ подъ прикладъ“. Онъ не былъ доволенъ назначеніемъ къ Ольденбургскому: „Во брани посѣдѣвъ, воспитанъ подъ шатрами, Попалъ я на паркетъ и шаркаю ногами“... онъ „не любилъ двора, а еще больше нѣмцевъ“, и звалъ Воронцова „бить пруссаковъ, начиная съ Дибичей и Дризеновъ“. Отличный шахматистъ, умѣренный игрокъ въ „ружь и пуарь“, Маринъ не любилъ музыки и „бранилъ того, кто первый выдумалъ ноты и инструменты“. Въ концѣ 1812 г. онъ сталъ сильно жаловаться на недуги: „Часъ отъ часу хуже, лихорадка, рвота разбила грудь“. 21 Декабря онъ такъ закончилъ послѣднее письмо Воронцову: „Помни, что насъ осталось двое, какъ ты говорилъ послѣ смерти бѣднаго Арсеньева, и люби Марина“. Не прошло и 2-хъ мѣсяцевъ, какъ и его не стало: онъ умеръ 9 Февраля 1813 г., и похороненъ на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры; надгробная надпись говоритъ: „Жилъ 36 лѣтъ 11 мѣсяцевъ 23 дни. Памятникъ ставила сестра его княгиня Варвара Никифоровна Мещерская: „О мой надежный другъ! Разстался мы съ тобой, „И скрылись отъ меня и счастье, и покой!“

(Съ рисунка Рустема 1810 г.; собственность Великаго Князя Николая Михайловича.)

ИЛЬЯ ИВАНОВИЧЪ БАЙКОВЪ, 1768 — 1838, лейбъ-кучеръ Императора Александра I, былъ дворовымъ человѣкомъ капитанъ-лейтенанта Лукина, извѣстнаго легендарнаго силача. Отпущенный на волю, записался въ Петербургскіе мѣщане и 1 Декабря 1801 г. былъ нанятъ въ придворную конюшню кучеромъ для разъѣздовъ Государя; 30 Марта 1804 г. получилъ лейбъ-кучерское содержаніе, а 29 Января 1810 г., по Высочайшему повелѣнію, исключенъ изъ мѣщанскаго званія со всѣмъ семействомъ и зачисленъ лейбъ-кучеромъ. Въ это время Байковъ уже пользовался расположеніемъ Государя: въ 1808 г. ему пожаловано было дворовое мѣсто по Фонтанкѣ, между Аничковымъ и Чернышевскимъ мостами (позднѣе, въ 1828 г., обратно купленное въ казну по случаю постройки 2 корпусовъ Александринскаго театра), а въ 1813 г. дано 20/т. руб. изъ Кабинета на постройку дома, при чемъ 16 Юля 1824 г. этотъ долгъ былъ сложенъ. Значительную часть своего царствованія Императоръ Александръ Павловичъ провелъ въ разъѣздахъ по Россіи и за границей, и Илья Байковъ былъ неразлучнымъ его спутникомъ: другіе мѣнялись, одинъ Илья сопровождалъ его неизмѣнно съ начала царствованія и до могилы: „въ 1807 г.—за границею, въ 1809 г.—въ Финляндію, съ 1812 по 1815 г.—при арміи, съ 1817 по 1820 г.—по Россіи и въ Варшавѣ, въ 1821 г.—за границей въ Вѣнѣ, съ 1822 по 1825 г.—по Россіи, въ Варшавѣ и въ Таганрогѣ“. Запрягали лошадей другіе кучера, но на козлахъ сидѣлъ всегда Илья. Особенно жаловался онъ на поѣздки въ Финляндію, гдѣ дороги среди скалъ и обрывовъ были особенно опасны; здѣсь, по его словамъ, онъ „лишился и силъ, и здоровья“. Когда скончался Александръ I, Байковъ былъ въ Таганрогѣ; онъ везъ тѣло Государя до самой Москвы, гдѣ при постановкѣ гроба на парадный катафалкъ случился извѣстный эпизодъ: Илья не захотѣлъ подчиниться приказанію князя Юсупова и уступить свое мѣсто парадному траурному кучеру. А. Я. Булгаковъ, участникъ печальной процессіи въ Москвѣ, писалъ брату: „Я вступилъ въ разговоръ съ сидѣвшимъ на козлахъ Ильею; онъ правилъ лошадьми коренными.—„Ахъ, Илья Ивановичъ, какъ ты посѣдѣлъ, состарѣлъ!“—„Да, есть, в. п., отъ чего. Что моя жизнь теперь?“—„Не можемъ мы“, прибавилъ я, „смотреть на тебя безъ горести; все за тобою ищемъ Государя“. Какъ сказалъ онъ: „Ему лучше теперь, онъ въ царствѣ небесномъ“, то такъ и залился слезами. Кн. Юсуповъ сказалъ было, что неприлично, кажется, кучеру съ бородою править параднымъ экипажемъ. Илья отвѣчалъ: „Такъ прикажите мнѣ выбрить сейчасъ бороду; я возилъ Государя живого и теперь не оставляю тѣла его“. Ces paroles touchantes lui ont donné gain de cause“. Докторъ Тарасовъ говоритъ, что кн. Д. В. Голицынъ приказалъ оставить Байкова на козлахъ. Въ 1826 г. Байковъ получилъ золотую медаль съ портретомъ Императора Александра I для ношенія на шеѣ на Александровской лентѣ, „знакъ отличія“ отъ короля Прусскаго и пожалованъ бархатнымъ кафтаномъ, шитымъ золотомъ. Послѣ кончины Александра I, съ 1826 по 1833 г., Байковъ еще продолжалъ служить, но уже ѣздилъ съ Императрицей Александрой Ѳеодоровной, сопровождая ее въ Москву, Одессу, Варшаву и Ревель. Въ 1836 г., 24 Января, Байковъ былъ уволенъ отъ службы „за старостью и слабостью здоровья“, съ пенсіей въ 1000 руб. въ годъ. Въ его формулярѣ сказано: „Служилъ, при отличномъ поведеніи, усердно и безпорочно, въ отпускахъ не былъ“. Умеръ 17 Апрѣля 1838 г. и похороненъ на Волковскомъ кладбищѣ; памятникъ его, въ видѣ колонны, приходитъ въ разрушеніе. Онъ былъ 2 раза женатъ; 2-ю жену его звали Наталіей Михайловной Александровой (р. 1792 г.); имѣлъ 5 сыновей и 3 дочерей.

Байковъ самъ обладалъ громадной физической силой: легко осаживалъ на заднія ноги четверку лошадей на всемъ ходу; какъ истинно русскій человѣкъ, онъ любилъ вспоминать и рассказывать о феноменальной силѣ своего барина Лукина, съ которымъ они когда-то вдвоемъ побили цѣлую шайку разбойниковъ, гдѣ-то на постояломъ дворѣ; въ Петербургѣ Илья былъ извѣстенъ, какъ „добрый человѣкъ“, который могъ помочь при случаѣ и „пожалѣть“ того, кто не могъ съ своей просьбой добраться до Государя, характеръ котораго Байковъ изучилъ въ совершенствѣ и умѣлъ этимъ пользоваться. Если Государь, выходя, скажетъ: „Здорово, Илья“, значитъ онъ веселъ; Байковъ то самъ ходатайствовалъ за кого-нибудь, то устроитъ такъ, чтобы лошадь въ извѣстномъ мѣстѣ переступила постромку, а проситель успѣлъ подать прошеніе. Иногда Государь замѣчалъ это и говаривалъ: „Илья, это твои штуки“, но обыкновенно цѣль достигалась. Самъ Илья Ивановичъ любилъ добродушно объ этомъ рассказывать.

(Съ миниатюры работы Вивьена; собственность Великаго Князя Николая Михайловича.)

ВАСИЛІЙ АЛЕКСѢВИЧЪ ЗЛОБИНЪ, 1761—1814, послѣдній въ Россіи „Именитый человекъ“, сынъ пьяницы крестьянина села Малыковки, Саратовской губ., всѣмъ своимъ будущимъ положеніемъ и богатствомъ обязанъ былъ своему уму, трезвости, энергій и, какъ всегда, случаю. Успѣхамъ его на жизненномъ поприщѣ содѣйствовало то, что онъ былъ человекъ хорошо грамотный—рѣдкое въ то время качество „въ глуши, въ Саратовѣ“. Злобинъ служилъ въ Малыковскомъ волостномъ правленіи писаремъ, былъ человекъ тихій, скромный, готовый услужить всякому, но косяязычный, такъ что съ трудомъ могъ говорить. Старики въ селѣ любили его и сосватали Злобину красавицу невѣсту Пелагею Михайловну Кузьмину, дочь богатаго крестьянина (позднѣ купецъ Волковойновъ); отецъ сначала противился этому браку съ заикой и бѣднякомъ. „Отдай, Кузьмичъ“, говорили члены сельскаго приказа, „отдай, выведемъ парня въ люди!“ Злобинъ женился, и какъ разъ въ это время случай явился ему на помощь. Незадолго до преобразования Малыковки въ уѣздный городъ Вольскъ, въ свое имѣніе Царевщину пріѣхалъ генераль-прокуроръ князь А. А. Вяземскій, чтобы выбрать себѣ земли, только-что пожалованныя ему Государыней. Почетные старики с. Малыковки поднесли вельможному посѣтителю обычный гостинецъ—живыхъ осетровъ; въ числѣ депутаціи былъ и Злобинъ, который своимъ умомъ обратилъ на себя вниманіе князя. Отъ него князь узналъ, что въ 30 верстахъ отъ Малыковки находятся чудные луга по р. Маянгѣ, съ многочисленными рыбными озерами. Вяземскій остался вполне доволенъ указаніями Злобина и поручилъ ему пріемъ этихъ земель изъ казны, а потомъ управленіе ими и винокуреннымъ заводомъ въ Царевщинѣ. Убѣдившись въ ловкости и честности Злобина, Вяземскій вызвалъ его въ Петербургъ и поручилъ вести откупа на свое имя, но на деньги и залогъ князя: „ты будешь моимъ орудіемъ, но будешь полнымъ хозяиномъ, пользы общія“. Покровительство генераль-прокурора много значило; барыши были большіе, и, когда князь Вяземскій умеръ, Злобинъ имѣлъ откупа во многихъ губерніяхъ и былъ уже милліонеромъ; онъ бралъ, кромѣ того, большіе подряды по поставкѣ казенной соли въ разные города и провіанта для арміи. Извѣстность его сдѣлалась очень велика; многіе въ немъ заискивали, такіе люди, какъ Сперанскій, были съ нимъ близки. По свидѣтельству Вигеля, Злобинъ „получалъ въ день чистаго дохода до 1000 руб.“, но, къ чести его, онъ оставался человекомъ простымъ, не гнался за модой, не брилъ бороды, носилъ кафтанъ съ медалями, въ своихъ рѣчахъ и поступки оставался тѣмъ же, чѣмъ и былъ, не низкопоклонничалъ и не искалъ у сильныхъ міра, не добивался чиновъ и дворянства, гордясь званіемъ Именитаго человека, отъ котораго Строгановы отказались для баронскаго титула. Злобинъ имѣлъ, впрочемъ, страсть роскошно угощать въ Петербургѣ знать и нужныхъ ему людей. Значеніе его въ Саратовской губ. было громадное: саратовскія власти ѣздили къ нему на поклонъ, губернаторъ А. Д. Панчулидзевъ былъ съ нимъ друженъ. Живя въ Петербургѣ въ великолѣпномъ домѣ, о которомъ онъ говаривалъ, что онъ „нанялъ на трехдневный ночлеги“, онъ мечталъ на старости поселиться въ Вольскѣ, о которомъ всю жизнь заботился: имъ построены соборъ и церкви, больницы, разведены сады, на его деньги строились каменные дома частными лицами, онъ даже хотѣлъ „обнести весь городъ стѣной“ и хлопоталъ сдѣлать его губернскимъ. Служившимъ у него онъ покровительствовалъ и дѣльныхъ старался вывести въ люди, многіе изъ нихъ сами сдѣлались потомъ откупщиками и дворянами (напр., Устиновы), и онъ считалъ глупымъ человекомъ того, кто не умѣлъ на службѣ у него составить себѣ состоянія. Смерть его единственнаго сына, Константина, пошатнувшіяся дѣла, особенно вслѣдствіе потерь по откупамъ и при поставкѣ соли въ 1812 году, тяжело отозвались на его здоровьѣ. Злобинъ сдѣлался задумчивымъ, забывчивымъ, сильно тосковалъ, оставшись совсѣмъ одинокимъ. Панчулидзевъ вызвалъ его къ себѣ въ Саратовъ съ цѣлью развлечь, но онъ прожилъ здѣсь всего недѣлю и умеръ 21 Августа 1814 года; похороненъ въ городѣ Вольскѣ, въ саду за городомъ, „на Соколовомъ бугрѣ“ въ семейномъ склепѣ.

(Съ миниатюры, принадлежащей Ф. И. Прове, въ Москвѣ.)

Пис. Рустемъ, 1810

Peint par Rustem, 1810.

Сергій Никифоровичъ
Маринъ,
1776 — 1813

Serge Nikiforowitch
Marine,
1776 — 1813

Пис. Виовель

Peint par J. de Vivien

Илья Ивановичъ
Байковъ,
1768 — 1838

Elie Ivanowitch
Baïkoff,
1768 — 1838

Василій Алексѣевичъ
Злобинъ,
1761 — 1814

Basile Alexdeewitch
Zlobine,
1761 — 1814

ПАВЕЛЪ ФЕДОРОВИЧЪ КАРАБАНОВЪ, 1767—1851,* сынъ Тверского вице-губернатора Федора Леонтьевича (1758—1813 г.) и Анастаси Григорьевны, рожденной Кисловской (1731—1791 г.), троюродной сестры князя Потемкина, родился 25 Октября 1767 г.; служилъ въ Преображенскомъ полку и, числясь сержантомъ, въ 1789 г. произведенъ былъ въ первый офицерскій чинъ, а въ 1790 г. вышелъ въ отставку, съ производствомъ въ премьеръ-майоры, и вскорѣ женился на княжнѣ Варварѣ Ивановнѣ Гагариной (р. 21 Марта 1779 г., † 18 Января 1834 г.). Свою долгую жизнь Карабановъ провелъ главнымъ образомъ въ Москвѣ, вращаясь въ кругу представителей высшаго общества древней столицы, встрѣчаясь съ людьми, занимавшими нѣкогда видное мѣсто въ службѣ или при дворѣ; добросовѣстный, трудолюбивый и любознательный археологъ-дилетантъ, Карабановъ записывалъ рассказы, которые удавалось ему слышать отъ очевидцевъ или даже участниковъ политическихъ и придворныхъ событій; изъ этихъ рассказовъ составилось у него любопытное собраніе историческихъ анекдотовъ, обнародованное въ „Русской Старинѣ“ 1871 и 1872 гг. Большую часть своего досуга Карабановъ употреблялъ на собираніе, въ теченіе болѣе полустолѣтія (съ 1792 г.), разнообразныхъ памятниковъ отечественной старины и составилъ замѣчательный музей древностей, въ которомъ былъ богатѣйшій отдѣлъ гравированныхъ и другихъ портретовъ русскихъ дѣятелей (числомъ свыше 3000) и вообще эстамповъ, коллекція монетъ и медалей, собраніе старинной русской утвари, образцовъ, крестовъ, серебряной и иной посуды, часовъ и предметовъ домашняго обихода, картинъ, книгъ, лѣтучихъ листковъ, рисунковъ, рукописей и т. п.; каждый отдѣлъ изобилдовалъ рѣдкостными и цѣнными экземплярами, на пріобрѣтеніе которыхъ Карабановъ не жалѣлъ ни времени, ни трудовъ, ни средствъ. Музей Карабанова, частью описанный Г. Д. Филимоновымъ (М. 1849, съ атл. рис.), былъ предоставленъ имъ, по завѣщанію, въ распоряженіе Императора Николая I, съ тѣмъ, чтобы деньги, какія Государь пожалуетъ за него, были обращены на богоугодныя заведенія и благотворительныя дѣла. Предметы Карабановскаго музея были распределены по различнымъ правительственнымъ учрежденіямъ; такъ, большая часть рукописей передана была, въ 1852 г., въ Императорскую Публичную Библіотеку, а часть—въ Московскій Архивъ Министерства Юстиціи; собраніе портретовъ перешло въ Эрмитажъ, а древнихъ вещей—въ Оружейную Палату. Кромѣ „Историческихъ рассказовъ и анекдотовъ, записанныхъ со словъ именитыхъ людей“, въ „Русской Старинѣ“ напечатаны были (1870—1871 гг.) составленные Карабановымъ списки „Статсъ-дамъ и фрейлинъ Русскаго двора въ XVIII и XIX столѣтіяхъ“, а въ „Чтеніяхъ Московскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ“, за 1860 г., обнародованы были „Списки замѣчательныхъ лицъ русскихъ“, съ дополненіями князя П. В. Долгорукаго, получившаго отъ Карабанова его бумаги генеалогическаго содержанія.

По словамъ Долгорукаго, Карабановъ „одаренъ былъ самыми прекрасными свойствами, какія только могутъ украшать человѣка: онъ былъ усерднымъ христіаниномъ, пламеннымъ патриотомъ, вѣрнымъ въ дружбѣ; считалъ себя счастливымъ, когда могъ помочь неимущему; имѣлъ характеръ привлекательный по теплой добротѣ своего сердца, по утонченной деликатности чувства и по своей необыкновенной скромности; одаренный любознательностью, страстно любя отечество, онъ страстно любилъ и русскую исторію, и усердно ею занимался“.

П. Ф. Карабановъ скончался въ Москвѣ, на 84 году жизни, 30 Мая 1851 г. и погребенъ въ Новоспасскомъ монастырѣ, подъ Покровскимъ соборомъ.

(Съ портрета С. Тончи; собственность А. И. Сомова, въ С.-Петербургѣ.)

ЮЛІЯ АЛЕКСАНДРОВНА ТАТИЩЕВА, 17 . . — 184 . . , полька, жена оберъ-камергера, члена Государственнаго Совѣта Дмитрія Павловича Татищева (см. т. I, № 160), родная сестра французскаго генерала Ивана Конопки, въ первомъ бракѣ была за генераль-майоромъ Николаемъ Алексѣвичемъ Безобразовымъ, съ которымъ развелась. Въ концѣ 1808 г. Булгаковъ писалъ брату, что Татищевъ безумно влюбленъ въ Безобразову и проводитъ у нея все время, хотя „не хочеть въ этомъ признаться“. Въ 1815 г. Татищевъ былъ уже женатъ и, получивъ отъ графа Воронцова туалетный приборъ, отвѣчалъ послѣднему: „Mais comme toutes ces belles choses sont tranchantes, Julie veut absolument que je vous envoie une pièce de monnaie en retour“. 11 Января 1815 г. тотъ же А. Я. Булгаковъ сообщалъ брату: „Tout ce que vous me dites de Tatichtcheff me fait bien de la peine. Je m’imaginai bien tout cela, mais la certitude que vous m’en donnez me peine infiniment: il méritait un meilleur sort. Voilà les suites d’un sot mariage. Quand elle l’aura ruiné, elle le plantera là“. Спустя 4 года, Булгаковъ въ Парижѣ посѣтилъ Татищеву и такъ рассказывалъ объ этомъ: „Вспоминали всѣ твои (К. Я. Булгакова) Вѣнскія шалости; она стара стала, но еще хорошая и добрая бабенка“. По поводу увлеченій самого Татищева, несмотря на его года, Булгаковъ писалъ: „Охъ, мой Татищевъ съ своимъ волокитствомъ, чтобы не надѣлалъ глупостей! Объ Ю. А. и въ мое время еще говорили, но я не вѣрю: время страстной любви для нея прошло, развѣ при этомъ было бы еще много денегъ и подарковъ, но я не думаю, чтобы Апраксинъ сталъ, да и имѣлъ бы чѣмъ разоряться“. Между тѣмъ въ это самое время А. И. Тургеневъ писалъ (23 Февраля 1821 г.) князю Вяземскому: „Безобразова-Татищева должна была идти замужъ за конно-гвардейскаго офицера, такъ говорилъ городъ, но разошлось“. Вяземскій давно и хорошо зналъ Татищеву, постоянно посылалъ ей въ письмахъ вмѣсто поклоновъ свое „*padam do póg*“, называлъ ее „Гишпанской красавицей“ и „прекрасная Юлія“. Графъ А. И. Рибопьеръ былъ того мнѣнія, что она „прехитрая и претонкая штука“; Татищева, кромѣ того, была тщеславна и любила играть всегда и во всемъ первую роль, такъ что, когда въ 1823 г. извѣстная Марья Антоновна Нарышкина поѣхала за границу, К. Я. Булгаковъ былъ того мнѣнія, что „теперь будетъ опасная соперница у Юліи Александровны для фигуры и щегольства“. Онъ же, убѣждая въ 1820 г. брата отказаться отъ предложенія Д. П. Татищева перейти къ нему на службу въ посольство, въ Испанію, писалъ между прочимъ, что Юлія Александровна не могла ровняться съ Наталіей Васильевной Булгаковой „ни умомъ, ни воспитаніемъ, ни любезностью“, а потому „будетъ бѣситься, а ты самъ знаешь, какъ Татищевъ слабъ“.

Ципринусъ въ своемъ „Калейдоскопѣ воспоминаній“ говоритъ о семьѣ Слонимскаго уроженца генерала Конопки, что „ихъ было 4 брата и 3 сестры“; изъ братьевъ, кромѣ генерала Ивана, Августъ и Винцентій служили также во французской арміи, а младшій, Федоръ, служилъ въ уланахъ и потомъ былъ Слонимскимъ городничимъ. „Изъ сестеръ старшая, не отличавшаяся ничѣмъ, вышла замужъ за кого-то, овдовѣла и поселилась въ Слонимѣ; средняя, Юлія, была необыкновенная красавица, послѣ перваго мужа, генерала Безобразова, вышла за Д. П. Татищева; младшая, Аделаида, была за Слонимскимъ помѣщикомъ Ельцомъ. Эта семья отличалась необыкновенной вѣтреностью, легкомысліемъ и вообще отсутствіемъ умственныхъ качествъ, только Ельцова отличалась умомъ и образованіемъ“.

Точныхъ датъ рожденія и смерти Ю. А. Татищевой найти намъ не удалось. Отъ перваго брака у ней была дочь Елена (р. 1801 г., † 189 . г.; въ 1-мъ бракѣ за графомъ А. П. Апраксинымъ, во 2-мъ — за графомъ Юсифомъ Эстергази); болѣе дѣтей не было.

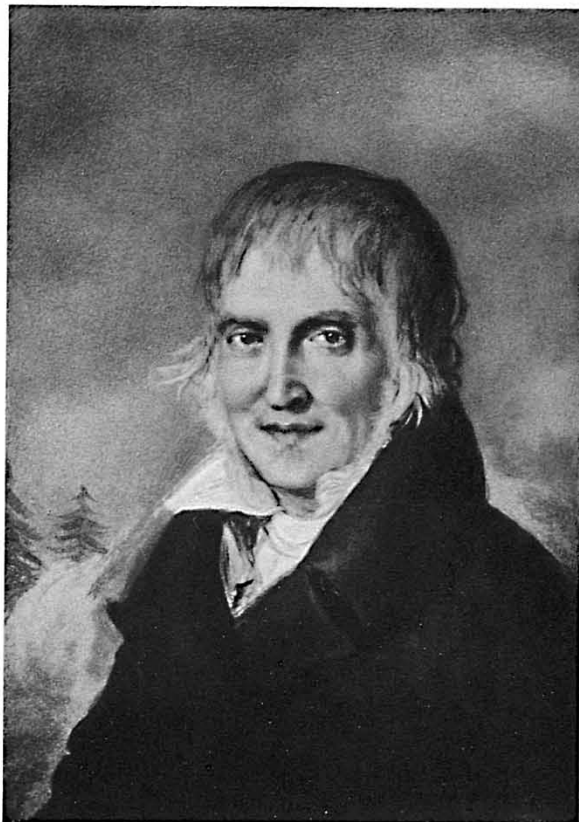
(Съ миниатюры Дафингера; собственность графа Д. И. Толстого, въ С.-Петербургѣ.)

ИВАНЪ ЛОГИНОВИЧЪ ГОЛЕНИЩЕВЪ-КУТУЗОВЪ, 1729—1802, троюродный дядя знаменитаго князя Смоленскаго, родился 31 Августа 1729 г.; учился въ Сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ и въ 1743 г. произведенъ былъ въ гардемарины, послѣ чего цѣлыхъ 7 лѣтъ плавалъ по Балтійскому морю, при чемъ занимался съѣмкой Финскаго залива и географическимъ описаніемъ всего моря. Произведенный въ 1746 г. въ мичманы и въ 1751 г. въ унтеръ-лейтенанты, въ 1753 и 1754 гг. онъ совершилъ кампанію изъ Кронштадта въ Архипелагъ; по возвращеніи изъ плаванія произведенъ 18 Марта 1756 г. въ лейтенанты, а въ 1759 г. въ капитанъ-лейтенанты, послѣ чего уволенъ по болѣзни въ годичный отпускъ; 22 Апрѣля 1761 г. назначенъ въ Морской корпусъ, потому что „въ здоровѣ еще слабъ и въ кампаніи быть не можетъ, а при корпусѣ быть ему можно, и Коллегія усматриваетъ его къ тому за способнаго“. Въ слѣдующемъ году, 10 Апрѣля, произведенъ въ капитаны 2 ранга и 1 Сентября назначенъ и. д. директора Морского шляхетскаго кадетскаго корпуса. Новый директоръ первымъ дѣломъ озаботился ходатайствовать объ измѣненіи штата корпуса, объ улучшеніи хозяйственной части и расширеніи преподаванія и, главное, обратилъ вниманіе на воспитательную часть, прилагая особенныя заботы при выборѣ „ротныхъ оберъ-офицеровъ“, при чемъ находилъ необходимымъ улучшить матеріальное положеніе послѣднихъ, какъ „излишне трудящихся и долженствующихъ въ чистотѣ себя содержать“. Онъ просилъ также особаго профессора для преподаванія астрономіи и особаго капитана для обученія „морской практикѣ“. Умный и энергичный директоръ сдѣлалъ много пользы для образованія и воспитанія моряковъ. Самъ практикъ морской службы, онъ зналъ недостатки морского теоретическаго и практическаго образованія въ корпусѣ и старался ихъ устранить. Коллегія исполнила всѣ представленія Голенищева-Кутузова, который 26 Юля 1764 г. былъ произведенъ въ генераль-майоры, назначенъ членомъ Адмиралтействъ-коллегіи, генераль-интендантомъ флота и опредѣленъ въ званіи наставника по морской части къ Наслѣднику Великому Князю Павлу Петровичу. При Голенищевѣ-Кутузовѣ Морской корпусъ былъ переведенъ въ Кронштадтъ, но директоръ принужденъ былъ оставаться въ Петербургѣ, рѣдко бывавъ въ корпусѣ, и воспитательное дѣло, по словамъ барона Штейнгеля, страдало. Въ званіи директора Кутузовъ оставался все царствованіе Павла I и перевелъ корпусъ обратно въ Петербургъ, въ настоящее его помѣщеніе, гдѣ была раньше гимназія „чужестранныхъ единовѣрцевъ“. Въ это время онъ уже давно былъ адмираломъ (съ 28 Юня 1782 г.), кавалеромъ орденовъ св. Владиміра 1 ст. (13 Марта 1788 г.) и св. Андрея (9 Ноября 1796 г.), вице-президентомъ Адмиралтействъ-коллегіи (20 Юня 1797 г.); 23 Октября 1798 г. онъ былъ назначенъ и. д. президента, а 30 Октября президентомъ коллегіи, „которому, однако, не быть генераль-адмираломъ“. Со вступленіемъ на престолъ Александра I кончилась служебная дѣятельность Кутузова въ качествѣ директора Морского корпуса, на его мѣсто былъ назначенъ вице-адмиралъ П. К. Карцевъ.

И. Л. Голенищевъ-Кутузовъ умеръ 12 Апрѣля 1802 года; былъ женатъ на Евдокіи Ильинишнѣ Бибиковой (р. 11 Апрѣля 1743, † 9 Марта 1807 г.), отъ которой имѣлъ 3 сыновей: Павла, Логина (его сотрудника по Морскому корпусу) и Александра, и 2 дочерей: Степаниду (за тайнымъ совѣтникомъ М. П. Бакуниннымъ, во второмъ бракѣ за дѣйств. тайнымъ совѣтникомъ барономъ А. Я. Бюлеромъ) и Варвару (за тайнымъ совѣтникомъ М. М. Бакуниннымъ).

(Съ миниатюры изъ собраній Императорскаго Эрмитажа.)

123

Пис. С. Тончи

Peint par Tonci

Павел Федорович
Карабановъ,
1767 — 1851

Paul Féodorowitch
Karabanoff,
1767 — 1851

124

Пис. Дафингеръ

Peint par Dafinger

Юлія Александровна
Татищева,
17...—184.

Julie Alexandrowna
Tatitsheff,
17...—184.

125

Иванъ Логиновичъ
Голенищевъ-Кутузовъ,
1729 — 1801

Ivan Loguinowitch
Golénichtcheff-Koutousoff,
1729 — 1801

Ударию
Великаго Князя
Николая Михайловича

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ

XVIII и XIX столѣтій

Edition du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch

PORTRAITS RUSSES

des XVIIIe et XIXe siècles

II томъ
4 выпускъ

TOME II
FASCICULE 4

1906

С. ПЕТЕРБУРГЪ

ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГOTOВЛЕНІЯ
ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ

ST. PÉTERSBOURG

MANUFACTURE DES
PAPIERS DE L'ÉTAT

Великая Княгиня АННА ПАВЛОВНА, 1795—1865, дочь Императора Павла и Императрицы Марии Теодоровны, родилась 5 Сентября 1795 года. Воспитание свое Анна Павловна получила под руководством своей матери и графини Шарлотты Карловны Ливень. В 15 лет Великая Княжна, по донесению французского посла, „была высока ростомъ для своего возраста и болѣе развита, чѣмъ обыкновенно бываетъ въ этой странѣ, такъ какъ, по словамъ лицъ, посѣщавшихъ дворъ ея матери, она вполне сформирована физически. Ростъ ея, станъ, все указываетъ на это. У нея прекрасные глаза, нѣжное выраженіе лица, любезная и пріятная наружность, и хотя она не красавица, но взоръ ея полонъ доброты. Правъ ея тихъ и, какъ говорятъ, очень скромнъ. Добротъ ея даютъ предпочтеніе передъ умомъ. Она уже умѣетъ держать себя, какъ подобаетъ принцессѣ, и обладаетъ тактомъ и увѣренностью, необходимыми при дворѣ“. Наполеонъ, желавшій закрѣпить союзъ Франціи съ Россіей своимъ бракомъ съ русской Великой Княжной, сталъ настойчиво домогаться руки Анны Павловны, но встрѣтилъ упорное противодѣйствіе со стороны Императрицы Марии Теодоровны, смотрѣвшей на Наполеона, какъ на выскочку и ищадіе революціи. Наполеонъ, послѣ долгаго ожиданія, получилъ отвѣтъ, равнявшійся отказу, а именно, что, въ виду нѣжной молодости Великой Княжны, бракъ возможенъ для нея не ранѣе, какъ черезъ два года. Въ 1816 г. Анна Павловна выдана была замужъ за принца Оранскаго Вильгельма, сдѣлавшагося королемъ Нидерландскимъ въ 1840 г., подъ именемъ Вильгельма II. Въ Голландіи Анна Павловна показала себя истой дочерью Императрицы Марии Теодоровны; она всецѣло отдалась благотворительной дѣятельности. Для больныхъ и раненыхъ воиновъ она основала госпиталь и инвалидный домъ и устроила до 50 пріютовъ для бѣдныхъ дѣтей. Въ 1849 г. Анна Павловна потеряла своего супруга и остальную жизнь провела въ Гагѣ; лѣтнимъ любимымъ ея мѣстопробываніемъ былъ Сестдикъ, гдѣ воздвигнуть былъ памятникъ ея супругу. Скончалась Анна Павловна 17 Февраля 1865 г. и похоронена въ православной церкви въ Амстердамѣ, сооруженной Императоромъ Николаемъ I.

Отъ брака своего съ Вильгельмомъ II Анна Павловна имѣла трехъ сыновей: принца Александра († 1848 г.), короля Нидерландскаго Вильгельма III и принца Вильгельма-Фридриха-Генриха, и дочь Вильгельмину-Марию-Софію-Луизу, вышедшую замужъ за наследнаго принца Саксенъ-Веймарскаго Карла-Александра.

(Съ портрета Г. Дау, принадлежащаго графу А. Д. Шереметеву, с. Останкино, Московской губ.)

Императрица ЕЛИСАВЕТА АЛЕКСѢВНА, 1779—1826, супруга Императора Александра I, принцесса Баденская, родилась 13 Января 1779 года. Въ 1792 г. она прѣехала вмѣстѣ съ матерью въ Петербургъ, по вызову Императрицы Екатерины, и избрана была въ супруги Великому Князю Александру Павловичу. Бракосочетаніе совершено было въ 1793 г., несмотря на крайнюю молодость новобрачныхъ: Великому Князю было всего 16 лѣтъ, а Елисаветѣ Алексѣевнѣ—14. Столь раннее супружество не дало счастья Великой Княгинѣ, хотя она вполне его заслуживала и по своей красотѣ, и по чрезвычайной кротости душевной. „Цвѣтъ лица ея блѣдный“,—разсказываетъ по поводу встрѣчи съ нею г-жа Виже-Лебрень въ своихъ „Запискахъ“,—„черты тонкія, выраженіе лица чисто ангельское, волосы пепельно-русые падали въ беспорядкѣ на ея лобъ и шею, станъ гибкій, какъ у нимфы. Я вскричала: „Это Психея!“ Великій Князь Александръ не умѣлъ оцѣнить своей супруги, и между ними произошло охлажденіе, какъ ни ласкала Великую Княгиню бабушка, Императрица Екатерина. Съ воцареніемъ Императора Павла, положеніе Елисаветы Алексѣевны сдѣлалось еще болѣе тяжкимъ. Суровый образъ придворной жизни, отзывавшійся казармами, непріязненные отношенія свекрови, Императрицы Маріи Ѳеодоровны, полное отчужденіе супруга, всецѣло отдавагося исполненію служебныхъ обязанностей, возложенныхъ на него требовательнымъ отцомъ,— все это заставило Елисавету Алексѣевну замкнуться въ небольшомъ кружкѣ приближенныхъ, предаться созерцательной жизни и дѣламъ благотворенія. Умъ ея сдѣлался яснѣе, доброта проникновеннѣе, но съ каждымъ годомъ она все болѣе и болѣе уходила въ самое себя, забывая даже о своемъ царственномъ положеніи. Горнило несчастій закалило вмѣстѣ съ тѣмъ характеръ Елисаветы, и она оказывала всегда нравственную поддержку своему супругу, когда онъ сдѣлался императоромъ, особенно въ тяжелые для него 1801 и 1812 годы. Личная жизнь Императрицы Елисаветы сдѣлалась грустнѣе съ тѣхъ поръ, когда Императоръ Александръ не сталъ скрывать своихъ близкихъ отношеній къ знаменитой тогда красавицѣ Маріи Антоновнѣ Нарышкиной, а Императрица лишилась 30 Апрѣля 1808 г. второй и послѣдней своей дочери Елисаветы (р. 5 Ноября 1806 г.), потерявъ первую, Марію, еще въ 1800 г. (р. 18 Мая 1799 г., † 27 Юня 1800 г.). Первенствующее положеніе при дворѣ, всѣ исключительныя почести, присвоенныя супругѣ царствующаго государя, Императрица Елисавета предоставила своей свекрови, Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, которая любила этикетъ, любила власть и поклоненіе; но именно эта скромность молодой Императрицы еще болѣе увеличила всеобщую любовь къ ней русскаго общества, то чувство поклоненія къ ней русскаго народа, чуднымъ выразителемъ котораго явился Пушкинъ въ посвященныхъ ей стихахъ. Долготерпѣливая Елисавета Алексѣевна дожила, однако, до того момента, когда Императоръ Александръ, предавшись въ концѣ своего царствованія созерцательной духовной жизни, съ отбѣнкомъ мистицизма, не могъ не проникнуться уваженіемъ къ своей супругѣ и началъ искать ея дружбы, и такимъ образомъ на закатѣ жизни царственныхъ супруговъ ихъ соединила душевная гармонія, которой недоставало имъ вначалѣ. По словамъ графини Шуазель-Гуфье, видѣвшей Императрицу Елисавету 45 лѣтъ, „она была средняго роста, хорошо сложена; въ лицѣ и станѣ ея были остатки прежней красоты; голосъ у нея былъ мягкій, проникавшій въ душу; улыбка меланхолическая; взоръ полный ума и что-то ангельское во всей фигурѣ ея говорили, что она принадлежитъ не этому свѣту“. Осенью 1825 г. Императоръ Александръ для поправленія здоровья Императрицы Елисаветы отправился съ нею въ Таганрогъ, гдѣ, по совѣту врачей, она искала и физическаго, и нравственнаго покоя. Но тяжелый недугъ подломилъ здѣсь силы Александра, и онъ скончался на рукахъ своей супруги 19 Ноября 1825 года. Ударъ этотъ поразилъ Императрицу въ самое сердце, и она начала таять съ каждымъ днемъ. Проникнутое глубокой скорбью письмо ея къ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ о кончинѣ Императора Александра, начинавшееся словами: „Notre ange est au Ciel“, въ спискахъ распространилось по всей Россіи. Конецъ жизни Императрица предполагала провести въ деревенскомъ уединеніи, въ окрестностяхъ Москвы, но, на пути туда, она скончалась въ Бѣлевѣ 4 Мая 1826 года.

(Съ миниатюры Пеншонъ 1801 г.; собственность Ю. С. Шереметевой, въ С.-Петербургѣ.)

Цесаревна и Великая Княгиня АННА ТЕОДОРОВНА, 1781—1860, дочь герцога Франца-Фридриха Саксенъ-Заальфельдъ-Кобургскаго, супруга Цесаревича Константина Павловича; до принятія православія именовалась принцессой Юліаной-Генріеттой-Ульрикой, родилась 23 Сентября 1781 года. Въ концѣ 1795 г. принцесса Юліана привезена была матерью вмѣстѣ съ двумя своими сестрами въ Петербургъ и здѣсь выбрана въ супруги Великому Князю Константину Павловичу. 15 Февраля 1796 г. было совершено ихъ бракосочетаніе. Красивая брюнетка, съ добрымъ сердцемъ, искавшимъ счастья въ семейной жизни, Великая Княгиня Анна Теодоровна на первыхъ же порахъ супружества убѣдилась въ грубомъ отношеніи къ себѣ мужа, который хотя и считалъ ее „предѣстѣнной изъ женщинъ“, но видѣлъ въ ней лишь игрушку своихъ прихотей: заставлялъ ее присутствовать на своихъ оргіяхъ, вводилъ къ ней во время ея болѣзни, въ спальню, раннимъ утромъ барабанщиковъ, которые звуками барабана будили ее трепещущую, испуганную до смерти, и т. д. Великая Княгиня должна была, наконецъ, положить предѣлъ этой постоянной пыткѣ и въ 1801 г. выѣхать изъ Россіи, несмотря на сочувствіе къ себѣ всѣхъ членовъ Императорской фамиліи и всего русскаго общества.

Въ 1820 г., вслѣдствіе желанія Цесаревича Константина Павловича вступить въ мorganatickій бракъ съ графиней Иоанной Грузинской, Великая Княгиня Анна Теодоровна получила формальный разводъ съ Цесаревичемъ, объявленный манифестомъ 20 Февраля. Всю остальную свою жизнь Анна Теодоровна провела въ Парижѣ и Швейцаріи, въ замкѣ Эльфенау, близъ Берна, гдѣ и скончалась 10 Августа 1860 года.

(Съ миниатюры, принадлежащей Великой Княгинѣ Елисаветѣ Теодоровнѣ.)

126

Пис. Г. Даву

Peint par Davo

Великая Княгиня
 Анна Павловна,
 1795 — 1865

La Grande-Duchesse
 Anne Pavlovna,
 1795 — 1865

127

Пис. Пейзаж, 1801 — Peint par Pouchon, 1801

Императрица
 Елисавета Алексеевна, 1779 — 1826

L'Impératrice
 Elisabeth Alexeievna,
 1779 — 1826

128

Великая Княгиня
 Анна Осодоровна,
 1781 — 1860

La Grande-Duchesse
 Anne Féodorovna,
 1781 — 1860

Графъ ИВАНЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ОРЛОВЪ, 1753—1791, старшій сынъ Новгородскаго вице-губернатора Григорія Ивановича Орлова († 1 Апрелья 1746 г.) отъ брака съ Лукеріей Ивановной Зиновьевой, родился 3 Сентября 1753 г.; 16-и лѣтъ онъ поступилъ солдатомъ въ Преображенскій полкъ, но служилъ недолго и вышелъ въ отставку „гвардіи фурьеромъ“. Послѣ смерти отца, онъ принялъ на себя всѣ хозяйственныя заботы и управленіе нераздѣльными имѣніями всѣхъ пяти братьевъ, при чемъ младшій, Владиміръ, воспитывался въ его домѣ. Семья Орловыхъ была патриархальная, чисто русская семья, и когда умеръ отецъ, его мѣсто занялъ старшій братъ Иванъ: къ нему перешли обязанности старшаго въ родѣ, на него было перенесено уваженіе младшихъ, которые, по преданію, въ присутствіи „старика“ не садились безъ позволенія, въ письмахъ цѣловали ему руки. Всѣ братья жили необыкновенно дружно, любили и поддерживали другъ друга. До самой смерти, даже тогда, когда Орловы, благодаря перевороту 28 Іюня 1762 г., сдѣлались графами и обладателями колоссальнаго состоянія, Иванъ управлялъ всѣми ихъ имѣніями, и авторитетъ его въ этомъ отношеніи безусловно признавался братьями: „старинушка“, „папунька-сударушка“ отличался „домовитостью“ и расчетливостью. Графъ Иванъ Григорьевичъ почти безвыѣздно жилъ въ Москвѣ и въ „низовыхъ деревняхъ“, на Волгѣ, гдѣ, въ одномъ Надѣинскомъ Усолѣ только, Орловымъ принадлежало свыше 300/т. десятинъ земли. Орловъ только изрѣдка пріѣзжалъ въ С.-Петербургъ по дѣламъ и повидаться съ братьями. Въ Петербургѣ онъ постоянно ворчалъ, жаловался на дороговизну: „Принужденъ всюду платить по-княжески, а мощна у него дворянская, 25 рублей обѣдъ изъ 6 блюдъ на двоихъ или троихъ“, но это не мѣшало ему зато увлекаться картами и проигрывать въ вечеръ по нѣскольку тысячъ, что еще болѣе его разстроивало; особенно много заботъ и хлопотъ причинялъ ему своей расточительностью мотъ Григорій, устраивая дѣла котораго, онъ „устанавливалъ, какъ собака“. Восшествіе на престолъ Екатерины II дало Орловымъ богатство и рядъ служебныхъ успѣховъ, но Иванъ Орловъ, получивъ графскій титулъ и чинъ капитана Преображенскаго полка, навсегда оставилъ службу и всякую общественную дѣятельность. Только въ Большой Комиссіи, выбранный въ „маршалы“ и отказавшись отъ этого званія, онъ участвовалъ въ качествѣ депутата отъ дворянъ Вяземскаго уѣзда.

Графъ И. Г. Орловъ погребенъ въ родовой усыпальницѣ въ с. Отрадѣ, близъ Москвы, гдѣ на его могилѣ находится слѣдующая надпись: „Графъ Иванъ Григорьевичъ Орловъ, старшій изъ 5 братьевъ, родился 3 Сентября 1753 г., скончался 18 Ноября 1791 г., 58 лѣтъ, къ сокрушенію друзей и сожалѣнію всѣхъ честныхъ людей. При восшествіи на престолъ Государыни Екатерины II произведенъ капитаномъ гвардіи Преображенскому полку; хотя ему и предлагаемы были знатныя чины и другія отличія отъ Монархини, но онъ отъ всего съ благодарностью отказывался, ничего не принялъ и остался во все время въ отставкѣ капитаномъ“. 29 Декабря Храповицкій записалъ въ своемъ дневникѣ: „Спокойно писали (т.-е. Екатерина II) съ моеи руки къ графу А. Г. (т.-е. Орлову-Чесменскому) о пріемлемомъ участіи въ печали по смерти брата его графа И. Г. Орлова“.

Графъ И. Г. Орловъ былъ женатъ на Елизаветѣ Федоровнѣ Ртищевой (р. 28 Іюля 1750 г., † 30 Ноября 1834 г.), родной сестрѣ главнокомандующаго въ Грузіи Н. Ф. Ртищева; дѣтей не имѣлъ. Послѣ его смерти братья произвели раздѣлъ, при чемъ прежде всего выдѣлили полторы тысячи душъ вдовѣ старшаго брата, пережившей мужа на много лѣтъ.

(Съ портрета, находящагося у князей Мещерскихъ въ селѣ Дугинѣ, Смоленской губ.)

Князь ЮРІЙ ВЛАДИМИРОВИЧЪ ДОЛГОРУКІЙ, 1740—1830, сынъ генераль-лейтенанта князя Владимира Петровича († 1761 г.) отъ брака съ княжной Еленой Васильевной Хилковой († 12 Мая 1763 г.), родился 2 Ноября 1740 г.; въ чинѣ капитана, принялъ участіе въ Семилѣтней войнѣ и въ битвѣ при Гросс-Егерсдорфѣ былъ тяжело раненъ въ голову. Въ 1763 г. онъ командовалъ Петербургскимъ полкомъ, а въ 1767 г. Екатерина въ Казани, сдѣлавъ смотръ этому полку, произвела князя Долгорукаго въ генераль-майоры, назначивъ его вмѣстѣ съ тѣмъ майоромъ Преображенскаго полка, по желанію графа А. Г. Орлова. Во время первой Турецкой войны Долгорукій былъ посланъ графомъ Орловымъ въ Черногорію для поимки появившагося тамъ подъ именемъ Петра III самозванца Степана Малаго и вовлеченія черногорцевъ въ борьбу противъ турокъ. Миссія князя Долгорукаго была неудачна. Не понимая нравовъ и обычаевъ черногорцевъ, опасаясь интригъ со стороны турокъ и Венеціи, князь Долгорукій въ концѣ концовъ сдѣлалъ правителемъ Черногоріи арестованнаго имъ Степана Малаго и радъ былъ тайкомъ „изъ сего разбойничьяго гнѣзда вырваться“. Награжденный орденомъ Анны 1-й ст., князь Долгорукій участвовалъ въ морской экспедиціи графа А. Г. Орлова. При неудачномъ штурмѣ крѣпости Модона былъ раненъ въ руку и ногу; въ битвѣ при Чесмѣ командовалъ кораблемъ „Ростиславъ“. Отправленный въ С.-Петербургъ съ донесеніемъ о Чесменскомъ боѣ, изъ рукъ самой Императрицы получилъ Георгіевскій крестъ и орденъ св. Александра Невскаго. Не поладивъ съ Орловымъ, князь Долгорукій переведенъ былъ въ армію графа Румянцева, въ чинѣ генераль-аншефа, былъ назначенъ командующимъ легко-конными полками въ Харьковѣ. Въ 1787 г. онъ былъ пожалованъ въ подполковники Преображенскаго полка. Во время второй Турецкой войны взялъ крѣпости Аккерманъ и Бендеры, за что получилъ Андреевскую ленту. Съ 1790 по 1796 г. три раза выходилъ въ отставку по неумѣнію ладить съ сильными людьми, особенно съ княземъ П. А. Зубовымъ, хотя въ 1793 г. и получилъ орденъ Владимира 1-й степени. Павелъ I, тотчасъ по воцареніи, назначилъ князя Долгорукаго главнокомандующимъ въ Москвѣ и шефомъ Астраханскаго гренадерскаго полка; въ коронацію жена Долгорукаго была пожалована въ статсъ-дамы. 29 Ноября 1797 г. онъ былъ уволенъ отъ должности. Въ 1798 г. Павелъ I снова приблизилъ его къ себѣ, назначилъ членомъ Совѣта и пожаловалъ ему Мальтійскій крестъ. По интригамъ „злodeвѣвъ“, распустившихъ слухи, что князь Долгорукій „въ сердечныхъ дѣлахъ интригуетъ“, онъ былъ немедленно „изъ службы изгнанъ“ и съ того времени (17 Декабря 1798 г.) велъ жизнь частнаго человѣка. Только въ 1806 г. онъ былъ начальникомъ ополченія седьмой области. Князь Долгорукій пережилъ всѣхъ близкихъ и умеръ одинокимъ 8 Ноября 1830 г. въ Москвѣ.

Онъ былъ женатъ на графинѣ Екатеринѣ Александровнѣ Бутурлиной († въ Дек. 1811 г.), на сестрѣ которой, Варварѣ, ранѣе его женился его родной братъ, князь Василій. Отъ этого брака, долгое время не признававшагося законнымъ, онъ имѣлъ двухъ дочерей: Елену († въ молодости) и Варвару (р. 1778 г., † 10 Мая 1828 г.; за кн. Ал. П. Горчаковымъ), и сына Василя (р. 1776 г., † 2 Сентября 1810 г.; генераль-адъютантъ).

Почти единственнымъ источникомъ для біографіи князя Ю. В. Долгорукаго служатъ составленные имъ „Записки“ объ его жизни. „Записки“, какъ и всякая автобіографія, болѣе годятся для составленія панегирика, чѣмъ безпристрастной характеристики. Впрочемъ, изъ самыхъ обстоятельствъ жизни и службы князя Долгорукаго открывается, что онъ имѣлъ „нравъ пылкій“ въ хорошемъ значеніи этого слова, былъ человекомъ искреннимъ и независимымъ. Своимъ девизомъ онъ избралъ „быть полезнымъ, честно вѣкъ провести и ни въ чемъ совѣстью не мучиться“. При неумѣннѣ и нежеланіи „подольщаться къ временщикамъ“, ему почти постоянно было „худо у Двора“: 5 разъ онъ оставялъ службу. Не будучи выдающимся полководцемъ и дипломатомъ, онъ, повидимому, былъ и весьма посредственнымъ администраторомъ: задумавъ, напримеръ, въ Москвѣ „ловить безпашпортныхъ“, онъ закрытіемъ заставъ и домовыми обысками произвелъ въ городѣ „большой шумъ“, а „нахваталъ“ только 70 человѣкъ. Но онъ не преувеличивалъ своихъ достоинствъ и знаній, и первый „засмѣлся“, когда Грейгъ предложилъ ему командовать кораблемъ; отправляясь во время первой Турецкой войны къ графу Орлову, онъ отказался отъ Аннинской звѣзды и 20.000 рублей на томъ основаніи, что „не успѣлъ еще заслужить никакихъ наградъ“. Онъ былъ добрымъ семьяниномъ и родственникомъ. Дружба его съ братомъ была такъ нѣжна, что они „къ удивленію всѣмъ служили“; оба брата и ихъ жены—„всѣ четверо составляли какъ бы одного человѣка“.

(Съ портрета, принадлежащаго свѣтлѣйшей княгинѣ А. С. Салтыковой, С.-Петербургъ.)

Графиня **МАРІЯ РОДІОНОВНА ПАНИНА**, 1746—1775, дочь генераль-майора Родіона Кондратьевича Ведель († 1754), женатаго на Настасьѣ Богдановнѣ Пассекѣ, родилась въ Ахтырскомъ уѣздѣ, Харьковской губерніи, въ 1746 году. Дѣтство свое она провела вмѣстѣ съ старшей своей сестрой, Анной Родіоновной, въ имѣніи Веделевкѣ, Воронежской губерніи, подъ присмотромъ набожной и благочестивой матери. По семейному преданію, незадолго до своей смерти въ 1756 г., г-жа Ведель ѣздила съ дочерьми на богомолье къ Ахтырской Божіей Матери, которая въ видѣніи предрекла ей близкую кончину и обѣщала быть матерью ея дочерямъ. Лишившись матери, онѣ не были, однако, оставлены судьбой; изъ деревенской глуши онѣ были привезены въ Петербургъ и воспитаны Императрицей Елисаветой Петровной во дворцѣ. Въ 1762 г. обѣ сестры были пожалованы Петромъ III во фрейлины и сдѣлали блестящія партіи. Анна Родіоновна вышла за графа З. Г. Чернышева, а Марія Родіоновна—за генераль-аншефа, сенатора, графа Петра Ивановича Панина (1721—1789). Свадьба состоялась 18 Апрѣля 1767 г. во дворцѣ, безъ всякой, впрочемъ, пышности, а на другой день молодые ужинали за столомъ Императрицы. Отъ первой своей жены, Анны Алексѣевны Татищевой, графъ Панинъ имѣлъ 17 человекъ дѣтей. Графиня Марія Родіоновна подарила его еще пятью, изъ коихъ пережили ее только двое: сынъ, графъ Никита Петровичъ, и дочь, Софія Петровна (р. 1772 г., † 1855 г.; была замужемъ за сенаторомъ И. В. Тутолминымъ).

Графиня М. Р. Панина скончалась въ родахъ, на 50-мъ году жизни, 12 Апрѣля 1775 г., и похоронена въ Ахтыркѣ, въ церкви Ахтырской Божіей Матери, рядомъ съ родителями. Точно предчувствуя ожидавшую ее трагическую участь, она еще въ 1770 г., передъ рожденіемъ сына Никиты, писала изъ Харькова своему деверю, графу Н. И. Панину: „Есть ли какал надежда къ полученію мнѣ изъ Петербурга несносной колдуньи, отъ которой однако же спасеніе жизни зависѣть будетъ, или же мнѣ оставаться придется безъ всякой помощи, на волю Божію. Знаю, что все сіе почтете за малодушіе и меня осудите; но воля ваша: здѣсь меня застрашали трагическими разказами о многихъ женщинахъ, безъ помощи умершихъ съ здѣшними бабками, чего мнѣ право не хочется“.

Графиня Панина была женщина съ сильнымъ характеромъ, набожная и добродѣтельная, но чрезвычайно вспыльчивая, гордая и упрямая. По цѣлымъ часамъ бывало она горькими слезами оплакивала порывы своего необузданнаго гнѣва. Однимъ изъ любимыхъ занятій ея была охота, и въ родовомъ имѣніи Паниныхъ, селѣ Дугинѣ, Смоленской губерніи, долго сохранялся принадлежавшій ей карабинъ. Мужъ очень любилъ ее и постоянно, даже во время войны, бралъ ее съ собою въ походы, но она не пользовалась пріязнью его многочисленной Куракинской родни, не прощавшей ей ея „капризовъ и нестерпимой снѣси“. Ея вліянію и неудовлетворенному будто бы честолюбію приписывали родные графа Панина удаление его въ отставку въ 1770 г., вслѣдствіе недостаточнаго признанія Императрицею Екатериною II его военныхъ заслугъ при взятіи Бендеръ. „Она не такъ сотворена“, писала княжна А. А. Куракина, „чтобы быть чѣмъ-нибудь въ свѣтѣ довольной; для чего всѣ способы употребила, чтобы принудить его (мужа) свое состояніе перемѣнить, о чемъ теперь можетъ и сожалѣть. Исполнилъ чрезъ это только прихоть своей никѣмъ не терпимой половины, которая ничѣмъ въ свѣтѣ не довольна, чрезъ что дѣлаетъ его навѣкъ несчастливымъ, а намъ всѣмъ огорченія“.

Изображена графиня М. Р. Панина пишущей портретъ своей дочери Софіи.

(Съ портрета, принадлежавшаго княгинѣ М. А. Мещерской, село Дугино, Смоленской губ.)

Графиня АННА ПЕТРОВНА ШЕРЕМЕТЕВА, 1744—1768, старшая дочь оберъ-камергера графа Петра Борисовича Шереметева (1715—1788) и княжны Варвары Алексѣевны Черкасской, родилась 18 Декабря 1744 года. Росла и развивалась она очень благопріятно и была любимицей родителей. По рассказамъ современниковъ, она была „очаровательная женщина; имѣла небольшіе черные глаза, смуглое оживленное лицо, маленькія, тонкія, красивыя руки, но черты лица были нехороши“. Пожалованная въ 1760 г. во Фрейлины Императрицей Елисаветой, она получила позволеніе жить дома, а не во дворцѣ, что являлось рѣдкимъ исключеніемъ. Это не мѣшало ей бывать постоянно при Дворѣ и въ обществѣ Великаго Князя Павла Петровича, съ коимъ воспитывался ея братъ, графъ Николай Петровичъ. Въ домѣ отца ея бывали домашніе „благородные“ спектакли, въ которыхъ участвовалъ и Цесаревичъ, и на одномъ изъ нихъ, 21 Февраля 1766 г., была разыграна комедія въ 1 дѣйствіи „Зенсид“, въ которой дѣйствующими лицами явились: Великій Князь, графиня Анна Петровна, въ роли волшебницы, и графини Д. П. и Н. П. Чернышевы, при чемъ на четырехъ лицахъ, въ ней участвовавшихъ, было надѣто брилліантовъ на 2 милліона рублей. На придворной карусели, бывшей въ Петербургѣ 11 Юля 1766 г., гр. Шереметева „славно отличилась въ римской кадрили“ и получила золотую медаль съ ея именемъ. Около того же времени въ нее имѣлъ несчастье влюбиться воспитатель Великаго Князя Павла Петровича, С. А. Порошинъ. По этому поводу между ними произошло какое-то столкновение, „ein donkischotischer Streich“, по выраженію академика Тауберта, послужившее если не причиною, то по крайней мѣрѣ гласнымъ поводомъ къ отставкѣ Порошина отъ великокняжескаго двора. „M. Porochine est congédié de la Cour pour les impertinences qu'il a faites par rapport à Mlle Chéremeteff“, писалъ Д. И. Фонъ-Визинъ въ 1766 году.

Разсказывали, что Екатерина II предназначала графиню Шереметеву, одну изъ богатѣйшихъ невѣстъ въ Россіи, для одного изъ братьевъ Григорія Орлова, но что, когда за нее посватался графъ Никита Ивановичъ Панинъ, Императрица сама продиктовала старшему изъ Орловыхъ отказъ за брата отъ ея руки. Помолвка графини Анны Петровны съ графомъ Н. И. Панинымъ, оберъ-гофмейстеромъ Великаго Князя Павла Петровича, другомъ и ровесникомъ ея отца (родился въ 1718 г.), состоялась въ началѣ 1768 г., а 17 Мая того же года, за нѣсколько дней до свадьбы, графиня А. П. Шереметева скончалась отъ оспы. Говорили, что она заразилась отъ оспенной материн, пущенной изъ мести неизвѣстной соперницей въ табакерку съ табакомъ, подаренную ей женихомъ. „Жалость тебѣ нашишу: Анна Петровна Шереметева умерла отъ воспы, такъ сильная воспа была“, сообщала графиня Е. М. Румянцева мужу 30 Мая 1768 года, „отецъ и женихъ въ неутѣшной горести. Микита Ивановичъ былъ во всю болѣзнь невѣстину въ Петербургѣ, жилъ у брата и черезъ третьи руки имѣлъ извѣстія, что происходило съ невѣстою“. Болѣзнь невѣсты оберъ-гофмейстера Цесаревича поставила въ „превеликій амбара“ саму Императрицу, опасавшуюся передачи ея Великому Князю черезъ графа Н. И. Панина, „хотя онъ и выѣхалъ изъ дома Шереметева кой часъ пятна показались“.

Графиня Шереметева погребена на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры. Интересно, что графъ Н. И. Шереметевъ завѣщалъ себя „погребсти въ тотъ же монастырь, подлѣ гроба покойной сестры моей, графини Маріи Петровны Шереметевой, которая въ жизни ея называлась графинею же Анною Петровною Шереметевою“.—На могилѣ ея надпись: „На мѣстѣ семъ погребена Графиня Анна Петровна Шереметева, дочь Графа Петра Борисовича, невѣста Графа Никиты Ивановича Панина, Фрейлина премудрыя Монархини, представившаяся на 24-мъ году, 1768 г., Мая 17 дня, и вмѣсто брачнаго чертога, тѣло ея предано нѣдрамъ земли, а непорочная ея душа возвратилась къ непорочному своему источнику въ животъ вѣчный, къ вѣчному и живому Богу.“

А Ты, о Боже! гласъ родителя внемли,
Да будетъ дочь его, отъятая Судьбою,
Толико въ небеси прехвальна предъ Тобою,
Колико пребыла прехвальна на земли“.

(Съ портрета, принадлежащаго графинѣ А. А. Комаровской, въ С.-Петербургѣ.)

129

Графъ Иванъ Григорьевичъ Орловъ,
1733—1791

Le Comte Ivan Grigorievitch Orloff,
1733—1791

130

Князь Юрій Владиміровичъ Долгорукій,
1740—1830

Le Prince Youri Vladimirovitch Dolgorouky,
1740—1830

131

Графиня Марія Родіоновна Панина,
1740—1775

La Comtesse Marie Rodionovna Panine,
1740—1775

132

Графиня Анна Петровна Шереметева,
1744—1768

La Comtesse Anna Petrovna Chérémèteff,
1744—1768

Графиня АННА АЛЕКСАНДРОВНА ЧЕРНЫШЕВА, 1740—1794, была дочь Александра Васильевича Исленьева († 1740 г.), женатаго на Маріи Артемьевнѣ Загряжской (р. 1722 г., † 1787 г.). Судя по тому, что она была второй изъ двухъ дочерей, и что матери ея было 18 лѣтъ, когда умеръ ея отецъ, ея рожденіе можно почти безошибочно отнести къ 1740 году. А. А. Исленьева вступила въ бракъ съ генераль-фельд-маршаломъ по флоту, начальникомъ Морской коллегіи, графомъ И. Г. Чернышевымъ, послѣ смерти его первой жены, графини Елизаветы Осиповны Ефимовской (р. 15 Апрѣля 1734 г., † 7 Октября 1755 г.). Съ назначеніемъ мужа посланникомъ при Англійскомъ дворѣ, сопровождала его въ Лондонъ, гдѣ въ ея честь былъ выбитъ жетонъ съ гербами Чернышевыхъ и Исленьевыхъ; подобный же жетонъ былъ отчеканенъ въ память ея пребыванія съ мужемъ на конгрессѣ въ Аугсбургѣ, въ 1766 году. Она имѣла двухъ дочерей: Екатерину (замужемъ за Ф. Ф. Вадковскимъ) и Анну (за А. А. Плещеевымъ), и сына Григорія († 1830 г.), женатаго на Е. П. Квашниной-Самариной.

Графиня А. А. Чернышева скончалась въ Январѣ 1794 г. и погребена въ Благовѣщенской церкви Александро-Невской лавры.

Графиня Чернышева принадлежала къ числу самыхъ модныхъ дамъ Петербургскаго общества временъ Екатерины II и была очень дружна съ Великой Княгиней Натальей Алексѣевной. Домъ Чернышевыхъ славился своимъ гостепрѣимствомъ, жили они очень открыто и нерѣдко принимали у себя Императрицу, которая, будучи у нихъ на новосельѣ, въ 1766 г., въ новомъ ихъ домѣ, подарила графинѣ бриллиантовую эгретку. Странно при этомъ, что, несмотря на высокое положеніе мужа, графиня Анна Александровна не имѣла ни статсъ-дамскаго портрета, ни Екатерининскаго ордена, хотя обѣ дочери ея были фрейлинами. Привѣтливая и любезная, она была очень любима въ обществѣ и вела свѣтскую жизнь; между прочимъ имя ея встрѣчается въ числѣ приглашенныхъ на спектакль у графа П. Б. Шереметева въ присутствіи Императрицы и всего двора, гдѣ она исполняла обязанности „указательницы мѣстъ“, въ то время, какъ баронесса Е. И. Черкасова, рожденная Биронъ, была капельмейстеромъ любительскаго оркестра. Радужный пріемъ у графини Чернышевой находили иностранные дипломаты, которыхъ она встрѣчала за границей, и иностранные путешественники. Одинъ изъ нихъ, нѣкій кавалеръ де-Порталисъ, влюбившійся въ нее въ Парижѣ, послѣдовалъ за ней въ Петербургъ, гдѣ былъ принятъ ею очень холодно, что немало удивило его друзей изъ французскаго посольства, знавшихъ ея легкомысленный характеръ. Особеннымъ ея вниманіемъ пользовался французскій посланникъ маркизь де-Жуинье, истратившій будто бы много денегъ на уплату ея долговъ въ Парижѣ. Интересно, что самую полную и при томъ весьма нелестную характеристику графини А. А. Чернышевой оставилъ одинъ изъ наиболѣе частыхъ ея посѣтителей, секретарь французскаго посольства кавалеръ де-Корберонъ, имѣвшій, впрочемъ, причины считать себя обиженнымъ презрѣніемъ, съ которымъ графиня Чернышева отвергла его посредничество въ любовной интригѣ Порталиса. „Она глупа и вообще скучна“, говоритъ онъ про нее, „любезна только съ тѣми, кто ей нуженъ въ данную минуту; очень строга къ другимъ, а сама, какъ говоритъ весь городъ, не умѣла ни въ чемъ отказать своему камердинеру“. Онъ же намекаетъ на то, что за денежные услуги, оказываемыя ея мужу, она сообщала иностраннымъ дипломатамъ разныя свѣдѣнія, при томъ завѣдомо невѣрныя. „Cette femme est bête“, прибавляетъ онъ, „et la très humble servante de son mari; elle serait méchante si elle en avait l'étoffe“.

Графиня А. А. Чернышева изображена художницей на портретѣ вмѣстѣ съ дочерью Екатериной, въ замужествѣ Вадковской.

(Съ портрета Анжелики Кауфманъ; собственность Г. Г. Черткова, въ С.-Петербургѣ.)

Графъ ПЕТРЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ЧЕРНЫШЕВЪ, 1712—1773, старшій братъ графа Захара (см. № 15), родился 25 Марта 1712 г.; крестникъ Петра Великаго, онъ въ дѣтствѣ былъ записанъ въ Преображенскій полкъ, съ 1722 по 1727 г. служилъ въ Гольштинскихъ войскахъ, затѣмъ, пожалованный въ камеръ-юнкеры (въ 1730 г.) и въ камергеры (въ 1739 г.), назначенъ былъ въ 1741 г. посланникомъ въ Данію. Перейдя на дипломатическое поприще, Чернышевъ послѣдовательно былъ представителемъ Россіи въ Мадридѣ, Берлинѣ и, наконецъ, въ Лондонѣ. Кавалеръ ордена св. Александра Невскаго, произведенный въ 1754 г., 5 Сентября, въ генераль-лейтенанты, Чернышевъ былъ отозванъ въ слѣдующемъ году изъ Англій и 4 Юля 1760 г. назначенъ посломъ въ Парижъ, гдѣ оставался до 26 Юля 1762 г.; за это время онъ былъ сдѣланъ дѣйств. тайнымъ совѣтникомъ и получилъ отъ Петра III Андреевскую ленту.

Графъ Чернышевъ умеръ въ С.-Петербургѣ 20 Августа 1773 г.; на памятникѣ его, на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры, слѣдующая надпись: „Жилъ 61 г. 4 м. 26 д. Служилъ онъ своимъ Государямъ и Отечеству 45 л., сперва въ арміи и при дворѣ, потомъ съ 1740 по конецъ 1755 полномочнымъ министромъ при Датскомъ, Прусскомъ и Англійскомъ дворахъ. По возвращеніи отъ сего послѣдняго опредѣленъ къ присутствію въ Пр. Сенатѣ, въ 1760 г. опредѣленъ чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ къ Французскому двору, откуда паки въ отечество возвратился въ 1763 г., съ котораго времени онъ продолжалъ присутствовать въ Сенатѣ и, наконецъ, отъ умножившихся ему болѣзней, смерть жизнь его пресѣкла къ крайней горести его ближнихъ и къ искреннему соболѣзнованію его друзей и почитателей“.

Графъ Чернышевъ былъ женатъ на дочери знаменитаго графа А. И. Ушакова, Екатерины Андреевнѣ, отъ которой онъ имѣлъ 2 дочерей: Наталію (за княземъ В. Б. Голицынымъ; о ней см. I т.) и Дарію (за графомъ И. П. Салтыковымъ; см. I т.). Покровительству тестя графъ Чернышевъ былъ обязанъ своими служебными успѣхами, равно какъ позднѣе покровительству Императрицы Елисаветы, осыпавшей почестями его отца, денщика Петра I, и его мать, фаворитку Великаго Императора.

Необыкновенно скупой, Чернышевъ оставилъ большое состояніе. По словамъ князя Долгорукаго, „с'était un homme d'esprit et de talent, mais d'un orgueil démesuré, d'une vanité outreucidante et d'une hauteur insoutenable; il ne se fit guère aimer“.

(Съ портрета Рослена; собственность Г. Г. Черткова, въ С.-Петербургѣ.)

133

Пис. Анжелика Кауфмань

*Графиня Анна Александровна
Чернышева,
17...—1794,
съ дочерью Екатериной*

Peint par Angelique Kauffmann

*La comtesse Anna Alexandrowna
Tchernysheff,
17...—1794,
avec sa fille Catherine*

134

Пис. Рослинъ

*Графъ Пётръ Григорьевичъ
Чернышевъ,
1712—1773*

Peint par Roslin

*Le comte Pierre Grigorievitch
Tchernysheff,
1712—1773*

Графъ ВЛАДИМИРЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ОРЛОВЪ, 1745—1831, младшій изъ пяти братьевъ, родился 8 Юля 1743 г., рано остался сиротой и дѣтство провелъ въ домѣ старшаго брата Ивана. Жизнь въ деревнѣ укрѣпила его силы: онъ былъ больнымъ и слабымъ ребенкомъ; 20-и лѣтъ братья отправили его за границу, и 9 Юля 1763 г. онъ поступилъ въ Лейпцигскій университетъ, гдѣ пробылъ 3 года. Здѣсь онъ приобрѣлъ любовь къ наукѣ, особенно къ астрономіи, уваженіе къ нѣмецкимъ ученымъ и усвоилъ привычки жизни нѣмецкаго провинціального города, что вполне согласовалось съ его личными вкусами: любовью къ тихой семейной жизни и всегдашней склонностью къ хозяйственнымъ заботамъ. Скромные нѣмецкіе ученые навсегда завоевали его симпатіи. Вопреки общему теченію, онъ не увлекался французской философіей XVIII в. и ея блестящими представителями, онъ не любилъ даже французскаго языка и никогда на немъ не говорилъ. По возвращеніи въ Россію, Екатерина II пожаловала его въ камеръ-юнкеры (въ 1766 г.) и часто называла „философомъ“, почему, вѣроятно, и назначила его 6 Октября 1766 г. директоромъ Академіи Наукъ; въ 1767 г. онъ сопровождалъ Императрицу въ путешествіи по Волгѣ, велъ дневникъ и перевелъ 15-ую главу изъ „Велизарія“ Мармонтеля, чѣмъ занимались на досугъ путники. Какъ директоръ Академіи, которая находилась „въ великомъ нестроеніи и почти въ совершенномъ упадкѣ“, Орловъ сдѣлалъ много, хотя, и не могъ привести ее „въ прежнее цвѣтущее состояніе“. Онъ обревизовалъ суммы Академіи, покровительствовалъ русскимъ молодымъ людямъ, ѣхавшимъ за границу, и энергично организовалъ нѣсколько научныхъ экспедицій, особенно по наблюденію за прохожденіемъ Венеры чрезъ дискъ солнца. Въ 1770 г. Орловъ сдѣланъ былъ камергеромъ и путешествовалъ по Россіи, по обыкновенію ведя дневникъ; въ 1771 г., почти приговоренный врачами къ смерти, ѣздилъ лѣчиться за границу и тутъ завелъ личное знакомство и переписку со многими учеными. 5 Декабря 1774 г. онъ былъ уволенъ въ отставку, съ чиномъ генералъ-поручика, и навсегда удалился отъ службы, живя среди многочисленной семьи въ Москвѣ, въ домѣ на Никитской, и въ любимой своей подмосковной „Отрадѣ“. Здѣсь графъ окружилъ себя многочисленной дворней, выстроилъ домъ, развелъ паркъ въ англійскомъ вкусѣ и позднѣе устроилъ тутъ же, при церкви св. Владиміра, фамильную Орловскую усыпальницу. У него были свои оркестръ и хоръ; любитель музыки, онъ былъ большимъ почитателемъ Бортнянскаго. Олени украшали паркъ, соловьи, отправлявшіеся изъ Москвы, должны были наполнять его пѣніемъ, рыбы собирались на кормленіе по звонку... Паркъ въ Отрадѣ занимаетъ около 600 десятинъ и орошается искусственными ключами и каскадами. Владѣлецъ собралъ въ Отрадѣ громадную бібліотеку, стѣны комнатъ обвѣшаны гравюрами и картинками изъ естественной исторіи, географіи и т. п. Цѣль была педагогическая: въ теченіе болѣе полустолѣтія графъ воспитывалъ въ своемъ домѣ дѣтей, внуковъ и правнуковъ, въ то же время усердно занимаясь своимъ обширнымъ хозяйствомъ. Похоронивъ въ 1817 г. жену, переживъ сыновей, выдавъ замужъ всѣхъ дочерей и увидѣвъ взрослыми внуковъ, графъ Орловъ почти въ одиночествѣ доживалъ свой долгій вѣкъ. Въ 1829 г., 27 Апрѣля, онъ лишился любимой внучки Аделаиды Паниной и отправилъ въ Англію учиться любимаго внука В. П. Давыдова (позднѣе графъ Орловъ-Давыдовъ), съ которымъ велъ постоянную переписку. „Я не менѣе желаю видѣть тебя лично“, пишетъ дѣдъ, „по слуху ты переросъ меня, желаю превзойти меня и въ нравственномъ; съ дѣтства любилъ я правду, паче желалъ быть добрымъ, исполнилось ли сіе — не вѣдаю; мы бываемъ пристрастны къ себѣ“... Графъ Орловъ скончался въ Москвѣ, 28 Февраля 1831 г.; похороненъ въ Отрадѣ. До глубокой старости онъ сохранилъ свѣтлыя черты характера и полное обладаніе всѣми душевными чувствами и способностями, онъ былъ любимъ за доброту и искренность, „благоволеніе и любовь выражались въ его чертахъ“. Въ теченіе своей долгой жизни онъ носилъ много разныхъ костюмовъ, начиная съ шитаго кафтана и гвардейскаго Екатерининскаго мундира, кончая длиннымъ байковымъ сюртукомъ или фраккомъ съ шелковымъ камзоломъ, вмѣсто жилета; въ одномъ карманѣ онъ носилъ толстые часы, въ другомъ выписки изъ Евангелія и табакерку. Графъ Орловъ былъ женатъ съ 1768 г. на фрейлинѣ Елизаветѣ Ивановнѣ Штакельбергъ (р. 1741 г., † 7 Сентября 1817 г.) и имѣлъ двоихъ сыновей: Александра (р. 1769 г., † 1787 г.) и Григорія (р. 1777 г., † 23 Юня 1826 г.), и трехъ дочерей: Екатерину (р. 7 Ноября 1770 г., † 31 Октября 1849 г.; за Д. А. Новосильцевымъ), Софію (р. 6 Ноября 1774 г., † 7 Января 1844 г.; за гр. Н. П. Панинымъ) и Наталію (р. 4 Юня 1782 г., † 12 Сентября 1819 г.; за П. Л. Давыдовымъ).

(Съ портрета Фогеля 1812 г.; собственность князя П. Н. Мещерскаго, въ Москвѣ.)

Графъ ФЕДОРЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ОРЛОВЪ, 1741—1796, четвертый изъ пяти братьевъ Орловыхъ, родился 8 Февраля 1741 г.; въ 1749 г. поступилъ въ Кадетскій корпусъ, затѣмъ участвовалъ въ Семилѣтней войнѣ, гдѣ „явилъ опыты своей храбрости“. Свою ловкость и смѣлость Орловъ проявилъ въ дѣлѣ возведенія на престолъ Императрицы Екатерины II, въ чемъ игралъ, хотя и второстепенную сравнительно съ братьями, но тѣмъ не менѣе видную роль. Послѣ переворота 28 Юня 1762 г. онъ былъ пожалованъ въ капитаны Семеновскаго полка, а въ день коронаціи Императрицы возведенъ съ братьями въ графское достоинство и сдѣланъ камеръ-юнкеромъ, 2 года спустя, 22 Сентября 1764 г.—камергеромъ. Замѣтивъ его способности и особенную гибкость ума, Екатерина готовила Орлова къ гражданской службѣ, и указомъ 20 Августа 1765 г. ему повелѣно „находиться непрерывно въ Правительствующемъ Сенатѣ при текущихъ дѣлахъ и мѣсто имѣть за оберъ-прокурорскимъ столомъ“. Въ 1764 г. онъ былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ 4 Департамента Сената и пожалованъ орденомъ св. Александра Невскаго. Въ комиссіи 1767 г. Орловъ принималъ участіе въ качествѣ депутата отъ дворянъ Орловской губерніи. Турецкая война снова вернула Орлова на военное поприще: онъ отправился съ братомъ Алексѣемъ чрезъ Австрію въ Италію, подъ фамиліей гг. Острововыхъ. Имъ поручена была миссія поднять славянскіе народы противъ турокъ, возбудить возстаніе грековъ, вооружить и нанять Венеціанскій флотъ. Затѣмъ старшій Орловъ принялъ начальство надъ Архипелажской эскадрой и стяжалъ безсмертіе, и прозвище Чесменскаго, а Федоръ не совсѣмъ удачно командовалъ десантными войсками, и успѣхи его ограничились взятіемъ нѣсколькихъ мелкихъ укрѣпленій и крѣпости Короны. При Чесмѣ онъ находился на кораблѣ „Св. Евстафій“ и вмѣстѣ съ Спиридовымъ спасся съ него въ шлюпкѣ, при островѣ Гидръ разбилъ 18 турецкихъ кораблей. За свои подвиги Орловъ получилъ орденъ св. Георгія 2-й ст. большого креста, шпагу съ брильянтами и чинъ генераль-поручика. Въ 1775 г. вышелъ въ отставку съ чиномъ генераль-аншефа и больше уже не служилъ, несмотря на приглашеніе Екатерины II, которая хотѣла вручить командованіе флотомъ братьямъ Орловымъ во время второй Турецкой войны. Поселившись въ Москвѣ, Орловъ жилъ въ своемъ домѣ около Калужской заставы, рядомъ съ Нескучнымъ, или въ своемъ Подольскомъ имѣніи „Неразстанномъ“, недалеко отъ „Отрады“.

Орловъ не былъ женатъ, но имѣлъ отъ дочери Московскаго купца Елизаветы Михайловны Гусятниковой († 1791 г.), выданной замужъ за придворнаго камердинера Попова, и отъ Татьяны Федоровны Ярославовой—6 сыновей и 2 дочерей, изъ коихъ: Владиміръ и Елизавета умерли въ дѣтствѣ, Алексѣй достигъ высокаго положенія, былъ близкимъ лицомъ къ Николаю I, пожаловавшему ему графскій и княжескій титулъ, Михаилъ, генераль-майоръ, извѣстный по капитуляціи Парижа, Григорій и Федоръ, раненые оба въ одинъ день въ 1812 г., и Анна, вышедшая замужъ за Безобразова.

Графъ Ф. Г. Орловъ умеръ въ Москвѣ 17 Мая 1796 г. и похороненъ въ селѣ Отрадѣ. Когда къ умирающему привели шестерыхъ его „воспитанниковъ“, онъ сказалъ имъ: „Живите дружно, мы дружно жили съ братьями, и насъ самъ Потемкинъ не сломилъ“. И дѣйствительно, графъ Ф. Г. Орловъ отличался упорствомъ и упрямымъ характеромъ; эгоистъ и большой честолюбецъ, онъ настойчиво стремился къ цѣли, и братья сравнивали его съ Алексѣемъ Григорьевичемъ. Высокій, красивый силачъ, онъ бывалъ изъ первыхъ „красавицъ“ на маскарадахъ при дворѣ, когда мужчины наряжались женщинами, а дамы кавалерами. Весельчакъ и жульнъ, онъ былъ любимецъ братьевъ, которые прозвали его „Дунайкой“. „Изъ всѣхъ Орловыхъ“, говоритъ современникъ, „Федоръ былъ самый умный, тонкій, наиболѣе свѣдущій, но, быть-можетъ, и наиболѣе злой; его храбрость презирала всякое сопротивленіе“. По другому свидѣтельству, Орловъ „имѣлъ сердце доброе, нравъ веселый, былъ обходителемъ, чрезвычайно учтивъ со всѣми, отличался высокимъ станомъ, любезностью обхожденія, красотою и бѣлизною лица“.

(Съ портрета Рокотова; находится въ селѣ Дугинѣ, Смоленской губ., у князей Мещерскихъ.)

Графъ ГРИГОРІЙ ВЛАДИМИРОВИЧЪ ОРЛОВЪ, 1777—1826, младшій сынъ графа Владиміра Григорьевича отъ брака съ баронессой Елизаветой Ивановной Штакельбергъ; отецъ заботился о его воспитаніи, писалъ ему наставительныя письма, но отношенія были къ нему не такія нѣжныя, какъ къ старшему брату, рано умершему Александру. Отецъ между прочимъ укорялъ его за „дурачества“, которыя истекали изъ его легкомыслія и склонности къ расточительности. Увлечшись собираніемъ картинъ, эстамповъ и разныхъ художественныхъ рѣдкостей, сынъ надѣлалъ долговъ и писалъ отцу: „О сколь жалѣю я о непріятностяхъ, которыя я Вамъ причиняю; проклятая скорость и легкомысліе суть оному источники, но ни сердце, ни душа въ ономъ не участвовали, и Вы въ ономъ увѣрены“... При этомъ молодой графъ рѣшился разстаться съ своими коллекціями, чтобы заплатить долги. Чуждый Орловской расчетливости, онъ заключалъ свое письмо словами: „Обѣщать не хочу, а стараться буду сдѣлаться достойнымъ Васъ и Вашего имени“... Въ 1794 г. Орловъ былъ пожалованъ камеръ-юнкеромъ къ Великой Княгинѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, а 12 Апрѣля 1798 г.— камергеромъ. 3 Февраля 1800 г. онъ женился на графинѣ Аннѣ Ивановнѣ Салтыковой. Здоровье графини скоро потребовало поѣздки за границу, и графъ Орловъ, оставивъ службу, до самой кончины жены († 1824 г.) почти постоянно жилъ за границей, въ Италиі, Швейцаріи и больше всего въ Парижѣ, гдѣ въ его домѣ собиралось большое общество, преимущественно ученыхъ, литераторовъ и художниковъ. Самъ графъ сдѣлался авторомъ нѣсколькихъ сочиненій на французскомъ языкѣ, въ видѣ писемъ его къ графинѣ С. В. Строгановой; таковы: „Mémoires historiques, politiques et littéraires sur le royaume de Naples“, „Essai sur l'histoire de la musique en Italie“, „Essai sur l'histoire de la peinture en Italie“, „Voyage dans une partie de la France“. Кромѣ того, имъ роскошно изданы, съ превосходными гравюрами, басни Крылова на французскомъ языкѣ, при чемъ надъ переводомъ ихъ трудился цѣлый рядъ извѣстныхъ французскихъ литераторовъ и выдающихся людей того времени. Съ 1812 г. Орловъ состоялъ сенаторомъ 3-го департамента Сената и по смерти жены вернулся въ Россію. Однако, службѣ его вредила постепенно развивавшаяся глухота, съ нимъ трудно было разговаривать, но особенно обнаружилось это, когда онъ, со свойственной ему страстью къ музыкѣ, начиналъ самъ дирижировать домашнимъ оркестромъ въ Отрадѣ. При этомъ старикъ отецъ и музыканты старались не показывать вида, что „результаты утреннихъ репетицій“ были далеко не удовлетворительны. Страдая какими-то нервными припадками, иногда обмороками, графъ Г. В. Орловъ казался въ общемъ здоровымъ, ему было всего 49 лѣтъ, и смерть его была неожиданной. Онъ скончался 25 Іюня 1826 г., поднимаясь по лѣстницѣ въ зданіи Сената. Дѣтей у него не было, и съ нимъ прекратился родъ Екатерининскихъ Орловыхъ.

Въ некрологѣ его въ „Отечественныхъ запискахъ“ (за 1826 г.) было сказано, что одинъ уже коллективный переводъ Крылова цѣлой группой иностранныхъ литераторовъ „свидѣтельствуетъ всеобщее къ нему уваженіе и любовь, кои заслуживалъ онъ добротою души и любовью ко всему изящному“, а князь П. А. Вяземскій такъ характеризовалъ графа Г. В. Орлова: „Въ немъ была европейская благонамѣренность въ умѣ и обращеніи; пожалуй говори, что не онъ писалъ свои книги; спасибо ему и за то, что русскій графъ, русскій баринъ нѣсколькихъ тысячъ душъ, искалъ онъ отличія авторскаго и, слѣдовательно, признавалъ его въ душѣ“.

(Съ миниатюры, принадлежащей князю П. П. Голицыну, село Марьино, Новгородской губ.)

Графиня АННА ИВАНОВНА ОРЛОВА, 1777—1824, третья дочь фельдмаршала графа Ивана Петровича Салтыкова и жены его, графини Дарьи Петровны, рожденной Чернышевой, родилась в 1777 году. Получив под руководством матери тщательное воспитание, она хорошо знала иностранные языки и литературу и имела репутацию очень образованной женщины. Будучи фрейлиной Екатерины II, она была помолвлена в Москвѣ 9 Ноября 1799 г., съ соизволенія Императора Павла, за „отставного камергера“ графа Григорія Владиміровича Орлова, сына младшаго изъ пяти братьевъ Орловыхъ. Получить это разрѣшеніе при извѣстной нелюбви Павла I къ Орловымъ стоило немалого труда, и графиня Д. П. Салтыкова, пользовавшаяся большимъ уваженіемъ Императора, сама ѣздила въ Петербургъ, чтобы уладить дѣло. Семейство же Орловыхъ было очень обрадовано этой свадьбой, состоявшейся 3 Февраля 1800 года. „Графиню Анною Ивановною мы всѣ чрезвычайно довольны; ласкова и внимательна, любитъ насъ, и мы ее любимъ; начало очень благое, слава Богу“, писалъ старый графъ В. Г. Орловъ графу Панину на другой день послѣ свадьбы. Но слабое здоровье графини Анны Ивановны, „Нини“, какъ ее звали въ семьѣ, скоро потребовало перемѣны климата и лѣченія за границею. Оставивъ службу, графъ Орловъ объѣхалъ съ женою Германію, Швейцарію, Италію и Англію въ тщетныхъ поискахъ за облегченіемъ мучившей ее жестокой болѣзни сердца, отъ которой она и скончалась въ Парижѣ 5 Декабря 1824 года. Тѣло ея было перевезено мужемъ въ Россію и предано землѣ въ семейномъ склепѣ въ селѣ Отрадѣ.

Графиня А. И. Орлова, говоритъ Арндтъ въ своихъ воспоминаніяхъ, была „прелестная женщина, полная ума и въ то же время самой милой простоты и наивности. Голубые глаза ея, глаза настоящей Туснельды, испускали губительные лучи; она умѣла „флиртовать“ самымъ очаровательнымъ образомъ“. Въ 1812 г. въ Петербургъ за нею очень ухаживалъ Штейнъ, нашедшій у нея, при ея горячемъ патриотизмѣ и ненависти къ Наполеону, самый радушный пріемъ. Поселившись съ мужемъ въ Парижѣ въ 1815 г., она вошла въ близкое соприкосновеніе съ умственной жизнью Франціи, и въ ея салонѣ собирались многіе писатели и ученые, привлекаемые литературными занятіями ея мужа. Графиня Орлова сама принимала участіе въ его трудахъ, какъ, напримѣръ, въ предпринятомъ имъ, при содѣйствіи 86 французскихъ и итальянскихъ писателей, переводѣ на французскій языкъ басенъ Крылова. „Въ домѣ Орловыхъ“, говоритъ Плетневъ, „открылся какъ бы турниръ поэзіи. Участникамъ хотѣлось не только понять смыслъ басни, но, такъ сказать, къ сердцу приложить каждый ея стихъ, каждое слово. Гостепріимные хозяева работали для нихъ неусыпно“. — Одинъ изъ гостей, Лемонте, посвятилъ графинѣ Орловой, послѣ смерти ея, замѣтку, въ которой превозноситъ „ея ангельскія черты, кроткую религіозность, ея широкую благотворительность и обширныя познанія“. „Въ Россію“, говоритъ онъ своимъ напыщеннымъ, академическимъ слогомъ, „вернется прахъ этой женщины, которая была украшеніемъ своего пола и своего отечества и заставляла любить Провидѣніе, коего являлась на землѣ совершеннѣйшимъ созданіемъ и лучшимъ служителемъ“. Итальянецъ Лампреди также посвятилъ ея памяти оду, въ которой описываетъ ея долгія страданія и обращается къ ней на языкѣ, на которомъ говорилъ съ ней при жизни:

„Sul labro suo gentile
 „In puro e colto stile
 „Sonor pareva piu bella
 „L'Italiana favella“.

(Съ миниатюры 1819 г., принадлежащей князю П. П. Голицыну, с. Марьино, Новгородской губ.)

135

Пис. Фогель, 1812
 Графъ Владимиръ Григорьевичъ Орловъ,
 1743 — 1831

Peint par Vogel, 1812

Le Comte Vladimir Grigorievitch
 Orloff,
 1743 — 1831

136

Пис. Рокотовъ
 Графъ Федоръ Григорьевичъ Орловъ,
 1741 — 1796

Peint par Rokotoff

Peint par Rokotoff

Le Comte Théodore Grigorievitch
 Orloff,
 1741 — 1796

137

Подпись «Дунъ»
 Графъ Григорій Владиміровичъ Орловъ,
 1777 — 1826

Signé «Dun»

Le Comte Grégoire Vladimirovitch
 Orloff,
 1777 — 1826

138

Подпись «Дунъ», 1819»
 Графиня Анна Ивановна Орлова,
 1777 — 1824

Signé «Dun», 1819»

La Comtesse Anna Ivanovna
 Orloff,
 1777 — 1824

ИВАНЪ МАТВѢВИЧЪ МУРАВЬЕВЪ-АПОСТОЛЬ, 1768—1851, сынъ генераль-майора Матвѣя Артамоновича Муравьева отъ брака съ внучкой гетмана Еленой Петровной Апостоль, родился 1 октября 1768 г.; получилъ прекрасное образованіе въ нѣмецкомъ пансіонѣ, дополненное имъ самообразованіемъ. Съ дѣтства записанный въ Измайловскій полкъ, онъ былъ назначенъ въ 1792 г. Екатериной II, обратившей вниманіе на его разностороннее образованіе и отличное знаніе иностранныхъ языковъ, кавалеромъ къ ея внукамъ. Съ воцареніемъ Павла I Муравьевъ перешелъ на дипломатическое поприще, въ качествѣ министра-резидента въ Эйтенъ при герцогѣ Ольденбургскомъ, затѣмъ въ 1799 г.—чрезвычайнаго посланника въ Данію. Въ 1800 г., съ чиномъ тайнаго совѣтника, переведенъ въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ. Въ этомъ же году онъ принялъ фамилію Муравьева-Апостола: двоюродный его братъ М. Д. Апостоль, послѣдній въ родѣ, исходатайствовалъ разрѣшеніе передать ему родовое свое имѣніе и фамилію „Апостоль“. Въ 1802 г. Муравьевъ былъ назначенъ посланникомъ въ Мадридъ, гдѣ ему было вѣнено въ обязанность слѣдить за дѣйствіями Наполеона, котораго онъ былъ яркимъ ненавистникомъ. Въ 1805 г. онъ вызвалъ неудовольствіе Государя, вышелъ вслѣдствіе этого въ отставку и поселился въ своемъ имѣніи Хомуцецъ, Миргородскаго уѣзда, отдавшись всецѣло въ лучшімъ и литературнымъ занятіямъ. Опала его объяснялась интригами участниковъ заговора 1801 г., мстившихъ ему за отказъ дѣйствовать заодно съ ними. Самъ Муравьевъ считалъ себя жертвой „гнусной клеветы“. Въ 1824 г. онъ былъ назначенъ сенаторомъ и членомъ Главнаго Правленія училищъ, но прослужилъ недолго, успѣвъ, однако, выступить защитникомъ просвѣщенія противъ обскурантизма. Въ 1826 г. его постигло тяжкое горе: трое его сыновей замѣшаны были въ дѣлъ декабристовъ—одинъ былъ казненъ, другой сосланъ, третій лишилъ себя жизни самъ. Муравьевъ, подъ вліяніемъ этихъ событій, оставилъ службу и Россію и уѣхалъ въ Италію, гдѣ печально прожилъ послѣднія 25 лѣтъ своей жизни, лишь изрѣдка наѣзжая въ Россію: жена его была тяжело больна, матеріальное положеніе было плохо. Шницлеръ въ своей „Histoire intime“, говоря о немъ, восклицаетъ: „Il vit encore, hélas!“ Передъ смертью Муравьевъ вернулся на родину и скончался въ Петербургѣ 12 Марта 1851 года. Могила его на Охтенскомъ кладбищѣ затерялась.

Муравьевъ-Апостоль былъ однимъ изъ выдающихся людей своего времени, отличался умомъ и крупными способностями. Познанія его въ области классическихъ литературъ были для того времени удивительны; такимъ же выдающимся знатокомъ онъ былъ и въ исторіи всеобщей литературы. Способности его къ изученію языковъ были необыкновенны; пріѣхавъ въ Мадридъ, онъ быстро изучилъ испанскій языкъ для облегченія сношеній съ мѣстнымъ правительствомъ. Еще въ 1793 г. онъ обратилъ на себя вниманіе переводомъ комедіи Шеридана „Школа злословія“. Поселившись въ Хомуцецъ, И. М. занялся переводами изъ Горация, Цицерона и Аристофана (наиболѣе извѣстенъ его переводъ „Облаковъ“ Аристофана). Въ 1813—15 гг. въ „Сынѣ Отечества“ печатались его „Письма изъ Москвы въ Нижній-Новгородъ“. Въ нихъ онъ старался доказать, что все зло въ русскомъ обществѣ происходитъ отъ отсутствія у него общественнаго и національнаго самосознанія, вслѣдствіе рабской привязанности къ вѣковымъ предрасудкамъ и требованіямъ минутной моды, при этомъ онъ бичуетъ русскую галломанію и высказываетъ свою ненависть къ Наполеону (хотя самъ постоянно изъяснялся на французскомъ языкѣ и сыновей воспитывалъ въ Парижѣ). Въ 1820 г. онъ совершилъ путешествіе по Крыму, къ которому основательно подготовился, изучивъ древнихъ и новыхъ авторовъ, писавшихъ объ этой странѣ. Результатомъ этого путешествія было сочиненіе „Путешествіе по Тавридѣ“ (1823 г.), до сихъ поръ не потерявшее своей научной цѣнности. Муравьевъ былъ членомъ Россійской Академіи, Бесѣды, Вольнаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ, Арзамаса, и былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Оленинымъ, Карамзинымъ, Гнѣдичемъ и въ особенности Батюшковымъ. Классикъ-язычникъ въ душѣ и эпикуреецъ въ жизни, Муравьевъ любилъ жизнь со всѣми ея благами. Батюшковъ прозвалъ его „Алкивиадомъ“. Натура артистическая, онъ былъ отличнымъ музыкантомъ и пѣвцомъ.

Муравьевъ былъ женатъ дважды: съ 1790 г. на А. С. Черноевичъ и съ 1812 г. на Прасковію Васильевнѣ Грушецкой (р. 1780 г., † 1852 г.). Отъ 1-го брака имѣлъ 3 сыновей и 4 дочерей: а отъ 2-го брака сына Василія (р. 1817) и 2 дочерей: княжну Евдокію Хованскую († 1850) и Елизавету, бывшую замужемъ за барономъ Стальтингъ и за Видбургомъ.

На портретѣ И. М. Муравьевъ-Апостоль изображенъ съ старшей дочерью Елизаветой; внизу портретъ его отца.

(Съ портрета Монье 1799 г.; собственность М. М. Бибикова, въ С.-Петербургѣ.)

АННА СЕМЕНОВНА МУРАВЬЕВА-АПОСТОЛЪ, 177. — 1810, дочь генерала австрийской, потом русской службы, по происхождению серба, Семена Черноевича, отъ брака съ Елизаветой Аристарховной Кашкиной, съ 19 Апрѣля 1790 г. жена Ивана Матвѣевича Муравьева-Апостола, мать 3 декабристовъ. Принимала нѣкоторое участіе въ литературѣ: въ 1791 г. вышелъ въ свѣтъ ея переводъ съ французскаго: „Примѣръ матерямъ или приключенія маркизы де-Безиръ“. Нравственный ея обликъ нѣсколько обрисовываютъ слѣдующіе дошедшіе до насъ рассказы современниковъ о ней. Когда въ 1805 г. мужъ ея вслѣдствіе непріятностей по службѣ уѣхалъ изъ Мадрида, гдѣ онъ занималъ постъ посланника, она рѣшила поселиться въ Парижѣ, гдѣ, въ одномъ изъ пансіоновъ, воспитывались ея сыновья, но, въ виду враждебныхъ отношеній между Россіей и Франціей, надо было испросить у Наполеона разрѣшеніе на ея пріѣздъ. Французскій императоръ отвѣтилъ: „Покуда во Франціи будетъ уважаться добродѣтель, до тѣхъ поръ Мме Муравьевой не будетъ никакихъ притѣсненій“. Въ 1809 г. Анна Семеновна возвратилась съ сыновьями въ Россію. На русской границѣ они выразили свою радость по поводу возвращенія на родину. Мать, похваливъ ихъ за такое чувство, сказала имъ: „Я должна сообщить вамъ ужасную вѣсть: вы найдете то, чего и не знаете, въ Россіи вы найдете рабовъ“. Боясь растлѣвающего вліянія крѣпостного права, она воспитывала сыновей въ невѣдѣніи о его существованіи.

Скончалась она 28 Марта 1810 г. въ Москвѣ и погребена въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ на памятникѣ ея надпись: „S. t. t. I. Tenerrima conjunx. Optima matrum“. Отъ брака съ И. М. Муравьевымъ-Апостоломъ она имѣла 3 сыновей: Матвѣя (1793—1886), Сергѣя (1796—1826) и Ипполита (1806—1826) и 4 дочерей: Елизавету (р. 1791 г., † 1814 г.; за графомъ Ожаровскимъ), Екатерину (р. 1794 г., † 1849 г.; за Бибиковымъ), Анну (р. 1797 г.; за Хрущевымъ) и Елену († 1855 г.; за Капнистомъ).

А. С. Муравьева изображена на портретѣ со старшимъ сыномъ Матвѣемъ и дочерью Екатериной.

(Съ портрета Монье 1799 г.; собственность М. М. Бибикова, С.-Петербургъ.)

139

Пис. Монсе, 1799

Иванъ Матвѣевичъ
Муравьевъ-Апостолъ,
1765 — 1851

Peint par Monnier, 1799

Ivan Matvéévitch
Mouravieff-Apostol,
1765 — 1851

140

Пис. Монсе, 1799

Анна Семеновна
Муравьева-Апостолъ,
177 . — 1810

Peint par Monnier, 1799

Anna Sémenovna
Mouravieff-Apostol,
177 . — 1810

МИХАИЛЪ НИКИТИЧЪ МУРАВЬЕВЪ, 1757—1807, сынъ сенатора Никиты Артамоновича (1721—1799) отъ брака съ Софьей Петровной Ижориной (1732—1768), родился въ Вологдѣ 25 Октября 1757 года. Образование онъ получилъ въ Московскомъ университетѣ, гдѣ приобрѣлъ отличное знаніе латинскаго, нѣмецкаго и французскаго языковъ и обширныя свѣдѣнія въ философскихъ и историческихъ наукахъ. 17-и лѣтъ Муравьевъ поступилъ въ Измайловскій полкъ; но и здѣсь продолжалъ заниматься самообразованиемъ и изучалъ греческій, англійскій и итальянскій языки. Онъ былъ близокъ со многими выдающимися представителями современной литературы: Н. А. Львовымъ, И. П. Хемницеромъ, В. И. Майковымъ и Карамзинымъ. Въ 1785 г. онъ былъ назначенъ наставникомъ Великихъ Князей Александра и Константина и преподавалъ имъ нравственную философію, русскую словесность и русскую исторію. Въ 1800 г. онъ былъ назначенъ сенаторомъ, въ 1801 г.—статсъ-секретаремъ у принятія прошеній. 21 Ноября, 1803 г. Муравьевъ былъ назначенъ товарищемъ министра Народнаго Просвѣщенія и понечителемъ Московскаго университета. Онъ принесъ много пользы университету: выхлопоталъ ему большія матеріальныя средства, учредилъ при немъ ученыя общества, въ томъ числѣ Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, вызывалъ изъ-за границы преподавателей и заботился о приготовленіи къ профессурѣ даровитыхъ русскихъ молодыхъ людей. Въ 1804 г. былъ избранъ въ члены Россійской Академіи.

М. П. Муравьевъ скончался 29 Юля 1807 г. и похороненъ на Лазаревомъ кладбищѣ Александроневской лавры; на памятникѣ слѣдующая эпитафія: „Надгробіе сіе поставила въ достодолжную его память и благодарность къ нему супруга его Екатерина съ малолѣтними сыновьями Никитою и Александромъ, съ пролітіемъ горькихъ слезъ и усердныхъ молитвъ ко Всевышнему, да успокоитъ душу преставльшагося въ селеніяхъ своихъ небесныхъ“. На другой сторонѣ длинная латинская надпись, гдѣ между прочимъ сказано: „Fuit non solum vir doctus, sed etiam vir bonus, patriae amans, pauperum pater, artium litterarum protector, fidei justitiaeque tenax, modestiae comitatisque exemplum; omnes hae virtutes in suo pectore communem sedem habebant. Ave, pia anima! Haec lapidem tempus edax diruet, sed et nomen tuum et nominis tui memoria in aeternum manebunt. Memoriae perenni!“

„Духъ кроткій, честный, просвѣщенный,

Не міра гражданъ сего

Влетѣлъ въ селенія священные.

Здѣсь друга прахъ почіетъ моего“.

Отъ брака съ баронессой Екатериной Федоровной Колокольцовой (р. 1771 г., † 21 Апрѣля 1848 г.) онъ имѣлъ двухъ сыновей, Никиту и Александра, декабристовъ. Муравьевъ былъ плодовитый и разносторонній писатель. Отъ него остался рядъ трактатовъ по различнымъ отраслямъ знанія, каковы: „Краткое начертаніе Россійской Исторіи“, „Разсѣяныя черты землеописанія Россійскаго“, „О свойствѣ и происхожденіи языковъ“, „Совокупленіе идей“, „Разсужденіе о различіи слоговъ“. Въ качествѣ члена Россійской Академіи онъ принималъ дѣятельное участіе въ составленіи Академическаго Словаря, кромѣ того, онъ написалъ много одъ, эпистоль и дидактическихъ стихотвореній. Современники хвалили произведенія Муравьева: считали (Вигель) его „послѣ Карамзина въ прозѣ лучшимъ у насъ писателемъ своего времени“, находили (Батюшковъ), что и стихи его, „безъ сомнѣнія, будутъ стоять на ряду съ лучшими его произведеніями въ прозѣ“. Не менѣ хвалебные отзывы сохранились о Муравьевѣ, какъ о человѣкѣ. Карамзинъ признавалъ въ немъ „прекрасную, нѣжную душу, исполненную любви къ общему благу“, Вигель считалъ его „образцомъ всѣхъ добродѣтелей“, а К. Н. Батюшкову онъ представлялся „однимъ изъ сихъ свѣтильниковъ философіи, которые нѣкогда рождались подъ счастливымъ небомъ Атики для утѣшенія и назиданія челоѣчества краснорѣчивымъ словомъ и краснорѣчивѣйшимъ примѣромъ“.

(Съ портрета Монье изъ собраній Императорской Академіи Художествъ.)

МАТВѢЙ ИВАНОВИЧЪ МУРАВЬЕВЪ-АПОСТОЛЪ, 1793—1886, сынъ сенатора Ивана Матвѣевича Муравьева-Апостола отъ перваго его брака съ Анной Семеновной Черноевичъ († 1810), родился въ С.-Петербургѣ 25 Апрѣля 1793 г.; дѣтство провелъ въ Гамбургѣ и Мадридѣ, гдѣ отецъ его былъ посланникомъ, учился первоначально въ Парижѣ и въ 1809 г. возвратился съ матерью въ Россію. Поступивъ въ 1812 г. въ Семеновскій полкъ, принималъ участіе въ кампаніяхъ 1812—14 годовъ, при чемъ за Бородино получилъ Георгіевскій крестъ, а подъ Кульмою былъ тяжело раненъ въ бедро на вылетъ. Въ 1817 г. Муравьевъ сдѣлался, вмѣстѣ съ братомъ, основателемъ „Союза благоденствія“, а также членомъ масонской ложи „Трехъ добродѣтелей“. Послѣ Семеновской исторіи, Муравьевъ вышелъ въ отставку подполковникомъ. Членъ „Южнаго общества“, привлеченный къ процессу декабристовъ, Верховнымъ уголовнымъ судомъ былъ признанъ виновнымъ „въ умыслѣ на цареубійство, къ совершенію котораго самъ готовился; въ участіи возстановленія дѣятельности Сѣвернаго общества, съ знаніемъ умысловъ Южнаго общества во всемъ ихъ пространствѣ, въ дѣйствіи въ мятежѣ, въ которомъ взятъ съ оружіемъ въ рукахъ“. Отнесенъ къ I разряду и приговоренъ къ смертной казни чрезъ отсѣченіе головы, но помилованъ и сначала, „по уваженію совершеннаго и чистосердечнаго его раскаянія“, опредѣленъ въ каторжную работу на 20 лѣтъ, а когда изъ переписки его открылось, что онъ „удерживалъ брата Сергѣя и тайное общество отъ кровопролитія и покушенія противъ Высочайшихъ особъ“, Муравьевъ былъ сосланъ въ Сибирь, въ г. Вилюйскъ, прямо на поселеніе. Прибывъ въ Вилюйскъ, онъ купилъ себѣ якутскую юрту, гдѣ и жилъ въ совершенномъ уединеніи, занимаясь чтеніемъ. Въ 1829 г., по просьбѣ сестры, С. И. Бибиковой, былъ переведенъ въ Бухтарминскую крѣпость, Омской области, такъ какъ „не могъ перенести суровости климата и совершенно разстроилъ здоровье“. Уѣзжая изъ Вилюйска, онъ „подарилъ одну юрту казаку, за нимъ ухаживавшему, а другую, служившую вмѣсто кухни, предоставилъ для помѣщенія несчастныхъ прокаженныхъ, которыхъ въ той странѣ весьма много“. Поселившись въ Бухтарминскъ, Муравьевъ обзавелся тутъ домомъ и хозяйствомъ и нѣсколькими знакомыми изъ числа чиновниковъ, что не разъ влекло за собой доносы и различныя притѣсненія, а затѣмъ послабленія въ виду безукоризненнаго поведенія Муравьева. 5 Февраля 1832 г. онъ женился на дочери умершаго священника Маріи Константиновнѣ Константиновой (или Носовой). Проживъ 7 лѣтъ здѣсь, Муравьевъ былъ переведенъ на поселеніе въ Ялуторовскъ въ концѣ 1836 года. Здѣсь онъ встрѣтился съ своимъ другомъ И. Д. Якушкинымъ, поселеннымъ тутъ, и съ нѣкоторыми другими декабристами. Имѣя домъ, занимаясь хозяйствомъ на 15 десятинахъ, Муравьевъ свободное время посвящалъ воспитанію и обученію двухъ бѣдныхъ дѣвочекъ, воспитанницъ, и лѣченію мѣстныхъ жителей. По манифесту 26 Августа 1856 г. Муравьевъ возвратился въ Россію и поселился въ Москвѣ, при чемъ онъ не прерывалъ связей съ Сибирью и съ удовольствіемъ вспоминалъ о своей тихой 20-лѣтней жизни въ Ялуторовскѣ.

Человѣкъ необыкновенно мягкій и общительный, Муравьевъ любилъ общество, музыку. Сохранивъ до конца жизни поразительную душевную и тѣлесную свѣжесть, онъ много читалъ, интересовался новой русской исторіей, слѣдилъ за газетами и журналами. Имѣя хорошія средства, помогалъ много нуждающимся. Въ 1883 г. Муравьевъ былъ порадованъ возвращеніемъ ему Георгіевскаго креста по случаю 200-лѣтняго юбилея Семеновскаго полка; на одномъ изъ послѣднихъ портретовъ (Р. Стар. 1886 г.) онъ изображенъ со всѣми своими знаками отличія.

М. И. Муравьевъ-Апостолъ, „ветеранъ 1812 года“, какъ сказано въ надгробной надписи, умеръ въ Москвѣ 21 Февраля 1886 г., въ пятницу, въ 5 ч. утра; погребенъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Жена его, Марія Константиновна, умерла 3 Января 1883 г., 72 лѣтъ, и похоронена на Московскомъ Ваганьковскомъ кладбищѣ. Дѣтей у нихъ не было, а воспитанница П. О. Созоновичъ скончалась недавно.

(Съ акварельнаго портрета, принадлежавшаго [въ 1902 г.] П. О. Созоновичъ, въ Москвѣ.)

СЕРГѢЙ ИВАНОВИЧЪ МУРАВЬЕВЪ-АПОСТОЛЪ, 1796—1826, младшій братъ Матвѣя Ивановича, родился въ Петербургѣ, дѣтство провелъ въ Гамбургѣ и въ Парижѣ, гдѣ учился въ пансіонѣ Ніх'а, и былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ; у него были даже поэтическія наклонности, и онъ писалъ французскіе и латинскіе стихи. Въ 1809 г. онъ поступилъ въ институтъ инженеровъ путей сообщенія, откуда выпущенъ прапорщикомъ. Участвуя въ кампаніяхъ 1812—14 гг., Муравьевъ заслужилъ орденъ св. Владиміра 4 ст. и золотую шагу. Съ 1815 г. служилъ въ Семеновскомъ полку, откуда, послѣ извѣстной „Семеновской исторіи“, переведенъ былъ въ армію, на югъ. Будучи подполковникомъ Черниговскаго пѣхотнаго полка, какъ членъ Южнаго тайнаго общества, онъ поднялъ открытое вооруженное возстаніе, въ которое обманомъ вовлекъ часть нижнихъ чиновъ своего полка.

Признанный виновнымъ въ томъ, что „имѣлъ умыселъ на цареубійство, изыскивалъ средства, избиралъ и назначалъ къ тому другихъ; соглашался на изгнаніе Императорской фамилии, требовалъ въ особенности убіенія Цесаревича и возбуждалъ къ тому другихъ; имѣлъ умыселъ и на лишеніе свободы Государя Императора; участвовалъ въ управленіи Южнымъ тайнымъ обществомъ во всемъ пространствѣ возмутительныхъ его замысловъ; составлялъ прокламаціи и возбуждалъ другихъ къ достиженію цѣли сего общества, къ бунту; участвовалъ въ умыслѣ отторженія областей отъ Имперіи; принималъ дѣятельнѣйшія мѣры къ распространенію общества привлеченіемъ другихъ; лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ готовностью пролитія крови; возбуждалъ солдатъ, освобождалъ колодниковъ, подкупалъ даже священника къ чтенію передъ рядами бунтующихъ лже-катилизиса, имъ составленнаго, и взять съ оружіемъ въ рукахъ“.

Поставленный внѣ разрядовъ, С. И. Муравьевъ-Апостолъ былъ приговоренъ Верховнымъ судомъ къ смерти, которую встрѣтилъ съ твердостью и спокойствіемъ. Казнь совершилась въ 5 ч. утра 13 Юля 1826 года. По свидѣтельству И. Д. Якушкина, передъ смертью, „Сергѣй Муравьевъ, увидя М. Бестужева, просилъ у него прощенія, что погубилъ его; когда ихъ привели къ висѣлицѣ, С. Муравьевъ просилъ позволенія помолиться; онъ сталъ на колѣни и громко произнесъ: „Боже, спаси Россію и Царя!“

(Съ портрета, принадлежавшаго П. О. Созоновичъ, въ Москвѣ.)

МУРАВЬЕВЪ,
Михаилъ Никитичъ,
Почетный гражданинъ.

Пис. Молье

Peint par Monnier

Михаилъ Никитичъ
Муравьевъ,
1757 — 1807

Michel Nikititch
Mouravieff,
1757 — 1807

Матвей Ивановичъ
Муравьевъ - Апостолъ,
1793 — 1886

Mathieu Ivanowitch
Mouravieff - Apostol,
1793 — 1886

Сергей Ивановичъ
Муравьевъ - Апостолъ,
1796 — 1826

Serge Ivanowitch
Mouravieff - Apostol,
1796 — 1826

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ МУРАВЬЕВЪ, 1768—1840, родился 15 Сентября 1768 г. въ Ригѣ, гдѣ отецъ его, Николай Ероѣевичъ Муравьевъ, былъ генераль-губернаторомъ. Мать его Анна Андреевна, рожденная Волкова, впоследствии вышла замужъ за генераль-майора князя Александра Васильевича Урусова, человека всесторонне образованнаго и обладавшаго большимъ состояніемъ. Еще въ дѣтствѣ Муравьевъ обнаружилъ недюжинныя способности, поощряемый своимъ вотчимомъ, не щадившимъ средствъ, чтобы дать своему пасынку отличное образованіе. Въ 1784 г. Муравьевъ отправился за границу и слушалъ лекціи въ Страсбургскомъ университетѣ; въ 1788 г. поступилъ на морскую службу и съ чиномъ мичмана назначенъ на корабль „Саратовъ“, входившій въ составъ русской эскадры, отправляемой въ Архипелагъ. Часть судовъ этой эскадры, по случаю открывшихся военныхъ дѣйствій противъ Швеціи, остановилась въ Копенгагенѣ и соединилась съ Датскимъ флотомъ. Въ 1789 г., въ чинѣ лейтенанта, сражался со Шведами при Готландѣ, а въ 1790 г., командуя галерою „Орель“, принималъ участіе въ неудачномъ для насъ сраженіи при Роченсальмѣ (28 Іюня 1790 г.), гдѣ обнаружилъ удивительное мужество, рѣшительность и отвагу. Когда, передъ самымъ началомъ боя, Муравьевъ подошелъ къ адмиральскому кораблю и спросилъ, гдѣ находится его мѣсто въ бою—адмиралъ Литта отвѣтилъ ему красноречивою фразой: „Un homme d'honneur saura trouver sa place“. Тогда Муравьевъ подъ всѣми парусами пошелъ на непріятельскую линію и, ставъ между шведскими кораблями, открылъ по нимъ огонь съ двухъ бортовъ: галера его была разбита, а самъ онъ, раненный осколкомъ гранаты, былъ взятъ въ плѣнъ.

Въ началѣ царствованія Павла I (въ 1796 г.) Муравьевъ переведенъ подполковникомъ въ Гусарскій генераль-майора Дунина (Елизаветградскій драгунскій) полкъ, въ которомъ прослужилъ годъ, послѣ чего вышелъ въ отставку и поселился въ родовомъ помѣстьи Лужскаго уѣзда, Петербургской губерніи. Пользуясь уваженіемъ и вліяніемъ среди мѣстнаго дворянства, былъ избранъ предводителемъ, но вскорѣ (въ 1801 г.) переехалъ въ Москву. Въ 1807 г. при формированіи земской милиціи въ Московской губерніи Муравьевъ назначенъ адъютантомъ при гр. Н. С. Мордвиновѣ, и въ это время составилъ упрощенный уставъ пѣхотной службы. Послѣ заключенія Тильзитскаго мира, онъ снова вышелъ въ отставку. Въ концѣ 1810 г. третій сынъ его Михаилъ, въ то время студентъ, основывалъ „Московское Общество Математиковъ“, цѣлю котораго было распространеніе въ Россіи, посредствомъ безденежнаго преподаванія, математическихъ знаній и изданіе переводовъ съ иностранныхъ языковъ лучшихъ математическихъ сочиненій. Выбранный президентомъ вновь возникшаго общества, Муравьевъ-отецъ принималъ самое живое и горячее участіе въ этомъ дѣлѣ. Несмотря на кратковременное существованіе этого общества, оно уже успѣло подготовить нѣсколькихъ молодыхъ людей, въ томъ числѣ и трехъ братьевъ Муравьевыхъ, для службы по Квартирмейстерской части. Въ 1812 г. Муравьевъ снова возвратился на военное поприще и, въ чинѣ полковника, назначенъ начальникомъ штаба ополченій 3 округа. Въ 1815 г. принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ при блокадѣ Магдебурга, Гамбурга и въ многочисленныхъ бояхъ. По окончаніи войны, въ 1815 г., онъ покинулъ службу, въ чинѣ ген.-майора, и возвратился къ преподаванію военныхъ наукъ. Въ с. Долголудевѣ, Волоколамскаго уѣзда, онъ основалъ въ 1816 г. „Московское Учебное Заведеніе для колонновожатыхъ“; въ теченіе почти 8 лѣтъ Муравьевъ на свои средства содержалъ это заведеніе, пока князь П. М. Волконскій не исходатайствовалъ разрѣшенія Государя производить его воспитанниковъ прямо въ офицеры по квартирмейстерской части. Въ 1816 г. труды Муравьева обратили на него вниманіе Государя, который пригласилъ его на службу по квартирмейстерской части и въ слѣдующемъ году наградилъ орденомъ св. Анны 1-й ст. Въ 1825 г. разстроенное здоровье и пошатнувшіяся денежныя дѣла заставили его окончательно выйти въ отставку. Въ деревнѣ онъ отдался изученію сельскаго хозяйства, издавна интересовавшаго его, и Московское Общество Сельскаго хозяйства считаетъ Муравьева однимъ изъ своихъ основателей.

Н. Н. Муравьевъ скончался 20 Августа 1840 г.; похороненъ въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Былъ женатъ на Александрѣ Михайловнѣ Мордвиновой, отъ которой имѣлъ 1 дочь и 5 сыновей.

(Съ портрета Н. Аргунова 1817 г.; собственность князя А. В. Шаховскаго, с. Бѣлая Копь, Московской губ.)

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ МУРАВЬЕВЪ, 1792—1863, сынъ ген.-майора Николая Николаевича Муравьева отъ брака съ Александрой Михайловной Мордвиновой. Обучался въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ, откуда въ 1810 г. поступилъ въ „Московское Учебное Заведеніе для колонновожатыхъ“, учрежденное его отцомъ въ с. Долголядевѣ, Волоколамскаго уѣзда. Въ 1812 г. участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ и былъ въ кампаніяхъ 1813—14 годовъ и при взятіи Парижа. Въ 1818 г. Муравьевъ вышелъ въ отставку полковникомъ. Съ 1814 г. масонъ, „намѣстный мастеръ“ въ Петербургѣ, въ ложѣ „Трехъ добродѣтелей“, Муравьевъ былъ членомъ Сѣвернаго общества. Привлеченный къ процессу декабристовъ, онъ былъ обвиненъ въ томъ, что „участвовалъ въ умыслѣ царевубійства согласіемъ, въ 1817 г. изъявленнымъ, равно какъ участвовалъ и въ учрежденіи Тайнаго общества, хотя потомъ отъ онаго совершенно удаллся, но о цѣли его правительству не донесъ“. Онъ былъ отнесенъ къ VI разряду и приговоренъ на 6 лѣтъ въ каторжныя работы. Когда выяснилось, что Муравьевъ имѣлъ очень отдаленное отношеніе къ Декабрьскому бунту, онъ былъ отправленъ на поселеніе въ Якутскъ, но уже съ дороги возвращень, помилowanъ и назначенъ городничимъ въ Верхнеудинскъ. Въ 1828 г. назначенъ городничимъ въ Иркутскъ, гдѣ былъ потомъ предсѣдателемъ Губернскаго правленія, затѣмъ Тобольскимъ губернаторомъ. Вслѣдствіе доносовъ, послѣ энергичной и неудачной борьбы съ Сибирскимъ взяточничествомъ, Муравьевъ былъ переведенъ въ 1834 г. предсѣдателемъ Казенной палаты въ Вятку, затѣмъ въ Симферополь и, наконецъ, губернаторомъ въ Архангельскъ. Въ 1854 г. онъ былъ произведенъ въ генераль-майоры и назначенъ начальникомъ штаба 2-го пѣхотнаго корпуса. Черезъ 2 года, въ 1856 г., Муравьевъ былъ назначенъ Нижегородскимъ губернаторомъ. Здѣсь ему пришлось принять участіе въ проведеніи крестьянской реформы 1861 г., при чемъ не обошлось безъ столкновенія съ сильной партіей мѣстныхъ крѣпостниковъ. Съ другой стороны встрѣчалось также противоѣйствіе и со стороны крестьянской массы, вслѣдствіе преувеличенныхъ надеждъ и ожиданій. Введеніе „Положенія“ встрѣтило цѣлый рядъ препятствій. Образованный и передовой по своимъ убѣжденіямъ и взглядамъ, человекъ незауряднаго ума и непреклонной воли, Муравьевъ, однако, былъ чрезчуръ прямолинеенъ, чтобы быть способнымъ на уступки и соглашенія, дающія возможность избѣжать излишнихъ столкновеній и ненужнаго обостренія животрепещущихъ вопросовъ. 16 Сентября 1861 г., произведенный въ генераль-лейтенанты, Муравьевъ былъ назначенъ сенаторомъ въ Московскіе департаменты; умеръ въ Москвѣ 18 Декабря 1863 г. и похороненъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

А. Н. Муравьевъ былъ женатъ 2 раза: въ первомъ бракѣ на княжнѣ Прасковіи Михайловнѣ Шаховской (р. 22 Августа 1788 г., † 29 Января 1835 г.) и во второмъ, съ 1841 г., на ея сестрѣ, княжнѣ Марѣ Михайловнѣ († 1885 г.). Отъ перваго брака имѣлъ 3 сыновей: Ивана (р. въ Иркутскѣ 19 Августа 1830 г., † 18 Декабря 1864 г.) и еще двоихъ, умершихъ въ младенчествѣ въ Сибири, и 2 дочерей: Софію (р. 1822 г., † 1851 г.; дѣвица) и Прасковію (р. за Байкаломъ, въ г. Верхнеудинскѣ, 22 Ноября 1827 г., † въ Тобольскѣ 20 Декабря 1833 г.; погребена въ Московскомъ Симоновомъ монастырѣ, рядомъ съ матерью).

(Съ портрета, принадлежащаго князю А. В. Шаховскому, с. Бѣлая Коля, Московской губ.)

АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВНА МУРАВЬЕВА, 1770—1809, дочь инженеръ-генерала Михаила Ивановича Мордвинова (р. 5 Ноября 1725 г., † 7 Октября 1782 г.) и его жены Екатерины Александровны Саблуковой (р. 26 Юля 1747 г., † 20 Ноября 1823 г.), родилась 30 Мая 1770 года; 21 года, 11 Мая 1791 г., вышла замужъ за Николая Николаевича Муравьева, позднѣ генераль-майора, извѣстнаго тѣмъ, что имъ основана была въ его имѣннн с. Долголядевѣ, Волоколамскаго уѣзда, школа колонновожатыхъ, изъ которой вышло не мало полезныхъ офицеровъ по квартирмейстерской части (Генеральный штабъ). А. М. Муравьева умерла 20 Апрѣля 1809 г., чрезъ 6 дней послѣ рожденія послѣдняго сына Сергѣя, и похоронена въ Москвѣ, въ Новодевичьемъ монастырѣ.

Отъ брака съ Н. Н. Муравьевымъ у ней было 5 сыновей, изъ которыхъ четверо получили извѣстность, а именно: 1) Александръ (р. 1792 г., † 1863 г.; декабристъ, потомъ сенаторъ); 2) Николай (р. 14 Юля 1793 г., † 18 Октября 1867 г.; генераль-адъютантъ, членъ Государственнаго Совѣта, получившій прозвище „Карскій“); 3) Михаилъ (р. 24 Сентября 1796 г., † 29 Августа 1866 г.; получилъ графскій титулъ и прозвище „Виленскій“); 4) Андрей (р. 30 Апрѣля 1806 г., † 13 Августа 1874 г.; извѣстный дѣятель по духовному вѣдомству, писатель и путешественникъ по святымъ мѣстамъ); 5) Сергѣй (р. 14 Апрѣля 1809 г., † 16 Августа 1874 г.), и одна дочь Софїя (р. 1804 г., † 1826 г., дѣвицей).

По описанію сына, Н. Н. Муравьева-Карскаго, въ его „Запискахъ“, „наружность ея соответствовала ея прелестнымъ качествамъ. Причиною кончины ея было то, что она хотѣла, вопреки совѣту врачей, сама кормить сына Сергѣя, дабы не обидѣть его противъ старшихъ дѣтей, которыхъ сама вскормила. Кончины ея были еще причиною заботы и труда, перенесенные почти на исходѣ беременности при постели старшаго сына Александра, находившагося при смерти. Надъ могилой, по ея желанію, посадили любимое ея дерево—акацію“.

(Съ миниатюры, принадлежащей Е. И. Мордвиновой, въ С.-Петербургѣ.)

ПРАСКОВЬЯ МИХАЙЛОВНА МУРАВЬЕВА, 1788—1835, дочь бригадира князя Михаила Александровича Шаховского отъ брака съ графиней Елизаветой Сергѣевной Головиной, родилась 22 Августа 1788 года. Вышла замужъ за полковника Александра Николаевича Муравьева 25 Сентября 1818 г. въ родовомъ селѣ князей Шаховскихъ Бѣлой Колпи, Волоколамскаго уѣзда. Вскорѣ послѣ свадьбы Александръ Николаевичъ вышелъ въ отставку, и Муравьевы поселились въ данномъ въ приданое за Прасковьей Михайловной селѣ Ботовѣ, Волоколамскаго уѣзда, гдѣ они пользовались большою любовью крестьянъ. Здѣсь прожили они до 1826 г., когда Муравьевъ, какъ членъ тайнаго общества, былъ арестованъ и заключенъ въ Петропавловскую крѣпость. Прасковья Михайловна, съ 4-лѣтней дочерью, послѣдовала за мужемъ въ Петербургъ, а затѣмъ и въ Сибирь, куда онъ былъ сосланъ. Вскорѣ Муравьевъ получилъ разрѣшеніе вступить на службу въ Сибири, а послѣ 8-лѣтняго пребыванія тамъ былъ переведенъ председателемъ Казенной палаты въ Вятку, гдѣ лишился жены, не покидавшей его въ теченіе всего этого времени.

П. М. Муравьева скончалась отъ чахотки 29 Января 1835 г., поручивъ мужа и дѣтей сестрѣ своей, княжнѣ Марѣ Михайловнѣ Шаховской, пріѣхавшей въ Вятку ухаживать за больной сестрой. Тѣло покойной было перевезено въ Москву и погребено въ Симоновомъ монастырѣ. Муравьевъ, сопровождавшій прахъ жены и не имѣвшій права въѣзда въ столицу, долженъ былъ остановиться въ Перовѣ и оттуда прѣхать въ монастырь. Прасковья Михайловна получила превосходное образованіе и была замѣчательной музыкантшей (ея учителемъ былъ знаменитый Фильдъ). Она отличалась, по отзывамъ современниковъ, прелекательностью и за свои душевныя качества была очень любима родными.

Дочь ея, Софія Александровна, родилась 31 Января 1822 г. и четырехлѣтней дѣвочкой послѣдовала съ матерью за отцомъ въ Сибирь. Она отличалась красотой и необыкновенными сердечностью и пріятливостью. Скончалась незамужней 31 Августа 1851 г. въ имѣніи отца селѣ Осташевѣ и погребена въ Іосифо-Волоколамскомъ монастырѣ.

(Съ портрета, принадлежащаго князю А. В. Шаховскому, село Бѣлая Колпь, Московскои губ.)

Пис. Н. Аргуновъ, 1817 Peint par N. Argounoff, 1817
 Николай Николаевичъ Nicolas Nikolaewitch
 Муравьевъ, Mouravieff,
 1768 — 1840 1768 — 1840

Александръ Николаевичъ Alexandre Nikolaewitch
 Муравьевъ, Mouravieff,
 1792 — 1863 1792 — 1863

Александра Михайловна Alexandra Mikhaïlowna
 Муравьева, Mouravieff,
 1770 — 1809 1770 — 1809

Прасковья Михайловна Prascovie Mikhaïlowna
 Муравьева, Mouravieff,
 1788 — 1835 1788 — 1835

Графиня АННА АЛЕКСАНДРОВНА ПОТОЦКАЯ, 17...—18..., дочь великаго канцлера Литовскаго и кавалера орденовъ св. Андрея Первозваннаго и Блага Ора, князя Александра Казимировича Сапѣги, женатаго на княжнѣ Любомирской, въ 1785 г. вышла замужъ за графа Северина Осиповича Потоцкаго (р. 1762 г., † 1829 г.), впоследствии члена Государственнаго Совѣта.

Отъ этого брака у ней былъ одинъ сынъ, графъ Левъ Севериновичъ (р. 1789 г., † 1860 г.; дѣйствительный тайный совѣтникъ, членъ Государственнаго Совѣта), и 2 дочери: графиня Юлія, бывшая въ замужествѣ за Каэтаномъ Урусскимъ, а во второмъ бракѣ за австрійскимъ генераломъ графомъ Бернгардомъ Кабога, и графиня Паулина — за графомъ Францомъ Осиповичемъ Лубинскимъ.

Позднѣ супруги Потоцкіе разошлись и жили отдѣльно, при чемъ сынъ воспитывался у отца, а дочери оставались при матери.

(Съ миниатюры Фюгера; собственность графа Ланскоронскаго, въ Вѣнѣ.)

АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ РОЖНЕЦКІЙ, 1774—1849, генераль-отъ-кавалеріи, членъ Государственнаго Совѣта, родился въ Варшавѣ 12 Февраля 1774 года; 14-и лѣтъ онъ поступилъ на службу „кадетомъ“ въ Польскую Конную гвардію и 1 Октября 1789 г. былъ произведенъ въ подпоручики; чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, 1 Февраля 1790 г.,—въ поручики, затѣмъ, въ 1791 г.—въ капитаны, въ 1795 г.—въ майоры, въ 1794 г.—въ вице-бригадиры, послѣ чего вышелъ въ отставку, вслѣдствіе полученныхъ имъ ранъ при Цехоцинѣ и подѣ Варшавой. Состоя въ бригадѣ графа Потоцкаго, Рожнецкій съ 1792 г. по 1794 г. участвовалъ въ дѣлахъ въ Польшѣ „подъ личнымъ предводительствомъ“ Костюшки. Спустя 4 года, въ Мартъ 1798 г., Рожнецкій опять поступилъ на службу въ Итальянскій легіонъ Французской арміи, гдѣ въ 1800 г. произведенъ въ полковники и назначенъ командиромъ Коннаго полка этого легіона. Въ Италіи Рожнецкій участвовалъ во всѣхъ сраженіяхъ, подѣ командой генераловъ: Моро, Жубера, Сень-Сира, маршала Массена и Юсіфа Бонапарта. Раненый при Сень-Жюльенѣ, Рожнецкій временно оставилъ службу, но затѣмъ, въ чинѣ генерала (бригадный генераль съ 1807 г.), участвовалъ во всѣхъ Наполеоновскихъ войнахъ съ 1805 по 1815 годъ. Въ 1810 г., 20 Марта, онъ былъ сдѣланъ дивизионнымъ генераломъ въ 4-мъ резервномъ кавалерійскомъ корпусѣ генерала Латуръ-Мобура, въ 1813 г.—начальникомъ штаба 5-го корпуса арміи. Раненый при Бородинѣ, Рожнецкій въ 1815 г. подѣ Лейпцигомъ опять былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ. 27 Августа 1815 г., вернувшись въ Польшу, онъ былъ назначенъ командующимъ Польской кавалеріей. Въ это время онъ имѣлъ 2 ордена Почетнаго легіона, орденъ Желѣзной короны, 2 знака Военнаго ордена Царства Польскаго и Станислава 1 ст.; въ 1816 г. получилъ орд. св. Анны 1 ст., въ 1818 г.—св. Владиміра 2 ст., въ 1820 г.—Александровскую ленту и въ 1829 г.—Бѣлаго Орла.

Въ 1831 г., 25 Декабря, Высочайшимъ приказомъ Рожнецкій зачисленъ въ русскую службу генераломъ-отъ-кавалеріи, со старшинствомъ со дня производства въ этотъ чинъ по Польской арміи, т.-е. съ 22 Августа 1826 г., „съ назначеніемъ состоять при особѣ Его Величества“. Въ слѣдующемъ году, 14 Февраля 1832 г., назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта и Совѣта управленія Царства Польскаго. Въ 1836 г. былъ награжденъ звѣздой св. Владиміра 1 ст. и въ этомъ же году „находился“ при Государѣ въ Варшавѣ.

А. А. Рожнецкій исключенъ изъ списковъ умершимъ 13 Іюля 1849 года.

(Съ миниатюры, принадлежащей Великому Князю Николаю Михайловичу.)

Графъ СЕВЕРИНЪ ОСИПОВИЧЪ ПОТОЦКІЙ, 1762—1829, сынъ короннаго крайчаго графа Іосифа Станиславовича отъ брака съ графиней Терезой Оссолинской, въ дѣтствѣ былъ отправленъ въ Швейцарію, гдѣ получилъ образованіе; въ 1779 г. вернулся на родину. Въ 1787 г. Потоцкій былъ въ числѣ польскихъ дворянъ, представлявшихъ Екатерину II въ Кіевѣ, въ 1788—92 гг. былъ депутатомъ на сеймѣ отъ Брацлавскаго воеводства, въ 1791 г. назначенъ ротмистромъ національной кавалеріи коронныхъ войскъ и получилъ орденъ Бѣлаго Ора. Послѣ паденія Польши онъ примкнулъ къ русской партіи и пріѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь Потоцкій сблизился съ Великимъ Княземъ Александромъ Павловичемъ и по воцареніи Павла I назначенъ камергеромъ, но въ 1799 г. отрѣшенъ отъ должности за открытое высказываніе взглядовъ, противорѣчившихъ направленію политики Павла I. При Александрѣ I онъ сдѣлался членомъ интимнаго кружка Государя, гдѣ не скрывалъ своихъ конституціонныхъ стремленій. Въ 1801 г. Потоцкій назначенъ сенаторомъ. Въ Сенатѣ онъ выступилъ защитникомъ правъ дворянства по поводу возстановленія закона, запрещавшаго нижнимъ чинамъ изъ дворянъ, не достигшимъ офицерскаго званія, выходить въ отставку раньше 12-и лѣтъ. Хотя ему и не удалось добиться отмены закона, но своимъ образомъ дѣйствій онъ пріобрѣлъ сочувствіе общества, и въ провинціи ему устраивали оваціи, а въ Москвѣ ходила по рукамъ ода, гдѣ его сравнивали съ княземъ Яковомъ Долгорукимъ. Въ 1802 г. Потоцкій назначенъ членомъ Училищной комиссіи и въ 1803 г. попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа. Онъ ревностно принялся за устройство вновь основаннаго Харьковскаго университета, много заботился какъ о приглашеніи иностранныхъ профессоровъ, такъ и о замѣщеніи кафедръ русскими учеными. Въ день открытія университета Потоцкій произнесъ рѣчь на латинскомъ языкѣ „о благодѣтельной цѣли устройства народнаго просвѣщенія и учрежденія университетовъ въ Россіи“. Стараясь возбудить въ мѣстномъ населеніи любовь къ просвѣщенію, онъ не оставлялъ невознагражденными ничьихъ заслугъ въ дѣлѣ народнаго образованія. Свободный отъ всякаго рода предрасудковъ, чуждый сословной исключительности и религіознаго фанатизма, онъ являлся усерднымъ ходатаемъ за православное духовенство, потрудившееся для народнаго просвѣщенія. По своему разностороннему образованію и обширной начитанности Потоцкій „не вмѣшивался въ мелочи управленія и не нарушалъ автономіи университета, но открывалъ ему всѣ способы къ развитію ученой дѣятельности“. Въ 1817 г., когда князь А. Н. Голицынъ сталъ вводить новые порядки, Потоцкій оставилъ свой постъ. Еще въ 1810 г. онъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта и присутствовалъ въ Департаментѣ духовныхъ и гражданскихъ дѣлъ. Въ 1827 г. былъ произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники. Потоцкій былъ сторонникомъ сближенія поляковъ съ русскими и убѣждалъ своихъ соплеменниковъ отдавать дѣтей въ русскія учебныя заведенія, придавая важное значеніе для поляковъ занятію ими государственныхъ должностей и родственнымъ связямъ съ русскими. Потоцкій былъ пріятный собесѣдникъ и утонченно вѣжливый человекъ, большой любитель игры въ вистъ.

Въ 1785 г. онъ вступилъ въ бракъ съ дочерью Великаго канцлера Литовскаго Александра Сапѣги, княжной Анной; впоследствии супруги разошлись. При отцѣ остался сынъ Левъ (1789—1860), потомъ дѣйствительный тайный совѣтникъ и членъ Государственнаго Совѣта, а при матери 2 дочери. Потоцкій имѣлъ значительное состояніе и обширныя помѣстья на Украинѣ, въ Новороссіи и Крыму (Ливадія, близъ Ялты), но, будучи очень скупъ, принималъ участіе въ разныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ.

Потоцкій скончался 3 Сентября 1829 года, въ одиночествѣ, въ Москвѣ, куда онъ пріѣхалъ лечиться, и въ перепискѣ братьевъ Булгаковыхъ можно найти нѣсколько теплыхъ словъ объ умершемъ.

(Съ портрета С. Щукина; Императорскій Харьковскій университетъ.)

Графъ ВИКЕНТІЙ ИВАНОВИЧЪ КРАСИНСКІЙ, 1783—1858, происходилъ изъ древняго Польскаго дворянскаго рода, имѣвшаго владѣнія въ Люблинской и Плоцкой губ., воспитывался онъ дома, въ Лембергѣ и Варшавѣ, и въ 1791 г. былъ зачисленъ въ войска Царства Польскаго; 26 Ноября 1806 г. былъ полковникомъ въ штабѣ Наполеона и 18 Марта 1807 г. полковымъ командиромъ 4 коннаго полка. Свое боевое поприще онъ началъ въ войну 1806 г., участвуя въ сраженіяхъ подъ Пултускомъ, Прейсишъ-Эйлау и Гейльсбергомъ; 17 Апрѣля 1807 г. назначенъ командиромъ Польско-французскаго гвардейскаго Легко-Коннаго полка (1er régiment des cheveu-légers-lanciers de la garde), съ которымъ принималъ участіе въ Испанской войнѣ 1808 г., гдѣ этотъ полкъ прославился знаменитою атакою подъ Сомо-Сьеррою, а самъ Красинскій, на улицахъ Мадрида, раненъ былъ штыкомъ въ колѣно. Въ 1809 г. участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Эслингомъ и Ваграмомъ, гдѣ раненъ пикой въ шею и саблей въ правую руку и затылокъ. Въ 1811 г. произведенъ въ бригадные генералы и пожалованъ, 11 Юня, графомъ Французской имперіи. Человѣкъ необычайной храбрости и беззаветной отваги (изъ 10 полученныхъ имъ ранъ—9 нанесены холоднымъ оружіемъ въ рукопашномъ бою), онъ обратилъ на себя вниманіе Наполеона, который осыпалъ почестями и наградами: онъ сдѣлалъ его камергеромъ, а жену его статсъ-дамой. Продолжая командовать Легко-Коннымъ полкомъ, графъ Красинскій совершилъ съ нимъ всю кампанію 1812 г. и участвовалъ во всѣхъ главнѣйшихъ сраженіяхъ, при чемъ особенно отличился, состоя при Наполеонѣ, подъ Смоленскомъ, Бородинымъ, Краснымъ и въ бояхъ на Березинѣ. Въ 1813 г. произведенъ въ дивизіонные генералы и снова совершилъ рядъ боевыхъ подвиговъ, сражаясь въ этомъ году при Бауценѣ, Гохкирхенѣ, Лейпцигѣ, Фрейбургѣ, гдѣ раненъ пикой въ лѣвый бокъ и саблей въ лѣвую руку, а въ слѣдующемъ году—подъ Бриеномъ, Сень-Дизіе и Арсиюръ-Объ, при чемъ снова получилъ двѣ раны пикою въ лѣвую руку и лѣвый бокъ.

Послѣ отреченія Наполеона, Красинскій привелъ остатки Польскаго корпуса на родину. Славное боевое прошлое сохранило ему почетное положеніе въ рядахъ Польской арміи, и въ Январѣ 1815 г. графъ Красинскій былъ назначенъ командиромъ Польской гвардіи, а 22 Марта 1818 г. назначенъ генераль-адъютантомъ Александра I и маршаломъ сейма. Онъ принадлежалъ къ правительственной партіи и былъ ненавидимъ поляками. Въ 1830 г., когда въ ночь съ 18 на 19 Ноября въ Варшавѣ вспыхнуло возстаніе, Красинскій, въ то время сенаторъ Царства Польскаго и командиръ резервнаго корпуса, находился въ числѣ немногихъ лицъ, оставшихся вѣрными своему долгу, и послѣдовалъ за Цесаревичемъ въ Вержбу. Будучи отпущенъ Великимъ Княземъ, онъ вернулся въ Варшаву, гдѣ едва не былъ убитъ чернью и спасся, лишь благодаря заступничеству диктатора Хлопицкаго. Красинскій остался на службѣ, и, когда вскорѣ послѣ возстанія пріѣхалъ въ Петербургъ, Императоръ Николай I, узнавъ, что онъ не знаетъ какую носить ему форму, прислалъ ему свой собственный Польскій генеральскій мундиръ, а 14 Февраля 1832 г. назначилъ его членомъ Государственнаго Совѣта. Во время пребыванія въ Петербургѣ онъ велъ интересныя записки, хранящіяся теперь въ знаменитой библіотекѣ Красинскихъ въ Варшавѣ. Графъ Красинскій умеръ 3 Декабря 1858 г. въ званіи члена Государственнаго Совѣта и Совѣта управленія Царства Польскаго, имѣя всѣ русскіе ордена и много иностранныхъ, въ томъ числѣ Сардинскій—свв. Маврікія и Лазаря, въ орденскомъ одѣяннн котораго онъ и изображенъ на портретѣ. Красинскій былъ женатъ на княжнѣ Радзивилль, женщиנѣ „высокихъ качествъ сердца и выдающагося воспитанія“, рано умершей († 1822 г.; погребена въ костелѣ въ имѣніи Опиногура, Плоцк. губ.). Сынъ ихъ, графъ Сигизмундъ, знаменитый польскій поэтъ (р. въ Парижѣ 19 Февраля 1812 г., † 1859 г.), былъ товарищемъ дѣтскихъ игръ сына Наполеона, Римскаго короля.

Графъ Красинскій любилъ науку, былъ поклонникомъ чистаго классицизма и занимался изученіемъ еврейскаго вопроса, по которому въ 1818 г. издалъ два сочиненія. По своей живости, сердечности и горячимъ чувствамъ Красинскій былъ настоящимъ французомъ. При этомъ, по отзыву князя Вяземскаго и А. О. Смирновой, онъ „принадлежалъ къ числу луновъ-виртуозовъ; обладая живой и увлекательной рѣчью, онъ самъ наслаждался своими импровизаціями, часто доходя до необузданной галиматъи“.

(Съ портрета Л. Каплинскаго; собственность графа А. Красинскаго, въ Варшавѣ.)

148

Пис. Фюгеръ — Peint par Fûger

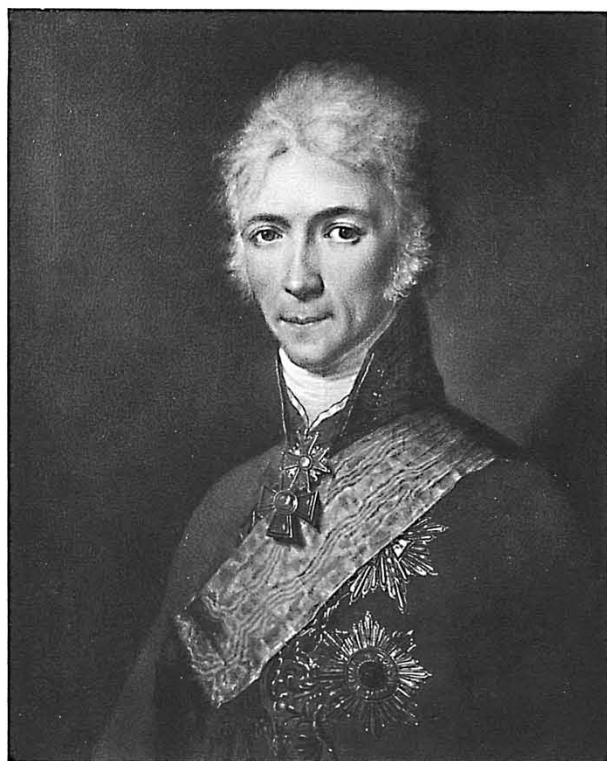
Графиня Анна Александровна *La Comtesse Anna Alexandrowna*
Потоцкая, *Potocki,*
17.. — 18.. *17.. — 18..*

149

Александръ Александровичъ *Alexandre Alexandrowitch*
Рожнецкій, *Rojniezky,*
1774 — 1849 *1774 — 1849*

150

Пис. С. Шукинъ

Peint par Chtchoukine

Графъ Северинъ Осиповичъ *Le Comte Séverin Ossipowitch*
Потоцкій, *Potocki,*
1762 — 1829 *1762 — 1829*

151

Пис. Л. Каплинскій

Peint par Kaplinsky

Графъ Викентій Ивановичъ *Le Comte Vincent Ivanowitch*
Красинскій, *Krasinsky,*
1783 — 1858 *1783 — 1858*

Графъ ИВАНЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ЧЕРНЫШЕВЪ, 1726—1797, младшій братъ графовъ Петра и Захара, родился 24 Ноября 1726 г.; пробывъ 2 года въ Сухонутномъ кадетскомъ корпусѣ, былъ назначенъ „дворяниномъ“ при посольствѣ старшаго брата въ Берлинъ; въ 1745 г. поступилъ подпрапорщикомъ въ Семеновскій полкъ, а послѣ женитьбы на двоюродной сестрѣ Императрицы Елисаветы, графинѣ Елизаветѣ Осиповнѣ Ефимовской, пожалованъ въ камеръ-юнкеры, въ 1755 г.—въ камергеры и получилъ орденъ св. Анны 1-й ст.; въ 1760 г. назначенъ оберъ-прокуроромъ Сената и главнымъ директоромъ Комиссiи о Коммерціи. Екатерина II, въ день коронаціи, пожаловала его въ генераль-поручики и 22 Марта 1763 г. назначила членомъ Адмиралтейской коллегіи. Въ слѣдующемъ году онъ былъ назначенъ командиромъ галернаго флота, затѣмъ очень недолго былъ въ Англiи чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ. 4 Юня 1769 г., въ чинѣ генерала по флоту, назначенъ вице-президентомъ Адмиралтействъ-коллегіи. Въ этой должности онъ получилъ съ 1775 по 1790 г. ордена св. Андрея, Александра Невскаго и Владимира 1-й ст. и званіе сенатора. Проживъ 5 лѣтъ за границей для лѣченія, Чернышевъ былъ пожалованъ Павломъ I, благоволившимъ къ нему, въ фельдмаршалы по флоту и 12 Ноября 1796 г. назначенъ президентомъ Адмиралтейской коллегіи.

Графъ И. Г. Чернышевъ умеръ въ Римѣ 26 Февраля 1797 г., похороненъ въ Благовѣщенской церкви Александро-Невской лавры. Онъ былъ женатъ дважды, первымъ бракомъ на графинѣ Елизаветѣ Иосифовнѣ Ефимовской (р. 16 Апрѣля 1754 г., † 5 Октября 1755 г.; бракъ безплодный) и вторымъ—на Аннѣ Александровнѣ Исленевой († 9 Января 1794 г.), отъ которой онъ имѣлъ единственнаго сына Григорія и 4 дочерей.

Служа большую часть жизни по морской части, графъ Чернышевъ не имѣлъ понятія о морскомъ дѣлѣ, которое его ни мало и не интересовало; настоящіе моряки, какъ Чичаговъ, „ни во что его не ставили“, но зато Екатерина II дала Чернышеву дѣятельнаго и свѣдущаго помощника Ивана Логиновича Голенищева-Кутузова. Послѣдній управлялъ флотомъ, а Чернышевъ заслужилъ прозвище: „Un marin d'eau douce et un maréchal d'eau salée“. Князь Долгорукій такъ характеризуетъ Чернышева: „C'était un homme du monde, un homme de salon dans l'acceptation la plus aimable de ce mot; esprit léger et superficiel, mais très bien cultivé; il avait beaucoup lu, il avait connu les hommes les plus distingués de son temps et vécu dans leur société; il était un causeur charmant. Avec cela bon, loyal, honnête dans sa vie privée comme dans sa vie politique, hospitalier, affable, gracieux avec tout le monde“... И дѣйствительно, въ свое время Чернышевъ считался въ высшихъ сферахъ и юристомъ, и дипломатомъ, годнымъ на всѣ руки, для всякихъ порученій и должностей. По отзыву князя М. М. Щербатова, этотъ изящный аристократъ-европеецъ былъ, однако, человекъ, „не толь разумный, коль быстрый, увертливый и проворный, и, словомъ, вмѣщаль въ себя всѣ нужныя качества придворнаго и яко человекъ имѣющій вкусъ, особливо всегда уважаемъ былъ отъ Двора“... Имѣя лучший домъ въ Петербургѣ, но живя подолгу за границей, Чернышевъ питалъ пристрастіе ко всему иностранному и „многіе примѣры во всякомъ сластолюбіи подаль и всѣмъ симъ отечество свое снабдить тщался“. Благодаря этому усердію къ насажденію въ Россіи заграничнаго „сластолюбія“ и модѣ, Чернышевъ размоталъ все свое колоссальное богатство и, несмотря на всякія спекуляціи, которыми съ помощью благоволенія придворныхъ сферъ онъ старался поправить дѣла, оставилъ сыну разоренное состояніе и громадныя долги.

(Съ миниатюры, принадлежащей Я. Н. Обухову, въ Москвѣ.)

Графъ ГРИГОРІЙ ИВАНОВИЧЪ ЧЕРНЫШЕВЪ, 1762—1831, сынъ графа Ивана Григорьевича отъ второго брака съ Анной Александровной Исленьевой, родился 30 Января 1762 г.; единственный представитель рода, онъ наследовалъ и майоратъ, учрежденный его дядей Захаромъ, и всѣ Чернышевскія богатства. Прослуживъ недолго въ военной службѣ, онъ перешелъ въ гражданскую и исполнялъ нѣкоторыя дипломатическія порученія, такъ, былъ съ Безбородкомъ на Яскомъ конгрессѣ. При Высочайшемъ дворѣ онъ въ 1776 г. былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры, въ 1799 г. назначенъ въ помощь оберъ-камергеру по театальной дирекціи, затѣмъ достигъ чина дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, званія оберъ-шенка (съ 30 Августа 1816 г.) и кавалера ордена св. Александра Невскаго.

Несмотря на громадное состояніе, дѣла графа Чернышева были совершенно запутаны еще его отцомъ. Когда, по приказанію Павла I, была учреждена надъ его имуществомъ опека, долги его достигали до 2 милліоновъ рублей. Опека существовала до 1803 г. и, благодаря всякимъ льготамъ правительства и искусству Державина, долги были уплачены, при чемъ самъ Чернышевъ все это время ежегодно получалъ отъ опеки по 75/т. рублей, что давало возможность графу вести праздную и обеспеченную жизнь. Освобожденный отъ опеки, по словамъ Державина, Чернышевъ скоро сумѣлъ надѣлать опять долговъ чуть не вдвое больше, чѣмъ прежде.

По отзывамъ современниковъ, Чернышевъ былъ человекъ „весьма мягкій, любящій общество и развлеченія“, театралъ, самъ писавшій французскія пьесы и стихи; онъ былъ далеко „не безъ причудъ“, которымъ давали просторъ праздность и даровой крѣпостной трудъ. Живя большею частью въ своемъ Орловскомъ имѣніи, селѣ Тагинѣ, графъ любилъ устраивать гостямъ сюрпризы, при чемъ особенно часто въ паркѣ появлялись внезапно хижины съ надписью „Aux bons gourmands“, гдѣ самъ хозяинъ, въ видѣ гарсона, въ бланжевомъ костюмѣ и колпакѣ, предлагалъ гостямъ карту изысканныхъ кушаній и винъ.

Графъ Г. И. Чернышевъ умеръ въ Орлѣ 2 Января 1831 г. и похороненъ на кладбищѣ при архіерейскомъ домѣ.

Онъ былъ женатъ на Елизаветѣ Петровнѣ Квашниной-Самариной, отъ которой имѣлъ одного сына Захара (р. 14 Декабря 1797 г., † 1862 г.; декабристъ), и 6 дочерей. Майоратъ, съ титуломъ и фамиліей, вслѣдствіе лишенія правъ сосланнаго въ Сибирь сына, перешелъ къ старшей его дочери, графинѣ Софьѣ Григорьевнѣ Чернышевой-Кругликовой (р. 28 Апрелья 1799 г., † 24 Юля 1847 г.; въ замужествѣ за тайнымъ совѣтникомъ Иваномъ Гавриловичемъ Кругликовымъ, р. 15 Августа 1787 г., † 30 Октября 1847 г.).

(Съ миниатюры, принадлежащей Я. Н. Обухову, въ Москвѣ.)

Графиня ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА ЧЕРНЫШЕВА, 1775—1828, младшая изъ двухъ дочерей дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и Юстицъ-коллегии президента Петра Федоровича Квашнина-Самарина, женатаго на графинѣ Анастасіи Петровнѣ Салтыковой (р. 1731 г., † 1830 г.), родилась 29 Марта 1775 года. Во фрейлины ко двору Императрицы Екатерины II была пожалована въ 1795 г., а въ слѣдующемъ, 1796 году, вступила въ супружество съ графомъ Григоріемъ Ивановичемъ Чернышевымъ, впоследствии дѣйствительнымъ камергеромъ и оберъ-шенкомъ. Въ кавалерственныя дамы ордена св. Екатерины меньшаго креста принята была въ 1813 году. Скончалась 16 Февраля 1828 года.

Всѣми любимая и уважаемая, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ, гдѣ она жила долгое время, графиня Чернышева, какъ говорить въ своихъ воспоминаніяхъ графъ Бутурлинъ, „была женщина съ сильнымъ характеромъ, граничившимъ даже со строгостью въ дѣлѣ семейнаго управленія“. Образцовая жена и мать, она въ тѣхъ же правилахъ воспитала своихъ шесть красавицъ-дочерей. Младшая изъ нихъ, Надежда, родилась, когда ей было уже подъ 50 лѣтъ, и она называла себя новою Саррою. Въ Декабрѣ 1825 г. въ деревенскомъ домѣ ея, въ селѣ Тагинѣ, Орловскаго уѣзда, были арестованы жандармами единственный сынъ ея, ротмистръ Кавалергардскаго полка, графъ Захаръ Григорьевичъ, и мужъ ея старшей дочери Александры, Никита Михайловичъ Муравьевъ, за участіе въ заговорѣ 14 Декабря. Это событіе такъ ее потрясло, что съ ней сдѣлался ударъ, и она до конца жизни лишилась употребленія ногъ. Передъ смертью ею было сдѣлано распоряженіе, чтобы изъ-за траура по ней не откладывались свадьбы двухъ ея дочерей, уже объявленныхъ невѣстами, что и было исполнено.

Изъ шести дочерей графини Е. П. Чернышевой, старшая, Софія, была замужемъ за тайнымъ совѣтникомъ И. Г. Кругликовымъ, наслѣдовавшимъ впоследствии Чернышевскій майоратъ и получившимъ фамилію графа Чернышева-Кругликова; вторая, Александра, — за декабристомъ Н. М. Муравьевымъ; третья, Елизавета, — за тайнымъ совѣтникомъ А. Д. Чертковымъ; четвертая, Вѣра, — за графомъ Ф. П. Паленомъ, пятая, Наталія, — за генераломъ-отъ-инфантеріи Н. Н. Муравьевымъ-Карскимъ, и шестая, Надежда, — за княземъ Г. А. Долгорукимъ.

(Съ портрета, принадлежащаго графу И. И. Чернышеву-Кругликову, с. Ярополецъ, Московской губ.)

Графиня **ЕКАТЕРИНА АНДРЕЕВНА ЧЕРНЫШЕВА**, 1715 — 1779, единственная дочь генерал-аншефа графа Андрея Ивановича Ушакова (р. 1672 г., † 1747 г.) от второго брака его с вдовой Еленой Степановной Апраксиной, в дѣвчествѣ Кокошкиной, родилась 22 Октября 1715 года. Въ коронацію Императрицы Анны Иоанновны, въ 1730 г., была уже фрейлиной, а въ 1738 г. вступила въ супружество съ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ графомъ Петромъ Григорьевичемъ Чернышевымъ. Графиня Екатерина Андреевна была большой пріятельницей герцогини Мекленбургской Анны Леопольдовны, будущей правительницы. Вліяніемъ ея на молодую герцогиню задумалъ воспользоваться Биронъ, хотѣвшій разстроить предполагавшійся ея бракъ съ герцогомъ Антономъ Ульрихомъ Брауншвейгъ-Бевернскимъ и выдать ее за своего сына Петра. Но когда, слѣдуя наущенію временщика, графиня Чернышева начала расхваливать герцога Петра, Анна Леопольдовна, ненавидѣвшая Бироновъ, была настолько „изумлена и возмущена безтолковыми рѣчами Чернышевой“, что поспѣшила дать свое согласіе герцогу Брауншвейгскому. Графиня Чернышева перебивала съ мужемъ почти во всѣхъ столицахъ Европы, и при отъѣздѣ ея къ нему въ Берлинъ послѣдовало распоряженіе Императрицы Елисаветы, чтобы она ни въ какомъ случаѣ не цѣловала руки у принцессы Цербстской, матери будущей Великой Княгини Екатерины Алексѣевны. Продолжительнымъ пребываніемъ за границей графиня Чернышева воспользовалась, чтобы дать своимъ дочерямъ выдающееся европейское образованіе. Старшая изъ нихъ, графиня Дарья Петровна, была впоследствии замужемъ за фельдмаршаломъ графомъ И. П. Салтыковымъ; вторая, графиня Марія Петровна, умерла въ молодости, дѣвщицею, а младшая, графиня Наталья Петровна, была замужемъ за княземъ В. Б. Голицынымъ.

Свирѣпый начальникъ Тайной канцеляріи, графъ Ушаковъ, былъ нѣжнымъ отцомъ и страстно любилъ свою единственную дочь. Сохранились письма его къ зятю и дочери, гдѣ онъ называетъ ее „сердцемъ своимъ“ и извѣщаетъ о высылкѣ ей въ Лондонъ всякихъ гостинцевъ — „домашней ветчины, копченой и провѣсной, рыбы вялой и холста Камарицкаго 560 аршинъ“. О предсмертной болѣзни стараго графа сообщилъ Чернышеву пасынокъ Ушакова, будущій фельдмаршалъ, С. Θ. Апраксинъ, прося объявить о семъ „сестрѣ Катеринѣ Андреевнѣ искуснымъ образомъ“. Послѣдніе годы жизни графиня Чернышева, овдовѣвшая въ 1773 г., провела въ Петербургѣ и хотя держала открытый домъ и принимала попрежнему много иностранныхъ дипломатовъ, но рѣдко бывала въ обществѣ и почти никогда не показывалась при дворѣ.

Скончалась графиня Е. А. Чернышева 25 Сентября 1779 года и похоронена на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

(Съ портрета Рослена 1776 г.; собственность свѣтл. князя Д. Б. Голицына, с. Большая Вяземы, Московской губ.)

152

Графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ,
1726 — 1797

*Le Comte Ivan Grigorievitch
Tchernysheff,*
1726 — 1797

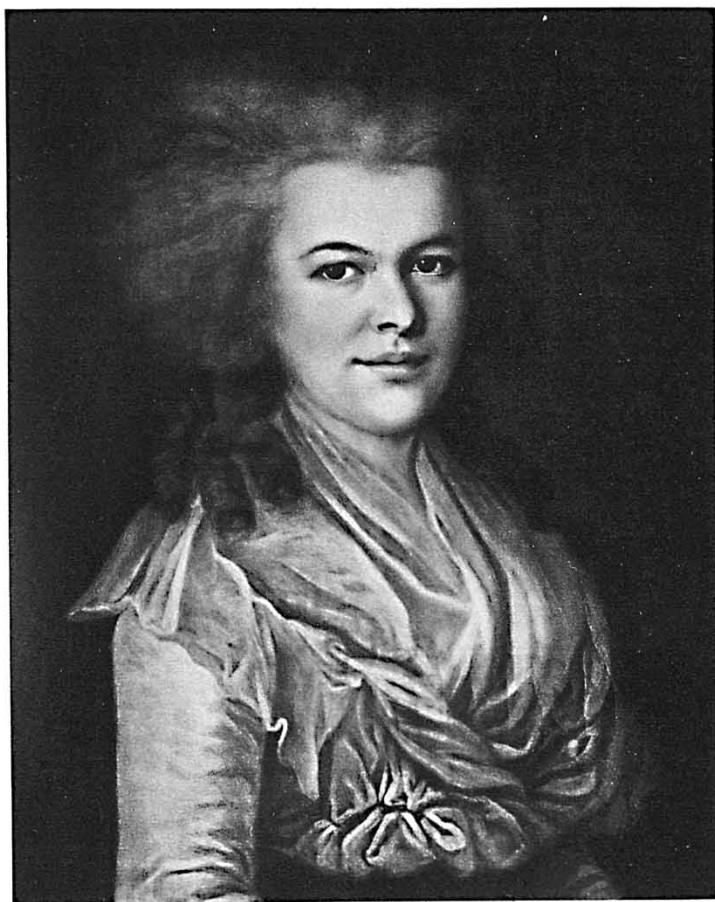
153

Графъ Григорій Ивановичъ Чернышевъ,
1762 — 1831

*Le Comte Grégoire Ivanowitch
Tchernysheff,*
1762 — 1831

154

Графиня Елизавета Петровна Чернышева,
1773 — 1828

*La Comtesse Elisabeth Pétrouna
Tchernysheff,*
1773 — 1828

155

Пис. Рослемъ, 1776 — Peint par Roslin, 1776

Графиня Екатерина Андреевна Чернышева,
1715 — 1779

*La Comtesse Catherine Andréevna
Tchernysheff,*
1715 — 1779

МИХАИЛЬ ФЕДОРОВИЧЪ ОРЛОВЪ, 1788—1842, сынъ (официально „воспитанникъ“) генерал-аншефа графа Федора Григорьевича Орлова и вдовы придворнаго камеръ-фурьера Елиз. Мих. Поповой (+ 1791), дочери Московскаго купца Гусятникова, родился въ Москвѣ 25 Марта 1788 года. Дворянство и фамилія отца были пожалованы ему, съ братьями и сестрой, въ 1796 г. Получилъ образованіе въ пансіонѣ аббата Николая. Записанный въ 1801 г. юнкеромъ въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ, онъ въ 1805 г. поступилъ эстандартъ-юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ, съ которымъ участвовалъ въ битвѣ при Аустерлицѣ. Произведенный въ корнеты въ 1806 г., Орловъ принималъ участіе въ войнахъ съ Наполеономъ, дослужился до чина полковника и получилъ званіе флигель-адъютанта и орденъ св. Георгія 4 ст. Выдающуюся роль ему пришлось сыграть въ дѣлѣ сдачи Парижа—имъ были составлены условія капитуляціи. Въ 1814 г. Орловъ былъ произведенъ въ генералъ-майоры, съ зачисленіемъ въ свиту Е. В. по квартирмейстерской части, и посланъ съ отвѣтственнымъ дипломатическимъ порученіемъ въ Копенгагенъ и Христианію для переговоровъ по поводу уступки Норвегій Датскимъ королемъ Швеціи. По окончаніи этой миссіи, не имѣвшей желаемаго успѣха, онъ нѣкоторое время былъ начальникомъ штаба 7-го пѣхотн. корпуса, остававшагося во Франціи, а затѣмъ состоялъ при Государѣ. Въ 1817 г. былъ назначенъ начальникомъ штаба 4-го пѣх. корпуса, а съ 1820 по 1823 г. командовалъ 16-й пѣх. дивизіей. Орловъ поставилъ себѣ цѣлью распространить просвѣщеніе среди солдатъ и ввести болѣе человѣческія къ нимъ отношенія: устранивалъ для нижнихъ чиновъ Ланкастерскія школы, уничтожилъ въ своей дивизіи тѣлесныя наказанія. Но зато дивизія отстала въ фронтовомъ отношеніи, совершенно было нѣсколько проступковъ противъ дисциплины, обнаружены среди офицеровъ члены тайнаго общества, въ участіи въ которомъ подозрѣвался и самъ начальникъ дивизіи; вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ Орловъ былъ отставленъ отъ должности. Дѣйствительно, онъ раздѣлялъ всѣ либеральныя стремленія того времени. Вскорѣ по возвращеніи изъ Франціи, Орловъ принялъ участіе въ составленіи адреса объ уничтоженіи крѣпостного права; сдѣлавшись членомъ литературнаго общества „Арзамасъ“, онъ задумалъ его преобразовать, расширивъ кругъ дѣятельности. Подъ вліяніемъ знакомства съ нѣмецкимъ Тугендбундомъ у Орлова возникла мысль основать тайное общество для борьбы съ лихоимствомъ и другими недостатками русской жизни, но, узнавъ, что подобное общество уже существуетъ, онъ сблизился съ основателями его, а въ 1820 г. и самъ сдѣлался членомъ этого общества, носившаго названіе Союза Благоденствія, но въ 1821 г. вышелъ изъ него, отчасти недовольный его дѣятельностью, отчасти вслѣдствіе требованій родныхъ его невѣсты (въ Маѣ 1821 г. онъ женился на Екатеринѣ Николаевнѣ Раевской). Несмотря на это, будущіе декабристы смотрѣли на Орлова, какъ на своего единомышленника, и рассчитывали на его содѣйствіе въ рѣшительную минуту. Послѣ 14 Декабря 1825 г., Орловъ былъ арестованъ и полгода просидѣлъ въ Петропавловской крѣпости. Николай I, благосклонно относившійся къ брату Орлова, Алексѣю (впослѣдствіи князю), былъ милостивъ и къ Михаилу Федоровичу и замѣнилъ наказаніе увольненіемъ отъ службы и ссылкой на жительство въ имѣніе Калужской губ. Въ 1831 г. Орлову было разрѣшено поселиться въ Москвѣ. Положеніе его здѣсь было довольно затруднительно: съ одной стороны начальство смотрѣло на него косо, какъ на либерала, и подвергало его жандармскому надзору, а съ другой стороны либералы сравнивали его положеніе съ участію остальныхъ декабристовъ. Тѣмъ не менѣе, онъ сумѣлъ сдѣлаться уважаемымъ членомъ Московскаго общества, и его чтла даже молодежь, далеко ушедшая отъ него впередъ въ своихъ взглядахъ. Орловъ посвящалъ свое время литературнымъ занятіямъ, главнымъ образомъ финансовымъ вопросамъ, и бесѣдамъ съ друзьями. Онъ принималъ участіе и въ общественной жизни столицы и былъ однимъ изъ учредителей Училища живописи, ваянія и зодчества. Орловъ былъ человѣкъ выдающійся по уму, съ возвышенной душой и благороднымъ характеромъ, „рыцарь любви и чести“, по выраженію князя Вяземскаго. Его личность была такъ привлекательна, что, познакомившись съ нимъ, нельзя было не полюбить его. Но крайне увлекающійся и пылкій, онъ часто былъ невозддержанъ въ словахъ и дѣйствовалъ подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія. Орловъ былъ красивъ и отличался геркулесовскою силой. Онъ скончался 19 Марта 1842 г. въ Москвѣ и погребенъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Оставилъ сына Николая (1822—1886 г.) и дочь Анну (въ замужествѣ за княземъ Яшвилемъ).

(Съ акварельнаго портрета Селино; собраніе Великаго Князя Николая Михайловича.)

ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВНА ОРЛОВА, 1797—1885, старшая дочь генерала Николая Николаевича Раевского от брака с Софией Алексеевной Константиновой, по матери правнучка Ломоносова, родилась 10 Апрѣля 1797 г. „подъ стѣнами Дербента“ (какъ гласитъ надгробная надпись). Получила прекрасное образованіе въ домѣ родителей. Пушкинъ, познакомившійся съ ней въ Гурзуфѣ въ 1820 г. во время совместнаго путешествія съ Раевскими по Кавказу и Крыму, часто бесѣдовалъ съ ней и спорилъ о литературѣ. Въ своихъ письмахъ Пушкинъ отзывался о ней съ большимъ уваженіемъ и называлъ ее „женщиной необыкновенной“. Она умѣла покорять людей твердостью и прямою своего характера, и за эти качества друзья называли ее въ шутку „Марею Посадницей“. Въ Маѣ 1821 г. Екатерина Николаевна вышла замужъ за начальника 16-й пѣхотной дивизіи генералъ-майора Михаила Федоровича Орлова, бывшаго передъ тѣмъ начальникомъ штаба у ея отца, командовавшаго корпусомъ. Черезъ 4 года Орловыхъ постигло несчастье: послѣ 14 Декабря 1825 г. Михаилъ Федоровичъ былъ арестованъ и 6 мѣсяцевъ просидѣлъ въ Петропавловской крѣпости. Отставленный отъ службы и лишенный права въѣзда въ столицу, Орловъ долженъ былъ поселиться въ своемъ Калужскомъ имѣніи и только черезъ 5 лѣтъ получилъ возможность жить въ Москвѣ.

Въ 1842 г. Екатерина Николаевна овдовѣла. Она пережила мужа на много лѣтъ и до глубокой старости сохранила всю свѣжесть своего живого ума, ясность души и привѣтливость общительнаго нрава, интересовалась литературой и внимательно слѣдила за всѣмъ, что писалось о Пушкинѣ, который когда-то, по словамъ Тургенева (въ письмѣ къ Вяземскому 25 Февраля 1821 г.), „вздыхалъ“ по ней.

Е. П. Орлова скончалась на 88 году жизни, въ Царскомъ Селѣ, 22 Января 1885 г. и погребена въ Новодевичьемъ монастырѣ.

(Съ миниатюры Лагрена; собственность С. В. Уваровой, въ С.-Петербурѣ.)

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ РАЕВСКІЙ, 1771—1829, сынъ полковника Николая Семеновича Раевского и жены его Екатерины Николаевны, рожденной Самойловой, племянницы князя Потемкина и сестры гр. А. Н. Самойлова, родился въ Москвѣ 14 Сентября 1771 года; оставшись вдовою (мужъ умеръ отъ ранъ въ Яссахъ на 30 году), Екатерина Николаевна въ слезахъ дала жизнь сыну Николаю. Ребенокъ былъ хилъ и слабъ, и силы его развивались настолько медленно, что долгое время опасались за его жизнь. На 15-мъ году, произведенный въ офицеры, онъ уже вступилъ на боевое поприще и участвовалъ при осадѣ Бендеръ. По желанію князя Потемкина, онъ вслѣдъ затѣмъ былъ прикомандированъ къ казачьимъ полкамъ для изученія аванпостной и партизанской службы и вскорѣ получилъ въ командованіе конный полкъ булавы Великаго гетмана. Произведенный въ полковники, онъ отправился въ дѣйствующую армію въ Польшу, получилъ ордена свв. Владимира и Георгія и отсюда переведенъ на Кавказъ командиромъ Нижегородскаго драгунскаго полка, съ которымъ принималъ участіе въ Персидскомъ походѣ подъ начальствомъ Валеріана Зубова.

Послѣ кончины Екатерины, оклеветанный передъ Императоромъ Павломъ, онъ былъ исключенъ изъ службы. Послѣ вступленія на престолъ Александра I былъ принятъ обратно съ чиномъ генераль-майора, но по семейнымъ обстоятельствамъ скоро снова вышелъ въ отставку.

Въ войнахъ 1806 и 1807 гг. онъ командовалъ авангардомъ князя Багратіона подъ Альткирхеномъ, Гутштадтомъ, Гейльсбергомъ и Фридландомъ. Въ это время началась и укрѣпилась его тѣсная дружба съ Багратіономъ, продолжавшаяся до самой смерти князя. Въ послѣдующихъ затѣмъ войнахъ съ Швеціей и Турціей Раевскій участвовалъ съ успѣхомъ и за боевыя отличія произведенъ въ генераль-лейтенанты.

Во время войны 1812 г. онъ командовалъ 7 пѣхотнымъ корпусомъ. Въ бою при Дашковкѣ (или Салтановкѣ) Раевскій съ своимъ корпусомъ съ утра 11-го до вечера 12 Юля сражался съ вчетверо сильнѣйшимъ непріателемъ, перейдя изъ оборонительнаго положенія въ наступательное, чѣмъ далъ возможность Багратіону перейти Днѣпръ, занять Смоленскую дорогу и тѣмъ осуществить соединеніе обѣихъ армій подъ Смоленскомъ. Къ этому бою относится эпизодъ, увѣковѣченный въ гравюрахъ, но опровергнутый самимъ Раевскимъ: рассказывали будто Раевскій на Салтановской плотинѣ шелъ впереди Смоленскаго полка, ведя за руки обоихъ своихъ сыновей. Подъ Смоленскомъ онъ спасъ соединенную уже армію отъ явной гибели. Подъ Бородинымъ Раевскій защищалъ ключъ нашей позиціи, центральный редутъ, сохранившій имя его въ военной исторіи. Видное участіе принималъ онъ затѣмъ въ сраженіяхъ при Маломъ-Ярославцѣ и Красномъ, но вскорѣ затѣмъ заболѣлъ нервной горячкой, едва не сведшей его въ могилу. Оправившись отъ болѣзни, онъ появляется снова въ арміи за нѣсколько дней до Бауценскаго сраженія. Подъ Лейпцигомъ, гдѣ Раевскій съ гренадерскимъ корпусомъ занималъ часть центра нашей линіи, онъ былъ тяжело раненъ картечью въ лѣвое плечо, но остался на лошади, продолжая командовать своимъ корпусомъ до конца сраженія. За Лейпцигскую битву онъ былъ произведенъ въ генералы-отъ-кавалеріи. Едва оправившись отъ раны, онъ снова спѣшилъ къ арміи и въ сраженіи при Баръ-сюръ-Объ командуетъ войсками раненаго Витгенштейна. Когда началось движеніе союзниковъ на Парижъ, Раевскій послѣ кровопролитной битвы при Арси преслѣдовалъ непріателя до Витри, перемѣнивъ затѣмъ фронтъ, онъ атаковалъ корпуса маршаловъ Мармона и Мортъе у Фершампенуаза и послѣ нѣсколькихъ переходовъ первымъ явился у стѣнъ Парижа.

При восшествіи на престолъ Императора Николая I онъ былъ сдѣланъ членомъ Государственнаго Совѣта. Пушкинъ даетъ слѣдующую характеристику Раевского, какъ дѣятеля и человѣка: „Свидѣтель Екатерининскаго вѣка, памятникъ 12-го года, человѣкъ безъ предрасудковъ, съ сильнымъ характеромъ и чувствительный, онъ невольно привлекаетъ къ себѣ всякаго, кто только достоинъ понимать и цѣнить его высокія качества“. Женатъ Раевскій былъ на внучкѣ Ломоносова Софьѣ Алексѣевнѣ Константиновой (р. 1769 г., † 1844 г.); скончался 16 Сентября 1829 г. въ своемъ имѣніи, селѣ Болышкѣ, Чигиринскаго уѣзда, Кіевской губерніи.

(Съ акварельнаго портрета П. Соколова 1826 г.; принадлежитъ М. Г. Раевской, С.-Петербургъ.)

СОФЬЯ НИКОЛАЕВНА РАЕВСКАЯ, 1806—1883, младшая дочь известнаго героя 1812 г., генерала-отъ-кавалеріи, члена Государственнаго Совѣта Николая Николаевича Раевского отъ брака съ Софьей Алексѣевной Константиновой, съ 1826 г. фрейлина Императрицы Александры Феодоровны, въ 1851 г. ѣздилъ въ Сибирь для свиданія съ сестрой княгиней М. Н. Волконской.

Получивъ прекрасное воспитаніе въ семьѣ, она, какъ и старшая ея сестра Е. Н. Орлова, отличалась большимъ природнымъ умомъ; С. Н. Раевская не разъ выступала въ историческихъ журналахъ съ разными замѣтками и разъясненіями, касающимися біографіи ея знаменитаго отца и другихъ членовъ семьи Раевскихъ.

С. Н. Раевская умерла 13 Февраля 1883 года въ имѣніи Сумкахъ, гдѣ и погребена.

(Съ портрета, принадлежащаго М. Г. Раевской, въ С.-Петербургѣ.)

156

Пис. Селмо — Peint par Selino

Михаилъ Федоровичъ *Michel Féodorowitch*
 Орловъ, *Orloff,*
 1788 — 1842 1788 — 1842

157

Пис. Лагрене — Peint par Lagrenée

Екатерина Николаевна *Catherine Nikolaevna*
 Орлова, *Orloff,*
 1797 — 1885 1797 — 1885

158

Пис. Соколовъ, 1826

Peint par Sokoloff, 1826

Николай Николаевичъ *Nicolas Nikolaewitch*
 Раевскій, *Raewski,*
 1771 — 1829 1771 — 1829

159

Софья Николаевна *Sophie Nikolaevna*
 Раевская, *Raewski,*
 181 . — 1883 181 . — 1883

СОФЬЯ АЛЕКСѢВНА РАЕВСКАЯ, 1769—1844, дочь бібліотекаря Екатерины II, грека Алексѣя Алексѣевича Константинова (1728—1808), и единственной дочери Ломоносова, Елены Михайловны (1749—1772), была замужемъ за извѣстнымъ героемъ 1812 г., генераломъ-отъ-кавалеріи и членомъ Государственнаго Совѣта Николаемъ Николаевичемъ Раевскимъ.

Отъ этого брака у ней было 6 человѣкъ дѣтей, а именно: два сына—Александръ (р. 1795 г., † 1868 г.) и Николай (р. 1801 г., † 1843 г.), и четыре дочери—Екатерина (р. 1797 г., † 1885 г.; за М. Ф. Орловымъ), Елена (р. 1803 г., † 1853 г.), Марія (р. 24 Декабря 1804 г., † 1863 г.; за декабристомъ княземъ С. Г. Волконскимъ), и Софья (р. 1806 г., † 1883 г.).

С. А. Раевская умерла 16 Декабря 1844 г. въ Римѣ, гдѣ и похоронена.

Вигель, не любившій молодыхъ Раевскихъ, приписывалъ греческому происхожденію матери всѣ не-симпатичныя ему черты ихъ характера, тогда какъ князь П. М. Долгорукій даетъ о Раевской такой отзывъ: „Она дама весьма вѣжливая, пріятной бесѣды и самаго превосходнаго воспитанія; обращеніе ея уловляетъ каждого, хотя она уже не молода и не пригожа, но разговоръ ея такъ занимателенъ, что ни на какую красавицу большого свѣта ее не промѣняешь; одна изъ тѣхъ любезныхъ женщинъ, съ которой часъ свиданія можетъ почестся пріобрѣтеніемъ; она обогащаетъ полезными свѣдѣніями умъ жизни свѣтской, проста въ обращеніи, со всѣми ласкова въ обхожденіи, но не кидается на шею ко всякой дамѣ; съ легкостью разсуждаетъ о самыхъ даже слабостяхъ ея пола; разговоръ ея кротокъ, занимателенъ, привѣтствія отборны, въ нихъ нѣтъ поминутныхъ „душа моя“ и „ma chère“; ей извѣстны иностранныя языки, но она ими не хвастаетъ и слушаетъ охотно чужой разговоръ, не стараясь одна болтать безъ умолку; природа отказала ей въ пригожествѣ, но взамѣнъ обогатила такими дарованіями, при которыхъ забывается наружный видъ лица“.

(Съ портрета Боровиковскаго; собственность М. Г. Раевской, въ С.-Петербургѣ.)

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ РАЕВСКІЙ, 1801—1845, сынъ Николая Николаевича Раевского, героя 1812 года, отъ брака съ Софьей Алексѣвной Константиновой, родился 14 Сентября 1801 г.; на 9 году зачисленъ въ военную службу подпоручикомъ и участвовалъ, вмѣстѣ съ старшимъ братомъ Александромъ, въ знаменитомъ бою при Салтановкѣ (Дашковкѣ), гдѣ его отецъ, ставъ во главѣ Смоленскаго пѣхотнаго полка, упорно отстаивалъ мостъ отъ французовъ. Атакующій непріятель былъ въ составѣ пяти дивизій, т.-е. въ четыре раза сильнѣе отряда Раевского, а между тѣмъ маршалъ Мортъе думалъ и донесъ Наполеону, что онъ отбросилъ всю 2-ю армию Багратиона. Въ томъ же 1812 г. Николай Раевскій за отличіе произведенъ въ подпоручики и зачисленъ въ 5-й Егерскій полкъ, а въ слѣдующемъ—переведенъ въ Лейбъ-гвардіи Гусарскій полкъ, съ назначеніемъ адъютантомъ къ И. В. Васильчикову. Затѣмъ онъ принималъ участіе въ походахъ 1813 и 1814 гг. и за отличіе при взятіи Парижа награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 степени. По окончаніи Наполеоновскихъ войнъ, Раевскій перешелъ на службу на Кавказъ, командовалъ Нижегородскимъ драгунскимъ полкомъ, съ которымъ принималъ участіе въ кампаніи 1827 г., былъ при взятіи Эривани и Карса и заслужилъ орденъ св. Георгія 4 степени. Въ 1832 г. назначенъ командиромъ второй бригады 2-й Конно-Егерской дивизіи, въ 1837 г.—начальникомъ 1-го отдѣленія Черноморской береговой линіи, а черезъ 2 года командиромъ всей линіи, съ производствомъ въ генералъ-лейтенанты. Одинъ изъ фортвъ линіи получилъ названіе „форта Раевского“. Въ 1841 г. онъ вышелъ въ отставку.

Несмотря на указанія декабриста барона Розена, Н. Н. Раевскій никогда не состоялъ членомъ тайнаго общества и былъ арестованъ исключительно по ошибкѣ, такъ какъ близкое участіе въ заговорѣ принимали его родственники, князь С. Г. Волконскій и В. Л. Давыдовъ, но, будучи на Кавказѣ, онъ покровительствовалъ разжалованнымъ въ солдаты и сосланнымъ на Кавказъ декабристамъ, за что даже терпѣлъ непріятности по службѣ. Служа въ Царскомъ Селѣ въ Лейбъ-Гусарскомъ полку, Раевскій познакомился тутъ съ Пушкинымъ, въ то время воспитанникомъ Царскосельскаго лицея, и вскорѣ съ нимъ подружился. Геніальный поэтъ часто съ нимъ переписывался, и изъ сохранившихся писемъ (1825—1829) видно, что Пушкинъ высоко цѣнилъ его природный умъ и широкую образованность. Между прочимъ, пользуясь своими связями, Раевскій много содѣйствовалъ напечатанію „Бориса Годунова“, и поэтъ всегда съ любовью относился ко всѣмъ членамъ семьи Раевскихъ.

Въ письмѣ къ В. Л. Давыдову Пушкинъ говоритъ:

„Тебя, Раевскихъ и Орлова,
И память Каменки любя,
Хочу сказать тебѣ два слова“...

Раевскій „страстно любилъ литературу, музыку, живопись (такъ, онъ покровительствовалъ Айвазовскому, который изобразилъ его на картинѣ „Высадка въ Субаши“, находящейся въ Зимнемъ дворцѣ); онъ самъ писалъ стихи и довольно долго оставался однимъ изъ главныхъ совѣтниковъ Пушкина въ дѣлахъ литературы, и его литературные взгляды, насколько можно судить по нѣкоторымъ даннымъ, отличались глубиной, оригинальностью и вѣрностью“. „Н. Н. Раевскій былъ типичнымъ представителемъ героической эпохи русскаго владычества на Кавказѣ. Лихой воинъ, горячо любимый подчиненными и солдатами, но часто ссорившійся съ начальствомъ, онъ соединялъ съ умомъ и военными способностями прекрасное образованіе и качества любезнаго свѣтскаго человѣка“. Онъ былъ большимъ любителемъ садоводства, которымъ съ успѣхомъ занимался въ Крыму, состоя въ перепискѣ съ директоромъ Ботаническаго сада въ С.-Петербургѣ Фишеромъ и другими ботаниками.

Умеръ Н. Н. Раевскій 24 Юля 1845 года. Въ Январѣ 1839 г. онъ женился на дочери генерала Аннѣ Михайловнѣ Бороздиной (р. 29 Декабря 1819 г., † 10 Декабря 1885 г.) и имѣлъ отъ этого брака 2 сыновей: Николая (р. въ Керчи 5 Ноября 1839 г.; въ чинѣ полковника убитъ подъ Алексинацемъ 20 Августа 1876 г., во время возстанія въ Сербіи, куда отправился въ качествѣ добровольца) и Михаила (р. 15 Февраля 1841 г., † 10 Октября 1895 г., въ чинѣ генералъ-майора), женатаго на фрейлинѣ княжнѣ Маріи Григорьевнѣ Гагаринной.

(Съ портрета Тропинина; собственность М. Г. Раевской, въ С.-Петербургѣ.)

160

Пис. Боровиковский

*Софья Алексеевна
Раевская,
1769 — 1844*

Peint par Borovikowski

*Sophie Alexéevna
Raewski,
1769 — 1844*

161

Пис. Тропининъ

*Николай Николаевичъ
Раевскій,
1801 — 1843*

Peint par Tropinine

*Nicolas Nikolaewitch
Raewski,
1801 — 1843*

Графъ **КАРЛЪ АНДРЕЕВИЧЪ ПОЦЦО-ди-БОРГО**, 1764—1842, происходилъ изъ древняго корсиканскаго рода и родился 8 Марта 1764 г. въ Алатъ, близъ Аяччо. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ Королевской коллегіи въ Аяччо, а высшее въ Пизанскомъ университетѣ, по окончаніи котораго занялся адвокатурой на родинѣ. Семья Поццо была въ дружественныхъ отношеніяхъ съ семьей Бонапартовъ, и молодой Поццо былъ близокъ съ будущимъ императоромъ. Въ 1789 г. Поццо былъ выбранъ въ секретари дворянскаго избирательнаго собранія и составилъ наказъ депутатамъ въ Генеральныя штаты, а потомъ былъ въ числѣ депутатовъ, представившихъ Національному собранію петицію о включеніи Корсики въ территорію Франціи въ качествѣ департамента. Избранный въ депутаты въ Законодательное собраніе, онъ примкнулъ къ партіи монархистовъ и послѣ провозглашенія республики удалился на родину, гдѣ продолжалъ играть видную роль въ качествѣ генеральнаго прокурора-синдика. Въ это время отношенія между Бонапартами и Поццо совершенно испортились: первые примкнули къ якобинцамъ, а послѣдній образовалъ партію, въ 1794 г. отдавшую Корсику подъ покровительство Англій. Когда же въ 1796 г. одержали верхъ сторонники Франціи, Поццо, бывши председателемъ Государственнаго Совѣта, вышелъ въ отставку и покинулъ навсегда родину. Онъ жилъ то въ Англій, то въ Вѣнѣ, агитируя въ пользу коалиціи противъ Франціи. Въ 1804 г. Поццо принятъ на русскую службу съ чиномъ статскаго совѣтника (въ 1806 г.—полковникъ) и исполнилъ нѣсколько дипломатическихъ порученій. Послѣ Тильзитскаго мира онъ уже не могъ дѣйствовать въ прежнемъ духѣ и съ 1810 до конца 1812 г. былъ въ отставкѣ. Въ Декабрѣ 1812 г. Александръ I пригласилъ его снова на службу, въ 1813 г. произвелъ въ генераль-майоры, а въ 1814 г. пожаловалъ въ генераль-адъютанты и назначилъ посланникомъ въ Парижъ. Участіе въ битвѣ при Ватерлоо доставило Поццо орденъ св. Георгія 4-й ст.; въ 1826 г. онъ былъ возведенъ въ графское Россійской имперіи достоинство (еще раньше, въ 1818 г. Людовикъ XVIII пожаловалъ ему титулъ графа и пэра Франціи), въ 1827 г. получилъ чинъ генерала-отъ-инфантерій, въ 1850 г.—Андреевскую ленту. Съ окончаніемъ Наполеоновскихъ войнъ начинается новый періодъ въ дѣятельности Поццо: насколько раньше онъ былъ врагомъ Франціи, настолько теперь онъ всѣ усилія направлялъ къ укрѣпленію мира и заключенію франко-русскаго союза. Хотя въ Петербургѣ не во всемъ соглашались съ Поццо, но тамъ высоко ставили его, какъ дипломата, и всегда считалось необходимымъ узнать его мнѣніе по всѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ международной политики. На всѣхъ конгрессахъ онъ являлся уполномоченнымъ Россіи и былъ руководителемъ ея политики на Западѣ. Неоднократно исполнялъ онъ важныя порученія сверхъ своихъ прямыхъ обязанностей. Благодаря Поццо, вліяніе Россіи на правительство Франціи было такъ велико, что Людовикъ XVIII не предпринималъ ничего безъ согласія Александра I. Послѣ Юльскаго революціи положеніе Поццо стало затруднительнымъ. Николай I сначала не хотѣлъ признавать новаго короля, но Поццо убѣдилъ его въ необходимости признать Людовика-Филиппа. Въ 1855 г., къ крайнему своему огорченію, онъ былъ переведенъ въ Лондонъ; въ 1839 г., по разстроенному здоровью, вышелъ въ отставку и поселился въ Парижѣ, гдѣ и скончался 15 Февраля 1842 года.

Поццо достигъ высокаго положенія, исключительно благодаря своимъ выдающимся способностямъ. Главнымъ его правиломъ въ политикѣ было дѣйствовать открыто и откровенно, такъ какъ „дипломаты, прибѣгающіе къ хитрости, обыкновенно сами попадаютъ въ сѣти, которыя разставляютъ для другихъ“. Чрезвычайно наблюдательный, одаренный богатой памятью и яснымъ, точнымъ, строго-логическимъ умомъ, онъ обладалъ, можно сказать, даромъ предвидѣнія и часто безошибочно предсказывалъ событія. Какъ человекъ, Поццо отличался благороднымъ и добрымъ характеромъ. Вполнѣ независимый, онъ говорилъ прямо то, что считалъ правдой. Чрезвычайно остроумный, онъ былъ блестящимъ и пріятнымъ собесѣдникомъ. Его обвиняли въ мстительности, въ особенности по отношенію къ Бонапартамъ, но сестры и братья Наполеона, послѣ его паденія, обращались именно къ Поццо за покровительствомъ, и онъ не отказывалъ имъ въ помощи. Въ частной жизни онъ былъ человекъ расчетливый и оставилъ значительное состояніе своему племяннику, къ которому перешелъ и его титулъ.

(Съ миниатюры Изабе; собственность графини Поццо-ди-Борго, въ Парижѣ.)

Графъ ИВАНЪ АНТОНОВИЧЪ КАПОДИСТРІА, 1776 — 1831, родился въ Корфу. Послѣ обученія въ Падуанскомъ университетѣ, онъ съ 1803 по 1809 годъ былъ статсъ-секретаремъ въ республикѣ Ионическихъ острововъ. Недовольный переходомъ протектората надъ островами къ французамъ, онъ поступилъ въ русскую службу и, съ чиномъ статскаго совѣтника, причисленъ къ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ. Въ 1811 г. назначенъ сверхштатнымъ секретаремъ посольства въ Вѣнѣ, а затѣмъ исполнялъ обязанности дипломатическаго агента при главнокомандующихъ Чичаговѣ, на Дунаѣ, и Барклаѣ-де-Толли, во время Отечественной войны. Затѣмъ онъ былъ назначенъ посланникомъ въ Швейцарію и вызванъ на Вѣнскій конгрессъ въ качествѣ одного изъ русскихъ представителей. Во время второго похода во Францію онъ находился при Императорѣ Александрѣ. Будучи горячимъ греческимъ патриотомъ, Каподистрія на конгрессѣ помѣшалъ Меттерниху внести въ трактатъ гарантію неприкосновенности Турціи и настоялъ на признаніи независимости Ионическихъ острововъ. Въ 1815 г. онъ былъ назначенъ статсъ-секретаремъ по иностраннымъ дѣламъ и съ того времени, въ теченіе 6 лѣтъ, усердно отстаивалъ интересы Россіи противъ коварныхъ посягательствъ князя Меттерниха, являясь противникомъ Священнаго Союза и сторонникомъ франко-русскаго сближенія. Возстаніе грековъ въ 1821 г. поставило его въ крайне двусмысленное положеніе. Желая помочь своимъ соотечественникамъ, онъ въ то же время видѣлъ, что Александръ I, слишкомъ преданный дѣлу европейскаго легитимизма, не выступитъ открыто противъ Турціи. Вслѣдствіе этого онъ въ 1822 г. взялъ безсрочный отпускъ и уѣхалъ въ Женеву. Въ 1827 г. онъ былъ избранъ на 7 лѣтъ президентомъ Греціи. Каподистрія употребилъ много энергіи на то, чтобы возродить страну, опустошенную и обнищавшую отъ войны съ турками. Онъ старался улучшить финансы, создать правильную администрацію, насадить просвѣщеніе, обезпечить порядокъ и безопасность. Преслѣдуя разбойниковъ и казнокрадовъ, онъ иногда прибѣгалъ къ самымъ крутымъ мѣрамъ. Поэтому враги его рѣшились устранить президента насильственнымъ образомъ, и 27 Сентября 1831 г. онъ былъ убитъ братьями Мавромихали на паперти церкви св. Спиридона, въ Навплии.

Безупречный, по признанію самихъ враговъ своихъ, въ частной жизни, Каподистрія „съ неограниченной преданностью природнаго русскаго“ служилъ своему второму отечеству, истинные интересы котораго, по его убѣжденію, совпадали съ интересами угнетенныхъ христіанъ Востока. Не будучи сторонникомъ широкихъ либеральныхъ реформъ, онъ былъ правителемъ скорѣе въ духѣ просвѣщеннаго абсолютизма XVIII вѣка. „Цѣлью всѣхъ его усилій, размышленій и трудовъ“, по его признанію, было прежде всего поднятіе греческаго крестьянства и надѣленіе его землями, „купленными цѣною греческой крови“, и греческіе простолюдины оплакивали „Барба-Яни“, т.-е. „Дядю Ивана“, какъ своего защитника и покровителя.

(Съ миниатюры изъ собраній Императорскаго Эрмитажа.)

АНДРЕЙ ЯКОВЛЕВИЧЪ фонь-БУДБЕРГЪ, 1750—1812, изъ старшей Курляндской линіи этого рода, сынъ Якова-Фридриха фонь-Будберга, служилъ въ военной службѣ, куда поступилъ 22 Мая 1759 г. прапорщикомъ; 1 Января 1766 г. былъ произведенъ въ подпоручики, въ 1770 г.—въ поручики и капитаны; въ 1773 г., 1 Января, за болѣзнь, назначенъ въ Рижскій гарнизонъ, откуда въ концѣ того же года переведенъ вновь въ полевые полки, затѣмъ назначенъ „капитаномъ“ въ Сухопутный Шляхетскій корпусъ и произведенъ, 5 Сентября 1776 г., въ премьеръ-майоры. Во время 1-й Турецкой войны участвовалъ во взятіи Хотина. Произведенный въ 1779 г. въ подполковники Сибирскаго пѣх. полка, а въ 1784 г., 22 Апрѣля, „сверхъ комплекта“ въ полковники, фонь-Будбергъ былъ назначенъ въ число кавалеровъ при Великому Князю Александрѣ Павловичѣ. Въ этой должности онъ состоялъ до 1794 г. и за это время, 24 Апрѣля 1789 г., пожалованъ былъ въ бригадиры и 25 Марта 1791 г.—въ генераль-майоры.

Въ 1797 г. Будбергъ перешелъ на дипломатическое поприще и, съ чиномъ тайнаго совѣтника, назначенъ посланникомъ въ Швецію. Отозванный, по собственному его желанію, изъ Стокгольма, въ 1802 г. онъ состоялъ при арміи въ Италіи и 28 Декабря (1802 г.) произведенъ въ генераль-отъ-инфантеріи, а 13 Января 1803 г. назначенъ С.-Петербургскимъ военнымъ губернаторомъ, а затѣмъ членомъ Государственнаго Совѣта (1803—1806); наконецъ, 17 Юня 1806 г. Будбергъ былъ назначенъ Министромъ Иностранныхъ дѣлъ, а товарищемъ его—графъ Александръ Николаевичъ Салтыковъ. Министромъ Будбергъ пробылъ всего годъ. Хотя графъ С. Р. Воронцовъ и бранилъ его, какъ виновника и творца Тильзитскаго соглашенія, но Будбергъ именно былъ противникомъ этого трактата и настаивалъ на продолженіи войны съ Наполеономъ. Тильзитское свиданіе и было причиной крушенія Будберга; онъ былъ устраненъ отъ переговоровъ, и имени его нѣтъ на союзномъ договорѣ 27 Юня 1807 года. Получивъ тѣмъ не менѣе орденъ Почетнаго легіона и 22 Юня 1807 г. звѣзду св. Андрея Первозваннаго, 30 Августа 1807 г. онъ былъ уволенъ „отъ всѣхъ дѣлъ, въ безсрочный отпускъ до излѣченія болѣзни“. Мѣсто его было занято графомъ Н. П. Румянцевымъ. Бездарный и безцвѣтный остзеецъ Будбергъ не могъ оставаться во главѣ русской дипломатіи, когда, по убѣжденію всѣхъ, будто бы искренно зарождался франко-русскія симпатіи. Препятствіемъ тому было нѣмецкое его происхожденіе, не говоря уже о томъ, насколько не у мѣста былъ рядомъ съ блестящимъ Государемъ этотъ малообразованный, устарѣвшій человекъ, который „по-россійски и по-нѣмецки читать и писать умѣеть, а другимъ наукамъ не обучался“.

Фонь-Будбергъ умеръ 20 Августа 1812 г.; онъ былъ женатъ на Аннѣ-Еленѣ-Шарлоттѣ Меккѣ, отъ которой имѣлъ 2 дочерей, Екатерину и Елену, изъ которыхъ послѣдняя была замужемъ за барономъ Ф. О. Будбергомъ.

(Съ миниатюры, принадлежащей барону Ф. фонь-Будбергу, въ Вѣнѣ.)

Пис. Изабе — Peint par Isabey

Графъ Карлъ Андреевичъ
Поццо-ди-Борго,
1764 — 1842

Le Comte Charles Andréewitch
Pozzo di Borgo,
1764 — 1842

164

163

Графъ Иванъ Антоновичъ
Каподистриа,
1776 — 1831

Le Comte Ivan Antonowitch
Capo d'Istria,
1776 — 1831

Баронъ Андрей Яковлевичъ
Будбергъ,
1750 — 1812

Le Baron André Yakovlewitch
Budberg,
1750 — 1812

АЛЕКСАНДРЪ СЕМЕНОВИЧЪ ШИШКОВЪ, 1754—1841, сынъ Семена Никифоровича Шишкова отъ брака съ Прасковіей Николаевной Денисьевой, родился 9 Марта 1754 г.; въ 1772 г. произведенъ въ мичманы и, послѣ 3-лѣтняго плаванія, въ 1779 г. назначенъ преподавателемъ въ Морской корпусъ. Во время войны со Швеціей командовалъ фрегатомъ „Николай“, а послѣ состоялъ по морской части при князѣ Зубовѣ. Павелъ I пожаловалъ его генералъ-адъютантомъ и, несмотря на нѣкоторое охлажденіе, назначилъ въ 1798 г. членомъ Адмиралтействъ-коллегіи, произвелъ въ вице-адмиралы и наградилъ орденомъ Анны 1-й степени. 16 Декабря 1796 г. онъ былъ избранъ въ члены Россійской Академіи и скоро сдѣлался однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ ея членовъ: трудился надъ составленіемъ славянскаго словаря, комментировалъ древніе памятники: „Слово о полку Игоревѣ“, Краледворскую рукопись... 9 Апрѣля 1812 г. Шишковъ былъ назначенъ Государственнымъ секретаремъ. Во время Отечественной войны онъ составлялъ всѣ манифесты, а въ 1813 г. сопровождалъ Александра I за границу; въ 1814 г. назначенъ членомъ Государственного Совѣта. Съ 1813 г. Шишковъ былъ президентомъ Россійской Академіи. Графъ Аракчеевъ намѣтилъ въ немъ подходящаго преемника кн. А. Н. Голицыну, поэтому Шишкову поручено было разобрать русскій переводъ книги Госнера „Geist des Lebens“, разрѣшеніемъ котораго враги воспользовались для низверженія Голицына. Книга эта была признана Шишковымъ „злослычной хулой и поруганіемъ всего того, что мы почитать привыкли“. 15 Мая 1824 г. онъ былъ назначенъ, вмѣсто Голицына, министромъ Народнаго Просвѣщенія и велъ дѣла въ духѣ крайней реакціи. Воцареніе Николая Павловича не пошатнуло служебнаго положенія Шишкова: Государь даже одобрилъ составленный имъ уставъ о цензурѣ, но дряхлый Шишковъ не могъ уже долго занимать своего поста. „Вы много и доблестно трудились, не пора ли вамъ и успокоиться“, сказалъ, наконецъ, Николай I министру, который отъ слабости не былъ въ состояніи при докладѣ отпереть портфеля съ бумагами. 25 Апрѣля 1828 г. онъ былъ уволенъ отъ службы.

Шишковъ умеръ 9 Апрѣля 1841 г. и погребенъ въ Лазаревской церкви Александро-Невской лавры. Былъ женатъ два раза: 1) на Дарьѣ Алексѣевнѣ Шельтингъ († 7 Сентября 1825 г.), и 2) на вдовѣ Юліи Осиповнѣ Лобаржевской, рожденной Нарбутъ; дѣтей у него не было.

Вся ученая дѣятельность Шишкова была направлена къ опроверженію „неосновательной мысли, что славенскій и русскій языки различны между собою“, и противодѣйствию „неисцѣлимой и лишаящей разсудка страсти“ выдумывать и ковать новыя слова „на скудномъ основаніи французскаго языка“. Руководимая Шишковымъ Академія стремилась къ тому, „чтобы красоты славянскаго языка въ подробности разсматриваемы были“, и онъ съ членами Академіи усердно занимался „исслѣдованіемъ корней, съ объясненіемъ деревьевъ словъ“. Стремленіе найти въ каждомъ словѣ какую-либо мысль приводило ихъ къ фантастическимъ и курьезнымъ взводамъ, въ родѣ того, что слово „ястребъ“ означаетъ птицу, которая „яству терebить“, а слово „пѣшкомъ“ или „пихкомъ“ произведено отъ „пиханія себя ногами“. По словамъ историка Россійской Академіи, Шишковъ „свободно разгуливалъ въ созданномъ его воображеніемъ филологическомъ лѣсу, извлекалъ изъ него и корни, и деревья словъ, ломалъ и пересаживалъ ихъ по своему произволу“.

Филологическія воззрѣнія Шишкова въ значительной степени были причиной того, что онъ не могъ простить Библейскому Обществу перевода Библии съ „высокаго“ языка на „простой, въ общежитіи употребляемый“, и видѣлъ въ этомъ „поколебаніе вѣры“. Какъ министр, Шишковъ поставилъ себѣ задачей „и скорое, и тихое потушеніе“ всякаго „карбонарства“, съ помощью устройства цензуры, и искалъ поддержки въ Аракчеевѣ: восхвалялъ въ письмахъ временщика и благодарилъ его за „показаніе чудесныхъ красотъ“ военныхъ поселеній; нельзя, однако, не сказать, что Шишковъ дѣйствовалъ всегда искренно, дорожа больше всего „именемъ усерднаго царю и отечеству слуги“, не изъ корыстолюбія или честолюбія. „Я безъ нихъ прожилъ на свѣтѣ 70 лѣтъ“, говорилъ онъ, „остатокъ дней моихъ кратокъ, но собственно для меня надобенъ одинъ только Богъ“. Въ частной жизни Шишковъ отличался добродушіемъ и привѣтливостью. По странной прони судьбы этотъ ревнитель старорусскихъ традицій былъ женатъ сначала на нѣмкѣ, потомъ на полькѣ, и на склонѣ дней былъ окруженъ разными Пржецлавскими, Окепцкими и Лясковичами.

(Съ портрета О. Кипренскаго, 1825 г.; находится въ Императорской Академіи Наукъ.)

ФЕДОРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ГОЛУБЦОВЪ, 1758—1829, государственный казначей и министр финансовъ, сынъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Александра Федоровича († 10 Августа 1796 г.) отъ брака съ Анной Ивановной Васильевой (р. 1741, † 1816 г.), родной сестрой министра финансовъ графа А. И. Васильева, подъ руководствомъ котораго и началъ свою служебную карьеру въ канцеляріи генераль-прокурора князя А. А. Вяземскаго. Графиня Васильева, рожденная княжна Урусова, была родственница княгини Е. Н. Вяземской, что не мало способствовало успѣшному движенію по службѣ какъ самого графа Васильева, такъ и Ф. А. Голубцова. Когда А. И. Васильевъ перешелъ изъ Сената на службу въ Штатсъ-контору, вѣдавшую финансовое управленіе, то съ собой перевелъ туда же и племянника, неизмѣнно повышая его по мѣрѣ собственнаго возвышенія, такъ что ко времени назначенія Васильева министромъ финансовъ, Голубцовъ былъ уже тайнымъ совѣтникомъ и управляющимъ экспедиціями Казначейства. Вскорѣ по назначеніи графа Васильева министромъ, въ томъ же 1802 г., Голубцовъ былъ назначенъ государственнымъ казначеемъ на мѣсто дяди. Въ 1806 г., годъ кончины графа Васильева, Голубцовъ былъ пожалованъ въ сенаторы, а два года спустя, въ 1808 г.—министромъ финансовъ, каковой постъ занималъ въ теченіе двухъ лѣтъ, до 1 Января 1810 г., когда былъ неожиданно уволенъ въ отставку по докладу Сперанскаго. Остальные 19 лѣтъ жизни онъ прожилъ частнымъ человѣкомъ.

Ф. А. Голубцовъ долгое время былъ, по выраженію Вигеля, „полуженатымъ“; только 2 Юня 1805 г. онъ повѣнчался съ Меланіей Ивановной Галлеръ (р. 25 Декабря 1777 г., † 3 Ноября 1827 г.); дѣтей у нихъ не было. Скончался Голубцовъ 1 Марта 1829 г. и похороненъ въ церкви Св. Духа Александро-Невской лавры, рядомъ съ женой.

Время управленія Голубцовымъ финансами Россіи было безцвѣтно и не оставило замѣтныхъ слѣдовъ. Очень осторожный и даже робкій во всемъ, что касалось финансовой политики, онъ твердо отстаивалъ свои права и прерогативы самостоятельнаго министра, особенно противъ поползновеній въ этомъ отношеніи Сперанскаго. Боясь болѣе всего всякаго рода займовъ, онъ особенно упорно отказывался прибѣгать къ нимъ, несмотря на плачевное состояніе тогда финансовъ Имперіи и на настойчивыя приставанія и даже требованія Сперанскаго, постоянно ставившаго ему въ примѣръ Англію, лишь богатѣвшую, по мнѣнію Сперанскаго, отъ „неоплатныхъ долговъ“. На всѣ требованія денегъ, Голубцовъ отвѣчалъ усиленными выпусками ассигнацій, упавшихъ вскорѣ до 25-26 коп. за рубль на серебро и уже не поднимавшихся болѣе выше 30 коп. до реформы 1845 года. Это противодействіе требованіямъ Сперанскаго и самостоятельность въ финансовыхъ операціяхъ возстановили противъ Голубцова этого всемогущаго тогда человѣка, и Федоръ Александровичъ былъ уволенъ отъ службы въ 1810 г. безъ всякаго предупрежденія.

Вигель между прочимъ описываетъ его внѣшность, какъ „хлаго, желтенькаго, опрятнаго старичка“, очень тихаго и скромнаго по виду, но невозмутимаго и упрямаго въ дѣловыхъ сношеніяхъ.

(Съ портрета Боровиковскаго; собственность П. М. Романова, въ С.-Петербурѣ.)

165

Пис. Киренскій, 1825

Александръ Семеновичъ
Шшиковъ,
1754—1841

Peint par Kirrensky, 1825

Alexandre Sémenowitch
Chichkoff,
1754—1841

166

Пис. Боровиковскій

Федоръ Александровичъ
Голубцовъ,
1758—1829

Peint par Borovikowsky

Théodor Alexandrowitch
Goloubtsoff,
1758—1829

Графъ ПАВЕЛЪ ДМИТРИЕВИЧЪ КИСЕЛЕВЪ, 1788—1872, сынъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Дмитрія Ивановича отъ брака съ княжной Прасковьей Петровной Урусовой, родился въ Москвѣ 8 Января 1788 г.; получивъ поверхностное домашнее образованіе, онъ въ 1806 г. поступилъ, съ чиномъ корнета, въ Кавалергардскій полкъ и принималъ участіе въ войнахъ 1807 г., Отечественной и въ заграничныхъ походахъ 1813 и 14 гг. Съ Сентября 1812 г. Киселевъ состоялъ адъютантомъ у Милорадовича и, благодаря этому, сдѣлался хорошо извѣстенъ Государю, назначившему его въ 1814 г. флигель-адъютантомъ. Въ 1817 г. Киселевъ былъ произведенъ въ генераль-майоры, съ назначеніемъ состоять при Особѣ Е. И. В., а въ 1819 г. назначенъ начальникомъ штаба 2-й арміи и занималъ эту должность въ теченіе 10 лѣтъ. Въ 1823 г. былъ пожалованъ въ генераль-адъютанты, а въ 1828 г. произведенъ въ генераль-лейтенанты за устройство переправы черезъ Дунай и за участіе въ бояхъ съ турками получилъ золотое оружіе. Въ 1829 г. онъ былъ назначенъ командиромъ 4-го резервнаго кавалерійскаго корпуса и въ томъ же году полномочнымъ предсѣдателемъ дивановъ княжествъ Молдавіи и Валахіи. При немъ былъ выработанъ „Органическій регламентъ“, долго остававшійся основнымъ закономъ для обоихъ княжествъ, и между прочимъ проведена крестьянская реформа, на которую обратилъ вниманіе Императоръ Николай I. Въ 1834 г. Киселевъ, произведенный въ генералы-отъ-инфантеріи, назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. По возвращеніи въ Россію, онъ былъ привлеченъ къ участію въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса. Киселевъ принадлежалъ къ немногимъ изъ сановниковъ сторонникамъ ограниченія и постепеннаго уничтоженія крѣпостнаго права и, начиная еще съ 1816 г., не разъ обращалъ вниманіе правительства на крестьянскій вопросъ. Николай I, избравъ его своимъ „начальникомъ штаба по крестьянской части“, въ виду трудности дѣла, рѣшилъ начать съ устройства казенныхъ крестьянъ, для чего въ 1836 г. учреждено было V отдѣленіе Собств. Е. И. В. канцеляріи, съ Киселевымъ во главѣ, а въ 1837 г.—Министерство Государственныхъ имуществъ. Киселевъ оставался министромъ въ теченіе всего царствованія Николая I. Дѣятельность его вызвала много нареканій со стороны крѣпостниковъ, находившихъ Киселева человѣкомъ опаснымъ, и со стороны либераловъ, находившихъ его реформы недостаточными. Николай I, очень цѣнившій Киселева, наградилъ его титуломъ графа (1839 г.), орденомъ св. Андрея Первозваннаго (1841 г.) и своимъ портретомъ (1852 г.). Въ началѣ новаго царствованія (1856 г.) Киселеву пришлось покинуть созданное имъ министерство и занять постъ посла въ Парижѣ. Главной задачей его на новомъ мѣстѣ было восстановленіе дружественныхъ отношеній съ Франціей. Когда, въ началѣ 60-хъ годовъ, эти отношенія измѣнились, Киселевъ, какъ сторонникъ франко-русскаго союза, въ 1862 г. оставилъ свой постъ, но остался жить въ Парижѣ. Крестьянская реформа совершилась безъ его непосредственнаго участія, но главные ея дѣятели часто совѣщались со старымъ поборникомъ освобожденія крестьянъ. Киселевъ скончался въ Парижѣ 14 Ноября 1872 г.; погребенъ въ Донскомъ монастырѣ, въ Москвѣ. Въ 1821 г. Киселевъ женился по любви на гр. Софій Станиславовнѣ Потоцкой, дочери красавицы „Фанаріютки“, но уже въ 1829 г. супруги разстались.

Точный исполнитель воли своего Государя, Киселевъ былъ неутомимымъ, энергичнымъ, умнымъ, истинно-государственнымъ человѣкомъ; дѣйствія его отличались всегда осторожностью, обдуманностью и систематичностью. Блестящій умъ соединялся въ немъ съ даромъ слова. Безусловно честный, онъ заботился о благѣ людей, вѣранныхъ его попеченію, и умѣлъ личные интересы подчинять общему благу. Александръ I уважалъ его за откровенность и правдивость; Николаю никто такъ смѣло не говорилъ истины, потому что при своемъ тонкомъ умѣ онъ зналъ, когда и что слѣдовало говорить. Отъ природы горячій, своими рѣзкостями нажившій много враговъ, онъ въ концѣ концовъ сумѣлъ подчинить сердце уму. Очень честолюбивый, онъ никогда не заискивалъ ни въ комъ, однако, служебные успѣхи развили въ немъ нѣсколько преувеличенное мнѣніе о своихъ достоинствахъ, мѣшавшее ему иногда критически относиться къ себѣ. Съ людьми онъ умѣлъ быть мягкимъ и обходительнымъ, но при своей величавой наружности многимъ казался надменнымъ, и враги его создали ему репутацію безсердечнаго деспота и хитраго эгоиста.

(Съ акварельнаго портрета Крюгера, 1851 г.; изъ собранія принцессы Е. Г. Саксенъ-Альтенбургской.)

Графъ АЛЕКСАНДРЪ ФЕДОРОВИЧЪ ЛАНЖЕРОНЪ, 1763—1831, изъ знатной дворянской фамиліи, родился въ Парижѣ 13 Января 1763 г. и 17 лѣтъ былъ зачисленъ въ полкъ графа Дама. Въ 1782 г. отправился въ Америку, въ армию Рошамбо, гдѣ принималъ участіе въ войнѣ противъ Англичанъ; 7 Мая 1790 г. былъ принятъ на русскую службу полковникомъ и зачисленъ въ Сибирскій гренад. полкъ. Во время Шведской войны, командуя дивизіей гребного флота, Ланжеронъ награжденъ орд. Георгія 4-й ст., который получилъ изъ рукъ самой Императрицы. Затѣмъ онъ участвовалъ въ штурмѣ Измаила и въ Мачинскомъ сраженіи, и пожалованъ золотою шпагою. Въ 1791 г. вступилъ въ корпусъ французскихъ эмигрантовъ, участвовалъ во всѣхъ сраженіяхъ противъ республиканскихъ войскъ, а въ 1795 г. снова вернулся въ Россію. Въ 1796 г., былъ пожалованъ бригадиромъ; въ 1797 г.—генераль-майоромъ; въ 1798 г.—генераль-лейтенантомъ; въ 1799 г. награжденъ орд. св. Анны 1-й ст.; съ 12 Августа 1800 г. по 1805 г. онъ былъ инспекторомъ инфантеріи Брестской инспекціи, при чемъ Павелъ I, расположенный къ Ланжерону и лично переписывавшійся съ нимъ, пожаловалъ его въ Россійскіе графы и командорскимъ Мальтійскимъ крестомъ. Въ кампанію 1805 г., недовольный дѣйствіями Ланжерона въ Аустерлицкомъ бою, гдѣ его колонна была разбита, Александръ I велѣлъ ему подать въ отставку, но вскорѣ затѣмъ снова принялъ его на службу. Въ 1809 г. онъ былъ назначенъ главнымъ начальникомъ резервныхъ войскъ Молдавской арміи, награжденъ орд. св. Владиміра 2-й ст., въ Сентябрѣ принялъ начальство надъ корпусомъ Милорадовича; въ 1810 г. за взятіе Рущука награжденъ Георгіемъ 3 кл. и звѣздой Александра Невского; въ 1811 г. командовалъ Молдавской арміей до пріѣзда Кутузова. Послѣдній поручилъ Ланжерону начальство надъ центромъ арміи; за Турецкую кампанію онъ былъ произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи и награжденъ Владиміромъ 1-й ст. Въ Отечественную войну командовалъ корпусомъ въ арміи Чичагова и затѣмъ принималъ участіе въ кампаніяхъ 1813 и 1814 гг.; подъ Парижемъ получилъ изъ рукъ Александра I Андреевскую звѣзду. По окончаніи войнъ вернулся въ Россію, и въ концѣ 1815 г. назначенъ Херсонскимъ военнымъ губернаторомъ, въ 1822 г.—Новороссійскимъ генераль-губернаторомъ, но уже въ слѣдующемъ году уволенъ и уѣхалъ за границу. Въ 1826 г. Ланжеронъ, по желанію Николая I, былъ назначенъ членомъ Верховнаго уголовного суда и въ Декабрѣ того же года пожалованъ алмазными знаками ордена св. Андрея Первозваннаго. Въ Турецкую войну 1828 г. состоялъ при Государѣ, а въ 1829 г. покинулъ службу и поселился въ Одессѣ. Находясь въ Петербургѣ, 4 Юля 1831 г. скончался отъ холеры.

Графъ Ланжеронъ былъ женатъ два раза: 1) на вдовѣ майора Наталіи Петровнѣ Кашинцовой, рожд. княжнѣ Трубецкой, и 2) на дочери полковника Елизаветѣ Адольфовнѣ Бриммеръ, которая была пожалована въ кавалерственныя дамы меньшаго креста. „Мнѣ не случалось видѣть“, пишетъ Вигель, „красиваго лица, столь угрюмаго, какъ у графини Ланжеронъ; холодна, какъ ледъ, она рѣдко съ кѣмъ открывала уста; довольствуясь наружнымъ уваженіемъ, она ничего болѣе не требовала“. Дѣтей отъ обоихъ браковъ не было, но у Ланжерона былъ сынъ отъ Анжели Джержановской, Федоръ Александровичъ Андро (р. въ Брестѣ 16 Марта 1804 г., † 1885 г.).

„Вѣтреннѣйшій и болтливѣйшій изъ французовъ“, человекъ минуты, слабохарактерный, Ланжеронъ былъ ревностнымъ почитателемъ Людовика XVI и Бурбоновъ; убѣжденный роялистъ, онъ въ то же время сражался въ Америкѣ, въ арміи Вашингтона. Храбрый и невѣроятно разсѣянный, онъ способенъ былъ забывать, что находится въ бою среди огня. Вѣчно веселый, онъ любилъ блеснуть остроуміемъ, а когда говорилъ серьезно на своемъ ломаномъ русско-французскомъ языкѣ, у него выходили невольно еще болѣе смѣшныя и удачныя каламбуры. Вигель такъ характеризуетъ его: „Съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ стоитъ, неосновательнѣе гр. Ланжерона еще ничего видно не было. Добрый и честный человекъ, храбрый на войнѣ, любезный балагуръ, французъ по превосходству, онъ созданъ былъ, чтобы находиться посланникомъ при какомъ-нибудь нѣмецкомъ или итальянскомъ дворѣ, или управлять гдѣ-нибудь придворнымъ театромъ. Революціонной бурей выброшенный изъ отечества, онъ беззаботно и весело прожилъ вѣкъ въ чужой землѣ и дослужился у насъ до голубой ленты. Доживъ почти до 70 лѣтъ, онъ все сохранялъ легкій тонъ Версальскаго царедворца. Нашли, что онъ не годится командовать корпусомъ, и дали ему въ управленіе цѣлый край... Какъ при немъ шли дѣла, этого не нужно уже спрашивать!“

(Съ портрета Г. Дау; Зимній Дворецъ, галерея 1812 года.)

167

Пис. Крюгеръ, 1851 г.

Графъ Павелъ Дмитріевичъ
Киселевъ,
1788 — 1872

Peint par Krüger, 1851

Le comte Paul Dmitriewitch
Kisséleff,
1788 — 1872

168

Пис. Г. Даву

Графъ Александръ Федоровичъ
Ланжеронъ,
1763 — 1831

Peint par G. Dawe

Le comte Alexandre Féodorowitch
Langeron,
1763 — 1831

Графиня СОФІЯ СТАНИСЛАВОВНА КИСЕЛЕВА, 1801—18.., дочь генераль-аншефа графа Станислава Потоцкаго, отъ второй жены его, красавицы гречанки Софїи (графиня Виттъ), появилась въ 1818 г. въ Петербургскомъ свѣтѣ. „Софїа хороша, какъ Минерва въ часъ похоти“, писалъ князь Вяземскій Тургеневу. „Въ ней все нездѣшнее, кромѣ взгляда, въ которомъ горитъ искра земныхъ желаній. Счастливы тотъ, кто эту искру раздуетъ: въ ней тлѣетъ пожаръ поэзіи“. Въ 1821 г. „похотливая Минерва“, по выраженію князя Вяземскаго, вышла замужъ за П. Д. Киселева, начальника штаба 2-й арміи. Въ 1822 г. у нихъ родился сынъ Владиміръ, умершій черезъ 2 года. Супружеское счастье Киселевыхъ было непродолжительно; если вѣрять Вигелю, первый ударъ ему былъ нанесенъ сестрою Киселевой, Ольгой, вскружившей голову ея мужу. Болѣе вѣроятно, однако, что причиною разрыва послужило вѣтреное поведеніе жены, а также нескрываемыя симпатіи ея къ Польшѣ, возмущавшія патріотическія чувства ея мужа, „не созданнаго, чтобы въ своей домашней жизни препираться о политическихъ мнѣніяхъ“. При самомъ началѣ семейнаго разлада, въ концѣ 1829 г., онъ писалъ женѣ: „Твое поведеніе, настоящее и прошедшее, налагаетъ на меня долгъ быть осторожнымъ и не дать себя обмануть возвышенностью души и принциповъ; они нѣкогда мнѣ внушали довѣріе и привязанность, которыя я оплакиваю доселѣ“. Позднѣе, въ 1833 г., онъ опять писалъ ей: „Вспомни наше прощаніе въ Кишиневѣ (въ 1828 г.): я плакалъ тогда о нашей разлукѣ, я оставлялъ тебя съ растерзаннымъ сердцемъ, я предугадывалъ, что это было прощаніе съ моей внутренней жизнью, съ жизнью частнаго человѣка, которою я пожертвовалъ обязанностямъ общественнаго дѣятеля“. Со стороны Киселевой были сдѣланы, однако, неоднократныя попытки къ примиренію. „Съ сердцемъ добрымъ, горячимъ и великодушнымъ“, она грустила о томъ, что судьба ее разъединила съ мужемъ, уважала его „щепетильность“ и, сознавая свою вину передъ нимъ, чистосердечно объясняла свое политическое настроеніе тѣмъ, что она „полька“. Безъ формальнаго развода Киселева уѣхала за границу, послѣ того какъ мужъ устроилъ ея денежные дѣла такъ, „чтобы она не могла разориться, даже если бъ хотѣла“. Главнымъ своимъ мѣстопробываніемъ она избрала Парижъ, гдѣ жила весело и открыто; интересуясь громкими процессами, она проводила „цѣлые дни въ Palais de Justice“. Въ Россію Киселева прїѣзжала лишь изрѣдка, для устройства своихъ денежныхъ дѣлъ, при чемъ видѣлась съ мужемъ. Въ 1846 г. прїѣздъ ея находился въ связи съ переходомъ въ православіе ея брата, графа Мечислава Потоцкаго, котораго она пыталась вновь обратить въ католичество. Участіе ея въ этой исторіи скомпрометировало ее въ глазахъ правительства, и дѣло уладилось, лишь благодаря вліянію ея мужа; между супругами состоялось нѣчто въ родѣ примиренія, и графиня Киселева, прїѣхавъ въ Петербургъ, поселилась у мужа, много выѣзжала въ свѣтъ и была даже на придворныхъ балахъ. Киселевъ съ удовольствіемъ сообщалъ графу М. С. Воронцову: „Enfin la bourgeoise est finie, et les choses se sont arrangées convenablement. Il y a dans tout cela une confusion d'idées qui tiennent du prêtre catholique et du Journal des Débats. La Russie est autrement faite et impose d'autres principes d'actions. Je crois qu'en ce moment Mme Sophie en a acquis la certitude et s'y conforme. Rien de tout cela ne serait arrivé si elle m'avait écouté et qu'elle ne vint pas en Russie pour convertir son frère et le replacer dans le giron de l'église, après l'avoir fait rentrer dans ses domaines de Toulchine“. Но примиреніе продолжалось не долго. Отказываясь отъ посольства въ Парижъ, графъ Киселевъ указывалъ Государю, что „семейное положеніе его къ женѣ несогласно съ званіемъ посла“. Брату своему онъ писалъ: „Одно изъ самыхъ щекотливыхъ затрудненій для меня—это пребываніе въ Парижѣ Софїи; съ ея надменнымъ и иногда отважнымъ характеромъ, я опасаюсь столкновеній, которыя при моемъ официальном положеніи могутъ быть болѣе чѣмъ неприятны. Послѣ 25-и лѣтъ разлуки сближеніе между нами невозможно, и я рѣшительно его не хочу“. Ольгѣ Нарышкиной было поручено передать сестрѣ, что, если она не сообразуется съ желаніями мужа, „онъ предоставитъ правительству принять мѣры, ему предложенныя: отказать ей въ паспортѣ для пребыванія въ Парижѣ“. Однимъ изъ условій было то, чтобы встрѣчи между супругами „были какъ можно рѣже и только въ чужихъ домахъ“. Но графиня Киселева больше проживала въ Ниццѣ, Монте-Карло, Гембургѣ и другихъ курортахъ, гдѣ процвѣтала рулетка, и, предавшись на старости страсти къ игрѣ, проводила за игорными столами дни и ночи. Скончалась она еще при жизни мужа.

(Съ портрета Г. Гейтера, 1831 г.; собственность графини Е. В. Шуваловой, С.-Петербургъ.)

Графиня ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢВНА ВОРОНЦОВА, 17..—1784, жена посла въ Лондонъ, графа Семена Романовича Воронцова, была дочь адмирала Алексѣя Наумовича Сенявина и жены его, рожденной фонъ-Брадке. Вторая изъ четырехъ красавицъ сестеръ Сенявиныхъ, которыхъ Завадовскій называлъ нимфами, она была любимой фрейлиной Екатерины II. Состоявшаяся въ Маѣ 1780 г. помолвка ея съ гр. С. Р. Воронцовымъ была встрѣчена съ радостью его отцомъ и всею Воронцовскою роднею. Крайне довольный тѣмъ, что его сынъ рѣшился „соединить судьбу свою съ столь достойной партіею, какъ Катерина Алексѣвна, и предпочелъ взаимную склонность всему другому“, старый графъ Романъ Ларионовичъ уступилъ молодымъ „свой домъ, приморскія дачи и Муринскую фабрику со всѣми ихъ доходами“, а старшему своему сыну поручилъ купить для невесты „хорошій цугъ“. Послѣ свадьбы, состоявшейся въ Августѣ 1780 г., въ Муринѣ, молодые зажили счастливо, и семья ихъ увеличилась рожденіемъ въ 1782 г. сына Михаила, а въ слѣдующемъ году дочери Екатерины. Графиня Екатерина Алексѣвна сама кормила дѣтей, что ставилось ея родными въ примѣръ другимъ, зато, поглощенная уходомъ за дѣтьми, она пренебрегала собственнымъ здоровьемъ. „Жена моя, по своей горячности къ сыну, всѣ снѣ ночи не спитъ“, писалъ графъ Семень Романовичъ отцу, „я опасаюсь, чтобъ и она не занемогла, какъ во время оспы Мишинькиной“. Назначенный въ 1783 г. посланникомъ въ Венецію, графъ Семень Романовичъ уѣхалъ съ женою и дѣтьми въ Италію. Обстановка, въ которой пришлось имъ жить по пріѣздѣ въ Венецію, гдѣ они поселились въ домѣ, имѣвшемъ „только однѣ стѣны, безъ двойныхъ рамъ въ окнахъ и трубъ въ комнатахъ“, при сильныхъ холодахъ зимой 1783 г. („такъ что каналы замерзали“) и полное отсутствіе комфорта не могли не отозваться пагубно на слабомъ здоровьѣ графини: здѣсь она почувствовала первые приступы рокового недуга—чахотки. Съ радостью узнали Воронцовы о предстоящемъ переводѣ графа Семена Романовича посланникомъ въ Англію и начали готовиться къ переѣзду въ Лондонъ. Но болѣзнь графини дѣлала быстрые шаги, и въ Іюнѣ 1784 г. ея положеніе было очень серіознымъ. Почувствовавъ, однако, облегченіе и думая, что опасность миновала, она говорила мужу: „En vérité, mon cher Сенюша, Dieu aurait été trop cruel s’Il nous avait séparés“. Въмѣсто того, чтобы ѣхать въ Лондонъ, Воронцовъ поселился съ женою въ Пизѣ, въ надеждѣ, что болѣе мягкій, чѣмъ въ Венеціи, климатъ принесетъ ей пользу, но всѣ мѣры оказались тщетными, и графиня Екатерина Алексѣвна скончалась 25 Августа 1784 года. Глубокаго драматизма полны тѣ письма ея мужа, гдѣ онъ описываетъ послѣдніе дни ея жизни. „Quelle femme, quelle amie, quel caractère d’ange qu’était ma chère Катерина Алексѣвна. Mon malheur n’a pas de pareil, mais rassurez-Vous, je ne mourrai jamais, car si des inquiétudes et des veilles de près de 3 mois, si des veilles absolues et un désespoir qu’il fallait étouffer en moi pendant 12 jours ne m’ont rien fait, croyez que je vivrai éternellement. Je Vous dirai plus: la phthisie est contagieuse en Italie, et j’ai couché toujours à 4 pas de ma femme; tous les 3 jours nous changions de lits, parce qu’elle n’avait plus la force pour se lever quand on faisait le sien: ainsi on approchait le mien à côté d’elle, elle y passait, et dans 3 jours elle faisait la même chose en repassant sur le sien, sur lequel j’avais couché, et je dors à présent même sur une peau sur laquelle elle a couché trois jours avant sa mort, et je ne me ressens aucunement la poitrine affaiblie“.

Тѣло графини Воронцовой было положено въ свинцовый гробъ и предано землѣ въ Венеціи, въ Греческой церкви, у лѣваго клироса. Завѣтною мечтою графа Воронцова было перевезти ея прахъ въ Россію и похоронить въ Муринѣ, въ выстроенной тамъ сейчасъ же послѣ кончины графини церкви и самому быть схороненнымъ рядомъ съ нею; однако, этой его волѣ не суждено было осуществиться; онъ умеръ и похороненъ былъ въ Англіи, но на мѣстѣ послѣдняго упокоенія графини Екатерины Алексѣвны Воронцовой, въ Венеціи, ежегодно служится въ день ея смерти панихида.

(Съ портрета Левицкаго, 1783 г.; собственность графини Е. А. Воронцовой-Дашковой, с. Андреевское, Владимірской губ.)

Княгиня **ЕЛИЗАВЕТА КСАВЕРІЕВНА ВОРОНЦОВА**, 1792—1881, дочь графа Ксаверія Петровича Браницкаго († 1819), женатаго на племянницѣ Потемкина Александрѣ Васильевнѣ Энгельгардтѣ, родилась 8 Сентября 1792 года. Дѣтство и молодость она провела въ Бѣлой Церквѣ и, пожалованная фрейлиной въ 1807 г., „долго, когда другимъ могъ надѣсть бы свѣтъ, жила при строгой матери въ деревнѣ“. Ей уже было 23 года, когда, во время путешествія съ матерью за границую, она встрѣтила въ Парижѣ графа Михаила Семеновича Воронцова, командовавшаго русскимъ корпусомъ въ Мобезѣ. „Она не могла ему не понравиться: нельзя сказать, чтобы она была хороша собою, но такой пріятной улыбки, кромѣ ея, ни у кого не было, а быстрый, нѣжный взглядъ ея миленькихъ небольшихъ глазъ пронзалъ насквозь. Къ тому же польское кокетство пробивалось въ ней сквозь большую скромность, къ которой съ малолѣтства приучила ее русская мать, что дѣлало ее еще привлекательнѣе“. Свадьба состоялась въ Парижѣ 20 Апрѣля 1819 г.; графиня Браницкая принесла мужу огромное состояніе, но все-таки не безъ колебаній рѣшился графъ М. С. Воронцовъ соединить судьбу свою съ дочерью польскаго магната, по крайней мѣрѣ сохранилось письмо новобрачнаго къ графу Ф. В. Ростопчину съ торжественнымъ обѣщаніемъ не допускать къ себѣ въ государственной дѣятельности ни одного поляка. Послѣ свадьбы молодые остались нѣкоторое время за границей, посѣтили въ Англии графа С. Р. Воронцова и вернулись въ Россію въ 1823 г., когда графъ М. С. Воронцовъ былъ назначенъ Новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ. 22 Іюня того же года графиня Воронцова была пожалована въ кавалерственныя дамы меньшаго креста.

Время управленія Воронцовымъ Новороссіей (1823—1844 гг.) было золотымъ вѣкомъ Одессы. Жизнь Воронцовыхъ во дворцѣ на берегу моря, по словамъ Вигеля, можно было сравнить съ житьемъ „владѣтельнаго Нѣмецкаго герцога“. Двери Воронцовскаго дворца были широко открыты для мѣстнаго общества, и на ихъ роскошныя балы и приемы допускались не только представители Одесской аристократіи и чиновничества, но и иностранныя негодіанты и банкиры. Своею неизмѣнною привѣтливостью, роскошью нарядовъ и драгоценностей графиня Воронцова затмила бывшихъ „царицъ“ Одессы, графинь Гурьеву и Ланжеронъ, и была для нихъ „острымъ ножомъ въ сердца“.

Жизнь Воронцовыхъ въ Тифлисѣ, во время Кавказскаго намѣстничества графа Михаила Семеновича, представляла тоже сочетаніе невиданной до того времени на Кавказѣ офіціальной роскоши представительства съ крайней простотою и патриархальностью домашняго обихода. Графиня здѣсь скоро снискала любовь широкой благотворительностью и покровительствомъ просвѣщенію. Пожалованная въ 1838 г. статсъ-дамою, а въ 1850 г. получивъ Екатерининскую ленту, графиня Воронцова, съ возведеніемъ ея мужа въ 1852 г. въ княжеское достоинство, сдѣлалась, въ 60 лѣтъ, по словамъ шутниковъ, „самой молодой княгиней въ Россіи“, и названіе это къ ней шло, благодаря долго сохранившейся ея свѣжести и молодавости.

Похоронивъ мужа въ 1856 г. въ Одессѣ, княгиня Воронцова осталась тамъ до конца своей жизни и скончалась, 89 лѣтъ отъ роду, 15 Апрѣля 1881 г.; погребена рядомъ съ мужемъ въ Одесскомъ соборѣ. Кромѣ дочери Александры и сына Михаила, умершихъ въ дѣтствѣ, она имѣла дочь Софію (1825—1879; за гр. А. П. Шуваловымъ) и сына кн. Семена Михайловича (1823—1882), умершаго бездѣтнымъ.

„Небольшого роста, тучная, съ чертами нѣсколько крупными и неправильными“, говоритъ гр. Соллогубъ, „княгиня Е. К. Воронцова была тѣмъ не менѣе одною изъ привлекательнѣйшихъ женщинъ своего времени. Все ея существо было проникнуто такою мягкою, очаровательною женственною граціею, такою привѣтливостью, такимъ неукоснительнымъ щегольствомъ, что легко себѣ объяснить, какъ такіе люди, какъ Пушкинъ, Раевскій и многіе, многіе другіе безъ памяти влюблялись въ княгиню Воронцову“. Незабвенную память о себѣ она оставила и на Кавказѣ, гдѣ ея попеченіями и пожертвованіями основано было Воспитательное заведеніе св. Нины, въ Тифлисѣ, для образованія дочерей служащихъ на Кавказѣ.

(Съ портрета Рейтерна, 1852 г.; находится въ Одесскомъ Воронцовскомъ дворцѣ.)

Пис. Г. Гейтеръ, 1831

Графиня Софья Станиславовна
Киселева,
1801 — 18..

Peint par G. Hayter, 1831

La Comtesse Sophie Stanislavovna
Kisséleff,
1801 — 18..

Пис. Левицкіи, 1783

Графиня Екатерина Алексеевна
Воронцова,
17.. — 1784

Peint par Lévitky, 1783

La Comtesse Catherine Alexéevna
Worontzoff,
17.. — 1784

Пис. Рейтернъ, 1832

Княгиня Елизавета Ксавериевна
Воронцова,
1792 — 1881

Peint par Reutern, 1832

La Princesse Elisabeth Xavérievna
Worontzoff,
1792 — 1881

Архимандритъ ФОТІЙ, 1792—1838, сынъ сельскаго дьячка Новгородской епархіи, въ мѣръ Петръ Спасскій, по окончаніи курса семинаріи, въ 1814 г. поступилъ въ Петербургскую Академію, но черезъ годъ, по болѣзни, вышелъ изъ нея и былъ назначенъ учителемъ Александро-Невскаго училища. Въ 1817 г. онъ постригся въ монахи и назначенъ законоучителемъ 2-го Кадетскаго Корпуса. Вскорѣ Фотій выступилъ противъ сильныхъ въ то время мистиковъ и „возвысилъ вопль свой, яко трубу“, противъ „масоновъ, вѣрующихъ въ антихриста, діавола и сатану“. За проповѣдь, произнесенную 27 Апрѣля 1820 г., противъ мистиковъ, онъ былъ удаленъ изъ Петербурга подъ предлогомъ назначенія его игуменомъ Новгородскаго Деревяницкаго монастыря. Ревность Фотія обратила на него вниманіе благочестивыхъ людей. Черезъ нѣсколько дней послѣ произнесенія Фотіемъ проповѣди, 2 Мая 1820 г. графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская убѣдила его сдѣлаться ея духовникомъ. На средства графини Фотій привелъ въ благоустройство свой „самый разоренный“ монастырь. Новый митрополитъ Серафимъ перевелъ Фотія въ Сквородскій монастырь съ возведеніемъ въ санъ архимандрита. Въ 1822 г. Фотій былъ вызванъ митрополитомъ въ Петербургъ, познакомился съ княземъ А. Н. Голицынымъ и 5 Іюня былъ принятъ Александромъ I, съ которымъ бесѣдовалъ „объ опасности, угрожающей церкви со стороны ея враговъ, явныхъ и тайныхъ“. 25 Іюня Фотій получилъ изъ Кабинета драгоцѣнный крестъ, а 21 Августа былъ назначенъ настоятелемъ первокласснаго Юрьева монастыря. Князь А. Н. Голицынъ, наравнѣ съ графиней Орловой, почиталъ въ это время Фотія „златоустомъ“ и „великимъ угодникомъ Божиимъ“. Но скоро измѣнились отношенія между Фотіемъ и княземъ Голицынымъ. Въ 1824 г. противники князя Голицына, съ митрополитомъ Серафимомъ и графомъ Аракчеевымъ во главѣ, выдвинули Фотія, какъ орудіе для низверженія А. Н. Голицына. Въ нѣсколькихъ письмахъ къ Государю Фотій обвинялъ „тайныя общества, еретиковъ и карбонаріевъ“ и излагалъ „планъ разоренія Россіи и способъ оный планъ вдругъ уничтожить тихо и счастливо“; въ это время (20 Апрѣля) онъ имѣлъ трехчасовую бесѣду съ Императоромъ. Весь планъ Фотія сводился къ тому, чтобы „Министерство Духовныхъ дѣлъ уничтожить, а другія два отнять отъ настоящей особы“, т.-е. отъ князя Голицына, уничтожить Библейское общество и изгнать главнѣйшихъ мистиковъ. Благодаря стараніямъ враговъ Голицына, 15 Мая 1824 г. Министерство Духовныхъ дѣлъ было уничтожено, и князю оставлено было лишь управленіе почтами. Послѣ этого Фотій еще два раза видѣлся съ Государемъ и подалъ ему нѣсколько записокъ о „мѣрахъ къ прекращенію революціи, готовимой втайнѣ“.

Послѣ смерти Александра I Фотій потерялъ значеніе. Послѣдніе годы онъ провелъ въ Новгородѣ, украшая свой Юрьевъ монастырь на богатые пожертвованія графини Орловой. Крайній аскетизмъ и фанатизмъ Фотія нерѣдко доводили его до странныхъ выходокъ, навлекавшихъ на него неудовольствіе начальства, такъ что покровитель его, митрополитъ Серафимъ, вынужденъ былъ иногда обуздывать „гордость и своенравіе“ Юрьевскаго архимандрита. Самая близость его къ А. А. Орловой служила темой для неосновательныхъ сплетенъ и, по выраженію Фотія, „человѣкъ, въ дѣвствѣ сый“, былъ „оглаголуемъ, якоже блудница“. Здоровье Фотія, всегда слабое, разрушалось все болѣе и болѣе отъ его аскетическаго образа жизни; онъ скончался 26 Февраля 1838 г. и погребенъ въ Юрьевскомъ монастырѣ. Позднѣе графиня Орлова-Чесменская завѣщала похоронить себя рядомъ, и двѣ одинаковыя гробницы покрываютъ ихъ прахъ.

(Съ миниатюры, находящейся въ Историческомъ музеѣ, въ Москвѣ.)

Графиня АННА АЛЕКСѢВНА ОРЛОВА-ЧЕСМЕНСКАЯ, 1785—1848, единственная дочь графа Алексѣя Григорьевича Орлова-Чесменскаго отъ брака съ Авдотьей Николаевной Лопухиной, родилась 2 Мая 1785 г. „Къ несчастью“, писала Екатерина II, „у Орлова родилась дочь: я не считаю его особенно способнымъ воспитывать дѣвочекъ и поэтому желала ему сына, которому онъ могъ служить примѣромъ“. Но Екатерина ошиблась: попеченія и заботы о дочери, лишившейся матери 20 Августа 1786 г., сдѣлались цѣлю жизни отца; отношенія его, облеченныя въ грубоватую форму, отзываются необыкновенной нѣжностью къ его „ненаглядной“ дочери, которая платила отцу тѣмъ же. На 8-мъ году Орлова была сдѣлана фрейлиной, а весной 1796 г. представлена Государынѣ, которая „приласкала ее рукой за подбородокъ, похвалила и въ щечку поцѣловала“, сказавъ: „Эта дѣвушка много добраго общается“. Вступленіе на престолъ Павла I заставило Орлова съ дочерью уѣхать за границу. Дочь писала нехитрый „журналъ“ о путешествіи, отмѣчая, что „ночевали въ харчевнѣ“, „ѣли щи крестьянскіе изъ ихъ посуды“, или „нашли хозяйку довольно щяною“, а отецъ писалъ своимъ друзьямъ: „Нинушка моя повытянулась, выкрикнула, о комъ жалѣють, что дурочка будетъ, за сожалѣніе благодарю, а мнѣ кажется, что и теперь дура, да вѣдь я люблю дуръ и дураковъ—по пословицѣ: рыбакъ рыбака далеко узнаетъ“... О смерти Павла, Орловъ писалъ: „У меня-жъ большой камень съ сердца свалился: за дочь мою я всегда опасался, чтобы покойный Государь не приказалъ ее выдать противу желанія ея, а теперь оной снѣдающей мысли совершенно освобожденъ“. Однако ни теперь, ни послѣ графиня А. А. Орлова не вышла замужъ. У ней было много знатныхъ жениховъ, но сама она питала нѣжныя чувства только къ одному графу Н. М. Каменскому, тѣмъ не менѣе и онъ получилъ отказъ. Окружающіе, въ особенности ея побочный братъ Чесменскій, человекъ невысокихъ нравственныхъ качествъ, внушили ей, что она некрасива и что искателей ея руки привлекаетъ больше ея колоссальное богатство... вмѣстѣ съ добрымъ сердцемъ и кристаллически чистой душой, наслѣдованныхъ отъ матери, графиня Орлова, вмѣстѣ съ физической силой, получила отъ отца его подозрительность и недовѣріе къ людямъ. Графиня была высокаго роста, прекрасная наѣздница, поражавшая силой и ловкостью. Въ общемъ, „Нинушка была предметомъ всеобщаго расположенія, привлекала сердца очаровательностью, ко всѣмъ равною привѣтливостью; весь ея обликъ былъ полонъ какого-то обаянія“. Въ 1807 г., 24 Декабря, скончался нѣжно любимый ею отецъ, единственный ея другъ. Графъ В. Г. Орловъ предложилъ ей переѣхать жить къ нему, но Орлова, къ удивленію и огорченію дяди, отказалась: „Это милое, нѣжное существо, доселѣ извѣстное только своею покорностью, нынѣ самостоятельно впечатлительное и уже окруженное вліятельными лицами, явило неожиданную силу воли“. Такими вліятельными лицами были ея духовники; разочарованная въ людяхъ и свѣтѣ, она путешествовала по святымъ мѣстамъ и искала утѣшенія въ религіи, особенно среди монашества. Послѣ благодушнаго старца Амфилохія, духовникомъ ея сдѣлался знаменитый архимандритъ Фотій. Узкій фанатикъ, человекъ хитрый и лукавый, изувѣръ и аскетъ, Фотій своей желѣзной волѣ сумѣлъ скоро всецѣло подчинить слабую волю графини. Высокомѣрный, презирающій условія свѣтской жизни, въ веригахъ и власяницѣ на тѣлѣ съ гноящимися ранами, Фотій, казалось, ни въ чемъ земномъ не нуждался, и Орлова была увѣрена, что, щедро благотворя монастырямъ, она дѣлала это не по волѣ человека, а для самого Бога. Суровый архимандритъ изъ всѣхъ земныхъ страстей таилъ въ глубинѣ своей души только необузданное честолюбіе, почему и не позволялъ своей „дочери Аннѣ“ порывать съ обществомъ. Связи и вліяніе графини при дворѣ нужны были Фотію, а для Орловой это было монашеское „послушаніе“. При дворѣ графиня Орлова пользовалась расположеніемъ: въ 1817 г. она была пожалована въ камеръ-фрейлины, во время коронаціи Николая I—въ кавалерственныя дамы орд. св. Екатерины 2 кл.; въ 1828 г. сопровождала Императрицу въ ея поѣздкѣ по Россіи и за границу. Покинувъ Петербургъ и свое Нескучное, въ Москвѣ, Орлова поселилась около Юрьева монастыря, проводя время въ постѣ и молитвѣ. Относясь несочувственно къ крѣпостному праву, графиня обратила часть своихъ крестьянъ въ вольные хлѣбопашцы, а другую часть передала въ Удѣльное вѣдомство. Графиня Орлова умерла скоропостижно 5 Октября 1848 г., переживъ Фотія на 10 лѣтъ. Прахъ ея покоится въ Юрьевѣ монастырѣ, рядомъ съ могилой Фотія.

(Съ портрета, находящагося въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ.)

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА БАЛАШОВА, 1779—1823, дочь полковника Петра Леонасьевича Бекетова отъ брака съ старшей дочерью крупнаго заводовладѣльца на Уралѣ, милліонера купца Мясникова, Ириной Ивановной (р. 1743 г., † 31 Октября 1823 г.), на долю которой пришлось получить 2 завода и 19/т. душъ крестьянъ. Въ 1808 г. Елена Петровна Бекетова вышла замужъ за извѣстнаго министра полиціи Александра Дмитріевича Балашова, незадолго передъ тѣмъ овдовѣвшаго. Отъ этого брака у ней было трое сыновей: Петръ (флигель-адъютантъ, камергеръ, род. 13 Января 1811 г., † 1844 г.; женатъ на графинѣ А. И. Паскевичъ), Александръ (капитанъ, род. 7 Апрѣля 1812 г., † 14 Апрѣля 1854 г.; женатъ на графинѣ А. В. Левашовой, род. 1821 г., † 1880 г.) и Иванъ (шт.-ротмистръ Кавалергардскаго полка, род. 1806 г., убитъ на Кавказѣ въ 1841 г.).

Е. П. Балашова умерла лѣтомъ 1823 г. въ Рязани, гдѣ и погребена.

Елена Петровна при выходѣ замужъ, какъ и ея сестра Кушникова, получила отъ матери большое приданое, но кромѣ того Ирина Ивановна Бекетова, умирая и оставляя своимъ холостымъ сыновьямъ состояніе, приносившее 500/т. чистаго дохода, и на милліонъ мѣди, словесно завѣщала раздать дочерямъ и ихъ потомству 4500 душъ, въ томъ числѣ 3 сыновьямъ и мужу умершей Е. П. Балашовой по 500 душъ каждому. Завѣщаніе это, однако, не было признано сыномъ ея, камергеромъ Петромъ, тѣмъ не менѣе позднѣе, когда всѣ братья Бекетовы умерли холостыми, все ихъ состояніе перешло къ ихъ племянникамъ.

(Съ портрета Г. Дау; собственность Н. П. Балашова, въ С.-Петербургѣ.)

АЛЕКСАНДРЪ ДМИТРИЕВИЧЪ БАЛАШОВЪ, 1770—1837, сынъ извѣстнаго Екатерины II своимъ безкорыстіемъ сенатора Дмитрія Ивановича Балашова, воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ, откуда въ 1791 г. выпущенъ въ Измайловскій полкъ; въ 1795 г. разстроенное состояніе имущественныхъ дѣлъ заставило его перейти въ армію, подполковникомъ въ Астраханскій гренадерскій полкъ. Затѣмъ, въ 1797 г., онъ командовалъ Казанскимъ гарнизоннымъ полкомъ, въ 1799 г. былъ уже генераль-майоромъ и Омскимъ комендантомъ, а въ Ноябрь 1800 г.—Ревельскимъ военнымъ губернаторомъ; въ 1804 г. Балашовъ былъ назначенъ Московскимъ оберъ-полицеймейстеромъ, въ 1807 г.—генераль-крюгсъ-комиссаромъ, въ 1808 г.—Петербургскимъ оберъ-полицеймейстеромъ, въ 1809 г.—Петербургскимъ военнымъ губернаторомъ и генераль-адъютантомъ. Въ день учрежденія Государственнаго Совѣта, 1 Января 1810 г., назначенъ членомъ его, а 25 Юля того же года—Министромъ полиціи. Въ 1812 г., находясь при Государѣ, онъ получаетъ историческую командировку къ Наполеону, имѣвшую видъ какъ бы послѣдней попытки со стороны стремившагося къ разрыву Александра I къ примиренію, послѣ чего Русскій Императоръ могъ сложить окончательно вину и отвѣтственность за послѣдствія на своего противника; во время этой командировки Балашовъ прославился и своей знаменитой фразой, что на Москву „il y a plusieurs chemins, il y a un qui passe par Poltava“, и своимъ вызывающимъ поведеніемъ, объясняющимся вышесказаннымъ характеромъ его миссіи. Вмѣстѣ съ Аракчеевымъ и Шишковымъ онъ состоялъ при Александрѣ I въ походѣ и, вмѣстѣ съ ними, убѣдилъ Государя уѣхать изъ арміи; съ 1813 по 1815 г. онъ все время сопровождалъ Императора. Въ 1820 году былъ назначенъ генераль-губернаторомъ губерній: Рязанской, Тульской, Орловской, Воронежской и Тамбовской и въ этой должности находился до 1825 года. Уволенъ былъ въ отставку въ 1832 году. Скончался 8 Мая 1837 г. въ Кронштадтѣ; погребенъ въ своемъ имѣніи, въ церкви с. Покровскаго, Шлиссельбургскаго уѣзда.

Балашовъ былъ женатъ два раза: первымъ бракомъ на Наталіи Антипатовнѣ Коновницыной, отъ которой имѣлъ сына Дмитрія и дочь Анну (княгиня Волконская); вторымъ—на Еленѣ Петровнѣ Бекетовой.

Вигель даетъ интересную характеристику личности Балашова: „Природа дала ему все взаимныя пріятности наружной, въ которой ему отказала; дала все, что нужно для успѣховъ: хитрость грека, смѣтливость и смѣлость русскаго, терпѣніе и скромность нѣмца. Въ ученомъ смыслѣ, какъ всѣ тогда въ Россіи, получилъ онъ плохое образованіе; по мѣрѣ возвышенія въ мѣстахъ и чинахъ болѣе чувствовалъ потребность въ познаніяхъ, кидался на нихъ съ жадностью и съ быстротою все пожиралъ. Заронилъ одна благородная искра въ этотъ необыкновенный умъ, воспламени его, и—отечество гордилось бы имъ. Рѣчи Балашова были столь же ясны, какъ его разсудокъ, и столь же холодны, какъ его душа“.

По словамъ М. А. Дмитриева, „онъ разсказывалъ очень умно, краснорѣчиво и иногда очень забавно“. Хитрый и пронырливый царедворецъ, Балашовъ, по мнѣнію Кочубея, сдѣлалъ изъ министерства полиціи только „un ministère d'espionnage“. Не обладая широкимъ политическимъ умомъ, онъ бралъ изворотливостью и смѣтливостью, но не сумѣлъ заслужить расположенія преемника Александра Павловича, который его не любилъ.

(Съ портрета Г. Дау; принадлежитъ Н. П. Балашову, въ С.-Петербургѣ.)

172

Архимандритъ Фотій *L'Archimandrite Photius*
(Спасскій), (Spassky),
1792 — 1838 1792 — 1838

173

Графиня Анна Алексѣевна *La Comtesse Anna Alexéevna*
Орлова-Чесменская, Orloff-Tchemensky,
1785 — 1848 1785 — 1848

174

Пис. Г. Даву

Peint par G. Dawe

Елена Петровна *Hélène Pétrowna*
Балашова, Balachoff,
1799 — 1823 1799 — 1823

175

Пис. Г. Даву

Peint par G. Dawe

Александръ Дмитріевичъ *Alexandre Dmitriewitch*
Балашовъ, Balachoff,
1770 — 1837 1770 — 1837

Князь **МИХАИЛЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ГОЛИЦЫНЪ**, 1757—1827, второй сын гвардіи капитана князя Николая Сергѣевича (р. 1712 г., † 1773 г.) отъ второго его брака съ Екатериной Михайловной Бобрищевой-Пушкиной (р. 1725 г., † 1758 г.), родился 19 Мая 1757 г.; въ 1774 г. пожалованъ въ пажи, позднѣе, былъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и съ 1801 по 1811 годъ Ярославскимъ губернаторомъ.

Князь М. Н. Голицынъ былъ женатъ 3 раза: первымъ бракомъ, съ 30 Января 1783 г., на Прасковіи Петровнѣ Бѣмъ (р. 17 Октября 1763 г., † 20-и лѣтъ и 10-и дней, чрезъ 9 мѣсяцевъ послѣ брака; погребена подъ папертью собора въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ); отъ нея имѣлъ сына Николая, убитаго въ 1812 г. при Бородинѣ; во второмъ бракѣ—на одной изъ смолянокъ, увѣковѣченныхъ на портретѣ знаменитымъ Левицкимъ, Федосѣ Степановнѣ Ржевской, отъ которой былъ сынъ Степанъ (умеръ въ дѣтствѣ), и въ 3-й разъ—на Наталіи Ивановнѣ Толстой (р. 18 Июля 1774 г., † 24 Ноября 1841 г.; похоронена въ Москвѣ, въ Даниловомъ монастырѣ); отъ этого брака было 3 сына: Александръ (прозвище „Серебряный“; р. 1798 г., † 1859 г.), Валеріанъ (декабристъ; р. 1802 г., † 1859 г.) и Леонидъ (камергеръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ; р. 1806 г., † 1860 г.), и одна дочь, Екатерина (за тайнымъ совѣтникомъ, егермейстеромъ графомъ Л. Г. Салтыковымъ).

Князь М. Н. Голицынъ умеръ въ 1827 году, 3 Апрѣля, въ день Пасхи; похороненъ въ Московскомъ Даниловомъ монастырѣ.

(Съ миниатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михайловича.)

Князь СЕРГІЙ МИХАЙЛОВИЧЪ ГОЛИЦЫНЪ, 1774 — 1859, дѣйствительный тайный совѣтникъ 1 класса (съ 1852 г.), сынъ генераль-поручика князя Михаила Михайловича отъ брака съ баронессой Анной Александровной Строгановой, началъ службу въ Измайловскомъ полку въ 1789 г., а въ 1797 г. пожалованъ въ дѣйствительные камергеры. Назначенный въ 1807 г. почетнымъ опекуномъ, онъ болѣе полувѣка прослужилъ въ Москвѣ, занимая должности попечителя учебнаго округа (1850 г.), предсѣдателя Московскихъ Опекунскаго совѣта и отдѣленія Главнаго Совѣта женскихъ учебныхъ заведеній. Въ теченіе своей службы, князь Голицынъ получилъ всѣ ордена до алмазовъ къ Андрею Первозванному включительно. Какъ попечитель, онъ былъ противникомъ дарованнаго университетамъ избирательнаго права, „заимствованнаго изъ германскихъ университетовъ, кои извѣстны не столько ученой славой, сколько вольнодумствомъ и своевольствомъ“, и ручался, что, въ случаѣ утвержденія его проекта „о назначеніи, вмѣсто ректора, директора изъ постороннихъ университету чиновниковъ“, Московскій университетъ „пріобрѣтетъ должную степень совершенства“. Имѣя много другихъ обязанностей, Голицынъ мало занимался дѣлами округа, предоставивъ ихъ своимъ помощникамъ. Къ студентамъ онъ относился очень гуманно и щедро помогалъ нуждающимся (казенно-коштнымъ), вслѣдствіе чего среди нихъ пользовался любовью и уваженіемъ.

Не отличаясь большимъ и глубокимъ умомъ, Голицынъ тѣмъ не менѣ сумѣлъ создать себѣ въ Москвѣ весьма почетное положеніе и былъ однимъ изъ самыхъ уважаемыхъ Московскихъ старожилловъ: его сердечная доброта и всегдашнее радушіе привлекали къ нему; проникнутый благочестіемъ, онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ митрополитомъ Филаретомъ; будучи близокъ ко Двору и опытенъ въ придворной жизни, Голицынъ часто руководилъ митрополитомъ въ его сношеніяхъ съ Петербургомъ. Паружность Голицына была очень некрасива. Въ 1799 г. онъ женился на Евдокіи Ивановнѣ Измайловой (р. 4 Августа 1780 г., † 18 Января 1850 г.), извѣстной подъ именемъ „Princesse Nocturne“, но очень скоро послѣ свадьбы супруги навсегда развѣхались. Позднѣ Голицынъ былъ увлеченъ А. О. Россетъ (Смирновой), но безуспѣшно. Отъ матери онъ унаслѣдовалъ большое состояніе, дававшее ему средства для широкой благотворительной дѣятельности. По субботамъ къ нему въ домъ со всѣхъ сторонъ сходились нищія и получали отъ него милостыню. Очень заботливо относился онъ къ питомцамъ находившагося въ его вѣдѣніи Воспитательнаго дома и, по выходѣ ихъ оттуда, не лишалъ ихъ своего покровительства, а многіе, благодаря ему, получили возможность попасть въ университетъ. Дѣятельность его по Воспитательному дому высоко цѣнила Императрица Марія Теодоровна, которая находилась съ нимъ въ оживленной перепискѣ. Голицынъ оставилъ до 25.000 душъ крестьянъ, заводы, соляныя варницы, цѣнные брильянты и огромную движимость. Онъ являлся какъ бы главою рода Голицыныхъ и платилъ пенсіи многимъ изъ нуждающихся своихъ родственниковъ, въ томъ числѣ семейнымъ князя И. М. Долгорукаго, который въ своемъ „Капищѣ сердца“ такъ пишетъ о князѣ Сергѣи Михайловичѣ: „Говоря о семь достойномъ человѣкѣ, я собираю въ одну точку памяти все его семейство, старушку-мать, отца, сестеръ, брата, ибо кто изъ нихъ не полагалъ себѣ въ обязанность добро творить ближнему!“

Умеръ князь С. М. Голицынъ 7 Февраля 1859 г. и погребенъ въ своемъ селѣ Кузьминкахъ или „Влахернскомъ“, какъ любилъ называть эту свою Подмосковную старый князь — „последній Московскій вельможа“.

(Съ портрета К. Ляшъ, 1851 г.; собственность князя С. М. Голицына, с. Кузьминки, Московской губ.)

Князь СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ ГОЛИЦЫНЪ, 1753—1827, сынъ гвардіи капитана князя Николая Сергѣевича (р. 1712 г., † 1773 г.) и 2-й его жены Екатерины Михайловны Бобрищевой-Пушкиной (р. 1725 г., † 1758 г.), родился 9 Января 1753 г.; онъ былъ старшимъ братомъ извѣстнаго министра Духовныхъ дѣлъ князя Александра Николаевича Голицына, родившагося отъ 3-го брака ихъ отца.

Князь С. Н. Голицынъ дослужился до чина гвардіи капитана и затѣмъ вышелъ въ отставку, съ чиномъ полковника.

Онъ былъ женатъ два раза, въ 1-мъ бракѣ на Аннѣ Ивановнѣ Зотовой (дѣтей не было), во 2-мъ — съ Ноября 1797 г. на княжнѣ Екатеринѣ Сергѣевнѣ Бяратинской (р. 20 Декабря 1768 г., † 9 Января 1833 г.; погребена въ Москвѣ, въ Даниловомъ монастырѣ), отъ которой имѣлъ сына Николая (р. 9 Юля 1800 г., † 3 Января 1848 г. въ Москвѣ; статскій совѣтникъ и камергеръ).

Умеръ князь С. Н. Голицынъ 22 Юля 1827 года и похороненъ въ Московскомъ Даниловомъ монастырѣ.

(Съ миниатюры Колла, 1811 г.; собственность А. А. Бахрушина, въ Москвѣ.)

Князь АЛЕКСАНДРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ ГОЛИЦЫНЪ, 1772—1821, тайный совѣтникъ, сынъ генераль-поручика князя Михаила Михайловича отъ брака съ баронессой Анной Александровной Строгановой, старшій братъ „послѣдняго Московскаго вельможи“, князя Сергія Михайловича Голицына. Въ царствованіе Екатерины II былъ камеръ-пажомъ и выказывалъ Императрицѣ безграничную преданность; Государыня также благоволила къ нему. Назначенный затѣмъ камеръ-юнкеромъ къ Великому Князю Александру Павловичу, Голицынъ, благодаря своему уму и умѣнью быть пріятнымъ собесѣдникомъ, приобрѣлъ его благосклонность и довѣріе. Въ 1799 году онъ былъ удаленъ отъ двора, какъ говорили, за то, что былъ посредникомъ между Александромъ Павловичемъ и актрисой Шевалье, фавориткой Кутайсова.

Впослѣдствіи онъ былъ гофмейстеромъ при дворѣ Великой Княгини Екатерины Павловны. Голицынъ отличался веселымъ характеромъ и сатирическимъ умомъ. Красивый лицомъ, небольшого роста, онъ былъ извѣстенъ подъ прозвищемъ „le Petit Golitzyne“.

Князь Голицынъ былъ женатъ на фрейлинѣ княжнѣ Наталіи Федоровнѣ Шаховской (р. 1779 г., † 1807 г.) и имѣлъ 2 сыновей: Михаила (р. 21 Мая 1804 г., † 17 Марта 1860 г.; тайный совѣтникъ, писатель) и Федора (р. 1805 г., † 1847 г.; католикъ, іезуитъ и волонтеръ папскихъ войскъ).

Скончался князь А. М. Голицынъ 31 Юля 1821 года въ Парижѣ.

(Съ миниатюры Сень; принадлежитъ князю Н. Н. Оболенскому, въ Москвѣ.)

176

Князь Михаилъ Николаевичъ *Le Prince Michel Nikolaevitch*
 Голицынъ, *Golitzyne,*
 1757 — 1827 1757 — 1827

Пис. Ливъ, 1851 *Peint par Lasch, 1851*
 Князь Сергій Михайловичъ *Le Prince Serge Mikhaïlowitch*
 Голицынъ, *Golitzyne,*
 1774 — 1859 1774 — 1859

178

Пис. Колли, 1811 — Peint par Collas, 1811
 Князь Сергій Николаевичъ *Le Prince Serge Nikolaevitch*
 Голицынъ, *Golitzyne,*
 1753 — 1827 1753 — 1827

179

Пис. Сень — Peint par Saint
 Князь Александръ Михайловичъ *Le Prince Alexandre Mikhaïlowitch*
 Голицынъ, *Golitzyne,*
 1772 — 1821 1772 — 1821

ЕЛИЗАВЕТА НИКИТИЧНА ВСЕВОЛОЖСКАЯ, 177.—1812, побочная дочь известного своим кратковременным „случаемъ“ при дворѣ Елисаветы Петровны Никиты Афанасьевича Бекетова, впоследствии Астраханскаго губернатора, человека очень богатаго, владѣльца обширныхъ рыбныхъ ловлей на Волгѣ. Все свое большое состояніе Бекетовъ оставилъ двумъ побочнымъ дочерямъ, изъ которыхъ Елизавета вышла замужъ за бывшаго въ то время Астраханскимъ вице-губернаторомъ богача Всеволода Андреевича Всеволожскаго (р. 1769 г., † 1836 г.). Позднѣе она сама купила у князя Вяземскаго болѣе 100/т. десятины земли (за 100/т. рублей) на Кавказѣ, въ Кизлярскомъ уѣздѣ, по берегу Каспійскаго моря.

У Е. Н. Всеволожской было два сына: Александръ (дѣйствительный статскій совѣтникъ, р. 14 Сентября 1793 г., † 1 Мая 1864 г.; женатъ на княжнѣ Софіи Ивановнѣ Трубецкой, р. 1800 г., † 1852 г.) и Никита (дѣйствительный статскій совѣтникъ, р. 1799 г., † 28 Июля 1862 г., известный въ свое время остро словѣ, женатый первымъ бракомъ на княжнѣ В. П. Хованской, а вторымъ на Е. А. Жеребцовой), и дочь Марія (р. 1800 г., † 1822 г.), въ замужествѣ за генераль-адъютантомъ Н. М. Спягинымъ.

(Съ миниатюры, принадлежащей А. В. Всеволожскому, въ Москвѣ.)

Княгиня НАТАЛІЯ ПЕТРОВНА КУРАКИНА, 1758 — 1825, жена князя Степана Борисовича Куракина, родилась 28 Октября 1758 г. отъ брака отца ея Петра Петровича Нарышкина (р. 1726 г., † 1782 г.), гвардіи-майора, съ княжной Прасковіей Васильевной Репниной († 1795 г.). Выйдя замужъ въ 1775 г., она была очень родственно принята въ семьѣ мужа, отзывавшейся о ней, что „довольно ее знать, чтобъ полюбить“. Первые годы ея супружества, проведенные въ Москвѣ, въ великолѣпномъ домѣ князя А. Б. Куракина, на Мясницкой (нынѣ зданіе Почтамта), были счастливы, и никто не ожидалъ скорой измѣны „Наталки Петровны“ (такъ называлъ ее мужъ) своему супругу.

Грустная исторія ея жизни подробно разсказана близко ее знавшимъ княземъ И. М. Долгорукимъ въ его „Воспоминаніяхъ“: „Получа, согласно съ ея рожденіемъ, воспитаніе и отъ природы одарена будучи отличными свойствами ума и сердца, при способности ко всѣмъ пріятнымъ талантамъ, выдана она замужъ въ суцѣй молодости за князя С. Б. Куракина, который ни по качествамъ характера, ни по склонностямъ своимъ не былъ ея достоинъ и стоялъ гораздо ниже въ оцѣнкѣ моральныхъ совершенствъ. Княгиня заплатила общую дань слабости, естественной ея полу: она страстно влюбила въ себя и сама влюбилась въ перваго красавца своего времени Апраксина (Степ. Степ.), и связь ея съ нимъ скоро сдѣлалась извѣстной всей публикѣ. Могъ ли не примѣтить ее мужъ? Будучи только матеріаленъ, князь не умѣлъ пріобрѣсти ея сердца. Интрига усилилась и дошла до того, что Куракинъ приступилъ къ гласному съ женой разрыву; влюбясь вмѣстѣ съ тѣмъ и самъ въ дѣвицу Измайлову (Екатерину Дмитріевну; † 1843 г.), воспользовался случаемъ своей фамиліи у двора Павла и требовалъ формальнаго развода. Княгиня въ сіе злосчастное время тяжкаго для нея искушенія оставила мужа, жила при матери своей, удалилась отъ свѣта, не хотѣла видѣть и любить ничего, а по смерти матери своей жила у дяди, князя Н. В. Репнина, который цѣнилъ и уважалъ ея достоинства, но ничего не сдѣлалъ ни при жизни своей въ защиту чести ея и свободы отъ публичнаго нареканія, ни по смерти своей, завѣщая что-либо въ пользу ея, кромѣ бѣднѣйшаго пенсіона. Настоянія князя Куракина получили желаемый успѣхъ: разводъ его съ женой, на самыхъ гнилыхъ основаніяхъ, въ Консисторіи Владимірской приговоренъ, утвержденъ Синодомъ (въ 1799 г.), и Куракинъ тотчасъ на Измайловой женился. Еще не доставало послѣдняго и жесточайшаго удара для пораженія княгини, и онъ скоро нанесенъ ей судьбою: Апраксинъ, измѣняя ей, влюбился въ красоту лица княжны Голицыной, Екатерины Владиміровны, выѣхавшей изъ Парижа, опутанъ ею и обвинчался. Такимъ образомъ княгиня, принеся все въ жертву идолу своего сердца, поругана мужемъ, обманута въ любви, отвержена міромъ и, съ мужествомъ испивъ чашу прискорбій человѣческихъ до дна, заключилась въ Владимірской своей деревнѣ; тамъ устроила себѣ жилище и въ немъ, посвятивъ остатокъ дней своихъ молитвѣ, смиренію, раскаянію, присягу дала уединенію строжайшему и скоронилась, можно сказать, заживо, и безъ схимы успѣла стать подвигами вѣры и добродѣтели выше всѣхъ отшельницъ міра“.

Княгиня Н. П. Куракина явила собою рѣдкій въ ея время примѣръ женщины, пренебрегшей мнѣніемъ свѣта и подъ вліяніемъ сильной страсти добровольно отказавшейся отъ блестящаго положенія, почестей и богатства. „Гнилыя основанія“ ея развода, допущеннаго Синодомъ, согласно дѣйствовавшимъ въ то время спусходительнымъ въ дѣлахъ о разводѣ правиламъ „Кормчей книги“, состояли въ томъ, что княгиня, по собственному ея показанію, отлучилась отъ своего мужа „по неизлѣчимой болѣзни для жительства въ уединеніи“ и о болѣзни своей представила свидѣтельство какого-то штабъ-лѣкаря Сентъ-Мора. Интересно, что при вопросѣ о разводѣ Великаго Князя Константина Павловича случай развода князя Куракина былъ принятъ во вниманіе, въ виду аналогичныхъ обстоятельствъ формальной стороны дѣла.

Княгиня Н. П. Куракина скончалась 1 Мая 1825 г.; ей посвящены княземъ И. М. Долгорукимъ стихи, напечатанные въ „Сумеркахъ жизни“, подъ названіемъ „Дружба“, а описаніе Софіевки въ книгѣ „Славны бубны за горами или путешествіе мое кое-куда въ 1810 г.“ взято изъ его переписки съ ней.

(Съ миниатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михайловича.)

НИКИТА АФНАСЬЕВИЧЪ БЕКЕТОВЪ, 1729—1794, сынъ полковника Аѳанасія Алексѣевича, женатаго на шведкѣ, учился въ Шляхетскомъ корпусѣ; тогда тамъ часто устраивались спектакли, и Бекетовъ, отличавшійся нѣжнымъ цвѣтомъ лица и красотой, исполнялъ въ нихъ женскія роли. Посѣтивъ однажды такой спектакль, Елисавета Петровна, пройдя на сцену до начала представленія, нашла тамъ Бекетова, спящимъ между декораціями. Пораженная его дѣвической красотой, она велѣла опустить занавѣсъ и играть музыкѣ, а сама осталась на сценѣ. Въ тотъ же вечеръ Бекетовъ былъ сдѣланъ сержантомъ, а въ послѣдующіе спектакли Императрица всегда пріѣзжала сама одѣвать его въ женское платье. Въ 1750 г. Бекетовъ произведенъ въ поручики, въ 1751 г.—въ премьеръ-майоры и назначенъ адъютантомъ къ графу А. Г. Разумовскому. Молодой, 20-лѣтній фаворитъ „возгордился, началъ представлять изъ себя вельможу и принимать другихъ вельможъ и старыхъ придворныхъ въ плафрокѣ“. Со дня выпуска въ офицеры, онъ почти неотлучно находился при Императрицѣ. Такое расположеніе къ нему Елисаветы Петровны не на шутку испугало Шуваловыхъ, и, по преданію, кто-то изъ нихъ далъ Бекетову ядовитое притиранье, будто бы для сохраненія хорошаго цвѣта лица, на дѣлѣ вызвавшее сыпь и прыщи. Тотчасъ же гр. Мавра Егоровна Шувалова донесла Императрицѣ, что болѣзнь Бекетова слѣдствіе его зазорнаго поведенія. Цѣль была достигнута: Бекетовъ былъ удаленъ отъ двора. Позднѣе онъ принималъ участіе въ Семилѣтней войнѣ, былъ въ сраженіяхъ при Гроссъ-Эгерндорфѣ и Кенигсбергѣ, а въ несчастной битвѣ при Цорндорфѣ былъ взятъ пруссаками въ плѣнъ, гдѣ и оставался до 1760 года. Вернувшись изъ плѣна, онъ одно время оставался не у дѣла, а затѣмъ, въ 1762 г., Императоръ Петръ III произвелъ его въ генераль-майоры, а Императрица Екатерина II назначила въ 1763 г. Астраханскимъ губернаторомъ; въ этой должности онъ оставался до 1780 г., года отставки. Удалясь на покой, Бекетовъ поселился въ своемъ имѣніи „Отрада“, Саратовской губ.; здѣсь онъ „развелъ виноградные сады, съ мраморными водоемами и роскошной мельницей, въ которой не было ни малѣйшаго стука, ни малѣйшей пыли, и стояли ломберные столы для игры въ карты; тутъ же ему принадлежали богатые рыбные ловли на Волгѣ, отъ которыхъ произошла Бекетовская икра, нѣкогда знаменитая“. Бекетовъ скончался въ 1794 г. въ Отрадѣ; погребенъ въ другомъ своемъ имѣніи—Черепакѣ, около Астрахани. Женатъ онъ не былъ, но у него были двѣ дочери—„воспитанницы“, изъ которыхъ одна вышла замужъ за Смирнова, а другая, Елизавета Никитична,—за В. А. Всеволожскаго.

Выборъ Екатериною II Бекетова для Астраханской губ. оказался удачнымъ, и время его управленія этимъ краемъ оставило замѣтные слѣды. Онъ выказалъ много энергіи, наблюдательности и пониманія нуждъ края: имъ основана существующая до сихъ поръ колонія гернгутеровъ Сарепта, организованы и установлены рыбные промыслы, создано Астраханское винодѣліе, развито по всему краю земледѣліе и урегулированы торговля сношенія съ Персіей. Кромѣ того, имъ основана Енотаевская крѣпость и установлены лучшія отношенія между правительствомъ и калмыками. Его дѣятельность не осталась безъ награды: въ 1771 г. онъ произведенъ въ генераль-лейтенанты, а въ 1773 г. пожалованъ въ сенаторы.

Н. А. Бекетовъ не чуждъ былъ литературѣ. Его стихотворенія напечатаны въ „Сборникѣ разныхъ писемъ 1769 и 1770 гг.“, и, сверхъ того, имъ была написана, но не напечатана, драма изъ ассирійской жизни подъ названіемъ „Никаноръ“; самому ему посвящены И. И. Дмитріевымъ, его племянникомъ, такіе стихи:

„Воспитанникъ любви и счастья богини
Онъ сердца своего отъ нихъ не развратилъ;
Другихъ обогащаль, а самъ, какъ стойкъ, жилъ,
И умеръ посреди безмолвныя пустыни!“

(Съ портрета Рокотова; собственность А. В. Всеволожскаго, с. Александровское, Московской губ.)

НИКОЛАЙ МАРТЪЯНОВИЧЪ СИПЯГИНЪ, 1785—1828, сынъ вице-адмирала Мартъяна Яковлевича, женатаго на Евдокіи Федоровнѣ Купрелъной, 10-и лѣтъ былъ опредѣленъ въ Морской корпусъ. Черезъ годъ Сипягинъ перешелъ въ гражданскую службу въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ, но затѣмъ, 22 Февраля 1800 г., поступилъ рядовымъ въ Семеновскій полкъ; 15 Августа былъ произведенъ въ подпрапорщики, въ 1804 г.— въ прапорщики. Черезъ годъ началась его боевая служба: подъ Аустерлицемъ онъ былъ раненъ пулей въ руку и ядромъ контуженъ въ бокъ; за сраженіе при Гутштадтѣ и Фриландѣ награжденъ золотой шпагой и произведенъ въ поручики. Въ мирный промежутокъ Наполеоновской эпохи, съ Тильзита до 1812 г., Сипягинъ, служа въ Семеновскомъ полку, усердно занялся самообразованіемъ, много читалъ и изучалъ военныя науки, составилъ первый краткій очеркъ исторіи своего полка и, какъ адъютантъ, завелъ полковую библіотеку. Въ чинѣ штабсъ-капитана, 11 Юня 1811 г. Сипягинъ былъ пожалованъ во флигель-адъютанты и произведенъ въ капитаны. Во время Отечественной войны онъ участвовалъ во всѣхъ крупныхъ дѣлахъ, состоя сначала при Багратионѣ, затѣмъ при самомъ Кутузовѣ и, наконецъ, при Милорадовичѣ, въ авангардномъ корпусѣ котораго въ 1813 г. былъ назначенъ начальникомъ штаба. Подъ Бауценомъ, въ чинѣ полковника, онъ командовалъ двумя егерскими полками и отрядомъ казаковъ, при чемъ въ жестокомъ огнѣ остался невредимымъ, но фуражка и сюртукъ его были прострѣлены въ нѣсколькихъ мѣстахъ. За участіе въ сраженіяхъ подъ Дрезденомъ, Кульмомъ и при Лейпцигѣ произведенъ въ генераль-майоры, а подъ Парижемъ, 18 Марта 1814 г., пожалованъ въ генераль-адъютанты и получилъ Георгія 3 степени. По возвращеніи въ Россію, Сипягинъ былъ назначенъ начальникомъ штаба Гвардейскаго корпуса, а въ 1819 г.—начальникомъ 6-й пѣхотной дивизіи. Въ день коронаціи Императора Николая I, 22 Августа 1826 г., произведенъ въ генераль-лейтенанты, а въ слѣдующемъ году, 27 Марта 1827 г., назначенъ военнымъ губернаторомъ въ Тифлисъ. Несмотря на короткое пребываніе его въ Тифлисъ, имъ многое было сдѣлано какъ для украшенія и благоустройства города, такъ и въ дѣлѣ просвѣщенія края: онъ устроилъ женскій институтъ, открылъ гимназію, школу земледѣлія, заботился объ учрежденіи въ Тифлисъ Кадетскаго корпуса. За свою дѣятельность на Кавказѣ Сипягинъ получилъ орд. св. Владиміра 2 ст. и Александра Невскаго, а его супруга сдѣлана кавалерственной дамой. Послѣ экспедиціи противъ персіанъ для защиты Эчмиадзина, особенно замѣчательны дѣйствія Сипягина по устройству карантинныхъ отъ чумы, при чемъ онъ самъ посѣщалъ чумныя отдѣленія. Смерть Сипягина была неожиданной: онъ пользовался прекраснымъ здоровьемъ, ему было всего только 42 года. Онъ простудился 4 Октября 1828 г., долго ожидая на мосту чрезъ Куру пріѣзда Паскевича, а 10 Октября уже скончался; погребенъ въ Тифлисъ, въ соборѣ. Сипягинъ былъ женатъ 2 раза: первымъ бракомъ на Маріи Всеволодовнѣ Всеволожской, отъ которой имѣлъ 2 сыновей: Всеволода (р. 1818 г.) и Мартъяна (р. 1819 г.), вторымъ—на Маріи Сергѣевнѣ Кушниковой (р. 13 Юля 1800 г.), которая умерла въ Москвѣ 31 Октября 1828 г. (похоронена въ Новоспасскомъ монастырѣ), не узнавъ о смерти мужа. Послѣ нея осталось двое маленькихъ сиротъ, сынъ Сергѣй (р. 1826 г.) и дочь Екатерина.

По отзыву современника, Сипягинъ былъ высокаго роста, стройный, крѣпкаго сложенія, здоровый, бодрый и веселый, обладалъ замѣчательнымъ даромъ слова. „Съ подчиненными своими обращался чрезвычайно ласково, но въ отношеніи къ старшимъ велъ себя съ холодной вѣжливостью. Съ 7 часовъ утра до ночи былъ онъ въ трудахъ. Гибкій и образованный умъ его не зналъ покоя: вездѣ находилъ онъ пищу дѣятельности своей. Новыя предположенія, преобразованія, улучшенія безпрестанно роились въ его головѣ“. Гдѣ ни служилъ Сипягинъ, онъ всюду заводилъ библіотеки, типографіи, Ланкастерскія школы, собиралъ юнкеровъ и подпрапорщиковъ для занятій, стараясь внушить имъ любовь къ наукѣ. Одаренный чувствомъ изящнаго, онъ „любилъ живопись и хотѣлъ казаться знатокомъ въ картинахъ, зато музыкальнаго слуха вовсе не имѣлъ, хотя и увѣрялъ въ своей страсти къ музыкѣ. Поэзія составляла истинное наслажденіе Сипягина. Онъ зналъ наизусть множество стиховъ и прекрасно читалъ ихъ... Щедрость его не имѣла границъ, Сипягинъ былъ врагъ денегъ“... Сипягинъ умеръ черезчуръ молодымъ, и его другъ, графъ Дибичъ, „почиталъ смерть Сипягина потерю государственною“.

Художникъ изобразилъ на портретѣ Н. М. Сипягина вмѣстѣ съ его первой женой, Маріей Всеволодовной.

(Съ портрета Дезарно; собственность А. В. Всеволожскаго, с. Александровское, Московской губ.)

180

Елизавета Никитишна
Всеволжская,
177. — 18..

*Elisabeth Nikitichna
Vsevolozsky,
177. — 18..*

181

Княгиня Наталья Петровна
Куракина,
1758 — 1825

*La Princesse Natalie Pétrowna
Kourakine,
1758 — 1825*

182

Пис. Рокотовъ

Peint par Rokotoff

Никита Афанасьевичъ
Бекетовъ,
1729 — 1794

*Nikita Afanassiewitch
Békétoff,
1729 — 1794*

183

Пис. Дезарно

Peint par Desarnod

Николай Мартьяновичъ
Сипягинъ,
1785 — 1828,
съ женой, Маріей Всеволодовной

*Nicolas Martianowitch
Sipiaguine,
1785 — 1828,
et sa femme, Marie Vsevolodowna*

ВСЕВОЛОДЪ АНДРЕЕВИЧЪ ВСЕВОЛОЖСКІЙ, 1769—1836, отставной гвардіи ротмистръ, Астраханскій вице-губернаторъ, дѣйствительный камергеръ, былъ сынъ Пензенскаго воеводы, надворн. совѣтн. Андрея Алексѣевича, сгорѣвшаго въ своемъ домѣ, защищаясь противъ полчищъ Пугачева, и женатаго на Маріи Ивановѣ Нечаевой. Обладатель колоссальнаго состоянія, частью наследованнаго отъ дяди сенатора Всеволода Алексѣевича Всеволожскаго († 1796 г.) и увеличеннаго еще женитьбой на Елизаветѣ Никитичѣ Бекетовой, Всеволожскій—этотъ „Петербургскій Крезъ“—считался однимъ изъ первыхъ богачей въ Россіи: его знаменитые желѣзодѣлательные, мѣдно и чугуноплавильные заводы на Уралѣ, его соляные промыслы и рыбныя ловли, золотиносные пески въ Верхотурьѣ, давали ему годового дохода болѣе милліона рублей. Человѣкъ необыкновенно дѣятельный и энергичный, онъ первый въ Россіи устроилъ на Волгѣ пароходы и первый совершилъ на одномъ изъ нихъ поѣздку со своихъ заводовъ въ Казань; онъ также завелъ выдѣлку желѣза англійскимъ способомъ, занялся разработкой каменнаго угля на Уралѣ и открылъ золотыя россыпи по рѣкѣ Сосвѣ. Позднѣе онъ занялся рафинированіемъ свекловичнаго сахара у себя на дачѣ, за Охтой, и радовался, что въ своемъ домашнемъ обиходѣ не употреблялъ ни фунта привознаго сахару. Въ 1830-хъ гг., когда въ Петербургѣ возникло газовое общество, онъ устроилъ въ Рябовѣ чугунолитейный заводъ, на которомъ трубы отливались вдвое дешевле выписныхъ англійскихъ. Рябово было куплено Всеволожскимъ у оберъ-полиціймейстера Эртеля и стоило ему нѣсколько милліоновъ рублей: онъ расчистилъ рощи и обратилъ ихъ въ паркъ, при чемъ провелъ дорогъ болѣе чѣмъ на 25 верстъ; его оранжереи славились своими рѣдкостями, и ежегодно, въ Новый годъ, онъ поздравлялъ Императрицу, поднося ей фрукты на золотомъ блюдѣ. Изящный домъ-дворецъ Всеволожскаго, среди обширнаго французскаго парка съ подстриженными аллеями, каналами, фонтанами и замысловатыми бесѣдками, состоялъ изъ 160 комнатъ въ двухъ этажахъ. Ко дню именинъ хозяина, въ Рябово съѣзжалось болѣе 500 человѣкъ гостей, которые помѣщались въ „гостиницѣ“, въ 2-хъ флигеляхъ, при чемъ были приняты мѣры, чтобы привычки каждаго гостя не встрѣтили ни малѣйшаго стѣсненія; празднество продолжалось трое сутокъ. Обѣды Всеволожскаго славились, и даже въ обыкновенные дни за столъ нерѣдко садилось 100 человѣкъ. Меню обѣдовъ полны были каламбуровъ и гастрономическихъ остротъ, гости кушали въ Декабрѣ свѣжую землянику или полученнаго по почтѣ съ Урала осетра, котораго подавали прямо въ котлѣ 4 кухонныхъ мужика въ бѣлыхъ рубахахъ. Крѣпостные музыканты, пѣвчіе и актеры составляли большую труппу, а прислуги считалось до 400 человѣкъ. Драматурги—Хмельницкій, Ѳ. Глинка, кн. Шаховской и самъ Крыловъ—писали комедіи и сцены для крѣпостнаго театра; Верстовскій писалъ музыку къ куплетамъ, которые сочинялъ Мятлевъ, на гитарѣ игралъ извѣстный виртуозъ Аксеновъ. Спектакли обыкновенно заканчивались „прологомъ“ въ честь хозяина, разыгрывавшимся родными и гостями; съ особеннымъ всегда оживленіемъ исполнялись всякіе шарады, загадки, каламбуры, омонимы, логогрифы, анаграммы и т. п., а въ день именинъ устраивалась „ярмарка“ во всѣхъ комнатахъ: тутъ гуляли разные типы и народности Россіи среди лавочекъ съ товарами и замысловатыми вывѣсками; во всемъ этомъ особенно дѣятельное участіе принималъ сынъ Всеволожскаго, Никита, извѣстный гастрономъ, каламбуристъ и остроловъ своего времени... Тогдашніе знаменитости-художники также бывали гостями Всеволожскаго: Босси, Дау, Дезарно, позднѣе Тропининъ, увѣковѣчили на портретахъ изображеніе хозяина, всей его семьи и цѣлыя сцены изъ жизни въ Рябовѣ, гдѣ теперь даже и „слѣдовъ былого великолѣпія и былой роскоши уже не существуетъ: дворецъ обвалился, паркъ заросъ и проданъ по частямъ“.

(Съ портрета Г. Дау; собственность А. В. Всеволожскаго, с. Александровское, Московской губ.)

ГЛАФИРА ИВАНОВНА АЛЫМОВА, 1758—1826, дочь полковника Ивана Акинфиевича Алымова, умершаго до ея рожденія, явилась 19-мъ ребенкомъ въ семьѣ и не была любима матерью. Отданная въ Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ при Смольномъ монастырѣ, она окончила воспитаніе съ первымъ выпускомъ въ 1776 г. первою и награждена золотой медалью первой величины и „знакомъ отъѣзды“—золотымъ вензелемъ Екатерины на бѣлой лентѣ съ тремя золотыми полосками. Во время своего 11-лѣтняго пребыванія въ Смольномъ, „Алимушка“, какъ ее называла Екатерина, благодаря своему живому и веселому характеру, была всеобщей любимицей. Императрица хвалила ее за то, что она „умѣетъ выманывать монахинь изъ келій своею игривостью“. Не менѣе любила ее и Великая Княгиня Наталія Алексѣевна, занимавшаяся съ Алымовой музыкой; она общалась даже ее взять къ себѣ въ качествѣ „друга“ и, будучи уже больной, посылала ей съ графомъ Разумовскимъ записочки и цвѣты. Подъ конецъ своего пребыванія въ Смольномъ, 17-лѣтняя Алымова сдѣлалась предметомъ старческой страсти 75-лѣтняго Бецкаго, скрывавшаго это подъ маской отеческой привязанности. „Было время“, говоритъ Алымова, „когда вліяніе его на меня походило на очарованіе. Исполненная уваженія къ его почтенному возрасту, я не только была стыдлива передъ нимъ, но даже застѣнчива, посреди постоянныхъ любезностей, вниманія, ласкъ, нѣжныхъ заботъ, которыя окончательно околдовали меня. Имѣя возможность сдѣлаться женою Бецкаго“, она предпочла быть въ качествѣ „удочереннаго передъ свѣтомъ любимѣйшаго дитяти“ и поселилась, по выходѣ изъ Смольнаго, у него въ домѣ. Въ это же время Алымова была назначена Екатериной для встрѣчи прибывавшей въ Россію невѣсты Великаго Князя Павла Петровича и затѣмъ приставлена была компаньонкою къ Великой Княгинѣ. Съ этихъ поръ начинаются крайне сложныя и запутанныя отношенія Алымовой къ Великокняжескому двору, въ которыхъ съ ея стороны главную роль играли честолюбіе и личный расчетъ, отдалившіе отъ нея Великую Княгиню Марію Ѳеодоровну, будто бы приревновавшую ее къ своему супругу. Появленіе на сцену фрейлины Нелидовой положило конецъ, быть-можетъ дѣйствительно, зарождавшейся интригѣ; Алымова „влюбилась“ въ дѣйств. тайнаго совѣтника Алексѣя Андреевича Ржевскаго, немолодого уже вдовца, и, отказавъ графу Брюлю, вышла замужъ, несмотря на интриги и сопротивление дряхлаго Бецкаго. Проживъ нѣсколько времени въ домѣ послѣдняго, Ржевскіе вскорѣ переѣхали въ Москву. Глафира Ивановна, однако, не упускала случая пользоваться выгодами своей прежней близости ко двору: дочь ея была пожалована фрейлиной, а сама она въ кавалерственныя дамы меньшаго креста. Но, играя двойную роль въ придворныхъ интригахъ, перессорившись одинаково и съ Нелидовой, и съ Бенкендорфъ, она своими претензіями скоро испортила эти отношенія, и въ концѣ царствованія Павла I Ржевскіе подверглись опалѣ Императора. Потерявъ мужа въ 1804 г., получивъ пенсію въ 4/т. руб. и 63/т. руб. на уплату долговъ, Ржевская вышла вторично замужъ за савойца Ипполита Петровича Маскле, учителя французскаго языка въ Москвѣ, переводчика басенъ Хемницера и Крылова, и выхлопотала ему дворянство и камергерскій ключъ.

Скончалась Г. И. Маскле (Ржевская) въ Москвѣ въ 1826 году, на 68 году отъ роду, и похоронена на Ваганьковскомъ кладбищѣ. Отъ брака съ Ржевскимъ она имѣла трехъ сыновей: Александра, Павла и Николая, и дочь Марію (за Н. П. Свистуновымъ).

Несимпатичная личность Ржевской тѣмъ ярче выступаетъ въ ея „Запискахъ“, чѣмъ болѣе она старается объяснять свои поступки высокими побужденіями. Завистливая и неблагодарная, тщеславная и мелочная, она, не стѣсняясь, позднѣе жалуется на то, что благоволеніе, оказываемое ей и ея мужу Великимъ Княземъ и Великой Княгиней, пріѣзжавшими къ нимъ, „то завтракать, то обѣдать“, „порождало толки“, и что „милость эта, при ихъ скромныхъ средствахъ, обходилась весьма дорого“. Несмотря на свое „отращеніе“ ко двору и свое „безкорыстіе“, Ржевская, какъ могла, пользовалась своимъ положеніемъ и сама въ этомъ себя улпачаетъ: „Я носила цѣпи, налагаемыя рабствомъ, только до тѣхъ поръ, пока положеніе это могло быть полезно дѣтямъ моимъ, когда же они перестали въ немъ нуждаться, я покинула Дворъ“.

(Съ портрета Левницкаго, 1776 г.; Большой Петергофскій дворець.)

184

Пис. Г. Даву

Peint par G. Dawe

Всеволодъ Андреевичъ *Vsévolode Andréewitch*
 Всеволожскій, *Vsévolojsky,*
 1769 — 1836 1769 — 1836

185

Пис. Левицкий, 1776

Peint par Lévitky, 1776

Глафира Ивановна *Glaphire Ivanowna*
 Алымова, *Alymoff,*
 1758 — 1826 1758 — 1826

Баронетъ ЯКОВЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ВИЛЛЕ, 1765—1854, дѣйствительный тайный совѣтникъ, лейбъ-медикъ, родился въ Шотландіи и учился медицинѣ въ Эдинбургскомъ и Абердинскомъ университетахъ. Пріѣхавъ онъ на службу въ Россію полковымъ врачомъ въ 1790 году. Удачное излѣченіе Аракчеева отъ болѣзни обратило на Вилле вниманіе Императора Павла, который въ 1799 г. назначилъ его своимъ лейбъ-хирургомъ. При Императорѣ Александрѣ I Вилле, какъ придворный врачъ, получилъ первенствующее значеніе и пользовался особымъ довѣріемъ Государя, котораго онъ сопровождалъ во всѣхъ его поѣздкахъ. Въ 1809 г. Вилле назначенъ былъ президентомъ Медико-хирургической академіи и въ этомъ званіи сдѣлалъ очень много для развитія медицинскихъ знаній въ Россіи; между прочимъ онъ создалъ для Россіи фармакопею, дѣйствовавшую до начала 60-хъ годовъ XIX вѣка. Въ царствованіе Императора Николая Павловича Вилле до смерти своей исполнялъ обязанности главнаго инспектора Военно-медицинской части.

Вилле былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ иностранцевъ, которые, прибывъ въ Россію бѣдняками, умѣли полюбить ее и видѣли въ ней вторую свою родину. Нажитое имъ въ Россіи во время долговременной своей службы большое состояніе онъ пожертвовалъ въ пользу любимой своей Медико-хирургической академіи, клиника которой въ С.-Петербургѣ до сихъ поръ носитъ имя Вилле. Къ сожалѣнію, пока трудно установить, насколько Вилле пользовался своимъ значеніемъ при дворѣ въ пользу первой своей родины, Англии.

(Съ портрета, принадлежащаго М. Я. Вилле, въ С.-Петербургѣ.)

Графъ СЕРГѢЙ КОЗЬМИЧЪ ВЯЗМИТИНОВЪ, 1744 — 1819, изъ древняго, но не знатнаго русскаго дворянскаго рода, сынъ Рыльскаго помѣщика Козьмы Семеновича, родился въ Октябрѣ 1744 г.; поступилъ на службу унтеръ-офицеромъ 22 Юня 1759 г. въ обсерваціонный корпусъ, находившійся въ Пруссіи во время Семилѣтней войны; въ 1761 г., съ чиномъ прапорщика, опредѣленъ въ Украинскій полкъ. Черезъ 10 лѣтъ, въ чинѣ полковника, былъ адъютантомъ графа Румянцева и принималъ участіе въ 1-й Турецкой войнѣ, командуя Екатеринославскимъ егерскимъ полкомъ. Въ 1790 г. Вязмитиновъ, женившійся на Александрѣ Николаевнѣ Энгельгардтъ, пользуясь могущественнымъ покровительствомъ Потемкина, родственника жены, былъ назначенъ Могилевскимъ губернаторомъ и командиромъ Бѣлорусскаго корпуса. Посланный въ 1795 г. въ Киргизь-Кайсацкую орду для прекращенія волненій по случаю смерти хана и для выбора новаго, онъ съ успѣхомъ исполнилъ эту миссію и былъ пожалованъ въ сенаторы, съ назначеніемъ Симбирскимъ и Уфимскимъ генераль-губернаторомъ. Павелъ I назначилъ Вязмитинова Оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ, затѣмъ перевелъ его въ Подольскую губернію, а 3 дня спустя, назначилъ Малороссійскимъ генераль-губернаторомъ. Въ Январѣ 1797 г. онъ былъ назначенъ комендантомъ С.-Петербургской крѣпости и присутствующимъ въ Военной коллегіи, а 22 Апрелья—управляющимъ Комиссаріатскимъ департаментомъ. Въ 1798 г. онъ былъ произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи, пожалованъ орденомъ св. Александра Невскаго и отставленъ отъ службы. Въ 1801 г., 9 Сентября, Александръ I назначилъ Вязмитинова Малороссійскимъ губернаторомъ, 1 Января 1802 г. вице-президентомъ Военной коллегіи и членомъ Государственнаго Совѣта, а 10 Сентября того же года онъ былъ назначенъ первымъ Военнымъ министромъ. Въ 1805 г. ему поручено было, въ отсутствіе Государя, управленіе столицей, съ званіемъ главнокомандующаго; 10 Января 1808 г. онъ былъ уволенъ въ отставку, а 3 года спустя, вызванъ присутствовать въ Государственномъ Совѣтѣ. Въ 1812 г., 28 Марта, Вязмитинову было поручено Министерствомъ полиціи и управленіе Петербургомъ, 9 Сентября повелѣно быть председателемъ Комитета министровъ, а 30 Августа 1814 г. пожалована Андреевская лента; въ 1816 г. онъ сдѣланъ С.-Петербургскимъ генераль-губернаторомъ и пожалованъ графскимъ достоинствомъ.

Въ молодости Вязмитиновъ не чуждъ былъ литературы и написалъ оперу „Новое семейство“, а въ старости (10 Юля 1818 г.) избранъ въ члены Россійской Академіи. Вигель такъ отзывался о немъ: „Покорность къ преобладающей власти была девизомъ старика. Его доброта и честность были столь же извѣстны, какъ умъ его и дѣятельность: трудолюбіемъ и долгою безпорочною службою единственно попалъ онъ, наконецъ, въ люди. Къ сожалѣнію, нахожденіе его въ малыхъ чинахъ при лицахъ строгихъ и не весьма вѣжливыхъ начальниковъ оставило въ немъ какое-то раболѣпство, несогласное съ достоинствомъ, которое необходимо для человѣка, поставленнаго на высокую степень. Ни англійскаго, ни какого-либо другаго иностраннаго въ немъ рѣшительно ничего не было; въ немъ также никто не могъ бы узнать и древняго русскаго барина, а стариннаго, честнаго, вѣрнаго и преданнаго русскаго холопа“.

Графъ Вязмитиновъ скончался 15 Октября 1819 г.; „въ самый день возвращенія Государя“, пишетъ Вигель, „престарѣлый графъ Вязмитиновъ совсѣмъ одѣлся, чтобы ѣхать во дворецъ, а пока присѣлъ и сталъ подписывать бумаги; вдругъ рука его остановилась: въ одну минуту прекратились всѣ жизненныя его движенія“. Погребенъ онъ въ Александро-Невской лаврѣ, въ Лазаревой церкви. Рядомъ похоронена его жена († 9 Юля 1848 г.). Дѣтей у нихъ не было.

На памятникѣ графа надпись: „Служилъ отечеству и государямъ съ честью и славою 60 лѣтъ“, а современникъ такъ характеризовалъ его въ стихахъ:

„Почти столѣтіе служилъ Россіи съ честью,
Пронырства былъ врагомъ, усердья образцомъ
И жизнь, какъ праведникъ, окончилъ тихой смертью:
Вязмитиновъ, вотъ твой отчетъ передъ Творцомъ!“

(Съ портрета, принадлежащаго И. Ф. Тютчеву, въ Москвѣ.)

МИХАИЛЬ МИХАЙЛОВИЧЪ ФИЛОСОФОВЪ, 1732 — 1811, сынъ генераль-лейтенанта и Александровскаго кавалера Михаила Матвѣевича († 1748 г.), изъ древняго Смоленскаго дворянскаго рода, съ младенчества былъ зачисленъ въ ряды гвардіи и 15-и лѣтъ былъ уже поручикомъ. Въ Семилѣтнюю войну онъ отличился храбростію и, тяжело раненый въ сраженіи при Куннерсдорфѣ, 1 Августа 1759 г. произведенъ въ полковники. Въ 1762 г. Философовъ произведенъ въ генераль-майоры, а затѣмъ назначенъ директоромъ Сухопутнаго Шляхетскаго корпуса. Но уже въ 1768 г. Императрица Екатерина, замѣтивъ въ Философовѣ дипломатическія способности, назначила его посланникомъ при Датскомъ дворѣ, на одинъ изъ важнѣйшихъ дипломатическихъ постовъ въ то время, такъ какъ Россія вела тогда переговоры съ Даніей объ обмѣнѣ Голштиніи и старалась помѣшать ея союзу съ враждебной Россіи Швеціей. Въ Копенгагенѣ Философовъ достигъ намѣченныхъ ему цѣлей, умѣло вмѣшавшись въ борьбу придворныхъ партій, окружавшихъ слабого короля Христіана VII, и содѣйствуя гибели знаменитаго Струэнзе. По неизвѣстнымъ, однако, причинамъ Философовъ навлекъ на себя неблаговоленіе Императрицы и въ 1774 г., особенно тяжело огорченный потерей друга А. И. Библикова, вышелъ въ отставку. Въ уединеніи, занимаясь науками, онъ переводилъ съ французскаго языка „Инструкціи или воинское наставленіе Фридриха, короля Прусскаго, его генералитету“. Зато Павелъ I, по восшествіи на престолъ, произвелъ его въ генералы-отъ-инфантеріи и назначилъ Смоленскимъ военнымъ губернаторомъ. Въ бытность губернаторомъ, Философовъ заботился объ улучшеніи сельской промышленности и представилъ въ Государственный Совѣтъ нѣсколько докладовъ, какъ-то: о необходимости заведенія въ Псковской губерніи полотняной фабрики для заготовки холста на армію, о заведеніи казенныхъ фабрикъ въ Польскихъ губерніяхъ для производства солдатскаго сукна, и другіе. Императоръ Александръ I назначилъ Философова членомъ Государственнаго Совѣта. Живя въ деревнѣ, въ селѣ Котельнѣ, Островской округи, Псковской губ., Философовъ письмомъ отъ 22 Августа 1810 г. просилъ Государя разрѣшить ему „по болѣзненнымъ припадкамъ“ оставаться въ „уединенной и покойной деревенской жизни“. Черезъ нѣсколько дней Александръ I въ милостивомъ рескриптѣ писалъ: „Зная ревность и усердіе ваше къ общему благу, не полагаю я опредѣлительнаго срока вашему отсутствію, бывъ удостовѣренъ, что, какъ скоро дѣла Государственныя потребуютъ вашего здѣсь пребыванія, то по первому воззванію не уедлите сюда прибыть“. Но годъ спустя, 27 Сентября 1811 г., М. М. Философовъ скончался въ глубокой старости.

Имѣя умъ быстрый и глубокій, характеръ независимый и рѣзкій, Философовъ нажилъ себѣ немало враговъ, но пользовался всегда репутаціей честнаго и вѣрнаго служки. Онъ былъ достаточно искусный дипломатъ и дѣятельный администраторъ.

(Съ миниатюры, принадлежащей Великому Князю Николаю Михайловичу.)

МИХАИЛЪ ФЕДОРОВИЧЪ СОЙМОНОВЪ, 1730—1804, сынъ сенатора Федора Ивановича (р. 1682 г., † 1780 г.), сосланнаго въ Сибирь по дѣлу Волинскаго, отъ перваго его брака съ Дарьей Ивановной Отяевой, родился 15 Мая 1730 г.; воспитывался въ домѣ дѣда по матери, который отдалъ его на 8 году учиться въ Академію Наукъ. Въ 1742 г., по желанію принца Гессенъ-Гомбургскаго, записанъ бомбардиромъ въ артиллерию и зачисленъ въ Артиллерійскую школу. Произведенный въ 1753 г. въ штыкъ-юнкера, былъ отправленъ въ Сибирь къ „Секретной комиссіи“ для описанія въ Нерчинскомъ уѣздѣ „хлѣбопахотныхъ земель и измѣренія фарватера р. Шилки и сочиненія плановъ“. По возвращеніи въ С. Петербургъ, пожалованъ въ поручики и затѣмъ снова посланъ въ Сибирь для описанія Китайской границы и укрѣпленія г. Нерчинска; въ 1757 г. произведенъ въ капитаны, въ 1761 г.—въ майоры артиллеріи, съ повелѣніемъ состоять при отцѣ, въ то время Тобольскомъ губернаторѣ. Съ назначеніемъ послѣдняго сенаторомъ въ Москву, онъ оставленъ при немъ („въ помощь родителю“). Въ 1762 г. Соймоновъ засѣдалъ въ Петербургѣ въ особой комиссіи по устройству крѣпостей и расположенію войскъ въ Сибири, а въ слѣдующемъ назначенъ оберъ-прокуроромъ 3 департамента Сената, съ производствомъ въ генераль-майоры. Переведенный затѣмъ въ Москву въ 6 Департаментъ, Соймоновъ здѣсь былъ занятъ приведеніемъ въ порядокъ дѣлъ Рязряднаго архива, гнившихъ въ подвалахъ подъ Архангельскимъ соборомъ. Въ 1771 г. Соймоновъ былъ назначенъ директоромъ Бергъ-коллегіи и монетныхъ дворовъ, при чемъ ему поручено было также устройство пришедшихъ въ совершенный упадокъ Олонецкихъ заводовъ Петра Великаго. 25 Октября 1773 г., по докладу Соймонова, была учреждена Горная школа (нынѣ Горный Институтъ) при Бергъ-коллегіи, при чемъ учениковъ онъ лично набралъ изъ студентовъ Московскаго университета. Усиленные труды разстроили его здоровье, и онъ просилъ увольненія отъ службы, но Государыня дала ему безсрочный отпускъ и 10/т. р. на лѣченіе за границей. Пробывъ 1½ года въ Парижѣ и въ Спа, Соймоновъ вновь вернулся на службу, но, 3 года спустя, вышелъ въ отставку и поселился въ Москвѣ (въ своемъ домѣ, съ садомъ, на М. Дмитровкѣ, купленномъ у Евреиновыхъ, нынѣ Кузнецова), при чемъ, „по просьбѣ членовъ Благороднаго собранія, принялъ на себя званіе директора и старался построить домъ на Б. Дмитровкѣ, отдѣлавъ оный и внутри“ (нынѣ домъ Благороднаго собранія, купленный у князя Долгорукаго-Крымскаго). На это дѣло онъ потратилъ много энергіи и труда, зато и сейчасъ въ особомъ „Соймоновскомъ“ залѣ находится портретъ М. Ф. Соймонова въ натуральную величину, въ ростъ, въ орденскомъ одѣяніи Андреевскаго кавалера. Вступленіе на престолъ Павла I заставило Соймонова явиться въ Петербургъ, гдѣ онъ былъ обласканъ Государемъ, цѣнившимъ его спеціальныя познанія въ горномъ дѣлѣ: Павелъ пожаловалъ его въ тайные совѣтники, Александровской лентой, сенаторомъ и назначилъ директоромъ горныхъ и монетныхъ дѣлъ, съ повелѣніемъ присутствовать въ Совѣтѣ Государя. Однако, обиліе дѣла и „строгость петербургскаго сырого климата ослабили его силы“. Соймоновъ сталъ проситься въ отставку, но, вмѣсто того, 31 Юля 1799 г. получилъ орденъ св. Андрея Первозваннаго и вслѣдъ затѣмъ порученіе проектировать постройку Монетнаго двора съ лабораторіей. Въ то же время онъ былъ назначенъ членомъ Совѣта Смольнаго и Екатерининскаго институтовъ. „Жестокая болѣзнь—гриппъ“, вмѣстѣ съ „застарѣлымъ ревматизмомъ, скорбутомъ, полученнымъ во время разъѣздовъ по Сибири, желчь и обструкція въ печени“, а также „опухоль въ ногахъ съ нестерпимою болью отъ ударовъ, подагрическими мокротами производимыхъ“, все это имѣло послѣдствіемъ, что 1 Января 1801 г. Соймоновъ былъ уволенъ отъ службы и отпущенъ въ любимую имъ Москву, гдѣ въ Апрѣль 1802 г. сдѣланъ членомъ Совѣта училища св. Екатерины. Императрица Марія Феодоровна была съ нимъ въ перепискѣ и даже, по свидѣтельству М. М. Евреинова, который очень хвалитъ доброту Соймонова, „сберегая его здоровье, присылала ему часто своей работы носочки“. Но „ни спокойная жизнь, ни климатъ, гораздо лучший предъ петербургскимъ“, не были въ состояніи побороть недуги и старость и „не привели его въ состояніе пользоваться муціономъ“. Свою жизнь Соймоновъ описалъ незадолго до своей смерти въ краткой автобіографіи (Горный журналъ, 1887 г., № 10).

М. Ф. Соймоновъ скончался 17 Октября 1804 г. и похороненъ въ Серпуховскомъ Высоцкомъ монастырѣ. Онъ былъ женатъ на Екатеринѣ Алексѣевнѣ Исленьевой († 1806 г.); дѣтей у нихъ не было.

(Съ миниатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михайловича.)

Баронетъ Яковъ Васильевичъ *Le Baronnet Jacob Vassiliewitch*
Вилліе, *Wylie,*
1765 — 1854 1765 — 1854

Графъ Сергій Козьмичъ *Le Comte Serge Kouzmitch*
Вязмитиновъ, *Viazmitinoff,*
1744 — 1819 1744 — 1819

Михаилъ Михайловичъ *Michel Mikhaïlowitch*
Философовъ, *Filosoff,*
1732 — 1811 1732 — 1811

Михаилъ Федоровичъ *Michel Féodorowitch*
Соймоновъ, *Soïmonoff,*
1753 — 1804 1753 — 1804

Графиня ПРАСКОВЬЯ ВАСИЛЬЕВНА МУСИНА-ПУШКИНА, 1754—1826, супруга генераль-аншефа, впоследствии фельдмаршала, графа Валентина Платоновича Мусина-Пушкина, дочь князя Василия Михайловича Долгорукаго-Крымскаго отъ брака съ Анастасіей Васильевной Волынской, родилась 6 Апрелья 1754 года. Мужъ ея и она сама пользовались большимъ вліяніемъ и значеніемъ при Дворѣ, и графиня Прасковья Васильевна была пожалована первою въ статсъ-дамы по восшествіи на престолъ Императора Павла, а именно 10 Ноябрья 1796 г. (при разборѣ бумагъ покойной Императрицы была найдена отмѣтка Ея рукою: „Въ первое пожалованіе Пушкину въ статсъ-дамы“). Въ коронацію же Павла I, 5 Апрелья 1797 г., она получила орденъ св. Екатерины меньшаго креста. Въ свѣтъ ея побаввались за ея властный и мужественный характеръ: „une vraie mégère du grand monde“, говоритъ о ней въ своихъ мемуарахъ князь П. Долгорукій. Имѣя единственнаго сына, Василія, она, чтобы увеличить и безъ того огромное его состояніе, женила его на богатѣйшей наслѣдницѣ, графинѣ Екатеринѣ Яковлевнѣ Брюсъ, своей племянницѣ, и исходатайствовала у Императора Павла разрѣшеніе сыну присоединить къ его фамиліи—фамилію „Брюсъ“, а племянницу, какъ говорятъ, заставила передъ свадьбой подписать завѣщаніе, по которому она оставляла все свое состояніе мужу.

Овдовѣвъ въ 1804 г., графиня Мусина-Пушкина соорудила въ Московскомъ Симоновомъ монастырѣ внизу подъ Трапезной церковью, гдѣ находилась могила мужа, храмъ во имя св. мученика Валентина, упрочивъ вѣчное поминовеніе его вкладомъ въ 20.000 рублей. Сама она скончалась въ Петербургѣ 26 Юня 1826 г., а въ Январѣ 1827 г. тѣло ея было перевезено въ Москву и предано землѣ рядомъ съ мужемъ въ Симоновомъ монастырѣ.

Здѣсь же похороненъ и сынъ ея, оберъ-шенкъ графъ Василій Валентиновичъ Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ (р. 19 Ноябрья 1773 г., † 5 Апрелья 1836 г.). Послѣ этого нижній храмъ заустѣлъ, въ настоящее время отъ него ничего не осталось, а въ 1845 г. „признательными лицами къ памяти“ графа Василія устроенъ наверху, въ самомъ Трапезномъ храмѣ, придѣлъ во имя свв. мучениковъ Валентина и Параскевы и св. блаженнаго Василія. Изображеніе этихъ же трехъ святыхъ, писанное масляными красками прямо на стѣнѣ, и мѣстами уже обсыпавшееся, находится надъ тремя каменными плитами, обозначающими въ мрачномъ и заустѣломъ подземельѣ Симонова монастыря мѣста упокоенія соименныхъ имъ графовъ Мусиныхъ-Пушкиныхъ.

(Съ портрета, принадлежавшаго князю А. В. Шаховскому, с. Бѣлая Колпь, Московской губ.)

Графъ ВАЛЕНТИНЪ ПЛАТОНОВИЧЪ МУСИНЪ-ПУШКИНЪ, 1735—1804, сынъ графа Платона Ивановича, котораго Петръ Великій называлъ „племянникомъ“ (Анна его сослала въ Соловецкій монастырь, съ наказаніемъ кнутомъ, урвзаніемъ языка и лишеніемъ имѣнія“—„безвинно“), родился 6 Декабря 1735 г. отъ брака отца съ княжной Марею Петровною Черкасскою. Записанный съ дѣтства въ гвардію, Мусинъ-Пушкинъ участвовалъ въ Семилѣтней войнѣ, затѣмъ секундъ-майоромъ Конной гвардіи принималъ участіе въ возведеніи на престолъ Императрицы Екатерины II, за что, въ день ея коронаціи, пожалованъ въ камеръ-юнкеры, получилъ часть конфискованныхъ имѣній отца и 600 душъ вновъ. За участіе въ 1-й Турецкой войнѣ, въ Крымской арміи князя В. М. Долгорукаго-Крымскаго, своего тестя, награжденъ Георгіемъ 3 ст., а при заключеніи мира получилъ Александровскую звѣзду и чинъ генераль-поручика. Въ 1783 г. онъ былъ пожалованъ въ генераль-аншефы и генераль-адъютанты; назначенный состоять при Великомъ Князѣ Павлѣ Петровичѣ, онъ сумѣлъ заслужить его расположеніе, несмотря на то, что пользовался милостіями Екатерины II, говорившей, что она ему „персонально обязана“. Въ 1786 г. Мусинъ-Пушкинъ назначенъ былъ вице-президентомъ Военной коллегіи и получилъ Андреевскую ленту, а въ 1787 г. назначенъ въ Совѣтъ Императрицы. Въ слѣдующемъ году, когда началась война съ Швеціей, Екатерина назначила его, за неимѣніемъ лучшаго, главнокомандующимъ, хотя сама была всегда весьма невысокаго мнѣнія о его способностяхъ и называла его „нерѣшимымъ мѣшкомъ“. Лично храбрый, графъ Мусинъ-Пушкинъ оказался совершенно негоднымъ полководцемъ и на этотъ разъ заслужилъ отъ Государыни эпитетъ „сущаго болвана“. Въ великомъ раздраженіи Екатерина писала Потемкину о немъ: „Я весьма недовольна по случаю нерѣшительности его и слабости, онъ никакимъ авантажемъ не умѣетъ воспользоваться, *en un mot, c'est une bête*, между генералами его завелись такія кабалы, по слабости его, кои общему дѣлу вредны; однимъ словомъ, ему и всему его генералитету смѣна неминуема предлежитъ“. Въ другомъ письмѣ она жалуется на „глупое, унылое и слабое его поведеніе“, добавляя, что „ему, Пушкину, впредь не командовать, понеже не умѣетъ“, „гвардія его бранить, также и казаки, и самъ Денисовъ“. Тѣмъ не менѣе, графъ Мусинъ-Пушкинъ получилъ за Шведскую кампанію золотую шпагу, Владиміра 1 ст. и алмазы къ Андреевской звѣздѣ, пока въ 1790 г. не былъ замѣненъ графомъ И. П. Салтыковымъ, который имѣлъ у Императрицы также нелестную репутацію: „Плуть и упрямъ“. При Павлѣ I графъ Мусинъ-Пушкинъ былъ назначенъ шефомъ Кавалергардовъ и 5 Апрѣля 1797 г. — фельдмаршаломъ.

Графъ В. П. Мусинъ-Пушкинъ былъ женатъ на дочери князя Долгорукаго-Крымскаго, Прасковіи Васильевнѣ. Скончался онъ въ Москвѣ 8 Юля 1804 г. и похороненъ подъ Трапезной церковью въ Симоновомъ монастырѣ.

Отличаясь болѣе чѣмъ скромными способностями, графъ Мусинъ-Пушкинъ былъ человекъ добрый и ласковый, но слабохарактерный, нерѣшительный и доступный чужому вліянію. Блистая полнымъ отсутствіемъ талантовъ, онъ обладалъ, однако, всецѣло однимъ—умѣньемъ уживаться со всѣми сильными людьми при дворѣ и искусно улавливать господствующее здѣсь теченіе. Этому таланту царедворца онъ обязанъ былъ своей блестящей карьерой. Въ молодости онъ „былъ счастливъ, любимъ прекраснымъ поломъ: собой видный, высокаго роста, красивый; въ старости онъ пополнилъ, сдѣлался сутуловать, красное лицо его покрылось угрями“.

(Съ портрета Левицкаго; принадлежалъ князю А. В. Шаховскому, с. Бѣлая Колпа, Московской губ.)

АЛЕКСѢЙ АНДРЕЕВИЧЪ РЖЕВСКІЙ, 1737—1804, сынъ Андрея Ивановича, родился 19 Февраля 1737 года. Въ 1767 г. былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры и засѣдалъ въ качествѣ депутата отъ г. Воротынска въ Комиссіи уложенія; въ 1772 г. правилъ должность директора Академіи Наукъ за отъѣздомъ графа В. Г. Орлова, затѣмъ былъ президентомъ Медицинской коллегіи. Въ 1785 г. Ржевскій сдѣланъ членомъ Россійской академіи; въ 1785 г., будучи тайнымъ совѣтникомъ и камергеромъ, получилъ Аннинскую ленту; впослѣдствіи былъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, сенаторомъ и Александровскимъ кавалеромъ. Съ 1794 по 1796 г. былъ Совѣстнымъ судьей въ Петербургѣ; при Павлѣ I впалъ въ немилость и былъ отрѣшенъ отъ должности. Скончался 23 Апрѣля 1804 года и погребенъ на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры. На памятникѣ его слѣдующая эпитафія:

„Онъ рѣдкимъ былъ отцомъ,
Примѣрнымъ былъ супругомъ,
Для счастья родныхъ, для обща блага жилъ.
Любилъ ученіе, поэзіи былъ другомъ
И правдою всегда отечеству служилъ“.

Поэтическая дѣятельность Ржевскаго была чрезвычайно разнообразна и продолжалась до конца его жизни. Онъ писалъ притчи, загадки, сказки, эпиграммы, сатирическія письма, торжественныя и духовныя оды, эклоги, элегіи, сонеты, идилліи, стансы, мадригалы и печаталъ свои произведенія въ „Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ“, „Трудолюбивой пчелѣ“, „Полезномъ увеселеніи“, „Свободныхъ часахъ“... Въ своихъ одахъ онъ восторженно воспѣвалъ и Петра III за его милости дворянству и уничтоженіе Тайной канцеляріи, и Екатерину II и Александра I. Въ 1769 г. на придворномъ театрѣ съ успѣхомъ была представлена его трагедія „Смердѣи и Прелеста“. Ржевскій занималъ видное мѣсто среди масоновъ и принадлежалъ къ ложѣ Латаны и къ „теоретическому гродусу Соломоновыхъ наукъ“, говорили, что онъ былъ и розенкрейцеромъ. Ржевскій былъ женатъ дважды. Первой его женой (съ 19 Марта 1766 г.) была Александра Фодотовна Каменская (р. 10 Августа 1740 г., † 27 Апрѣля 1769 г.), сестра фельдмаршала; она сама была поэтессой и писательницей. На памятникѣ ея написано, что она „произвела, по прошествіи 3-хъ лѣтъ, первымъ плодомъ супружества сына, именемъ Ивана, и на 18-й день горячкою скончалась“ (младенецъ умеръ 4-хъ мѣсяцевъ и погребенъ рядомъ съ матерью). Надгробная эпитафія, вѣроятно, сочиненная мужемъ, гласитъ:

„Здѣсь Ржевская лежитъ, пролейте слезы, Музы: Ни нравъ, кой столь ее пріятно украшалъ,
Она любила васъ, любезна вамъ была... Который и друзей, и мужа утѣшалъ,
Ни острый умъ ея, наукой просвѣщенный, Ни сердце нѣжное ея не защитило
Ни даръ, художествамъ и музамъ посвященный, И смерти лютыя отъ ней не отвратило!“

Второй бракъ съ Глафирой Ивановной Альмовой, для совершенія котораго пришлось преодолѣть много препятствій, былъ также счастливъ, и Державинъ воспѣлъ благополучіе супруговъ въ 1780 г. въ одѣ „Счастливое семейство“ (написана на бумагѣ съ силуэтами Ржевскихъ, нарисованными женой Державина):

„Миръ въ жизни сей и миръ въ дни оны, Тебѣ, чувствительный, незлобный,
Въ обители избранныхъ душъ, Благочестивый, добрый мужъ!“

Впослѣдствіи между Державиннымъ и Ржевскимъ произошла размолвка подъ вліяніемъ неправильностей, допущенныхъ будто бы Ржевскимъ, бывшимъ въ то время Совѣстнымъ судьей, въ угоду сильнымъ людямъ, въ дѣлѣ о наслѣдствѣ Бекетова, и подъ вліяніемъ этой размолвки Державинъ въ своихъ „Запискахъ“ называетъ А. А. Ржевскаго „человѣкомъ весьма честнымъ, но слабымъ, худо знающимъ законы и удобопреклоняемымъ на сторону сильныхъ“.

(Съ миниатюры, принадлежащей Великому Князю Николаю Михайловичу.)

Графъ АПОЛЛОСЪ АПОЛЛОСОВИЧЪ МУСИНЪ-ПУШКИНЪ, 1761—1805, сынъ графа Аполлоса Епафродитовича († 1771 г.) отъ брака съ Елизаветой Федотовной Каменской († 1800), сестрой фельдмаршала, родился въ Tobольскѣ 18 Февраля 1761 г.; онъ принадлежалъ къ числу очень рѣдкихъ представителей тогдашней аристократіи, посвятившихъ себя наукѣ. Отецъ его, котораго онъ, впрочемъ, рано лишился, былъ президентомъ Бергъ-коллегіи, и этимъ обстоятельствомъ, можетъ-быть, объясняется его увлеченіе естественными науками. Камеръ-юнкеръ и капитанъ Конной гвардіи, потомъ дѣйствительный камергеръ, тайный совѣтникъ и кавалеръ ордена св. Анны 1-й ст., Мусинъ-Пушкинъ обладалъ обширными познаніями въ химіи и минералогіи и сдѣлался европейски извѣстнымъ ученымъ. Имъ написано болѣе 20 научныхъ трудовъ; его мнѣніе „о причинахъ звучанія водороднаго пламени въ стеклянной трубкѣ“ поддерживалось нѣкоторое время и другими учеными. Онъ былъ членомъ академій наукъ Петербургской, Берлинской, Стокгольмской, Туринской и Лондонскаго Королевскаго общества. Служебное поприще соответствовало его научнымъ склонностямъ: онъ былъ вице-президентомъ Бергъ-коллегіи, а въ 1802 г., „пожертвовавъ пріятной жизнью пользамъ любезнаго Отечества“, пожелалъ ѣхать во вновь присоединенную Грузію для минералогическихъ изслѣдованій, и былъ назначенъ главноначальствующимъ надъ горными производствами на Кавказѣ. Оттуда прислалъ онъ въ Академію Наукъ много минераловъ и ископаемыхъ и разностороннія замѣчанія о природѣ и климатѣ Кавказа. Преждевременная смерть прервала его научную и полезную дѣятельность; онъ скончался 18 Апрѣля 1805 г. въ Тифлисі.

Мусинъ-Пушкинъ былъ женатъ на княжнѣ Аннѣ Николаевнѣ Голицыной, но потомства не оставилъ. Князь Долгорукій въ своемъ „Капищѣ“ посвятилъ нѣчто въ родѣ эпитафіи графу Мусину-Пушкину, съ которымъ въ молодости онъ былъ „хорошо знакомъ: вмѣстѣ разыгрывали разныя роли, живали въ одномъ мѣстѣ, однимъ кумиромъ поклонялись“. Переживъ его на много, Долгорукій говоритъ, что онъ „человѣкъ придворный“, но „рожденъ былъ для наукъ и, упражнясь въ натуральныхъ изысканіяхъ въ Грузіи, нашель конецъ свой тамъ, гдѣ ожидалъ ученой славы. Лучше бы продолжать играть комедіи, и, можетъ-быть, онъ еще и теперь наслаждался бы физическими благами; зато онъ не боится уже такъ, какъ я, каменной болѣзни и не преданъ докторами въ аренду лихимъ аптекарямъ. Нѣтъ худа безъ добра. Худо умереть рано, а иногда и того хуже жить запоздавши“.

Прилагаемый портретъ, пастель, какъ это видно изъ современной французской надписи на оборотѣ его, писанъ въ Москвѣ 25 Февраля 1788 года.

(Съ портрета, принадлежащаго князю В. Н. Гагарину, с. Никольское-Гагарино, Московской губ.)

190

Графиня Прасковія Васильевна Мусина-Пушкина, 1754 — 1826
 La Comtesse Prascovie Vassilievna Moussine-Pouchkine, 1754 — 1826

191

Пис. Левицкий
 Графъ Валентинъ Платоновичъ Мусинъ-Пушкинъ, 1735 — 1804
 Peint par Lévitky
 Le Comte Valentin Platonowitch Moussine-Pouchkine, 1735 — 1804

193

192

Алексѣй Андреевичъ Ржевскій, 1737 — 1804
 Alexis Andréewitch Rjewsky, 1737 — 1804

Графъ Аполлошь Аполлосовичъ Мусинъ-Пушкинъ, 1761 — 1805
 Le Comte Apollos Apollonowitch Moussine-Pouchkine, 1761 — 1805

Графъ АДАМЪ ПЕТРОВИЧЪ ОЖАРОВСКІЙ, 1776 — 1855, сынъ кастеляна Войницкаго Петра Юрьевича Ожаровскаго, убитаго мятежной чернью въ Варшавѣ въ 1794 г., службу началъ въ лейбъ-гвардіи Конномъ полку, въ которомъ находился до 1802 года, когда произведенъ въ полковники. Боевое поприще началъ въ кампанію 1805 г. и подъ Аустерлицемъ, за выдающуюся храбрость и взятіе французскаго знамени, награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени. За отличіе въ сраженіяхъ при Гутштадтѣ, Гейльсбергѣ и Фридландѣ пожалованъ орденомъ св. Георгія 3-й ст. и въ 1807-мъ же году званіемъ генераль-адъютанта въ чинѣ генераль-майора. Въ началѣ кампаніи 1812 г. находился при главной квартирѣ Императора Александра, при чемъ на него возложено было размѣщеніе войскъ въ „Дрисскомъ лагерѣ“. По отзыву Шишкова, графъ Ожаровскій былъ ученикомъ въ военныхъ наукахъ и почитателемъ пресловутаго Пфуля, едва не погубившаго русской арміи въ этомъ знаменитомъ „лагерѣ“. За Бородинское сраженіе графъ Ожаровскій пожалованъ золотою шпагою, украшенною алмазами, съ надписью „за храбрость“. Затѣмъ участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Тарутинымъ, Малоярославцемъ и Краснымъ, командуя отдѣльнымъ корпусомъ, при чемъ за военные подвиги при изгнаніи непріятеля изъ предѣловъ Россіи награжденъ орденомъ св. Анны 1-й степени. Въ слѣдующемъ году принималъ участіе въ дѣлахъ подъ Дрезденомъ, Кульмомъ, Люценомъ, Бауценомъ, Лейпцигомъ, Бріенномъ, Баръ-сюръ-Объ, Сомпюи, Фершампенуазомъ и Парижемъ. Командуя отдѣльнымъ корпусомъ при Сомпюи, захватилъ 20 французскихъ пушекъ, за каковой подвигъ награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго.

По окончаніи войны вернулся въ Россію и находился не у дѣлъ до 1827 года, когда Высочайшимъ приказомъ 17 Февраля назначенъ командиромъ отдѣльнаго Литовскаго корпуса и въ Октябрѣ того же года, по домашнимъ обстоятельствамъ, уволенъ въ отставку. Въ 1833 г. назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта Царства Польскаго, а 6 Сентября 1841 г., по упраздненіи этого Совѣта, получилъ повелѣніе присутствовать въ Варшавскихъ Департаментахъ Сената. Въ 1845 г. за отлично-усердную службу награжденъ, по представленію князя Паскевича, алмазными знаками Александра Невскаго.

Скончался графъ Ожаровскій въ Ноябрѣ 1855 года. Былъ женатъ на графинѣ Софіи Адамовнѣ Скаржинской, отъ которой дѣтей не имѣлъ. Высочайше утвержденный за нимъ графскій титулъ перешелъ къ его племянникамъ, сыновьямъ брата его Франца.

(Съ портрета Г. Дау; Галлерей 1812 г. Зимняго Дворца.)

Маркизь ФИЛИППЪ ОСИПОВИЧЪ ПАУЛУЧЧИ, 1779—1849, сынъ Австрійскаго камергера маркиза Иосифа Паулуччи и жены его графини Каstellари, службу началъ въ пиемонтскихъ войскахъ, затѣмъ въ австрійскихъ и французскихъ. Въ 1807 г. былъ принятъ на русскую службу съ чиномъ полковника и назначенъ состоять при Михельсонѣ. Въ томъ же году на него возложено дипломатическое порученіе—склонить на сторону Россіи Сербскаго воеводу Георгія Чернаго; результатомъ этихъ переговоровъ была конвенція 28 Іюня 1807 г., въ силу которой Сербія просила Александра I принять ее подъ свое покровительство. Въ 1808 г. Паулуччи назначенъ начальникомъ штаба 8-й пѣх. дивизіи, находившейся въ Финляндіи, участвовалъ въ войнѣ 1808 г., за которую награжденъ Георгіемъ 4-й ст. и чиномъ генераль-майора. Черезъ два года онъ былъ назначенъ начальникомъ штаба Грузинскаго корпуса и за отличіе въ сраженіи при Ахалкалакахъ, гдѣ разбилъ 10-тысячный персидско-турецкій корпусъ, произведенъ въ генераль-лейтенанты. Въ томъ же 1810 г. назначенъ генераль-квартирмейстеромъ Кавказской арміи, а въ Іюль 1811 г. главнокомандующимъ войсками въ Грузіи. На Кавказѣ маркизь пробылъ недолго: сдавъ командованіе генералу Ртищеву, пожалованный 7 Іюня 1812 г. въ генераль-адъютанты, онъ прибылъ въ Петербургъ и былъ назначенъ начальникомъ штаба 3-й Западной арміи. Едва вступивъ въ исполненіе этой должности, былъ переведенъ на ту же должность въ 1-ю армію, затѣмъ съ конца Іюня въ теченіе нѣкотораго времени находился не у дѣлъ, а въ Октябрѣ 1812 г. былъ назначенъ Рижскимъ военнымъ губернаторомъ и командиромъ Отдѣльнаго корпуса. Немедленно же по вступленіи въ новую должность, онъ, по приказанію Императора Александра, началъ переговоры съ Прусскимъ генераломъ Іоркомъ, результатомъ которыхъ явилась такъ называемая Таурогенская конвенція, подписанная Дибичемъ и Іоркомъ 18 Декабря 1812 года. Въ силу этой конвенціи, Прусскій корпусъ долженъ былъ расположиться на пространствѣ отъ Мемеля до Тильзита и, сохраняя нейтралитетъ, ожидать приказаній отъ своего двора. Эта конвенція, почву для которой несомнѣнно подготовилъ Паулуччи, послужила, однако, къ славѣ Дибича, который пожалъ ея лавры. Маркизь остался не при чемъ. Напоминать о себѣ онъ не любилъ, являя собою рѣдкій примѣръ корректности и служебнаго безкорыстія. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Аракчееву, жалуясь на несправедливыя урѣзки въ его содержаніи, сдѣланныя по распоряженію министра Финансовъ Гурьева, „постоянно“—какъ выразился маркизь—„ищуцаго только надо мною сохранить Государственный интересъ“, Паулуччи писалъ, что слѣдовало бы при этомъ вспомнить о конфискаціи Наполеономъ всего его обширнаго родового имущества за переходъ его на русскую службу. При этомъ онъ прибавилъ, что хотя Александръ I и обѣщаль ему возмѣстить всѣ убытки, но онъ „никогда не рискнетъ напомнить объ этомъ обѣщаніи, ибо обращеніе къ Государю, по праву его генераль-адъютантскаго званія, было бы прямымъ злоупотребленіемъ служебнымъ положеніемъ“. Прибалтійскимъ краемъ, въ качествѣ генераль-губернатора Лифляндскаго, Курляндскаго и Эстляндскаго, Паулуччи управлялъ до 1825 года. Въ бытность его губернаторомъ, у него произошло столкновеніе съ извѣстной баронессой Крюднеръ, которую онъ не хотѣлъ пускать въ Лифляндію. По этому поводу Александръ I писалъ Паулуччи 9 Мая 1818 г.: „Къ чему нарушать спокойствіе существъ, занимающихся только молитвами къ Предвѣчному и никому не дѣлающихъ зла? Чѣмъ больше въ такихъ случаяхъ розысковъ и надзору, тѣмъ прибавляется только важности для зѣвакъ. Оставьте г-жу Крюднеръ и другихъ пользоваться совершеннымъ спокойствіемъ, потому что какое вамъ до того дѣло, какъ кто молится Богу? Каждый отвѣчаетъ Ему по своей совѣсти!“ Въ 1829 г. Паулуччи вышелъ въ отставку и возвратился въ Италію, гдѣ былъ назначенъ генераль-инспекторомъ Сардинскихъ войскъ, и умеръ въ Ниццѣ 25 Января 1849 г. въ званіи министра Сардинскаго короля.

Маркизь Паулуччи былъ женатъ трижды: 1) на графинѣ Коскуль, 2) на дочери Одесскаго коменданта Клавдіи Кoble, и 3) на баронессѣ Маріи де-Курсель; только отъ второй жены у него были дѣти, а именно: 2 сына, Александръ-Анафеста (р. 1828 г., † 1886 г.) и Александръ-Николай (р. 1839 г., † 1902 г.), и 3 дочери: Елизавета († 1903 г.; въ замужествѣ Ториджіани), Каролина († 1903 г.; за Корони) и Альбертина († 189 г.; въ замужествѣ за Ricci, а во второмъ бракѣ за Ionstonss).

(Съ портрета Г. Дау; Галлерей 1812 года Зимняго Дворца.)

Пис. Г. Даву

Peint par G. Dawe

Графъ Адамъ Петровичъ Le Comte Adam Pétrowitch
 Ожаровскій, Ojarsowsky,
 1776 — 1855 1776 — 1855

Пис. Г. Даву

Peint par G. Dawe

Маркизь Филиппъ Осиповичъ Le Marquis Philippe Ossipowitch
 Паулуччи, Paulucci,
 1779 — 1849 1779 — 1849

ДМИТРИЙ СЕРГЬЕВИЧЪ ДОХТУРОВЪ, 1756—1816, сынъ капитана Сергья Петровича, женатаго на Елизаветъ Алексѣевнѣ Коробьиной, изъ пажей произведенъ поручикомъ въ Семеновскій полкъ; на 33-мъ году онъ былъ еще капитаномъ. Шведская война 1790 г., въ которой онъ проявилъ выдающуюся храбрость, и во время которой былъ два раза раненъ, находясь въ десантномъ отрядѣ принца Нассау-Зигена, доставила Дохтурову золотую шпагу. Черезъ 5 лѣтъ онъ былъ пожалованъ чиномъ полковника. Въ царствованіе Павла I, въ 1799 г., онъ былъ уже генералъ-лейтенантомъ. Во время Наполеоновскихъ войнъ начала столѣтія, за бой при Дорнштейнѣ, 30 Октября 1805 г., онъ награжденъ Георгіемъ 3-й степени. Подъ Аустерлицемъ, гдѣ онъ командовалъ дивизіей на лѣвомъ крылѣ, ему пришлось пробиваться сквозь ряды непріятеля, и его считали уже погибшимъ. За этотъ подвигъ онъ награжденъ орд. св. Владиміра 2-й ст. большого креста. Въ слѣдующихъ затѣмъ кампаніяхъ 1806 и 1807 гг. онъ участвовалъ въ бояхъ при Голыминѣ, Янковѣ, Прейсишъ-Эйлау, Гутштадтѣ, Гейльсбергѣ и Фридландѣ, при чемъ, будучи 2 раза раненъ, не покидалъ поля битвы. За эти сраженія онъ получилъ: Анну 1-й ст., шпагу съ алмазами и Александровскую ленту. Въ 1810 г. произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи.

Въ началѣ кампаніи 1812 г. Дохтуровъ со своимъ корпусомъ находился на лѣвомъ крылѣ 1-й Западной арміи и движеніемъ Наполеона къ Вильнѣ былъ отрѣзанъ отъ Барклая, но искуснымъ и быстрымъ движеніемъ на Ошмяны успѣлъ снова съ нимъ соединиться. Въ Смоленскѣ, 5 Августа, защищая городъ, съ геройскою твердостью отразилъ всѣ атаки непріятеля, послѣ чего въ полномъ порядкѣ соединился съ главною арміею. Подъ Бородинымъ онъ командовалъ сначала центромъ, а послѣ раны Багратіона—лѣвымъ крыломъ, всюду руководя боемъ и являясь въ мѣстахъ наиболѣе опасныхъ. На Совѣтѣ въ Филяхъ Дохтуровъ, вмѣстѣ съ Беннигсеномъ, стоялъ за защиту Москвы. Узнавъ отъ партизана Сеславина, что Наполеонъ выступилъ изъ Москвы, и разгадавъ намѣреніе французовъ прорваться въ наши хлѣбородныя губерніи, Кутузовъ поручилъ Дохтурову спѣшить къ Малоярославцу. Кровопрлитное сраженіе это, въ которомъ городъ пять разъ переходилъ изъ рукъ въ руки, представляетъ величайшій подвигъ Дохтурова, который въ теченіе 36 часовъ выдерживалъ напоръ непріятеля и заставилъ Наполеона вернуться на разоренную Смоленскую дорогу—событіе, имѣвшее рѣшающее вліяніе на исходъ войны. Наградою за этотъ подвигъ былъ орд. св. Георгія 2-го класса. Въ концѣ кампаніи Дохтуровъ съ своимъ корпусомъ занялъ герцогство Варшавское и находился въ Варшавѣ до конца Іюля 1813 г., послѣ чего поступилъ въ составъ арміи Беннигсена, участвовалъ въ Дрезденской битвѣ, при блокадѣ Магдебурга и по занятіи Гамбурга отправился для лѣченія ранъ на Богемскія минеральныя воды. Находясь въ Вѣнѣ во время конгресса, Дохтуровъ былъ осыпанъ милостями Государя, который въ присутствіи союзныхъ монарховъ всегда оказывалъ ему особенное уваженіе. Въ послѣдній разъ передъ войсками Дохтуровъ явился на смотру при Вертѣ, послѣ чего по окончаніи войны вышелъ въ отставку. Поселившись въ Москвѣ, здѣсь скончался 14 Ноября 1816 г.; похороненъ въ Давыдовской пустыни, Серпуховскаго уѣзда, Московской губерніи.

Незадолго до кончины Дохтуровъ получилъ драгоценный даръ, въ которомъ выразились любовь и уваженіе его бывшихъ сослуживцевъ, богатую табакерку съ изображеніемъ битвы при Малоярославцѣ, при письмѣ генерала Капцевича отъ имени всего его корпуса.

Дохтуровъ былъ женатъ на племянницѣ князя П. А. Вяземскаго, княжнѣ Маріи Петровнѣ Оболенской (р. 1771 г., † 1852 г.), отъ которой имѣлъ двухъ сыновей: Петра (женатъ на А. А. Столыпной) и Сергья (на графинѣ Э. И. Цеге-фонъ-Мантейфель), и двухъ дочерей: Екатерину и Варвару.

Дохтуровъ былъ небольшого роста, тучный, слабого здоровья, но „въ слабомъ и маломъ тѣлѣ была душа, недоступная слабостямъ“. Очень скромный, онъ не являлъ въ бою блестящей храбрости, но поражалъ своимъ спокойствіемъ и хладнокровіемъ въ пылу битвы. Вѣрующій христіанинъ и убѣжденный фаталистъ, онъ увѣрялъ, что „на каждомъ ядрѣ, на каждой пулѣ написано, кому они предназначены—они виноватаго найдутъ“. Подчиненные любили его и были ему безпредѣльно преданы, а онъ любилъ Россію и все русское—„самые недостатки русскаго народа казались ему выше достоинствъ иностранцевъ“. Благотворительность его и щедрость, благодаря большой сердечной добротѣ, были „безпредѣльны“.

(Съ портрета Г. Дау; Галерея 1812 года въ Зимнемъ Дворцѣ.)

Баронъ **ФЕРДИНАНДЪ ФЕДОРОВИЧЪ ВИНЦИНГЕРОДЕ**, 1770—1818, 2-й сынъ адъютанта герцога Фердинанда Брауншвейгскаго Вильгельма-Эрнста Винцингероде-Омфельда отъ брака съ Элеонорой, рожденной Винцингероде-Адельборнъ, родился 15 Февраля 1770 г. въ Аллендорфѣ. Военную службу началъ въ гессенскихъ войскахъ, затѣмъ въ австрійскихъ; въ началѣ царствованія Павла I (1797 г.) поступилъ на русскую службу и былъ принятъ въ Кирасирскій полкъ Военнаго ордена съ чиномъ майора. Въ 1798 г. произведенъ въ подполковники Измайловскаго полка, съ назначеніемъ адъютантомъ къ Великому Князю Константину Павловичу, съ которымъ принималъ участіе въ Итальянской кампаніи 1799 г., подъ начальствомъ Суворова. Изъ полковниковъ, 12 Апрѣля 1802 г., Александръ I пожаловалъ его въ генераль-адъютанты; затѣмъ онъ участвовалъ въ кампаніи 1805 г. и заслужилъ Георгія 3-й ст., а 3 Января 1807 г. вышелъ въ отставку; въ 1809 г. онъ сражался въ рядахъ австрійской арміи и подъ Асперномъ тяжело раненъ въ ногу; за это сраженіе награжденъ чиномъ австрійскаго фельдмаршала-лейтенанта. Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій въ Отечественную войну, Винцингероде посѣдѣлъ въ Россію, гдѣ сначала находился при Главной квартирѣ, а послѣ соединенія армій подъ Смоленскомъ получилъ отдѣльный отрядъ, предназначенный для прикрытія Петербургской дороги. За успѣшное исполненіе возложенной на него задачи произведенъ въ генераль-лейтенанты, а послѣ занятія Москвы находился на Тверской дорогѣ, по которой, по мѣрѣ приближенія французской арміи, отступалъ до Клина, откуда съ прежнимъ успѣхомъ посылалъ партизанскіе отряды на Ярославскую, Дмитровскую и Ружскую дороги. По оставленіи Наполеономъ столицы, Винцингероде снова направился къ Москвѣ и 10 Октября 1812 года прибылъ къ Тверской заставѣ съ небольшимъ авангардомъ, гдѣ встрѣченъ былъ генераль-майоромъ Иловайскимъ, предупредившимъ его объ опасности вступать въ городъ, такъ какъ арріергардъ французской арміи еще находится въ столицѣ. Желая предупредить намѣреніе Мортье, получившаго приказаніе взорвать Кремль, Винцингероде, взявъ съ собою адъютанта Л. А. Нарышкина и казака, которому велѣлъ навязать бѣлый платокъ на пикку, направился въ городъ, но здѣсь былъ захваченъ французами въ плѣнъ и представленъ Наполеону. Послѣдній, въ порывѣ гнѣва, сначала хотѣлъ его разстрѣлять, какъ своего „подданнаго“ и измѣнника, но затѣмъ отмѣнилъ это распоряженіе и приказалъ, вмѣстѣ съ Нарышкинымъ, отправить его во Францію. По дорогѣ, между Тихочинымъ и Минскомъ, онъ былъ отбитъ казаками (подъ начальствомъ урядника Дудкина). Въ концѣ кампаніи 1812 г. Винцингероде поручено преслѣдованіе остатковъ французской арміи, отступавшей черезъ Великое герцогство Варшавское, и 1 Февраля 1813 г., нагнавъ съ небольшимъ отрядомъ остатки Саксонскаго корпуса Ренье, онъ разбилъ его на-голову подъ Калишемъ, захвативъ въ плѣнъ генерала Ностица, 50 офицеровъ и множество нижнихъ чиновъ; за это Винцингероде былъ награжденъ Георгіемъ 2-й степени. Затѣмъ онъ принималъ участіе во всѣхъ важнѣйшихъ сраженіяхъ 1813 и 1814 гг. вплоть до взятія Парижа союзными войсками. Вернувшись, по окончаніи военныхъ дѣйствій, въ Россію, Винцингероде командовалъ сначала на Волыни 2-мъ пѣх. корпусомъ, затѣмъ Литовскимъ корпусомъ. Въ Маѣ 1818 г. онъ уѣхалъ въ Германію для лѣченія и 18 Юня умеръ отъ удара въ Висбаденѣ.

По отзывамъ современника и боевого его спутника въ кампаніяхъ 1812—1814 гг., декабриста князя Волконскаго, Винцингероде былъ не только храбрый и способный боевой генераль, но и человекъ высокихъ нравственныхъ качествъ и примѣрной честности; онъ пользовался вполне заслуженнымъ расположеніемъ и уваженіемъ Императора Александра, особенно довѣрившаго его военнымъ способностямъ и познаніямъ. Впрочемъ, при сужденіи о Винцингероде надо принять во вниманіе и отзывы о немъ извѣстнаго Дениса Давыдова.

Винцингероде былъ женатъ съ 19 Сентября 1801 г. на графинѣ Еленѣ Андреевнѣ Ростворовской, изъ Галиціи, отъ которой имѣлъ сына Фердинанда-Филиппа-Федора (р. въ Прагѣ 23 Юня 1809 г.) и четырехъ дочерей: Марію (р. 19 Марта 1803 г.), Елену (р. 24 Февраля 1807 г.), Корделию (р. 1812 г.) и Луизу (р. 19 Ноября 1817 г.).

(Съ портрета Г. Дау; Галлерей 1812 года Зимняго дворца.)

196

Пис. Г. Даву

Дмитрій Сергѣевичъ *Dmitri Serguïewitch*
 Доктуровъ, *Dokhtourowf,*
 1756 — 1816 1756 — 1816

Peint par G. Dawe

197

Пис. Г. Даву

Баронъ Фердинандъ Федоровичъ *Le Baron Ferdinand Féodorowitch*
 Винцингероде, *Wintzingerode,*
 1770 — 1818 1770 — 1818

Peint par G. Dawe

Князь МИХАИЛЪ ДМИТРИЕВИЧЪ ЦИЦАНОВЪ, 1765—1841, младшій братъ знаменитаго князя Павла Дмитриевича, началъ службу въ Преображенскомъ полку капитанармусомъ въ 1787 г., чрезъ 3 года, 1 Января 1790 г., былъ произведенъ въ прапорщики, въ 1792 г. — въ поручики; затѣмъ, 1 Января 1795 г. перешелъ въ армию въ Софійскій полкъ премьеръ-майоромъ, а 8 Апрѣля 1798 г. произведенъ въ полковники. Въ Августъ того же года переведенъ въ Кирасирскій полкъ генерала Неплюева и въ слѣдующемъ году, 12 Ноября 1799 г., отставленъ отъ службы.

Съ вступленіемъ на престолъ Императора Александра I, князь Цицановъ вновь поступилъ на службу, но уже по гражданскому вѣдомству, въ Кремлевскую Экспедицію, съ чиномъ статскаго совѣтника. Въ 1806 г. онъ назначенъ присутствующимъ въ Оружейной палатѣ и 3 Марта 1808 г. произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Въ 1812 г. Цицановъ былъ причисленъ къ Герольдіи, а въ слѣдующемъ году назначенъ директоромъ Комиссіи для строеній въ Москвѣ; въ 1814 г. перешелъ опять на службу въ Экспедицію Кремлевскую и Оружейную палату. 30 Августа 1816 г., произведенный въ тайные совѣтники, назначенъ сенаторомъ Московскихъ департаментовъ.

Въ 1828 г., 16 Ноября, князь Цицановъ уволенъ отъ службы и умеръ, почти 80-и лѣтъ отъ роду, 16 Марта 1841 года; погребенъ въ селѣ Всесвятскомъ, близъ Москвы.

(Съ акварельнаго портрета Пеллегрини; собственность княгини А. М. Козловской, въ Москвѣ.)

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ АРСЕНЬЕВЪ, 1777—1807, сынъ Московскаго предводителя дворянства Василя Дмитріевича отъ брака съ Евдокіей Александровной Соймоновой, 1 Января 1796 г. былъ произведенъ въ Преображенскомъ полку въ прапорщики, 25 Декабря 1799 г. — въ капитаны, а въ 1801 г. командовалъ батальономъ въ Преображенскомъ полку. Здѣсь онъ сблизился съ графомъ М. С. Воронцовымъ и С. Н. Маринимъ: неразрывная дружба соединила всѣхъ троихъ „костуевъ“ (какъ они себя называли) до самой кончины Арсеньева. Когда они были вмѣстѣ, они жили на одной квартирѣ, были своими людьми въ домѣ тетки Воронцова, М. А. Нарышкиной, когда были врозь — вели между собой оживленную переписку. Съ Кавказа Воронцовъ писалъ Арсеньеву: „N'en dites pas un mot ni à ma tante, ni à ma cousine, ni à personne, excerpté Маринь“, отъ котораго не было секретовъ. Человѣкъ крайне добрый и мягкій, съ далеко не твердымъ характеромъ, „милый полковникъ“ часто и легко увлекался. Въ 1804 г. неудачное увлеченіе княгиней Е. А. Суворовой заставило Арсеньева отправиться на Ионическіе острова въ отрядѣ Анрепа, оттуда въ 1805 г. въ Италію. Воронцовъ писалъ ему туда: „Не могу описать тебѣ, сколько я огорченъ твоимъ состояніемъ и тѣмъ больше, что недостойная виновница онаго есть мнѣ двоюродная сестра, которую я всегда любилъ, какъ душу. Слава Богу, по послѣднимъ твоимъ письмамъ мы можемъ надѣяться, что ты совершенно превозмогъ страсть, которая тебя терзала. Клянусь тебѣ, хоть мнѣ и больно въ этомъ признаваться, что предметъ оной совершенно не заслуживаетъ, чтобъ ты ею занимался; презирай ее, она того заслуживаетъ, но не обнаруживай ея пороковъ. Маринькѣ также не вѣрь: она добрая дѣвка, но съ сестрицей одна душа“.... Воронцовъ очень скучалъ объ Арсеньевѣ: „Маринь мнѣ свидѣтель, что нѣтъ дня, въ которомъ мы о тебѣ бы не говорили и не рассчитывали, когда съ тобой можемъ увидѣться и жить попрежнему“... „Привычка раздѣлять всѣ удовольствія съ тобой до того въ меня вкоренилась, что безъ тебя совершеннаго удовольствія въ Петербургѣ вкушать не буду: въ театрѣ ли я, ищу тебя.... Знаешь ли ты, что я Марина еще больше полюбилъ, какъ увидѣлъ, какъ онъ къ тебѣ привязанъ! Ты въ немъ имѣешь истиннаго друга. Люби меня такъ, какъ я тебя люблю: больше не желаю и желать не могу“. По возвращеніи въ Петербургъ, Арсеньева постигло новое увлеченіе, имѣвшее для него трагическую развязку. Онъ влюбился и сдѣлалъ предложеніе «рейлинѣ Маріи Карловнѣ Рённе (р. 1783 г.), которое было принято. „Эта помолвка“, пишетъ князь Волконскій, „получила полную огласку“. Спустя нѣсколько времени, невѣсть Арсеньева сдѣлалъ предложеніе графѣ Иринеѣ Хрептовичъ, и „мать, прельщенная богатствомъ графа, уговорила дочь отказать“ первому жениху. Послѣдній „не вынесъ этой обиды и вызвалъ на поединокъ графа Хрептовича“. На дуэли Арсеньевъ былъ убитъ 5 Декабря 1807 года. „Весь Петербургъ вполне оправдывалъ Арсеньева и принималъ въ постигшей его смерти радушно участіе; его похороны почтила молодежь Петербургская своимъ присутствіемъ“. Осуждаемый всѣми, Хрептовичъ уѣхалъ изъ Петербурга въ имѣніе, и тамъ въ 1808 г. Рённе вышла за него замужъ. Арсеньевъ похороненъ на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры; С. Н. Маринь посвятилъ ему слѣдующее двустипіе:

„Ты душу грѣшную, о Боже, ублажи
„И горести ея за гробъ не продолжи!“

Передъ дуэлью Арсеньевъ оставилъ записку, въ которой дѣлалъ распоряженія о своихъ долгахъ, завѣщалъ дать на батальонъ 500 р., отпускалъ на волю своихъ слугъ, а вещи просилъ раздать друзьямъ, какъ „памятники“ отъ него, секундантовъ просилъ взять его кольца. Передавая „суду свѣта“ доведшихъ его до этого положенія „скаредовъ“, онъ заканчиваетъ такъ свою записку: „Братъевъ поручаю покровительству моихъ друзей; прошу вникнуть въ мои обстоятельства, посудить меня и пожалѣть, буде найденъ виновнымъ. Любилъ друзей, родныхъ, былъ преданъ Государю Александру и чести, которая была для меня во всю мою жизнь единственнымъ закономъ. Имѣлъ почти всѣ пороки, вредные ни для кого иного, какъ для самого меня“. 7 Декабря генераль-инспекторъ кавалеріи, Цесаревичъ, рапортовалъ Государю, что гр. Воронцовъ и гр. Де-Бальмень донесли, что они были 5 Декабря, вмѣстѣ съ Арсеньевымъ, на охотѣ по Петергофской дорогѣ, близъ Чернышевой дачи, и „разойдись въ лѣсу, услышали выстрѣлъ, на который сошедшись, нашли полковника Арсеньева мертвымъ“, и „что случилось это по неосторожности Арсеньева, который, какъ видно, желая перейти ровъ, оперся на ружье свое и онымъ печально застрѣлся“.

(Съ портрета, принадлежащаго княгинѣ А. М. Козловской, въ Москвѣ.)

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ ЛОНГИНОВЪ, 1779—1853, дѣйствительный тайный совѣтникъ, сенаторъ, членъ Государственнаго Совѣта, статсъ-секретарь, предсѣдатель Комитета призрѣнія заслуженныхъ чиновниковъ, сынъ сельскаго священника Харьковской губ., благодаря личнымъ своимъ качествамъ и способностямъ, достигъ высокаго служебнаго положенія. Началъ службу въ причтѣ посольской церкви въ Лондонѣ, а затѣмъ перешелъ въ гражданскую службу и состоялъ сначала при посольствѣ въ Лондонѣ же, а потомъ въ вѣдомствѣ министерства финансовъ. Возвышенію его содѣйствовало то, что на него, благодаря его способностямъ, обратили вниманіе посоль графъ С. Р. Воронцовъ и ѣздившій съ дипломатическимъ порученіемъ въ Англію графъ П. А. Строгановъ. Черезъ послѣдняго Лонгиновъ получилъ въ 1812 г. мѣсто секретаря при Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Онъ былъ тайнымъ помощникомъ во всѣхъ добрыхъ дѣлахъ Государыни. Въ царствованіе Николая I онъ былъ сначала статсъ-секретаремъ у принятія прошеній, а потомъ управляющимъ Собственной Ея Императорскаго Величества канцеляріей и завѣдывалъ всѣми благотворительными и учебными заведеніями, состоявшими подъ непосредственнымъ покровительствомъ Императрицы Александры Ѳеодоровны (Патріотическій институтъ, Елизаветинскія училища, дома трудолюбія и пр.). По объединеніи управленія этихъ заведеній съ учрежденіями Императрицы Маріи въ 1845 г., Лонгиновъ былъ назначенъ членомъ Главнаго Совѣта женскихъ учебныхъ заведеній и совѣта Патріотическаго института, но продолжалъ попрежнему завѣдывать вышеупомянутыми заведеніями.

Скончался Н. М. Лонгиновъ 21 Декабря 1853 г. и погребенъ въ с. Архангельскомъ, Тульской губерніи; былъ женатъ на Маріи Александровнѣ Крюковой и имѣлъ 3 сыновей, изъ которыхъ Михаилъ былъ извѣстный библіографъ и историкъ, занимавшій должность начальника главнаго управленія по дѣламъ печати.

Отличаясь высокими качествами ума и сердца, Н. М. Лонгиновъ оставилъ по себѣ отличную память въ тѣхъ учрежденіяхъ, во главѣ которыхъ онъ долго стоялъ.

(Съ акварельнаго портрета Беннера 1813 г.; собственность княгини А. М. Козловской, въ Москвѣ.)

199

198

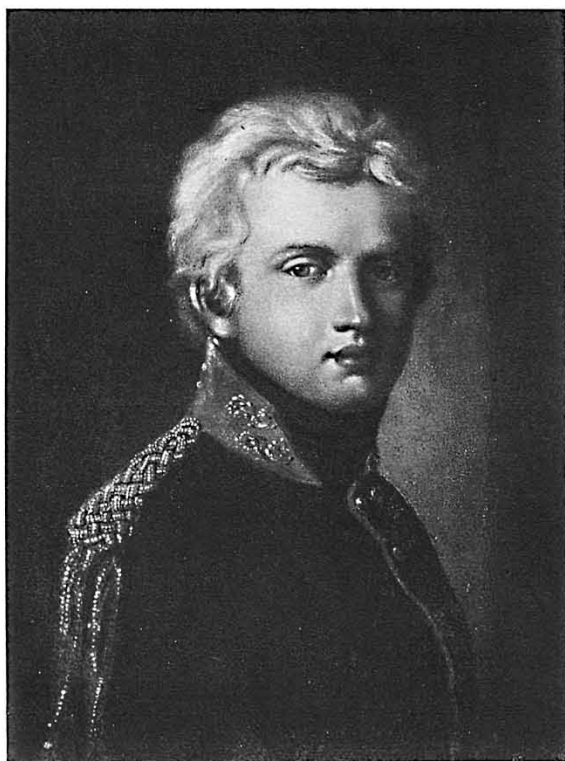

Князь Павелъ Дмитріевичъ *Le Prince Paul Dmitriewitch*
Циціановъ, *Tzitzianoff,*
1754 — 1806 1754 — 1806

Пис. Пеллегрини *Peint par Pellegrini*
Князь Михаилъ Дмитріевичъ *Le Prince Michel Dmitriewitch*
Циціановъ, *Tzitzianoff,*
1765 — 1841 1765 — 1841

200

Дмитрій Васильевичъ *Dmitri Vassiliewitch*
Арсеньевъ, *Arsenieff,*
1777 — 1807 1777 — 1807

201

Пис. Беннеръ, 1813 — *Peint par Benner, 1813*
Николай Михайловичъ *Nicolas Mikhaïlowitch*
Лонгиновъ, *Longuinoff,*
1773 — 1853 1773 — 1853

Графиня АННА КАРЛОВНА ВОРОНЦОВА, 1722—1775, дочь старшаго брата Екатерины I, Карла Самойловича Скавронскаго, возведеннаго въ 1727 г. въ графское достоинство, родилась 7 Декабря 1722 года. Кто была ея мать—неизвѣстно, знаютъ только, что ее звали Марьей Ивановной. Цесаревна Елисавета Петровна особенно полюбила Анну Карловну, еще дѣвочкой взяла ее къ своему двору и назначила гофъ-фрейлиною, а по восшествіи своемъ на престоль пожаловала въ статсъ-фрейлины. Затѣмъ Императрица выдала ее за Михаила Иларіоновича Воронцова. Свадьба была отпразднована при дворѣ съ большою пышностью 31 Января 1742 г., сама Государыня, въ предшествіи трубачей и литавръ, проводила новобрачныхъ въ ихъ домъ и осталась на ужинѣ и на балу. 25 Апрѣля того же года Воронцова была пожалована въ статсъ-дамы, а 29 Іюня 1760 г. возведена въ званіе оберъ-гофмейстерины. Получивъ отъ Петра III, 9 Февраля 1762 г., орденъ св. Екатерины большого креста, графиня Воронцова не носила портрета Императрицы, а только, подобно ландграфинѣ А. И. Гессенъ-Гомбургской, Екатерининскую ленту. Императрица Елисавета постоянно отличала Анну Карловну и подчеркивала свое родство съ ней; во время заграничнаго путешествія Воронцовыхъ въ 1746 г. послѣдовало даже распоряженіе, чтобы ни жена русскаго посланника въ Берлинѣ, ни графиня Воронцова не цѣловали руки у принцессы Цербстской, матери Великой Княгини Екатерины Алексѣевны. Анна Карловна постоянно находилась въ обществѣ Императрицы, а Елисавета часто бывала запросто у нея въ домѣ, гдѣ встрѣчалась со всѣми иностранными резидентами при Русскомъ дворѣ, ухаживавшими за женой великаго канцлера и считавшимися съ ея вліяніемъ въ иностранной политикѣ. Въ короткое царствованіе Петра III, Воронцовы принадлежали всецѣло къ партіи Императора и находились въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ его 28 Іюня 1762 г. въ его бѣгствѣ на галерѣ изъ Ораніенбаума въ Кронштадтъ. Говорили, что по воцареніи Екатерины графиня Анна Карловна вернула Императрицѣ свой кавалерственный орденъ, но получила его обратно. На коронаціи Екатерины, Воронцова, согласно церемоніалу, оправляла на Государынѣ порфиру и Андреевскую ленту. Овдовѣвъ въ 1767 г., графиня Воронцова не играла видной роли при дворѣ, хотя Цесаревичъ Павелъ Петровичъ называлъ ее тетужкой. Жила она въ своемъ великолѣпномъ домѣ, въ кварталѣ Литейнаго двора, гдѣ и умерла на 53 году жизни, 31 Декабря 1775 г.; погребена на Лазаревомъ кладбищѣ Невской лавры.

По свидѣтельству Гельбига, графиня Воронцова была прелестная женщина, но любила выпить. Большая мотовка, модница и щеголиха, благодаря положенію мужа, постоянно водившая знакомство съ чужестранными министрами въ Петербургѣ и, какъ она выражалась, „съ цѣлымъ магазиномъ посланницъ“, она знала многіе дипломатическіе секреты и не чужда была политики. Екатерина II въ своихъ „Запискахъ“ говоритъ, что Саксонскій резидентъ въ С.-Петербургѣ, Прассъ, „къ удивленію, имѣлъ свѣдѣнія о многихъ предметахъ, о которыхъ, повидимому, ему вовсе неоткуда было узнать. Источникъ этихъ свѣдѣній открылся много лѣтъ спустя: Прассъ былъ тайнымъ и весьма скромнымъ любовникомъ жены великаго канцлера графини А. К. Скавронской, которая видѣлась съ нимъ у пріятельницы своей, Самариной, жены церемоніймейстера“. Имѣя лишь одну дочь, графиню Анну Михайловну (р. 1743 г., † 1769 г.; вторая ея дочь, Елисавета, р. въ 1757 г. и умерла въ дѣтствѣ), графиня Воронцова была сильно къ ней привязана; несчастное супружество дочери съ графомъ А. С. Строгановымъ, окончившееся разводомъ, и ранняя ея смерть оставили ее „неутѣшною“. Какъ своихъ, любила Анна Карловна и дѣтей брата мужа, графа Романа Иларіоновича, рано оставшихся безъ матери; изъ нихъ младшая дочь, Екатерина, съ четырехлѣтняго возраста воспитывалась у нея въ домѣ. Эта послѣдняя, позднѣе извѣстная княгиня Дашкова, которую графиня Воронцова подъ конецъ „за безпутное ея поведеніе отекла отъ своего дому“, въ своихъ „Запискахъ“ немногими словами мѣтко охарактеризовала свою тетку: „Un orgueil naturel, amalgamé je ne sais comment avec une sensibilité et une tendresse de caractère excessives“.

(Съ миниатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михайловича.)

Княгиня ЕКАТЕРИНА РОМАНОВНА ДАШКОВА, 1743—1810, дочь графа Романа Иларионовича отъ брака съ Марѳой Ивановной Сурминой, родилась 17 Марта 1743 г. и была крестницей Императрицы Елисаветы и Великаго Князя Петра Феодоровича. Двухъ лѣтъ она лишилась матери и была взята на воспитаніе гр. М. И. Воронцовымъ. „Модное и вѣншее“ воспитаніе въ домъ дяди, вмѣстѣ съ его единственной дочерью, ограничивалось изученіемъ иностранныхъ языковъ и танцами. Но графиня Е. Воронцова, одаренная отъ природы умомъ и рѣдкими способностями, сумѣла пополнить недостатки образованія серьезнымъ чтеніемъ, и въ 15 лѣтъ за ней уже утвердилась лѣтвившая ей репутація ученой. Умѣя очаровывать блестящимъ остроуміемъ и особенной привѣтливостью, Воронцова была очень некрасива: маленькаго роста, съ быстрыми движеніями безъ всякой граціи, съ приплюснутымъ носомъ, толстыми щеками и испорченными зубами, она казалась много старше своихъ лѣтъ. Благодаря особенной экзальтированности, она была пристрастна въ своихъ сужденіяхъ и способна къ увлеченіямъ въ дружбѣ и враждѣ, а „не чуждые ея природѣ“, по ея собственному сознанію, „бурные инстинкты“ дѣлали ее невыносимымъ деспотомъ: она во всемъ хотѣла быть первой, и самая необузданная ревность тяжелымъ гнетомъ ложилась на ея близкихъ и друзей. Осенью 1758 г. Воронцова впервые встрѣтилась съ Екатериной, была ею очарована и привязалась къ ней, но уже въ Февраль 1759 г. вышла замужъ за князя М. И. Дашкова, уѣхала въ Москву и 2 года не видалась съ Великой Княгиней. Возвратясь въ Петербургъ, незадолго до кончины Елисаветы Петровны, Дашкова старалась узнать планы Екатерины, но послѣдняя „боялась ея 19-и лѣтъ и ея родства“; однако, Великая Княгиня продолжала ее ласкать—ей нужны были и ея преданность, и ея родство... Дашкова интриговала въ пользу Екатерины и суешила, заслоняя собой настоящихъ дѣятелей переворота, а когда переворотъ благополучно совершился, серьезно вѣрила, что Императрица ей обязана престоломъ, и потому ждала себя исключительной благодарности. Получивъ Екатерининскую ленту и 24/т. рублей и не занявъ перваго мѣста около Екатерины, Дашкова, оскорбленная, удалилась отъ двора, навлекая на себя неудовольствіе Императрицы „нескромной свободой языка“; не помогло и пожалованіе въ статсъ-дамы. 17 Августа 1764 г. Дашкова лишилась мужа и вскорѣ уѣхала надолго за границу, съ цѣлью воспитанія дѣтей. Тамъ она скорѣе могла найти удовлетвореніе своему тщеславію: Дидро и Вольтеръ льстили ей, принимая ее, какъ друга Императрицы и виновницу переворота; ученые восхваляли ея любовь къ просвѣщенію; самъ Фридрихъ Великій удостоилъ ее бесѣдой, хотя и говорилъ Сегюру, что въ событіяхъ 1762 г. она была „la mouche vaniteuse du coche“. За границей Дашкова сдѣлалась членомъ многихъ ученыхъ обществъ и академій; за ней утвердилась слава просвѣщеннѣйшей женщины своего времени, друга философовъ, и едва она вернулась въ Россію, какъ Екатерина, чувствительная къ тому, что говорилось на Западѣ, въ Ноябрь 1782 г. сдѣлала Дашкову директоромъ Академіи наукъ и художествъ. Дашкова расширила дѣятельность Академіи, и ей принадлежитъ честь учрежденія при ней особой „Россійской академіи“ для изученія „россійскаго слова“. Вступленіе на престоль Императора Павла повлекло за собой отрѣшеніе Дашковой отъ всѣхъ должностей и ссылку въ деревню, откуда она возвратилась только съ воцареніемъ Александра I. При дворѣ она поражала своей эксцентричностью, старинными костюмами и манерами, и здѣсь сумѣла своей извѣстной скарденностью, склонностью къ тяжбамъ и кляузамъ, заслужить всеобщее нерасположеніе. Она умерла 4 Января 1810 г. и похоронена въ церкви села Троицкаго, Тарусскаго уѣзда.

Княгиня Дашкова оставила интересныя „Записки“ о своей жизни, далеко не безпристрастныя; въ настоящее время они цѣлкомъ напечатаны въ Россіи въ нѣсколькихъ изданіяхъ. Прилагаемая миниатюра, чрезвычайно типичная, идетъ изъ среды потомства Дашковой; на оборотѣ ея сохранились свѣтло-русые волосы княгини.

(Съ миниатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михайловича.)

Князь КОДРАТЪ ИВАНОВИЧЪ ДАШКОВЪ, 1736—1764, „пменовавшійся въ жизни МИХАЙЛОМЪ“, сынъ князя Ивана Андреевича отъ брака съ Анастасіей Михайловной Леонтьевой, племянницей царицы Наталіи Кирилловны Нарышкиной, родился 3 Марта 1736 г. и былъ пожалованъ съ младенчества сержантомъ гвардіи. Князь Дашковъ, единственный представитель древняго княжескаго рода — Рюриковичей и наследникъ большого состоянія, служилъ сначала въ Преображенскомъ, затѣмъ въ Лейбъ-Кирасирскомъ полку; мягкій по характеру, веселый щеголь, онъ пользовался успѣхомъ при дворѣ и въ обществѣ. Въ Февралѣ 1759 г. онъ вступилъ въ бракъ съ близкой къ Великой Княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ особой, графиней Екатериной Романовной Воронцовой, которая въ своихъ „Запискахъ“, въ настоящее время въ полномъ видѣ опубликованныхъ въ Россіи, подробно рассказываетъ о своей первой случайной встрѣчѣ съ молодымъ княземъ-женихомъ, о своей любви и счастливыхъ годахъ своей супружеской жизни. Руководимый энергической и пылкой супругой, князь Дашковъ сдѣлался горячимъ приверженцемъ Великой Княгини и, по вступленіи Петра III на престолъ, первый предложилъ ей совершить военный переворотъ въ ея пользу. При дальнѣйшемъ теченіи событій личность князя была заслонена личностью его честолюбивой супруги, самонадѣянно приписывавшей себѣ всю честь переворота 28 Іюня 1762 года.

Въ день коронаціи Екатерины II, 22 Сентября 1762 г., князь Дашковъ пожалованъ былъ въ камеръ-юнкеры, а 18 Ноября того же года назначенъ членомъ Комиссіи о строеніи Петербурга, затѣмъ ѣздилъ посломъ въ Константинополь. Въ 1763 г. князь Дашковъ, въ чинѣ вице-полковника Лейбъ-Кирасирскаго полка, посланъ былъ съ особымъ отрядомъ въ Польшу для содѣйствія избранію въ короли Станислава Понятовскаго, и 17 Августа 1764 г. умеръ тамъ въ мѣстечкѣ Пулавахъ.

Отъ брака съ графиней Екатериной Романовной Воронцовой у князя Дашкова была дочь Анастасія (р. 1760 г., † 1831 г.; въ замужествѣ Щербинина) и двое сыновей: Михаилъ (р. 1761 г., † 1762 г.) и Павелъ (р. 1763 г., † 1807 г.), отставленный отъ службы Императоромъ Павломъ въ чинѣ генераль-лейтенанта, былъ затѣмъ Московскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства.

Князь Дашковъ похороненъ 11 Января 1765 г. въ соборѣ Новоспасскаго монастыря, въ Москвѣ, и въ длинной надгробной надписи сказано: „посланъ былъ въ 1763 г. въ Польшу главнокомандующимъ надъ вспомогательнымъ россійскимъ корпусомъ, гдѣ противныя польскія войска подъ предводительствомъ великаго гетмана короннаго Браницкаго и магната князя Радзивилла прогонялъ многократно, побѣждалъ, изъ отечества ихъ выгналъ и тѣмъ утвердилъ избраніе короля Станислава-Августа изъ фамиліи Понятовскихъ. Возвратясь побѣдителемъ въ Варшаву, по 12-дневной болѣзни горячкою, умеръ въ мѣстечкѣ Пулавахъ 1764 г., августа въ 17-й день, на 28 году. Сынъ его, послѣдовавшій ему въ благочестіи и добродѣтеляхъ, желалъ почтить его симъ памятникомъ, но судьбами Всевышняго предоставлено сіе было дочери, съ благоговѣніемъ исполняющей долгъ сей. 1807“.

(Съ портрета, принадлежащаго графу И. И. Воронцову-Дашкову, въ С.-Петербургѣ.)

Графъ МИХАИЛЪ ИЛАРИОНОВИЧЪ ВОРОНЦОВЪ, 1714—1767, сынъ стольника, впоследствии тайнаго совѣтника Иларіона Гавриловича отъ брака съ Анной Григорьевной Масловой, родился 12 Іюля 1714 г.; 14-и лѣтъ опредѣленъ пажомъ Цесаревны Елисаветы Петровны, потомъ былъ ея камеръ-юнкеромъ и однимъ изъ приближеннѣйшихъ къ ней лицъ. Въ 1741 г. принималъ горячее участіе въ возведеніи Елисаветы Петровны на престолъ, за что пожалованъ былъ въ камергеры, генераль-поручики и лейбъ-компаніи поручики, а въ день коронованія получилъ Александровскую звѣзду. Въ 1744 г. Воронцовъ возведенъ въ графское Священной Римской имперіи достоинство и назначенъ вице-канцлеромъ, съ чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника. Канцлеръ графъ Бестужевъ-Рюминъ самъ выбралъ его себѣ въ помощники, но оказалось, что взгляды ихъ на политику Россіи не совпадали, и, хотя наружно они оставались въ хорошихъ отношеніяхъ, между ними шла тайная борьба. Отличаясь миролюбіемъ, Воронцовъ былъ противникомъ активнаго вмѣшательства Россіи въ распри Европейскихъ государствъ. Впрочемъ, вліяніе его на дѣла не было значительно; въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ былъ даже въ немилости: ему повредили сношенія съ Фридрихомъ II и дружба съ Лестокомъ. Въ 1752 г. Императрица опять стала милостива къ Воронцову, пожаловала ему Андреевскую ленту, а въ 1758 г., послѣ паденія Бестужева-Рюмина, назначила его канцлеромъ. Время самостоятельнаго завѣдыванія имъ иностранной политикой Россіи совпало съ войной съ Пруссіей, къ которой Воронцовъ (можетъ-быть, въ угоду Наслѣднику) питалъ расположеніе, но зато, благодаря этой войнѣ, былъ заключенъ союзъ съ Франціей, сторонникомъ котораго онъ былъ. Въ царствованіе Петра III Воронцовъ, по выраженію Соловьева, „со степени канцлера снизошелъ на степень правителя канцеляріи Иностранныхъ дѣлъ, заготовляющаго бумаги по требованіямъ, объявленнымъ ему Гольцемъ или принцемъ Голштинскимъ“. Во время переворота 28 Іюня 1762 г. Воронцовъ находился при Императорѣ и вызвался поѣхать въ Петербургъ, чтобы „усовѣстить“ Императрицу, но оттуда написалъ Петру III письмо, въ которомъ сообщалъ о своей неудачѣ и объявлялъ, что, исполнивъ свой долгъ по отношенію къ Государю, подчинился народной волѣ и присягнулъ Екатеринѣ II. Воронцовъ еще въ теченіе 3 лѣтъ оставался номинально канцлеромъ, но нерасположеніе къ нему Екатерины II и недуги не давали ему возможности вліять на дѣла. Въ 1765 г. онъ былъ уволенъ отъ службы и поселился въ Москвѣ, гдѣ и скончался 15 Февраля 1767 года; погребенъ въ бывшемъ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ, на Воздвиженкѣ.

Современники оставили довольно противорѣчивые отзывы о Воронцовѣ: въ то время какъ одни считали его человекомъ бездарнымъ и ограниченнымъ, другіе находили у него много здраваго смысла, необходимаго для государственнаго дѣятеля. Почти всѣ отзываются о немъ, какъ о человекѣ вполне честномъ, но въ то же время извѣстно, что онъ получалъ деньги отъ иностранныхъ дворовъ: „Гипокритъ, какихъ не бывало“, сказала о немъ Екатерина, „вотъ кто продавался первому покупщику; не было двора, который бы не сохранилъ его на жалованіи“. Воронцовъ былъ очень нерѣшителенъ и робокъ, что мѣшало ему придавать своему голосу необходимый вѣсъ. Въ сношеніяхъ съ представителями иностранныхъ державъ онъ избѣгалъ рѣшительныхъ отвѣтовъ и, скрывая истинныя намѣренія своего правительства, старался всѣмъ подать надежду, что ихъ желанія будутъ исполнены. Въ частной жизни Воронцовъ былъ человекъ трезвый, воздержный, привѣтливый со всѣми безъ различія общественнаго положенія. Несмотря на щедрость Императрицы Елисаветы, пожаловавшей ему деревни и заводы, онъ постоянно нуждался въ деньгахъ, вѣчно просилъ субсидій или объ уплатѣ долговъ, писалъ слезныя прошенія и выпрашивалъ все, что было возможно, въ то же время, чтобы увеличить свои доходы, пускался въ торговые предпріятія.

Графъ М. И. Воронцовъ съ 1742 г. былъ женатъ на двоюродной сестрѣ Императрицы, графинѣ А. К. Скавронской, отъ которой имѣлъ единственную дочь, Анну, доставившую ему много печали своимъ несчастнымъ бракомъ съ графомъ А. С. Строгановымъ.

(Съ портрета, поступившаго въ 1784 г. отъ Н. Н. Бантышъ-Каменскаго; Московскій Архивъ
Министерства Иностранныхъ дѣлъ.)

202

Графиня Анна Карловна Воронцова, 1722 — 1775

La Comtesse Anne Karlovna Worontzoff, 1722 — 1775

203

Княгиня Екатерина Романовна Дашкова, 1743 — 1810

La Princesse Catherine Romanovna Dashkoff, 1743 — 1810

204

Князь Михаилъ Ивановичъ Дашковъ, 1736 — 1764

Le Prince Michel Ivanowitch Dashkoff, 1736 — 1764

205

Графъ Михаилъ Иларіоновичъ Воронцовъ, 1714 — 1767

Le Comte Michel Ilarionowitch Worontzoff, 1714 — 1767

